

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н.А. НЕКРАСОВ
И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ
СПРАВОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

*Исследование проведено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 07-04-00212а*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основной задачей данного справочного издания является систематизация накопленных к настоящему времени знаний об окружении крупнейшего отечественного литератора, видного издателя и общественного деятеля. Составители не ограничивались учетом ранее опубликованных и введенных в научный оборот материалов, но считали необходимым пополнять в ряде случаев сведения о личных связях Некрасова и лицах, составлявших круг его общения. Конкретные характеристики личных и творческих связей Некрасова начинают находить отражение в печати вскоре после его смерти: вначале в многочисленных мемуарных очерках, а затем в затрагивавших биографические аспекты позднейших литературоведческих исследованиях, посвященных поэту (В.Е. Евгеньева-Максимова, К.И. Чуковского, Б.Я. Бухштаба, А.М. Гаркави, Б.В. Мельгунова и ряда других ученых), в обобщающих комментариях (в том числе и аннотированных именных указателях) к четырем собраниям его сочинений,¹ своду воспоминаний о Некрасове,² двухтомному изданию его переписки,³ в «Литературном наследстве» (прежде всего трех

¹ Некрасов. Собр. соч. [В 5 т.] М.; Л., 1930. Т. V (Письма.); Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем [В 12 т.]. М., 1952—1953. Т. X—XI (Письма), XII (Материалы для биографии); Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 8 (Письма. Материалы для биографии); Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. СПб., 1997—2000. Т. XIII кн. 2 (Материалы редакционно-издательской и общественной деятельности. Открытые письма. Автобиографические записи. Семейно-имущественные документы и проч.), XIV (кн. 1—2), XV (кн. 1—2) (Письма).

² Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971.

³ Переписка Н.А. Некрасова: В 2-х т. М., 1987.

посвященных Некрасову томах),⁴ «Звеньях»⁵, специальных некрасововедческих серийных изданиях: «Некрасовский сборник»⁶, «О Некрасове»⁷, «Н. А. Некрасов и его время»⁸, «Карабиха»⁹, а также других (не серийных) тематических сборниках, посвященных Некрасову, материалах Некрасовских конференций, проходивших в Ленинграде (Санкт-Петербурге), Ярославле, Костроме, Карабихе, в ряде биографических и краеведческих исследований.

Однако, несмотря на наличие значительного количества публикаций материалов, содержащих сведения о лицах, с которыми (постоянно или эпизодически) общался Некрасов, не существует в то же время сводного описания круга его личных знакомств, несомненно представляющего существенный интерес как для биографов поэта, так и для историков литературы. Накопление же сведений по конкретной тематике настоятельно требует систематизации и обобщения.

Систематизированные сведения о лицах, составлявших круг общения того или иного выдающегося литератора, обычно интегрируются в состав так

⁴ Литературное наследство. М., 1949. Т. 49—50, 51—52, 53—54.

⁵ Звенья. М.; Л., 1934. [Т.] III—IV; М.; Л., 1935. [Т.] V; М., 1950. [Т.] VIII.

⁶ Некрасовский сборник. Пг., 1918; также: Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Пг., 1922; Некрасовский сборник М.; Л.; 1951, 1956, 1960. [Вып.] I—III; Л., 1967, 1973, 1978, 1980, 1983, 1988, 1998. [Вып.] IV—XII; СПб., 2001, 2008. [Вып.] XIII—XIV/

⁷ О Некрасове. Статьи и материалы. Ярославль, 1958, 1968, 1971, 1975. Вып. I—IV.

⁸ Н.А. Некрасов и его время. Калининград, 1975—1983. Вып. I—VII.

⁹ Карабиха. Историко-литературный сборник. Ярославль, 1991, 1993, 1997, 2002, 2006, 2009. Вып. I—VI.

называемых персональных энциклопедий. В такого рода энциклопедических изданиях справки об окружении оказываются в одном ряду со множеством статей самой разнообразной тематики — посвященных конкретным произведениям, особенностям художественного метода, образной системы, тематики творчества соответствующего автора, восприятию им литературной традиции, интерпретации и оценке его произведений критиками, характеристике его местопребываний и т. п. В качестве примеров такого рода персональных энциклопедий можно указать весьма значительные с научной точки зрения справочники, посвященные Данте ¹⁰, Вольтеру ¹¹, Гете ¹², Лермонтову ¹³, Шевченко ¹⁴. В качестве примера персонально ориентированного краеведческого справочника можно указать на начавшую выходить «Пушкинскую энциклопедию. Михайловское»¹⁵.

Следствием сосуществования в составе одного справочника разнообразных аспектов описания оказывается выборочность словника имен и естественное предпочтение более значимых. Специальный справочник, посвященный описанию окружения, позволяет выявить и охарактеризовать значительно большее количество лиц, сыгравших ту или иную роль в жизни «главного героя», представить биографические сведения о малоизвестных людях, упоминаемых лишь благодаря их отношениям с ним. В отечествен-

¹⁰ Enciclopedia Dantesca, diretta da U. Bosco, Roma 1970–78. Vol. 1-6.

¹¹ Dictionnaire Général de Voltaire, publié sous la direction de R. Tronsson et J. Verernysse. Paris, 2003.

¹² Goethe-Handbuch, hrsg. von A. Zastra. Bd. 1–4. Stuttgart. 1955—1961

¹³ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, 1999

¹⁴ Шевченківський словник: В двох томах. Київ, 1976—1977

¹⁵ Пушкинская энциклопедия. Михайловское: В 3 т. С. Михайловское, М., 2003. Т. 1.

ном литературоведении существуют два осуществленных капитальных справочника, посвященных окружению писателя. Это прежде всего академический — в отношении полноты сбора материалов и тщательности их анализа — труд Л. А. Черейского и В. Э. Вацура «Пушкин и его окружение»¹⁶, составители которого придерживались преимущественно «биографического принципа» при ограничении «до минимума» историко-литературных аспектов, причем важнейшей задачей ставились сбор и расширение сведений о «лицах, лишь мельком и случайно упоминаемых в биографии Пушкина». При этом в состав словаря включались и «гипотетические знакомства с Пушкиным», особо отмеченные в начале статей звездочкой. Таким образом, в работе над данным словарем было выявлено, по свидетельству Л.А. Черейского, около 2700 знакомых Пушкина.¹⁷ Другим значительным предприятием подобного рода (учитывавшим опыт Черейского и Вацура) явился «энциклопедический словарь» С.В. Белова «Ф.М. Достоевский и его окружение»¹⁸ (СПб.: «Алетейя», 2001). В отличие от своих предшественников-пушкинистов, признававших, что масса существенных сведений о жизни Пушкина остается нам неизвестной и речь может идти не столько о «подлинной картине окружения Пушкина», сколько о «картине состояния источников об этом окружении»,¹⁹ С.В. Белов декларировал в качестве своей главной задачи именно «создание подлинной картины окружения Достоевского», что, по его мнению, достигается увеличением объема статей, придание им «оценочного характера» и расширением объема библиографических справок. Таким образом, по словам

¹⁶ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Биографический словарь. Л., 1975, 1976; Изд. 2-е, доп. и перераб. Л., 1988.

¹⁷ См.: Там же. Л., 1988. С. 5, 7, 9.

¹⁸ Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: В 2 т. СПб.: «Алетейя», 2001.

¹⁹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 4.

составителя, «в основу словаря были положены и биографический, и историко-литературный принципы».²⁰ В 2007 г. был издан «Словарь литературного окружения Игора-Северянина», подготовленный Д.С. Прокофьевым,²¹ содержащий сведения обо всех литераторах, упоминаемых в текстах Игора-Северянина, то есть речь шла преимущественно об отражении тех или иных лиц в художественном сознании поэта (таким образом в словаре оказались статьи не только о литераторах — современниках Игора-Северянина, но, в частности, и о Державине, Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, Достоевском, Шекспире, Гюго, Ж. Санд, и, наконец, о самом поэте — постольку, поскольку он отразил свое «Я» в собственном творчестве; в то же время ближайшим его родственникам (в том числе и родителям) специальных статей не посвящалось.

В некрасоведении накоплено значительное количество сведений о знакомствах, творческих и деловых контактах выдающегося поэта, но специальное издание, посвященное окружению поэта, предпринимается впервые. Сложность задачи состоит в том, что, в отличие от Пушкина и Достоевского, журналистская, организационно-издательская и общественная деятельность (участие в работе Литературного фонда) Некрасова была более продолжительной и интенсивной, и обращение к кругу его знакомых-литераторов оказывается панорамой значительной части писательского сообщества (если слово «сообщество» может быть применено к литераторам весьма различных убеждений и творческих принципов, не говоря уже о степени творческой одаренности — таких, к примеру, как И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Д.И. Писарев, Ф.М. Решетников,

²⁰ Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Т. 1. С. 6—7.

²¹ Словарь литературного окружения Игора-Северянина (1905—1941). Био-библиографическое издание: В 2-х т. / Вступ. ст., составл., коммент. канд. филолог. наук Д.С. Прокофьева. Псков: 2007.

В.А. Слепцов, А.Н. Плещеев, В.П. Мещерский). Составители справочного труда, посвященного Некрасову, следуют преимущественно биографическому принципу отбора сведений, не отказываясь в отдельных случаях от характеристики творческих взаимоотношений Некрасова с тем или иным литератором и приводя в библиографической части соответствующей статьи-справки — наряду с указаниями источников сведений о личных отношениях Некрасова с тем или иным лицом — важнейшие работы, посвященные творческим взаимоотношениям.

Итак, в категорию *окружение* включаются современники Некрасова, связанные с ним родственными, литературными, деловыми (в том числе издательскими, цензурными, имущественными), корпоративными (Литературный фонд, клуб, охота) занятиями. В этот круг входят современники поэта, общавшиеся с ним: встречавшиеся с ним лично (многokrатно, эпизодически и даже однократно, если эта встреча оставила след в личной и творческой судьбе Некрасова или представляется существенной в культурном контексте), состоявшие с ним в переписке (в том числе и не дошедшей до нас). В общий перечень включаются представители различных сословий: высокопоставленные чиновники, духовенство, военные, предприниматели, купцы, крестьяне, егеря, с которыми охотился Некрасов, домашняя прислуга и т.д. — множество лиц, общение с которыми в конечном счете (в явной и неявной форме) находило отражение в творчестве поэта. При этом первостепенный интерес представляют те сведения, которые относятся к общению конкретного лица с Некрасовым, содержащиеся в документах (мемуарного и эпистолярного характера). Естественно, объем конкретной справки зависит от значимости того или иного лица в жизни Некрасова и количества документальных источников, существенных для характеристики личных отношений.

Источники формирования словника

Словник (заглавия статей) справочника представляет собой фамилии, имена и отчества лиц, относящихся (очевидно или с большой степенью достоверности) к окружению Некрасова. При формировании словника прежде всего обследовались все известные тексты самого Некрасова (прежде всего по 15-томному академическому изданию), при этом особую важность имеют его эпистолярные тексты (письма, записки) деловые документы, имеющие конкретного адресата (инструкции, доверенности, поручения, поручительства, долговые расписки и т.п.), автобиографические заметки. Учитывались все известные к настоящему времени письма и обращения к Некрасову. Существенные (хотя не всегда точные, достоверные и нуждающиеся в критической оценке) сведения содержатся в мемуаристике и переписке современников. Отмечались упоминания о присутствии того или иного лица на собраниях, в которых принимал участие Некрасов (таких как официальные торжественные обеды, редакционные обеды по случаю выхода очередного номера «Современника» или «Отечественных записок», заседания Комитета Литфонда и т. п.). Использовались также сведения, содержащиеся в специальной некрасововедческой литературе (книгах и статьях) и публикациях материалов по истории русского общества.

Структура справочной статьи

Основные группы сообщаемых в словаре сведений следующие:

1. Фамилия, имя, отчество: полностью, с указанием разночтений в написании (например: Михайлов Михаил Ларионович (Илларионович)). Знаком «звездочка» (*) в начале статьи указывается на предположительность личного знакомства с Некрасовым **2.** Даты жизни и смерти, с точностью до одного дня (при наличии соответствующей информации); все даты даются по старому стилю, за исключением дат смерти лиц, скончавшихся после календарной реформы 1918 г. **3.** Место рождения и место смерти в том случае, когда они известны. **4.** Социальное (сословное) происхождение. **5.** Полученное

образование. **6.** Социальное, должностное положение, профессия, род занятий и т.д.; **7.** Хронологические рамки личных отношений с Некрасовым по имеющимся источникам: начало знакомства (очное или эпистолярный контакт), последующее общение (даты личных встреч или обмена письмами), последние известные встречи (письма). **8.** Характер общения, совместной деятельности: родственные отношения, соавторство в написании литературных произведений, участие в общественных организациях (например, в Обществе посещения бедных, Литфонде) или издательских предприятиях (в частности, сборнике «Физиология Петербурга», альманахе «Первое апреля», «Петербургском сборнике», журналах «Современник» и «Отечественные записки», «Полном собрании драматургических произведений Шекспира», сборнике «Складчина»), компаньонство в коммерческой деятельности, партнерство в развлечениях (охота, карточная игра). **9.** Характеристика отношений данного лица с Некрасовым по мемуарным источникам и письмам: хронологическая характеристика личных отношений, включающая известные высказывания с взаимными оценками. **10.** Краткая характеристика творческих взаимоотношений (если таковые имели место) с отсылкой к соответствующим номерам библиографического списка, включая факты отражения черт личности конкретного лица в творчестве Некрасова, намеки на личность Некрасова в памфлетах, направленных против него, взаимные оценки произведений, посвящения (посвятительные надписи) произведений Некрасовым данному лицу и посвящения художественных произведений Некрасову. **11.** Перечень известных документов, адресованных Некрасовым данному лицу, с одной стороны, и обращенных к Некрасову — с другой с указанием их количества и годов (или хронологических рамок) написания: письма, деловые обращения, доверенности, долговые обязательства; даются сведения о публикациях или (для неопубликованных материалов) точные данные архивного хранения. **12.** Сведения о неизвестных эпистолярных обращениях (письмах и записках) данного лица к Некрасову и Некрасова к нему, содержащиеся в сохранившихся до-

кументах, — в том случае, если речь идет о существенных фактах личных взаимоотношений.

Сведения об источниках сообщаемых сведений даются в конце статьи в виде библиографического списка с единой нумерацией. Порядковые номера (выделенные курсивом) используются также в основном тексте статьи для указания источника (источников) конкретного факта. Номера томов (для многотомных изданий) и страниц отделяются от соответствующего номера перечня источников двоеточием. Последовательность библиографических сведений определяется преимущественно тематически, с учетом их значимости для данного издания: **1.** Важнейшие публикации документов и систематическое изложение фактов (собрания сочинений, издания двусторонней переписки, летописи жизни и творчества, публикации, посвященные отдельным фактам). **2.** Мемуарные источники. **3.** Исследования и сообщения преимущественно биографического характера, в хронологическом порядке публикации. **4.** Исследования преимущественно литературоведческого характера, в хронологической последовательности их публикации. **5.** Неопубликованные архивные материалы, в алфавитной последовательности буквенных аббревиатур, обозначающих архивохранилища. **6.** Указание автора справки — сокращенно, инициалами имени и фамилии (расшифровка дается в конце книги, перед списком условных сокращений). Курсивом в текстах статей выделены имена лиц, которым посвящены отдельные статьи в составе данного справочника (при первом упоминании).

АБАЗА Александр Аггеевич (24.07.1821, Боровнинский винокуренный завод в Вышневолоцком уезде Тверской губернии — 24.01.1895, Ницца) — финансист, государственный деятель, карточный партнер Некрасова.. Происходит из молдавского дворянского рода 2-й пол. XVII в., на русской службе с 1-й четверти XVIII в.. Отец — д.с.с. Аггей Васильевич Абаза. Мать — Прасковья Логгиновна Манзей.

Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1839 году. Затем принимал участие в военных действиях на Кавказе. Уволился в 1847 году в чине майора. В отставке самостоятельно занимался теорией финансов. В 1857 году становится церемониймейстером (1857), позже гофмейстером (1861) двора вел. кн. Елены Павловны. Благодаря выгодной женитьбе на Александре Дмитриевне Бенардаки, дочери богатого откупщика, получает большое приданое, становится крупным дельцом, входит в правление ряда железных дорог (14: 88). После смерти первой жены, женится на Юлии Федоровны Штуббе, благодаря которой имя А. оказывается связано и со сферой культуры. Она была певицей (брала уроки у Полины Виардо(6, III: 309, 390)), была знакома с И.С. Тургеневым (сохранилось одно письмо к ней) (6, XIV: 68), Боткиным (5). Была знакома с семьей Л.Н. Толстого, ее дом посещал Ф.М. Достоевский (в письме С.А. Толстой от 13 июня 1880 года Достоевский просит передать ей «глубокий поклон» «потому что я ее *очень люблю*») (7). Сам А., однако, по отзывам знакомых, был вполне нечувствителен к искусству (5: 236—237) и интерес у него к поэзии Некрасова предположить невозможно. Единственное, что связывает А. с литературой, — публицистика в газете «День» (1861 —1865).

Знакомство Некрасова с А., возможно, произошло в 1854 году. Тогда Некрасов успешно баллотировался в петербургский Английский клуб, а А. был одним из его семи старшин (16: 174, 191). Первое известное письмо А. к Некрасову датировано 15 августа 1861 г. (3: 73). В этом же году А. написал еще 7 коротких писем А. к Некрасову (3: 7376; 2: 287). Для их датировки

важное значение имеет указание А. в письме № 73 (3: 74) на предстоящее ему заседание «Акцизного комитета», (официальное название: «Комиссия по высочайшему повелению для пересмотра системы податей и сборов» при Министерстве финансов) — А. был членом этой Комиссии с октября 1860 года (12: 34). Тон писем А. приятельский, содержание сводится к назначению игры на следующий день, отказу от встречи, уточнению места и времени, расчетам по игре. Игра, очевидно, в основном происходила на квартире Некрасова и шла на очень большие суммы денег. Позднее Некрасов утверждал, что выиграл у А. «больше миллиона франков» (1, XIII₂: 61). О страсти А. к карточной игре и его огромных проигрышах сохранились многочисленные свидетельства (11: 262; 8: 551—552; 9: 176). Значительная часть выигрыша Некрасова у А. находилась в векселях — вероятно, со многими партнерами А. расплачивался именно так — «вексель А.» стал почти нарицательным (Анненков. *Письма к Тургеневу*, I, 180, 454). В письме И.А. Панаеву (конец августа 1861 года) Некрасов просит выдать ему заемные письма А. (1, XIV₂: 162). Сохранились подсчеты Некрасова по карточной игре с А., относящиеся к 1861 или 1862 году, в которых тоже речь идет о заемных письмах (1, XIII₂: 341). Эти векселя служили Некрасову средством расплаты, в частности, ими он выплатил в 1865 году крупную сумму А.Я. Панаевой (2: 349; 1, XIII₂: 474). Также Некрасов и А. совместно охотились (1: XIV₂: 163, 277).

Карточные отношения Некрасова с А. могли продолжаться до второй половины 60-х годов, когда начинается его карьера государственного деятеля. В 1867 году А. назначен членом Совета министра финансов, должность, несовместимая с открытой азартной игрой. Тем не менее, возможно, А. не оставляет своего пристрастия до 1871 года, когда, по свидетельству мемуариста, назначая А. на пост Государственного контролера, Александр II взял с него «слово, что он навсегда кончит с крупною игрою за зеленым столом» (8: 552). В 1874 назначен председателем Департамента государственной экономики Государственного совета и членом Кабинета министров. Вершина его

карьеру – назначение 27.10.1880 на пост министра финансов. Ушел с этого поста 06.05.1881 после смерти Александра II одновременно с М.Т. Лорис-Меликовым и Д.А. Милютиным, с которыми составлял своего рода правящий «триумвират» (10: 541—557; 20; 8: 590—591). На этом карьера А. не закончилась. Он остался членом Государственного совета, а в 1884 снова стал председателем Департамента государственной экономии Государственного. В результате скандала, выявившего использование А. своего служебного положения в целях личного обогащения, вышел в отставку в 1893 году (9: 187—196).

Как государственный деятель, принадлежал к плеяде «либеральных бюрократов» (подобных Н.А. Милютину, женатому на сестре А., М.А. Абазе), выдвигавшихся салоном великой княгини Елены Павловны (13: 362—363; 10; 9: 176—177). Их деятельность вызывала симпатию Некрасова, называвшего их «честными людьми» (см. стихотворение «Кузнец» (1872)).

В конце 60-х — 70-е годы знакомство Некрасова с А. не прерывалось. Характер этих отношений изменился. Сохранилось письмо А. Некрасову, датируемое предположительно не ранее весны 1868 года, в котором он просит передать Краевскому его статью для «Голоса». При этом статья очень важна для Краевского, в случае отказа от ее публикации «на первой странице и не мелким шрифтом» «без всякого изменения (выделено А. – М.М.)» К. грозят «большие неприятности (выделено А. – М.М.)» (4: 85). Какая статья имелась в виду, не установлено, не совсем понятно также, почему А., вероятно, лично знакомому с Краевским, пришлось действовать через Некрасова. Есть дарственная надпись А. на титульном листе «Стихотворений» 1869 года (1, XIII₂: 85). Некрасов несколько раз пытался использовать высокое служебное положение А. для помощи знакомым и близким. В 1871 году он обращался к А. с письмом (не сохранилось (1, XV₂: 318)) и с устной просьбой помочь Н.В. Холшевникову (по настойчивым просьбам последнего (3: 222—223)) получить должность в Министерстве государственных имуществ (1, XV₁: 158—

159, 309). В 1875 году Некрасов (безуспешно) пытался использовать свое знакомство с А. для помощи находившемуся на каторге Чернышевскому (I, XV₂: 241; 4). Просил Некрасов, а А. оказался бессилён или не пожелал помочь, или не стал просить из-за заведомой бесполезности – сведений не имеется. Во всяком случае, в поздних мемуарных набросках Некрасов выразил А. шутивную благодарность только за своеобразное «финансирование» его изданий (I, XIII₂: 61).

1. ПСС, XIII₂, 61, 85, 341, 474, 503, по указ.; XIV₂, 162, 163, 277; XV₁, 158, 309; XV₂, 241, 318; 2. *Летопись*, II, III (по указ.); 3. АСК, 73—76, 222—223; 4. ЛН, т. 51—52 С. 85; (здесь служебная карьера А. описана неточно). 5. Боткин В.П., Тургенев И.С. Неизданная переписка. 1851 – 1869. М., 1930, 170, 232—233, 236—237, 262; 6. Тургенев И.С. ПСС, III, 309, 390; V, 62, 266; XIV, 68; 7. Достоевский; 8. Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003, 551—552, 590; 9. Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III. (1849—1894). Т. 3. С.175 – 178, 187—196; 10. Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1891. С. 541—557; 11. Он же. Воспоминания молодости: (По морю житейскому). 1863—1869. СПб., 1906 С. 262; 12. Милютин Д.А. Воспоминания. 1860—1862. М., 1999 (по указ.) 13. Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — нач. 1873. М., 2006. С. 362—363, 417; 14. Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. М., 1934 (по указ.): 99—100, 132—142; 15. Феоктистов Е.В. За кулисами политики и литературы, 1848—1896. М., 1991. С.196, 248, 317—318, далее по указ.. 16. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Библиографический справочник. СПб., 2002, 31—33; (имеется библиография — 33) 17. Завьялова Л.В. Петербургский Английский клуб. 1770—1918. Очерки истории. СПб., 2008. 18. Государственный контроль. 1811—1911. Спб., 1911, 107—109. (портрет) 19.

Шепелёв Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине 19-го века: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981, 79—82; 20. *Власть и реформы.* СПб., 1996 (по указ.).

М.М.

АДЛЕРБЕРГ Александр Владимирович (01.05.1818; Петербург — 22.09.1888; Мюнхен) — граф, личный друг Александра II, министр императорского двора, принадлежит к числу “великосветских” знакомых Некрасова, его партнер по охоте и картам.

Происходит из балтийско-немецкого рода, в 17-м веке получившего шведское дворянство. Отец — член Государственного совета, министр императорского двора граф Владимир Федорович (Эдуард Вольдемар Фердинанд) Адлерберг (1791—1884), мать — Мария Васильевна Нелидова (1797—1870), жена — фрейлина Екатерина Николаевна Полтавцева (1821—1910). В 1836 году окончил Пажеский корпус. После этого был назначен состоять при великом князе Александре Николаевиче (будущем императоре Александре II) и навсегда остался его ближайшим другом. После недолгой военной службы (в 1841 году А. принимал участие в боевых действиях в Чечне) постоянно находился в свите сначала наследника, а потом императора, был его ближайшим доверенным лицом, выступая фактически в роли личного секретаря (10: 498). А. исполнял разнообразные поручения государя, сопровождал его практически во всех поездках, участвовал в составлении рескриптов, ведении дипломатической и семейно-династической переписки (13: 157). Пользуясь особенным покровительством Александра II, легко поднимался по карьерной лестнице: уже к 37 годам (в 1855 году) — генерал-майор, в 1861 — генерал-лейтенант, в 1869 — генерал от инфантерии. 23.04.1861 назначен командующим императорской Главной квартирой. В 1866 году стал членом Военного совета, в том же году —

Государственного совета. С 17.04.1870 — министр императорского двора (до этого неоднократно исполнял обязанности временного управляющего министерством), 30.11.1871 — канцлер российских орденов. Однако после смерти августейшего друга А. был отставлен практически от всех должностей (с сохранением членства в Государственном и Военном советах и звания генерал-адъютанта), хотя и до самой смерти пользовался благоволением императора Александра III.

Роль А. в российской политической жизни 60—70-х годов, без сомнения, должна была быть значительной (благодаря особому положению при императоре) и одновременно трудно поддающейся описанию (из-за конфиденциальности, связанной с таким положением) (17: 63—65). Скорее всего, нет такого события, в котором бы не принимал участия ближайший друг и поверенный государя. Однако говорить о наличии у А. самостоятельной общественно-политической позиции не приходится. Отсюда и разноречивые оценки его как политика, колеблющиеся от либерала, рекомендовавшего Александру II Лорис-Меликова (17: 46), до реакционера и крепостника (12: 488). На самом деле А. был “вне партий”, руководствовался во всех поступках и высказываниях личной преданностью императору (10: 501; 17: 63).

А. имел репутацию человека “спокойного, добродушного, очень умного и прекрасно образованного” (17: 63), “обладавшего необыкновенными способностями <...> человека выдающейся культуры”(9: 71), интересного собеседника, не чуждого любви к русской литературе (8: 639—640). А. был также большим ценителем музыки, вокального искусства, в его доме проходили концерты (11: 386). Он бескорыстно покровительствовал известной певице А.В. Панаевой-Карцовой (дочери Валериана Александровича Панаева, многолетнего друга Некрасова) (4: 149), составил и подарил ей уникальную нотную библиотеку (Ушакова В.М. История нотной библиотеки певицы А. В. Панаевой-Карцовой // История Петербурга. № 1

(41). 2008. С. 83—84). Ему посвящено известное стихотворение А. Апухтина 1885 года, написанное в связи с замужеством певицы (*Апухтин А.Н.* Полн. собр. ст. Л., 1991.) С другой стороны, мемуаристы говорят и о его лени (13: 156), “рассеянном образе жизни”, склонности к мотовству, небрежному отношению к делам своего министерства (13: 157).

Дату личного знакомства Некрасова с А. установить невозможно. Первый известный факт, связывающий графа с поэтом, касается деятельности А. в правительственных органах надзора за печатью (24.01.1859 А. был назначен членом Комитета по делам книгопечатания, 25.01.1860 стал членом Главного управления цензуры, с которым был слит прежний Комитет). Именно в качестве члена первого из этих органов А. оказал Некрасову важнейшую услугу, по выражению самого поэта, “выхлопотав в шестидесятом году позволение на издание” “Стихотворений” и тем самым принеся ему 150 тысяч дохода (1, XIII₂: 61). Однако по свидетельству А.В. Никитенко, также бывшего членом этого комитета, роль А. в деле о втором издании некрасовской книги была скромнее. Граф лишь подал голос за его разрешение, чуть ли не от раздражения чрезмерной ретивостью министра народного просвещения Норова: “Министру сегодня точно хотелось выставить себя перед графом Адлербергом строгим и бдительным стражем литературы. Например, он усиливался опять запретить Некрасова, хотя все, кроме Пржецлавского, готовы были пропустить его, за исключением немногих мест. Наконец уже и граф Адлерберг заступился за него” (5: 182). Запись в дневнике Никитенко датирована субботой 1 апреля 1861 года — Некрасов ошибся, отнеся событие к 1860 году. Возможно, он ошибся и преувеличил роль в нем А. Можно, однако, предположить, что А. просто не стремился афишировать свою заинтересованность в том, чтобы сборник был издан, а его показавшееся Никитенко спонтанным заступничество за книгу было заранее согласовано с Некрасовым. Во всяком случае, поэт знал о том, что А. сыграл положительную роль в разрешении его книги, и выразил ему

благодарность. В целом деятельность Адлерберга как цензора оценить так же трудно, как его роль в политической жизни России. Никитенко на протяжении своего дневника дает А. чрезвычайно разноречивые оценки (в одном случае пишет, что “граф обнаружил невообразимое незнание и непонимание самых простых вещей в умственной и государственной жизни” (5: 167), в другом называет А. “человеком, понимающим вещи” (5: 59)). Вероятно, и здесь он играл роль не столько самостоятельного члена, сколько рупора мнений императора и проводника его политики в отношении прессы (5: 93, 118).

Причиной, по которой А. заступился за Некрасова, было вероятно не столько действительное мнение о “безопасности” его поэзии, сколько близкие личные отношения с самим поэтом. Прежде всего, объединяла их страсть к охоте. В письме В.М. Лазаревского 29 мая 1869 года имя А. упоминается в контексте охотничьих планов (3, II: 360—362). Другая общая для А. и Некрасова страсть, связывавшая их, — карты. В 1877 году Некрасов говорил: “Великая моя благодарность графу Александру Владимировичу Адлербергу. Он много проиграл мне денег в карты...” (1, XIII₂: 61). Об увлечении графа игрой было хорошо известно (9: 71; 14). Граф С.Д. Шереметев, близко знавший А. в 70-е годы, говорит о Некрасове как о его постоянном карточном партнере («Некрасов, изобразивший парадное крыльцо, ненавидевший то общество, которое жило за этим парадным крыльцом, и не признававший их, не гнушался иногда заднего крыльца. По отношению к Адлербергу, конечно, он не переступал его парадного порога, но таким “задним” крыльцом к Адлербергу служила их обоюдная страсть к игре. Они сходились келейно...» (4: 148)), приписывая такое сближение людей противоположных особенностям эпохи 60-х годов: “Некрасов и Адлерберг! Как ни странно это сближение, но оно было возможно и служит одним из красноречивых признаков времени...” (4: 149). В своем отзыве об А. Некрасов не называет сумму, которую он у графа выиграл, но, судя по

имеющимся данным, она могла быть чрезвычайно значительной. Траты графа были огромны: П.А. Валуев сообщает об уплате из сумм министерства внутренних дел в 1866 году долгов А. на сумму 670 тысяч рублей (6, II: 173), А.А. Половцов сообщает об уплате опять же из казенных сумм долга в 800 тысяч (11: 402), а затем — уже при Александре III — 1 200 000 рублей (11: 155).

Многочисленных подтверждений того, что связь с А. “помогала” Некрасову (4: 148) не обнаруживается. К.И. Чуковский утверждал, что располагает “неизданными материалами”, свидетельствующими о том, что на следующий после покушения Каракозова (т.е. 5 апреля 1866 года) Некрасов, встревоженный судьбой своего журнала, обратился к А. за помощью или советом (*Чуковский К.И. Поэт и палач // Чуковский К.И. Сочинения В: 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 31*). Однако этих “материалов” исследователь так и не представил. Кроме того, в цитированной статье А. назван министром двора — тогда эту должность А. еще не занимал. Точно известна предпринятая Некрасовым в 1871 году попытка использовать свое знакомство с А., только что занявшим пост министра императорского двора, для помощи А.Н. Островскому в получении пенсии (1, XV₁: 166; 2: 126). Попытка, однако, не дала результат (вопреки комментарию в ПСС, в письме Некрасова Островскому от 12 октября 1869 года (1, XV₁: 116) а также в ответном письме драматурга (2), речь, скорее всего, идет не об А., а о его отце, В.Ф. Адлерберге, который тогда еще занимал должность министра императорского двора, поскольку обсуждается официальная записка лицу, от которого формально зависело решение вопроса. Таким в это время был министр императорского двора — ему были подчинены и императорские театры и их управляющий Гедеонов (15: 146—188)).

Еще один раз Некрасов пытается использовать знакомство с А. в последний год жизни для борьбы с цензурой за возможность опубликовать “Пир на весь мир” в ОЗ. 18 февраля 1877 года председатель С.-

Петербургского цензурного комитета А.Г. Петров доносил начальнику Главного управления по делам печати В.В. Григорьеву: “Краевский сообщил мне, что Некрасов намерен один из оставшихся у него корректурных листов статьи (имеется в виду “Пир на весь мир” — *Ред.*) сообщить графу Адлербергу для доклада Государю Императору с жалобой на стеснение цензуры.

Он полагает при сем на заступничество Государыни Императрицы, которая при посредстве лейб-медика Боткина изволила ознакомиться с содержанием стихотворения и весьма его одобрила” (3, III: 222) О том, осуществил ли Некрасов свое намерение, сведений нет, однако сама эта попытка выглядит не жестом отчаяния, но следствием хорошего знания внутридворцовой ситуации, в частности, теплых отношений А. с императрицей Марией Александровной, ее славянофильских и русофильских симпатий, которые, действительно, могли вызвать ее сочувствие к содержанию фрагмента “Кому на Руси жить хорошо”. Эти знания Некрасов мог получить, конечно, и от С.П. Боткина, имевшего твердое положение при дворе, однако таким источником знаний о соотношении сил во дворце мог быть и А.

В целом, Некрасов сохранил вполне теплые впечатления об А. В своих автобиографических заметках он называл его “человеком чудесной души” (1, XIII₂: 61). Правда, эта характеристика зачеркнута, возможно, потому что звучала в контексте благодарности за проигрыш денег несколько иронично.

ПСС, XIII₂, 61; XV₁, 116, 166, 275; 2. Переписка Н., II, 122—124, 350; 3. ЛН II, 360—362; III, 222; 4. Шереметев С.Д. Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001, 147—149, 153, 469; 5. Никитенко А.В. Дневник В: 3-х т. Т.2. 1858—1865. Л., 1955, по ук., 14—15, 50—51, 59—60, 73, 76—77, 87, 93—94, 112—113, 118, 167—168, 182; 6. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел В: 2-х т. М., 1961, Т. I, 171; Т. II, 173, по ук.; 7.

Бартенев П.В. Из Записной книжки “Русского архива” // Русский архив. 1909. № 6, 299; 8. Он же. Из Записной книжки “Русского архива”// Русский архив. 1911. № 12, 639—640; 9. Толстая А.А. Записки фрейлины. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М., 1996, 70—79, по ук.; 10. Михайлов А. Граф Александр Владимирович Адлерберг. Заметки к его биографии // Русская старина. 1890. Февраль. №2. С. 497—514. 11. Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т 1, 155, 386, 402, по ук.; 12. Головнин А.В. Записки для немногих. Спб., 2004, по ук., 488; 13. Кривенко В.С. В министерстве двора. Спб., 2006, по ук., 156—157, 159, 218; 14. Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860 — 1867. М., 1934, 137; 15. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801—1917. В: 4-х тт. Т.3. Центральные государственные учреждения. Спб., 2001. Министерство императорского двора 22.08.1826 — 04.12.1917, 146—188; 16. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Библиографический справочник. Спб., 2002; 17. Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. Спб., 1891, 46, 63—65; 18. Придворная цензура; 19. Русский биографический словарь.

М. М

*АНДРЕС (? — ?) — родственник В. И. Мейшена, мужа П. Н. Мейшен. По свидетельству Е. А. Ивановой-Некрасовой, он держал аптеку у Каменного моста. В этой аптеке в конце 1860-х гг. работал Эрнест, племянник А. и В. И. Мейшена. Предполагаемое знакомство А. с Некрасовым может относиться к осени 1868 — зиме и началу весны 1869 гг., времени связи поэта с Мейшен.

1. Иванова Е. А. (Фохт-Рюмлинг). Воспоминания сестры поэта (Публикация О. А. Замареновой) // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 1997. Вып. III. С. 219.

М. С.

АННЕНКОВ Павел Васильевич (19.06.1813 или 18.06.1812 — 08 03. 1887) — историк литературы, критик, мемуарист, автор первой научной биографии А. С. Пушкина. Из дворян. Получил домашнее образование, затем гимназическое образование при Горном институте в Санкт-Петербурге, где учился до специальных классов горно-инженерного дела. Был вольнослушателем историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1833 г. служил в канцелярии Министерства финансов, но в этом же году оставил службу. Знакомый Н. В. Гоголя. С конца 1840 до начала 1843 гг. жил за границей, путешествовал по Италии, Германии, Франции. В Париже слушал лекции А. Мицкевича о славянских литературах. В начале 1840-х гг. А. знакомится у В. Г. Белинского с Ф. М. Достоевским, В. П. Боткиным, К. Д. Кавелиным, И. С. Тургеневым и многими другими литераторами и критиками. Первая публикация А.— очерки «Письма из-за границы», появившиеся в «Отечественных записках» в 1841 — 1842 гг. вызвала восторженный отклик Белинского: «...письма Анненкова из-за границы — прелесть! Я еще больше полюбил этого человека» (1). Возвратившись из-за границы в ноябре 1843 г. А. у Белинского знакомится с Некрасовым (). Впоследствии он вспоминал: «В 1843 году я видел, как принялся за него (Некрасова — *ред.*) Белинский, раскрывая ему сущность его собственной природы и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: «Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне»» (2). После перехода журнала «Современник» к И. И. Панаеву и Некрасову А. продолжает в нем печататься. Здесь опубликованы его «Письма из Парижа» (1847 — 1848), «Париж в 1848 году». В 1849, г. он

печатает «Заметки о русской литературе 1848 г.», которые обозначили А. как литературного критика. В этой статье он утверждал значение литературы как «помощницы общественного образования». Именно здесь впервые А. ввел термин «реализм». В этом же году опубликованы его «Провинциальные письма» привлёкшие внимание публики. Некрасов увидел в них нечто капитальное (3), особенно выделив «письма», где автор «останавливает свою наблюдательность преимущественно на лицах низшего сословия» (3: 263). А. был наделен тонкой интуицией художника, способного проникать в замыслы другого автора. Эти качества в сочетании с эстетическим вкусом, пронзительным умом и доброжелательностью привлекали Некрасова в А. и он часто обращался к нему за советами. В 1848 г. Некрасов писал Тургеневу: «Анненков теперь всех нас соединил и оживил» (4). Критик старался быть объективным. Он принимал и пушкинское и гоголевское направления в литературе, отмечал и ценил творческую индивидуальность Л. Толстого и Островского. Несмотря на то, что статьи А. в какой-то мере продолжали традицию литературных обзоров Белинского, а его статья «Романы и рассказы из простонародного быта» (1854) была несколько созвучна эстетическим принципам Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, Некрасов не всегда был согласен с А. Так, в статье «О мысли в произведениях изящной словесности. Заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л. Н. Толстого» (1855) А. отстаивал эстетическое превосходство объективного повествования. «Вмешательство автора», его «рассуждения от самого себя, по его мнению, могут объяснять характеры героев лишь «внешним неправильным образом». В письме от 1 сентября 1855 г. Д. В. Григоровичу Некрасов высказал свое мнение по этому поводу: «Вы правы насчет Анненкова как нельзя более, а что он толкует насчет *первого* лица — это просто чушь. Мало ли удивительных произведений написано от 1-го лица!» (4: 130). Спор А. и Некрасова по поводу стихотворения «Княгиня Волконская» показывает их разные эстетические взгляды на искусство. «Я прочел Вашу «Волконскую» еще в «Оте-

чественных записках» — и теплота чувства, разлитая в пиесе, пригрела и меня, — писал А. в письме от *(20) марта 1873 г. Некрасову, — как, вероятно, пригреет и всех других читателей стихотворения». И далее продолжает: «По моему мнению, этой картине недостает только одного мотива, чтобы сделать ее также и несомненно верной исторической картиной, именно — благородно-аристократического мотива, который двигал сердца этих женщин» (4: 255). А. высоко ценил поэзию Некрасова. В его суждениях о некрасовском творчестве видна широта взглядов, непредвзятость мнения и открытость. «Напишите-ка, что Вы думаете о последних стихах Некрасова в «Современнике», — просит А. Тургенева в письме от 20 марта 1853 г. — Не кажется ли вам, что содержание лиризма его теперь антипоэтическое? Или я заблуждаюсь<...> Запускать в себя какую-нибудь болезнь, хотя бы и глухоту к поэзии — не должно» (). Мнение А. о поэзии Некрасова не было неизменным. После выхода сборника «Стихотворений» в 1856 г. он писал Некрасову: «Вам, может быть, Тургенев не говорил, что стихотворения Ваши я считаю единственными серьезными поэтическими произведениями нынешнего времени» (5). Об этом сборнике он пишет и Тургеневу: «...успех колоссальный — экземпляры пропадают в лавках, как только появятся» (6). В переписке Тургенева и А. имя Некрасова встречается часто. Например, Тургенев беспокоится об увлечении Некрасова карточной игрой (7). А. пишет ему: «Некрасов имеет вид счастливый — он здоров, уважаем, играет в карты, нигде не является, спит после обеда и тревожится только при расплате с сотрудниками» (8). А. уходит из «Современника» в 1856 г., когда усиливается влияние Н. Г. Чернышевского на журнал. В этом же году в «Русском вестнике» он печатает статью «О значении художественных произведений для общества», в которой стремится показать важность эстетических критериев при оценке художественных произведений. Статья полемически направлена против эстетической теории Чернышевского. Прекратив сотрудничество с «Современником», А. печатается в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1862—

1863), «Русских ведомостях». С 1867 г. становится постоянным сотрудником «Вестника Европы». Активно участвует в организации Литературного фонда. С середины 1860-х гг. подолгу живет за границей: в Германии, Франции, Италии, Бельгии, Швейцарии. Лето 1875 г. он проводит в своем имении Чирьково. Несмотря на прекращение сотрудничества А. с «Современником», отношения его с Некрасовым не прекратились. Они оба дорожили ими. Имя критика часто упоминается в переписке Некрасова и всегда с большой симпатией. В 1870-х — 1880-х гг. А. стал писать историко-литературные исследования и мемуары. Он первый опубликовал письма И. С. Тургенева.

В мемуарах, изданных уже после смерти Некрасова, А. писал: «Говоря вообще, никто яснее Некрасова не виде собственных проступков и прегрешений и никто не следовал так постоянно по раз выбранному пути, хотя бы и осужденному его совестью. Это была странная настойчивость, которую подчас он старался искупить великодушием и готовностью на многочисленные жертвы. Можно сказать, что он всю жизнь состоял под настоятельной потребностью самоочищения и искупления, не исправляясь от грехов, в которых горячо каялся» (9: 431).

1.Белинский, XII, 29; 2. Стасюлевич, III, 552; 3.ПСС, X, 154; 4. Переписка, I, 378; 5. ЛН, тт. 51 -52, 97; 6. Тургенев, Переписка, 1, 61; 7. Тургенев 2, Письма, III, 267; 8. Анненков, Письма к Тургеневу, I, 61; 9. Анненков (по указ.)

Т. Т.

АНТОНОВИЧ Максим Алексеевич (27.04.1835 г. Белополье Харьковской губернии — 14.11.1918, Петроград) — критик, публицист, философ. В 1859—1866 гг. — постоянный сотрудник «Современника».

Родился в семье дьячка. Рано лишился родителей, воспитывался престарелыми бабкой и дедом, происходившим также из духовного звания. Учился в Ахтырском духовном училище, затем в Харьковской семинарии. Во время учебы тайком посещал лекции по естественным наукам в Харьковском университете. В 1855 году окончил семинарию с серебряной медалью и поступил в Петербургскую духовную академию. Закончил академию в 1859 году кандидатом богословия. Первую статью написал еще на 4-м курсе академии. Переданная в «Современник», статья не была принята редакцией, однако *Н. А. Добролюбов* советовал ему продолжать писать и пригласил бывать у него. По совету Добролюбова А. написал статью о книге *А. П. Щапова* «Русский раскол старообрядства» под названием «Что иногда открывается в либеральных фразах!» (1859), которая была опубликована в № 9 «Современника» за 1859 год. Начало статьи написал Добролюбов. Взгляды А. формировались под влиянием Добролюбова (5: 137), а затем *Н. Г. Чернышевского*, оказавшего А. также личную помощь. Используя свои связи, Чернышевский помог А. устроиться в отдел эмеритуры при канцелярии военного министерства и тем самым не только избавиться от духовного звания, но и избежать высылки в Харьков, грозившей А. за отказ принять должность профессора в Костромской духовной семинарии (7: 489—490). Был своим человеком в доме Чернышевского, до конца жизни оставшегося его кумиром. По воспоминаниям *Н. Я. Николадзе*, А. был едва ли не единственным, кто свободно входил к Чернышевскому в кабинет во время его работы («*Каторга и ссылка*», 1927, № 5 (34): 30). *М. Слепцова* сообщает, что А. был у Чернышевского в день его ареста («*Звенья*». М.; Л., 1933: 440). (И после ареста Чернышевского А. продолжает оставаться верным ему. В октябре 1862 года, по свидетельству *Е. Н. Пыпиной*, одним из непременных условий своего сотрудничества в «Современнике» после его возобновления А. выдвинул материальную помощь находившемуся в крепости Чернышевскому, а также полное списание его долга Некрасову (2: 324).

Сохраняет трогательную привязанность лично к Чернышевскому и помогает ему в 80-е годы в публикации перевода книги Шрадера «Сравнительное языкознание и первобытная история» и опубликовал разбор этой книги в 1887 году). Сам Чернышевский считал А. своим преемником и ценил его философские работы (*Чернышевский Т. 7: 716; 5: 270*). Традиционно считается, однако, что философский уровень работ А. существенно ниже, чем Чернышевского (17).

Очевидно по рекомендации Добролюбова и Чернышевского Некрасов делает А. с конца 1859 года постоянным сотрудником в «Современнике». Сначала А. занимается библиографией — пишет небольшие рецензии на новые книги (2: 205, 235, 246, 251, 254, 257, 267, 270, 272, 276). Постепенно начинает играть все более важную роль в журнале. В 1861 году публикует ряд статей философского характера («Современная философия», «Два типа современных философов», «О гегелевской философии»), написанных по советам и с одобрения Чернышевского. В конце 1861 года включается в полемику с журналом «Время» статьей «О почве (не в агрономическом смысле, а в духе «Времени»)» (1861, № 12), которая была воспринята как выражающая мнение всей редакции «Современника» («Время», 1862, № 7, С. 61). 10 февраля 1862 года А. подписывает коллективное письмо сотрудников «Современника» в редакцию «Русского мира» по поводу истории с «Искрой» (обращение подписано также Некрасовым, *И. И. Панаевым, А. Н. Пыпиным* и Чернышевским) (2: 294) (1, XIII₁: 35—36). После смерти Добролюбова (в ноябре 1861 года) становится ведущим критиком «Современника». Именно ему поручается написать отклик на роман *И. С. Тургенева* «Отцы и дети». Он пишет с согласия Чернышевского и Некрасова статью «Асмодей нашего времени» (1862, № 3). Роль ведущего критика сохраняется за А. и после возобновления «Современника» в 1863 году. В это время он ведет в журнале отдел «Литературные мелочи» под псевдонимом «Посторонний сатирик». С конца 1862 года имя А. регулярно появляется в редакционных объявлениях о

подписке на «Современник» на следующий год (1, XIII₁: 176). В объявлении об издании «Современника» в 1865 году он назван, вместе с А. Н. Пыпиным, «главным сотрудником редакции» (1, XIII₁: 188, 197, 198). Уже к началу 1862 года он становится популярен. Несколько публикаций в последующие годы укрепили его репутацию. Так шумный эффект в публике произвела его статья 1864 года «Современные романы: о «Взбаламученном море» А. Ф. Писемского и «Призраках» Тургенева» (7).

Критическое творчество А. находится в русле добролюбовской «реальной критики». Однако, в отличие от Добролюбова, у А. практически отсутствовал интерес к художественной форме произведений, эстетическое чутье, что сказалось, например, в очевидной недооценке им «Отцов и детей». Для критических статей А. характерен исключительный акцент на содержании произведений, оцениваемом с точки зрения соответствия или несоответствия революционным идеям. Не высок уровень А.-полемиста. В полемике с журналами «Время» и «Эпоха» он проявил себя не только бескомпромиссным, но и грубым спорщиком (например, в статьях «О духе «Времени» и о г. Косице как наилучшем его выражении» (1862, № 4), «Стрижам. (Послание оберстрижу, господину Достоевскому)» (1864, № 7 — совм. с М. Е. Салтыковым-Щедриным) и ряде других. То же самое можно сказать о другой полемике, которую вел А. на страницах «Современника» — с журналом «Русское слово» (после того, как начавший ее Салтыков-Щедрин оставил в 1864 году журнал в том числе из-за конфликта с А. (*Самосюк Г. Ф. Отношения М. Е. Салтыкова-Щедрина с редакцией некрасовского «Современника» и их истолкование в журнальной прессе 60-х годов XIX века // Сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1826—1976. Калинин, 1977: 131—145*)). Эта полемика велась А. в статьях «Вопрос, обращенный к «Русскому слову»» (1864, № 10), «Литературные мелочи» (1865, № 1), «Промахи», «Глуповцы в “Русском слове”» (обе 1865, № 2) и других, печатавшихся почти в каждом номере «Современника» в 1865 году. Poleмика имела почти

неприличный характер и получила прозвище «раскол в нигилистах», «драка между своими» (15; 17: 35—55). Не одержав в ней победу, А. подорвал репутацию «Современника» (5: 284—285). Вел кратковременные полемики с другими изданиями: ОЗ, «Голос», «День», также отличавшиеся резкостью и нетерпимостью к позиции оппонентов.

Радикализм, резкость суждений, чрезмерная бескомпромиссность А. приносили «Современнику» не только признание молодой радикально настроенной аудитории, но и серьезные цензурные проблемы. Уже статья «О гегелевской философии» (1861, № 8) послужила для цензора *А. Берте* примером «отрицательного направления» «Современника», за которое журналу было объявлено третье предупреждение (1, XIII₂: 547). Нарекания вызвала статья «Пища и ее значение...», Некрасову пришлось хлопотать о ее разрешении в Совете по делам книгопечатания в январе 1864 года (1, XIII₂: 163, 554). (9: 402, 406, 416—417) (В этом прошении Некрасов неожиданно демонстрирует недюжинное знакомство с сочинениями по политэкономии. Это заставляет предположить, что большая часть прошения написана А.) Серьезные последствия имела статья А. «Надежды и опасения (по поводу освобождения печати от предварительной цензуры)» (1866, № 8) — она послужила, наряду со статьями Пыпина и Жуковского, основанием для первого предупреждения журналу (2: 427). Второе предупреждение «Современнику» было вызвано (опять же наряду с другими) статьей А. «Суемудрие “Дня”» (2: 430; 14: 46, 47).

Выступая постоянно как критик и публицист, А. однажды пробует свои силы как беллетрист, публикуя очерк «Волнение в мутной воде (Из рассказов о людях переходного времени)» (1865, № 6).

Сотрудничая в «Современнике», А. периодически принимал участие и в других изданиях. В 1861 году напечатал популярные статьи «О парах и паровых машинах», «О нечистых силах» в «Народном чтении», в 1862 там же — «Жизнь растений», «Жизнь животных». В первой половине 1863 года

сотрудничал в артельной газете «Очерки», где вел политический отдел. Участвовал также в «Энциклопедическом словаре, изд. русских ученых и литераторов» под редакцией П. Л. Лаврова. Будучи радикальным публицистом, придерживавшимся революционных взглядов, был не чужд и практической деятельности. Существуют свидетельства о том, что А. принимал участие в подпольной организации «Земля и воля» («Звенья». М.; Л., 1933: 440; Лемке М. *Политические процессы в России в 1860-х гг.* М.; Пг., 1923: 183; Пантелеев Л. Ф. *Воспоминания.* М., 1958: 246, 340, 533).

Личная встреча А. с Некрасовым состоялась уже после того, как А. напечатал ряд статей в «Современнике», — в 1861 году (не позднее начала августа), когда Добролюбов был за границей (5: 192). Приглашение посетить Некрасова было передано А. Чернышевским. По воспоминаниям А., Некрасов оказал ему теплый прием. Личные отношения в целом приняли ровный характер, хотя не отмеченный особенной близостью. А. вспоминал о готовности Некрасова посадить к себе в коляску бедного журналиста, о его визите в не смутившие поэта полутрущобы, в которых обитал критик, пишет о некрасовской откровенности с не очень близкими людьми (5: 193). Как постоянный сотрудник, А. регулярно посещал редакционные обеды (5: 193), несколько раз сталкивался с Некрасовым по околотитературным делам. Один из таких случаев — А. вместе с Чернышевским поддержал ходатайство Некрасова Литфонду о материальной помощи Моригеровскому (2: 303) (1, XIII₂: 620). Оба присутствовали и произносили речи на похоронах Добролюбова 19 ноября 1861 года (*Чернышевский в воспоминаниях современников.* М., 1982: 380—381). Оба подавали прошение о посещении в крепости Чернышевского (2: 377). Такого рода совместных дел и встреч должно было быть, конечно, гораздо больше.

Некрасов плохо понимал «научные» труды А. (полагаясь на высокую оценку их Чернышевским) и больше ценил его рецензии. Об этом говорит в своих воспоминаниях сам А.: «...Он (Некрасов — М. М.) стал говорить о том,

что о моих серьезных статьях он судить не может, но Чернышевский их одобряет, и он с ним согласен; а ему самому больше нравятся некоторые мои напечатанные библиографические рецензии и нравятся главным образом своим юмористическим тоном» (5: 192). Юмористический тон рецензий А. вызвал решение Некрасова восстановить добролюбовский «Свисток» с его участием. В 9-м номере «Свистка», вышедшем в 1863 году, А. написал целый ряд статей (««Свисток» и его время. Опыт истории «Свистка»», «Письма отца к сыну», «Неблаговоновый анекдот о г. Юркевиче, или Искание розы без шипов» — совместно с Салтыковым-Щедриным). Однако номер оказался последним — из-за возникших разногласий между Салтыковым и А. «Свисток» свое существование прекратил (см.: Жук А. А., Покусаев Е. И. «Свисток» и его место в русской сатирической журналистике // *Свисток: Собрание литературных, журнальных и других заметок: Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859—1863.* — М., 1981: 407—432).

Бывали случаи, когда Некрасов полагался на суждение А. при принятии решения о публикации в журнале того или иного произведения. По его совету Некрасов отказался печатать драму Я. П. Полонского «Разлад» (5: 198—199; 1, XV₁: 17). Некрасов мог доверить А. наблюдение за составлением редакционных объявлений (в отсутствии го самого или Салтыкова-Щедрина) (см. письмо И. А. Панаеву от 8 декабря 1862 года (1, XIV₂: 181)). Свидетельством важности для Некрасова участия А. в «Современнике» являются переговоры, которые он вел с ним, намереваясь возобновить «Современник» после 8 месяцев приостановки. В ходе этих переговоров Некрасов, по свидетельству Е. Н. Пыпиной, даже утверждал, что, в случае отказа А. от участия в журнале, не будет возобновлять «Современник» (2: 320—321). Она же сообщает о значительных усилиях, предпринятых Некрасовым для того, чтобы убедить его сотрудничать в его журнале (2: 324). Гонорары А. были высокими и Некрасов скорее охотно шел навстречу

его просьбам об их повышении (2: 315, 348, 437; 1, XV₁: 32—33; 1, XIII₂: 205, 208).

Отношение А. к Некрасову было более сложным. В августе 1862 года обиду и желание порвать с журналом вызвали у него слухи о том, что Некрасов «отрекся» от действий своей «консistorии» (5: 193—196, 227—229; 2: 318). Только долгие уговоры Некрасова и уверения в том, что слухи ложные, распушенные его врагами, убедили А. продолжить сотрудничество в «Современнике» (2: 320; 5: 318). Как и другие члены редакции «Современника», он склонен был видеть в Некрасове капиталиста, владельца предприятия, несправедливо отнимающего у своих сотрудников доходы. Это привело его к участию в числе других в начале 1865 — январе 1866 в попытке отобрать у Некрасова «Современник», чтобы вести его на артельных началах. Возможность передачи журнала сотрудникам всерьез рассматривалась Некрасовым (2: 407, 443; 5: 224—225, 313—315; 16).

Противоречивое положение Некрасова как богача, издающего журнал революционного направления, вызывало подозрения у А. в искренности некрасовских убеждений. Эти подозрения усилило поведение поэта в 1862 году, когда до А. дошли слухи о том, что он собирается совершенно изменить направление журнала (5: 193). Почву для возобновления таких подозрений дало А. и предосудительное, с его точки зрения, поведение Некрасова после отмены предварительной цензуры (с августа 1865 года). В своих воспоминаниях А. утверждает, что после цензурной реформы Некрасов «пал духом» и стал «выпускать редакторские когти». В частности, отказался печатать статью А. о Прудоне и Чернышевском, как опасную для журнала. Серьезное неодобрение А. вызвала публикация стихотворения Некрасова, посвященного *О. И. Комиссарову*, спасителю царя (5: 205—206). Эти поступки все больше убеждали А. в том, что Некрасов поменял убеждения и собирается изменить направление журнала (5: 206—207). Однако А. не оставляет «Современник» до тех пор, пока сам Некрасов не

собрал своих сотрудников и не объявил, что больше не нуждается в них и сам доведет журнал до закрытия (5: 207).

Остается, однако, неясным, когда это случилось. В *Летописи* это событие отнесено к апрелю и дата никак не уточнена (2: 464). А. утверждает, что это произошло еще до произнесения Некрасовым «муравьевской оды» (5: 207), то есть между 9 и 16 апреля 1866 года. Однако Г. З. Елисеев пишет в своих воспоминаниях, что Некрасов разорвал с сотрудниками уже после «муравьевской оды» (то есть произошло это не раньше 15 апреля, а точнее, после первого редакционного обеда, на котором Некрасов пытался оправдаться перед ними за свой поступок). Согласно свидетельству Елисеева, сами сотрудники, недовольные поступком Некрасова, покинули журнал (5: 322). Вероятно, более точна версия Елисеева, подтверждающаяся дневником Ф. М. Решетникова, видевшего Пыпина и Антоновича у Некрасова еще 6 мая 1866 года (*Из литературного наследия Ф. М. Решетникова. Л., 1932: 251; 2: 466*). Косвенно подтверждается версия Елисеева самим А., который в воспоминаниях, противореча сам себе, пишет, что после муравьевской оды они «решили по-прежнему продолжать работу и продолжали ее до тех пор, пока сам Некрасов не попросил сотрудников удалиться из его журнала» (5: 229).

«Муравьевская ода», так же как разрыв с радикальными сотрудниками «Современника», укрепили подозрение А. в ренегатстве Некрасова и его лицемерии. Окончательно убедили его в этом и вызвали негодование союз Некрасова с А. А. Краевским, готовность издавать совместно с ним ОЗ (А., как он сам выразился, был «огорошен» (5: 208)), а также отказ от приглашения в новую редакцию старых сотрудников — Жуковского и самого А. (произошедший частично из-за требования правительства (3: 446—448; 13: 165), частично из-за неприемлемых для Некрасова финансовых требований Жуковского). Эти чувства заставили А. выступить с разоблачительной публикацией в журнале «Космос» в 1869 году

(«Литературное лицемерие. «Отечественные записки»»). В том же году, как пишет сам А., «под живым, неотразимым впечатлением всех указанных инцидентов, движимые всякими сомнениями и опасениями и поддаваясь влечению взволнованного, возмущенного и оскорбленного чувства, мы с Ю. Г. Жуковским решились издать известную полемическую брошюру против Некрасова...» (5: 205—206). Брошюра называлась «Материалы для характеристики современной русской литературы» (СПб., 1869), перу А. в ней принадлежит первая (и самая большая по объему) часть: «Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым». До конца жизни А. утверждал, что причины его выступления против поэта были «серьезные и общие», однако признал впоследствии, что были и у него причины «временные, личные, излишняя горячность и жар увлечения» (5: 177). Поскольку после закрытия «Современника» А., уезжал на год за границу, то в переговорах о новой редакции ОЗ личного участия он не принимал (его интересы на них представлял Ю. Г. Жуковский). По свидетельству *Е. И. Жуковской*, ему даже не сообщили о ходе переговоров и сути возникших разногласий (8: 289). Поэтому в его инвективах против Некрасова практически отсутствует обсуждение материальных аспектов конфликта. А. разоблачает Некрасова как предателя «направления», как лицемера, чье лицемерие вышло наружу благодаря его ренегатству. Впоследствии в поздних воспоминаниях А. признал ошибочность своих оценок личности Некрасова, несправедливость выдвинутых против него обвинений (5: 177—179).

Выступление бывших сотрудников Некрасов пережил как тяжелый и незаслуженный удар (по воспоминаниям *Н. К. Михайловского*, он «прямотаки заболел» (4: 244)). По свидетельству *А. С. Суворина*, оскорбившее поэта выступление заставило его начать писать автобиографические записки (не сохранились) (1, XIII₂: 415—416). Кажется, именно выступление А. особенно неприязненно было воспринято Некрасовым, назвавшим А. «клеветником» во 2-м наброске неотправленного письма Салтыкову-Щедрину в апреле—мая

1869 года (1, XV₁: 95) и позднее «кляузником» (*Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935: 32*).

Однако публично Некрасов, как обычно, не пытался опровергнуть выдвинутые против него обвинения. На страницах ОЗ А. ответили Г. З. Елисеев (статья «Ответ на критику») и М. Е. Салтыков-Щедрин (анонимная рецензия) (обе статьи — ОЗ 1869, № 4). В целом вызвавшее скандал и встреченное с удовлетворением идейными и политическими противниками как Некрасова, так и его оппонентов (например, *Н. Н. Страховым* в «Заре» 1869, № 5) выступление, за немногими исключениями (прежде всего, *А. И. Герцена*) не встретило поддержки в близком А. идеологическом лагере. Журнал «Искра» призвал критиков к сдержанности (статья «Потише, господа!» 1869, № 11). *И. Рождественский* опубликовал брошюру, где обвинял А. и Жуковского в несвоевременности их выступления и мелочности претензий по сравнению с подлинными задачами, стоящими перед демократическим лагерем в трудное время (*Рождественский И. Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского. Спб., 1869*). В результате полемики установилось представление о том, что основным мотивом А. являлись непомерные амбиции и банальное сведение счетов. Брошюра, имевшая целью скомпрометировать Некрасова, подорвала репутацию самого А., серьезно сказалась на его дальнейшей карьере публициста.

Другая сторона конфликта А. с Некрасовым имела материальный характер. В отличие от других сотрудников, А. не получил обещанные поэтом 1000 рублей материальной помощи после закрытия «Современника». Сама эта история не имеет однозначной трактовки. А. в своих воспоминаниях последовательно говорит об этих деньгах как об «отступных», обещанных и «частично» выплаченных Некрасовым своим сотрудникам после разрыва с ними и до ликвидации «Современника». Фактически А. представляет эту выплату как долг редактора своим

сотрудникам, своего рода неустойку: «Он (Некрасов — *М. М.*) объяснил им (сотрудникам — *М. М.*) свой план и мотив отказа сотрудников; признал, что он нарушает заключенные с ним условия, лишает их работы и потому чувствует себя обязанным выдать им отступного...» (5: 229—230). Такое понимание сути дела дало моральное право А., не получившему упомянутые деньги, существенно позднее (в конце 1875 года) публично потребовать от Некрасова выплаты денег через литературный фонд. Формальное основание А. дали недавно (2 февраля 1872 года) принятые Обществом правила, по которым его Комитет (до этого не занимавшийся подобными вопросами) мог выступать посредником в отношениях между издателями и сотрудниками, но только в случаях нарушения гласных, официальных обязательств (12: 80—81). Просьба А. обсуждалась в заседании Комитета общества 22 декабря 1875. Однако поскольку речь шла именно о неформальном обязательстве, в его претензии было отказано (*ИРЛИ, ф. 155. Журнал заседаний КЛФ за 1876 г., л. 183*). Однако ревизионная комиссия в следующем году выразила несогласие с решением комитета (12: 117—118).

Некрасов в своих устных объяснениях, данных Комитету общества, а также в письме *Г. К. Ретинскому* (30 марта 1876 года) утверждал, что речь идет о добровольной помощи, которую он оказал своим сотрудникам после закрытия журнала, понимая трудную ситуацию, в которой они оказались. В этом же письме Некрасов отрицает существование какого-либо обязательства перед сотрудниками. То, что деньги не были выданы А., Некрасов объясняет тем, что думал, что у того «есть средства». Тем не менее, в случае отказа А. от требования, он готов эти деньги ему выплатить (1, XV₂: 134—135). А. принял условия Некрасова, и деньги были ему уплачены (1, XV₂: 253). Некрасовскую версию событий подтверждают воспоминания Елисеева, который утверждает также, что деньги были обещаны сотрудникам уже после закрытия «Современника», когда сам Елисеев «сидел в тюрьме» по каракозовскому делу (5: 322) (то есть в мае-июле 1866 года) (*Русские*

писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992: 227). Подтверждает версию Некрасова и *Е. И. Жуковская*, которая также связывает обещание уплаты с ликвидацией «Современника» и относит его к лету 1866 года. При этом она, однако, утверждает, что Некрасов обещал заплатить деньги и А., тем самым опровергая часть утверждений Некрасова (8: 284). Правда, мемуары Жуковской во многих деталях недостоверны и иногда прямо ошибочны.

После 1869 года пути А. и Некрасова (за исключением непрямого столкновения в Литературном фонде) расходятся, несмотря на то, что некоторое время А с женой проживал в близком соседстве с Некрасовым и был непрошеным свидетелем его семейной жизни (8: 293—294). А. сохранял безусловно неприязненные отношения к Некрасову до конца жизни поэта. Очевидно, Некрасов также сохранил неприязнь к А., усилившуюся после обращения последнего в Литфонд. В конце 1875 или начале 1876 года (как раз во время тяжбы по поводу 1000 рублей) Елисеев предпринял попытку дать возможность А. участвовать в ОЗ. Сначала согласившись напечатать статью бывшего сотрудника, на следующий день Некрасов передумал и прислал Елисееву записку (не сохранилась), в которой категорически отказывался от всякой возможности участия А. в ОЗ, «ввиду кляуз, которые непременно возникнут от сношений с этим человеком» (*Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935: 32*). Существует, однако, не подтвержденное свидетельство дочери А., что уже в годы смертельной болезни поэта А. с Некрасовым примирился и его посещал (7: 498).

В творчестве Некрасова труды и личность А. практически не отразились. Возможно, в стихотворении «Осторожность» (впервые ОЗ 1868, № 3) из цикла «Песни о свободном слове» (1865 — 1866) в строфе 5-й содержится намек на предупреждение, полученное «Современником» за статью «Суемудрие “Дня”» (I, II:421). Встречается случай своеобразного «соавторства» Некрасова с А.: к ироническому пассажиру А. в рецензии на

книгу Гизо «Исторический очерк жизни Вашингтона» (1864, № 1) Некрасов от имени редакции поместил столь же иронический комментарий (1, XIII₁: 245, 514). Принимая участие в «Современнике», А. не имел возможности откликаться на произведения редактора журнала. Неожиданно для себя А. однажды высоко оценил некрасовскую литературную критику (приняв ее за продукцию Чернышевского, согласно рассказу самого Некрасова) (1, XIII₂: 60). После разрыва, в брошюре А. высказал немало резко критических замечаний, касающихся поэзии Некрасова, в которой находил «тяжеловатость стиха, неуклюжесть, какую-то деревянистую беззвучность» (6: 24). Позднее он неблагоприятно отозвался на публикацию поэмы «Современники», обвиняя некрасовское произведение в нетипичности выведенных там образов (Тифлисский вестник, 1876, 29 февраля (№ 47)).

После разрыва с Некрасовым карьера А.-журналиста идет на спад. Его преследуют неудачи. В 1869 году он принимает участие в издании научно-популярного журнала «Космос», однако журнал быстро закрывается. В 1875—1876 годах сотрудничает в газете «Тифлисский вестник», издаваемой «шестидесятником» Н. Я. Николадзе. В 1878 году становится членом редакции журнала «Слово», заведует отделом критики. Однако вскоре в редакции начинаются разногласия принципиального характера, которые вынуждают А. покинуть журнал. В 1881 году он становится критиком и фельетонистом журнала Ф. И. Базилевского «Новое обозрение», но после трех номеров журнал прекратил существование. Периодически публиковался в приложении журналу «Семья и школа» (1878), в газете «Молва» и ряде других изданий. А. не удается повторить успеха, который имели некоторые его статьи в «Современнике». Испытывая неудачи как публицист и критик, А. проявил разносторонность своей натуры, широту интересов: увлекался геологией, сделал даже ряд серьезных открытий (17: 59). Совместно с Ю. Г. Жуковским занимался химией, оборудовав небольшую химическую

лабораторию. Много переводил один и совместно с Жуковским книг по естественным наукам и истории.

В 1882 году под влиянием серьезно ухудшихся материальных обстоятельств А. был вынужден искать постоянной службы. Он поступил в правление Либаво-Роменской железной дороги, а в 1883 году перешел в Государственный банк, в котором прослужил до 1908 года. И в это время А. не оставляет литературно-журнальную деятельность, эпизодически публикуется в журналах «Русское богатство», «Русская мысль», «Русская школа» (1892). До конца жизни А. не изменяет прежнему направлению, отстаивая до конца жизни идеалы Чернышевского и Добролюбова. В 1900-е годы выступает также как мемуарист, автор воспоминаний о Добролюбове, Чернышевском, Некрасове, Лаврове.

1. ПСС, II, 421; XIII₁, 35—36, 176, 188, 197, 198, 245, 514; XIII₂, 60, 163, 205, 208, 415—416, 547, 554, 620; XIV₂, 181; XV₁, 17, 95; XV₂, 134—135, 253;
2. *Летопись*, II, по указ.; 3. *ЛН*, I, 443—452. 4. *Некр. в восп.*, 244; 5. *Шестидесятые годы*. М., — Л., 1933, 137, 177—179, 192—199, 205—208, 224—230, 270, 284—285, 313—315, 318, 322; 6. Материалы для характеристики современной русской литературы. СПб., 1869; 7. *Антонович-Мижусева* О. М. Максим Алексеевич Антонович (Из воспоминания дочери) // А. М. А. Избранные статьи. Философия. Критика. Poleмика. Л., 1938, 489—490, 498; 8. *Жуковская* Е. И. Записки. Воспоминания. М., 2001, 284, 293—294; 9. *Никитенко*, II, 402, 406, 416—417; 10. *Боград Совр.*, по указ.; 11. Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь в четырех томах. Том 1. М., 1989; 12. *Скабичевский* А. М., *Репинский* Г. К. Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 г. // XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884; 13. *Евгеньев-Максимов* В., *Тизенгаузен* Г., Последние годы «Современника». 1863—1866, Л., 1939, 165;

14. *Евгеньев-Максимов В. Е.* Агония «Современника» // *Былое*, 1922, № 20, 46, 47; 15. *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961, 20—67; 16. *Мельгунов Б. В.* К истории некрасовского «Современника» (1865—1867) // *РЛ*. 1984. № 3; 17. *Пеунова М. Н.* Мироззрение М. А. Антоновича. М., 1960, 35—55; 18. *Чубинский М. М.* М. А. Антонович. Л., 1961.

М. М.

АСЕНКОВА (наст. фам. Сасионкина, Сасионкова, Сасенкова) Александра Егоровна (1796 — 1858) — известная комедийная актриса Александринского театра. Мать В. Н. Асенковой. Несколько лет жила в незаконном сожителстве с Н. И. Кашкаровым, отцом В. Н. Асенковой, впоследствии — с П. Н. Креницыным, отцом О. П. Асенковой и Л. П. Асенковой. Воспитывалась в театральном училище; ученица А. А. Шаховского. Успешно дебютировала в 1814 г. в комедии «Марфа и Угар». Исполняла характерные роли: кокеток и служанок в высокой комедии, впоследствии старых дев, сварливых старух, бойких барынь в комедии и водевиле. В начале 1838 г. оставила сцену (6: 107—108). Умерла в 1858 г.; похоронена, по-видимому, на Смоленском кладбище, рядом с В. Н. Асенковой. Предполагаемое знакомство с Некрасовым относится к концу 1830 — началу 1841 гг., когда поэт бывал в доме В. Н. Асенковой (1 ПСС, XIII₂, 42). Возможно, судьба А. отразилась в стихотворении Некрасова «Так говорила актриса отставная...» (1: II, 21, 340; 6: 187—188) (см. также: Асенкова Л. П.) и романе «Мертвое озеро» (2).

1. ПСС, XIII₂, 42; 2. *Чуковский К.* Некрасов, Николай I и Асенкова // *Звенья*, II. М.; Л., 1933. С. 296—301; 3. *Театральная энциклопедия*. Т. 1. М., 1962. С. 320; 4. *Театральное наследство*: Сб. М., 1952; 5. *Родина Т. М.* Варва-

ра Николаевна Асенкова. М., 1952; 6. *Алянский Ю. Л.* Варвара Асенкова. М., 1974; 7. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Составил А. И. Вольф. Часть I. СПб., 1877. С. 6; 8. Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900. С. 347; 9. Энциклопедический словарь. Т. II. Араго—Аутка. Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890. С. 289; 10. *Брянский А. М.* В. Н. Асенкова. Л., 1947.

М. С.

АСЕНКОВА (наст. фам. Сосенкова) Варвара Николаевна (10 (22).04.1817, Петербург — 19.04 (01.05).1841, Петербург) — актриса Александринского театра. «Незаконнорожденная дочь» актрисы А. Е. Асенковой и офицера Семеновского полка Н. И. Кашкарова, сосланного за участие в солдатском бунте в 1826. В 1828—1830 обучалась в театральной школе, откуда была отчислена за отсутствием «необыкновенных способностей», затем в женском пансионе. После частных уроков, взятых у И. И. Сосницкого, 21 января 1835 успешно дебютировала в его бенефисе в водевильных ролях Роксоланы («Сулейман II, или Три султанши» Ш. С.Фавара) и Мины («Лорнет» Э.Скриба), определивших ее амплуа лирико-комедийной актрисы и «травести». Особенную популярность А. снискали роли «с переодеванием»: водевильные (юнкер Лелев («Гусарская стоянка, или Плата той же монетой» Орлова, 1835), Карл II («Пятнадцатилетний король», 1838), девица («Девушка-гусар» Ф. А. Кони) и др.) и в серьезных комедиях (Керубино в «Женитьбе Фигаро» П. О. Бомарше; эта роль считалась одной из ее лучших ролей). Водевиль составлял бóльшую часть репертуара А.; вместе с тем, сценический успех А., игравшей вместе с Н. О. Дюром, способствовал растущей популярности этого жанра. А. была первой исполнительницей роли Марьи Антоновны («Ревизор») и играла Софью и Наталью Дмитриевну («Горе от ума»). Она создавала характеры слабых, женственных героинь, решающихся на героические поступки (Параша-сибирячка в одноименной пьесе Н. А. Полевого).

Успешно исполняла трагические роли: Эсмеральда («Эсмеральда, или Четыре рода любви»), инсценировка романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери»), Вероника («Уголино» Н. А. Полевого), Офелия («Гамлет» В. Шекспира). Новаторское исполнение А. этих ролей (отказ от внешней эффектности, глубокое проживание), замеченное современниками, нашло, однако, у них достаточно сдержанную оценку. Будучи одной из самых занятых артисток, А. играла почти каждый день, несмотря на быстро развивавшуюся чахотку. Последний раз вышла на сцену 16 февраля 1841.

Диапазон оценок сценического мастерства А. обширен. Современники ощущали ее артистический потенциал, который был недостаточно востребован и разработан в текущем репертуаре. Пушкин, возможно знавший А. лично, не был ее поклонником (14 Черейский). М. С. Щепкин, отрицательно относившийся к «сценическому гермафродитизму», как он называл исполнение трагедийных ролей, сказал А.: «вы в “Полковнике старых времен” были так хороши, что гадко было смотреть» (6: 112).

В петербургском театральном мире А. заняла место своего рода культовой фигуры, объекта массового поклонения и слухов. Так, Н. А. Полевой, много писавший для Александринского театра, был влюблен в А., что, очевидно, знали окружающие. По воспоминаниям современников, у А. (в доме Лопатина на углу Невского пр. и Фонтанки) «запросто собиралось» много гостей (10: 298). А. — исполнительница «ролей с переодеванием» и в то же время «беспристрастное, доброе создание» (10: 298), была кумиром светской молодежи, однако ее поклонники позволяли себе бестактные выходки. В русской культурной традиции закрепился образ А. — олицетворения таланта, целомудрия и бескорыстной преданности театру, жертвы притязаний Николая I и жестоких театральных нравов (10: 298—299; 6: 34—35, 52—54; 13: 58), со своеобразной «посмертной» судьбой (6: 181; 13: 57).

Знакомство А. и Некрасова относится, по всей вероятности, к 1839 г., когда поэт знакомится с Кони и начинает бывать в Александринском театре,

а впоследствии писать фельетоны и обзоры. Н. свидетельствовал, что был принят у А. дома («бывал у нее» — 1 ПСС, XIII₂, 42). По предположению И. Г. Ямпольского, в повести И. И. Панаева «Литературная тля» А. послужила прототипом Катерины Ивановны (12), а одним из возможных прототипов влюбленного в нее Гребешкова был Некрасов (14: 15). Исполнение А. роли Офелии (сезон 1839—1840) произвело на Некрасова большое впечатление и отразилось в стихотворении «Офелия» (1840) (1 ПСС: I, 280). В 1855 г. он написал стихотворение «Памяти <Асенков>ой» (1: I, 146). Образ актрисы просматривается в ряде произведений Некрасова, обращенных к теме театра: фрагменте стихотворения «Прекрасная партия» (1852) (1: I, 109), песне Франчески (повесть «Певица» (1840)) (1: VII, 81), в образе актрисы Дюмениль (водевиль «Вот что значит влюбиться в актрису!» (1841)) (1, VI, 694). Возможно, эпизод с травлей А., произошедший 23 мая 1839 на спектакле «Капризы влюбленных» (), нашел отражение в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1: VIII, 220) (подлинное участие Некрасова в конфликте не доказано). Типом внешности А. (грациозная фигура, черные волосы) наделял некоторых своих героинь (Полинька в романе «Три страны света» (1848—1849)) (1: IX₁, 25). Некрасов был на погребении А. 22 апреля 1841 г. и оставил краткое воспоминание о них: «...помню похороны, — похожи, говорили тогда, на похороны Пушкина: теперь таких вообще не бывает» (1 ПСС, XIII₂, 42).

1. ПСС, I: 109, 146, 280, 608—109, 625—626, 665—666; VI, 694, 715; VII, 81, 549; VIII, 220; XIII₂, 42; 2. Чуковский К. Некрасов, Николай I и Асенкова // Звенья, II. М.; Л., 1933. С. 296—301; 3. Театральная энциклопедия. Т. 1. М., 1962. С. 320; 4. Театральное наследство: Сб. М., 1952; 5. Родина Т. М. Варвара Николаевна Асенкова. М., 1952; 6. Алянский Ю. Л. Варвара Асенкова. М., 1974; 7. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Составил А. И. Вольф. Часть I. СПб., 1877. С. 39, 40, 47, 52, 59—62,

69—72, 80—81, 93; 8. Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900. С. 347; 9. Энциклопедический словарь. Т. II. Араго—Аутка. Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890. С. 289; 10. *Шуберт А. И.* Моя жизнь // Судьба таланта. М., 1990. С. 271—428; 11. *Черейский.* Окружение Пушкина; 12. *Ямпольский И. Г.* Литературная деятельность И. И. Панаева: Из истории литературной борьбы 1840-х годов — «Петербургский фельетон» и «Литературная тля» Панаева // Ямпольский И. Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 23—91, 92—109; 13. *Брянский А. М.* В. Н. Асенкова. Л., 1947; 14. *Куделько Н. И.* НБ, 1947, № 16—17, с. 28—30; 14. *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989; 15. *Алянский Ю.* Два апреля // Указатель памятных дат. http://www.lib.cap.ru/ukaz_apr7.asp Вып. 077 от 27.04.2007

М. С.

***АСЕНКОВА** Любовь Павловна (не ранее 1821? — ?) — дочь *А. Е. Асенковой* и П. Н. Креницына, сводная младшая сестра *В. Н. Асенковой*. Предполагаемое знакомство с Некрасовым относится к концу 1830 — началу 1841 гг., когда поэт бывал в доме В. Н. Асенковой (*I: XIII₂, 42*). Возможно, ее судьба отразилась в стихотворении Некрасова «Так говорила актриса отставная...» (*I: II, 21, 340; 4: 187—188*) (см. также: *Асенкова А. Е.*).

1. *ПСС, XIII₂, 42*; 2. *Чуковский К.* Некрасов, Николай I и Асенкова // Звенья, II. М.; Л., 1933. С. 296—301; 3. Театральное наследство: Сб. М., 1952; 4. *Алянский Ю. Л.* Варвара Асенкова. М., 1974.

М. С.

***АСЕНКОВА** Ольга Павловна (не ранее 1821? — ?) — дочь *А. Е. Асенковой* и П. Н. Креницына, сводная младшая сестра *В. Н. Асенковой*. Предполагаемое знакомство с Некрасовым относится к концу 1830 — началу 1841 гг., когда поэт бывал в доме В. Н. Асенковой (*I: XIII₂, 42*).

1. ПСС, XIII₂, 42; 2. Чуковский К. Некрасов, Николай I и Асенкова // Звенья, П. М.; Л., 1933. С. 296—301; 3. Театральное наследство: Сб. М., 1952;
4. Алянский Ю. Л. Варвара Асенкова. М., 1974.

М. С.

БАБСТ Иван Кондратьевич (20.10.1823, по другим сведениям 1824, – 06.07.1881) — историк, экономист, публицист, любимый ученик и протеже Т.Н.Грановского, профессор Московского и Казанского университетов, сотрудник библиографического отдела «Современника», в 1860-х годах домашний наставник наследников престола, один из акционеров, а затем и глава крупнейшего московского купеческого банка.

Происходит из немецкого дворянского рода. Отец — полковник, комендант крепости Илецкая защита в Оренбургском крае (б: б), кавалер ордена Святого Георгия IV класса Конрад-Христофор Бабст.

Окончив курс рижской немецкой классической гимназии одним из лучших, Б. в 1842 году поступил на «словесный» факультет Московского университета. Вскоре он стал одним из любимых учеников Т.Н.Грановского (б: б) и частым гостем на его обедах, где профессор беседовал с заинтересовавшими его студентами, «как с себе равными» (9, I: 52).

В 1846 году по предложению Т.Н.Грановского и Д.Л.Крюкова Б. был оставлен при университете для приготовления к профессуре по кафедре всеобщей истории. Одновременно с подготовкой магистерской диссертации Б. работал учителем истории в Московском сиротском доме (б: б) и пансионе Эннеса, «одном из лучших иностранных пансионов, бывших тогда в Москве» (8: 64). «Фаворит» учащихся и «звезда» пансиона, он любил беседовать с учениками обо всем, зачастую манкируя своими уроками. За эти «недостатки и некоторую распушенность ... любили его еще больше, чем за его истинные и несомненные достоинства как преподавателя» (8: 302).

В 1851 году Б. успешно защитил магистерскую диссертацию «Государственные мужи Древней Греции в эпоху ее распада». Молодому ученому было предложено место преподавателя на кафедре политической экономии Казанского университета. Б. принял предложение и оставался в Казани до 1857 года (6: 6). В 1852 году Б. защитил докторскую диссертацию «Джон Ло, или Финансовый кризис Франции в первые годы регентства». Всероссийскую известность Б.-экономисту принесла его речь, произнесенная 6 июня 1856 года в актовом зале Казанского университета «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала». Отзывы на нее появились на страницах журналов «Русский вестник», «Библиотека для чтения», «Санкт-Петербургские ведомости» (11: 7). Н.Г.Чернышевский привел в «Современнике» отрывки из речи Б. «как прекрасные примеры благородного применения науки к жизни» (5). Практический результат речи Б. — предложение Московского университета занять место, оставленное профессором И.В.Вернадским (6: 13). В Московском университете Б. стал читать курсы политической экономии, истории политической экономии, общей статистики и статистики России. Лектором он пробыл до 1874 года.

Параллельно с преподаванием в университете Б. в 1860 году читал курс лекций в Практической академии коммерческих наук, проецируя на экономику метод исторической школы. В те годы Б. имел репутацию талантливого лектора — знатока своего предмета и увлеченного оратора. По воспоминаниям А.И.Чупрова, ученика и преемника Б., он обладал «даром простого, задушевного и в то же время высокохудожественного изложения своих сведений» (6: 13).

Конец 1850-х — начало 1860-х годов — апогей творчества Б.-публициста. Его ранние речи носят смелый обличительный характер, однако Б. не отличался постоянством политических взглядов. Возможно, именно поэтому его отношения с современниками и прежде всего с близкими друзьями А.И.Герценом и Н.П.Огаревым складывались непросто.

С Герценом Б. познакомился еще в 1840-х годах, во время подготовки диссертации в Московском университете. Позже Б. стал одним из постоянных активных корреспондентов журнала «Колокол». Показателен исторический эпизод, произошедший в 1858 году. Б.Н.Чичерин пишет Герцену письмо, где обвиняет его в разжигании нездоровых страстей в русском обществе, в «легкомысленной агитации» (9, III: 56) и требует осторожности в революционной пропаганде (это письмо было опубликовано на страницах «Колокола» под названием «Обвинительный акт»). В.Д.Кавелин адресует Чичерину ответное письмо за подписью П.В.Анненкова, И.С.Тургенева, А.Д.Галахова, Б. и других литераторов, где укоряет адресата за несправедливость суждений и резкость тона. Б. от своего имени посылает еще одно письмо. Вся переписка была отправлена Герцену. «Имя Б., хотя он был из числа московских моих приятелей, не много для меня значило; я знал, что по бесхарактерности, он не сумеет противостоять влиянию среды, и подпишет все, что угодно», — вспоминает Чичерин на страницах своего дневника (9, III: 56). Действительно, спустя несколько лет Б. занимает все более проправительственные позиции. Герцен включает его в число своих врагов и ругает в частной переписке.

Дружба Б. с Огаревым так же не была постоянной. Б. — официальный комиссионер Огарева, не раз спасает его от разорения. Так, в 1846 году Огарев приобрел писчебумажную фабрику, занялся устройством сахарного и винокуренного заводов. Б. реализовывал в Казани продукцию его фабрики — поставлял бумагу в типографию для губернских ведомостей и в Институт благородных девиц. Дружба Огарева и Б. прекратилась из-за идеологического непостоянства последнего.

В 1862 году Б. был приглашен преподавать статистику Государю Наследнику Николаю Александровичу (6: 14). В 1864—1868 годы был директором Лазаревского института восточных языков, с 1867 года управлял Московским купеческим банком, «дела которого довел до высокого процве-

тания» (б: 7). В 1866 и 1869 годах сопровождал наследника в путешествии по России.

Умер 6 июля 1881 года в своем имении Белавине (б: 7).

Кроме названных работ Б. напечатал много статей в различных периодических изданиях: «Речная область Волги» («Магазин земледения», 1852). «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» (речь, 1856, второе издание, Москва 1857), «Исторический метод политической экономии» («Русский Вестник», 1856), «Статистика и география России и смежных стран Азии» («Русский Вестник» 1857), «Исторический ход торгового движения по Дунаю и его притокам» (Сборник ученых статей профессоров Казанского университета, 1857, т. II), «Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства» (речь, Москва, 1860). Издал публичные лекции по политической экономии, прочитанные им в Практической академии коммерческих наук (1860). Перевел и издал сочинение Рошера: «Начало народного хозяйства», т. I, ч. I, Москва 1860. Издавал вместе с Ф.В.Чижовым журнал «Вестник промышленности» (1860—1861) и газету «Акционер» (1860—1862) (б: 14).

Знакомство Н.А.Некрасова с Б. следует отнести, по-видимому, к маю 1847 года, когда поэт ездил в Москву за материалами для «Современника» (1, XIV₁: 270). В своем письме к В.Г.Белинскому, И.С.Тургеневу, и П.В.Анненкову от 24 июня 1847 года он перечисляет московских литераторов и обещанные ими статьи, попутно сообщая, что был «приискан сотрудник для разбора московских книг» (1, XIV₁: 72; 3: 52). Имеется в виду, вероятно, Б., (1, XIV₁: 270; 3: 55; 10) работавший в то время учителем истории в Московском сиротском доме и пансионе Эннеса. С июля 1847 года Б. был привлечен к сотрудничеству в «Современнике» (1, XIV₁: 272). Работая в библиографическом отделе (3: 178; 4, II: 167), он составлял рецензии на книги, предоставленные ему в магазине книгопродавца и комиссионера Некрасова И.В.Базунова (1, XIV₁: 90, 280). В письме от 5 августа 1847 Некрасов открыто

благодарит Б.: «Вы себе не можете представить — сколько бы пылко ни было Ваше воображение — до какой степени я благодарен Вам за Ваше участие в «Современнике», за Ваши статьи и за Вашу аккуратность. Пишите библиографии московских книг — ваши разборы дельны и лучше не нужно» (1, XIV₁: 76). Указание на «дельность» разборов, бесспорно, — высшая степень положительной эстетической оценки деятельности автора и авторского текста (13). Очевидно, сотрудничество с Б. в 40-е годы было крайне выгодно обновленному «Современнику» как для поправки финансовых дел и журнальной конкуренции с «Отечественными записками» Краевского так и для репутации и престижа журнала: интересы молодого историка Б. совпали с интересами эпохи.

О каких именно статьях Б. идет речь в письме от 5 августа, неизвестно: заметки в разделе «Критика и библиография» печатались анонимно (1, XIV₁: 272). В письме также фигурируют названия двух статей Б. для «Современника» — «Кальвин» и «Статья об Австралии» (1, XIV₁: 76). Обе статьи не были напечатаны в журнале (1, XIV₁: 77, 272), что, предположительно, и спровоцировало первый конфликт между Некрасовым и Б. К сожалению, письма Б. не сохранились, и это сужает наши выводы до степени гипотез. Вероятно, не увидев одной из своих статей («Кальвин») в №8 «Современника» за 1847 год, Б. в негодовании написал Некрасову письмо. Некрасов отвечает оправдательным письмом и разъясняет причины изменений в печати: «Вы ужаснейший чудак, любезнейший Иван Кондратьич! Помилуйте! что статья Ваша не напечатана — так уж Вы заключаете, что мы нашли ее ненужною или негодною» (1, XIV₁: 77). Вместо статьи Б. в №8 «Современника» была опубликована первая часть статьи В.А.Милютинина «Мальтус и его противники. Обзор различных мнений об отношениях производительности к развитию народонаселения», напечатанная в отделе «Науки и художества» (1, XIV₁: 77, 273). Однако Некрасов уверяет Б., что его статья «будет напечатана — это несомненно», ««Современник» ее с удовольствием вместит на своих страницах»,

а автору будет выслан гонорар. Примирительно звучит и заключающая письмо просьба: «Пожалуйста, присылайте на нынешний месяц побольше разборов моск<овских> книг — здесь книг почти не выходит, и библиография будет плохая» (I, XIV₁: 78). С этого момента отношения Некрасова и Б. видятся более формальными и прохладными, тон писем Некрасова становится более официальным. В письмах поэт педантично оговаривает все детали и нюансы литературных и финансовых отношений с Б. Так, в письме от 10 декабря 1847 года Некрасов просит Б. прислать ему краткий перечень своих статей, опубликованных в «Современнике». «Я желаю этого потому, — уточняет поэт, — что боюсь забыть которую-нибудь» (однако, какие именно из публиковавшихся в «Современнике» анонимных рецензий принадлежат Б., пока не установлено (I, XIV₁: 280). Предположительно авторству Б. можно приписать статью «Обозрение Киева в отношении к древностям, изд. И.Фундуклеем. Киев, 1847», напечатанную в №3 «Современника» (I, XIV₁: 288), рецензию на «Историческую хрестоматию церковнославянского и русского языка» А.Д.Галахова и на второй и третий выпуски первого тома «Живописной энциклопедии» (Боград) (I, XIV₁: 290)); «я же с своей стороны, кроме предоставленного в Ваше распоряжение магазина Базунова, могу обещать Вам, что деньги, которые Вы задержите по этому предмету, я беспрекословно буду платить. Достаточно ли этого?..» (I, XIV₁: 90). Б. остается ценным сотрудником для «Современника», и Некрасов в каждом письме оставляет ему рекомендации по работе. «А насчет полноты московской библиографии прошу Вас особенно позаботиться. Книг сколько-нибудь дельных не пропускайте, да и о плохих говорите хотя бы по два слова. О духовных книгах рецензий не нужно» (I, XIV₁: 90). Профессиональные отношения редактора «Современника» и рецензента становятся все более напряженными. Цензурные вмешательства Некрасова Б. воспринимал болезненно, расценивая редакторскую правку как неуважение к себе как писателю и публицисту. Вероятно, ответные письма Б. были не лишены упреков в адрес редактора.

«Скажу Вам откровенно: я было подосадовал на Вас, что Вы советуете мне с *статьями серьезного содержания обходиться поосторожнее*, очевидно приписав исключения и поправки в Ваших статьях моему произволу и малоумию, — иронизирует Некрасов, — но потом я рассудил, что Вы с цензурой дела никогда не имели, и умилился духом» (1, XIV₁: 90).

Интересно, что еще в письме от 22 августа 1847 в ответ на несохранившееся письмо Некрасова (вероятно, речь в нем шла об ангажировании Б. в «Современник» и о некоторых московских материалах для журнала) В.П.Боткин предрекал поэту сложности в сотрудничестве с Б.: «Между нами будь сказано, Вам будут с ним частые хлопоты. Самолюбие у этого господина очень большое. Пишите лучше к нему сами» (1, XV₂: 269; 3: 177; 4, II: 166).

Однако сотрудничество Б. в «Современнике» длилось более 10 лет — с июля 1847 года предположительно по сентябрь 1858 года. Б. писал статьи, рецензии и часто становился посредником между Некрасовым и сотрудниками библиографического отдела (1, XIV₁: 97, 106, 108). Так, в письме от 6 апреля 1848 года Некрасов благодарит Б. за «приохождение Астракова к работе» (его анонимная рецензия на «Предварительный курс астрономии» Д.Первошикова вышла в №3 «Современника» за 1848 год (1, XIV₁: 288)), просит прислать ему сведения об авторе (для представления в цензуру) и высказывает все, что Б. должен «тонко заметить ему» (1, XIV₁: 108).

В 1858 году Б. активно печатается в «Атенее». В №42, 45, 50 за 1858 год и №4 и 8 за 1859 год Б. публикует свои путевые очерки «Три месяца за границей» (рецензия Добролюбова на их отдельное издание «От Москвы до Лейпцига» выйдет на страницах №11 «Современника» за 1859 год (1, XIV₂: 241, 242)). 26 сентября 1858 года Некрасов адресует ему письмо с просьбой написать статью для «Современника»: «...решаюсь Вам напомнить о существовании «Современника» и о том, что он жаждет Вашей статьи. Мы почищаем Ваши статьи в «Атенее», — у нас слюнки текут, отведите же нам ду-

шу, сделайте милость, напишите нам что-нибудь — и в ножки поклонимся! Пожелав Вам всего хорошего, остаюсь Вам преданный Н. Некрасов» (1, XIV₂: 114). И это последнее сохранившееся письмо Некрасова Б. В «Современнике» Б. больше не печатался.

Ключевые черты личности Б. отразились в стихах Некрасова. 20 мая 1875 года на заседании комитета Литературного фонда при предложении в члены фонда профессора Б. Некрасов произнес известную эпиграмму: «Окончив курс, на лекции студентам/ Ученый Швабс с энергией внушал/ Любовь к труду, презрение к процентам,/ Громя тариф, налоги, капитал./ Со- чувственно ему внимали классы.../А ныне он — директор ссудной кассы...» (1, III: 144). Этот экспромт по памяти записал П.А.Ефремов — друг Некрасова, сотрудник «Современника» (1, XIII₂: 509; 4, III: 156). Эпиграмма вошла в текст поэмы «Современники» с заменой фамилии «Бабст» на «Швабс» (2: 460). Эпиграмма отразила метаморфозу Б-экономиста, не укрывшуюся от взглядов современников. С 1860-х годов Б. занимает все более проправительственные позиции. Руководя Московским купеческим банком, он с «неблаговидным равнодушием» пренебрегает своими обязанностями лектора (10: 35). Его практическая деятельность вытесняет научную.

И.И.Янжул, ученик Б., в будущем известный экономист, в мемуарах «О пережитом и виденном в 1864 — 1909 гг.» вспоминает о своих «двойных неудачах с профессором И.К.Бабстом» (10: 14) в пору студенчества в Московском университете. Б. равнодушно отнесся к сочинению Янжула — оценил его высшим баллом, даже не прочитав: «Он только взвесил ее [работу] в руках и заметил: «Очевидно, вы много трудились» и поставил мне почти без экзамена 5... он ставил почти всем желающим» (10: 35). По мнению Янжула, Б., «известный... по своей слабости к рюмочке» «заботился только, видимо, о том, чтобы поменьше делать и побольше зарабатывать денег. <...> Курс политической экономии и статистики, им читаемый... был крайне низкопробным. Политическая экономия представляла собой какой-то скудный конспект

науки, изложенный, правда, понятным языком, но без всякой попытки к полноте ее изложения и к оригинальности» (10: 58).

Другое упоминание Б. в творчестве Некрасова находим в «Дружеской переписке Москвы с Петербургом» в части «Петербургское послание»: «Мудреный град! По приговору сейма/ Там судятся и люди и статьи;/ Ученый Бабст стихами Розенгейма/ Там подкрепляет мнения свои...». Речь идет о статье Б. «О винном откупе», где автор действительно цитирует стихи либерального поэта М.П.Розенгейма.

В целом, отношение Некрасова к Б. неоднозначно. Высоко оценивая его как историка и публициста, поэт иронизирует над Б.-предпринимателем и карьеристом, возможно, не без чувства зависти.

Известно 7 писем Некрасова к Б (

1. ПСС, III, XIII₂, XIV₁, XIV₂, XV₂; по указ.; 2. *Летопись*, с.460; 3. *Переписка Н.*, I, 52,54, 177, 178; 4. *ЛН*, II, с166, 167, III, с.154; 5. *Чернышевский Н.Г.* ПСС. М., 1950. т. VII с. 978; 6. *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней), II, выпуски 22—30, Спб, 1891. с 5—14; 7. *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. I Спб., 1885; 8. *Белоголовый Н.А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1898, 2-е изд., по указ.; 9. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. В 4 томах. т. I. Москва сороковых годов (Записи прошлого. Воспоминания и письма) М.,1929. с. 52, 292—293; т. III. Путешествие за границу. М., 1932. с. 56; 10. *Янжул И.И.* Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. М., 2006. с.35, 57, 58; 11. *Бабст И.К.* *Избранные труды*. М., 1999; 12. *Мельгунов Б.В.* Некрасов-журналист (Малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989. с.151; 13. *Макеев М.С.* Некрасов: поэт и предприниматель. М., 2008. с. 119.

БАЗУНОВ Александр Федорович (1825 – 03.07.1899) – книготорговец и издатель. Сын книгопродавца *В.Ф. Базунова* (1810 – 1854), открывшего в 1835 г. книжную лавку в Санкт-Петербурге (9; 12: 61, 72).

Б. родился в Москве, закончил Московское коммерческое училище, потом поступил на службу в Московский Коммерческий суд. Получив в наследство от отца книжный магазин, переехал в Петербург (12: 63). «Начал книжную торговлю 1858 г. февраля 28 дня» (6). Магазин Б. находился на Невском проспекте, дом №30 (Ольхиной) (7).

Б. состоял комиссионером Академии наук, Морского ученого комитета, Киевского университета, нескольких министерств (юстиции, финансов, государственных имуществ) (12: 63; 3). Правил также комиссией московского книгопродавца И. И. Кольчугина (11: 72). В магазине Б. помещались главные конторы «Русской старины», «Морского сборника», «Русского вестника», «Природы», «Московских ведомостей», Вестника Европы» (15: 56; 12: 63-64). «Почти каждое периодическое издание рекомендовало его своим подписчикам, как более солидный книжный магазин» (4: 190).

Деятельность Б. пользовалась большой популярностью. Согласно каталогу 1869 г., в книжном магазине продавалось 11842 книги по самым разным областям знания, от картографии и технологии до этнографии и словесности (7). С 1855 по 1862 г. в магазине можно было нелегально получить издания Вольной русской типографии (15: 45). Известно, что Ф.М. Достоевский покупал у Б. книги и даже разместил в его магазине контору журнала «Время» (16; 12: 66).

Составленный В.И. Межовым каталог является ценным свидетельством истории книготорговли. Своим появлением в свет в 1869 г. он обязан требованию начальника Главного управления по делам печати, который в 1866 г. согласился дать разрешение ряду книгопродавцев продолжить свою деятельность при условии, что будут составлены каталоги всех книг, указаны

ответственные лица и местонахождение книжных магазинов будет «удобно для полицейского надзора» (15: 51).

Согласно записи в альбоме М.И. Семевского, Б. издал «сборник для юношества» «Знание» за 1861 г. (6). Этим годом можно датировать начало его книгоиздательской деятельности (С.В. Белов предлагает другую дату, 1862 г.; см. 12: 65). Прославился как издатель Ф.М. Достоевского («Записки из мертвого дома» 1862 г., «Преступление и наказание» 1867 г., «Вечный муж» 1871 г.) (6; 12: 66-67). Выпустил в свет также «Марево» В.П. Ключникова, Новые сочинения Г.П. Данилевского, собрание сочинений Г. Гейне в 11 тт. под. ред. П.И. Вейнберга, на выход которого откликнулись *ОЗ* (№ 9 за 1868 г.) (6; 12: 67).

С 1871 по 1876 гг. издавал «Библиотеку современных писателей», в которой были опубликованы произведения Н.С. Лескова («Запечатленный ангел» 1874 г., «Захудалый род» 1875 г., «Павлин. Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» 1876 г.), Г.И. Успенского («Очерки и рассказы», «Разоренье» 1871 г., «Нравы Растеряевой улицы» 1872 г., «Лентяй» 1873 г.), И.А. Куцевского («Николай Негорев, или Благополучный россиянин» 1872 г.; этот роман первоначально был издан в №№ 1-4 *ОЗ* за 1871 г.), В.П. Буренина («Рассказы в современном вкусе» 1874 г.), В.В. Крестовского («Кровавый пух» 1875 г.) и др. (12: 68-69; 3). В 1875 г. Б. совместно с А.С. Иероглифовым издавал еженедельный журнал «Пчела» (до №43 1876 г.) (8)

В литературных кругах считалось, что Б. «наживает на русских беллетристах громадные капиталы», однако его гонорары были весьма низкими (13: 919). Издатель платил за печатный лист Н.С. Лескову 30 р., Ф.М. Достоевскому около 10 р., а другим писателям по 8 р. (10: 246-247; 17: 96-97). За право издания произведения Ф.М. Достоевского «Вечный муж» объемом в 13 п.л. Б. заплатил «все-на-все *сто пятьдесят рублей*, да и то в два срока» (13: 920). Произведения, сбыт которых был обеспечен, покупались дороже.

Так, например, отдельное издание «Петербургских трущоб» и «Панургова стада» В.В. Крестовского Б. купил за 3000 р. (17: 97).

Несмотря на низкие гонорары, книгоиздательская деятельность оказалась убыточной. Б. разорился и неожиданно уехал за границу во второй половине января 1876 г, «собрав чужих денег, следовавших редакциям разных журналов и газет» (4: 187). Взял также подписные деньги других петербургских книжных магазинов. Всего Б. увез около 50 000 р. (1: 252). Сестра книготорговца объявила, что ее брат отправился на лечение (5: 663). Поступок Б. вызвал резонанс в прессе: в журнале «Дело» (№2 за 1876 г.) была напечатана статья «Книгопродавцы в бегах» (4), а ОЗ (№3 за 1876 г.) обсуждали это событие во «Внутреннем обозрении» (5). Некоторые исследователи полагают, что разорение Б. вызвано не только финансовыми причинами, но и неудачной попыткой согласовать «коммерческие начала с общественной полезностью своих изданий» (14: 384-385).

Уже в мае 1876 г. Б. вернулся в Россию и объявил кредиторам о своем критическом положении, вследствие чего в июне месяце был объявлен несостоятельным должником (12: 71). По мнению С.В. Белова тот факт, что Б. вернулся через 4 месяца, а так же отсутствие претензий к книгоиздателю со стороны подписчиков, коллег (Ф.М. Достоевский) и (позднее) мемуаристов и исследователей (С.Ф. Либрович, Г.И. Поршневу), позволяют считать, что Б. бежал за границу, чтобы избежать публичного позора. С точки зрения исследователя, статьи в журнальной периодике, излагающие произошедшее с помощью языковых оборотов «по слухам», «говорят» и т.п., необъективны и тенденциозны. Последний довод ученого заключается в том, что если бы Б. действительно украл такую крупную сумму, то он «жил бы совершенно безбедно за границей» (12: 71).

После двух неудачных аукционов имущество Б. за бесценок перешло к М.О. Вольфу. При этом «вырученная от продажи сумма не покрыла и половины обязательств» (10: 245). По определению суда, вместе с наличным то-

варом к М.О. Вольфу перешли и «все условия Б. с литераторами» (10: 246). При ликвидации дела пострадали и писатели, особенно П.И. Вейнберг, издававший у Б. сочинения Гейне и Гете в переводах русских писателей, которому не был выплачен гонорар (10: 246). Впоследствии нераспроданные книги из магазина Б. сгорели в 1900 г. (10: 249-250; 3).

Сам Б. устроился приказчиком у книготорговца Плотникова за 90 р. в месяц в Гостином дворе (10: 245; 14: 384). Занимал эту должность 23 года, с 1876 по 1899. Умер 3 июля 1899 г. и похоронен на Волковом кладбище в Петербурге (12: 72).

Переписка Некрасова и Б. неизвестна. К сожалению, мы не можем установить и дату знакомства поэта и книгоиздателя. В 1874 г. Г.И. Успенский продал по самой низкой цене Б. право на издание своих произведений. Некрасов и А.М. Унковский содействовали Г.И. Успенскому в выкупе этих прав. Некрасов предполагал позвать Б., «убедить его и взять от него записку», но этот план не был осуществлен, поскольку Г.И. Успенский нуждался в деньгах и не мог ждать (1: 81, 214). Проект Некрасова свидетельствует о знакомстве поэта и издателя.

Последнее упоминание Б. относится к 1876 г. и связано с внезапным отъездом книгоиздателя за границу. 26 марта Некрасов пишет брату, Ф.А. Некрасову: «Книгопродавцы Б. и фирма Черкесова обобрали меня по «От<ечественным> зап<искам>», изданию Островского и моим стихотворениям более чем на 10 т<ысяч>.» (1: 133). Обвинение книготорговца связано со стихами Некрасова: издание «Стихотворений» (т. III, ч. 6, СПб., 1874 г.) «реализовывалось через книжную лавку Б.» (1: 252). По-видимому, Б. купил у Некрасова тираж книги, однако мы не обладаем документами для более подробного описания. Комментаторы собрания сочинений утверждают, что с Б. «Некарсов сотрудничал многие годы» (1: 252). Можно предположить, что сотрудничество с Б. происходило через его дядю, И.В. Базунова (см.: *Базунов И.В.*).

Следует отметить, что в библиотеке Некрасова находилось несколько книг, изданных Б.: «Очерки прошлого. А. Чужбинского» (СПб., 1863), «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского (СПб., 1862), «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности...» Л.Ф. Косенко (СПб., 1871), «Нравы Растеряевой улицы» Г.И. Успенского (СПб., 1872) (2).

1. ПСС, XV₂, 81, 133, 214, 252; 2. ЛН, LIII-LIV, 366, 387, 393, 421; 3. Салтыков-Щедрин М.Е. Письма. 1845-1889. С приложением писем к нему и других материалов. Под.ред. Н.В. Яковлева, при участии Б.Л. Модзалевского. Л., 1924. С. 5; 4. Дело. 1876. №2. С. 187-193; 5. Сочинения Г.З. Елисеева в двух томах. Том первый. М., 1894. С. 661-683; 6. Знакомые. Альбом М.И. Семевского. Издателя, редактора исторического журнала «Русская старина». 1867-1888. СПб., 1888. С. 20; 7. Систематический каталог русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова. Составил В.И.Межов. СПб., 1869; 8. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона. Т. XXVA. СПб., 1898. С. 864; 9. Энциклопедия книги. М., 1999. С. 49; 10. Либрович С.Ф. На литературном посту. М.-Пг. 1916. С. 245, 246, 247, 249-250; 11. Мои воспоминания об Иване Ивановиче Кольчугине. Сообщение моск. книжника И.К. Шамова // П. Симони. Книжная торговля в Москве XVIII - XIX столетии. Л., 1927. С. 68-80; 12. С.В. Белов. Издательская деятельность А.Ф. Базунова // Роль книги в демократизации культуры (сборник научных трудов института культура им. Н.К. Крупской. Т. 113). Л., 1987. С. 61-73; 13. Книжный вестник. 1904. № 32. Стб. 919-920; 14. 400 лет русского книгопечатания. В 2 тт. Т. 1. Русское книгопечатание до 1917 года (1564-1917). М. 1964. С. 384-385; 15. Книга в России. 1861-1881. т. 3. М., 1991. С. 45, 51, 56; 16. Б.Н. Тихомиров. Книги, купленные Достоевским в 1862-1863 гг. в книжном магазине А.Ф.Базунова. // Пи мировая культура. №18. СПб., 2003. С. 158-169; 17. А.И. Рейтблат. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 96-97.

П.У.

БАЗУНОВ Иван Васильевич (1785 — 21.06. 1865) – книготорговец, в магазине которого помещалась московская контора «Современника». Родился в Москве, в семье В. И. Базунова, который, открыв книжную лавку в 1810 г., положил начало семейному делу; брат владельца книжного магазина *Ф. В. Базунова* (1810-1854); дядя книгопродавца и издателя *А.Ф. Базунова* (1825-1899) (8; 9).

Б. «книгопр<одавческой> деятельности посвятил себя с 15 лет. В 1802 г. он занимался в магазине И.В. Попова; потом в общей книжной торговле у Инихова и <В.И.> Базунова; в 20 годах перешел к О.Л. Свешникову; в 1828 г. к А.С. Ширяеву; с 1840 г. торговал вместе <со> Свешниковым, а с 1848 г. один» (9).

В 40-ые гг. в книжном магазине Б., находившемся на Никольской ул., д. 4, «на углу Большой Дмитровки, против университетской типографии, в доме Загряжского» (I: XIV₁, 298; XIII₁, 185), располагалась контора «Отечественных записок» А.А. Краевского. Имя московского книгопродавца неоднократно упоминается в письмах А.И. Герцена, поскольку именно через него писатель посылал А.А. Краевскому свои сочинения (6; 7).

С 1847 г. в книжном магазине Б. открывается московская контора «Современника», о чем Некрасов сообщает в объявлении 1846 г. «Об издании «Современника» в 1847 году», и с этих пор имя книготорговца неразрывно связано с журналом и его издателем (I: XIII₁, 49). В 1863 г. Некрасов в заметке «От главной конторы редакции «Современника» (№12 Совр. за 1863 г.) напоминает читателям, где можно подписаться на журнал в Москве (I: XIII₁, 185).

Известен ряд коммерческих проектов, связывающих имена Б. и Некрасова. В 1855 г., например, Б. приобретает у издателя Н.П. Трушковского весь тираж второго тома «Мертвых душ» и «Сочинений» Н.В. Гоголя, и эти книги

можно было приобрести только в его магазине (1: XIII₁, 125-126). Н., будучи сам предпринимателем, высоко оценил такой шаг: «Мы давно не помним такой капитальной сделки в русской книжной торговле» (1: XIII₁, 126). Проект был осуществлен не без влияния издателя журнала: между книгопродавцем и Некрасовым существовали денежные счета по этому поводу (1: XIV₁, 220), а в заметке «Новое издание сочинений Гоголя» (№ 8 Совр. за 1855 г.) усматривается элемент рекламы. Думается, что подобная сделка выгодно отразилась на ее участниках: Б. получил как покупателей, так, видимо, и прибыль, а у «Современника» повысился статус и, вероятно, возросло количество подписчиков.

По-видимому, Некрасова привлекала идея сотрудничества с Б. 26 марта 1856 г. поэт пишет В.П. Боткину: «Поговори с Базуновым (по секрету), он хочет купить у меня гуртом «Запис<ки> охот<ника>» (1: XIV₂, 11). Уже через два дня В.П. Боткин подтвердил готовность Б. принять предложение Некрасова (1: XIV₂, 192; 4: I, 221-222).

Сначала Некрасов думал продать произведение П.В. Анненкову, издававшему тогда «Повести и рассказы» И.С. Тургенева (см. с ошибочной характеристикой «Н., имевший право на издание»: 2: 493). Однако Б. предложил настолько выгодные условия, что Д.Я. Колбасин, представляющий интересы П.В. Анненкова, вынужден был отказаться от подобного проекта. В письме к первому издателю собрания сочинений А.С. Пушкина от 9 августа 1856 г. Д.Я. Колбасин пишет: «Некрасов «Записки охотника» продает очень выгодно московскому Базунову – по 2 руб. 10 коп. за экземпляр (3000 экз.) и вперед получил 1000 руб., а остальные деньги получит по истечении 9 месяцев, - следовательно, с этими условиями мне трудно было тягаться» (4: I, 251). Таким образом, из письма Д.Я. Колбасина следует, что Некрасов весьма выгодно продал издание, получив за него 6300 руб. Комментаторы полного собрания сочинений полагают, что Некрасов перепродал Б. «Записки охот-

ника» за 2500 руб., однако никаких доказательств этого факта не приводят (1: XIV₂, 243).

К этому же времени относится «<Инструкция Д.Я. Колбасину об издании книг И.С. Тургенева и В.П. Боткина>» от 6 августа 1856 г., в которой Некрасов пишет: ««Записки охотника»: печатать 3025 экземпляров в формате повестей Тургенева, в 2-х томах <...>. На задней стороне обертки каждого тома напечатать: «Продается в Москве у книгопродавца Ив. Вас. Базунова, цена 3 руб.». По напечатании 3000 экз. отослать к Базунову, 8 – в цензуру, а остальные сохранить для автора». (1: XIII₂, 128). Зная цену книги, мы можем предположить, что Б. получил за этот проект (без учета стоимости организации всех стадий издания и при условии, что весь тираж расходуется) 2700 руб. При этом, как и в случае с собранием сочинений Н.В. Гоголя, подобная сделка выгодна обоим участникам: «Современник» обеспечивает Б. рекламу и спрос, а книгопродавец, в свою очередь, повышает статус журнала и увеличивает (в идеале) количество подписчиков.

Необходимо отметить, что предварительное обсуждение сделки происходит, предположительно, без ведома И.С. Тургенева. Только осенью 1856 г. в переписке издателя «Современника» и автора «Записок охотника» возобновляются переговоры о правах на 2-е изд. этого произведения, в результате которых Некрасов выплачивает автору 1000 руб. и оставляет права за собой. Выплата этой суммы, по-видимому, происходит в 1857 г. и сопряжена с историей конфликта А.И. Герцена и Некрасова, в котором И.С. Тургенев принимал немаловажное участие (1: XIV₂, 116, 243; *Герцен А.И.*). Мы можем предположить, что на момент обсуждения проекта с Б., у Некрасова была устная договоренность с И.С. Тургеневым.

Так или иначе, 2-е изд. «Записок охотника» было задержано до 5 февраля 1859 г. из-за цензурного запрета (1: XIII₂, 524) и напечатано Б. только через два с половиной года после выдачи Некрасовым задатка в размере 1000 руб.

В 1856 г. Н. хотел издать и «Письма об Испании» В.П. Боткина. По «<Инструкции Д.Я. Колбасину об издании книг И.С. Тургенева и В.П. Боткина>» 1856 г. видно, что Некрасов еще точно не знал, кому продать тираж: «Готовую книгу, не пуская в продажу, отправить к Базунову с запросом: не хочет ли, мол, купить все издание? И взять с него не менее 2500 руб. <...> Книг<опродавца> Давыдова предпочесть другим...» (1: XIII₂, 129). В «<Инструкции...>» речь также идет об издании «Комедий» И.С. Тургенева: «Все издание продать за 4500 руб. и обратиться к Базунову» (1: XIII₂, 129). Однако И.С. Тургенев не предоставил вовремя тексты для печати, и издание не состоялось (1: XIII₂, 524).

В этом же году имя Б. еще раз оказывается связанным с именем И.С. Тургенева. В самом начале ноября выходят его «Повести и рассказы», изданные П.В. Анненковым. Книга продается по цене 4 р. По свидетельству Н.Г. Чернышевского, «Анненков продал все издание (3000 экз.) Базунову за 8000 р., и имеет 3500 р. выгоды. <...> Книга идет хорошо» (4: I, 312).

Кроме книжных проектов, Некрасова и Б. объединяли вопросы, связанные с «Современником». Большая часть их переписки, посвященной в основном финансовой стороне издания (выплата гонорара, денежные счета, вопрос о распространении), не сохранилась, поскольку имела важность преимущественно только до момента составления годового баланса «Современника».

Известно, что Некрасов и глава московской конторы обменивались письмами и записками, однако большая их часть пропала. О некоторых записках к Б. мы узнаем из писем различных людей к издателю журнала. К сожалению, какие-либо упоминания известного книгопродавца не всегда позволяют нам восстановить контекст ситуации или обозреть ее целиком.

4 января 1848 г., Некрасов в письме к Н.М. Сатину сообщает, что прилагает к письму записку Б. с распоряжением выдать автору гонорар в размере 85 р. сер. за статью об Ирландии (1: XIV₁, 97). 6 апреля Некрасов также при-

лагает записку московскому книгопродавцу с просьбой выдать С.И. Астракову 234 р. асс. за три статьи (1: XIV₁, 108).

В ноябре 1849 г. Некрасов «выписывает записку» Б. с просьбой выдать гонорар А.Н. Афанасьеву (не сохр.) (1: XIV₁, 125, 298). Издатель «Современника» искал сотрудничества с будущим известным ученым и в начале декабря 1849 г. предложил ему рецензировать московские книги: «записывайте заглавия, а потом требуйте по этому списку книг от Базунова, а я уж напишу ему, чтоб он покупал да давал Вам все книги». В этом же письме упоминается несохранившаяся записка в московскую контору: «По Вашему счету <...> послал я Вам записку на 50 р<ублей> сер<ебром>» (1: XIV₁, 127; XV₂, 271). С этим письмом была выслана еще одна записка: «за мной 81 р<убль> ас<сигнациями>, на которые на обороте записка». По-видимому, она была «оторвана, и нынешнее ее местонахождение неизвестно» (1: XIV₁, 127; XV₂, 271).

В письме к Некрасову от 16 декабря 1852 г. И.С. Тургенев просит заплатить за него долг Б. в размере 31 р. 95 к. сер. (4: I, 400), что, по-видимому, поэт и сделал.

В начале октября 1854 г. Некрасов был в Москве и заходил в московскую контору журнала. Там он увидел «толстейшую книжищу» «Песни разных народов» (пер. Н. Берга, М., 1854). 9 октября, через два дня после возвращения в Петербург, Некрасов передает И.С. Тургеневу свои впечатления об этой книге и сообщает, что с письмом «пошлет записку к московскому Базунову, чтоб он <ему> ее выслал» (зап. не сохр.) (1: XIV₁, 192, 335; XV₂, 276). Помимо Н. Берга Некрасов в августе 1855 г. «велел отослать» известному романисту второй том «Мертвых душ» (1: XIV₁, 212).

25 августа 1855 г. из Дулебино Д.В. Григорович пишет письмо Некрасову «в Москву на имя Базунова» с просьбой «75 или 100 руб. сер.» (4: I, 129). В сентябре того же года Некрасов ведет переписку по поводу издания своих «Стихотворений» у К.Т. Солдатенкова. В Москве поэта представляли

В.П. Боткин и Б. Согласно договору с поэтом, издатель должен был выплатить автору 1500 руб. сер. (I: XIII₂, 239); К.Т. Солдатенков «обещал вручить» эти деньги В.П. Боткину 5-го сентября (I: XIV₁, 220). 3-го сентября В.П. Боткин написал поэту письмо, в котором сообщал, что издатель спрашивал его накануне, кому необходимо отдать деньги, по-видимому, забыв об устной договоренности. В.П. Боткин просит Некрасова написать К.Т. Солдатенкову (I: XIV₁, 350).

9 сентября Некрасов пишет письмо В.П. Боткину, в котором сообщает: «Подождав до 7-го сентября, я послал к Базунову, так сказать, официальный документ <«вероятно, текст договора с Солдатенковым, на обороте которого имеется расписка Н. в получении 1500 р.» (I: XIV₁, 350; XIII₁, 239) - П.У.>, который он должен предъявить К<озьме> Т<ерентьевичу> для получения от него 1500 р<ублей> и пересылки нам. Если же Солд<атенков> эти деньги уже прежде отдал тебе <...>, то передай их Базунову, - здесь есть деньги Ивана Васильевича, вырученные за Гоголя<имеется в виду скупка всего тиража собрания сочинений Н.В. Гоголя – П.У.>» (I: XIV₁, 220). В этом письме, помимо всего прочего, дается и характеристика главы московской конторы: «...прошу тебя, брат, помоги Базунову, в чем окажется нужно, ибо старичина несколько бестолков и мешкотен, а деньги уже скоро нужны» (I: XIV₁, 220).

К сожалению, мы не можем проследить, когда деньги были выданы Б., как и не можем с уверенностью сказать, когда их получил Некрасов. Дело осложняется тем, что в тот же день, 9-го сентября, поэт пишет письмо Т.Н. Грановскому. В нем поэт выражает признательность известному историку за то, что благодаря его рекомендации, К.Т. Солдатенков одолжил «Современнику» 3 тыс. руб. (I: XIV₁, 221-222, 351).

16 сентября, в очередном письме к В.П. Боткину, Некрасов просит: «Скажи спасибо Солд<атенкову> - я деньги получил» (I: XIV₁, 224). Комментаторы считают, что в данном случае речь идет о пожертвовании К.Т. Солдатенкова (I: XIV₁, 354). Однако кажется более логичным, если бы

Некрасов, в случае такого крупного денежного одолжения, написал бы книгоиздателю лично. С другой стороны, письмо Т.Н. Грановскому может свидетельствовать о том, что эти деньги уже были получены, а в таком случае не очень понятна просьба поэта, высказанная спустя неделю в письме В.П. Боткину. Можно предположить, что в письме В.П. Боткину от 16 сентября речь идет о деньгах, связанных с изданием «Стихотворений».

Во всяком случае, мы можем сказать, что эти деньги были выданы именно Б., поскольку в письме к В.П. Боткину от 4 октября Некрасов просит его привезти 1000 руб., которая в конце декабря будет ему возвращена Б. (1: XIV₁, 229). Думается, что если деньги К.Т. Солдатенкова были бы получены В.П. Боткиным, то подобная просьба была бы сформулирована в языковом плане совершенно по-другому.

Ноябрем 1855 г. датируется письмо Я.П. Полонского к Некрасову, в котором поэт просит сообщить Б., что он может продать ему 600 экз. книги своих стихотворений, оставив себе 100 (4: II, 164 – с ошибочным указанием, что имеется в виду А.Ф. Базунов; неверно, поскольку он начал книжную торговлю лишь в 1858 г. см. *Базунов А.Ф.*).

21 января 1856 г. Б. отвечает на письмо Некрасова от 14 января, в котором издатель журнала лишил московского книгопродавца права рассылать «Современник» иногородним подписчикам через московскую Газетную Экспедицию (письмо Н. не сохр.) (1: XV₂, 279; 2: 7). Глава московской конторы сообщает, что не может прекратить посылку журнала в Газетную Экспедицию, поскольку «сделал условие еще в декабре прошлого года и обязался в числе прочих журналов доставлять и «Современник» на 1856 – 1 год, и 1-ю книжку до получения письма Вашего уже доставил в количестве 145 экз.». Дальше в письме приводятся денежные расчеты, согласно которым Некрасов от пересылки журнала в Газетную Экспедицию в убытке не будет. В конце письма Б. также прилагает продолжение списка иногородних подписчиков и просит прощения за то, что еще не выслал счета по Совр. за 1855 г. (5: 107).

По всей видимости, приблизительно к этому времени относятся и две графы в «<Расчетах по журналу «Современник»>»: «Баз<унову> 350.<...>Баз<унова> к<онторе> 150» (датировка: сер. 1850-х) (1: XIII₂, 175).

Из письма В.П. Боткина к Некрасову от 3 февраля 1856 г. мы узнаем количестве подписчиков на «Современник»: «155 экземпляров в конторе, 145 – в экспедиции, 71 – в городе» (4: I, 214.) Февралем 1856 г. также датируется письмо Н.П. Шаликовой к Некрасову с просьбой переслать деньги на имя Б. и прислать журнал «Современник» (5: 548-549).

В конце августа 1857 г. А.С. Некрасов пишет сыну, что, находясь в Москве, он взял сто рублей на лечение у Б. за счет Некрасова (2: 104).

1 ноября 1857 г. Б. отвечает на письмо К.И. Вульфа, сотрудника санкт-петербургской конторы (письмо К.И. Вульфа от 29 октября неизвестно). Глава московской конторы посылает счет по журналу за 1856 г. и информирует, что сообщения о подписке на «Современник» и на «Историческую библиотеку» на 1858 год получится напечатать в «Московских ведомостях» «разве дней через пять», а так скоро, как просил К.И. Вульф, «напечатать невозможно» (3: XIV, 261; 2: 118). Необходимая срочность публикации объясняется тем, что в № 234 «С.-Петербургских новостей» от 29 октября было напечатано «Библиографическое известие» о том, что «редакция «Отечественных записок» предполагает с будущего года издавать <...> собрание лучших иностранных исторических сочинений на русском языке...». Это объявление было напечатано ранее объявления редакции «Современника» и могло негативно сказаться на ходе подписки на 1858 г. Б. исполнил свое обещание быстро напечатать тексты только наполовину. Посланное ему объявление «Об издании «Современника» в 1858 г.» было напечатано 5 ноября, в 127 № «Московский ведомостей», когда как объявление об «Исторической библиотеке» только 17 декабря 1857 г., в 151 № той же газеты (3: XIV, 261-262).

27 сентября 1859 г. Некрасов сообщает А.Н. Островскому, что с письмом посылает «деньги, сто руб<лей> (т.е. записку на них к Баунову)» (1:

XIV₂, 127). Еще одну записку к Б., на этот раз на выплату А.Н. Островскому двухсот рублей, Некрасов посылает 6 мая 1860 г. (записка не сохр.) (I: XIV₂, 136, 260; XV₂, 291). В том же 1860 г., в письме от 23 июня к находившемуся за границей Н.А. Добролюбову, Некрасов просит адресовать письма к нему «в Москву И. Базунову» (I: XIV₂, 137). Имена Б. и А.Н. Островского окажутся связанными и в 1864 г., когда Н. напишет известному драматургу (после 7 марта), сопереживая о неполучении гонорара: «А все-таки досадно, да Вы бы просто послали к старикашке записку и вытребовали. - На всякий случай прилагаю теперь таковую свою» (записка неизвестна) (I: XV₁, 16; XV₂, 300).

28 мая 1860 г. Некрасов просит Б. выдавать экземпляры «Современника» 1860 г. П.П. Трубецкому (I: XIII₂, 199), а 6 ноября 1862 г. просит заплатить Н.И. Якушкину 25 руб (I: XIII₂, 205). Эти деньги являлись гонораром за статью «Велик Бог земли русской!» (№ 1-2 Совр. за 1863 г.) (I: XIII₂, 581).

Б. оказался также и участником так называемого *огаревского дела* (см., напр., *Герцен А.И.*), которое рассматривалось в надворном суде Москвы. В ноябре 1860 г. оно окончилось полюбовным соглашением тяжущихся сторон. Судебные издержки обязывались погасить ответчики А.Я. Панаева и Н.С. Шаншиев (З: VIII, 168-169). 21 ноября Некрасов пишет письмо Б. (не сохр.), в котором, очевидно, содержались денежные распоряжения в связи с окончанием дела. В ответном письме от 23 ноября 1860 г. глава московской конторы заверял Некрасова: «Письмо ваше от 21 ноября вчера получил и по назначению Вашему готовлю три тысячи рублей сер<ебром>, которые вручу Авдотье Яковлевне Панаевой по первому ее востребованию, т.е. в четверг 24 ноября, в чем будьте Вы благонадежны» (I: XV₂, 292; З: XIV, 266)

20 августа 1861 г. Некрасов из Грешнево пишет И.А. Панаеву: «К Базунову я пишу вместе с этим письмом, чтоб он поспешил высылкою тебе 2 т<ысяч>, если еще не выслал». (письмо Базунову неизв.) (I: XIV₂, 161; XV₂, 294). 11 декабря того же года Некрасов спрашивает, зачем И.А. Панаев держит у себя письмо московского книгопродавца, адресованное поэту. К сожа-

лению, письмо Б. неизвестно, и мы не знаем, о чем в нем шла речь (1: XIV₂, 167, 281).

29 октября 1862 г. И.А. Панаев извещает Б. о согласованном с Некрасовым изменении комиссионерской платы за «Современник» на 1863 г.: «За городских подписчиков с каждого по 1 р. серебром, за иногородних по сообщенным адресам 75 коп.» (2: 323). Глава московской конторы журнала отвечает на это письмо 1 ноября и сообщает, что он «не отказывается быть комиссионером <журнала – П.У.> и на будущее время». Просит, в связи с изменением цен на журнал, «уведомить, что объяснять гг. подписчикам на «Современник» и какое будет им удовлетворение». К письму приложен отчет московской конторы за 1862 г., «по которому за редакцией 1191 р. 65 коп. серебром» (2: 325; 3: XIV, 266-267).

20 сентября 1863 г. И.А. Панаев в письме к Б. распоряжается выдать из московской конторы А.М. Унковскому 102 р. «(упоминается при сопроводительном письме при отчете моск. конторы за 1863 г. от 18 января 1864 г.)» (2: 358).

28 декабря 1863 г., в сопроводительном письме к «дополнительному отчету по «Современнику» за 1863 год», подписанном «за Базунова Иваном Соловьевым» и адресованном И.А. Панаеву, указаны денежные выплаты «из суммы, собранной за «Современник» 1864 года», в числе которых: «По письму Н.А. Некрасова от 28 декабря полковнику Буткевичу 1500 р.» (1: XV₂, 299). Возможно, это сделано Некрасовым во исполнение одного из пунктов завещания А.С. Некрасова (1: XIII₂, 649; XV₂, 299; 2: 362).

Трудности комментария вызывает письмо М.Е. Салтыкова-Щедрина из Витенево от 17 июля 1870 г. В нем писатель пишет Некрасову: «Ожидаю Вас и в среду 22-го пошлю справиться к Базунову; но теперь покос и крестьяне ездят в Москву редко» (4: II, 250). В этом предложении речь не может идти об уже умершем Б. (4: II, 251), а единственный живой представитель семьи, А.Ф. Базунов, находился в Петербурге. Можно предположить, что в данном

случае имеется в виду книжный магазин, который в то время принадлежал уже И.Г. Соловьеву, по инерции называется именем предыдущего владельца.

Б. умер 21 июня 1865 г. На его смерть откликнулись «Московские ведомости» (№ 37 от 24 июня), «Голос» (№173 от 25 июня) и «Книжный вестник» (№ 12 от 30 июня). Отзыв Н. (если он был) неизвестен. После смерти Б. его сменил И.Г. Соловьев, уполномоченный конторы «Современника» с 1864 г. (З: XI, 56). Когда Некрасов стал издавать «Отечественные записки», московская подписка все также принималась «на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара, против Университетской типографии» «при книжном магазине И.Г. Соловьева (бывшем Б.) (I: XIII₁, 204, 207).

1. ПСС, XIII₁, 49, 125–126, 185, 204, 207, 239; XIII₂, 128, 129, 175, 199, 205, 239, 524, 581; XIV₁, 97, 108, 125, 127, 192, 212, 220–222, 224, 229, 298, 335, 350, 351, 354; XIV₂, 11, 116, 127, 136, 137, 161, 167, 192, 243, 260, 281; XV₁, 16; XV₂, 271, 276, 279, 291, 292, 294, 299, 300; 2. *Летопись*, II, 7, 104, 118, 323, 325, 493; 3. *Некр. сб.*, VIII, 168-169; XI, 56; XIV, 261, 262, 266-267; 4. *Переписка*, I, 129, 214, 221-222, 251, 312, 401; II, 164. 5. *ЛН*, LI–LII, 107, 548-549; 6. ПСС Г., XXII, по указ.; 7. *Летопись Г.*, I, по указ.; 8. Энциклопедия книги. М., 1999. С. 49; 9. Книжный вестник №12 от 30 июня 1865 г. С. 245.

П.У.

БАЗУНОВ Федор Васильевич (1810-1854) – книготорговец. Родился в Москве, в семье В. И. Базунова, который, открыв книжную лавку в 1810 г., положил начало семейному делу. Брат Б., *Иван Васильевич Базунов* (1785-1866), был известным московским книгопродавцем; его сын, *Александр Федорович Базунов* (1825-1866) унаследовал дело отца и к тому же организовал издательскую деятельность (4).

Сначала Б. «был приказчиком у Инихова и Базунова в Москве», а потом поступил приказчиком к А.Ф. Смирдину в Петербурге (Материалы для истории русской книжной торговли. Спб., 1879, с. 29). «После первых же неудач его» открыл в 1835 г. книжную лавку в Санкт-Петербурге и торговал в ней до самой смерти в 1854 г.. (7; 5), «причем Смирдин первоначально помогал ему советами и кредитом» (8: 61). Согласно воспоминаниям Н.Г. Овсянникова, Б. «был одним из известнейших и аккуратнейших книгопродавцев. Сверх книжной торговли главным его делом был прием подписки на все журналы. И при магазине было открыто несколько главных контор разных журналов». Мемуарист подчеркивает, что его делу содействовал брат, И.В. Базунов (6).

В магазине Б., который располагался на Невском проспекте, у Казанского моста, в доме г-жи Энгельгардт (6; 1: 79), с 1850 по 1855 гг. находилась контора «Современника» (1: 79, 132-133). По-видимому, Некрасов сначала только арендовал у Б. место для конторы журнала, сообщая своим читателям в заметке «о перемещении петербургской конторы «Современника» (приложена к №11 и 12 Совр. за 1849 г.), что она «не имеет ничего общего с магазином г. Базунова, кроме помещения<...>. Контора же «Современника» находится под личным управлением редакции» (1: 79). Однако через пять лет, в одноименной заметке (№ 11 Совр. за 1855 г.; особое прилож.), издатели «Современника», Некрасов и И. Панаев, «считают долгом принести нашу искреннюю благодарность книгопродавцу Ф.В. Базунову за *содействие* его исправному ходу дел нашей конторы в течение пятилетнего ее помещения в его магазине» (курсив наш – *Ред.*) (1: 133).

В пользу более тесного сотрудничества между Некрасовым и владельцем книжного магазина говорит тот факт, что Б. в 1852 г. «выпустил в свет отдельно в трех томах» роман Некрасова и Н. Станицкого (А.Я. Панаевой) «Мертвое озеро», приобрести который можно было в доме г-жи Энгельгардт,

о чем Некрасов сообщает в статье «Литературные новости» (№1 Сорв. за 1852 г.) (1:105).

Имена Некрасова и Б. оказываются рядом и в связи с вышедшей в 1852 г. книгой С.Т. Аксакова «Записки ружейного охотника». Поэт и предприниматель, помогая И.С. Тургеневу и И.С. Аксакову устроить судьбу отпечатанного произведения, договорился с Б. о пересылке в его магазин 100 экземпляров книги. Б., в свою очередь, высылает расписку, а деньги выдает «ежедневно, с вычетом 25 процентов» (3).

В письме И.С. Тургенева к И.С. Аксакову содержится так же устный отзыв Некрасова о Б.: «Самый надежный здешний книгопродавец» (3).

Следует также отметить, что, согласно записи В.М. Лазаревского от 1870 г., брат Некрасова, Федор Алексеевич, «видный, здоровенный человек, был лет 25 назад<т.е. в 40-ые гг. – П.У.> приказчиком у <Ф.В.> Базунова» (2)

После смерти Б. книжный магазин унаследовал его сын, книготорговец и издатель, *А.Ф. Базунов*.

1. ПСС, XIII₁, 13, 105, 132-133; 2. *Некр. сб.*, IX, 139-142, 140; 3. *Тургенев, письма*, 2-е изд., II, 126-127; 4. Энциклопедия книги. М., 1999. С. 49; 5. *С.Ф. Либрович*. На литературном посту. М. – Пг., 1916. С. 244; 6. Материалы для истории русской книжной торговли. Спб., 1879. С. 29; 7. *Г.И. Поршнев*. История книжной торговли в России. М., 1925. С. 105; 8. *С.В. Белов*. Издательская деятельность А.Ф. Базунова // Роль книги в демократизации культуры (Институт культуры им. Н.К. Крупской. Сборник научных трудов. Т. 113). Л., 1987. С. 61-73.

П.У.

БЕЛИНСКАЯ (урожд. Орлова) Мария Васильевна (1812, Москва? — 1890) — жена В. Г. Белинского, мать Бензис О. В., Белинского В. В., Белинской В. В. Сын Владимир род. 24.11.1846, умер между 24 и 30 марта

1847 (5: XII, 000; 18: 27; ср.: 5: XII, 556) (его крестными родителями был И. С. Тургенев и А. П. Тютчева — 14: 26); дочь Вера род. до к. ноября 1848, ум. в 1849.

Дочь священника. Окончила Александровский институт в Москве одной из лучших. Служила гувернанткой в частных домах, затем классной дамой в Александровском институте. Не позднее первой половины 1843 оставила службу. Интересовалась литературой; читала статьи Белинского. В 1835 г. познакомилась с Белинским и, по свидетельству ее сестры А. В. Орловой, очень понравилась ему. (7: 565). В 1842 г. знакомство возобновилось. Во время пребывания Белинского в Москве со 2 июня по 3 сентября 1843 г. он сделал Б. предложение, которое она приняла. В ноябре 1843 г. произошло их бракосочетание в Петербурге, чему предшествовала активная переписка (5: XII: по указ.). Предметом длительного спора в ней стало настойчивое желание Белинского венчаться в Петербурге, а не в Москве, ввиду его обязательств перед «Отечественными записками» и желания свести к минимуму традиционные формальности, сопровождающие обряд венчания, против чего, по-видимому, возражали близкие невесты и она сама.

Венчание Б. и Белинского состоялось 12 ноября 1843 г. в Семеновской церкви при Строительном училище. Свидетелями были: П. В. Вержбицкий, А. А. Комаров, А. Я. Кульчицкий, Н. Н. Тютчев, М. А. Языков. Личное знакомство Б. с Некрасовым и всем петербургским кругом знакомых Белинского состоялось после бракосочетания, за исключением А. Я. Панаевой, которую Белинский предупредил о готовящейся женитьбе и попросил о помощи в подготовке домашнего хозяйства. Панаева пишет, что она «пришла к Белинскому и познакомилась с его невестой» (11: 102).

Личность Б. была несимпатична окружению ее мужа. Б., судя по отзывам современников, не доставало женского обаяния: даже в воспоминаниях очень привязанной к ней сестры указывается, что, «несмотря на за-

мечательную тогдашнюю красоту, в сестре не было ни малейшего кокетства и жеманства, а какая-то почти царственная и строгая простота; за отсутствие кокетства Белинский впоследствии упрекал ее, говоря, что женщина должна быть немного кокетливой, — это придает ей пикантности» (7: 565). Н. Н. Тютчев описывает ее внешность, не сглаживая впечатления: «Мария Васильевна была высокого роста и в молодости, говорят, была недурна собой. Выходя замуж, она была уже зрелых лет, насквозь болезненная и с нервической дрожью во всем теле. Движения ее были угловаты и лишены всякой грации; походка ее была какая-то порывистая, при каждом шаге она точно всем телом падала вперед» (7: 472). Впоследствии, уже в годы ее вдовства, Б. посетил П. А. Ефремов, который оставил о ней нелюбезный отзыв: «Не понравилась она мне с первого взгляда. Халда какая-то, торговка с толкуна» (17: 2). Б. обладала упрямым, раздражительным характером, склонностью к спорам; по всей видимости, она вела жесткий финансовый контроль над доходами Белинского, не умевшего обращаться с деньгами. Финансовые нужды Б. возрастали вследствие рождения детей, прогрессирующей болезни мужа и ее собственного болезненного состояния. Возможно, в антипатии друзей Белинского к Б. сыграли роль его признания, «что в его собственном браке не доставало идеального повода и отсутствовало поэтическое настроение» (9: 364): этот союз не был воплощением принятых в кружке Белинского философских дискуссий о любви и браке. П. В. Анненков, однако, отмечает, что Б. умела создать Белинскому «то чуткое молчание домашнего быта, которые позволяли ему думать свои пламенные думы про себя, болеть сердцем без помехи», а его любовь и преданность к Б., детям и семейному быту были очевидны (9: 365). Несмотря на видимую бытовую поддержку и заботу Б. о муже, близкие друзья Белинского неодобрительно относились и к Б., и к их семейному союзу. Так, И. И. Панаев и И. С. Тургенев в своих воспоминаниях о Белинском практически обходят тему его семейной жизни и

личность его жены. В то же время за глаза друзья Белинского давали Б. крайне нелестные оценки, затрагивающие и личность самого Белинского (см., напр., эпиграмму, сочиненную на нее Тургеневым: 1: XV1, 93; 12: 1, 331—544).

Отношение к Б. сыграло едва ли не решающую роль в конфликте редакции «Современника» с Белинским (февраль 1847), который, понимая ухудшающееся физическое состояние и предвидя рождение второго ребенка, хотел стать пайщиком журнала. В наброске письма к М. Е. Салтыкову (1869) Некрасов пытался объяснить этот эпизод отношений с Белинским, получивший негативное освещение в только что вышедших воспоминаниях Тургенева (12: XI, 21—56). Некрасов признавался: «мнение Панаева было то же, что и мое, именно, что предоставление Белинскому доли было бы бесплодно для него и опасно для дела, ввиду неминуемой близкой смерти Белинского, которая была решена врачами, что не было тайной ни для кого из друзей его; пришлось бы связать себя в будущем, имея дело не с ним, а с его наследниками, именно с его женой, которую все мы не любили, не исключая и Тургенева, который, между прочим, сочинил на нее злые стихи» <...> И вот с ней-то нам пришлось бы иметь дело, и это особенно пугало Панаева» (1: XV1, 93). Тем не менее, Некрасов понимал нравственные обязательства перед семьей Белинского и не уклонялся от посильного материального обеспечения Б. и дочери критика.

Взамен пая Белинский получил достаточно выгодные условия оплаты своего труда, имея право выбора в обсуждении своего финансового положения с Некрасовым (5: XII, 334; 2: I, 257—258). Белинскому также причиталось жалованье за полгода, которые он предполагал провести за границей на лечении (1: XIV1, 64—65), а в его отсутствие деньги доставлялись Б. По всей видимости, выплата в кредит была постоянной практикой. В письме к В. П. Боткину от 22 апреля 1847 г. Белинский упоминает об этих выплатах: «...я забрал все деньги по 1-е января 1848 года, без ме-

ня жена, а потом я по приезде осенью будем забирать сумму 1848 года» (5: XII, 360).

Напряженное материальное положение Белинских объяснялось тем, что в марте 1847 г. умер сын Белинских Владимир, что было большим ударом для физического и душевного здоровья Б. и Белинского. Находясь в крайне тяжелом состоянии, Б. попыталась выброситься из окна (квартира располагалась на третьем этаже), но Белинский успел удержать ее (7: 560). 5 мая Белинский писал о ней Боткину: «Вот уже недели три, как жена моя отчаянно больна нервическими припадками. Теперь ей легче, но всё еще болезнь не прошла, и доктор ездит каждый день. Ей угрожало нечто хуже смерти. Это может и возобновиться» (5: XII, 361); «У меня на лекарства выходит рублей 30 и 40 серебром в месяц, если не больше, да рублей 50 сер. стóит доктор. Дом мой — лазарет» (5: XII, 360).

Перед выездом за границу в мае 1847 г. Белинский в письме к В. П. Боткину просил его передать Б. 1000 руб.: «если бы, сверх чаяния, эта 1000 осталась у жены моей цела (а жена моя будет брать у Некр<асова> деньги так, как будто бы у нее этой тысячи не было), она пригодится нам по возвращении моем» (5: XII, 360—361). Белинский в письме к Б. от 29 мая/10 июня 1847 г. обсуждает ее поездку с сестрой и дочерью «на воды» по рекомендации врача и советует: «переговори с Некрасовым, сама или через Тютчева, сколько он может дать тебе» (5: XII, 370). В отсутствие Белинского Некрасов и И.И. Панаев посещали Б.. (2: II, 279—280); в письме от 22 августа (н. с.) Белинский спрашивает Б.: «взяла ли ты у Некрасова денег» (5: XII, 395).

Согласно «Счету “Современника” с г. Белинским (на ассигнации)», составленному 5 мая 1848 г. и сверенному со счетом самого Белинского, Панаев и главным образом Некрасов регулярно выплачивали ему деньги; за вычетом оплаты его труда и статьей других авторов, приобретенных из портфеля альманаха «Левиафан» для журнала, было «передано г. Белин-

скому» 5799 руб. 80 коп. (1: XIII2: 174). Тем не менее, судя по воспоминаниям Орловой, Б. считала, что ее муж «всю жизнь был неудачником», и упрекала Некрасова, когда он просил Белинского писать для журнала (7: 567, 569).

Во время последней болезни и смерти Белинского Б. ожидала их третьего ребенка. В ноябре 1848 г. Б. с сестрой, трехлетней дочерью Ольгой и новорожденной дочерью Верой переехала в Москву. Там она поступила на должность кастелянши Александровского института с жалованьем в 11 руб. в месяц (7: 563) (ср.: 300 руб. ассигн. в год — 7: 671). После (и, по-видимому, вследствие) смерти Веры Б. «получила хроническую болезнь, которую ни в Москве, ни за границей не удалось вылечить» (7: 563).

Сведений о личных встречах Некрасова и Б. после смерти Белинского не сохранилось, хотя, по всей вероятности, они были. В 1856 г. поэт делает дарственную надпись Б. на титульном листе книги своих «Стихотворений»: «Марье Васильевне Белинской От автора» (1: XIII2, 79).

Редакция «Современника» продолжала оказывать материальную помощь семье Б. Из письма Некрасова явствует, что он выдал Б. расписку о причитающихся ей деньгах (неизв.; см.: 1: XIV1, 187, 332). 12 мая 1852 г. Некрасов передал Б. через Н. Н. Тютчева 345 руб. (4: 82—83). В письме к Б. от 26 апреля 1854 г. Некрасов обещает ей выплаты из московской конторы «Современника», сообщает о своем намерении приехать в Москву по делам нового издания «Стихотворений Кольцова», переданного ему Белинским, и оговаривает: «Принимая участие в этом деле, я имею в виду преимущественно Вашу выгоду» (см.: 1: XIV1, 333). Свидание Некрасова и Б. могло состояться в Москве 19—20 сентября или 6 октября 1854 г. (2: I, 446, 448). В марте 1855 г., предполагая возможный смертельный исход своей болезни, Некрасов составляет завещание, в котором, не называя имя Б., в п. 3. делает распоряжение употребить часть дохода по «Современни-

ку» «на погашение своей половины долгов по журналу в той же мере, как это будет делать г. Панаев, ибо это долг общий и должен быть погашен общими средствами» (1: XIII2,311).

По-видимому, выплаты Б. из московской конторы поступали нерегулярно, что настроило ее против Некрасова. 27 сентября 1857 г. Некрасов в письме к Б. сообщает о своем решении «предпринять издание литературного и ученого сборника в пользу семейства Белинского». Излагая перспективы издания сборника и результаты предварительных переговоров, Некрасов посылает Б. проект сборника (см.: 1: XIII2, 246; см. также: 1: XIV2, 80—82; 12: V, 550) и просит сообщить ответ. Б. ответила отказом (4: 82—83). В ответном письме от 27 октября 1857 г. Некрасов сообщает Б. о сделанном им распоряжении на случай своей смерти и повторно убеждает Б. в целесообразности издания сборника: «Я убежден, что этот сборник принес бы по меньшей мере десять тысяч р<ублей> сер<ебром>, и я думаю, что, любя Вашу дочь, Вы не должны были отказываться от возможности обеспечить судьбу ее в будущем. Едва ли нужно говорить, что унижительного в этой общественной помощи за славу и заслуги Вашего мужа — ничего не нашло бы самое щекотливое самолюбие» (1: XIV2, 97—98). Предполагая, что Б. руководствуется «недоверием» к нему, Некрасов говорит о возможной передаче дела другим лицам, пользующимся доверием Б. (там же: 98). 5 марта 1860 г. Литературный фонд назначил Б. пенсию в размере 600 руб.; одним из инициаторов выплаты пенсии был Некрасов (2: II, 206; см. также: 8: 319—326). Впоследствии К. Т. Солдатенков при участии Н. Х. Кетчера и Н. М. Щепкина выпустили издание «Сочинений Белинского» в 12 т. (М., 1859—1862), доход от которого в размере 14 тыс. руб. получила семья Б.

В 1866 г. Б. приезжала из Москвы в Петербург, чтобы заменить первый могильный памятник, поставленный по ее просьбе Д. П. Ивановым,

на «теперешний памятник в пятьсот рублей» (7: 563—564). После этого она уехала за границу и посетила могилу мужа в 1871 г. проездом (7: 564).

1. ПСС: XIII2, XIV1, XIV2: по указ.; 2. Летопись, тт. I, II: по указ.;
3. Переписка Н. А. Некрасова. М., 1987. Т. I. По указ.;
4. Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову / Примеч. Составил Н. Ашукин. М., 1916;
5. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 тт. Т. XII: Письма. По указ.;
6. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1977. По указ.;
7. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. По указ.;
8. ЛН. № 57. М., 1951;
9. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 234, 363;
10. Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988;
11. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972. По указ.;
12. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. Соч.: Т. I: 331, 543—544; XI: 21—56, 337—354; Письма: Т. I, III: по указ.;
13. Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861. М.; Л., 1930;
14. Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957;
15. Егоров Б. Ф. Белинский Виссарион Григорьевич // Русские писатели: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С.206—217;
16. Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848. М., 1967;
17. Из бесед с П. А. Ефремовым // Русское библиологическое общество. Доклады и отчеты (Новая серия). Выпуск I. СПб., 1908. С. 2;
18. Хронологический справочник (XIX и XX века) / Составитель М. И. Пернер. Отв. ред. В. И. Баскаков. Л., 1984.

М. С.

БЕЛИНСКАЯ Ольга Виссарионовна — см. **БЕНЗИС** О. В.

БЕЛИНСКИЙ Виссарион Григорьевич (39.05.1811, креп. Свеаборг, Финляндия — 26.05.1848, СПб.) — критик. Род. в семье флотского врача. С

1816 по 1824 гг. жил в г. Чембар (ныне — г. Белинский) Пензенской губ., с 1822 по 1825 гг. обучался в Пензенской гимназии, с 1829 по 1832 гг. — в Московском университете, откуда был исключен «по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей» (11: 56, 401). Настоящей причиной исключения явилась написанная Б. и представленная им в Московский цензурный комитет романтическая драма «Дмитрий Калинин», героем которой был крепостной интеллигент. Впоследствии факт отчисления Б. из университета стал поводом к частым намекам на интеллектуальную несостоятельность «недоучившегося» студента.

Самообразование было задачей для Б. в течение всей его жизни. Его преимущественный интерес был сосредоточен на философии, эстетике, словесности, позднее — на общественно-политической сфере. Вопросы эстетики получили широкое развитие в статьях Б. 2-й пол. 1840-х гг., а о его отношении к философии *К. Д. Кавелин* оставил следующую запись слов Б., сказанных им уже во время проживания в Петербурге: «...Белинский говорил мне, что философия молодому уму не дается, а дается зрелому возрасту. “Теперь я, — прибавлял он, — только-только созрел достаточно для занятия философией”» (17: 183—184).

Еще в студенческие годы Б. пробовал себя в литературе. После отчисления из университета в сентябре 1832 г. в течение около 2 лет зарабатывал мелкой журнальной работой и переводами в изданиях Н. И. Надеждина «Телескоп» и «Молва». С 1834 г. стал ведущим критиком этих изданий, а в 1834—1835 во время отъездов Надеждина фактически занял пост редактора.

В 1831 г. познакомился с А. В. Кольцовым, в 1833-м — с кружком Н. В. Станкевича, прозвавшего Б. «неистовый Виссарион» (В. И. Красов, *К. С. Аксаков*, Я. М. Неверов, А. П. Ефремов, М. А. Бакунин, *В. П. Боткин*, М. Н. Катков). Под влиянием Станкевича Б. изучает немецкую философию, в первую очередь систему Ф. Шеллинга. В кружке формируются эстетические и этические воззрения Б.: ироническое отношение к писателям и поэтам-

романтикам (В. Г. Бенедиктов, А. А. Бестужев (Марлинский), Н. В. Кукольник, А. В. Тимофеев), сдержанная оценка позднего творчества Пушкина, признание в творчестве *Н. В. Гоголя* явления большого масштаба. Принятая в кружке Станкевича требовательность к духовному, нравственному и интеллектуальному самосовершенствованию способствуют быстрому росту Б.— критика и публициста, формированию его индивидуального стиля, его узнаваемого литературного лица. Наряду с любовью к ближнему, пропагандируемой в кружке, Б. усваивает страстность и бескомпромиссность в отношении идеи.

В 1834—1836 г. в ряде печатных выступлений Б. стремится выработать основные критерии художественности. В цикле «Литературные мечтания. Элегия в прозе» (1834—1835) в качестве критерия выдвигается народность, не сводимая к простонародности, а охватывающая «целую идею народа» (Б. применяет к отечественной литературе «единую идею» Шеллинга). В качестве опоры для формирующейся литературы Б. называет творчество Г. Р. Державина, И. А. Крылова, Пушкина и А. С. Грибоедова. В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”»)» (1835) в качестве критерия заявлена верность изображения; главенствующая роль в современном Б. периоде отечественной литературы отдается Гоголю. Размышления Б. этих лет связаны со стремлением сформировать «теорию изящного», по мысли Б., имеющую статус «особенной науки». Критика предстаёт в его рассуждениях как «движущаяся эстетика», обращенная к литературной практике живой современности.

Критические статьи и идеи Б. этих лет способствуют переосмыслению молодыми литераторами литературного процесса. Несмотря на первоначальный протест, который они вызывали в писателях, сформировавших вкус на романтической традиции, они воспринимались как «новый, смелый, свежий дух» (34: 138). Некрасов позднее обозначил свое восприятие этих статей как «поворот к правде» (1: XIII₁, 56).

В октябре 1836 г. «Телескоп» был закрыт. Намерение Б. переехать в Петербург не осуществилось: его предполагавшееся участие в пушкинском «Современнике» отменила смерть поэта (60: 5—6) и переход журнала к *П. А. Плетневу*, чье отношение к Б. было неоднозначным (Плетнев признавал в Б. эстетическое чутье, но неприятие его деклараций и склада личности критика прогрессировало (см., напр.: 28: I, 163)). Сотрудничество в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» не состоялось ввиду возражения *А. А. Краевского* против подписи Б. под статьями и свободы мнений. Надежды Б. на помощь *Н. А. Полевого*, в 1837 г. переехавшего в Петербург, также не оправдались.

В 1837 г. после отъезда Станкевича за границу Б. и Бакунин оказались во главе кружка. Следующим этапом самообразования Б. стало обращение к наследию Гегеля. Присущее Б. стремление к крайностям в постижении новой идеи обратило его к проповеди «созерцания <...> вместо борьбы» (*Герцен*: IX, 22). К к. 1840 г. происходит смена приоритетов: «Для меня теперь человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества» (4: XI, 556), — формулирует Б. новый исходный посыл своих размышлений о современной литературе. В центре ее оказывается художник — человек рефлектирующий, размышляющий и субъективный. Этот образ для Б. воплощается в фигуре *М. Ю. Лермонтова*, с которым критик познакомился, вероятно, в 1837 г., испытал пристальный интерес к его стихам в 1839 г. и возобновил знакомство в 1840 г. Поэзия и проза Лермонтова оцениваются им не только как проявление высокого дарования, но как «противоядие чтению повестей Марлинского» (4: III, 188), т. е., Б. делегирует писателю воспитательную роль по отношению к читающей публике. «Протест» и «отрицание», исходящие от субъективного человека, Б. трактует как движущую силу истории человечества, без которой она превратилась бы в «болото» (4: XI, 576).

В апреле 1839 г. Б. лично знакомится с *И. И. Панаевым* и *А. Я. Панаевой*. Панаев способствует переезду Б. в Петербург, куда Б. приглашен Краев-

ским заведовать отделами критики и библиографии. Переезд состоялся около 24 октября 1839 г., и первое время Б. проживал у Панаева. В решении переехать в Петербург сыграли роль соображения материального характера (Кравевский предлагал более высокую оплату труда, нежели Надеждин), что имело значение для непрактичного и малоимущего Б. Смена обстановки и окружения, сближение с петербургским кругом литераторов стимулировало критическую и общественно-политическую мысль Б. Панаев способствовал обращению Б. к французской литературе, которая до того находилась на периферии его внимания. Если в 1839 г. ряд статей Б. в «Отечественных записках» выражают идеи т. н. его «примирительного периода», то его статьи 1841 и последующих годов свидетельствуют о внимании Б. к социальной проблематике, к переосмыслению религии (в 1842 г. Б. знакомится с трудом Л. Фейербаха «Сущность христианства»), к идеям французских утопических социалистов (П. Леру, Жорж Санд, П. Ж. Прудона).

В 1840 г. Б. впервые обращается к жанру годового обзора («Русская литература в 1840 г.»), серия которых продолжится до конца его жизни. Жанр годового обзора, в котором Б. сочетал историко-литературный и теоретический аспекты, оказался чрезвычайно продуктивным и востребованным. В произведениях этого жанра были заложены основы науки о литературе, отдельные аспекты которой развивались в других статьях Б.: «Идея искусства» (при жизни не опубликована) и «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) (частичное воплощение замысла «Теоретического и критического курса русской литературы», с одной стороны, и статьи, посвященные отдельному литературному явлению, такие как полемика вокруг поэмы Гоголя «Мертвые души» (1842). В 1843 г. Б. открывает цикл из 11 статей «Сочинения Александра Пушкина», выходящих по октябрь 1846 г.

В литературном мире Б. занимал несколько особое место. Оно было обусловлено как масштабом его дарования и работоспособности, так и складом личности. В методе Б. сказалась одна из доминантных черт его индиви-

дуальности: Б. по своему складу был полемист. И. И. Лажечников передаёт эту характерную черту, во многом объясняющую специфику литературной деятельности Б. и его отношений с людьми: «Споры у нас случались беспрестанные. <...> Только во время споров он был в своей тарелке, настоящим Белинским, вторым томом своих сочинений. При возражениях, или даже слушая разговоры, не к нему обращенные, но несогласные с его убеждениями, он скоро приходил в состояние кипятка. <...> Он не был ни шутлив, ни остер в смысле веселости, но был жестоко-колок и грубо-правдив. Надобно признаться, что в эти минуты он был хорош. Это был факир, или, нет, лучше того, это был жрец своего искусства! Обаятельное влияние его на других было тем сильнее, что в нем не проглядывало ничего искусственного: все была одна натура, душа открытая, сердце, чуждое всякого лукавства» (17: 49—50). Признание в Б. харизматической личности позднее было выражено Некрасовым в приобретшем силу автономной поэтической формулы четверостишии: «Белинский был особенно любим... / Молясь твоей многострадальной тени, / Учитель! перед именем твоим / Позволь смиренно преклонить колени!» («Сцены из лирической комедии “Медвежья охота”» — 1: III, 19) и объясняет влияние Б. на круг московских и петербургских литераторов и остроту конфликтов, возникавших у него и вокруг него (напр., его Зальцбруннское письмо Н. В. Гоголю).

Несмотря на отсутствие основательного, систематического образования, Б. умел глубоко понять, а вернее, почувствовать сущность философского учения или художественного произведения. Свойственная ему склонность искать крайнего выражения идеи распространялась в равной мере на мыслительную деятельность и на сферу межличностных отношений. Принятый в кружке Станкевича своеобразный культ любви к ближнему подразумевал глубокую эмоциональную вовлеченность в споры идеологического, отвлеченного характера. Этим обстоятельством объясняются перемены в личных отношениях Б. с близкими когда-то друзьями (напр., *А. И. Герценом*, Бакуни-

ным, *Н. А. Полевым*). Нравственная чистота, бескомпромиссность и страстность «неистового Виссариона», его глубокая преданность литературе и житейская непрактичность снискали ему любовь окружающих (либо резкую неприязнь оппонентов) и возвели в статус учителя, чья самобытность обладает бóльшим авторитетом, нежели образование. О последнем свидетельствует пример, приведенный в «Воспоминаниях» *В. А. Панаева*: «Перед своею смертью Ив<ан> Ив<анович> отдал мне на память всю составленную им для Белинского компиляцию французской революции, обнимающую пять лет, с 1789 г. по 1794 г. <...> Эта рукопись могла бы составить книгу до двадцати печатных листов. Кроме этого, Ив<ан> Ив<анович> передал мне и разные другие переводы, делавшиеся им для Белинского, из Леру, Жорж Занда и других писателей <...> какова же была привязанность и любовь к Белинскому у людей, его знавших, чтобы человек не праздный, а сам для себя трудящийся, посвятил почти полгода бескорыстного труда для того только, чтобы дать возможность Белинскому ознакомиться с тем, что в его роли писателя-критика ему нужно было знать» (17: 163).

Восприятие Б. как неформального учителя было закономерно и в силу того, что Б. был склонен увлекаться новым талантом и проявлять по отношению к нему особенное внимание. Большую роль играло недюжинное личное обаяние Б., преобразившего невзрачную внешность и неровности характера (современники отмечали, что Б. был болезнен и слаб, чрезвычайно непрактичен, имел не всегда адекватную самооценку, в частности, в отношении личной привлекательности). Так, Тургенев, дав подробное описание внешности болезненного, «довольно некрасивого и даже нескладного» человека, утверждает: «Я не видал глаз более прелестных, чем у Белинского. Голубые, с золотыми искорками в глубине зрачков, эти глаза, в обычное время полузакрытые ресницами, расширялись и сверкали в минуты воодушевления; в минуты веселости взгляд их принимал пленительное выражение приветливой доброты и беспечного счастья» (26: Соч. XI, 24).

В 1835 г. в Москве Б. познакомился с М. В. Орловой (см.: *Белинская М. В.*), классной дамой московского Александровского института. В 1842 г. они возобновили знакомство. Во время пребывания Белинского в Москве со 2 июня по 3 сентября 1843 г. он сделал Б. предложение, которое она приняла. По настоянию Б., невеста приехала к нему в Петербург, их бракосочетание оставалось тайной от друзей до совершения. Исключение составила *А. Я. Панаева*, которую Б. просил помочь подготовить квартиру к семейной жизни (35: 101). Венчание Б. и Белинского состоялось 12 ноября 1843 г. в Семеновской церкви при Строительном училище. Свидетелями были: *П. В. Вержбицкий, А. А. Комаров, А. Я. Кульчицкий, Н. Н. Тютчев, М. А. Языков*.

Женитьба Б. стала предметом обсуждения и недовольства в его ближайшем кругу. Наиболее тонкий и взвешенный отзыв о его семейной жизни оставлен *П. В. Анненковым*, который отмечал, что Б. умела создать Белинскому «то чуткое молчание домашнего быта, которые позволяли ему думать свои пламенные думы про себя, болеть сердцем без помехи» (21: 365). Преданность Б. семейному быту, страстное чадолюбие, ответственность за близких (в семье, кроме супругов и детей, жила свояченица Б. *А. В. Орлова*) были резко отличны от концепции любви и брака, активно обсуждавшейся в окружении Б. Напряженность отношений усугублялась тем, что, по отзывам современников, Б. и ее сестра были «женщины очень посредственные, чтоб не сказать больше» (17: 181). Жену Б. не любили за неблагоприятное внешнее впечатление и тяжелый характер; по всей видимости, сказывались и признания самого Б., «что в его собственном браке не доставало идеального повода и отсутствовало поэтическое настроение» (21: 364). За глаза друзья Б. давали его жене крайне нелестные оценки, затрагивающие и личность самого Белинского (см., напр., эпиграмму, сочиненную на нее Тургеневым: *1: XV₁, 93; 26: 1, 331—544*).

Несмотря на большую занятость в крупном журнале в качестве ведущего критика, оплата труда Б. не была высокой, в то время как с появлением

семейства значительно возросли его нужды. М. В. Белинская обладала слабым здоровьем. В 1845 г. она родила дочь (см.: *Бензис О. В.*), 24.11.1846 г. — сына Владимира (умер между 24 и 30 марта 1847 г.) (см.: *Белинская М. В.*), в конце 1848 г. — дочь Веру (умерла вскоре после рождения). Смерть сына едва не привела Белинскую к помешательству, болезнь потребовала серьезного лечения. Состояние здоровья Б. также сильно ухудшилось: по его словам, смерть сына «сильно расшатала» его, и в нем «еще не развилась, но уже началась» чахотка (4: XII, 361). По свидетельству Б., у него «на лекарства выходит рублей 30 и 40 серебром в месяц, если не больше, да рублей 50 сер. стóит доктор. Дом мой — лазарет» (4: XII, 360).

В петербургский период творчества замыслы Б. обретают масштабный и обобщающий характер и тяготеют к форме отдельных книг, к чему критик намеревался перейти в середине 1840-х гг. Готовившийся переход от деятельности журналиста и публициста к деятельности исследователя и издателя был обусловлен, с одной стороны, развитием историко-литературной мысли Б., с другой стороны — его стремлением изменить свое положение. Б. был не удовлетворен подчиненным положением критика по отношению к редактору журнала, необходимостью уделять время малозначительным явлениям текущей литературы в ущерб собственным замыслам, остро актуальным в эпоху расцвета национальной литературы. Осознание ценности собственной позиции шло вразрез с невозможностью переадресовать вопросы писательской и читательской аудитории персонально себе как критику, самостоятельно выбирая предмет для освещения и ставя под статьей свое имя. Творческий и жизненный путь Б. этого времени, вплоть до дня смерти критика, тесно связан с Некрасовым.

Знакомство Б. и Некрасова охватывает петербургский период жизни и творчества Б. и первое время имело заочный характер. По выходе первого поэтического сборника Некрасова «Мечты и звуки» (1840) Б. поместил в № 3 «Отечественных записок» рецензию, направленную против эпигонской поэ-

зии, к которой он отнес стихи Некрасова, лишённые, по его мнению, «мысли» и «чувства» (4: IV, 118—119). Впоследствии Некрасов вспоминал, что отзыв Б. и отрицательный отзыв *В. С. Межевича* на его сборник побудили его написать «глупый» ответ: «...это был *единственный* случай в моей жизни, что я заступился за себя и свое произведение» (1: XIII₂, 58). Резкий отзыв Б. о Некрасове как о «посредственности» вызвал полемику с Н. А. Полевым (см.: Полевой Н. А. «Несколько слов касательно приговора русским поэтам и прозаикам в “Отечественных записках”» — СО, 1840, № 7, апрель, кн. 1; фельетон Б. «Журналистика» — ответ на статью Полевого; опубл.: ЛГ, 1840, № 43 (4: IV, 177—188)). Выступая против «посредственности» в поэзии в полемике с Полевым, Б. практически одновременно одобрительно отозвался о стихотворном фельетоне Некрасова «Провинциальный подьячий в Петербурге» (ОЗ, 1840, № 5) (4: IV, 169). Коммерческий неуспех сборника и критические выступления Б. способствовали литературной переориентации Некрасова на широкую литературную практику, развитие поэтической техники, освоение новых жанрово-стилистических систем. Впоследствии в записи «О моих стихах» Некрасов упоминает имя Б., перечисляя своего рода вехи поэтического пути («Первые опыты — сумбур, вторые — подражательность бездумная <...> Анекдот о “М<ечтах> и з<вуках>”, <...> Белинский, <...> юмор<истические> ст<ихотворения>...» — 1: XIII₂, 56) и прослеживая свой «поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, крит<ических> ст<атей> Белинского...» (*там же*).

В начале 1840-х Некрасов много выступал в печати с рецензиями, библиографическими обзорами, фельетонами и критическими разборами. Этот род его литературной деятельности привлек одобрительное внимание Б. Позднее в письме к К. Д. Кавелину Б. отзывался о Некрасове-критике: «Вот, например, Некрасов — это талант, да еще какой! Помню, кажется, в 42 или 43 году он написал в “Отечественных записках” разбор какого-то болгаринского изделия с такою злостью, ядовитостью, с таким мастерством — что чи-

тать наслажденье и удивленья» (4: XII, 456). Некрасов писал: «...мысли наши в отзывах отличались замечательным сходством, хотя мои заметки в газете по времени часто предшествовали отзывам Белинского в журнале. Я сблизился с Белинским» (1: XIII₂, 48).

Личное знакомство Б. и Некрасова состоялось не позднее начала 1842 г. По свидетельству А. Я. Панаевой, Б. привел Некрасова к ним в дом (35: 97). В воспоминаниях И. И. Панаева говорится: «В начале 40-х годов к числу сотрудников “Отечественных записок” присоединился Некрасов; некоторые его рецензии обратили на него внимание Белинского, и он познакомился с ним» (34: 285). С 1843 г. начинается сближение Б. и Некрасова. *И. С. Тургенев* писал в своих «Воспоминаниях о Белинском»: «...он, летом 1843 года, когда я с ним познакомился, лелеял и всюду рекомендовал и выводил в люди Некрасова...» (26: Соч XI, 47). То же подтверждает другой источник. «В 1843 году, — вспоминал впоследствии П. В. Анненков, — я видел, как принялся за него <Некрасова. – *Ред.*> Белинский, раскрывая ему сущность его собственной природы и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: “Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне”» (38: 552). Некрасов приводил одно из напутственных высказываний Б.: «Вы верно смотрите, <но> зачем вы похвалили “Ольгу”? – Нельзя ругать все сплошь, говорю. – “Надо ругать все, что нехорошо, Некрасов. Нужна только правда”» (1: XIII₂, 59).

Панаев даёт характеристику личности и деятельности Некрасова через восприятие его Б.: «Некрасов произвел на Белинского с самого начала очень приятное впечатление. Он полюбил его за резкий, несколько ожесточенный ум, за те страдания, которые он испытал так рано, добиваясь куска насущного хлеба, и за тот смелый практический взгляд не по летам, который вынес он из своей труженической и страдальческой жизни — и которому Белинский всегда мучительно завидовал» (34: 285).

Упования Б. на практический ум Некрасова неоднократно звучат в его письмах (см., напр., его письмо к В. П. Боткину: «По обыкновению я весь *промотавшись* и потому замышляю подняться на афферы. Некрасов на это золотой человек...» — 4: XII, 154; см. также: 4: XII, 157, 158).

Разница во взглядах Б. и его друзей и Некрасова на литературный и, в частности, журнальный и издательский процесс достаточно ярко отражена в высказываниях современников. Так, А. В. Орлова, вспоминая споры на даче у Б. (1844), пишет, что Некрасов «говорил меньше других, мало спорил, иронически улыбался во время спора других» (18: 17). Некрасов так передавал тогдашние свои размышления: «Тяжелое производили они на меня впечатление: преобладала часто фраза, диалектика, говорились общие места, говорили больше о Западной Европе, видно было незнание русской жизни и русского народа... Я сознавал, что все это было не то, что нам нужно, но в то же время спорить с ними не мог, потому что они знали гораздо больше меня, гораздо больше меня читали. Сознывая все больше и больше, что нам нужно нечто иное, я начал работать, учиться...» (11: 49—50, 209); «Идеалисты сердили меня, жизнь мимо них проходила, они в ней ровно ничего не смыслили, они все были в мечтах, и все их эксплуатировали. Я редко говорил в их обществе, но когда напивался вместе с ними — на это все мастера были, я начинал говорить против этого идеализма и страшным цинизмом, с таким цинизмом, который просто пугал их. Я все отрицал, все самые благородные стремления и проповедовал жесткий эгоизм и древнее правило — око за око, зуб за зуб. Пускай их!» (11: 49—50, 203). Есть основания считать, что размышления Некрасова в связи с этими спорами отразились в его стихотворении «Я за то глубоко презираю себя...» (59: 51—70).

Признание Б. поэтического дара Некрасова началось со стихотворения «Родина» (1846), первую часть которого, написанную в 1845 г., он показал Б. (в наборной рукописи стоит зачеркнутое посвящение: «В. Г. Б-му») (1: I, 585—586; XIII₂, 48). Критик выделил в качестве поэтических достоинств «за-

чатки отрицания и вообще зарождение тех мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших <...> стихах» Некрасова (*там же*). Оценка Б. сыграла направляющую роль в обращении Некрасова к лермонтовской традиции, чрезвычайно плодотворной для некрасовского творчества (15: 338—339).

К 1840—1845 гг. относится сотрудничество Б. и Некрасова в «Литературной газете». Степень участия каждого из них до конца не выяснена ввиду очень большого количества мелких анонимных публикаций; выступления Б. и Некрасова обнаруживают родственность метода и стиля обоих критиков (подробнее см.: 55), подчас приводившую литературоведов к ошибочным атрибуциям (подробнее см.: 56: 30—31). Так, была ошибочно атрибутирована Б. статья Некрасова «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» (ЛГ, 1844, №№ 1 и 2) (1: XI₁, 407—408), жанрово близкая годовым обзорам Б. и предвосхитившая появление наиболее значительных манифестов «натуральной школы» — сборников и альманахов, выпущенных при тесном сотрудничестве Б. и Некрасова: «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846). Термин «натуральная школа», впервые употребленный Ф. В. Булгариным в критическом отзыве на «Петербургский сборник» (С, 1846, № 22, 26 января), закрепил Б. в статье «Русская литература в 1845 году».

Целью «Физиологии Петербурга» было определение новых эстетических критериев. Подбор материалов заявлял о необходимости широкого развития очерка как наиболее «оперативного» жанра, обеспечивающего широкий охват изображаемого. Слово «физиология» ориентировало на демократический принцип отбора эстетического объекта (в поле зрения автора очерка попадал герой из любого сословия) и на аналитическое осмысление современной читателю и писателю действительности. Помещенные в «Физиологии Петербурга» статьи Б. — «Вступление», «Петербург и Москва» (1-я часть), «Александринский театр» и «Петербургская литература» (2-я часть)

— ориентировали читателя на эстетическое задание сборника (подробнее см.: 16: 216—243).

Актуальность сборника усиливало обилие карикатур, выполненных *А. А. Агиным*, гравированных *Е. Бернардомским* и *А. Е. Масловым*. Жанр иллюстраций дополнительно ориентировал читателя, акцентируя характерные черты окружающей действительности.

По всей видимости, сходные черты должен был обрести задуманный Некрасовым периодический юмористический сборник «Зубоскал» (1845) (см.: 61: XVIII₁, 113—114; 27: 76), не пропущенный цензурой. Сходную направленность имел и альманах «Первое апреля» (1846), которому Б. посвятил одобрительную рецензию (опубл.: ОЗ, 1846, № 4).

«Петербургский сборник», в отличие от «Физиологии Петербурга», имел целью сконцентрировать художественный потенциал «натуральной школы». В нем опубликована статья Б. «Мысли и заметки о русской литературе», выражающая общественную и художественную позицию литературного направления.

В 1846 г. Б. начал собирать собственный альманах «Левиафан», который он намеревался издать весной; альманах был анонсирован, но часть материалов для него не была представлена авторами (2: I, 201, 210, 213, 229). К этому времени Б. утвердился в решении уйти из «Отечественных записок». Решению способствовало совместное намерение Панаева и Некрасова приобрести журнал, с тем чтобы предоставить Б. «заведовать духом и направлением журнала» (25: XXII, 256). Летом 1846 г. выбор был остановлен на «Современнике» П. А. Плетнева, и 18 октября 1846 г. Б. дал согласие возглавить отдел критики в «Современнике» (10: 457). Приняв предложение Некрасова продать ему собранные материалы для «Левиафана», Б. передал их в портфель журнала (1: XIV₁, 59; 2: I, 231).

Начало сотрудничества Б. в «Современнике» повлекло конфликт между ним и обоими издателями. Критик рассчитывал иметь с ними «третью до-

лю» на равных. Его желание стать пайщиком было мотивировано необходимостью укрепить финансовое положение семьи и стремлением получить от окружающих признание себя в новом статусе «хозяина» журнала, а не «работника». Это желание подкреплялось не вполне адекватным представлением Б. о себе как о возможном финансовом руководителе (помимо житейской непрактичности, Б. потерпел неудачу в организации своего альманаха). Стремлению Б. получить пай препятствовало нежелание Панаева и Некрасова в близком будущем иметь дело с М. В. Белинской. Некрасов в наброске письма к М. Е. Салтыкову (1869) писал: «Мнение Панаева было то же, что и мое, именно, что предоставление Белинскому доли было бы бесплодно для него и опасно для дела, ввиду неминуемой близкой смерти Белинского, которая была решена врачами, что не было тайной ни для кого из друзей его; пришлось бы связать себя в будущем, имея дело не с ним, а с его наследниками, именно с его женой, которую все мы не любили, не исключая и Тургенева, который, между прочим, сочинил на нее злые стихи <...> И вот с ней-то нам пришлось бы иметь дело, и это особенно пугало Панаева» (1: XV₁, 93). Около 13 февраля 1847 г. состоялось объяснение между Б. и Некрасовым, который отказал Б. в его желании, предложив взамен контракт: «8 тысяч платы, да после двух тысяч подписчиков по 5 к. с рубля и, в случае болезни или смерти, получение процентов до истечения десятилетия журнала». Б. отказался от этого предложения: «я получаю на тот год 12 тысяч асс. <...> Я <...> предпочел сохранить мою свободу и брать плату как обыкновенный сотрудник и работник» (4: XII, 334). В письме к Тургеневу Б. писал о невыгодном впечатлении, которое произвел на него Некрасов: «При объяснении со мною он был нехорош: кашлял, заикался, говорил, что на то, чего я желаю, он, кажется, для моей же пользы согласиться никак не может по причинам, которые сейчас же объяснит, и по причинам, которых не может мне сказать» (4: XII, 334—335). Однако на следующий день после переговоров с Некрасовым Б. написал ему «благодарственное письмо»: «Вы помешали мне сделать дур-

ное дело». Со слов Некрасова, это письмо (*не сохр.*) хранилось у него (26: 7) вместе с реестром выплаченных Б. денег (см. также «Счет “Современника” с г. Белинским (на ассигнации)», составленный 5 мая 1848 г. и сверенный со счетом самого Белинского (1: XIII₂: 174)).

Внешне отказ в пае выглядел как ущемление Б. в правах, и именно по финансовым мотивам, причем отказ приписывался не редакции, а Некрасову. Мнение Б.: «он в моих глазах — человек, у которого будет капитал, который будет богат, а я знаю, как это делается. Вот уж начал с меня. <...> Н<екрасов> отстранил меня от равного с ним значения в отношении к “Современнику” даже не потому, что $\frac{1}{4}$ меньше $\frac{1}{3}$, а потому, что $\frac{1}{3}$ меньше $\frac{1}{2}$ -ой... Расчет простой и верный» (4: XII, 335) — разделяли многие его друзья, в первую очередь его московский кружок. Некрасов не отрицал собственного материального интереса в этом вопросе («...я вовсе не находился тогда в таком положении, чтоб интересы свои приносить в жертву чьим бы то ни было чужим». — : XV₁, 97). Кавелин в «Воспоминаниях о В. Г. Белинском» выразил оценку действий и мотивов Некрасова, опирающуюся на впечатление самого Б.: «Говорилось, что это будет журнал Белинского, что он основывается для того, чтобы вырвать его из когтей эксплуататора Краевского. Белинский попал на удочку с всегдашней своей младенческой доверчивостью. Что Панаев стал редактором “Современника” — это было еще понятно. Он дал деньги. Но каким образом Некрасов, тогда малоизвестный и не имевший ни гроша, сделался тоже редактором, а Белинский, из-за которого мы были готовы оставить “Отечественные Записки”, оказался наемщиком на жалованье, этого фокуса мы не могли понять, негодовали и подозревали Некрасова в литературном кулачестве и гостиннодворчестве, которые потом так блистательно им доказаны. Статьи, предназначенные для “Левиафана”, вошли в “Современник”» (31: III, 1092—1094). Сам Б. сознавал последствия своих отзывов о Некрасове: «Я хорошо знаю наших москвичей — честь Н<екрасова> в их глазах погибла без возврата, без восстания, и теперь, кто ни сплети им

про него нелепицу, что он, например, что-нибудь украл или сделал другую гадость, — они всему поверят» (4: XII, 334). Анализируя мотивы поступков Некрасова (как он их понимал), Б. приходит к выводу: «Мне теперь кажется, что он действовал честно и добросовестно, основываясь на объективном праве, а до понятия о другом, высшем он еще не дорос, а приобрести его не мог по причине того, что возрос в грязной положительности и никогда не был ни идеалистом, ни романтиком на наш манер <...> Главная ошибка Н<екрасо>ва состоит в том, что он не понял, что кружок людей, в который он вошел, имеет совсем иные понятия о праве, а между тем он, войдя в этот кружок, пришел от него в некоторую зависимость, особенно по изданию журнала» (4: XII, 342—434).

С точки зрения принятой в кружке Б. этики, отказ Некрасова выглядел неблагоприятно: Б. занимал место идеологического лидера и учителя, и Некрасов, молодой и относительно малоизвестный, разделял всеобщее отношение к Б. Но в сложившейся ситуации Некрасов говорил с Б. с позиции стратега и финансового руководителя, что кардинально меняло принятую субординацию. «Практический ум» Некрасова, на который возлагались общие надежды, в шкале кружковых ценностей одновременно рассматривался как явление низшего порядка. Этика деловых отношений, сопряженных с финансовой ответственностью, по мнению Б. и близких к нему людей, должна была унаследовать этику и субординацию отношений кружка.

Между тем, насколько Б. соответствовал роли неформального лидера, настолько же его кандидатура была неудачной для роли официального руководителя журнала. Репутация Б. была такова, что в 1848 г. за ним было установлено наблюдение III отделения. Роль, на которую претендовал Б., подразумевала частые контакты с цензурой, требующие дипломатии, которой не отличался характер «неистового Виссариона». Вследствие быстро развивающейся смертельной болезни Б. в скором времени должен был передать свои полномочия наследнице, некомпетентной в журнальном деле (помимо слож-

ностей личного характера). Наконец, роль руководителя (если она подразумевалась не как номинальная) диктовала свои задачи, отличные от написания статей, в то время как именно критические труды Б. и рассматривались его ближайшим окружением как высшая ценность и цель журнала, и ценность их была тем очевидней, что больной Б. быстро терял силы. Поэтому в известной мере отказ Б. в пае способствовал сохранению его для русской литературы в роли выдающегося критика, теоретика литературы, эстетика, публициста и памфлетиста. По утверждению Некрасова, «никто, кроме Белинского, не был хозяином содержания журнала, пока он мог заниматься, а хозяином кассы он сам не желал бы быть» (I: XV₁, 97).

Можно предполагать, что мотивация отказа Некрасова и Панаева не вполне совпадала. По-видимому, в глазах Панаева, как и большинства его друзей, ценность идей Б. выглядела как сама собой разумеющаяся для читателя, любящего литературу, тогда как перспектива взаимодействия с его наследницей отпугивала по причинам личного характера. Для Некрасова, как более опытного издателя, утверждение авторитета литературно-общественного журнала (и в первую очередь статей Б.) подразумевало вовлечение более широкой читательской аудитории, включая ту ее часть, которая на текущий день довольствовалась другими изданиями. Массовое утверждение эстетики Б. требовало массовой же переориентации читателя. Следовательно, речь шла о конкурентной борьбе на литературном рынке, где укрепление финансовых позиций «Современника» давало возможность выпускать приложения, привлекающие читателя и распространяющие основные идеи журнала. Личное служение идее, в рамках кружка Б. имевшее главенствующее значение, за пределами этого кружка обретало значение одного из средств убеждения в этических и эстетических ценностях. А такое финансовое предприятие, как, например, выпуск альманаха или сборника — эстетической декларации кружка Б., служило средством убеждения читателя на языке искусства, т. е., в конечном счете, на языке идеи. Восприятие идей Б.

не подвергалось Некрасовым сомнению в сфере литературного творчества и просвещения, но критически пересматривалось в сфере деловой и межличностной этики. Право на абсолютное лидерство «идеалиста» в аспекте организационной и финансовой стороны (сферы влияния «практика») представлялось Некрасову необоснованным. Конфликт вокруг базовых ценностей был продиктован разной мерой понимания развития литературы как поля общественной деятельности. (В этом отношении кружок Б. парадоксально сближался во мнении с позицией П. А. Плетнева, провозглашавшего самоценность искусства и отстранение от соображений рынка). Разная мера понимания этой стороны литературного процесса обусловила упрощенную и достаточно тенденциозную интерпретацию отказа Некрасова в пае Б. как основанную только на стремлении к личной материальной выгоде.

Второй непроизнесенной, но достаточно очевидной причиной закрепившегося суждения об отказе в пае явилась та, которую Некрасов называл в письме к Салтыкову: общее нежелание иметь дело с М. В. Белинской. Представляется очевидным, что и Б., и московский кружок знали об этой причине. По этическим соображениям эта причина не могла обсуждаться кружком Б. с учителем, чьи дни были сочтены. Поэтому на вторую, финансовую причину, определенную с большой погрешностью, легла весомость неназванной первой.

Конфликт усугублялся тем обстоятельством, что Б. нуждался в срочной и длительной поездке за границу для лечения, а следовательно, в финансировании этой поездки и средствах к существованию для семьи, остающейся в Петербурге. Финансовое положение Б. оценивалось им и его московскими друзьями не вполне объективно. В их мнении, Б. был жертвой меркантильных интересов Некрасова: «Говорят, Некрас<ов> меркантильничает, и Виссари<ону> попрежнему плохо»; «Герцен, уезжая за границу, хотел излить свою щедрость над Белинским, а вышло, что он только хотел; у него взял на заведение лавки г-н Некрасов 5 тысяч <...> и потом писал, что он истратил

эти деньги на издание того-то и того-то»; «...с ним (Белинским. — *Ред.*) поступили отвратительно — подло — гнусно» (2: I, 247, 259). Между тем, в читавшемся кружком письме Б. к *В. П. Боткину* критик сообщал: «Я спросил Некрасова, мог ли бы я удержать мое жалованье в случае поездки за границу, и он отвечал утвердительно и даже советовал мне непременно ехать, обещая, что, несмотря на то что я много забрал вперед, жена моя в мое отсутствие может брать у них сколько ей нужно» (4: XII, 328). Позднее, в письме к Боткину от 22 апреля 1847 г., Б. писал: «я забрал *все* деньги по 1-е января 1848 года, без меня жена, а потом я по приезде осенью будем забирать сумму 1848 года» (4: XII, 360), а перед выездом за границу, в мае 1847 г., просил Боткина передать М. В. Белинской 1000 руб.: «если бы, сверх чаяния, эта 1000 осталась у жены моей цела (а жена моя будет брать у Некр<асова> деньги так, как будто бы у нее этой тысячи не было), она пригодится нам по возвращении моем» (4: XII, 360—361) (см. также «Счет “Современника” с г. Белинским (на ассигнации)», составленный 5 мая 1848 г. и сверенный со счетом самого Белинского (1: XIII₂: 174)). (Некрасов также вспоминал, что в 1845 г. он, издав «Петербургский сборник и выручив «чистых 2000 рублей», «деньги отдал Белинскому на поездку в Малороссию со Щепкиным» (1: XIII₂, 48—49). Выплаты Б. делались согласно договоренности и с учетом его тяжелых семейных обстоятельств: в марте 1847 г. умер сын Б. Владимир, М. В. Белинская тяжело болела несколько недель, для здоровья Б. смерть сына также была сильным ударом. В то же время, финансовое положение «Современника» было затруднительным: задерживалась высылка необходимых для основания журнала 25 тыс. руб., составлявших пай *Г. М. Толстого*. По этой причине Некрасов «вынужден был прибегнуть» к деньгам, полученным от Герцена (1: XIV₁, 65—67).

В ходе конфликта отношение Б. к Некрасову колеблется. Он одновременно защищает Некрасова во мнении других и высказывает свое разочарование: «...Некр<асов> страшно угловат, и его надо знать да знать, чтобы

иногда действительно не принять за мерзость то, в чем никакой мерзости нет» (4: XII, 325); «Я любил его, так любил, что мне и теперь иногда то жалко его, до досадно на него за него, а не за себя. Но мне трудно *переболеть* внутренним разрывом с человеком, а потом ничего. <...> Я и теперь высоко ценю Н<екрасо>ва за его богатую натуру и даровитость; но тем не менее он в моих глазах — человек, у которого будет капитал <...> а я знаю, как это делается» (4: XII, 335). В письмах Б. даёт неодобрительную оценку работе обоих редакторов, цитируя свои упреки, сделанные Некрасову: «В 1-м письме моем я сказал, что Н<екрасов> будет с капиталом; а теперь вижу, что к этому даже я способнее его, ибо могу работать и во мне чувство обязанности и долга сильнее лени и апатии. <...> Вместо того, чтобы ожить и проснуться от “Современника”, он еще больше замер и заснул <...> Вы, сударь, спите, от “Современника” толку не будет, Вы его губите. <...> Кто ближе всех к “Современнику”? Н<екрасов>, и он-то не обнаруживает ни малейшего к нему усердия. Я всех ретивее, хотя и вовсе не ретив»; «...я один, читая русские газеты, знаю все петербургские и московские новости, а они (Некрасов и Панаев. — *Ред.*) почти ничего не знают»; «“Современник” — журнал без редактора, без главы. <...> Н<екрасов> — золотой, неоцененный сотрудник для журнала; но распорядитель — сквернейший, хуже которого разве только Панаев. <...> Теперь он видит, что без меня шагу сделать нельзя, да что! Всё это не то» (4: XII, 343—345). В течение весны Б. выражает желание перебраться обратно в Москву и намеревается сменить квартиру в Петербурге. Обсуждая этот вопрос с женой, он пишет: «А с Некрасовым мне переписываться на этот раз нечего: на этот счет у нас с ним переговорено и порешено», и прибавляет по поводу будущей квартиры: «К Некрасову можно и ближе и дальше, как случится» (4: XII, 374). Однако оценка творчества Некрасова и его литературного таланта остаётся высокой («Некр<асов> написал недавно страшно хорошее стихотворение. <...> Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!» (4: XII, 336)). Некрасов в набросках письма к М. Е.

Салтыкову по поводу публикации в «Вестнике Европы» писем Б. в воспоминаниях И. С. Тургенева свидетельствует: «...он (Б. — *Ред.*) высказал мне горячо и более резко, чем в этих письмах. Свое неудовольствие и свое сожаление о внутреннем разрыве со мною <...> но отношения наши до самой его смерти были короткие и хорошие. <...> Отношения его ко мне до самой смерти сохранили тот характер, какой имели вначале. Белинский видел во мне богато одаренную натуру, которой недостает развития и образования. И вот около этого-то держались его беседы со мною, имевшие для меня значение поучения»; тяжелая работа и цензурные гонения, «все это <...> довело мое здоровье до такого расстройтва, что Б<елинский> часто говаривал, что я немногим лучше его. Белинский вообще знал мою тогдашнюю жизнь до мельчайшей точности и строго говаривал мне: “Что Вы с собой делаете, Н<екрасов>, смотрите! берегитесь! иначе с Вами то же будет, что со мною!” При этом в его умирающих глазах я уловил однажды выражение, которое не умею иначе истолковать, как <...> любовью <...> Впоследствии я узнал от общих друзей, что в близкой моей смерти он был убежден положительно» (I: XV₁, 94—95).

С 5 мая по 24 сентября 1847 г. Б. ездил за границу на лечение. Во время этой поездки он пишет Зальцбруннское письмо Н. В. Гоголю, в котором формулирует свои воззрения последнего периода на общественно-политическую обстановку в России и роль писателя в обществе.

Улучшение состояния здоровья Б. было нестойким и непродолжительным. Творческий путь Б. завершили обзорная статья «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» и «Некролог П. С. Мочалова». В начале января 1848 г. наступило резкое ухудшение в связи с быстро развивающимся туберкулезом. С февраля болезнь Б. вступила в последнюю стадию. Одновременно, в связи с революционными событиями во Франции, 20 февраля 1848 г. Б. был послан вызов в III отделение, 27 марта — повторный вызов (45: 174—176). Вследствие неявки Б. в III отделение к нему на квартиру пришел агент (47: 32, 140).

26 мая 1848 г. Б. умер. Перед смертью он уничтожил большую часть своих бумаг. Похоронен на Волковом кладбище «по пятому разряду» (11: 56, 198); именно захоронение Б. положило начало возникновению мемориального участка кладбища «Литераторские мостки». Похоронная процессия прошла под наблюдением полицейских агентов. Похороны были проведены за счет ближайшего круга сотрудников, однако сведений об участии Некрасова нет. Имя Б. было запрещено упоминать в периодике до 1856 г., но уже во второй половине 1848 г. друзья Б. приняли решение собрать и классифицировать оставшиеся бумаги Б., чтобы впоследствии подготовить его собрание сочинений (вышло в 12 т. в 1859—1862 гг., в Москве; его подготовили *Н. Х. Кетчер* и *А. Д. Галахов*, издателями были *К. Т. Солдатенков* и *Н. М. Щепкин*). Некрасов в 1848 г. составил «Реестр бумагам, оставшимся после Белинского» (1: XIII₂, 14—16).

После смерти Б. кружок «Современника» и в частности Некрасов помогали материально семье критика (см.: *Белинская М. В.*). В ближайшем окружении Некрасова формировался своего рода культ Б. Его эстетическое наследие рассматривалось как некая истина, апелляция к которой придавала авторитет эстетической позиции критиков последующих десятилетий. Фигура Б. в воспоминаниях современников представляла в некоем ореоле подвижничества, а его учительная роль в личных отношениях обретала значение первостепенной. Воспоминания ближайших к Б. людей — Герцена, Анненкова, Тургенева, И. И. Панаева, А. Я. Панаевой — содержат яркий литературный портрет Б. Упоминания о роли Б. в его литературной судьбе содержатся в автобиографических текстах Некрасова (см.: 1: XIII₂, по указ.). Некоторые оценки Некрасова приводятся в воспоминаниях А. Я. Панаевой: «Я с каждым годом все сильнее чувствую, как важна для меня потеря его. <...> Ясно припоминаю, как мы с ним, вдвоем, часов до двух ночи беседовали о литературе и о разных других предметах. <...> Моя встреча Белинским была для меня спасением... Что бы ему пожить подольше! Я был бы не тем чело-

веком, каким теперь!» Панаева вспоминает, что после воспоминаний о Б. Некрасов «всегда принимается писать стихи» (35: 290—291). Над письменным столом Некрасова висела посмертная маска Б. Образ Б. запечатлен в стихотворении «Памяти Белинского» (1853) (в первой публ. в «Современнике», 1855, № 3 — «Памяти приятеля») (I: I, 121, 613—614), поэме «В. Г. Белинский» (1855) (I: IV, 5—9, 524—530), «Сценах из лирической комедии “Медвежья охота”» (1867) (I: III, 5—22, 390—398). В наборной рукописи одобренного Б. стихотворения Некрасова «Родина» (1846) стояло зачеркнутое посвящение: «В. Г. Б-му») (I: I, 585—586; XIII₂, 48; 2: I, 194). Поэтический портрет Б. наделен чертами подвижничества, а фрагменты его жизнеописания — чертами жития; Б. в поэзии Некрасова открывает ряд героев, олицетворяющих путь литератора как служение обществу с возможно мученическим исходом (Добролюбов, Чернышевский, Шевченко; заметна мотивно-стилистическая общность этих образов с образом матери). Краткое воспоминание о поэме «В. Г. Белинский» и фрагменты из нее записаны Некрасовым в дневниковой записи от 23 августа 1877 г.; в записи, сделанной за неделю до этого дня, от 16 июня 1877 г., Некрасов упоминает: «Любимое стихотворение Белинского было “В степи мирской, широкой и безбрежной” (Пушкин)» (I: XIII₂, 65—66).

1. ПСС; 2. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. I. СПб., 2006; т. II. СПб., 2007; т. III. СПб., 2010 (в печати); 3. Переписка Н. А. Некрасова; 4. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 тт. М., 1953—1959; 5. *Белинский В. Г.* Письма. СПб., 1914 / Ред., примеч. Е. А. Ляцкого. Т. I—III; 6. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 1—11 / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; П., 1900—1917; т. 12. М.; Л., 1926; т. 13. Л., 1948; 7. *Белинский В. Г.* Избранные эстетические работы: В 2 т. М., 1986; 8. *Белинский В. Г.* Письма. СПб., 1914 / Ред., примеч. Е. А. Ляцкого. Т. I—III; 9. Белинский и его корреспонденты. М., 1948; 10. *Оксман Ю.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского.

М., 1958; 11. ЛН. Т. 55—57 (Белинский); 12. Летопись жизни и деятельности А. И. Герцена. 1812—1850. М., 1974; 13. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821—1881. СПб., 1993. Т. I; 14. *Никитина Н. С.* Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858). СПб., 1995; 15. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981; 16. Физиология Петербурга / Изд. подг. В. И. Кулешов. М., 1991.; 17. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977; 18. В пользу голодающих. «Лепта Белинского». М., 1892; 19. *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки» 1839—1848. Указатель содержания. М., 1985; 20. *Боград В. Э.* Журнал «Современник» 1847—1866. Указатель содержания. Л., 1959; 21. *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1960; 22. П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка. 1835—1885 годов. СПб., 1892. Т. 1; 23. *Боткин В. П., Тургенев И. С.* Неизданная переписка. 1851—1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музе / Подг. к печати Н. А. Бродский. М.; Л., 1930; 24. Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998; 25. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. IX. М., 1956; Т. XXII. М., 1961; 26. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London: The Carnett Press; М., 1999; 26. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: Т. I: 331, 543—544; XI: 21—56, 337—354; Письма: по указ.; 27. *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1987; 28. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. I—III; 29. *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986; 30. Из бесед с П. А. Ефремовым // Русское библиологическое общество. Доклады и отчеты (Новая серия). Выпуск I. СПб., 1908. С. 2; 31. *Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1899. Т. III; 32. *Никитенко А. В.* Дневник: В 3-х т. [Л.], 1955—1956. По указ.; 33. *Панаев В. А.* Из «Воспоминаний». Прил. // Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987; 34. *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988; 35. *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1972; 36. *Полевой Н. А.* Дневник (1838—1845) / Предисл. и примеч.

П. Н. Полевого // ИВ. 1888. № 3. С. 654—674; № 4. С. 163—183; 37. Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого с двумя портретами. С.-Петербург: Изд. А. С. Суворина, 1988; 38. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3; 39. Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1987. Т. I, II; 40. Березина В. Г., Евгеньев-Максимов В. Е. Николай Алексеевич Полевой: Очерк жизни и деятельности: 1846—1946. ОГИЗ: Иркутское областное издательство, 1947; 41. Литературные взгляды и творчество Н. А. Полевого. М.: ИМЛИ РАН, 2002; 42. Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1947. Т. 1; 1950. Т. 2. М., 1952; Т. 3.; 43. Евгеньев-Максимов В. «Современник» в 1840—1850 годы. Л., 1934; 44. Евгеньев-Максимов В. Е. Николай Алексеевич Некрасов. М., 1914; 45. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е. СПб., 1909; 46. Ломан О. В. Некрасов в Петербурге. Л., 1985; 47. Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957; 48. Пытин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. 2-5 изд. СПб., 1908; 49. Егоров Б. Ф. Белинский Виссарион Григорьевич // Русские писатели: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С.206—217; 50. Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стилль. Л., 1980; 51. Егоров Б. Ф. Литературно-критическая деятельность Белинского. М., 1982; 52. Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1830. М., 1949; 53. Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836—1841. М., 1961; 54. Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848. М., 1967; 55. Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете» (Хроника, гипотезы, находки). СПб., 1995; 56. Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989; 57. Талашов Г. П. «Литературная газета» 1840—1845 годов. СПб., 2005; 58. Громова Л. П. А. А. Краевский — редактор и издатель. СПб., 2001; 59. Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2009; 60. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. второе, допол-

ненное и переработанное. Л., 1988; 61. *Достоевский Ф. М.* Полн. СОБР. соч. и писем: В 30 т. Т. XVIII₁. Л., 1985.

М. С.

БЕНЗИС (урожд. Белинская) Ольга Виссарионовна (13 июня 1845, СПб. — 1902) — дочь В. Г. Белинского и М. В. Белинской, их первый и единственный выживший ребенок (см.: Белинская М. В.; 8: 234, 363), племянница А. В. Орловой. Крестными родителями стали И. И. Маслов и Орлова. До конца ноября 1848 г. Б. проживала в Петербурге; в 1848 г. переехала с матерью, теткой и сестрой (см.: Белинская М. В.) в Москву. В 1866 г. вместе с М. В. Белинской и А. В. Орловой Б. выехала за границу и вышла замуж в Греции (г. Корфу) (6: 564).

Современники вспоминают, что при жизни Белинского Б. была «маленькая рыженькая девочка» (6: 574), «из которой вышла, говорят, очень пустая девушка» (6: 181). По воспоминаниям Орловой, девочка по слабости здоровья не могла обучаться в институте даже в качестве приходящей, поэтому до 16 лет получала домашнее образование, а после 16 лет брала на дому уроки преподавателей Александровского института, «с небольшим в год приготовилась и отлично выдержала экзамен в Московском университете» (6: 564).

Б. встречалась с Некрасовым в родительском доме первые три года своей жизни. Знакомство не было полноценным: в письме к М. В. Белинской от 26 апреля 1854 г. Некрасов пишет: «Кланяюсь Вашей дочери, которая меня не помнит» (1: XIV1, 188). После смерти отца и отъезда в Москву Б. получала вместе с матерью посильную материальную помощь от друзей Белинского, в частности от Некрасова (1: XIV1, 332—333). 5 марта 1860 г. Литературный фонд назначил вдове Белинского пенсию в размере 600 руб.; одним из инициаторов выплаты пенсии был Некрасов (2: II, 206; см. также: 7: 319—326). Как вспоминает А. Я. Панаева, на од-

ном из редакционных обедов, когда «зашел общий разговор, как было бы хорошо, если бы разрешили издать сочинения Белинского, — тогда дочь его была бы обеспечена», Тургенев выразил желание подарить Б. «деревню в двести пятьдесят душ» по получении наследства (9: 187). Это же намерение Тургенева, высказанное по поводу рождения сына Белинского Владимира (см.: Белинская М. В.), приводит Орлова (6: 559). В 1857 г. Некрасов и Тургенев обсуждают возможность второго издания «Записок охотника» в пользу Тургенева, «а еще лучше: отдадим их дочери Белинского» (1: XIV2, 80—82). Этот замысел не был осуществлен (см.: Тургенев ПСС: V, 550). В 1857 г. Некрасов составил проект обращения к известным писателям — приглашение к участию в сборнике в пользу семьи В. Г. Белинского (1: XIII2, 246, 606). 27 сентября 1857 г. Некрасов в письме к М. В. Белинской обсуждает возможность этого издания и посылает ей официальное обращение по поводу сборника (1: XIV2, 93—94). Его замыслу воспротивилась М. В. Белинская (АСК: 82—83). К. Т. Солдатенков при участии Н. Х. Кетчера и Н. М. Щепкина выпустили издание «Сочинений Белинского» в 12 т. (М., 1859—1862), доход от которого обеспечил вдову и дочь критика: 14 тыс. руб., пришедшиеся на долю М. В. Белинской, составили приданое Б. (6: 564).

1. ПСС: XIII2, XIV1, XIV2: по указ.; 2. Летопись, тт. I, II: по указ.; 3. Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову / Примеч. Составил Н. Ашукин. М., 1916; 4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 тт. Т. XII: Письма. По указ.; 5. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1977. По указ.; 6. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. По указ.; 7. ЛН. № 57. М., 1951; 8. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 234, 363; 9. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972. По указ.; 10. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. Письма: Т. I, III: по указ.; 11. Тургенев и круг «Современника». Неизданные материа-

лы. 1847—1861. М.; Л., 1930; 12. Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957; 13. Егоров Б. Ф. Белинский Виссарион Григорьевич // Русские писатели: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С.206—217; 14. Из бесед с П. А. Ефремовым // Русское библиологическое общество. Доклады и отчеты (Новая серия). Выпуск I. СПб., 1908. С. 2.

М. С.

БОБОРЫКИН Петр Дмитриевич (15.08.1836—12.08.1921), прозаик, публицист, почетный академик (1902). Из древнего дворянского рода. Получил домашнее образование, затем, окончив Нижегородскую гимназию в 1853 г., поступил в камеральный разряд юридического ф-та Казанского ун-та. В эти годы Боборыкин увлекается естественными науками. В 1855 г. переходит на отделение химии Дерптского ун-та. В 1857 г. сдал половинный канд. Экзамен, переводится на медицинский ф-т. Прослушав весь курс, выпускных экзаменов не сдавал. В годы учебы участвовал в любительских спектаклях, для которых написал несколько пьес: «Фразеры», «Ребенок», «Однодворец». Последнюю опубликовали в десятом номере «Библиотеки для чтения» в 1860 г. После этого он, решив стать профессиональным литератором, переезжает в Санкт-Петербург. В 1861 г. сдает экзамен на кандидата прав. Под псевдонимом «Нескажусь» постоянно пишет фельетоны в журнале «Библиотека для чтения». Там же печатает роман «В путь-дорогу» (1862—1864). В 1863 г. А. Ф. Писемский отказывается от руководства журналом. Боборыкин выкупает «Библиотеку для чтения» и с 1863 г. становится ее редактором-издателем.. Впоследствии он писал: «Я не примкнул ни к одной из редакций крайнего направления, меня не волновали страстно чисто общественные вопросы, борьба противоположных лагерей, разные лозунги и клички той эпохи» (1). Тем не менее, будучи редактором журнала, Боборыкин активно участвовал в литературно-журнальной полемике, печатал антিনিгилистические произведения, высмеивая «петербургских мудрецов», как он называл сотрудников

«Современника». В 1865 г. подписка на журнал резко упала, издание «Библиотеки для чтения» пришлось прекратить. После этого Боборыкин уезжает в Париж, где, по его словам, «отдался изучению положительной философии и выяснил себе многие запросы чисто умственного и общественного характера»(1). За границей встречался с А. И. Герценом, участвовал в Брюссельском конгрессе I Интернационала в 1868 г. В конце 1867 г. Боборыкин предложил Некрасову публиковать ежемесячные обзоры «С перекрестка цивилизации» в «Отечественных записках» (3). Это предложение осталось без ответа. Боборыкин писал в письме от 14 (26) января 1868 г. Н. Н. Страхову, участвовавшему в 1867 г. в редакционных делах «Отечественных записок»: «Жду все от Вас вестей. Писал и Краевскому и Некрасову; но ответов, разумеется, не удостоился» (2). В ноябре 1868 г. он отправил Некрасову статью, освещающую конгресс I Интернационала в Брюсселе и конференцию международной организации Лиги Мира и Свободы в Берне. Боборыкин писал Некрасову: «Я проделал оба конгресса в Брюсселе и Берне, имеющих такую тесную мыслительную и социальную связь; на мне лежит безотлагаемый долг сказать свое слово, а нигде, кроме Вашего журнала, я этого сделать не могу» (2; 399). Но и эта просьба осталась без ответа. Весной 1870 г. Некрасов сам обратился к Боборыкину с предложением опубликовать в «Отечественных записках» его новый роман. «Считаю лишним распространяться, - писал Некрасов, - что нам нужно. Вы это сами знаете. На талант Ваш мы надеемся, а Вы, конечно, избегнете того, что нам не совсем по вкусу и на что указание найдете в рецензии на одно из Ваших произведений, помещенной в «От<ечественных> зап<исках>» (2: 400). Имеется в виду критическая рецензия «Новаторы особого рода» М. Е. Салтыкова-Щедрина на роман Боборыкина «Жертва вечерняя», опубликованный в «Отечественных записках» (№ 11, 1868 г.). Фактически, с этого времени начинается сотрудничество писателя с некрасовским журналом, в котором он опубликовал, например, роман «Доктор Цыбулька» (№№ 3-6, 1874 г.) и др. В 1871 г. он по поручению редакции написал несколь-

ко статей, посвященных событиям, связанным с Парижской коммуной. С этого же года Боборыкин становится заведующим иностранным отделом журнала. Несмотря на протесты М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. З. Елисеева, скептически относившихся к творчеству Боборыкина, Некрасов поддерживал писателя. В Боборыкине его привлекала наблюдательность, внимание ко всему новому, появлявшемуся в литературно-общественной жизни, быстрое и четкое восприятие различных фактов. Их личное знакомство состоялось в начале 1870-х гг. «Личность Некрасова, — вспоминал Боборыкин, - тогда только в первые две зимы, проведенные мною в Петербурге 1871—1872 годов, выяснилась передо мною с разных сторон» (4). Он, в свою очередь, высоко ценил редакторскую работу Некрасова, считал его «стойким, искусным и необычайно чутким деятелем русского журнализма» (6). Известно несколько статей Боборыкина о Некрасове, в которых он создает не только образ редактора журнала и поэта, но и человека. Например, статьи «Памяти Некрасова» (1902), «Некрасов-редактор» (1907). Наиболее интересны и подробны воспоминания Боборыкина, вошедшие в его книгу «За полвека». В девятой главе, названной «Николай Алексеевич Некрасов», он показывает не только сложную и необычную личность поэта, свободу и широту некрасовской натуры, но и описывает детали его быта, образа жизни, характеризует его отношения с людьми, окружавшими поэта, анализирует его деятельность как талантливого редактора и выдающегося представителя «русского журнализма» и русской литературы. «Он (Некрасов — Т. Т.) не говорил вам любезностей, - вспоминал Боборыкин, — не делал комплиментов; но одной какой-нибудь интонацией, словом, определением, а в особенности оттенком своего понимания, овладевал вашим сочувствием, и как только хандра, или нездоровье, или раздражение петербургской жизни слетали с него, сейчас всплывали своего рода наивность, здоровое чувство жизни, ее хороших наслаждений, юмор и шутка» (5). Большая часть жизни Боборыкина протекала за границей. Лишь период с 1876 по 1891 гг. он провел то в Санкт-Петербурге, то в

Москве. В это время он читал много публичных лекций, сотрудничал в разных газетах и журналах, писал повести романы. Последняя личная встреча Бобрыкина с Некрасовым произошла «с лишком за год до его смерти, весной, в Летнем саду. Болезнь уже подтачивала его; ему трудно было ходить; но тогда еще он вряд ли смотрел на себя как на безнадежного больного. <...> Проститься мне с ним не привелось, как и многим, кто сохранил к нему цельное чувство» (5: 254). С 1914 г. Бобрыкин живет постоянно за границей. Умер он в 1921 г. в Швейцарии.

1. Венгеров, IV, по указ.; 2. *Переписка*, II. 398—412; 3. *ЛН*, 51—52, 132—133; 4. *Бобрыкин П. Д.* Воспоминания: В 2-х т. М. 1965. Т. 2. С. 131; 5. *Некр. в еосп*, 262; 6. *Рус Вед* 1902. № 29.

Т. Т.

БОТКИН Василий Петрович (27.12.1811 – 10.10.1869) — критик, переводчик, писатель. Сын крупного московского чаеоторговца, основателя фирмы «Петр Боткин и сыновья». Первоначальное образование получил в частном пансионе В.С. Кряжева, по выходе из которого был вынужден заниматься торговыми делами в конторе своего отца. Назначенный одним из управляющих семейной фирмой, через несколько лет после смерти отца Б. передоверяет свои обязанности младшим братьям, но до конца своей жизни продолжает принимать участие в делах фирмы (31). Своими обширными сведениями в области искусств (главным образом, западноевропейских литератур, живописи и архитектуры) Б. был обязан самообразованию и длительным пребываниям за границей. Не меньшее влияние оказало на Б. сближение с кружком Н.В. Станкевича, куда его ввел В.Г.Белинский, остававшийся до самой смерти близким другом Б.

Возможно, что именно через посредничество Белинского состоялась заочное знакомство Б. с Некрасовым: так, в письме от 31 марта – 3 апреля

1843 г. из Петербурга Белинский сообщает Б. о плане «смастерить» вместе с Некрасовым, для поправки финансовых дел, «популярную мифологию», прося Б., незадолго до этого давшего во второй статье из цикла «Германская литература» (*ОЗ*, 1843, №2) обзор новейших немецких работ по истории мифологии и религии древних народов, подсказать им для перевода какую-нибудь «немецкую книжонку попроще» или самому помочь им (*15*: 154). При этом, Белинский упоминает Некрасова как человека, о котором Боткин, по крайней мере, уже слышал (от самого Белинского или, возможно, от Панаева, с которым Б. был знаком еще с 1839 г. (*20*: 174, 177))

Личное знакомство Б. с Некрасовым могло состояться в конце августа – начале сентября 1843 года у Панаевых, куда Некрасов был приглашен читать «Петербургские углы» (*2*, I: 137). Между тем, обычно расценивающееся как ошибочное (*2*, I: 520; *22*: 102—105) утверждение Панаевой, что первая встреча Б. и Некрасова (причем тогда же Некрасов познакомился и с самой Панаевой) состоялось зимой 1842 г., также имеет под собой некоторые основания. В 1843 г. Б. был в Петербурге проездом, приблизительно с 23 августа по 4 сентября (*31*: 21), и был в это время поглощен хлопотами нелитературного порядка, как показывают письма Белинского М.В. Орловой от 3 и 7—8 сентября 1843 г. (*15*: 171—176) Во-первых, 1 сентября состоялось его венчание с Арманс Рульяр, а во-вторых, ему пришлось столкнуться с «тысячью мелких и ядовитых досад и хлопот» (*15*: 176) по поводу получения заграничного паспорта. Встреча Белинского, Панаевых и Боткина в конце августа – начале сентября 1843 г. представляется маловероятной: как сообщает Белинский, он выехал из Москвы в Петербург позже Б., в пятницу 27 августа, и встретился с Б. в Петербурге в понедельник, т.е. 30 августа. В среду 1 сентября Б. женился, а уже в субботу выехал вместе с женой за границу. Хотя, как утверждал А.И. Герцен, «из собора Базиль отправился с Арманс домой и, оставив ее там, явился на литературный вечер Краевского» (*17*: 212), кажется сомнительным, что у него было время ездить на литературные чтения в Пав-

ловск, где тогда, по свидетельству Белинского, жили Панаевы (а если верить Панаевой, то на следующий день у них же состоялся спор Белинского и Б. о Некрасове). В 1842 г. Б., напротив, провел в Петербурге довольно много времени: он был здесь с мая по июль (31: 21, 15: 509), а также осенью, до начала ноября. Отсутствие свидетельств о пропавших письмах Белинского к Боткину с ноября 1842 г. по 31 марта — 3 апреля 1843 г. (когда Белинский впервые упоминает Некрасова в письме Боткину) также говорит в подтверждение того, что Некрасов и Б. уже были к этому моменту знакомы.

Настоящее же общение Б. с Некрасовым могло начаться лишь осенью 1846 года, по возвращении Боткина из-за границы в Петербург и в период перехода «Современника» к Некрасову, Панаеву и Никитенко. Б. приветствовал появление обновленного «Современника» прежде всего с точки зрения увеличения журнальной конкуренции (19: 256—257). При этом, он достаточно критически отзывался о самом Некрасове. Судя по всему, Б., как знаток западной философии, науки и литературы, должен был заведовать в «Современнике» иностранным отделом, однако его обидели резкие слова Некрасова о том, что в разделе «Науки» будут помещаться «статьи преимущественно о России и оригинальные», а не переводные (2, I: 247). Кроме того, Б. был, вероятно, недоволен той ролью, которая отводилась в некрасовском «Современнике» Белинскому. По приезде в Москву Б. сообщает о недобросовестности Некрасова своим московским друзьям: как писал Белинский И.С. Тургеневу 19 февраля 1847 г., «Кавелин пишет, что Боткин им *все* рассказал, что Н<екрасов> в их глазах тот же Кр<аевский>, а «Современник» то же, что «Отечественные записки» (15: 334; 2, I: 262). Все это настроило «московский кружок» против «Современника», издатели которого рассчитывали, напротив, что Б. станет своего рода московским поверенным журнала. Так, по признанию Некрасова, «на будущее время обязанность его будет состоять в том, чтоб приискивать в Москве сотрудников и заказывать для нас составные статьи из новых книг иностранных» (1, XIV₁: 72) Б. действительно

беспокоится о подписке на «Современник» и репутации журнала (19: 264—265), но выражает недовольство тем, что его редакция не имеет «никакого направления» (19: 279), и продолжает сотрудничество с «Отечественными записками». Конфликт по этому поводу обострился на рубеже 1847—48 гг., когда в объявлении о подписке на «Отечественные записки» на 1848 год указывалось, что ряд авторов «Современника» продолжает сотрудничество в «Отечественных записках»: в частности, Б. обещал представить «Взгляд на историю Испании за три последних века» (15: 427—428). Это объявление «чрезвычайно сконфузило» Некрасова и Белинского, связывающих надежды на успех журнала именно с переходом ведущих сотрудников «Отечественных записок» в «Современник» (1, XIV₁: 85—86, 278; 15: 405—406). Б. же оправдывался тем, что Некрасов не предупредил его о невозможности давать кому-либо еще обещаний о сотрудничестве (15: 428, 443).

Тем не менее, именно в «Современник» Б. отдает цикл очерков, созданный на основе его впечатлений от путешествия по Испании летом—осенью 1845 г. Публикация «Писем об Испании» растянулась на четыре года: первое «Письмо» было напечатано еще в мартовском номере «Современника» за 1847 г., последующие — в № 10 и 12 за 1847 г.; № 11 за 1848 г.; № 1 и 11 за 1849 г.; № 1 за 1851 г. (очерк «Гранада и Альамбра», продолжающий цикл). Об успехе «Писем» об Испании, мало знакомой русскому читателю стране, свидетельствует полемический выпад «Отечественных записок» (1850, № 10), расценивших затянувшуюся публикацию «попавшихся» конкурирующему журналу очерков в качестве доказательства «неуверенности» редакции получить такое же прекрасное сочинение (1, XIII₁: 14). В свою очередь, Некрасов в объявлении «От редакции «Современника» (1850, № 11) объяснял, что «письма эти печатаются в «Современнике» по мере того, как автор находит время приводить в порядок», особо подчеркивая, что Б. не относится «к числу таких литераторов, статьи которых могут кому-нибудь попадаться случайно» (1, XIII₁: 14—15). «Письма» Б. могли способствовать и

«испанским литературным интересам» Некрасова (24: 205). Возможно, что источником его сведений об испанском сатирике М.Х. Ларре (а ряд стихотворений Некрасова имеет ложные обозначения «Из Ларры») стал биографический очерк «Испанский юморист Ларра» (Современник, 1848, № 3), переводчиком которого был именно Б. (18: 293).

Кроме того, Б., знающий, по выражению Некрасова, «толк в музыке» (1, XIV₁: 101), пишет для «Современника» ряд статей об итальянской опере: первая, по цензурным обстоятельствам включенная в рубрику «Современные заметки», появилась в февральском номере «Современника» за 1848 г. Публикация этого цикла была продолжена в первых трех номерах «Современника» за 1850 г. («Итальянская опера в Петербурге в 1849 году», Современник, 1850, №1; «Итальянская опера», Современник, 1850, №2, 3) (27; 31: 70). Однако, несмотря на то, что к концу 1840-х гг. Б. становится важным сотрудником «Современника» (ср. его признание 1848 г.: «А живу я в гнезде редакции «Современника», у Панаева, где с утра до вечера все посетители или разные журнальные хлопоты, в которых и меня заставляют принимать участие» (7: 554)), об участии которого регулярно сообщается в объявлениях о подписке на «Современник», он по-прежнему продолжает сотрудничество с Краевским: так, наиболее значительная музыковедческая статья Б. («Об эстетическом значении новой фортепьянной школы») выходит в №1 «Отечественных записок» за 1850 г.

Более того, в 1853 г. Б. предлагает Краевскому статью о Шекспире, уже заказанную редакцией «Современника». После письма Некрасова, в котором указывалось на недопустимость такого поступка (1, XIV₁: 181—182), Б. извинился перед Краевским и отказался от своего предложения, тем не менее отмечая: «Не желая входить в неприятные объяснения с Некрасовым, я считаю за лучшее для себя послать им первую и единственную статью и тем мирно покончить мои литературные отношения с ними» (3, I: 180). В итоге статья «Литература и театр в Англии до Шекспира» была опубликована без

подписи в № 11 «Современника» за 1853 г., а продолжающая ее статья «Первые драматические опыты Шекспира» — в №3 «Современника» за 1855 г.

Несмотря на заявление о прекращении сотрудничества в «Современнике», участие Б. в журнале начиная с 1850-х гг. становится все более интенсивным. Во №2 «Современника» за 1850 г. он статьей о Н.П.Огареве продолжает цикл «Русские второстепенные поэты», начатый в предыдущем номере статьей Некрасова о Ф.И. Тютчеве. Вероятно, при участии Некрасова была написана статья о Фете в №3 «Современника» за 1850 г., авторство которой тоже приписывается Б. (28). О поэзии же самого Некрасова Б., по свидетельствам Панаевой, в это время «высказывал горькие истины» (22: 346), критикуя изображение им «грубой реальности» (22: 348), коротящей «людей с художественным развитием» (22: 347). Как вспоминал Е.Я. Колбасин, Боткин, наряду с Дружининым и Тургеневым, удивлялся «безобразию стиха Некрасова и его неслыханным рифмам. "Это чудовищно!" – восклицал Боткин: "возможно ли употреблять подобные выражения:

Сожалели по Житомиру:
Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь по миру,
Беспокойный человек!" (9: 238—239)

В свою очередь, Н., сознавая, что Б. превосходит его в «образовании и начитанности» (22: 345), все же не соглашался с его эстетическими воззрениями, настаивая на том, что «каждый писатель передает то, что он глубоко прочувствовал» (22: 348). Эти споры могли найти отражение в незавершенных сочинениях Н. — романе «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» и повести «В тот же день часов в одиннадцать утра...»: характерные черты Б. видят, в частности, в образах Лодкина и Поэта в душе (I, VIII: 761; 773; XIV₂: 310; 5). Некрасовские пародии на Б. носили и более «вольный» характер, как показывает «Песнь Васеньке» — шутовское «чернокнижное» по-

слание, написанное Н. вместе с Дружининым между 23 и 31 июля 1854 г. (1, I: 426—427)

Подлинное сближение Б. и Некрасова относится к лету 1855 г., когда Некрасов жил вместе с Б. на даче в Петровском парке под Москвой. В это время Некрасов готовил к печати свой первый сборник, договор об издании которого был подписан с К.Т. Солдатенковым. Однако в марте 1856 г. Некрасов пишет Солдатенкову о нежелании печатать свои стихи, одновременно предлагая Б. самому издать сборник: «Книгу я тебе перед отъездом за границу приготовлю, и печатай с богом осенью с прибавлением того, что я тебе пришлю из-за границы» (1, XIV₂: 11). Свое влияние на это решение (оставшееся, впрочем, неосуществленным) могла оказать и готовность Б. дать деньги на погашение долга Некрасова Солдатенкову, и финансовая помощь, оказанная Б. «Современнику» еще прежде, летом 1855 г., когда Б. дал 2 тысячи рублей на поддержание «Современника» (29: 344—346), что было расценено Некрасовым как подтверждение того, что Б. «истинно хороший и истинно дельный человек» (1, XIV₁: 209—210).

Однако, помимо этой «существенной стороны» (1, XIV₁: 233), Некрасова и Б. в это время связывают не только доверительные личные отношения, но, достаточно парадоксальным образом, и эстетические взгляды. Это демонстрирует активная переписка, завязавшаяся между ними в 1855—56 г. Вопреки отзывам Панаевой, они в это время скорее дополняли друг друга. Б. защищает «гоголевское направление» как необходимое «для общественной пользы, для общественного сознания» (14: 37, 35), хвалит некрасовские «Памяти приятеля» (2, I: 461), «В больнице» (3, I: 204), «ужасно интересуется» «разговором его «вместо предисловия», т.е. «Поэтом и гражданином» (12: 378). 16 июня 1856 г. Н. посылает ему только что написанное стихотворение «...Самодовольных болтунов...» (1, XIV₂: 20—21), а в письме из Рима от 28 декабря 1856 г. пишет о своей работе: «Месяца полтора писал не покладая рук, и тем, что сделал – доволен. Это еще не все – главный вопрос впереди:

будешь ли доволен ты? Но как я вряд ли что лучше напишу, то эта вещь, хороша ли, худа ли – посвящается тебе» (1, XIV₂: 49—50) (Некрасов работал над поэмой «Несчастные», которая, впрочем, печаталась без посвящения Б. (1, XIV₂: 210)). В свою очередь, Б. делится с Некрасовым своими глубокими познаниями в области мировой литературы: летом 1855 г. читает ему «Илиаду» (14: 35), рассказывает о Т. Карлейле, что нашло отражение в публицистике Н. 1855—56 гг. (31: 84; 32) В это время они почти единодушны в своих оценках новых произведений русской литературы (ср. отзывы о «Плотничей артели» Писемского (3, I: 190—192, 197; 1, XIV₁: 223—226), «Рудине» Тургенева (3, I: 211; 1, XIV₁: 234)).

Закономерным следствием такого единства взглядов явились их совместные публицистические работы. Некрасовым и Б. были написаны «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» (Современник, 1855, №8), где Б. принадлежит, в частности, программное заявление о том, что «нет науки для науки, нет искусства для искусства, — все они существуют для общества, для облагораживания, для возвышения человека» (19: 173, 291). В «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года» (Современник, 1855, № 10) Некрасов включил, переработав, фрагмент из письма Боткина от 22 сентября (19: 292), где давалась отповедь С.П.Жихареву, рассердившемуся за оценку своего «Дневника чиновника» в «Заметках о журналах за июль». В №11 «Современника» за 1855 г. была напечатана статья Б. «Выставка в Императорской академии художеств. Октябрь 1855 года». Месяцем раньше, в октябре 1855 г., в «Современнике» появляется боткинский перевод лекции Карлейля из цикла «О героях и героическом в истории» — «Язычество. — Скандинавская мифология. Один», предваряемый небольшой вступительной заметкой Б. о Карлейле. Еще две главы из этого труда Карлейля вышли в первых двух номерах «Современника» за 1856 год (соответственно «Героическое значение поэта. Дант» и «Героическое значение поэта. Шекспир»). Перу Боткина (19: 293) принадлежит и характеристика Карлейля в «Заметках о журналах. Декабрь

1855 и январь 1856 года», написанных Некрасовым при участии Н.Г. Чернышевского (Современник, 1856, № 2).

С лета 1855 г. Б. не только становится постоянным автором «Современника», но и выступает как своего рода московский редактор журнала: исправляет посылаемые в «Современник» статьи В.К. Бодиско (3, I: 227; 1, XIV₂: 19—20), справляется о ходе подписки на журнал в Москве (3, I: 213—214), передает отзывы читателей о новом московском журнале «Русский Вестник» (3, I: 213—214), сообщает об оценке москвичами поэзии самого Некрасова (3, I: 217). Так, он сообщает о большом успехе поэмы «Саша» (3, I: 214) (хотя именно Боткина называют в качестве возможного прототипа Агарина (1, XIV₂: 310)).

В 1856 г. – в связи с хлопотами Б. по делам фирмы, а также, возможно, с отъездом Некрасова за границу в августе – литературно-критическая деятельность Б. идет на спад, однако его дружеские отношения с Некрасовым сохраняются. Некрасов поручает Д.Я. Колбасину отдельное издание «Писем об Испании» Б. (1, XIII₂: 128—129; XIV₂: 27, 29), вышедшее в свет в 1857 году. В свою очередь, Б. в отсутствие Некрасова воспринимается близкими к «Современнику» литераторами как идейный руководитель журнала, как его «голова» (12: 206; 13: 90) В нем они видят оппозицию Чернышевскому, на которого после отъезда Некрасова легла основная редакторская работа.

Во время совместного проживания с Н. в Петровском парке (и явно под влиянием последнего) Б. высоко оценивал диссертацию Чернышевского, находя в ней «много умного и дельного» (13: 61). Впрочем, идея Чернышевского о единстве искусства и жизни перетолковывалась Б. таким образом, что по сути оказывалась программным тезисом «эстетической» критики: «Прежде противопоставляли природу и Искусство; теперь природа стала фундаментом Искусству... Что такое собственно поэзия, как не прозрение в сокровеннейшую сущность *вещей*? т.е. действительности» (13: 61—62). Поэтому, несмотря на признание «дельности» Чернышевского, Б. в апреле 1856 г. сове-

товал Некрасову заменить его А.А. Григорьевым как несравненно более талантливый (3, I: 226).

Разногласия Б. с «новой редакцией» «Современника» и даже самим Некрасовым ясно обозначились после появления в первой книжке журнала за 1857 г. статьи Б. о стихотворениях Фета. Статья «Стихотворения А.А. Фета. Спб., 1856 г.» была напечатана явно против воли Чернышевского, скорее благодаря дружеским связям Б. с Панаевым (31: 90—91). При этом, она содержала скрытую полемику и с Некрасовым – в частности, в рассуждениях о том, что целью поэзии является не «достижение тех или других полезных целей, а духовное наслаждение, которое оно дает человеку» (19: 233). Творчество преследующих «поучительные», «дидактические» цели сочинителей Б. отказывается признавать подлинно «поэтическими произведениями» (19: 208). «Истинный поэтический талант» Фета тем более поразителен в настоящее время, «когда душа современного человека погрузилась в мертвящие вопросы об удобствах материального своего существования, когда так часто слышатся или стоны, или клики пресыщенного эгоизма» (19: 210).

Б. и прежде, даже в период защиты «гоголевского» направления, осуждал поэзию Некрасова за дидактичность. Испорченным дидактикой он считал стихотворение «к своим стихам» («Праздник жизни — молодости годы...») (13: 69). В письме Дружинину 4 сентября 1855 г. он отмечал, что «в вопросе о дидактике надобно гнать ее везде, начиная с некоторых стихотворений Некрасова, который, кажется, начинает впадать в дидактический тон...» (14: 40). Однако столь жесткого, тем более публичного выступления против творческих принципов Некрасова сдержанный Б. до статьи о Фете не допускал. Возможно, что слова о «стоне пресыщенного эгоизма» представляют собой прямой выпад против стихотворения «Замолкни, Муза мести и печали!» (ср.: «К чему хандрить, оплакивать потери? // Когда б хоть легче было от того! // Мне самому, как скрип тюремной двери, // Противны стоны сердца моего» (1, I: 182)), которое Б. в письме Некрасову 7 декабря 1855 г. оценивал как

прекрасное, хотя и «крепко» огорчившее его «клеветой» Некрасова на самого себя (3, I: 212).

Свою отрицательную роль могло сыграть здесь и опубликование Чернышевским в № 11 «Современника» за 1856 г. наиболее «острых» в политическом смысле стихотворений Некрасова из только что вышедшего сборника его стихотворений, приведшее к запрещению переизданий сборника, выписок из него и угрозе прекращения «Современника». Это обстоятельство, по отзывам современников, Б. серьезно напугало и настроило против самого Некрасова: «Когда случилось это неприятное происшествие, то Василий Петрович вышел из себя и зашипел: «И чего еще нужно этому Некрасову? Разве ему мало – имеет квартиру, экипаж, задает обеды, — и чего еще ему нужно? Разве ему этого мало!» (12: 299). Возможно, столь личное отношение Б. к этой истории объясняется тем, что в начале 1856 года именно ему предлагалось стать издателем сборника; в ноябре 1856 г. он еще внимательно следил за ходом его продажи, отмечая невероятную популярность стихов Некрасова: «Не было примера со времени Пушкина, чтоб книжка стихотворений так сильно покупалась. Бедный Фет далеко отстал» (13: 104).

Некрасовым боткинские намеки на его творчество были, по всей видимости, замечены. Однако Б., еще не собиравшийся порывать ни с журналом Некрасова, ни с самим Некрасовым, поспешил загладить то впечатление, которое должна была произвести его рецензия на Некрасова. Как сообщал Б. Панаев 22 марта 1857 г., «Некрасову я писал о том, что ты не имел ни малейшего желания, ни тени мысли задеть его книгу и что тебе больно, что он так думает. Он просит меня тебе очень кланяться, об этом ничего не упоминает и просит меня доставить тебе его маршрут...» (12: 411). Незадолго до этого Б. даже выступил как соавтор Чернышевского (фактически, во второй раз после «Заметок о журналах» за декабрь 1855 – январь 1856 гг.). Во №2 «Современника» за 1857 г. Чернышевским была написана рецензия на только что вышедшее отдельное издание «Писем об Испании». Часть рецензии, со-

державная характеристика «исторической жизни испанского народа», принадлежит самому Б. (18: 227, 336—337)

Он в это время охотно сотрудничает с Панаевым по журнальным делам (12), просит Тургенева прислать что-нибудь к первым номерам журнала, чтобы не повредить подписке (13: 109, 111), а сам обещает Панаеву написать для «Современника» разбор тургеневских повестей (12: 85). Этот замысел не был осуществлен – правда, из-за вмешательства не идеологических врагов вроде Чернышевского и Добролюбова, а критика того же «эстетического» направления, а именно А.В. Дружинина. Б. был возмущен тем, что Дружинин якобы «обокрал его, т.е. все то, что он (Бот.) говорил ему по поводу «Повестей» (которые он намеревался со временем разобрать) – Дружинин принял к сведению» (12: 324, 329—330).

Хотя новых статей Б. в «Современнике» больше не появлялось, в «Заметках Нового Поэта» (Современник, 1858, №3) Панаевым был помещен отрывок из письма Б. брату Дмитрию от ноября – декабря 1857 г., содержащий отзыв о картине А.А. Иванова «Явление Христа народу» (19: 296—297). Возможно, именно поэтому Б. указан в числе авторов, принимавших участие в «Современнике» в 1858 г. (1, XIII₁: 160) О его вовлеченности в журнальные дела свидетельствует и признание, сделанное в начале 1858 г. Панаеву: «Я крепко боюсь за подписку Соврем[енника] на 1858 г.... Издание журнала теперь, при такой никогда небывалой конкуренции становится просто мучением» (12: 437).

Однако в 1859 г. Б. уже возмущается «пошлым панибратством» «Современника» «со всеми предметами» (14: 57) и начинает активно сотрудничать с Катковым. Он не только помещает в «Русском вестнике» собственные статьи, но и уговаривает Тургенева не поддаваться на «умильные просьбы» Некрасова и печатать роман «Накануне» у Каткова (13: 159; б). Не исключено, что свою роль в разрыве с «Современником» сыграли частые поездки Б. в Англию в 1858—1860 гг., где он встречался с своим давним знакомым А.И.

Герценом, крайне негативно настроенным в отношении Некрасова и выступавшим с резкой критикой «Современника» со страниц «Колокола». При этом, как передавал 7 января 1858 г. Тургенев Герцену, «Боткин ... совершенно симпатизирует твоей деятельности и велит тебе сказать, что по его мнению, ты и твои издания — составляют эпоху в жизни России» (16: 181). О том, что Герцен действительно допускал крайне негативные высказывания о Некрасове в присутствии Боткина, свидетельствует описанная Н.А. Белоголовым их последняя встреча в сентябре 1869 г., когда обоим оставалось жить не более нескольких месяцев (к этому моменту их убеждения уже окончательно разошлись). По свидетельству мемуариста, в ответ на лестные отклики Б. о Тургеневе и его романе «Дым», Герцен заметил: «Вы я вижу, все тот же прежний, неизменный Василий Петрович; успех для вас все, и перед всяким успехом вы готовы по прежнему падать на колена...

— Вот и Н<екрасо>в тоже большой талант, — между тем продолжал Герцен, — а его история с Огаревым такая, что для него одной тюрьмы мало, — и я нисколько не раскаиваюсь в том, что не пустил его за порог своего дома, когда он в приезд в Лондон надумал сделать мне визит; он приезжает; я был дома, у меня были гости; он дает лакею в передней для подачи мне свою визитную карточку; я приказал лакею отдать ему карточку и сказать: "не принимают" (8: 639).

Особенное неприятие «красный» (21, II: 47) «Современник» стал вызывать у Б. после польского восстания 1863 г. Тем не менее, прямого разрыва личных отношений между Б. и Некрасовым, судя по всему, не было. Так, в 1859 г. они встречаются на обеде, данном в честь отъезжающего на юг А.Е. Мартынова, где Некрасовым было прочитано «небольшое, но весьма удачное» (1, II: 355), по мнению Б., стихотворение («<А.Е. Мартынову>»). Некрасов в 1862 г. просил Чернышевского не упоминать в своей резко полемической статье «В изъявление признательности. Письмо к г. З-ну» имен «Тургенева, Толстого, Анненкова, Боткина» (1, XIII₂: 131—132). В свою очередь,

вернувшийся в Петербург в 1863 г. Б. ставил себе в заслугу то, что, несмотря на пятилетнее отсутствие в столице, «не разошелся даже ни с одним старым знакомым» (21, I: 449). Это подтверждает и Фет: описывая похороны Дружинина в 1864 г. (на которых и Некрасов, и Б. присутствовали), он отмечает, что Некрасов к этому времени уже «рассорился со всем кружком», за исключением именно Б. (21, II: 5)

Несмотря на то, что о прежней близости отношений уже не было и речи, Б. в своих письмах 1865—66 гг. сообщает о визитах к нему Некрасова. В них он видел знак осознания Некрасовым чуждости ему кружка «семинаристов», которыми он окружил себя в «Современнике», невыгодности и даже опасности сотрудничества с ними: «Два предостережения, данные Современнику, образумили Некрасова, а приостановление Русск. Слова на 5 месяцев образумило наконец и его подвальных сотрудников. Что касается до него, то у него это было делом расчета, спекуляции, скандала; на скандал падка публика; а как скоро опасно стало производить скандалы, он и унялся. Это только гадко; но подвальные писатели Современника и Русск. Слова гораздо опаснее» (21, II: 86). В письме Фету 20 апреля 1865 г. Б. передает четверостишие из лирической комедии «Медвежья охота», которое, по мнению Б., могло быть сочинено для того, чтобы «приготовить других к изменению Современника»:

«Беги от подлых шулеров,
От старых баб и франтов модных
И от начитанных глупцов: —
Лакеев мыслей благородных» (21, II: 65).

В 1866 г. Б. радуется закрытию «Современника» как журнала, пропитанного «нигилистическо-коммуническим духом» (21, II: 81) и принесшего «неисчислимый вред молодому поколению» (21, II: 92). При этом, как сообщал Б. Фету 1 февраля 1866 г., он якобы лично способствовал прекращению журнала, в котором прежде сотрудничал: «Два предостережения Современ-

нику и Русск[ому] Слову заставили этих господ одуматься. Некрасов начал похаживать ко мне и протестует против гадких тенденций своего журнала, — я же, пользуясь моим знакомством с членами совета по книгопечатанию, стараюсь поддержать их в их энергии» (21, II: 82)

Любопытно при этом, что за невышедшие книжки закрытого журнала Некрасов рассчитывался с подписчиками путем высылки им Полного собрания драматических произведений Шекспира, в первом томе которого была перепечатана давняя статья Б. «Литература и театр в Англии до Шекспира» (1, XIII₁: 247). Возможно, что именно необходимость получения согласия Б. на эту перепечатку и стала поводом к возобновлению визитов Некрасова к Б. Так, в объявлении январского «Современника» за 1865 г. о готовящемся издании Шекспира статья Б. еще не упоминается (1, XIII₁: 190); это упоминание появляется в предисловии к первому тому, написанном при участии Некрасова и помеченном 26-м апреля 1865 г. (1, XIII₁: 247) Упоминания же встреч с Некрасовым в письмах Б. Фету относятся именно к марту — апрелю 1865 г.

Невольную услугу — своим «Письмом к редактору» (Санкт-Петербургские Ведомости, 6 августа 1869, №214) — оказал Б. Некрасову уже накануне своей смерти. Этот отклик на публикацию в №№ 187 и 188 «Санкт-Петербургских Ведомостей» от 10 и 11 июля 1869 г. письма Белинского к Б. от 4—8 ноября 1847 г., где Белинский пытался убедить Б. в том, что он не только не был отстранен Некрасовым от редактирования и издания «Современника», но, напротив, был «Современником» «спасен» (15: 415), позволил в какой-то степени дезавуировать обвинения Тургенева в его «Воспоминаниях о Белинском» в адрес Некрасова (31: 76—77, 4: 367). Это письмо, как и заметка Боткина, были пересланы Некрасову В.М. Лазаревским (4: 368)

В это время Б. уже был неизлечимо болен. 10 октября 1869 г. он скончался в Петербурге, а 13-го был похоронен в Москве. В тот же день, 13 октября, Некрасов присутствовал в Петербурге на выносе тела Б., а накануне в письме А.Н.Островскому сообщал о том, что чувствует «смертную хадру, ко-

торуую стараюсь задушить всякими глупостями. Кажется мне, что скоро умру, однако не это причина уныния, а черт знает что!» (I, XV₁: 116, 275) Спустя месяц Некрасов был приглашен на музыкальный квартет, устраиваемый 18 ноября родными Б. в его память (4: 339). В 1877 г., находясь на пороге уже собственной смерти, Некрасов в автобиографическом отрывке «К моим стихам» свяжет свой «поворот к правде» с чтением, в том числе, критических статей Б. (I, XIII₂: 56)

Известно 22 письма Некрасова Б. (1847—1856) (I, XIV—XV₁) и 23 письма Б. Некрасову (1847—1856) (3).

1. ПСС, I, II, IV, XIII, IX₂, XI — XV₁; по указ.; 2. *Летопись*, I, II, по указ.; 3. *Переписка Н.*, по указ.; 4. *ЛН*, II, С. 166—167, 367, 368, 339; 5. Некр. сб. IX. С. 66—67; 6. *Щербань Н.* Тридцать два письма И.С. Тургенева и воспоминания о нем (1861—1875) // *Русский вестник*, 1890, №7. С. 3—28; 7. *П.В. Анненков и его друзья*. СПб., 1892; 8. *Белоголовый Н.А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1898; 9. *Колбасин Е.Я.* Тени старого «Современника» // *Современник*, 1911, № 8. С. 221—240; 10. *Евгеньев В.* Черты редакторской деятельности Н.А. Некрасова в связи с историей его журналов // *Голос минувшего*, 1915, №9. С. 38—65; 11. *Евгеньев В.* Н.А. Некрасов и люди 40 гг. // *Голос минувшего*, 1916, №5—6, с. 24—53; № 9, с. 171—191; №10, с. 81—108; 12. *Тургенев и круг «Современника»*. М.;Л., 1930; 13. *Боткин В.П.*, *Тургенев И.С.* Неизданная переписка. 1851 – 1869. М.;Л., 1930; 14. *Письма к А.В. Дружинину*. М., 1948; 15. *Белинский*, XII; 16. *Тургенев*, Письма, III; 17. *Герцен А.И.* Былое и думы. Часть 4—5. М., 1982; 18. *Боткин В.П.* Письма об Испании. Л., 1976; 19. *Боткин В.П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984; 20. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988. 21. *Фет А.А.* Мои воспоминания. Т. 1—2. М., 1992; 22. *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 2002; 23. *Пруцков Н.И.* «Эстетическая критика» // *История русской критики*. Т. I. М.; Л., 1958. С. 444—469; 24. *Алексеев М. П.* «Письма об Испании» В.П. Боткина и русская поэзия // *Очерки истории испано-русских лите-*

ратурных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 171—206; 25. *Егоров Б.Ф.* В. П. Боткин — литератор и критик // Уч. зап. Тартуского ун-та, 1963, вып. 139, с. 20—81; 1965, вып. 167, с. 81—122; 1966, вып. 184, с. 33—42; 26. *Егоров Б.Ф.* Н.А. Некрасов и В.П. Боткин (Новые материалы) // ВЛ, 1964, № 9. С. 252—253; 27. *Боград В.Э.* Неизвестные тексты Некрасова, Боткина и других авторов в «Современнике» 1849 и 1850 гг. // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 353—356; 28. *Мельгунов Б.В.* Об авторе редакционной статьи о «Стихотворениях А. Фета» в «Современнике» 1850 года // РЛ, 1985, № 3. С. 146—151; 29. *Подольская Н.И.* Первая книга Некрасова // Н.А. Некрасов. Стихотворения. 1856. М., 1988. С. 337—397; 30. *Осват А.* Короткий день русского «эстетизма» // Лит. учеба, 1981, №3. С. 186—193; 31. *Егоров Б.Ф.* Боткины. СПб., 2004; 32. *Макеев М.С.* Некрасов: поэт и предприниматель. М., 2008.

Ю.К.

БОТКИН Николай Петрович (1813-1869) – сын чаоторговца П.К. Боткина, брат В.П. и С.П. Боткиных. Немалую часть жизни провел в путешествиях, выступая для русских литераторов в роли перевозчика новостей, книг и писем (5; 7: 293; 10, XII: 269, 539; 14; 15; 18), а также «гида» и помощника в житейских делах. В 1847 г. помогал Белинскому во время пребывания того за границей (10, XII: 396, 403), в 1857 г. - А.А. Фету в устройстве его свадьбы с М.П. Боткиной (9, I: 196, 202-204). В 1859 г. И.А. Гончаров надеялся переслать через Б. комедии А.Н. Островского французскому критику и переводчику И. Делаво (11). За эту отзывчивость Б. ценили многие знаменитые современники: в 1840 г. он ухаживал в Вене за заболевшим Н.В. Гоголем, с которым чуть позже близко сошелся в Риме (8: 294; 14, XI: 315; 17: 214). Там же сблизился с А.А. Ивановым, не раз ссужая его и других русских художников деньгами (7: 292; 13: 226-227; 17: 214-215). Будучи щедрым, остроумным

и «очень способным» (8), находившим «величайшую отраду в доставлении удовольствия другим» (9, I: 202; 9, II: 194), Б. в то же время, как осторожно замечает Н.А. Белоголовый, был человеком «в стиле широких русских натур» (8), то есть обладал неровным, если не «тяжелым» характером (один из братьев Боткиных даже описывал его как «гнусный» и «подозрительный» (15: 429; 17: 218)). Отмечая в письмах В.П. Боткину 1841 г. духовное «перерождение» Б., Белинский следующим образом описывал его: «Несмотря на пошлость его внешности и то, что я знал о нем от тебя, мне всегда в нем что-то виделось, и он всегда казался мне хоть и пустым, но умным малым» (10, XI: 515; XII: 51). Впоследствии Белинский неизменно доброжелательно отзывался о Б., а в 1847 г., когда в редакции «Современника» происходит конфликт из-за продолжения сотрудничества «московских» авторов журнала в «Отечественных записках» А.А. Краевского, даже находит нужным посвятить Б. в эту историю: как пишет Белинский В.П. Боткину, это «для меня очень важно, потому именно, что Н<иколай> П<етрович> не сотрудник «Современника», а человек этому делу посторонний» (10, XII: 412). Как кажется, эта фраза точно характеризует отношение Б. к литературным кругам. Как признавал Б. в 1845 г., особой близости с литераторами он не ощущал: «с обществом Грановс<кого>, Герсена и проч. я не могу сойтиться именно потому, что я слишком низко стою в сравнении с ними и тем боюсь им быть в тягость» (17: 218). В то же время, само это общение было достаточно насыщенным: так, в 1848 г. имя Б. фигурирует в доносе шефу жандармов, главному начальнику Третьего отделения А.Ф. Орлову, где сообщается, что в бытность свою в Петербурге Б. дает обеды в квартире М.А. Языкова, на которых бывают А.А. Краевский, Искандер (А.И. Герцен), И.И. Панаев и Белинский. Хотя сведения эти далеко не во всем соответствовали действительности, подобные обеды, вероятно, имели место (16). «Приятелем и другом» Б. называли К.Т. Солдатенкова (7: 273-274).

Еще в 1842 г. Б. бывал на «субботах» И.И. Панаева (12), так что уже с начала 40-х гг. он мог слышать о Некрасове или познакомиться с ним лично. Очевидно, что к 1847 г. они уже были знакомы; это подтверждает и письмо Некрасова И.С. Тургеневу от 11 декабря 1847 г., где упоминается имя Б. (3: 375). В 1852 г. Некрасов дарит Б. автограф стихотворения «Муза» («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...») при том условии, чтобы Б. «никому не давал его списывать» (1, I: 606-607). Тем не менее, в середине ноября того же года сам Некрасов посылает «Музу» Тургеневу, сообщая, что планирует напечатать стихотворение в №1 "Современника" на 1853 год (3: 395). Некоторые стихи были в этой редакции изменены, что Некрасов объяснял тем, что «манускрипт я затерял» (3: 397). В 1855 г. Некрасов посвящает Б. стихотворение «Праздник жизни – молодости годы», включенное в собрание стихотворений 1856 года под заглавием «Сознание». Однако в последующих прижизненных изданиях «Стихотворений» «Праздник жизни...» перепечатывался без заглавия и посвящения (1, I: 630-631).

В свою очередь, в 1857 г. Б. проявил немалую заботу о отправившемся в 1856 г. за границу Некрасове. По его совету Некрасов посещает Неаполь, где они вместе взбираются на Везувий (в *Летописи II* на с. 83 это восхождение ошибочно приписано В.П. Боткину) (3: 466; 13: 269). Когда же, переехав в Париж, Некрасов заболел, А.Я. Панаева «тайком телеграфировала о его болезни во Флоренцию к Н.П. Боткину, прося последнего немедленно приехать в Париж» (13: 274). Прибывший Б. уговорил Некрасова отправиться с ним к знаменитому доктору П.-Ф.Райе (2, II: 88; 13: 274).

О «приятной встрече» с Некрасовым Б. рассказывал в 1858 г. своему зятю А.А. Фету (3: 528) Узнав об этом, Некрасов в письме Фету 17 марта 1858 г. просил передать Б. «значительный поклон» (3: 530). Б. выступил в качестве своеобразного посредника в финансовых отношениях Некрасова и Фета, сообщив последнему о готовности Некрасова ссудить его деньгами (3: 528-529). В 1862 г. Б. уже сам обращается к Некрасову с просьбой одолжить

М.А. Языкову 1000 рублей серебром на год, ручаясь за него (6). В 1866 г. Б., вновь посредством письма, свидетельствующего о достаточно теплых отношениях корреспондентов (так, Б. обращается к Некрасову на «ты»), рекомендует Некрасову музыканта и композитора В.Н. Пасхалова, которого Некрасов встречал у Б. в Париже (4: 627). Вероятно, и в этом случае целью письма была возможность финансовой помощи Некрасова Пасхалову, на протяжении жизни боровшегося со страшной нуждой, в 1885 г. заставившей его покончить с собой. Б. свел счеты с жизнью еще раньше: в 1869 г., находясь в «угнетенном состоянии духа» (возможно, вследствие перенесенного в 1867 г. апоплексического удара), он выбросился из окна отеля в Пеште (по другой, не слишком убедительной версии Фета, разбился вследствие несчастного случая) (8: 294; 9, II: 194-195).

Известно 2 письма Б. Некрасову (1862, 1866) (4: 627; 6).

1. ПСС, I, XIII₂, XIV₁, по указ.; 2. *Летопись*, I, II, по указ.; 3. *Переписка Н.*, I, по указ.; 4. ЛН, II. С. 72, 627; 5. ЛН, 58. С. 737, по указ.; 6. *Зап. Отд. рукописей Государственной библиотеки им. Ленина*. М., 1940. Вып. 6. С. 30; 7. *Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка 1806-1858 гг.* СПб., 1880. С. 269, 273-274, 276-277, 282-283, 288, 291-293, 300-303, 334; 8. *Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи*. М., 1897. С. 294-295; 9. *Фет А.А. Мои воспоминания*. М., 1992. Т.1. С. 196, 202-204. Т. 2. С.194-195; 10. *Белинский*, XI, XII, по указ.; 11. *Гончаров И.А. Собр. соч.*: в 8 т. Т.8. М., 1955. С. 325-326; 12. *Панаев В.А. Из «воспоминаний»* // Григорович Д.В. *Литературные воспоминания*. С. 220; 13. *Панаева А.Я. Воспоминания*. М., 2002. С. 225-227, 269, 274-275; 14. *Гоголь Н.В. ПСС*. Т.ХI. С. 211, 315. Т. XIV. С.263; 15. *Т.Н. Грановский и его переписка*: В 2 т. М., 1897. Т. II. С. 425, 429; 16. *Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг.* СПб., 1909. С. 181-182; 17. *Егоров Б.Ф. Боткины*. СПб., 2004, по указ.; 18. *Птушкина И.Г.*

Письма Ваши хороши... (Неизвестное письмо М.К. Рейхель к М.Ф. Корш) // Мир филологии. М., 2000. С. 88-90.

Ю. К.

БОТКИН Сергей Петрович (05.09.1832 — 12.12.1889) – врач, профессор, общественный деятель, лейб-медик, тайный советник. Сын чаоторговца П.К. Боткина. В 1850—1855 гг. учился на медицинском факультете Московского университета, по окончании которого вошел в состав медицинской экспедиции, организованной в ходе Крымской войны Н.И. Пироговым при поддержке великой княгини Елены Павловны (8). Это событие могло послужить поводом к заочному знакомству Б. с Некрасовым. 4 сентября 1855 г. старший брат Б., *литературный критик* В.П. Боткин, сообщал Некрасову: «Брат Сергей, - (медик) завтра отправляется в Севастополь. Он будет состоять при Пирогове и в ведении е. и. в. Элены Павловны, у которой он сегодня был. Она посылает с ним суммы для раздачи сестрам милосердия. ... Он едет по своей воле, по предложению Пирогова. Сергей малый дельный – и вполне оправдает доверенность, которую оказывают к нему» (3: 185). В.П. Боткин не ошибся в своем предположении — к началу 1860-х гг. Б., занявший должность профессора терапевтической клиники Медико-хирургической академии в Петербурге, приобретает известность и как ученый, основатель первой в России клинической лаборатории, и как практикующий врач. Хотя, по свидетельствам современников, в молодости он почти не интересовался ни политикой, ни литературой, полностью посвятив себя медицине (10), его слава, а также родство с В.П. Боткиным, в середине 1850-х гг. близким другом Некрасова, определили и ряд его литературных знакомств (с начала 1860-х гг. он и сам стал устраивать у себя вечера – знаменитые боткинские субботы, на которых бывали видные деятели науки и искусства: А.П. Бородин, И.М. Сеченов, И.Ф. Горбунов, М.Е. Салтыков и другие (8: 176—179; 10; 13)). В

1861 г. Б. вместе с П.И. Боковым консультировал Н.А. Добролюбова. Сам критик, сознававший свое тяжелое положение, обратился к Б. «только ... вследствие настойчивых просьб А.Я. Панаевой, Н.А. Некрасова и Н.Г. Чернышевского» (7). После смерти Добролюбова Некрасов распорядился о выплате его счета Б. в размере 50 р. через «Современник» (1, XIII₂: 203, 578). В 1863 г. в боткинской клинике лечились А.П. Шапов и Н.Г. Помяловский, как следует из письма последнего Некрасову от 3 апреля 1863 г. (4, II: 466).

К середине 1860-х гг. Некрасова и Боткина связывают достаточно теплые отношения, как показывает письмо Некрасова Б. от 9 марта 1865 г., в котором Некрасов выражает готовность подарить Медицинской академии одного из убитых им медведей (которых в академии не было) (1: XV₁ 23—24). В тот же день Б. сообщил о предложении Некрасова президенту академии П.А. Дубовицкому, направившему Некрасову письмо с благодарностью за это пожертвование (4, II: 11, 239).

В октябре 1869 г. умирает В.П. Боткин, и в память брата, проводившего свои последние дни за слушанием музыки, Б., сам бывший неплохим виолончелистом, устраивает 18 ноября музыкальный вечер, на который приглашает и Некрасова. Письмо с приглашением на квартет, заказанный В.П. Боткиным накануне смерти, было послано Некрасову по просьбе Б. его шурином, драматургом В.А. Крыловым (4, II: 339).

В 1874 г. Б. лечил адмирала Н.К. Краббе, знакомого Некрасова, о чем последний сообщал в письме В.М. Лазаревскому от 10 марта 1874 г. (1, XV₂: 69) На следующий, 1875 год Некрасов уже сам обращается за помощью к Б. (10: 441), к этому времени едва ли не самому знаменитому русскому врачу. Летом 1876 г. для свиданий с Б. Некрасов был вынужден совершать утомительные поездки в Гатчину, где назначенный лейб-медиком Б. должен был неотступно находиться при императрице (1, XV₂: 140—141; 10: 443).

В августе того же года Некрасов отправляется в Крым, объясняя брату, что «там хорошая осень, и при том будет доктор Боткин» (1, XV₂: 141). При

этом, как с благодарностью отмечал в письмах родным Некрасов, Б. находил время посещать его почти ежедневно (I, XV₂: 143—144). Более того, спустя некоторое время по приезде Некрасов стал отмечать и некоторое улучшение состояния своего здоровья (I, XV₂: 142—143). Однако стремление Б. поставить Некрасова «на ноги» (I, XV₂: 144) оказывалось тщетным – болезнь неуклонно развивалась, и не удивительно, что в письмах Некрасова прорываются ноты недовольства не только докторами вообще, но и лично знаменитым Б. Так, в несохранившемся письме М.Е. Салтыкову Некрасов, судя по ответу последнего, жаловался на неспособность Б. вылечить его, чем очень удивил Салтыкова, самого бывшего пациентом и другом Б. (I, XV₂: 335; 12: 19). Очевидно, беспокоили Некрасова и существенные денежные траты, связанные с его лечением – в письмах Ф.А. Некрасову он неоднократно просит прислать денег, констатируя, что «наличность плывет, как вода» (I, XV₂: 136, 141, 148).

Несмотря на нездоровье, Некрасов в это время продолжает работать над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». В октябре 1876 г. в Ялте он завершает работу над основным такстом главы «Пир на весь мир» (I, V: 670—673), посвящая ее Б. Это решение могло быть обусловлено не только благодарностью Б. за оказанную им врачебную помощь; судя по всему, Некрасов принимал во внимание и положение Б. при дворе. Некрасов мог рассчитывать на то, что заступничество лейб-медика будет способствовать беспрепятственному опубликованию достаточно острой в цензурном отношении главы. По всей видимости, именно так его мотивацию истолковывали в цензурном комитете. Как сообщал уже по запрещении главы, вырезанной из ноябрьской книжки «Отечественных записок» за 1876 г., председатель Петербургского цензурного комитета А.Г. Петров в своем донесении начальнику Главного управления по делам печати В.В. Григорьеву, Некрасов был намерен обратиться к министру императорского двора графу А.В. Адлербергу с жалобой на стеснение цензуры, полагаясь «при сем на заступничество Госу-

дарыни Императрицы, которая при посредстве лейб-медика Боткина изволила ознакомиться с содержанием стихотворения и весьма его одобрила» (4, III: 220, 222). Б. и прежде пытался оказывать помощь опальным сотрудникам некрасовских журналов: так, в 1875 г. по Петербургу ходили слухи о том, что в награду за лечение императрицы Б. просил Александра II об освобождении из Сибири Н.Г. Чернышевского (5).

По возвращении в Петербург (оставаться в Крыму в преддверие войны с Турцией было, по мнению Б., небезопасно (10: 443)) Некрасов еще несколько раз обращался за консультациями к Б. Однако такой степени доверительных отношений, которые сложились у Некрасова с лечившими его Н.А. Белоголовым и Е.И. Богдановским, с Б., судя по всему, у Некрасова не было (ср. письмо брату Федору 12 марта 1877 г.: «При мне постоянно доктор Белоголовый и профессор Богдановский, хирург, Боткин ездит тоже. И много их. Два вышеназванные (Белоголовый и Богдановский) превосходные люди. Я нашел в них друзей» (1, XV₂:148)). Возможно, это объяснялось занятостью Б., не имеющего возможности быть постоянным лечащим врачом Некрасова, или сомнениями Некрасова в правильности поставленного Б. диагноза и, соответственно, методов лечения его болезни: в отличие от других наблюдавших Некрасова докторов, Боткин до последнего настаивал на том, «что это не рак» (как оказалось на самом деле) (11: 279). Отчаяние Некрасова, предчувствие им скорой смерти и недоверие «опытным врачам» (1, III: 184) прорываются почти во всех его последних стихотворениях, создававшихся в 1876 – 77 гг. (ср. «Нет! не поможет мне аптека...», «Скоро стану добычею тленья», «Баюшки-баю», «Черный день! как нищий просит хлеба...» и др. (1, III))

Когда весной 1877 г. Б. и Белоголовый предложили Некрасову делать операцию, Б. уговаривал Некрасова делать ее «в среду, 6-го апреля, чтобы и он мог присутствовать при ней, потому что в четверг должен был выехать из Петербурга в Кишинев с Государем» (10: 459). Тем не менее, Некрасов про-

сил перенести операцию, состоявшуюся в итоге почти неделю спустя, 12 апреля. По свидетельству Белоголового, Б. посетил умирающего Некрасова 16 декабря 1877 г. (10: 472) Как вспоминал, в свою очередь, А.С. Суворин, Б. навещал Некрасова, когда тот «уже почти не говорил», и «вышел от него в слезах» (6).

Известно одно письмо Некрасова Б. (1865) (1: XV₁: 23—24)

1. ПСС, III, V, XIII₂, XV; по указ.; 2. *Летопись*, I, II, по указ.; 3. *Переписка Н.*, по указ.; 4. ЛН, II. С. 11, 239, 339, 466; ЛН, III. С. 220—222; 5. ЛН, 62. С. 510; 6. *Некрасов в восп. совр.* С. 348; 7. *Добролюбов в восп. совр.* М., 1986. С. 271; 8. *Егоров Б.Ф. Боткины.* СПб., 2004; 9. *Нилов Е.* Боткин. М., 1966; 10. *Белоголовый Н.А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1898. 11. *Архив села Карабихи.* С. 279, 283; 12. *Салтыков-Щедрин*, XIX₁. С. 18—19. 13. *Шабунин А.В.* Боткинские субботы // Санкт-Петербургская панорама, 1992, № 11. С.18—19; 14. *Нечай А.И., Тарасов А.Д., Боголюбов М.В., Яковенко Т.В.* Болезнь и оперативное лечение поэта Н.А. Некрасова // Вестник истории военной медицины, 2001, №1. С. 179—187.

Ю.К.

ВАЛУЕВ Петр Александрович (22.09.1815 —27.01. 1890), граф (с 1880 г.). Крупный государственный деятель, министр внутренних дел, затем государственных имуществ. Создатель и вдохновитель цензурных реформ первой половины 1860-х годов, сыгравших роковую роль в судьбе некрасовского “Современника”. Из русских дворян. Отец - Александр Петрович Валуев, действ. камергер (1785 - 1822), мать Елизавета Федоровна фон ден Бринкен (1793—1872). 1-я жена — Мария Петровна Вяземская (1814-1849), дочь известного поэта. 2-я жена Анна Ивановна Вакульская, дочь рижского обер-полицмейстера (1830-1883).

Получил домашнее образование. В 1831 году сдал экзамен на первый чин при Имп. моск. ун-те. Начал служебную карьеру в канцелярии московского военного генерал-губернатора, с низшего чина губернского регистратора, а закончил одним из высших: в 1866 г. стал действительным тайным советником. Прodelал также придворную карьеру от пажа (1818) до камергера (1850). С 1845 года В. служит в Риге. С 1853 по 1858 год курляндский гражданский губернатор. В этот период приобрел известность как публицист благодаря записке “Дума русского” (вторая половина 1855 года), в которой высказывал весьма либеральные взгляды по поводу предстоящих реформ. В 1858 году возвращается в Петербург, служит в министерстве государственных имуществ под началом М.Н. Муравьева, с которым впоследствии был в враждебных отношениях. 23 апреля 1861 года назначен управляющим Министерством внутренних дел, с 9 ноября — министром. Уволен от этой должности 9 марта 1868 года. 16 апреля 1872 года (после небольшого перерыва в карьере, во время которого продолжал занимать важные государственные должности) В. становится Министром государственных имуществ. 25 декабря 1879 год уволен от этой должности и назначен председателем Комитета министров. В 1881 году уволен от почти всех занимаемых должностей (кроме члена Государственного совета).

На протяжении всей жизни тесно связан с литературой. Был представлен Пушкину в 1834 году, возможно, послужил прототипом Петра Гринева (*Оксман Ю.Г.* От “Капитанской дочки” к “Запискам охотника”. Саратов, 1959, 32, 107-108). В 39-40 годах состоял в знаменитом “кружке 16-ти” (*Викторов Н.А.* Кружок шестнадцати // *ИВ.* 1895, №10). На склоне лет переписывался (с 1877 по 1882 г.) с И.А. Гончаровым (9). После отставки занимался литературой. Публикует подборку стихотворений в журнале *Новь* 1886, №17, романы “Лорин” (Т. 1-2, СПб., 1882), “Черный бор” (ВЕ. 1887. №7,8), “Княжна Татьяна” (РВ. 1891. №4-10), ряд других произведений художественного, философского (Современные задачи. Вып. 1. Религия и

наука. М., 1886; Вып. 2. Воспитание и образование. М., 1887) и религиозного (Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года. Спб., 1884) характера. Наиболее ценная часть его наследия - Дневник. Короткий фрагмент был напечатан уже при жизни В. (РС. 1888. №1), полностью опубликован посмертно.

Как политический и государственный деятель имеет противоречивую репутацию. Вступал в политику как “либеральный бюрократ”. Однако его деятельность не полностью соответствовала такой репутации отчасти противопоставляя себя классическим представителям этого типа бюрократии. В некоторых случаях (например, в Польском вопросе), производил впечатление либерала, вызывая недовольство у консерваторов (14: 127-129). В других случаях сознательно противопоставлял себя настоящим либералам (вроде Д.А. и Н.А. Милютиных). Славился корректностью манер, замечательным красноречием и одновременно уклончивостью, нежеланием занимать принципиальную позицию (16: 323-332; 15: 708-715). Сатирически изображен в стихотворении А.К. Толстого “Сон Попова” (1878). До недавнего времени историки склонны были видеть в В. реакционера (17: 40-51), сейчас предпринимаются попытки дать более объективную оценку В. (22).

Заняв должность министра внутренних дел, В. стал уделять большое внимание печати. В литературе он видел отражение общественных настроений: “Литература есть <...> отражение духа большинства публики” (11, I: 98). Эти настроения казались ему враждебными по отношению к правительству. В программной записке «О внутреннем состоянии России», составленной 26 июня 1862 года, В. писал: «Наша пресса вся целиком в оппозиции правительству» (6: 142). Тем не менее В. не стремился уничтожить оппозиционную прессу, видя задачу правительства в том, чтобы оказывать на нее давление, принудить ее держаться в определенных границах. Необходимым инструментом такого давления В. считал цензуру.

Он стал инициатором цензурных реформ 1862-1865 года, подчинивших цензуру Главному управлению по делам печати при министерстве внутренних дел (10 января 1863 года) и завершившихся изданием нового Закона о печати (6 апреля 1865 года, вступил в силу 1 сентября 1865 года), заменившего предварительную цензуру карательной, предусматривавшей как административное воздействие так и судебное преследование органов прессы. Закон был воспринят как новое бремя, дающее только произвол министру, ставшему полновластным хозяином печати. Валуевская реформа подвергалась критике, в том числе в “Современнике”, например, в статье М. Антоновича “Надежды и опасения” (“Современник” 1865 №8). В качестве “сердитого” всеильного хозяина прессы В. выведен Некрасовым в цикле “Песни о свободном слове” (публика, недовольная “свободная прессой”, сетует: “Что ж это смотрит В., Как этот автор терпим?” - при первой публикации в “Современнике” (1866, №3) эти стихи были заменены двумя рядами точек), а также в написанном в начале апреля 1866 года послании “В.И. Асташеву”.

Некрасовский “Современник” для В. являлся олицетворением противоположительственных тенденций в современной печати. Но для В. это не было поводом для его закрытия. На заседании Совета министров 7 июня 1862 года, на котором обсуждалось предположение А.В. Головнина “о запрещении журналов “Современник” и “Русское слово”” В. не поддержал министра народного просвещения, и настоял на более мягкой мере: “Он (Головнин - М.М.) хотел запрещения журналов в окончательном виде, чтобы закрыть высочайшим повелением. Я настаивал на восьмимесячном запрете” (II, II: 175). (В письме Головнину 2 июля 1862 года В. уточняет формулировку приостановки “Современника” (2: 315-316)). Не препятствовал В. и открытию “Современника” после восьми месяцев перерыва его издания.

Широко использовал В. Возможности давления на “Современник”, появившиеся после изменения закона о печати (как судебные, так и административные). И первое (10 ноября 1865 года (2: 426)) и второе предупреждение (4 декабря 1865 года (2: 432-433)), вынесенные журналу, были утверждены министром (7: 7). Им было инициировано судебное преследование Пыпина и Жуковского во второй половине 1866 года (7: 21-22). Однако В. не вел дело к закрытию журнала. Несмотря на то, что А.В. Головнин в своих мемуарах приписывает запрещения “Современника” именно ему (13: 443), более правдоподобным выглядит утверждение Ф. Толстого, обвинявшего в этом М.Н. Муравьева (2: 471). Более вероятно, что та мера, на которую был готов пойти В. - новая приостановка журнала на предусмотренный законом о печати срок. Об этом говорит согласие В. на редактирование Некрасовым ОЗ (при условии невключения в состав новой редакции Жуковского и Антоновича). Министр считал полезным существование такого журнала, где все оппозиционные силы были собраны вместе, поскольку так легче держать их под контролем (4: 446-447).

Развернутых характеристик Некрасова как поэта у В. нет. Вероятно все же, что его творчество не отвечало эстетическим вкусам министра (будущего автора “великосветских романов”), не была близка ему тематика и идейная сторона поэзии Некрасова (об этом свидетельствует, например, его презрительная характеристика “мужикофильского направления” великого князя Константина Николаевича (11, II: 5)). Не высказываясь прямо о творчестве Некрасова, В., однако, инициировал создание своего рода бюрократической рецензии на него, сделанной в заказанной им книге “Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 годы” СПб., 1865 (2: 395). Введение, возможно, написал сам В. (17: 448 - 512).

Личные отношения В. с Некрасовым начались после приостановки “Современника” в 1862 году и носили исключительно деловой характер (не исключена, однако, возможность более ранних встреч в Английском клубе, членом которого В. стал в 1861 году (*Завьялова Л.В. Петербургский Английский клуб. 1770-1918. Очерки истории. СПб., 2008: 152*)). Вероятно, в период, когда “Современник” не выходил, Некрасову несколько раз приходилось лично встречаться с министром в хлопотах о возобновлении издания. Достоверно зафиксирована одна встреча, состоявшаяся 25 июня 1862 года. Об этой встрече говорит запись в дневнике В. от 26 июня: «Вчера был у меня Некрасов по делу о “Современнике”. Неприятная личность, но лично он не заговорщик, у него есть деньги». (*II, I: 181*). Это представление о Некрасове как о том, кто не является “заговорщиком”, видимо, сохранилось у министра на долгое время. В поданной им 2 мая 1866 года Муравьеву “Справке” В. характеризуя ту “общественно-литературную среду, в которой способна получить развитие мысль о цареубийстве”, не упомянул Некрасова и сотрудников “Современника” (Русская литература 60-х годов в оценке министра внутренних дел П.А. Валуева. Сообщение Б. Наумова // ЛН. Т. 25/26. М., 1936: 680-683).

Вторая достоверно известная встреча Некрасова с В. произошла после вынесения второго предупреждения “Современнику”, вероятно, в середине декабря 1865 года. В письме П.А. Плетневу 19 декабря 1865 года из Петербурга поэт говорит, что “имел объяснения с начальством. Насчет запрещения журнала мне положительно заявлено, что подобного намерения нет у правительства; я ставил вопрос прямо, предлагая, что сам лучше закрою журнал, если имеется подобное намерение” (*I, XVI: 36; 2: 435*). Возможно, об этой же встрече сообщает в “Колоколе” Герцен в заметке, написанной 3 февраля 1866 года (лист 214), говоря, что Некрасов после второго предупреждения “Современнику” лично просил у В. возвращения к предварительной цензуре, но получил отказ, однако министр обещал не

закрывать журнал в том случае, если Некрасов согласится негласно представлять книжки журнала для его личного предварительного рассмотрения (5: 31-32; 2: 444).

Третья точно известная встреча произошла 9 апреля 1866 года в Английском клубе на чествовании Осипа Комиссарова, во время которого Некрасов прочел посвященное герою торжества стихотворение (2: 456). На этом чествовании присутствовал и В., оставивший о нем подробную запись в дневнике, (11, II: 117) В конце ноября 1867 года в период хлопот о переходе ОЗ под новую редакцию состоялась еще одно свидание Некрасова с министром, во время которой В. дал на это согласие (1, XVI: 64).

Имело место и “непрямое” общение Некрасова с министром внутренних дел. При предупредительной цензуре Некрасов стремился узнавать через третьих лиц мнения В. о статьях, предназначенных для публикации (см. письмо В.Н. Бекетова 25 февраля 1865 года (3, I: 289-290)). После введения карательной цензуры, В. поощрял практику предварительного представления издателями и редакторами готовящихся публикаций лично ему на рассмотрение (о чем сообщал Герцен). На то, что ей был не чужд и Некрасов, указывает письмо к нему Салтыкова-Щедрина от 6 декабря 1867 года, в котором последний предлагает получить предварительное разрешение В. на публикацию в ОЗ “рассказа о губернаторе с фаршированной головой” (3, II: 229,230).

Другой вид не прямых отношений с министром - обращение к нему через третьих лиц. В письме А.Н. Пыпину не ранее 4 декабря 1865 года Некрасов сообщает о том, что у него “был некто от министра” (1, XVI: 32). Письмо М.П. Щербинину (середина декабря 1865 года), в котором Некрасов просит дать ему возможность довести журнал еще год без предупреждений, написано для того, чтобы она была доведена до сведения В. (1, XVI: 33-35). Вероятно, практически сразу вслед за этим письмом последовала личная встреча. После закрытия “Современника” несколько раз Некрасов использует

третьих лиц для обращения к В. с просьбой об отмене запрещения журнала. 31 мая 1866 года датировано письмо Ф.М. Толстого В., в котором делается попытка убедить министра в том, что “Современник” больше не представляет опасности для правительства (2: 471). Другим посредником по делу “Современника” был М.М. Стасюлевич, несколько раз встречавшийся по этому поводу с В. во второй половине ноября - декабре 1866 года (2: 486; 20).

Наконец, еще одним инструментом заочного общения Некрасова и В. были официальные прошения и заявления. Непосредственно обращенных к министру бумаг Некрасова не сохранилось, однако “Прошение в главное управление по делам печати о разрешении издавать “Современник” без предварительной цензуры” (15 сентября 1865 года) (1, XIII2: 166—167), скорее всего, рассматривалось В. и получило его одобрение.

После отставки с поста министра внутренних дел В. пропадает из поля зрения Некрасова. Трижды в письмах 1869 и 1872 года Некрасову о нем упоминает В.М. Лазаревский (3, II: 356, 358, 374) в ряду других общих знакомых.

1. ПСС, II, 219, 244, по указ., XIII2, 166-167, по указ.; XV1, по указ.; 2. *Летопись*, II, по указ.; 3. *Переписка Н.*, I, по указ., 289-290; II, по указ. 229, 230, 356, 358, 374; 4. *ЛН* I, 446-447, 458-460; 5. *Герцен*, XIX, 31-32; 6. Предложения и проекты П.А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862-1866 гг.) // Исторический архив. 1958. №1, 142; 7. Собственноручные отметки министра внутренних дел на журналах Совета Главного Управления по делам печати. СПб., 1868, 7, 21-22; 8. *Чернуха В.Г.* Программная записка министра внутренних дел П.А. Валуева от 22 сентября 1861 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. VII. Л., 1976; 9. И.А. Гончаров в неизданных письмах к гр. П.А. Валуеву, 1877-1882. СПб., 1906; 10. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и

центральных учреждений. 1802-1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002, 118-123; 11. *Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В: 2-х т. М., 1961, I, 98, 181; II, 5, 117, 175; 12. *Никитенко А.В.* Дневник, II, III, по указ.; 13. *Головнин А.В.* Записки для немногих. СПб., 2004, 441-445, по указ.; 14. *Князь Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М., 2003, по указ.; 15. *Шумахер А.Д.* Поздние воспоминания о давно минувших временах // Вестник Европы. 1899. Т. Кн.4. Апрель. С. 698, 708-715, 720, 725, 727-728; 16. *Луцкий В.К.* Из записок В.К. Луцкого // Русская старина. 1904. Т.118. №5, 323-332; 17. *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859 – 1865 годов. СПб., 1903, 40-51, 405-415, 448 - 512; 18. *Евгеньев-Максимов В.Е.* Агония “Современника” // Былое. 1922. №20, 42, 61-62; 19. *Гаркави А.М.* Н.А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, 67, 71-73, по указ.; 20. *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист, 267; 21. *Русские писатели. 1800-1917.* Биографический словарь. Т. 1. М., 1989, 387-389; 22. *Зельдич Ю.В.* Петр Александрович Валуев и его время. Историческое повествование. М., 2006 г.

М. М.

ВИДЕРТ Август Фридрихович (Федорович) фон (Viedert August von, 9 мая 1825—2 мая 1888) — переводчик, публицист, педагог. Родился в Риге в немецкой (саксонской) театральной семье. Детство провел в Москве, где отец служил учителем немецкого языка. Получил первоначальное образование дома, под руководством отца, затем в пансионе. Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета (с ученой степенью кандидата). Выступал в печати с начала 1850-х гг. В 1851—1856 гг. жил в Германии, наезжая в Россию, и приобрел известность своими удачными переводами произведений русских писателей на немецкий язык: «Записки охотника» И.С.Тургенева (1854, 2-е изд. 1857), «Ревизор» Н.В.Гоголя (1857, первый немецкий перевод), переводил А.В.Кольцова («Песни» которого ему

не удалось издать) и др. Ему принадлежат статьи о русских писателях в 10-м изд. немецкого «Энциклопедического словаря» Ф.Брокгауза (1851—1855). «Молодой человек с невысокой изящной фигурой, светлыми волосами и окладистой бородой <...>, он обладал сильно выраженным чувством прекрасного, был добрым, честным, порядочным малым и хорошим товарищем» (*Pietsch L. Wie ich Schriftsteller geworden bin. Bd. 1. S. 205*). «Типичный германец 40-х годов», испытавший в то же время влияние атмосферы московских студенческих кружков (см.: *Бестужев-Рюмин К.Н. А. фон Видерт. С. 114*). Приняв русское подданство и поселившись в Москве (с 1856 г.), преподает немецкий язык в 3-ей московской гимназии (с 1858 г.). С 1864 г. В — лектор немецкого языка сначала в Харьковском, затем (с 1875 г.) в Петербургском университетах. В 1860-х гг. отошел от литературных занятий. С 1877 г. В. — член ученого комитета при министерстве народного просвещения, рецензент учебников немецкого языка, предназначенных для российских учебных заведений («гроза плохих учебников») (*Бестужев-Рюмин К. А. фон Видерт. С. 114*). Дослужился до чина действительного статского советника. В 1850—1860-х гг. В сотрудничал в „*St. Petersburger Zeitung*“, а также в «Отечественных записках», «Атенее», «Московских» и «Санкт-Петербургских ведомостях». «Московском обозрении»; писал о литературе, искусстве, культурной жизни Германии, в частности — о творчестве Ф.Шиллера, Й.Эйхендорфа, Г.Гейне (ОЗ, 1857, №№ 2, 3, 5). Дружил с переводчиком и публицистом, революционным демократом М.Л.Михайловым. Среди широкого круга его знакомых — профессора Московского университета Т.Н.Грановский и П.Н.Кудрявцев, а также П.А.Вяземский, И.А.Гончаров, Д.В.Григорович, А.В.Дружинин, А.В.Никитенко, А.А. Фет, журналист и ректор столичного университета П.А.Плетнев и др., немецкие писатели — драматург К.Гуцков, прозаики Б.Ауэрбах и Т.Шторм, друг И.С.Тургенева литератор и рисовальщик Л.Пич, мемуарист и пропагандист творчества Пушкина в Германии К.А.Фарнгаген фон Энзе.

В 1851—1852 гг. и в январе—марте 1854 г. В. находился в Петербурге, где встречался с И.С.Тургеневым и с Н, который упоминает о нем в шуточном стихотворении «Стол накрыт, подсвечник вытерт...», написанном в эти годы. (1: I, 138). Имея в виду намерение Н. отправиться за границу и намекая на балладу Ф.Шиллера «Рыцарь Тоггенбург», Тургенев пишет Н. из Спасского 10 (22) июля 1855: «Видерт ждет тебя в Берлине, как рыцарь Тоггенбург свою невесту» (7). Однако поездка Н. задержалась, и он выехал за границу лишь 21 июля (2 августа) 1856 г. Предполагалось, что В. станет за границей спутником Н, но тот сообщает Тургеневу 16 (28) августа 1856 г. из Берлина: «Вот я наконец *поехал*. Больше пока ничего не могу тебе сказать. К сожалению, у Видерта (который тебе кланяется) лихорадка, и завтра я без него пускаюсь до Вены. Нечего делать» (1:XIV₂, 29).

1. ПСС: I, 138; XIV₂, 29; 2. *Летопись*, II, по указателю; 3. *Переписка*, I, 427; 4. *Михайлов М.Л.* О некоторых переводах с русского языка на немецкий // Отечественные записки. 1854. Т. 93. Март. Отд. V. С. 10—12; 5. *Бестужев-Рюмин К.Н.* А. фон Видерт <некролог> // Журнал министерства народного просвещения. 1888. Ч. 157. № 6. 2-я пагин. С. 113—114; 6. *Pietsch L.* Wie ich Schriftsteller geworden bin: (Erinnerungen). Berlin, 1893. Bd. 1. S. 205; 7. *Тургенев 2, Письма*. III, 46; 8. *Шестакова М.* Служитель музы перевода // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 375—378 (с литературой об А.Видерте).

Р.Д.

ГАМАЗОВ Матвей Авельевич (Гамазян Матевос Абелович) (29.10.1811, Петербург — 07.05.1893, Петербург). Родился в семье священника. Окончил Главное инженерное училище (1830) служил в Кавказском саперном батальоне (1831—1835). Г. был одним из активных популяризаторов комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», принимал участие в ее любитель-

ских постановках (4: 183—184). В 1836—1839 гг. учился на Учебном отделении восточных языков при Министерстве иностранных дел. Летом 1839 г. назначен переводчиком (драгоманом) в Константинопольскую миссию, в 1842 г. — в Александрию. С 1848 по 1852 гг. секретарь и переводчик при комиссии по определению границ между Персией и Турцией. В 1854 г. назначен генеральным консулом в Гилане. В 1856 г. перешел на службу в Петербурге, в Министерстве иностранных дел. В 1864 г. получил чин действительного статского советника. Г., владевший многими языками (наряду с русским, бывшим для него родным, также английским, немецким, французским, итальянским, арабским, персидским, турецким, грузинским, отчасти новогреческим), с 1872 г. до конца жизни был управляющим Учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел.

Г. рос и воспитывался в Петербурге вместе с И.И. Панаевым, с которым состоял в дальнем родстве. После возвращения с Кавказа в 1835 г. Г. принимает участие в петербургских литературных кружках, с 1837 г. публикует свои стихотворения и рассказы в «Сыне отечества», «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”», с 1840 г. — в «Отечественных записках». Знакомство Некрасова с Г. состоялось в доме Ферморов-Бенецких, по видимому, в конце лета — начале осени 1838 г. (2: I, 30; 3). Г. отмечал в своей мемуарной заметке обстоятельства своего сближения с Некрасовым: «Я познакомился с этим последним у <...> <Ф.Ф.> Фермора, отца моих товарищей по главному инженерному училищу. Он был рекомендован в этот дом из только что покинутой им провинции и привез с собою, в рукописи, роман, которым намеревался дебютировать на литературном поприще. Узнав от меня, что я интересуюсь литературою и имею некоторые связи в кружке писателей, он просил меня сблизить его с ними. Я его свел с Панаевым» (5: 105). Г. познакомил Некрасова с И.И. Панаевым, вероятно, в конце 1838 г.) (5: 106). В альбоме Г. имеется раннее стихотворение Некрасова «Жизнь», записанное рукой автора, с датой 4 марта 1839 г.

В подготовленный Некрасовым к изданию «Иллюстрированный альманах» (1848) была включена «египетская сказка» Г. «Три хашшаша», иллюстрированная им самим. После цензурного запрета «Иллюстрированного альманаха» сказка Г. вошла в состав «Литературного сборника с иллюстрациями», изданного в качестве приложения к «Современнику» 1849 г. Г. упомянут в числе будущих авторов «Современника» в объявлении об обновленном издании журнала в 1847 г. (I. XIII₁, 46), затем в качестве постоянного сотрудника в объявлениях о подписке на 1851, 1852, 1853 г. (I. XIII₁, 98, 103, 111). В некрасовском журнале были помещены принадлежащие Г. «Письма с берегов Персидского залива к редактору “Современника”» (С, 1850, № 11), «Письмо из Персии» (С, 1851, № 6), «Св. София в Константинополе» (С, 1853, № 11), «О Турции и Персии. Из записок путешественника» (С, 1857, № 7, 8).

1. ПСС, I, 646; VIII, 713; IX₂, 343; 2. *Летопись*, I (по указ.); 3. *Гамазов М.* К воспоминаниям А.Я. Головачевой // Исторический вестник. 1889. № 4. С. 255—256; 4. *Григорьян К.Н.* Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X — начало XX в.). Ереван, 1974. С. 179, 186—188; 5. *Овакимян Б.М.* М.А. Гамазов — друг Н.А. Некрасова // Литературные связи: Русско-армянские литературные связи. Ереван, 1977. С. 103—112.

А. Б.

ГЕРБЕЛЬ Николай Васильевич (26.11.1827—08.03.1883) — издатель, редактор, поэт-переводчик, библиограф. Родился в Твери, сын генерал-лейтенанта, потомок швейцарского архитектора Н.Ф. Гербеля (Härbel), участника строительства Петербурга при Петре I. После Благородного пансиона при 1-ой киевской гимназии окончил Нежинский лицей (1847). С 1848 по 1859 г. на военной службе, вышел в отставку штаб-ротмистром, чтобы целиком посвятить себя литературе. Писал стихи с 1840-х гг. В 1852 г. вышла в

свет составленная им история Изюмского полка, в котором он служил, в 1854 г. издан его довольно удачный по слогу, хотя и неточный стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» («Игорь, князь Северский», 5-е изд. 1876). В начале 1850-х гг. Г. сближается с кругом «Современника», помещая там свои переводы и т.д. (например, в соавторстве с Г. написан фельетон И.И. Панаева в № 9 за 1859 г.). Г. печатается также в «Отечественных записках», «Русском инвалиде», в сатирических журналах «Искра» и «Развлечение» (стихи, статьи, переводы). Член Общества любителей российской словесности и так наз. «Шахматного клуба» (1862), занимавшегося революционной пропагандой.

Не придерживаясь отчетливых «левых» убеждений, Г. сочувствовал революционно-освободительному движению. В 1859 г. совместно с М.Л. Михайловым планировал издание политической и литературной газеты «Век» (не состоялось). В 1861 г. встречался в Лондоне с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, которым передал материалы для публикации в вольной печати. В 1864 г. Г. прятал у себя архив и типографский шрифт «Земли и воли», возвращенный им затем членам организации для уничтожения.

Основным видом литературного творчества Г. стали переводы. Он переводит произведения западноевропейских авторов (Дж.Н.Г. Байрон, И.В. Гёте, В. Шекспир, П.Б. Шелли, Ф. Шиллер и др.), славянских поэтов (Е.П. Гребенка, Р. Жинзир, И.П. Котляревский, А. Мицкевич и др.), украинские и белорусские народные песни. Как поэт Г. был мало оригинален (сб. его стихотворений «Отголоски» вызвал в 1858 г. иронический отзыв Н.А. Добролюбова). Переводам Г. часто также недоставало выразительности. Вместе с тем Г. принадлежит непреходящая заслуга перед русской культурой. Это — самоотверженно предпринятые им в ответ на потребности все более расширяющихся читательских кругов издания собраний сочинений иностранных классиков, которые открывает девятитомник сочинений Ф. Шиллера (1857—1861, 7-е изд. в 3-х тт. — 1893). Затем последовали русское издание «Кобзаря» Т.Г. Шевченко (1860, 4-е изд. 1905) сочинения Байрона (в 5-и тт., 1864—

1866, 4-е изд. — 1894; издание было задумано совместно М.Л. Михайловым, арестованным в 1861 г.). Издание сочинений Э.Т.А. Гофмана (в 4-х тт. 1873—1897, не было завершено. Десятитомное издание сочинений И.В. Гёте (1878—1880) было повторено в 1892—1895 гг. уже без участия Г. Готовя все эти издания, а также многочисленные антологии, такие как «Поэзия славян» (1871), сборники произведений русских (1873, 3-е изд. — 1888), английских (1875) и немецких (1877) поэтов «в биографиях и образцах», сборники произведений отдельных поэтов-переводчиков (например, А.В. Дружинина, 1865—1867), Г. проявил недюжинные организаторские и эвристические таланты: он привлек к своим проектам лучшие литературные силы, не жалел времени на биографические и библиографические разыскания. За границей Г. издал бесцензурные собрания стихотворений А.С. Пушкина (Берлин. 1861, 1870). К.Ф. Рылеева (Лейпциг, 1861). «Собрание стихотворений декабристов» (Лейпциг, 1862). Все свои издания Г. снабжал тщательно подготовленным справочным аппаратом. Издания Г. были встречены критикой и читателями с немалым одобрением и интересом (отзывы Н.А. Добролюбова, А.В. Дружинина, М.Л. Михайлова. Н.Г. Чернышевского и мн. др.). По поводу издания Шиллера поэт и переводчик Д.Е. Мин писал Г.: «...результат необыкновенно трудной работы, добытый так добросовестно, — есть замечательное явление в нашей литературе: можно смело, что у нас еще не было ничего подобного» (6: *Тарасенко И.Н., Хохлачев В.В.*, 103). Принципы литературного издания, выработанные Г., остаются действенными до сих пор.

Некрасов отдавал себе отчет в том, что талант Г.-стихотворца был умеренным. В письме к И.С. Тургеневу от 25 ноября (7 декабря) 1856 г. он возмущался тем, что И.И. Панаев в его отсутствие «пачкает “Современник” стишонками Гербеля и Грекова» (1: *ЛСС*, XV2, 284; Н.П. Греков (1807—1866) — лирический поэт, переводчик). Впрочем, к Г. как к переводчику Некрасов также относился критически. Так, в 1870-х гг., он отказался поместить в «Отечественных записках» переводы Г. из Байрона (3: *ЛН*, т. 51—52,

197—198). Однако именно в сотрудничестве с Некрасовым Г. подготовил русское собрание сочинений Шекспира (в 4-х тт., 1865—1868, 5-е изд. в 3-х тт. — 1899). Замысел издания возник у Некрасова еще в 1858 г., и поэт привлек к его подготовке Дружинина и Г.; после смерти Дружинина (1864) основной труд по изданию Шекспира взял на себя Г. (1: XIII1, 154, 190—193; 435—436, 461—462;; XV1, 26—27, 33, 48—49, 217, 222; 2: II, 139; 3: *Переписка Некр.* I, 272—273). В декабре 1853 г. Некрасов вписывает в альбом Г. свое стихотворение «Перед дождем» (2: I, 426); другая запись в тот же альбом сделана Некрасовым 12 сентября 1854 г., перед отъездом Г. в Крым, в действующую армию (2: I, 446). Г. получает от поэта-переводчика Д.Е. Мина переводы из Ф. Шиллера для публикации в «Современнике» (2: I, 441, 442).

1: *ПСС*, X, 301; XIII1, 154, 190—193; 435—436, 461—462; XIV2, 134, 259; XV1, 26—27, 33, 48—49, 217, 222; XV2, 284; 2. *Летопись*, I, 441, 442; II, 139; 3. *ЛН*. Т. 51—52. С. 196—198; 3. *Переписка Некр.* 1, 272—2734. *Гербель Н.В.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1882. Т. 1, 2 (со списком всех соч. и изд. автора); 5. *Автобиография* Н.В.Гербеля. М., 1915; 6. *Тарасенко И.Н., Хохлачев В.В.* Издательская деятельность Н.В.Гербеля // Книга. М., 1974. Сб. 28. С. 98—120; 7. *Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь*. М., 1989. Т. 1, С. 541—542; 8. *Левин Ю.Д.* Н.В.Гербель // *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 162—180.

Р.Д.

ГЕРЦЕН Александр Иванович (25.03.1812 (6.04.1812 по нов. ст.), Москва – 21 (09.по ст.ст.).01.1870, Париж) – писатель, мыслитель, публицист, мемуарист, издатель. Родился в семье московского барина, гвардии капитана в отставке И.А. Яковлева. Мать – уроженка города Штутгарта Генриетта Луиза (Луиза Ивановна) Гааг. Поскольку ребенок был незаконнорожденным,

ему дали вымышленную фамилию – Герцен (от. нем Herz – «сердце»).

Около 1823 Г. знакомится с Н.П. Огаревым, дружба с которым оказала важное влияние на его жизнь. Позже, в 1826 или 1827, после восстания и казни декабристов, на Воробьевых горах друзья дают знаменитую клятву «отомстить казненных». С 1829 по 1833 – Г. студент физико-математического отделения Московского университета. В университете вокруг Г. складывается кружок вольномыслящей молодежи (Н.И. Сазонов, Н.М. Сатин, Н.Х. Кетчер и др.). В 1834 году подвергается аресту за распевание антиправительственных песен (в котором Г. не участвовал), несколько месяцев проводит в тюрьме, после чего в апреле 1835 отослан на службу сначала в Пермь, а в мае, переведен в Вятку. Первая публикация выпадает на годы ссылки: в журнале «Телескоп» (№10 за 1836 г.) печатается статья Г. «Гофман». Благодаря ходатайству В.А. Жуковского, который посетил Вятку вместе с наследником престола, Г. в конце 1837 года переведен во Владимир, где находился до снятия надзора в июле 1839 г.

В 1839-40 гг. знакомится с Грановским, В.Ф.Одоевским, И.И. Панаевым, близко сходится с Белинским. В конце 1840 г. Г. обвиняется в распространении ложных слухов, и в результате летом 1841 г. ссылается с семьей в Новгород. Благодаря хлопотам друзей, летом 1842 г. Г. получает разрешение переехать в Москву. Во время повторного гонения Г. публикует «Записки одного молодого человека» (ОЗ, №12 за 1840, №8 за 1841), автобиографическую повесть, высоко оцененную Белинским. Замысел написать автобиографию возник еще в Вятке и не оставлял Г. всю жизнь, несмотря на «Записки...»; в результате он вылился в итоговое произведение «Былое и думы».

С 1842 по 1847 гг. Г. живет в Москве. Этот период оказался очень плодотворным для писателя. В это время пишется и публикуется ряд работ (некоторые опубликованы уже после отъезда за границу): «Дилетантизм в науке» (начат еще в Новгороде; ОЗ, №1, 3, 5, 12 за 1843), «Письма об изучении природы» (ОЗ, №4, 7, 8, 11 за 1845; №3, 4 за 1846), фельетон «Путевые

записки г. Вёдрина» (ОЗ, №11 за 1843), цикл статей «Капризы и раздумье»: 1. «По поводу одной драмы» (ОЗ, №8 за 1843), 2. «По разным поводам» («Петербургский сборник», Спб., 1846; под заглавием «Капризы и раздумье»), 3. «Новые вариации на старые темы» (Совр., №3 за 1847, с подзаголовком «Статья первая»), фельетон «Москва и Петербург» (Колокол, л.2 от 1 августа 1857; в России распространялся в многочисленных списках), «Несколько замечаний об историческом развитии чести» (Совр., №3 за 1848). Г. занимается и художественной прозой: осенью 1845 года он возвращается к работе над романом «Кто виноват?» (начат в Новгороде в 1841, в 1842 оставлен; опубл.: часть 1 – ОЗ, №12 за 1845; №4 за 1846; полностью – как приложение к «Современнику» №1 за 1847 г.), а также пишет рассказ «Сорока-воровка» (Совр., №2 за 1848) и повесть «Доктор Крупов» (Совр., №9 за 1847, с заглавием: «Из сочинения доктора Крупова «О душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особенности»»). Все эти публикации делают Г., пишущего под псевдонимом Искандер (иногда «И-» или «И-р»), популярным писателем. Особенный успех имеет роман «Кто виноват?».

19 января 1847 г., в день, когда в № 15 «Санкт-Петербургских ведомостей» отмечается выход в свет №1 «Современника», Г. с женой выехал из Москвы за границу (2: I, 251). В Европе останавливается в Париже, где встречается со многими друзьями. Первые впечатления от пребывания за границей отразились в цикле «Письма из Avenue Marigny» (Совр., №10, 11 за 1847; в переработ. виде – гл.1-4 «Писем из Франции и Италии», Лондон, 1855). Европейская жизнь Г. полна событий. В 1848 г. Г. становится свидетелем революции в Неаполе и Париже. Восприятие революции отражено в цикле «Опять в Париже» (гл. 9-14 «Писем из Франции и Италии») и книге «С того берега» (1847-50 гг.; опубл. на нем. яз. – Гамбург, 1850 г.; на рус.яз. – Лондон, 1855 г.). В 1849-50 гг. издает вместе с Прудоном газ. «La voix du peuple». В 1849 г. Г. решает остаться на Западе и в 1850 отказывается выполнить приказ Николая I вернуться в Россию. В 1851 г. Фрибурский кантон

Швейцарии принял решение о натурализации Г., что спасает его от выдачи царскому правительству. В этом же году выходит в свет книга на франц. и нем. яз. «О развитии революционных идей в России» (В рус. пер. – М., 1861, нелегально, в литографированном виде).

В 1852 г., после нескольких семейных трагедий (гибель матери и сына, смерть жены), Г. перебирается в Лондон. Летом 1853 вместе с польскими эмигрантами основывает вольную русскую типографию. Там Г. печатает альманах «Полярная звезда» (1855-1862; 7 выпусков, 8 выпуск вышел в Женеве в 1868), «Голоса из России». В 1856 г. в Лондон приезжает Н.П. Огарев, возникает идея издания газеты «Колокол» (1857-1867). В типографии издаются и отдельные сочинения: произведения А.Н. Радищева и М.М. Щербатова, воспоминания декабристов и др. Роль Г. в 50-е гг. очень важна: к нему в Лондон приезжают почти все передовые люди того времени, многие из них являются его корреспондентами; «Колокол» читается не только в среде интеллигенции, но и в правительственных кругах. Однако в 1863-64 гг., из-за того, что Г. поддержал польское восстание, популярность «Колокола» сильно падает. В 1865 г. Г. уезжает из Англии в Швейцарию. В Женеве он издает «Колокол» до 1867 г. (в 1868-69 выходит 15 номеров газ. «KoloKol» на фр.яз и 7 рус. приложений). Основной труд последних 20 лет жизни Г. – «Былое и думы». Работа над произведением длилась с 1852 по 1868 гг. Большинство глав было опубликовано в альманахе «Полярная звезда» наряду с запрещенными произведениями русской литературы. В 60-ые гг. было осуществлено и отдельное издание частей 1-5 «Былого и дум» (в это издание не вошли некоторые отрывки и «Рассказ о семейной драме»). Позже «Былое и думы» печатались наследниками Г. в 1875-79 гг. (издание, однако, является не полным). В январе 1870 г. Г. простудился и умер 21.01.1870 (по н.ст.).

Имена Г. и Некрасова оказываются связанными еще до личного знакомства. Так летом 1842 г. Н. становится свидетелем разговора А.Я. и И.И. Панаевых с В.А. Соллогубом, в котором Панаева просит писателя похлопо-

тать за Г., находящегося в новгородской ссылке (12). В Летописи жизни и творчества Н.А. Некрасова этот факт ошибочно трактуется как то, что Некрасов принимал участие в хлопотах об освобождении Г. (2: I, 112). В июне 1845 г. происходит встреча двух писателей: Некрасов приезжает к Г. в Соколово (5: XXII, 240), где, скорее всего, ведутся переговоры об участии Г. в «Петербургском сборнике». По-видимому, Г. привлекала идея сотрудничества с Некрасовым. В письме к А.А. Краевскому от 23 июня 1845 г. Г. просит вручить повесть «Кто виноват?» Белинскому, «а тот передаст Некрасову в альманах», если она не пригодится для двух будущих номеров ОЗ (5: XXII, 240). 10 октября 1845 года Некрасов в письме к Кетчеру просит сказать Г., «чтоб он привез или прислал статью «Ум хорошо, а два лучше», адресуя на Белинского, и поскорей кончил другую начатую статью» («По разным поводам» из цикла «Капризы и раздумье»). «Его с нетерпением ждут в Петербурге все знающие и любящие» (1: XIV₁, 53). В том же месяце Г. выполняет просьбу Некрасова и пересылает через А.А. Краевского уже законченную статью «По разным поводам» (5: XXII, 245). Следует отметить, что Г. отдал свою статью безденежно (14).

Когда в конце ноября 1845 г. выходит № 12 ОЗ (с 1 ч. «Кто виноват?»), Некрасов реагирует незамедлительно и в письме к Н.Х. Кетчеру от 2 декабря просит передать Г., что «его повесть – поистине превосходная повесть» (1: XIV₁, 56).

В январе 1846 г. выходит в свет «Петербургский сборник», в кот. напечатана статья Г. «По разным поводам» под заглавием «Капризы и раздумье». К этому времени относится неизвестная записка Г. к Некрасову с одобрением стихов поэта, опубликованных в том же сборнике (1: XIV₂, 75). В феврале Г. в не сохранившемся письме к Белинскому дает высокую характеристику стихотворению Некрасова «В дороге» (5: XXII, 444). В это время Белинский задумывает свой альманах, и Г. обещает ему «Сороку-воровку» и «Доктора Крупова» (5: XXII, 443). Проекту Белинского не суждено будет осуществиться.

ся, и все материалы, собранные для “Левиафана”, перейдут к издателям «Современника», в котором и появятся эти произведения Г.

В апреле 1846 г. Г., М.С. Щепкин и др. встречают приехавших из Петербурга Белинского и Некрасова (7: XII, 274-275), а летом того же года Некрасов второй раз приезжает в Соколово. Там под влиянием дискуссий и споров Н. пишет стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...» (см. 1: XIII₂, 41; 17; 29).

В сентябре 1846 Некрасов в письме к Белинскому, заботясь об успехе «Современника», который он собирается издавать с начала 1847, просит написать Г., чтобы он не давал окончание «Кто виноват?» Краевскому, поскольку Некрасов хочет напечатать роман «вполне отдельной книжкой и дать в приложении к журналу безденежно» (1: XIV₁, 59). Однако будущий издатель не ограничивается только этим предложением. Думая, что появление известных имен в списке сотрудников нового издания увеличит количество подписчиков, Некрасов в не сохранившемся письме к Г. просит разрешения выставить имя Г. в числе сотрудников журнала (1: XV₂, 267). Около 27 сентября Г. отвечает на это письмо Некрасова и соглашается, чтобы его имя было напечатано в объявлении об издании «Современника», но просит известить, «согласится ли Белинский принять участие» в нем, «заведовать духом и направлением журнала? И будет ли журнал верен своему направлению?» (5: XXII, 256).

В начале октября выходит № 11—12 «Современника», с объявлением о переходе журнала к А.В. Никитенко, Н. и И.И. Панаеву. Среди будущих сотрудников назван Искандер. В числе подготовленных материалов называются ««Сорока-воровка» повесть Искандера и «Записки доктора Крупова» его же» (1: XIII₁, 46, 48). Из этого объявления мы также узнаем, что Г. согласился с предложением Некрасова печатать свое произведение отдельной книжкой: «При первом номере «Современника» подписчики получат безденежно <...> вполне окончанный роман г. Искандера «Кто виноват?» (1: XIII₁, 48). Однако

Панаев обеспокоен письмом Г. к Некрасову и настроениями в литературной среде, которые оно отражает. В связи с этим он в письме к Кетчеру просит «всех не верить распускаемым слухам» (6: I, 365). Опасения Г. были разрешены, возможно, при личной встрече с Некрасовым в октябре 1846 года, когда Г. приехал в Петербург. Тогда же Г. передает Некрасову деньги (принадлежащие жене Г., Наталье Александровне) на издание журнала (1: XIV₁, 69; 1: XIV₂, 84; 1: XV₁, 93). 12 ноября того же года датирована коллективная брошюра «По поводу «Нелитературного объяснения» Белинского, Панаева и Некрасова, в которой авторы заявляют, что они, а вместе с ними и Искандер, «примут деятельное и постоянное участие в «Современнике» и помещать трудов своих в «Отечественных записках не будут» (1: XIII₁, 7-8).

Часть денег, которые Некрасов должен Г., по просьбе последнего, поэт должен был отдать Белинскому, уже в январе 1847 задумавшему поездку на воды. По-видимому, сначала Некрасов не мог профинансировать критика дополнительными деньгами (7: XII, 319-320; 6: I, 392), и так часто выдавая своему сотруднику крупные суммы. В это время у Некрасова возник ряд финансовых проблем в связи с изданием журнала; тогда же он пишет письмо к Г., объясняя «причины невыполнения долгового обязательства» (1: XV₂, 268). Однако уже в апреле Некрасов в письме к Боткину, после долго описания денежных взаимоотношений с Белинским, просит сообщить Г., что 300 руб. сер. уже переданы Белинскому (1: XIV₁, 70). В том же письме Некрасов сообщает, что по просьбе Г. он выдал П.А. Захарьину 30 руб. сер. и выдаст еще 90. Это составит 450 руб. сер. из долга Н., а выплату остальных денег поэт просит отложить до следующего года (1: XIV₁, 71). Выдача денег критику подтверждается записью в «Счете с Белинским»: «(и 1050 за Герцена, которые в этот счет найдут)» (1: XIII₂, 174). За время этой истории Некрасов успевает в феврале передать Г. три поклона через Тургенева (1: XIV₁, 65).

В июне 1847 Некрасов пишет письмо к Г. (не сохр.) о задуманном им приложении к «Современнику» - издании «Иллюстрированного альманаха»,

вероятно, предлагая Г. принять в нем участие (1: XIV₁, 75-76; XV₂, 269). Просьба эта исполнена не была, однако и альманаху не суждено было выйти в свет, хотя он был целиком составлен (об истории альманаха см. 1: XIII₁, 369-374). Однако уже в первой половине августа Г. в письме к Некрасову (неизв.) сообщает, что вскоре вышлет для «Совр.» свои «Письма из Парижа» (5: XXIII, 453). Под другим заглавием – «письма из Avenue Marigny» - они публикуются в октябрьском (первые три письма) и ноябрьском (письмо четвертое) номерах «Современника» за 1847 г. Эта публикация была сопряжена с беспокойством Некрасова о цензурной правке статьи Г., избежать которой не удалось (см. письма Н. к Никитенко от 18 и 21 октября; 1: XIV₁, 81-82).

В октябре 1847 г. у Некрасова возникает план издавать «Библиотеку русских романов, повестей, записок и путешествий». К сожалению, план не был осуществлен, однако примечательно, что издатель хотел открыть серию романом «Кто виноват?» (1: XIV₁, 84). Думается, что поэт был уверен в том, что произведение разойдется. Когда в декабре в качестве приложения к №1 «Современника» за 1847 г. вышел «Кто виноват? Роман в 2-х частях» Искандера (2: I, 293 - с ошибочным написанием заглавия романа без знака вопроса), произведение имело большой успех. Согласно статье Некрасова «Музей современной иностранной литературы...», о романе говорил «весь Петербург» (1: XI₂, 24).

В начале 1848 г. «Современник» печатает ряд анонсированных ранее произведений Г. (№2 – «Сорока-воровка» с посв. М.С. Щепкину, рассказ которого и запечатлел Г. в своем произведении (13); №3 – «Несколько слов об историческом развитии чести»). Однако в «Современнике» не суждено будет появиться новым произведениям Г. В начале 1848 г. Г. сообщает своим коллегам, что пишет новый роман и, видимо, обещает его прислать. В журнале даже печатается объявление, что роман будет помещен в «Современнике» (1: XIII₁, 57). Однако когда Г. присылает рукопись нового произведения «Долг прежде всего», редакция признает ее неудобной для печати: роман рассказы-

вал о французской революции 1789 г. (1: XIII₁, 365; 5: VI, 297). Анненков и Панаев отрицательно отреагировали на попытку Г. опубликовать свое произведение (2: I, 298).

Последний всплеск отношений поэта и писателя приходится на август-сентябрь 1848 года. Тогда Г. пишет Некрасову «доброе» письмо (неизв.), посланное, вероятно, с Анненковым (5: XXIII, 456; 1: XIV₁, 112). Некрасов также получает очерк Г. «После грозы», написанный в июле 1848 г. по горячим следам революции. Остается неясным, кто именно доставил в Москву это произведение: есть мнение, что оно было послано через Анненкова (1: XIV₁, 292), согласно другой точке зрения, его доставила М.Ф. Корш (4). В письме к Тургеневу от 12 сентября ст.ст. Н. просит передать «Герцену поклон. Спасибо ему за доброе письмо. Я плакал, читая «После грозы», - это чертовски хватает за душу». (1: XIV₁, 112). В то время напечатать в России это произведение, как и другие, вошедшие впоследствии в книгу «С того берега», было, конечно, невозможно.

К ноябрю 1848 г. относится упоминание Г. о чтении №6 «Современника», который оказался «плох». Особое недовольство Г. вызвало «глупое, пошрое» извещение о смерти Белинского (5: XXIII, 112). Недовольство Г. объяснимо тем, что он не учитывает цензурных обстоятельств того времени. Нечто подобное произойдет и в 1859 г., когда Г. будет выступать против «Современника».

На этом первый период отношений Г. и Некрасова заканчивается. Это время можно охарактеризовать как сближение двух писателей, их плодотворное сотрудничество. Следует обратить внимание на то, что из известных документов писем Некрасова к Г. и Г. к Некрасову не так много. Большинство проблем решается не в личной переписке, а через общих друзей. Это, в свою очередь, свидетельствует, что отношения были хотя и уважительными, но все же дистантными. Эмиграция Г. не дала развиваться если не дружбе, то тесному сотрудничеству.

Отношение Г. к Некрасову резко меняется в 50-е гг. В апреле 1856 г. Г. возмущается ролью И.И. и А.Я. Панаевых, а также Некрасова в деле о наследстве М.Л. Огаревой. Особенно его задевает участие человека, который когда-то помог ему освободиться из второй ссылки: «И все это шло через Авдотью Яковлевну!» (5: XXV, 338). Следует отметить, что Г. знал историю этого дела преимущественно со слов ближайшего друга Н.П. Огарева, недавно приехавшего в Лондон, и у него не было никаких оснований не верить в правдивость слов ближайшего друга. У Огарева, в свою очередь, были свои причины отрицательно относиться к поверенным жены, поскольку это дело причинило ему не только много хлопот, но и в какой-то момент грозило разорением. Как это нередко бывает, негативное отношение к человеку распространилось и на его окружение, в данном случае, на близких к поверенным людей. Видимо, какую-то роль играли и слухи, имеющие тенденцию быстро распространяться и многое исказить. Современные исследователи расходятся в оценке этого запутанного дела, однако проблемы возникают не с оценкой роли Некрасова, который, скорее всего, не был замешан в происходящем, а с оценкой роли А.Я. Панаевой. Этой проблемы касались в своих работах А.Г. Дементьев (19), Б.Л. Бессонов. (20; 3: VIII, 140-146); Я.З. Черняк (16). Подробно изложил свое видение истории Н.Г. Чернышевский (10).

Возмущение Г. «огаревским делом» привело к конфликту с издателем «Современника». Возможно, отрицательное отношение Г. к Некрасову объясняется не только личной неприязнью к поэту, но и тем, что Г. не хотел верить в виновность А.Я. Панаевой, и, как бы защищая ее, перенес всю вину на Некрасова, личность которого в глазах Г. могла обладать не самой лучшей репутацией в связи с началом издания «Современника» (отказ принять Белинского в соиздатели).

Когда Г. возмущался историей с «огаревским делом», процесс еще не был закончен (возмущение относилось к первой части дела, когда капитал Огарева перешел к Панаевой и Шаншиеву), однако писатель внутренне уже

вынес свой вердикт. 7 июня нов.ст. 1857 г. Некрасов, будучи за границей, пишет письмо находящемуся в Лондоне Тургеневу, в котором сообщает, что хотел бы увидаться с Г. Однако он понимает, что Г. против него «восстановлен», причем скорее всего «известной историей огаревск<ого> дела». Далее Некрасов сообщает о своей невинности: «Если вина моя в том, что я не употребил моего влияния, то прежде надо бы знать, имел ли я его – особенно тогда, когда это дело разрешалось». Некрасов просит, если Тургенев найдет это удобным, сказать Г., что ему «больно, что человек, которого я столько уважаю, <...> который был первый, после Белинского, приветствовавший добрым словом мои стихи <...> нехорошо обо мне думает». «Прибавь к этому, что если он на десять минут обещает зайти ко мне в гостиницу <...>, то я ни минуты не колеблясь, приеду в Лондон» (1: XIV₂, 74-75).

После этого письма в июне 1857 г. Некрасов приезжает в Лондон, однако Г. отказывается его принимать и посылает с Тургеневым расписку Некрасова на 1000 руб.сер. и «велел сказать, чтоб» Некрасов их отдал П.А.Захарьину (5: XXVI, 101, 104-105). Согласно воспоминаниям Тучковой-Огаревой, Тургенев «в продолжении трех дней <...> постоянно уговаривал Герцена увидеть Некрасова» (15).

Не встретившись с Г., Некрасов уезжает из Лондона. После этого начинается тройственная переписка (Г., Некрасов, Тургенев), которая окончится полным разрывом Г. и Некрасова. Некрасов, по-видимому, хотел объясниться, поэтому 27 июня н. ст. (15 ст.ст.) он пишет из Парижа письмо Г., напоминающая лондонскому изгнаннику о его забывчивости: «В 1850 году Тургенев привез мне из-за границы записку Вашу о передаче остальных денег ему. С Тург<еневым> я имел постоянные счета, по которым постоянно мои деньги приходились за ним, поэтому долг ему не беспокоил меня, и я до настоящей минуты оставлял это дело нерешенным, думая, что ответственностию обязан уже не Вам. Теперь спешу по возможности заглазить следы своей беспечности <...> и сообщаю Вам, что первым моим делом по возвращении в Россию

(куда я еду скоро) будет приведение в ясность счетов и высылка Вам остальных денег». (I: XIV₂, 76). Из письма к Тургеневу от 30 июня ст.ст., в котором поэт делится своими переживаниями, мы знаем, что Н. тяжело переживал отказ Г. встретиться и объясниться, вплоть до мыслей о пистолете (I: XIV₂, 77).

Тем временем Г. пишет Тургеневу странное письмо (от июля 20 н. ст. (8 ст.ст.)), свидетельствующее скорее о предубежденности Г. против Некрасова, чем о попытках понять ситуацию: «Некрасов ко мне писал. Письмо гадкое, как и он сам; он обвиняет *тебя* в том, что ты не объяснил мне, что он считал дело это (о 3500 фр. <долг Н., переведенный в европейскую валюту>) конченным со мною и что ты мне их отдашь из своего долга Некрасову. Я совсем забыл о записке, которую тебе дал. Вот тебе, впрочем, совершенно заслуженная награда за дружбу с негодяем». К этому письму Г. прилагает ответ Некрасову, просит послать его с первой оказией и подтвердить посылку; в противном случае Г. грозит напечатать свое письмо в «Колоколе» (5: XXVI, 106).

Текст письма Г. к Некрасову от 10 июля н.ст. (28 июня ст.ст.) следующий: «<...>Мне очень жаль, что вы могли думать, что «доля неудовольствия моего против вас» была основана на такой мелкой причине, как ваш долг мне. – Я так же забыл и о нем, и о записке, данной Тургеневу, как и сам Тургенев, - мне очень больно, что вы косвенно вините его в этом деле. – Видя по покупкам, которые он для вас делал, как вы далеки от нужды, я думал, что вам доставит удовольствие уплатить небольшой долг, из которого вы уже уплатили долю Белинскому, по моей просьбе, в весьма тяжкое время для него, - и потому просил Тургенева передать вам, что если вы желаете заплатить остальные деньги, около 1000 р. сер., то вы можете ее вручить Петру Александровичу Захарьину, в Петербурге (о желании вашем он придет узнать).

Причина, почему я отказал себе в удовольствии вас видеть, - *единственно* участие ваше в известном деле о требовании с Огарева денежных сумм, которые должны были быть пересланы, и потом, вероятно, по забыв-

чивости, не были пересланы, не были даже и возвращены Огареву. – Я и так был уверен, что это дело было совершено «неумышленно», что, несмотря на два ваши письма к Марье Львовне, - ждал объяснения.

Вы оцените чувство деликатности, которое воспрещало мне видеться с вами до тех пор, пока я не имел доказательства, что вы были чужды этого дела и что вся ответственность за него падает на третье лицо, как вы объясняете в письме к Тургеневу.

В ожидании этого объяснения позвольте мне остаться незнаком<ым> с Вами»(5: XXVI, 104-105).

Тургенев отвечает Г. быстро, уже 22 июля нов. ст. (10 ст.ст.). Он пишет, что рассержен объяснениями Некрасова по поводу денег, взятых у Г.: «Да разве я входил когда-либо в его денежные дела и отношения?». Писатель обещает доставить письмо Г. к поэту, но просит не печатать ничего в «Колоколе»: «Хотя Некрасов тебе вовсе не свой – но все-таки согласишься, что это значило бы «бить по своим»». Не менее интересными оказываются свидетельства о переписке самого Тургенева с поэтом: «Я ему сегодня написал письмо, в котором, ссылаясь на сказанные тобою мне слова или, лучше сказать, на переданные тобою слова Некрасова, прошу его либо выслать мне тотчас бумагу, по которой я передаю ему право на издание «З<аписок> О<хотника>» - и тогда я готов заплатить тебе эти 1000 руб. – или, если он хочет удержать это право за собою, не считать меня в долгу, ибо долгу я признать не могу». (9: III, 131). Видимо, тогда же Тургенев пишет письмо дяде о присылке денег Некрасову (1: XIV₂, 81, 222). В ответном письме Г. к Тургеневу, Г. признается, что только «пострадал» «Колоколом» (5: XXVI, 109).

Можно предположить, что Некрасов не ожидал от Тургенева, успевшего разделить точку зрения Г., такого ответа на свое искренне письмо от 30 июня ст. ст. Следует отметить, что Тургенев ставит Некрасова в безвыходное положение, в некотором смысле, шантажируя его и заставляя объясняться еще и с ним по поводу истории с герценовскими деньгами. Понимая, что все

обвинения в денежной нечестности исходят от Г., Некрасов решает объясниться еще раз: 20 июля ст.ст. он пишет письмо к Г., в котором повторно объясняет ситуацию, подчеркивая, что «вовсе не думал обвинять Тургенева в неуплате», и «просит считать виновным в этом деле единственно» его (1: XIV₂, 82-83).

Письмо к Г. отправлено Тургеневу в Баден-Баден с ответом на его письмо (не сохр.): «Зачем тебе Герцен написал, что я жалуясь на тебя и проч. – я не понимаю». «Сейчас я перечел твое письмо и уверяю тебя честью, что о том <...>, будто бы ты заплатишь Герцену из денег должных будто бы мне, – в моем письме нет ни слова, даже какого-либо намека. Это сушая выдумка – попроси Герцена, пусть он пришлет тебе мое письмо». «Лучше бы мне вовсе не упоминать о тебе, но <...> когда на человека падает обвинение в присвоении чужой собственности, неужели ему непозволительно сослаться на факт, в котором, по моему мнению, нет ничего предосудительного для тебя?» Письмо Г. Некрасов просит переслать, если Тургенев найдет это нужным (1: XIV₂, 80-82).

Однако вскорости Некрасов (2 авг.н.ст./ 21 июля ст.ст) просит Тургенева не отсылать отправленное «на днях» письмо к Г., а послать ему деньги (для этого поэт пересылает сумму для Г. на имя Тургенева), и обещает написать Г. новое письмо (1: XIV₂, 84). Причина такой реакции заключается в том, что в промежутке от 20 до 26 июля ст.ст. 1857 г. в Петербург приезжает Дружинин, который привозит Некрасову письмо от Г., которое Тургенев хотел передать через надежные руки, и записку от Тургенева (1: XIV₂, 86, 224; 2: II, 98 – с неопределенностью в формулировке, из-за которой можно предположить, что Т. передал через Дружинина письмо Г. к Тургеневу для того, чтобы Некрасов его прочитал).

Прочитав письмо Г. и осознав, что причина неприязни лондонского изгнанника заключается вовсе не в давнишней денежной истории, Некрасов решает больше не объясняться. 7 авг. н.ст. (26 июля ст. ст.) он сухо отвечает

на письмо Г. от 10 июля (28 июня). В этом письме Некрасов еще раз повторяет, что не хотел никаким образом обвинять ни в чем Тургенева, сообщает, что выслал деньги. В огаревском деле оправдываться отказывается: «Что же касается до причины Вашего недовольствия против меня, то могу ли, нет ли оправдаться в этом деле, - перед Вами оправдываться я не считаю удобным. Думайте, что Вам угодно». (1: XIV₂, 84-85). Это послание отправлено с письмом к Тургеневу от 8 авг. нов. ст. / 27 июля ст.ст. (1: XIV₂, 86).

Тургенев ответил Некрасову только 12 (24) авг., поскольку не находилась по тому адресу, куда приходили письма от поэта. Однако ответ был примирительным, и в письме содержались уверения в дружбе и сетования на то, что «где эти проклятые счета заведутся, рано или поздно заведутся также недоразумения» (9: III, 144-145). Согласно желанию Некрасова, Тургенев не отправляет его письмо к Г. от 20 июля ст.ст. (1: XIV₂, 222, 223). 29 авг. н.ст. (17 ст.ст.) Г. получает вексель от Некрасова и просит Тургенева прислать письмо поэта (5: XXVI, 117). Получает его Г. только в октябре 1857 г. и очень отрицательно его оценивает (5: XXVI, 131).

Необходимо отметить, что факт выплаты поэтом 1000 р. Г. говорит о непризнании этого долга третьим участником переписки и свидетельствует, что Некрасов не выслал И.С. Тургеневу бумагу, по которой писатель передает ему право на издание «Записок Охотника». По-видимому, перевод этих денег означал еще и то, что это право оставалось за издателем «Современника».

Тяжелая и неприятная для Некрасова история, как это нередко бывает, оттеняется бытовыми обстоятельствами. Так сначала Некрасов высылает Тургеневу 1000 фр. на ружье (1: XIV₂, 73), а 17 (5 ст.ст.) июля 1857 г. Тургенев, в письме к Г., поручает ему получить от оружейника Ленге ружье для Н. (9: III, 130), за изготовлением которого Г. –несмотря на неприязнь к поэту – следит, заходя к оружейнику и сообщая Тургеневу о сроках, когда его можно будет забрать. (5: XXVI, 112-113).

На этом личные отношения между Некрасовым и Г. прерываются, однако личная неприязнь к поэту будет проявляться во многих герценовских публикациях. 1 июня 1859 г. в «Колоколе» (л. 44) публикуется статья Г. «Very dangerous!!!», направленная против «Современника» (5: XIV, 116-121). Статья была написана после прочтения №№3, 4 «Современника» за 1859 г.: в №3, в обозрении Чернышевского «Политика» иронически оценивалась компромиссная деятельность итальянского политического эмигранта К. Поэрио, а в №4, во 2-ой части статьи Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года» содержалась критика обличительной литературы и резкие выпады против «либеральных восторгов».

Добролюбов запечатлел состояние издателя «Современника», узнавшего о выходе этой статьи: «...Некрасов обеспокоен, говоря, что это обстоятельство свяжет нам руки, так как значение Герцена для лучшей части нашего общества очень сильно. В особенности намек на бюро <В своей статье Г. намекал, что руководители «Современника» подкуплены «ценсурным триумвиратом» (5: XIV, 116) > оскорбляет его, так что он чуть не решается ехать в Лондон для объяснений, говоря, что это дело может кончиться и дуэлью» (8). В результате было решено, что Чернышевский отправится в Лондон для встречи с Г. Однако до нее в «Современнике» (№6 за 1859) появился печатный отклик на статью Г.: рецензия Добролюбова «Весна. Литературный сборник на 1859 год». О том, насколько важно было мнение Г., свидетельствует следующий факт, обнаруженный С.А. Рейсером: после того, как номер вышел в свет, 318 страница была вклеена в «Современник» взамен другой, вырезанной из отпечатанного номера. (6: III, 51).

Печатный ответ не помешал встрече Чернышевского и Г. Формальным ее результатом стало объяснение статьи «Very dangerous!!!» в «Колоколе» от 1 авг. 1859 (л. 49) (5: XIV, 138). Но, по-видимому, соглашение в политических взглядах достигнуто не было. Оба собеседника остались, скорее, недовольны друг другом (18).

Чуть больше года длится своеобразное затишье, когда 15 октября 1860 выходит 83 лист «Колокола» со статьей «Лишние люди и желчевики» (5: XIV, 317-327). В ней содержится выпад против Некрасова, который заключает в себе неприятный намек на личные свойства поэта и издателя: «...мы не привыкли к барышникам, отдающим в рост свои слезы о народном страдании... гонитель неправды, ... запирающий в свою шкатулку деньги, явно наворованные у друзей своих, ... вреднее и заразительнее всех праздных и лишних людей». Статья вызвала одобрительный отзыв Тургенева, который к тому времени разошелся с «Современником»: «Я понял конец «Желчевиков» и сугубо тебе благодарен» (9: IV, 142-143). Г., как бы исполнив давнишние угрозы напечатать что-нибудь о Н. в своей газете, интересовался у Анненкова, что «за эффект» произвела его статья (5: XXVII, 114).

Г. не обошел вниманием и печально-известную историю с «муравьевской одой». Вскоре после ее публичного чтения в л.220 «Колокола» (15 мая 1866) появилась заметка Г. (правда, без подписи) «Стихи и проза Некрасова». В ней издатель вольной печати издевательски оценивает поступок поэта и не упускает случая намекнуть на «огаревское дело», вписывая все эти события в один ряд: «Признаемся <...> этого и мы от вас не ждали, а ведь вам известно, *как интимно* мы знаем вашу биографию и как *многого* мы могли от вас ждать» (5: XIX, 75). В том же номере, но уже в разделе «Смесь», Г. опять без подписи публикует еще одну издевательскую заметку «Еще о Некрасове» (5: XIX, 80).

В следующем номере «Колокола» (л.221 от 1 июня 1866) Г., видимо, после получения письма от некоего господина, который воспринял цитируемые выше строки как «донос», решил еще более подробно разъяснить свою итак однозначную позицию («Поправленное недоразумение»): «...ему (*неизвестному господину, который написал недошедшее письмо – П.У.*), вероятно, показалось, что мы хотели сказать, что, *зная* биографию Некрасова, мы ждали от него много *хорошего*. Но самое простое перечитывание фразы ему по-

кажет, что мы ждали от Некрасова <...> бездну *дурного*, но все же не ждали панегирик Муравьева» (5: XIX, 89).

Через два года Г. в связи с огаревским делом еще раз намекнет на поэта в статье «*A nos enimes*», которая направлена против Каткова. Статья эта, с анонимным упоминанием о Некрасове («один русский литератор»), появилась уже в другом, выходящем на французском языке, «Колоколе» (№14-15 от 1 дек. 1868, с подписью I-r). В дальнейшем Г. не будет публично упоминать имя поэта или намекать на какие-либо обстоятельства его жизни, однако не упустит случая откликнуться несколько раз в своей переписке на истории, связанные с критикой Некрасова. Так, в письмах к Огареву и Тургеневу (от 20-22 (8-10 ст.ст.) и 23 (11 ст.ст.) марта 1869 соответственно) Г. обращает внимание своих корреспондентов на травлю Некрасова, развернувшуюся в журнале «Космос» (в №4 от 25 января 1869 поэт критиковался в двух статьях). При этом реакция Г. в каком-то смысле характерна: «Немезида-то делает свое» (5: XXX, 64, 65-66). Приблизительно в таком же духе Г. реагирует и на публикацию брошюры «Материалы для характеристики современной русской литературы» Антоновича и Жуковского весной 1869. В письмах к Огареву и Г.Н. Вырубову (от 8 и 9 апреля (27 и 28 марта ст.ст.) соответственно) мы видим все тоже резко отрицательное отношение Г. к Некрасову.: «вот после этого и воруй целую жизнь и лги на себя стоны и слезы народные» (5: XXX, 79, 80-81).

Существует интересно мемуарное свидетельство А.П. Пятковского. В июле-августе 1869 г. он часто встречался с Г. (6: V, 242), который читал ему, среди других произведений, письма «К старому товарищу». Пятковский предложил опубликовать их в «Отечественных записках» под псевдонимом. Г. не сразу согласился на это предложение, «вменяя в вину Некрасову кое-какие обстоятельства его литературной карьеры». Журналист пытался изменить мнение Г., стараясь «выставить на вид несомненный поэтический талант и сильные, так сказать, «грудные ноты» его поэзии», а в заключении он про-

чел Г. на память «искренние и хватающие за сердце строки из стихотворения «Не может быть» (от ст. «Не торговал я лирой, но бывало...» до ст. «Прости меня, о родина, прости!»). Вот как Пятковский описывает дальнейшую реакцию Г.: «Прослушав внимательно эти стихи с намернувшуюся на глаза слезою, - которую он старался скрыть, несколько отвернувшись в сторону, - Герцен, вероятно, вспомнил тот кружок «друзей», к которому принадлежал и он сам в лучшие годы своей молодости – и изъявил согласие забыть старые недоразумения и счеты, уже давно заслоненные новейшими событиями». Однако в этот раз от сотрудничества отказался Некрасов, сначала сказав, что слог Г. очень типичен и это может повлечь неприятности на журнал, а потом, отвечая на возражения своего сотрудника, «ответил что-то неопределенное». Пятковский предположил, что, «за высказанными им наружно опасениями, таилась та старая *rancune* (*фр.* - *злопамятность, злоба* – П.У.), которая поссорила его (*Некрасова* – П.У.) с Герценом в истории с огаревскими деньгами...» (11).

Г., осознавая свою неприязнь к Некрасову, все же мог подняться над ней, понимая, какую роль играет поэт и издатель «Современника» в России. Так, в «Полярной звезде» №5 (1859 г.) Г., не упоминая имя автора, публикует поэму Некрасова «В.Г. Белинский». По мнению Н.Я. Эйдельмана, список произведения мог быть доставлен Г. Тургеневым или Анненковым (28). В этом же альманахе Г. печатает раздел из приложения к «Былому и думам» «Из писем В.Г.Белинского», в которых поэт несколько раз упоминается в положительном ключе. Другое произведение – «Размышление у парадного подъезда» - также анонимно появляется в герценовском «Колоколе» (1860, 15 янв., Л. 61), правда, под другим заглавием «У парадного крыльца». Г. сопровождает публикацию следующей фразой: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить» (5: XIV, 373). Следует также отметить, что Г. в своей статье «Мясо освобождается» («Колокол», л.121, 1 февр.1862) цитирует «Песню убогого странника» из по-

эмы «Коробейники» (5: XVI, 28).

Личная неприязнь к поэту не помешала Г. на страницах «Колокола» в июле 1862 года, когда журнал Некрасова был закрыт на 8 месяцев, предложить издавать «День», «Современник», «Русское слово» в Лондоне (5: XVI, 214). Реакция поэта нам неизвестна, однако из письма Тургенева к Г. видно, что это предложение могло быть воспринято отрицательно: «Ведь это все равно, что кирпичом их по голове... Некрасов, пожалуй, увидит в этом желание отомстить ему» (9: V, 38-40).

Г. также реагирует на разнообразные предупреждения «Современнику», сообщая о них своим читателям. В статье «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!» (Колокол, л.210, 15 дек. 1865) (5: XVIII, 473-477, 679) сообщается о первом предостережении журналу, а в статье «Подарки к новому году» (Колокол, л.211, 1 янв. 1866) (5: XIX, 15) – о втором (вызванном статьей Антоновича и стихотворением «Железная дорога» в №10), которое было объявлено 4 декабря 1865. В статье «Из Петербурга» (Колокол, л.214, 15 февр. 1866) содержится свидетельство, что «издатель «Современника», после двух предостережений, просил у Валуева поставить «Современник» снова под цензуру». Некрасову было предложено следующее условие – он «соглашается представлять статьи на предварительное рассмотрение» Валуева, а он в свою очередь «дает слово не закрывать журнал» (5: XIX, 31-32).

Следует отметить, что отношение Г. к «Современнику» очень неровно. Иногда он хвалит журнал и даже рекомендует сыну почитать его, как это произошло с № 4 за 1863 (5: XXVII, 328); то, давая волю давнишней неприязни, заявляет в частном письме (ноябрь 1864), что во главе с Некрасовым «Современник» «не может быть органом чистой и молодой России, а только петербургских судорожников и желчевиков» (5: XXVII, 534)

В отличие от Г., Некрасов лишен был возможностей свободного слова, поэтому печатный материал, имеющий отношение к лондонскому изгнаннику, несоизмеримо меньше. В №2 «Современника» за 1856 г. публикуется ста-

твѣ «Польская литература в 1855 году». Статья снабжена подстрочным примечанием с подписью «Ред.<акция>» (I: XIII₁, 238). Комментаторы ПСС Н. придают этому факту большое значение: «Комментируемое примечание, так же как и факт публикации статьи (анонимной) о польской литературе, - смелое выступление в защиту самобытной польской культуры и против сторонников ее замалчивания. В условиях подцензурной печати Некрасов тем самым выражал солидарность А.И.Герцену, который именно в это время выдвинул идею совместной освободительной борьбы польского и русского народов против своего общего угнетателя (см, например, статьи Герцена «Русскому воинству в Польше» и «Польско-русский революционный союз») (I: XIII₁, 506).

Заметка "Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности" (С. №. 1 за 1861; «Свисток» №7) «видимо, имеет сложный полемический подтекст». Ирония Некрасова, возможно, направлена в том числе и на Г., и на его статью «Very dangerous!!!», в которой содержалась критика сатиры «Свистка» (I: XII₁, 502).

Следующий эпизод относится к 1863 году, когда в №11 «Современника», в статье «От редакции» был вывешен список произведений, которые журнал не считает «удобным печатать». На самом деле речь идет не только о личных предпочтениях издателей, но так же и о цензурных запретах. Под номером 55 значится: ««С того берега». Роман» (I: XIII₁, 181-183). Одноименное произведение Герцена было впервые напечатано на рус.яз. в Лондоне в 1858 г., а в 1861 г. в Москве вышло подпольное литографическое издание. Вполне возможно, что Некрасов, «в пору, когда русское правительство меняло тактику борьбы с вольной русской печатью», «пытался провести роман «С того берега» через царскую цензуру» (I: XIII₁, 457).

Г. очень высоко оценивал творчество Некрасова. К сожалению, сохранились не все отзывы Г. о стихах поэта (см. упоминаемую выше не дошедшую до нас записку после выхода «Петербургского сборника», о которой пи-

сал Некрасов), однако те, которые дошли, очень значимы. В первой половине января 1857 г. Г. получает «Стихотворения Н. Некрасова...» и пишет Тургеневу: «Я нахожу и находил в нем сильный талант, хотя сопряженный с какой-то сухостью и угловатой обрывчатостью». В этом же отзыве Г. высказывает следующее мнение: у Некрасова нет классической традиции, поэтому его стихам «вовсе не идет слово Муза, Парнас». Но стихи «Псовая охота», «В деревне», «Забытая деревня» оцениваются очень высоко (5: XXVI, 69). В следующем письме к Тургеневу (2 мар. н.ст.). Г. еще раз написал о поэте: «В его стихотворениях есть такие превосходные вещи, что не ценить их было бы тупосердие» (5: XXVI, 78).

В июне (н.ст.) того же года в письме по поводу статьи Мейзенбург о русской литературе Г. высказывает автору свои соображения: «Почему не сказано ни одного слова о стихотворениях Некрасова, - хотя я его как человека не люблю, но это поэт весьма примечательный – своей демократической и социалистической ненавистью» (5: XXVI, 98). Высокие оценки творчества Некрасова не мешали Г. критически относиться к некоторым текстам. Так, например, он негативно оценивает строки из «Тишины», которые, правда, были напечатаны Н. из цензурных соображений (5: XXVI, 150; 1: IV, 324).

По-видимому, в творческом плане Некрасов не оказал на Г. особенного влияния. Исключение составляет стихотворение «Когда из мрака заблужденья...», в котором могла отразиться история брака Н.Х. Кетчера и которое, согласно мнению И.И. Подольской, могло повлиять на воспоминания Г. о своем друге-западнике (26; 5: IX, 236).

Высказываний Некрасова о творчестве Г. сохранилось не так много. В 1844 Н. в ЛГ (№2, 8 янв.) публикует свое произведение «Взгляд на славнейшие явления русской литературы в 1843 году. *Статья вторая и последняя*», в котором высоко оценивает ранние работы Г. – «Дилетантизм в науке», «Буддизм в науке», «По поводу одной драмы» (1: XI₁, 411). Через несколько лет в статье «Музей современной иностранной литературы...» Некрасов уже

как издатель сообщает, что «Современнику» «посчастливилось представить» на своих страницах два произведения – «Обыкновенная история» и «Кто виноват?» (1: XI₂, 24). Из письма Тургенева к Г. известно, что поэт читал некоторые главы «Былого и дум» и «был в восхищении» (письмо Тургенева к Г. от 28/16 февр. 1857, 5: XI, 760;).

Влияние Г. на Некрасова гораздо обширнее и интереснее, правда, не всегда можно с полной уверенностью утверждать, что переключки объясняются именно влиянием. В 1843 г. М.П. Погодин публикует свой путевой дневник «Год в чужих краях. 1839», большая часть которого была опубликована в журнале «Москвитянин» (отдельное издание – 1844). За этой публикацией следует реакция Г., который пишет пародийный фельетон «Путевые записки г. Вёдрина» (ОЗ, 1843, №11). Фельетон пользовался большой популярностью и был высоко оценен В.Г. Белинским (7: VIII, 415). Примечательно, что и Некрасов критически отнесся к тексту Погодина, высказав свое мнение раньше Г.: в «Литературной газете» (№42 от 24 окт. 1843) поэтом была опубликована рецензия на вышедший в Харькове сборник «Молодик, на 1843», в которой содержится ряд отрицательных характеристик путевых записок (1: VIII, 721, 739; XI₁, 119). В статье 1845 г. «Очерки литературной жизни» Некрасов, согласно точки зрения Н.Н. Мостовской, высказанной в статье «Об одной пародии у Герцена и Некрасова», уже не рецензирует, а пародирует дневник Погодина, и, возможно, пародия поэта написана не без влияния Г. (1: VII, 366-368, 598; 3: X).

Другую переключку исследователи видят в совпадении заголовков произведений двух писателей. На поэтику заглавия произведения Некрасова «Петербургские углы (*Из записок одного молодого человека*)» (1845 г.) повлияло название популярной в 40-ые гг. автобиографической повести Г. (1: VII, 588).

В некоторых случаях Некрасов повторяет Г. Так, рассуждая о герое повести А.В. Станкевича – Левине, Н. пишет («Из статьи "Комета, учено-

литературный альманах..."», 1851 г.): «Отнимите у Левина богатство, средства к жизни, и тогда вы ясно увидите, что это за человек» (1: XI₂, 323). Эта фраза напоминает мысли доктора Крупова о Бельтове («Кто виноват?»): «Дай Вам судьба определенное занятие да отними она у Вас Белое поле, вы бы стали работать, положим, для себя из хлеба, а польза-то вышла бы для других...» (5: IV, 155). Однако комментаторы видят здесь и идеологическое различие: если Г. верит, что «Бельтовы при определенных обстоятельствах могут работать», то Н. уже не возлагает никаких надежд на подобный тип (1: XI₂, 627).

Влияние Г. распространялось не только на прозаические произведения Некрасова, но и на его стихи. В стихотворении «Ванька» (из цикла «На улице», впервые опублик. в «Стихотворениях» 1856 г.) строка «Мерещится мне всюду драма» восходит к произведению Г. «По разным поводам», которое впервые было опубликовано Некрасовым в «Петербургском сборнике» под заглавием «Капризы и раздумье». В этом очерке есть следующие строки: «Когда я хожу по улицам, особенно поздно вечером <...> на меня находит ужас: за каждой стеной мне мерещится драма» (5: II, 80-81; 22; 23).

Согласно мнению Б.Я. Бухштаба («Сатира Некрасова в 1846-1847 годах»), в 3 строфе стихотворения «Нравственный человек» (впервые – С., 1847. №3), в которой рассказывается история повара, может проявляться влияние Г. По мнению исследователя, Г. мог рассказывать в кругу Белинского историю крепостного повара своего дяди, впоследствии описанную во 2-ой главе «Былого и дум» (3: III, 32). Строфа о жене тоже находит параллели в статьях Г. (3: III, 33-34). В статье «Сатирическая поэзия Некрасова в годы "цензурного террора"» Б.Я. Бухштаб высказал предположение, что строки о расправе крестьян с жестоким помещиком (ст. 57- 67) в стихотворении «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» находят себе аналогию в работах Герцена (1: I, 615; 3: IV, 72-74).

Влияние личности Г. распространяется и на поэмы Некрасова. Б.Я.

Бухштаб полагал, что в поэме «Саша» (впервые: «Современник», №1 за 1856) «разочарование Агарина похоже на разочарование Огарева и Герцена после революции 1848 г.» (24). Однако комментаторы собрания сочинений Некрасова считают такое мнение «ошибочным» (I: IV, 534).

Если говорить о более поздних поэмах, то следует отметить, что в них Некрасов использовал некоторые материалы, опубликованные Г. Так, в работе над поэмой «Дедушка» (1870 г.) поэт, по-видимому, пользовался некрологом С.Г. Волконского, автором которого являлся П. Долгоруков. Некролог был напечатан в «Колоколе» 3 (15) января 1866 (Л. 212) со вступительной заметкой Г. (I: IV, 564). Собирая материал для поэмы «Княгиня Трубецкая» (впервые – ОЗ, №4 за 1872), Некрасов мог использовать работы Г. ("О развитии революционных идей в России", "Русский заговор 1825 г." и др.) и Огарева (предисловия к "Думам" К. Ф. Рылеева и к сборнику "Русская потаенная литература XIX века", статья "Кавказские воды" и др.), «в которых давалась многосторонняя оценка восстания декабристов с точки зрения революционной демократии, соответствовавшая взглядам» поэта. (I: IV, 570).

Следует отметить, что имя Г. упоминается в поэме «Современники». Характеризуя «москвича-родоначальника фракции дельцов», Некрасов сообщает, что «встарь он пел иные песни, / Искандер был друг его» (I: IV, 609). В этом отрывке речь идет о И.К. Бабсте, который «был связан личными отношениями с Г. и особенно с Н.П. Огаревым» (25).

В стихотворении «Человек сороковых годов» (1866-1867) Некрасов, по-видимому, не без влияния Г., изменил 12 строку: если первоначальный ее вариант звучал как «Всех николаевских годов», то в конце концов поэт пришел к варианту «Незабываемых годов». С точки зрения исследователей, эта замена не была только автоцензурой. Дело в том, что в манифесте Александра II по поводу смерти Николая I последний был назван «нашим незабвенным родителем». Г. и Огарев в «Колоколе» высмеяли этот манифест, иронически переосмыслив слово «незабвенный», которым они оценили все

николаевское царствование. Переосмысленный эпитет «незабвенный» вошел в обиход интеллигенции, и Н. не мог этого не учитывать (*1: III, 400*).

Через полгода после смерти Г., согласно датировке Ф.Я. Приймы, Н. пишет стихотворение «Притча» (июль 1870). Исследователь считает, что прототипом образа «старика» в этом стихотворении является Г.. Н. «как бы подвел в ней <«притче» – П.У.> итог весьма неровной и напряженной истории своих взаимоотношений с знаменитым лондонским изгнанником» (*27: 160-165*).

Смерть Г., возможно, также нашла отклик в стихотворении Н. «Сыны “народного бича”» (впервые – ОЗ, №1 за 1871 г.). Такую точку зрения высказал К.И. Чуковский. Во всяком случае, этот текст, не имеющий точной датировки из-за отсутствия автографа, предположительно датируется временем между 9 января 1870 (дата смерти Г.) и датой публикации - 17 января 1871 (*1: III, 422*).

Отдельно следует упомянуть стихотворение «Ту<ргене>ву» («Мы вышли вместе, наобум...»). Текст считается каноническим, однако известно, что это переделка 1877 г. более раннего стихотворения «Ты, как поденщик, выходил...» (1861). Существует вариант белого автографа ГБЛ («Ты как поденщик выходил...», 1861), отнесенный составителями собрания сочинений Некрасова в раздел «Варианты» (*1: III, 376*). В свое время В.Е. Евгеньев-Максимов впервые опубликовал этот текст как самостоятельное стихотворение и предположил, что оно целиком обращено к Г. (*21: 45-47*). Ф.Я. Прийма переработал эту идею, предположив, что часть стихотворения обращена к Г., а последние три строфы – к Добролюбову (*27: 165-171*). Вопрос о том, к кому все-таки обращено это стихотворение, остается открытым, как и вопрос о том, имеем ли мы дело с двумя разными текстами или все же мы должны считать значимым только один, последний вариант.

Говоря о творческих связях, следует упомянуть, что «Послание Белинского к Достоевскому» (*1: I, 423*) впервые было опубликовано по списку Г. в

Женева в 1892 (I: I, 687).

1. ПСС, I, 423, 615, 687; III, 376, 400, 422; IV, 324, 534, 564, 570, 609; VII, 366, 367, 588, 598; VIII, 721, 739; XI₁, 119, 411; XI₂, 24, 84, 323, 627; XII₁, 502; XIII₁, 7, 8, 46, 48, 57, 181-183, 238, 365, 369-374, 457, 506; XIII₂, 41, 174; XIV₁, 56, 59, 69, 65, 70, 71, 75, 76, 81, 82, 84, 112, 292; XIV₂, 53, 56, 73-77, 80-86, 222-224; XV₁, 93; XV₂, 267-269; 2. *Летопись*, I, 112, 251, 293, 298; II, 98; 3. *Некр. сб.*, III, IV, VIII, 140-146, 154-177; X, 101-107; 4. *ЛН*, LXII, 46; 5. ПСС Г., II, 80-81; IV, 155; VI, 297; IX, 236; XI, 760; XIV, 116-121, 138, 317-327, 373; XVI, 28, 214; XVIII, 473-477, 679; XIX, 15, 31-32, 75, 80, 89; XXII, 240, 245, 256, 443, 444; XXIII, 112, 453, 456; XXV, 338; XXVI, 69, 78, 98, 101, 104-106, 109, 112-113, 117, 131, 150; XXVII, 114, 328, 534; XXX, 64-66, 79, 80-81; 6. *Летопись Г.*, I, 365, 392; III, 51; V, 242; 7. ПСС *Белинского*, VIII, 415; XII, 274-275, 319-320; 8. ПСС *Добролюбова*, VIII, 569-570; 9. *Тургенев, письма, 1-е изд.*, III, 130, 131, 144-145; IV, 142, 143; V, 38, 40; 10. ПСС *Чернышевского*, I, 733-744; 11. *Пятковский А.П.* Две встречи с А.И. Герценом. // *Наблюдатель*, 1900, №3. С. 250-251. 12. *Соллогуб В.* Воспоминания. М., Л., 1931. С. 300-301. 13. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 169. 14. *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 142. 15. *Тучкова-Огарева Н.А.* Воспоминания. М., 1959. С. 288-289. 16. *Черняк Я.З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М., Л., 1933. 17. *Блинчевская М.* «Написано во время гощения у Герцена» // *Вопросы литературы*, 1971, №8. 18. *Коротков Ю.* Господин, который был в субботу Фулеме (Чернышевский у Герцена летом 1859 г.) // *Прометей*, 1971, т.8. С. 166-189. 19. *Дементьев А.Г.* «Огаревское дело» // *Русская литература*, 1974, №4. С. 127-143. 20. *Бессонов Б.Л.* К истории «огаревского дела» // *Русская литература*, 1978, №3. С. 139-144. 21. *Евгеньев В.* Н.А. Некрасов и А.И. Герцен. // *Заветы*, 1913, №12. С.30-50. 22. *Сакулин П.* Русская литература и социализм. М., 1924. С. 137. 23. *Ямпольский И.* Заметки о Некрасове. I. Некрасов и Герцен. // *Научный бюл-*

летень ЛГУ. Л., 1947. №16-17. С. 48-50. 24. *Бухштаб Б.Я.* Проблемы изучения поэмы Некрасова «Саша». // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXX, вып. 5. Л., 1971. 25. *Краснов Г.В.* Примечания. // Н.А. Некрасов. Последние песни. М., 1974. С. 308. 26. *Подольская И.И.* Комментарии. // Стихотворения Некрасова. М., 1987. С. 465. 27. *Прийма Ф.Я.* Некрасов и русская литература. Л., 1987. С. 145-171. 28. *Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты полярной звезды. // *Он же.* Свободное слово Герцена. М., 1999. С. 85-86. 29. *Макеев М.С.* Николай Некрасов: поэт и предприниматель. М., 2009. С. 51—71. 30. Русские писатели. Биографический словарь.

П.У.

ГОЛЫШЕВ Иван Александрович (14.06.1838, слобода Мстера Владимирской губ. — 09.12.1896, там же), литограф, краевед, археолог. Родился в семье крепостного крестьянина, потомственного иконописца, занявшегося в середине 1840-х гг. торговлей народными книжками и картинками, раскраской лубочных картинок. Грамоте Г. обучался в местном приходском сельском училище, затем был отвезен отцом в Москву, где учился рисованию и живописи во 2-й рисовальной школе графа Строганова (Строгановском училище) (1849—1853), но особый интерес проявлял к литографскому производству. В 1858 г. он получил разрешение на открытие собственной литографии в Мстере и занялся производством народных (лубочных) картин. В 1859 г. Г., наладивший, помимо печатания лубочных картинок, выпуск видов различных исторических достопримечательностей, был избран членом-корреспондентом Владимирского губернского статистического комитета, в 1861 г. — действительным его членом. В январе 1862 г. Г. избирается членом-корреспондентом Комитета грамотности при Императорском вольном экономическом обществе, по поручению которого он регулярно сообщал сведения о книжной и

картинной народной торговле . Весной 1862 г. Г. открыл в Мстере воскресную рисовальную школу и при ней библиотеку для чтения. В конце 1862 г. Г. был удостоен звания члена-сотрудника Географического общества. Знакомство Г. с известным археологом, владимирским краеведом К.Н. Тихонравовым, начавшееся еще в 1859 г., побудило его значительно расширить круг своих интересов и заняться краеведением, этнографией, изучением народных промыслов, археологией, палеографией. Значительное количество опубликованных трудов крестьянина-самоучки, содержащих множество ценных сведений, издание им ряда альбомов с изображениями предметов старины послужило основанием для избрания его членом ряда научных обществ (в том числе Общества истории и древностей российских, Московского и Санкт-Петербургского археологических обществ) (5; 6).

В конце августа 1861 г. Некрасов, выехав из Грешнева, побывал в своем владимирском имении Алешунино и по пути в Петербург заехал в Мстеру к Г. По воспоминаниям Г., записанным А.С. Пругавиным, Некрасов «подробно расспрашивал о книжной торговле офеней и ходебщиков <...> просил показать ему наш магазин; в магазине он внимательно пересматривал народные книги и картины. При этом он сообщил мне о своем намерении заняться изданием для народа особых книжек, которые он предполагал составлять из своих стихотворений и распространять через офеней. По моему совету, — рассказывал Г., — Некрасов решил, что брошюры с его стихами будут издаваться в виде маленьких книжек, в формате обыкновенной лубочной листовки, в красной обложке и будут называться “красными книжками”, причем офени должны продавать их не дороже 3 коп. за экземпляр» (4: 374—375). 28 марта 1862 г. Некрасов выслал Г. 1500 экземпляров Г., обещая «после пасхи» прислать «еще другие» (1: XIV₁, 172—173). Первый выпуск «красных книжек» составила поэма «Коробейники». Как сообщал А.С.Пругавин, Г. «выражал уверенность, что Некрасов написал “Коробейников” под впечатлением его рассказов во время посещения им Мстеры» (4: 376). Г. упоминал о своем

посещении Некрасова в Петербурге в 1862 г., во время которого поэт «горько жаловался ему на придирки цензуры» (там же). 24 июля 1863 г. Г. послал Некрасову «годовой отчет о действиях <...> воскресной рисовальной школы и библиотеки», созданных им в Мстере (2: 108—109). В письме от 1 августа 1863 г. он уведомил Некрасова о получении 1500 экземпляров «красных книжек» (очевидно, 2-го выпуска, включавшего несколько стихотворений Некрасова: «Забытая деревня», «Огородник» «Городская кляча» (отрывок из цикла «О погоде»), «Школьник»), выразив ему глубокую благодарность: «Вы вполне удовлетворяете Вашими прекрасными изданиями требование меньшинства, даете возможность пользоваться бедному сословию полезными Вашими книжками и украшаете народную книжную торговлю» (2: 109). Цензурные препятствия помешали продолжить издание и распространение «красных книжек».

Известно одно письмо Некрасова к Г. (1862) и два письма Г. к Некрасову (1863).

1. ПСС, XIV₂, 172—173, 285; 2. Переписка И.А. Гольшева с разными учеными лицами / Под ред. А.В. Смирнова. Владимир, 1898. С. 108—109, 228—230. 3. Воспоминания И.А. Гольшева // *РСт.* 1879. № 4. С. 753—772. 4. *Пругавин А.С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. Изд. 2-е, значит. доп. СПб., 1895. С. 373—376. 5. *Смирнов А.В.* И.А. Гольшев (Биографический очерк). Владимир, 1897. 6. *Голыцын С., Маштафаров В.* И. Гольшев — первый литограф провинциальной России // *Альманах библиофила.* М., 1976. Вып. 3. С. 195—199.

А.Б.

ГОРСКИЙ Василий Николаевич (ок. 1821 - 25.11.1856), священник. Выпускник ярославской духовной семинарии. С 10 июня 1844 г. — священник

с. Красного Ярославской округи (1). С 23 июля 1848 г. по день кончины — священник с. Абакумцева. Скончался от чахотки (2).

1. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Ед. хр. 838. Лл. 2 об. — 3; 2. ГАЯО. Ф. 1118. Оп. 3. Ед. хр. 230. Л. 8 об.

Г. К.

ДОСТОЕВСКИЙ Михаил Михайлович (25.10.1820— 10.07.1864) — литератор, переводчик, журналист, старший брат Ф.М.Достоевского. Родился в Москве, получил образование в московском и петербургском частных пансионах. В 1837 г., не поступив в Инженерное училище по здоровью, определился кондуктором (чертежником в унтер-офицерском чине) в Ревельскую инженерную команду. Уходит в отставку в чине прапорщика, с начала 1840-х поселяется в Петербурге и переходит к литературным занятиям. Вместе с братом увлекается идеями утопического социализма (фурьеризмом). В связи с делом о кружке М.В.Петрашевского (по которому Ф.М.Достоевский был приговорен к каторге), в 1849 арестован на 2 месяца. По возвращении брата из ссылки Д. издает вместе с ним с 1861 журнал «Время», запрещенный в начале апреля 1863 за статью Н.Н.Страхова о «польском вопросе». Братья возобновили издание журнала под измененным названием «Эпоха».

В 1848 г. Д. напечатал в "Отечественных Записках" повести "Дочка" (№ 8), "Господин Светелкин" (№ 9), "Воробей" (№ 12) и в "Пантеоне" (№ 3) критическую статью "О новейших русских писателях"; в 1849 г. повесть "Два старичка" (в № 11 "Отечественных Записках") и в 1850 г. "Пятьдесят лет" (в № 7 того же журнала), в 1851 г. "комедию" "Старшая и меньшая" (там же, в № 6) и в 1852 г. в "Пантеоне" (№ 6) критическую статью о Жуковском. В то же время Д. много занимался переводами литературных произведений, что со временем стало основным его занятием. В "Отечественных записках" за 1848 г. (тт. 56 и 57) помещен его перевод поэмы И.В.Гете "Рейнеке Лис", а в "Библиотеке для чтения" за тот же год (тт. 86—88) — перевод трагедии Ф. Шил-

лера "Дон-Карлос". Из Шиллера, которым очень увлеклись братья Д, Михаил перевел также трактат «Наивная и сентиментальная поэзия» (Отечественные записки. 1850 (тт. 68—69), драму «Разбойники» (Драматические соч. Шиллера в переводе русских писателей. СПб., 1857. Т. 3) и ряд стихотворений. Кроме того, Д. был известен тем, что, по словам современника, «в декламации не было ему подобных» (6).

Имя Н. появляется в переписке между братьями Д. с сентября 1845; отмечено начало издания «Современника» (письмо Федора к Михаилу от 7 октября 1846) и ссора Н. с Федором из-за того, что последний «дает повести» не ему, а А.А.Краевскому. В письме к брату от 22 февраля 1854 Федор описывает подробности отправки по этапу, взаимоотношение каторжников и политических ссыльных; эти сведения могли стать известными Н. по подлиннику письма или в изложении А.И.Майкова, которому Михаил показал письмо. Н. воспользовался этими сведениями в поэме «Несчастные» (ПСС. IV. 540). Накануне отъезда из Семипалатинска (июль 1859) Ф. попросил брата предложить Н. в «Современник» повесть «Село Степанчиково и его обитатели». Весь ход трудных переговоров Михаила с Н. отражен в переписке братьев за июль-октябрь 1859. (1: XIV2, 126; 2, по указ.; 3: XXVIII₁, 329—330, 336, 339, 341—342, 346, 507; 2: I, 264; 5: 514—515, 522). Переговоры окончились безрезультатно, и Федор передал повесть Краевскому в «Отечественные записки» (напечатана: 1859. № 11—12).

Разлад с Н. подтолкнул братьев Д. к созданию собственного журнала. В январе 1861 Н. пишет стихотворение «Гимн "Времени"», посвященное новому журналу, издаваемому Михаилом Д. (ПСС, II, 375—377). 9(12) июля 1862 Михаил сообщает брату, что критику «Стихотворений» Н. он попросил написать Ап. Григорьева (5: 535—537).

Литературный фонд поручает Н. 13 декабря 1865 собрать сведения об Э.Ф.Достоевской, вдове Михаила Д., которая обратилась в Фонд с просьбой о

помощи. 27 декабря Н. сообщает о ней и просит о «временном пансионе» для нее (I: XIII², 181—182; РНБ, ф. 438, т. 3, л. 29об).

1. ПСС, II, 375—377; IV, 540; XIII², 181—182; XIV², 126; 2. *Летопись*, I, см. указ. 3. *Достоевский*, XX, 121—136; XXVIII¹, 329—330, 336, 339, 341—342, 346, 507; 4. *Летопись Достоевского*, I, 264; 5. Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1935. С. 514—515, 522, 535—537; 6. ЛН: 86, 325.

Р. Д.

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (30.10 (11.11) 1821, Москва — 28.01 (09.02) 1881, Петербург), прозаик, журналист, публицист.

Учился в частном пансионе Л.И. Чермака в Москве (осень 1834 — весна 1837), после переезда в Петербург в приготовительном пансионе К.Ф. Костомарова (1837), затем в Главном инженерном училище (1838—1843). По окончании Училища был зачислен полевым инженером-подпоручиком в Петербургскую инженерную команду. Летом 1844 г. вышел в отставку в чине поручика, решив посвятить себя литературному труду.

В воспоминаниях *Д.В. Григоровича* упоминается о том, как он и Достоевский познакомились с ранними романтическими стихотворениями Некрасова благодаря *Н.Ф. Фермору*, распространявшему сборник Н. «Мечты и звуки» среди кадетов Главного инженерного училища. «Стихи неизвестного писателя, сколько помнится, не произвели на меня и Достоевского особенного впечатления», — отмечал Григорович (б: 48). В мае 1845 г. по совету *Григоровича* Д. согласился передать рукопись только что законченного им романа «Бедные люди» Некрасову, собиравшемуся издать в следующем году литературный альманах. Прочитав роман, Н. и Григорович «в совершенном восторге» в пятом часу утра отправились на квартиру к Д. «сообщить ему об успехе и сегодня же условиться с ним насчет печатания его романа» (б: 83). Некрасов обещал незамедлительно ознакомить с рукописью *Белинского*, который

после прочтения «Бедных людей» пожелал «скорее» встретиться с автором романа. Д. вспоминал впоследствии о своих встречах с Некрасовым. «в сорок пятом году, в эпоху “Бедных людей”»: «Тогда было между нами несколько мгновений, в которые раз навсегда обрисовался передо мною этот загадочный человек самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. <...> Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери...» (4: XXVI, 111). В октябре 1845 г. Некрасов пригласил Д. участвовать в издании периодического альманаха «Зубоскал», объявление о котором, написанное Д. (по-видимому, при участии Некрасова), было напечатано в ноябрьском номере «Отечественных записок». «Зубоскал» не был, однако, разрешен цензурой. В январе 1846 г. вышел изданный Некрасовым «Петербургский сборник» с романом «Бедные люди», имевшим шумный успех. Вслед за этим намечается, однако, расхождение Д. с Белинским и его окружением (в которое входил и Некрасов), одним из свидетельств которого явилось написанное Некрасовым и *Тургеневым* шуточное стихотворное «Послание Белинского к Достоевскому» («Витязь горестной фигуры...») (1: I, 423—424, 687—688). Сотрудничество Д. с Некрасовым тем не менее продолжалось. В апреле 1846 г. в новом альманахе Н. «Первое апреля» публикуется коллективный фельетон Некрасова, *Григоровича* и Д. «Как опасно предаваться честолюбивым снам» (1: VII, 471—490). Д. предполагает участвовать в некрасовском «Современнике» и осенью 1846 г. собирается написать роман для «Современника» в «три или четыре части» (4: XVIII, 128). В № 1 «Современника» за 1847 г. печатается написанный ранее для «Зубоскала» «Роман в девяти письмах». Хотя Д. печатался и в «Отечественных записках», оппозиционных по отношению к некрасовским изданиям, в начале осени 1847 г. он согласился на предложение Некрасова дать новую повесть (вероятно, для «Иллюстрированного альманаха»), обещал представить ее к 1 января 1848 г. и, по всей вероятности, получил гонорар вперед (150 руб. сер.). Возможно, имелась в виду повесть

«Слабое сердце», переданная, однако, в «Отечественные записки» (). В состав «Иллюстрированного альманаха», подготовленного к печати, но не разрешенного цензурой, был включен рассказ Д. «Ползунков», хотя Некрасов и был о нем «невысокого мнения» (1: XIV₁, 95).

За участие в деятельности общества М.В. Буташевича-Петрашевского, кружков Н.А. Спешнева и С.Ф. Дурова Д. в апреле 1849 г. был арестован, провел восемь месяцев в заключении в Петропавловской крепости, был приговорен к смертной казни, в последний момент замененной каторгой с последующим определением в солдаты. Четыре года он провел на каторге в Омске. (Д. вспоминал позднее, что в 1863 г. Некрасов, даря ему сборник своих «Стихотворений», заметил о поэме «Несчастные»: «Я тут об вас думал, когда писал это». — 4: XXVI, 112). В 1854 г. был освобожден из каторги и отправлен рядовым в седьмой линейный сибирский батальон. Служил в крепости в Семипалатинске (1854—1857) и дослужился до прапорщика. В 1858 г. ему было разрешено печататься.

4 августа 1858 г. в письме *А. Н. Плещеева* Д. сообщалось, что Некрасов и *И.И. Панаев* с участием расспрашивали его о писателе и предлагали послать ему денег в счет его будущего произведения для «Современника» (10: 256—257). Однако в письме от 13 сентября 1858 г. брату Михаилу Д. замечает: «Эти люди (т.е. круг «Современника» — *Ред.*) поступили со мной зло и неблагородно. Теперь они меня жалеют; я их благодарю за это от всей души. Но мне не хочется, чтоб и они подумали обо мне худо теперь: только посулили денег, так уж я и бросился» (4: XXVIII₁, 315). (Вероятно, Д. имел в виду опубликованный в декабрьском номере «Современника» за 1855 г. фельетон *И.И. Панаева* «Заметки Нового поэта о петербургской жизни», в котором содержался прозрачный намек на Д., названного «кумирчиком», свергнутым с пьедестала и забытым (С, 1855, № 12. Отд. V. С. 238—240)). 10 апреля 1859 г. Плещеев в письме Д. передавал свой разговор с Н., который вновь предлагал напечатать в «Современнике» новое произведение Достоевского, обещая

заплатить 125 руб. за лист. При этом Некрасов добавил, как передает *Плещеев*: «...если действительно в “Современнике” было о Вас дурно говорено, во время Вашей ссылки, то это очень гадко <...> что касается до Вашего с ним собственно разлада <...> *причиной этому было наше* (т.е. его и Ваше) *общее упрямство*» (9: 443—444). Летом 1859 г. Д. допускает возможность публикации повести «Село Степанчиково и его обитатели» в «Современнике» (4: XXVIII₁, 329). Предложенные Некрасовым условия публикации (1000 руб. за все произведение и дополнительные 300—500 экземпляров для продажи автором) не устроили Д. (1: XIV₁, 127—128; 4: XXVIII₁, 346—347). Желание видеть свои новые произведения опубликованными в «Современнике» тем не менее не оставляло Д.. Так, 11 октября 1859 г. он сообщал брату о намерении предложить «Современнику» «Записки из Мертвого дома» и «первый эпизод большого романа» в том случае, если его удовлетворят условия оплаты (4, XXVIII₁, 352—353). Д. так и не стал автором «Современника», но в 1860-е гг. деловые встречи с Н. после переезда Достоевского в Петербург имели место — в частности, в связи с деятельностью Литературного фонда. В 1864—1865 гг. Д. и Некрасов одновременно состояли членами Комитета Литературного фонда (Достоевский со 2 февраля 1863 по 10 мая 1865 г., Н. вторично со 2 февраля 1864 по 2 февраля 1867 г.) и, по всей вероятности, встречались на его заседаниях. 14 апреля 1860 г. Д. и Некрасов участвовали в любительском спектакле по гоголевскому «Ревизору» в пользу Литературного фонда (8, 230—231), 20 января 1863 г. и 18 марта 1866 г. выступали с чтением отрывков из своих произведений на организованных Литературным фондом благотворительных литературных вечерах. Некрасов и Д. были организаторами литературного вечера актера *П.В. Васильева 2-го* (также в пользу Литературного фонда), состоявшегося 9 января 1865 г. (2: II. 337, 450).

В январском номере «Современника» за 1861 г. в сатирическом приложении «Свисток» было напечатано шутовское, но вполне доброжелательное стихотворение Некрасова «Гимн “Времени”, новому журналу, издаваемому

М. Достоевским» (1: II, 109—110, 375—377). Н. оказывал поддержку молодому журналу, печатая в нем свои произведения. В № 10 «Времени» за 1861 г. было напечатано стихотворение Н. «Крестьянские дети». В связи с выходом в свет нового издания «Стихотворений» Некрасова (Ст 1861) Д. предполагал, по-видимому, выступить в журнале «Время» со статьей о поэзии Некрасова, но его опередил *А.А. Григорьев*, возвратившийся в Петербург из Оренбурга в мае 1862 г. и хотевший «неприменно написать критику о Некрасове». 9 июля 1862 г. М.М. Достоевский сообщал брату: «Я знаю, что это один из твоих сюжетов. Но нечего было делать» (9: 537). К этому же году относится обещание Некрасова Достоевскому дать «два стихотворения» для публикации во «Времени», но затем Некрасов вынужден был отсрочить исполнение обещанного из-за приостановки «Современника» цензурой на восемь месяцев, во время которой считал неудобным печатать свои стихи в «чужом журнале» (1: XIV₂, 178—179). Сразу же после возобновления «Современника» во «Времени» (1863, № 1) были опубликованы отрывки из поэмы «Мороз, Красный нос» («Смерть Прокла»). В сентябре 1863 г. после закрытия журнала «Время» Д. считал для себя возможным и даже предпочтительным предложить свой новый задуманный роман («Игрок») Некрасову для публикации в «Современнике» (4: XXVIII₂, 52).

В связи с полемикой «Современника» (статьи М.Е. Салтыкова и М.А. Антоновича) и «почвеннических» журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» (статьи Д. и Н.Н. Страхова) в записной тетради Достоевского 1864—1865 гг. сделана запись: «Некрасова продернуть» (4: XX, 195, 385—386), но этот замысел остался нереализованным — вероятно, из-за прекращения издания «Эпохи». В апреле 1865 г. Д., вынужденный из-за недостатка материальных средств остановить печатание своего журнала, обратился к Некрасову с предложением долевого участия в его издании, на которое Некрасов ответил отказом («Главное, у меня нет денег») и предложил при

личной встречи высказать некоторые соображения об удовлетворении претензий подписчиков «Эпохи» (1: XV₁, 25—26).

В «Дневнике писателя» 1873 г. содержится ряд упоминаний о Н. В главе IV («Нечто личное») Д. рассказывал о своем разговоре с Некрасовым весной 1866 г. (не называя его имени, но характеризуя собеседника как «одного из самых страстных, мрачных и “страдающих” наших поэтов»), в котором редактор «Современника» упомянул об отрицательной оценке «Преступления и наказания» Г.З. Елисеевым, поверившим слухам о том, что Д. будто бы изобразил в карикатурном виде арестованного Н.Г. Чернышевского в своей повести «Крокодил». По рассказу Д., он сам тотчас же охарактеризовал эти слухи как «пошлейшую сплетню», а Некрасов признался, что повесть не читал (4: XX, 24). В следующей главе (V. «Влас») Д. дал высокую оценку некрасовскому стихотворению «Влас», трактуя его, однако, в «почвенническом» духе — увидев в его герое «величавый образ народный», отражение «потребности самоспасения», «страстной жажды страдания», присущих народному мировосприятию, хотя и заподозрил присутствие в стихотворении («шутовском в его целом») неуместной иронии по поводу простонародных суеверий (4: XXI, 32—33). О стихотворении Некрасова «На Волге» Д. отозвался неодобрительно, увидев в нем осуждение народной покорности и терпения. Негативно оценил Д. в главе IX «По поводу выставки» и поэму «Русские женщины», написанную, по его мнению, в угоду «общему мундирному, либеральному и социальному мнению» (4: XXI, 73). Пафос решительного осуждения социальной несправедливости и утверждения праведности бескомпромиссной борьбы с ней в поэзии Некрасова был чужд Д.. Тем не менее Д. видел в Некрасове значительного художника: «...г-н Некрасов все-таки уже громкое литературное имя, почти законченное, и имеет за собою много прекрасных стихов. Это поэт страдания и почти заслужил это имя» (Там же).

В апреле 1874 г., вскоре после сложения Д. с себя полномочий редактора «Гражданина», Некрасов посетил Д. и предложил ему дать в «Отечественные записки» свой новый роман на весьма выгодных для писателя условиях (250 руб. за лист и предоставление аванса, в котором отказал писателю редактор «Русского вестника» М.Н. Катков) (). Роман «Подросток» был опубликован в «Отечественных записках» в течение 1875 г. (№ 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12). Как сообщал Д. в письме жене, 8 февраля 1875 г. к нему в номер Знаменской гостиницы, где он остановился по приезде из Старой Руссы, пришел Некрасов, «чтоб выразить *свой восторг* по прочтении конца первой части». В беседе с Д. Некрасов особо отметил «свежесть» его нового произведения: «Такой свежести, в наши лета, уже не бывает и нет ни у одного писателя» (4: XXIX₂, 13). В первой половине 1876 г. Некрасов обратился к Д. с предложением написать «небольшую повесть» для «Отечественных записок» (12 июня Д. получил аванс в 1000 руб. сер.) (замысел осуществлен не был, и деньги позднее были возвращены вдовой писателя) (25).

В январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, разд. 4) Д. вновь вспоминал в связи с публикацией в «Отечественных записках» цикла стихотворений Некрасова «Последние» песни о своей первой встрече с поэтом («Тогда <...> произошло что-то такое молодое, свежее, хорошее, — из того, что остается навсегда в сердце участвовавших») и выражал надежду на выздоровление тяжело больного Некрасова: «...прочтите эти страдальческие песни сами, и пусть вновь оживет наш любимый и страстный поэт! Страстный к страданью поэт!..» (4: XXV, 28—31). В 1877 г. Д. неоднократно посещал тяжело больного Н. По воспоминаниям жены писателя, в ноябре он «стал часто заходить к нему <Некрасову> — узнать о здоровье <...> Иногда муж заставал Некрасова бодрствующим, и тогда тот читал мужу свои последние стихотворения» (7: 316). 28—29 декабря 1877 г. Достоевский присутствовал на панихидах по умершему Некрасову, 30 декабря участвовал в

его похоронах и произнес прощальную речь у могилы поэта на Новодевичьем кладбище (2: III, 000).

Личности и поэзии Некрасова Д. посвятил бóльшую часть 2-й главы декабрьского выпуска «Дневника писателя» 1877 г., где, в частности, дал изложение и своей надгробной речи о Некрасове. Перефразируя отчасти слова *Гоголя* о Пушкине, Д. характеризовал Некрасова как «замечательное и чрезвычайное явление в нашей жизни и в нашей поэзии» (4: XXVI, 113), как человека, «который потрясал сердце, вызывал восторг и умиление к доброму и прекрасному стихами своими» (Там же. С. 120). Д. коснулся расхожих суждений о «практичности» и расчетливости Некрасова, видя в поверхностных оценках личности поэта непонимание подлинной драматической противоречивости его натуры, обуреваемой с юных лет «демоном гордости», «жаждой мрачного, угрюмого, отъединенного самообеспечения, чтобы уже не зависеть ни от кого» (Там же. С. 122). В духе «почвенничества» Д. провозглашал главной ценностью поэзии Некрасова «истинную, страстную, а главное, непосредственную любовь к народу», «преклонение перед правдой народной», выражая уверенность, что поэт «признал и истину народную, и истину в народе, и что истина есть и сохраняется лишь в народе» (Там же. С. 125).

Известны девять писем Некрасова к Д. (1862, 1865, 1874—1875) и четыре письма Д. к Некрасову (1847, 1874—1875). Имеются сведения о двух неизвестных письмах и телеграмме Некрасова к Д. (1874—1875) (1: XV₂, 329, 331) и трех недошедших письмах Д. к Некрасову (1859, 1875). (4: XXVIII₁, 538; XXIX₁, 362; XXIX₂, 311) Сохранилась также книга «Стихотворений» Некрасова (Ст 1861) с дарственной надписью Достоевскому, переданная ему через *Я.П. Полонского* (1: XIII₂, 80; XIV₂, 166).

1. ПСС (по указ. имен); 2. *Летопись* (по указ.); 3. *Переписка Н., II*, 195—207; 4. *Достоевский* (по указ.); 5. *Летопись Достоевского* (по указ.); 6. *Григоревич*; 7. *Достоевская*; 8. *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М., 1958. 9. Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А.С. Долинина. Л., 1935.

С. 439—441, 443, 444, 446, 454, 464, 483, 487, 501, 512—514, 516—522, 526, 537—539. 10. Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. [Вып.] 6. М.; Л., 1961; 11. Гуральник У.А. «Современник» в борьбе с журналами Достоевского (идейно-политическое содержание полемики) // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1950. Т. IX. Вып. 4. С. 265-285; 12. Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.; Л.: Советский писатель, 1963. С. 64—74, 128—133; 13. Смирнов В. Б. Достоевский в оценке «Отечественных записок» // Русская литература 1870—1890 годов. Свердловск, 1970. Сб. 3, с. 3—18; 14. Гин М. М. Некрасов и Достоевский (Два мировосприятия) // Север, 1971, № 11. С. 103—123; № 12. С. 106—124; 13. 14. Евнин Ф. И. Достоевский и Некрасов // РЛ, 1971. № 3 С. 24—48; 15. Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. С. 33—66; 16. Старикова Е. В. Достоевский о Некрасове // Н. А. Некрасов и русская литература. М.: Наука, 1971. С. 294-318; 17; Кошелев В. А. Некрасовская натуральная школа и молодой Достоевский // Н. А. Некрасов и русская литература: Тезисы докладов. Кострома, 1971. С. 55—56; 18. Захарова Т. В. Образы Некрасова в «Дневнике писателя» Достоевского // Н. А. Некрасов и русская литература: Второй межвузовский сборник. Ярославль, 1975. Вып. 40. С. 50—70; 19. Лебедев Ю. В. Некрасов и Достоевский в 60-е годы (Эпизод из творческих взаимосвязей) // Н. А. Некрасов и его время: Межвузовский сборник статей. Калининград, 1975. Вып. 1. С. 95—98; 20. Корман Б. О. Лирический герой Некрасова в «Записках из подполья» Достоевского // Там же. С. 99—105; 21. Зельдович М. Г. «Взаимоотражение» художественных произведений: Некрасов и Достоевский (К постановке историко-функционального изучения литературы) // Там же. 1981. Вып. 6. С. 102—115. 22. Дедюхин Б. Апрельский визит // Волга, 1981. № 12. С. 170—187; 23. Гин М.М. Достоевский и Некрасов. Два мировоззрения. Петрозаводск: Карелия, 1985; 24. Блинчевская М.Я. Заметки к теме «Некрасов и Достоевский» (40—60-е годы) // Достоевский. Материалы и исследования. VI [Л., 1985]. С.

201—207; 25. *Архипова А.В.* Достоевский и «Отечественные записки» в 1876 г. // Достоевский. Материалы и исследования, VII, [Л., 1987], 203—207; 26. *Орнатская Т.И.* Деятельность Достоевского в «Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым» // Там же. С. 242—244, 2427. 8, 250; 27. *Викторович В.А.* Некрасов, прочитанный Достоевским // Карабиха, II, 115—138.

А.Б.

ЗВЯГИН Семен Григорьевич (1801 — ?), муж старшей сестры поэта Елизаветы. Из дворян Смоленской губ. 18 февр. 1818 г. вступил в службу в Полоцкий пехотный (позднее егерский) полк подпрапорщиком (5, 6). 6 февр. 1820 г. получил звание портупей-прапорщика. 5 окт. этого же года произведен в прапорщика. 7 марта 1823 г. получил чин подпоручика. 15 сент. 1831 г. — поручика. 20 марта 1833 г. присвоено звание штабс-капитана. 25 дек. 1835 г. произведен в капитаны. 4 июля 1836 г. из Полоцкого егерского полка переведен в Могилевский пехотный полк. 1 февр. 1837 г. получил назначение в 3 учебный карабинерный полк, расквартированный в Ярославле, с повышением в звании майора. 12 февр. 1840 г. от службы был уволен подполковником. Участвовал в трех турецких компаниях (1828-1830) и одной польской (1831-1832). Был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, серебряной медалью за турецкую войну, польским знаком отличия за военное достоинство 4-й степени. С 31 марта 1842 г. З. служил дворянским заседателем Ярославской палаты уголовного суда. После смерти жены ухаживал за дочерью Еленой. В письме от 9 окт. 1842 г. к сестре Анне поэт передавал поклон З., собирався ему написать письмо (неизвестно), дал оценку его моральным качествам: «Я теперь только оценил его: он добр и благороден, как немногие» (1). 30 апр. 1842 г. З. женился на девице из дворян Софии Густавовне Фохт (7). В конце 1840-х гг. З. проживает в г. Угличе Ярославской губ. В середине 1850-х гг. — в г. Ветлуге Костромской губ. Где и когда скончался З., не установлено.

ПСС, XIV₁, 46; 2. *Летопись*, I, по указ.; 3. Николай Алексеевич Некрасов. Письмо его к сестре // *Русская старина*. 1889. № 2. С. 349-351; 4. *Красильников Г.В.* «Сестра души моей» // *Северный край*. 1996. 6 дек.; 5. ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1504. Л. 4-11; 6. Там же. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4484; 7. Там же. Ф. 230. Оп. 2. Д. 311.

Г. К.

ЗЫКОВ Иван Григорьевич (18.05.1827 – 05.02.1889), священник, сын дьякона. Родился в с. Покровском, что на Сити Мологского уезда Ярославской губернии. В 1848 г. завершил курс обучения в ярославской духовной семинарии (14). С 22 мая 1853 г. – священник с. Печелки Ярославского уезда. С 12 декабря 1856 г. переведен в с. Абакумцево того же уезда. В октябре 1860 г. З. совместно с Некрасовым организовал приходское училище для крестьянских детей, располагавшееся в частных домах (1; 12: 262 - 264). Последние сведения о школе относятся к ноябрю 1863 г. В 1871 – 1872 гг. по инициативе З. было построено специальное здание для Абакумцевского земского начального народного училища (12: 265 - 267). Поэт исполнял в нем обязанности попечителя, З. – законоучителя школы. Последняя встреча З. с Некрасовым могла состояться в 1875 г. во время пребывания поэта в караби-хском имении его брата Федора Алексеевича. Информацию о местных событиях Некрасов мог получать от З. и в дальнейшем использовать ее в своем творчестве, например, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (13). Священник мог также послужить прототипом героев вышеназванной поэмы: священника (часть первая, глава «Поп») и отца Ивана (часть «Крестьянка», глава «Демушка»). За усердную службу, в том числе по организации сети церковно-приходских училищ в округе, неоднократно награждался. Наиболее значимая по статусу награда – орден Святой Анны 3-ей степени (1883). Скончался от болезни сердца (15).

Известно к З. шесть писем Некрасова (1860 – 1872) (I: XIV₂, 142 – 143,

151, 152 – 153, 165, 175; XV₁, 189), три письма А.А. Буткевич (1877 – 1878) (5: 88 - 90) и четыре письма А.К. Голубева (1884 – 1888) (5: 90 - 92). А также четыре письма З. к Анне Алексеевне (1878 – 1880) (10) и два к Андрею Квинтилиановичу (1883 – 1884) (7: 60 - 65). Воспоминания о З. оставили его дочь Александра Ивановна (1902) (5: 87 - 88), внук Владимир Лаврович (1970) (11: 38 - 42), местная жительница М.А. Кошлева (1971) (8). Фотография З. (1883 – 1885) хранится в фондах ГЛММЗ Н.А. Некрасова «Карабиха». Аналогичные фото находятся в РО ИРЛИ и в фондах Музея-квартиры Н.А. Некрасова в Петербурге. Фото З. опубликовано (11: 41).

1. ПСС, XIII₂, 312 – 313; XIV₂, 142 – 143, 151, 152 – 153, 165, 175; XV₁, 30, 189; 2. *Летопись*, II, III, по указ.; 3. *Голубев А.* Памяти Н.А. Некрасова // *Новое время*. 1898, № 7841. Приложение. С. 6 – 7; 4. *Он же*. Из заметок в моих записных книжках. Об Абакумцевской школе, на родине Н.А. Некрасова. (В 1884 году) // *Русская усадьба XVIII - начала XX в. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации: Материалы конференции*. Ярославль, 2005. С. 78 – 82; 5. *Орлова А.* Школа в селе Абакумцево и отношение к ней Н.А. Некрасова // *Некрас. сб.* Ярославль, 1922. С. 87 – 92; 6. *Козлов П.* Прощение Некрасова // *Ярославский альманах*. Ярославль, 1943. С. 243 – 244; 7. *Ломан О.В.* Н.А. Некрасов и народное просвещение. Ярославль, 1957. С. 46 – 67; 8. *Она же*. Народные рассказы о Н.А. Некрасове // *О Некрасове: Статьи и материалы*. Ярославль, 1971. Вып. 3. С. 286 – 287; 9. Тарасов А.Ф. Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1989. С. 80 – 81; 10. Неизданные письма И.Г. Зыкова к А.А. Буткевич. (Публикация Г.В. Красильникова) // *Карабиха: Ист.-лит. сб.* Ярославль, 1993. Вып. 2. С. 283 – 293; 11. *Орлов В.Л.* Старый Любим и вся Россия. Ярославль, 2000. С. 33 – 49; 12. *Красильников Г.В.* «...Да помянут нас добрым словом»: Материалы к истории школы в селе Абакумцево // *Карабиха: Ист.-лит. сб.* Ярославль, 2002. Вып. 4. С. 262 - 267; 13. Он же. «Я знал Еремилу Гирина» // *Северный край*. 2007, 7 июля; 14. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Ед.

хр. 2479. Л. 66 об. 15. Там же. Оп. 11. Ед. хр. 671. Л. 93 об.

Г. К.

ЗЫКОВ Михаил Иванович (12.05.1854 – 05.03.1923), учитель, сын священника с. Абакумцева И.Г. Зыкова. Учился в ярославской духовной семинарии, но курс обучения предположительно полностью не прошел. Экстерном сдал экзамены в ярославской гимназии и получил право преподавания в начальных училищах. В 1875 – 1878 гг. – учитель Абакумцевского земского начального народного училища (2, 363). В 1878 – 1881 гг. – студент Казанского учительского института. В 1881 – 1909 гг. служил помощником учителя, учителем, учителем-инспектором Симбирского городского трехклассного училища. В 1888 г. совершил поездку в Турцию, Грецию, Палестину и Египет. В 1909 – 1923 гг. преподавал в мужской гимназии, реальном училище, фельдшерской школе и др. учебных заведениях г. Симбирска. В 1891 г. З. был награжден орденом Станислава 3-ей степени. В 1892 г. ему был присвоен чин надворного советника. В фондах ГЛММЗ Н.А. Некрасова «Карабиха» и музея-квартиры поэта в Петербурге сохранились фото З.

1. А.Ф. Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1989. С. 81 - 82; 2. Орлов В.Л. Старый Любим и вся Россия. Ярославль, 2000, по указ.; 3. Красильников Г.В. Еще растут его березы // Северный край. 2004, 22 мая.

Г. К.

КАЛИНОВСКАЯ Екатерина Степановна (урожд. Смирнова?) (? — 30 июня 1878, похор. в Сергиевой пустыни) — писательница. Возможно, сестра горного инженера В. С. Смирнова (5: 2, 308; 4, 108). Знакомая М. А. Маркович. В 1873 г. вышел сборник К. «Рассказы и сказки Чуреньки» (3). Личное знакомство К. и Некрасова относится к 1873 г. — времени выхода сборника. Некрасов упоминает в письме к Маркович о встрече с К. 29 января: «я имел

удовольствие видеть ее и, конечно, расположился в ее пользу очень» (1: XV2, 130), а также о рассказе К. (неизв.), который, очевидно, получил от Маркович и ознакомился с ним после М. Е. Салтыкова-Щедрина, признавшего рассказ «невозможным» к печати (2: (в печати)).

1. ПСС, XV2, 130, 250; 2. Летопись, III, по указ.; 3. Калиновская Е. С. Рассказы и сказки Чуреньки. СПб., 1873. 80; 4. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. II-е изд. Т. 1. Пг., 1915. С. 342; 5. Петербургский некрополь. Т. 2. СПб., 1912. С. 308; Т. 4. СПб., 1913. С. 108.

М. С.

***КЕССЕНИХ** (Kessenich) (урожд. Мануэ (Manuel), в перв. браке Графемус (Grafemus)), Луиза (Эстер) (1786, г. Ханау — 30.10.1852, СПб.; похор. на Волковском лютер. кладб.) — содержательница «Красного кабачка» и популярного танцкласса в Петербурге. Род. в 1786 в Пруссии, в еврейской семье. В 1805 перешла в христианство и получила имя Луиза. Участница антинаполеоновской войны 1813—1815, на которую отправилась за мужем. Участница сражения при Ватерлоо. Была трижды ранена, потеряла кисть правой руки. Награждена Железным крестом (1814) и медалью «За доблесть и мужество». Овдовев 30 марта 1814 (12), вышла на инвалидный пенсион в звании уланского вахмистра и переехала в Россию. Одно время жила в Риге, а затем до конца жизни в Петербурге. В 1817 вторично вышла замуж за переплетчика И. А. К. Кессениха. В к. 1830-х стала владелицей «Красного кабачка» (на 7-й версте Петергофской дороги), при ней ставшего особенно знаменитым благодаря танцевальным вечерам для гвардейцев и хорошей немецкой кухне, в частности вафлям и прохладительным напиткам (3). В 1840-х открыла частный танцкласс Немецкого танцевального общества (наб. р. Мойки, 95, позднее — наб. р. Фонтанки, у Измайловского моста, в доме Т. В. Тарасовой

№ 103 (ныне 114, Измайловский сад (бывший сад Буфф)). Танцкласс К. посещали литераторы, в т. ч. М. Е. Салтыков-Щедрин и Ф. М. Достоевский.

Знакомство К. и Некрасова состоялось, по-видимому, в сер. 1840-х. Возможно, К. только знала его в лицо как посетителя, но возможно также, что знакомство было личным. К. пользовалась популярностью (так, в «Современной идиллии» Салтыкова говорится: «Я у него детей крестил, а Кессених кумой была» (14: 000); очевидно, Салтыков отразил достаточно типичную ситуацию). Некрасов неоднократно упоминает имя К. (стихотворения «Новости» (1845) и «Прекрасная партия» (1852) (1: I, 30, 110, 577)) и дает характеристику танцклассам в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1: VIII, с. 217—218). Обстановка танцкласса К. описана также в романе «Три страны света» (1: IX1, 155—159; IX2, 351).

1. ПСС: I, 30, 110, 577; VIII, 217—218; IX1, 155—159; IX2, 351; 2. *Кессених В. А., Пилецкая Т. Л.* Петербургский танцкласс в произведениях Некрасова 1840—1850-х гг. // Некр. сб., IX, 94—100; 3. *Алянский Ю. Л.* Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 1996; 4. *Столянский П. Н.* Петергофская перспектива: Исторический очерк. СПб., 1923, с. 22; 5. *Столянский П. Н.* Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1989. С. 87—93; 6. *Бахрушин Ю. А.* История русского балета. М., 1973. С. 24—28; 7. *СП*, 1844, 19 янв., № 14; 8. *РСт*, 1884, т. 41, № 2, с. 448; 9. С.-Петербургская панорама, 1992, № 8, с. 34—35; 10. Чудеса и приключения, 1996, № 12, с. 46—48; 11. *Салтыков-Щедрин*, XI, 52; XII, 410; 12. <http://funeral-spb.narod.ru/necropols/volkovskoe/tombs/kessenich/kessenich.html>

М. С.

КЕТЧЕР Николай Христофорович (Яковлевич) (1806 (?); Москва — 12.10.1886; Москва) — врач, переводчик Шекспира, член московского кружка Герцена и Огарева; друг Белинского и издатель посмертного собрания его

сочинений; из обер-офицерских детей; сын московского лекаря, по происхождению шведа. По окончании Московского отделения Медико-хирургической Академии в 1828 г. служил Московским уездным лекарем. С 1830 г. занимал разные должности по медицинскому ведомству и в 1884 г. вышел в отставку начальником Московского Врачебного управления. Переводить Кетчер начинает еще в студенческие годы. Он издает свои переводы драм Шиллера ("Разбойники" М., 1828; "Заговор в Фиеско" М., 1830). Известны его переводы нескольких новелл Гофмана ("Мейстер Фло", «Отечественные записки», 1840, №12 и "Крошка Цахес", 1844, №6) и романа «Записки кота Мурра», а также медицинских и естественнонаучных трудов. В начале 40-х годов Кетчер начинает наиболее известный свой труд, прозаический перевод драм Шекспира. С 1841 по 1850 в Москве отдельными изданиями выходят 18 пьес, снискавшие ему известность и одобрение современников (12). Издание было завершено после большого перерыва в 1879 г. (1, XI₁: 388).

В 1831 г. Кетчер знакомится с А. И. Герценом и становится членом его московского кружка, а позднее сближается с кружком Н. В. Станкевича и становится другом В. Г. Белинского (12).

Осенью 1843 г. Кетчер переезжает в Петербург по делам службы (11: 284) и живет там до середины 1845 г. Вероятно, в это время он и знакомится с Некрасовым и Панаевым (5, 51-52: 312). С новыми знакомыми и Белинским активно обсуждается не раз поднимавшаяся и в московском кружке тема: необходимость собственного журнала. В письме Герцену и Грановскому от 25 февраля 1845 г.: «Вы хлопотали о журнале в Москве — хлопоты не удались; но они могут удалиться в Петербурге. Можно купить который-нибудь из здешних журналов, а купить и иметь журнал необходимо. Надобно сшибить подлеца Краевского, необходима и война беспощадная с юродивыми честно-подлыми славянами. Редактором должен быть Виссарион...» (8: 10; 1, XIII₁: 354-356).

Следующая встреча Кетчера с Некрасовым происходит летом 1845 г. в Соколове, где Герцен, Грановский и Кетчер нанимали дачу (11: 261) и куда в это лето приезжал гостить Некрасов. Вероятно, они виделись там же и следующим летом, когда Некрасов еще раз приезжал в Соколово (*Блинчевская М.* Написано во время гощения у Герцена // *ВЛ.* 1971. № 8).

После отъезда в Петербург Некрасов обращается к Кетчеру в связи со своими издательскими интересами: просит прислать стихи Н. П. Огарева для задуманных в 1845 г альманахов «Петербургский сборник» и «Первое апреля», повесть А. И. Герцена «Ум хорошо, а два лучше» (1, XIV₁: 55).

В период покупки плетневского «Современника» через Кетчера осуществляется связь с московским кружком. И. И. Панаев регулярно пишет Кетчеру о том, как продвигается дело. (Ср., например, в письме от 26 сентября 1846 г.: «Современник расширяющийся и обновляющийся ждет вашей поддержки, господа!..» (6: 360). Сохранились 4 письма Панаева к Кетчеру с объяснениями недоразумений и опровержениями слухов, главным образом по поводу Белинского: москвичи были недовольны фактическим невыполнением обещания предоставить ему редактуру журнала (6).

Имя Кетчера выставлено в числе сотрудников в рекламном проспекте о выходе нового «Современника» и первом номере 1847 г. (1, XIII₁: 46), однако неизвестна ни одна публикация его трудов, несмотря на отчеты Некрасова о получении переводов (роман не установленного автора, пьеса Лессинга «Натан Мудрый») (1, XIV₁: 85; 5:312).

В январе 1847 года Некрасов предлагает Кетчеру быть представителем «Современника» в Москве: просит заняться ревизией московской конторы «Современника» и сношениями с московскими сотрудниками; однако необходимые доверительные документы, которые Некрасов обещает для этого прислать, неизвестны (1, XIV₁: 62, 264-265).

Кетчер же обращается к Некрасову по журнальным делам и с поручениями по поводу своей переводческой деятельности: просит прислать билет

на выпуск прошедшей цензуру пьесы Шекспира «Кориолан», назначить цену и раздать не урезанные цензурой экземпляры друзьям. (Письмо Некрасову в сентябре 1847) (5, 51-52: 312).

В период участия в «Современнике» Некрасов продолжает обращаться к Кетчеру как одному из наиболее деятельных и близких московских друзей. Тут сыграли роль как дружба Кетчера со всеми членами московского кружка, так и его резко отрицательное отношение к редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому (7: 668, 814). Именно Кетчеру адресуются новые редакторы «Современника» с просьбой завербовать сотрудника, организовать контору в Москве, поторопить Белинского с отъездом в Петербург (6: 360-361). Именно ему пишет Некрасов в связи со сложной ситуацией в конце первого года издания: журнал в убытке и ставка на первенство над «Отечественными записками» не оправдалась. Некрасов описывает губительные последствия согласия москвичей участвовать помимо «Современника» и в журнале Краевского: «Скажу тебе, любезный друг, что объявление в 11 № "Отечественных записок" (где обозначены заготовленными статьи многих наших сотрудников самых капитальных и на которых основывался перевес нашего журнала) нас чрезвычайно сконфузило. <...> публика видит теперь, что в "Отечественных записках" она будет иметь тех же, которых получила бы и в "Современнике", а между тем к этому еще у "Отечественных записок" перевес девятилетней хорошей репутации, исправности доказанной, привычки и пр.» (1, XIV₁: 85-86).

В 1848 г. после смерти Белинского Кетчер и Некрасов общаются в связи разбором посмертного наследства критика. Сохранилась опись бумаг Белинского, составленная Некрасовым: «Вот все рукописное богатство, оставшееся после Белинского и описание которого препровождаю тебе, Кетчер, для сведения» (1, XIV₂: 15).

В деле об огаревском наследстве Кетчер принимает прямое участие только на первом этапе, в 1849 году, когда Огарев поручает ему, Грановско-

му и Сатину распорядиться продажей имения (15: 133). После смерти М. Л. Огаревой, в 1855 г., когда был предъявлен иск Панаевой и Шаншиеву, дело берется вести его брат Яков Кетчер, живший в Петербурге (15: 192).

К июню 1855 г. относится, вероятно, одна из последних приятельских встреч Кетчера и Некрасова. Кетчер присутствовал на последней встрече Некрасова с Грановским в ресторане Шевалье (Москва). В письме Некрасова В. П. Боткину от 8 октября 1855 г.: «В день его <Грановского> отъезда в деревню я пришел к Шевалье, где они втроем (с Кетч<ером> и Пик<улиным>) обедали, и принес ему на дорогу только что полученный 6 № "Современника"» (5, 51-52: 9).

В конце пятидесятых годов, в силу политических разногласий и под влиянием «огаревского дела», отношение Кетчера к Некрасову и «Современнику» резко ухудшается (ср. упреки в передаче В. П. Боткина: «Тут же К. обвинил тебя в огаревском деле, что по твоим советам поступала Авдотья Яковлевна и, словом, что ты способен ко всякой низости и т.д. » (4: 218). Дальнейшее общение с Кетчером для Некрасова становится практически невозможным. Так, издание стихотворений Некрасова 1856 года, которое взяли на себя К. Т. Солдатенков и Кетчер, сопровождалась скандалом. Здесь не последнюю роль играл эксцентрический характер Кетчера, славившегося своей бескомпромиссностью и репутацией правдолюбца. (См., например, портрет Кетчера в «Былом и думах» (9). Самому Некрасову было хорошо известно упрямство и резкость Кетчера (ср., например, отзыв о нем и В. П. Боткине в письме Тургеневу: «Эти люди таковы, что коли ругать, так ругать, а хвалить, так хвалить, — и меня не удивила резкость их отзывов» (1, XIV₁: 180)).

Некрасов по совету Т. Н. Грановского (2: 339) и через посредничество Кетчера, также пайщика этого издания, заключает соглашение с московским издателем К. Т. Солдатенковым об издании книги своих стихов; 7 июня 1855 г. он вручает ему тетрадь (т. н. «Солдатенковскую») и получает аванс — тысячу пятьсот рублей (16: 240). По условию договора Некрасов должен

"еще сделать прибавление до тысячи строк <...> стихов" (1, XIII₂,: 238). Однако в связи с длительной правкой, болезнью и занятиями по журналу дело затянулось до весны 1856 г. (4: 219). 25 марта В. П. Боткин пишет Некрасову о том, что Кетчер и Солдатенков им очень недовольны и требуют присылки окончательной редакции, в противном случае будет напечатан изначальный вариант. Некрасов, по совету Боткина, сначала решает вернуть деньги и отказаться от издания, но издатели не соглашаются и обвиняют Некрасова в бесчестном поведении. В письме Боткина: «Дрожащим от сдерживаемой злобы голосом К. вдруг спрашивает меня: “А почему так подло поступает Н. с Солдатенковым?” <...> О возврате денег — они слышать не хотят: “Нет, мы теперь за 3 тысячи не отдадим!” — воскликнул Кетчер. “Он <Некрасов> приехал ко мне, умолял меня продать его стихи С., не надеясь, что цензура их пропустит; я посоветовал С. из жалости дать ему за них 1500 р.; а теперь, когда ветер переменился — он хотел надуть его!”» (4: 218). Очевидно, что наиболее яростные обвинения здесь исходят не от самого Солдатенкова, а от Кетчера, как о том свидетельствует сам В. П. Боткин: «Самая наглая грубость, ожесточение, ненависть, ничего не принимающая в расчет, — вот из чего состоят чувства Кетчера к тебе; остальная челядь <...> вторит своему оратору» (4: 219.) Боткин совершенно уверен, что все дело в том, что прибыль от издания уже отдана Солдатенковым кому-нибудь из пайщиков (4: 219) и что виновник конфликта — Кетчер, а Солдатенков действует по его наущению. Видимо, Кетчер, в частности, и как инициатор самого издательства Солдатенкова (Толстяков А. П. Люди мысли и добра. Русские издатели К. Т. Солдатенков и Н. П. Поляков, М., 1984; С. 32), действительно, имел на последнего влияние. Что касается мотивов поведения Кетчера, то здесь могла сказаться не только личная неприязнь к Некрасову, но и задетое чувство справедливости. Известно, что Кетчер был очень щепетилен в денежных делах, особенно, когда они касались не только его одного. (Ср., например, слу-

чай, описанный Белинским в письме Бакунину от 1 ноября 1837 г. (*Белинский, XI: 199*)).

Результатом неприятной переписки между Солдатенковым и Некрасовым стало решение Некрасова отдать стихотворения Солдатенкову. В письме Боткину: «Я написал коротко и сухо: берите рукопись, и делайте с нею что хотите. Конец. Черт с ней и с ними» (*4: 225*), (соответствующее письмо Солдатенкову неизвестно). Осенью 1856 года выходят "Стихотворения" Некрасова, изданные К. Т. Солдатенковым и Н. М. Щепкиным при участии И. Е. Забелина (*1, XIV₂: 193*).

В корректуре «Стихотворений», сделанной Кетчером, есть разночтения с вышедшим изданием: в тексте стихотворения «Поэт и Гражданин» есть два четверостишия, вписанные Кетчером от руки, не вошедшие в печатный текст (*1, II: 267, 334*). Сохранилась в корректуре Кетчера и поэма «Саша», первоначально тоже назначавшаяся для книги, с собственноручной правкой Некрасова 489 и 490 строк (*1, IV: 309, 531*).

Вероятно, именно ссора в связи с изданием «Стихотворений» приводит к окончательному разрыву и без того натянутых отношений, дальнейшее их общение прекращается, и Кетчер с тех пор отзываясь о Некрасове резко отрицательно (*5, 51-52: 312*). Возможно, именно Кетчер повлиял на отказ М. В. Белинской дать разрешение на сборник в память Белинского, который Некрасов предлагал издать в ее пользу в 1857 г. (*1, XIV₂: 93,97,231*). (Кетчер в конце пятидесятых много общается с Белинской, оказывает ей всяческую поддержку, в частности, в 1860 г он был ходатаем по предоставлению ей пенсии в комитете Литературного фонда (*5, 57: 319*)). И не Некрасову, а Кетчеру Белинская доверяет осуществить издание сочинений критика в пользу его семейства. (*12: 530*) И Кетчеру же в обход Некрасова, еще в 1854 г предлагавшего переиздать «Стихотворения Кольцова с портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским» (*1, XIV₁: 187*), Белинская передает право на это переиздание (которое в 1856 и

1859 г. было осуществлено при участии К. Т. Солдатенкова и Н. М. Щепкина). (1, XIV₁: 332-333; 13: 111).

Явным свидетельством натянутых отношений Некрасова и Кетчера служит и тот факт, что А. Д. Галахов, друг Кетчера, в своих воспоминаниях о последнем приписывает Некрасову известную эпиграмму Тургенева на Кетчера (*Тургенев, XII: 308*): «Достоинство переводов Кетчера — верность, недостаток — отсутствие легкости. "Злобно-печальная" муза Некрасова игнорировала первое (хотя оно главное) и зацепила второй (хотя оно дело второстепенное): "Вот и он любитель пира // И знаток шампанских вин: // Перепёр он нам Шекспира // На язык родных осин"». (10:250)

Уже после прекращения каких бы то ни было отношений между Некрасовым и Кетчером устанавливается еще одно любопытное их косвенное пересечение: в феврале 1858 г на обеде в честь Н. Ф. Крузе Кетчером был прочитан адрес "присланный<...> петербургскими литераторами, выразившими свое сочувствие <...> цензорской деятельности" Крузе (*Лит. вестн., 1901, т. 2, кн. 7, с. 261*). Наиболее активное авторство этого коллективного адреса составители ПСС атрибутируют Некрасову на основании смыслового и стилистического сходства адреса со стихотворением Некрасова, прочитанным на чествовании Крузе в Петербурге (1, XIII₂: 637).

Есть несколько аллюзий на Кетчера и в творчестве Некрасова. Стихотворение «Когда из мрака заблужденья» (1845) отсылает помимо всего прочего к реальному эпизоду из жизни Кетчера. И. И. Подольская комментирует стихотворение следующим образом: «Воспроизводя в стихотворении реальную для разночинной среды ситуацию, Некрасов не мог не знать, например, о нашумевшей тогда истории женитьбы Н. Х. Кетчера (с которым он был в приятельских отношениях), на девушке из простого народа. История эта обсуждалась весьма широко в кружке Герцена и Огарева». (2: 465). Карикатура на Кетчера легко узнается в герое сатирического фрагмента «В тот же

день...», Парутине, «щеголяющем правдивостью» и требующем на литературных собраниях шампанского. (1, VIII: 773)

Известны четыре письма Н. к Кетчеру (1845-1847), адресованный ему "Реестр бумагам, оставшимся после Белинского (1848) и одно письмо Кетчера к Н. (1847) (5, 51-52: 312), а также издание Шекспира в переводе Кетчера (М., 1841) с дарственной надписью переводчика из карабахской библиотеки Некрасова (5, 53-54: 417, 426).

В «Современнике» в разные годы вышло пять рецензий разных авторов на переводы Шекспира, изданные Кетчером (14). Кроме того, Некрасову атрибутируются следующие статьи с упоминанием издания, осуществленного Кетчером: вышедшее в "Текущем репертуаре русской сцены" (1841, №4) сообщение о начале издания (1, XII₁: 14, 385), рецензия в «Отечественных записках» за 1843 г (№3, отд. VI, с. 17-19) и рецензия 1865 г в «Современнике» с ошибочным указанием количества переведенных Кетчером пьес (20 вместо 18) (1, XIII₁: 190).

1. ПСС, XIII₁, по указателю; XIII₂, 15; XIV₁, 1, 55, 62, 85; 2. 1856 Стихотворения, М., 1987. 3. Летопись, II, III, по указ; 4. Переписка Н., т. 1, 218, 221-224; 5. ЛН, т. 51-52, 9, 10, 312; т. 53-54, 417, 426; т. 57, 319 6. // Белинский В. Г. Письма. Т.3 С. 360-364 (Письма Панаева Кетчеру). 7. Он же. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8, С. 668, 814. 8. Письма Кетчера Герцену. // РМ, 1892, №9, С. 1-11. 9. Герцен, IX, 215-245. 10. А. Д. Галахов. Записки человека, М., 1999. 11. Анненков. Литературные воспоминания, М., 1960, С.261, 269, 284. 12. Русские писатели 1800-1917, т. 2 . С. 529-530; 13. Аруин М. В. Г. Белинский и литературное наследие А. В. Кольцова. // РЛ, 1966, №3; 14. Боград В. Э. Журнал «Современник» 1847 — 1866. Указатель содержания. М.-Л., 1959, № 107, 558, 961, 1445, 3691. 15. Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. (Дело Огарева — Панаевой) по архивным материалам, М. 1933. 16. Жданов В. Некрасов. М., 1971.

Е. М.

***КОТЕЛЬНИКОВ** (?) (? — ?) — «видимо богатый» «господин», поклонник *П. Н. Мейшен*, с которым она ездила на каток и которого она принимала в театре в ложе Некрасова (1: 14 об. — 15). В один из визитов К. в ложу его застал приехавший к концу спектакля Некрасов, что послужило одной из причин ссор и расставания Некрасова и Мейшен.

Сведения о К., его взаимоотношениях с подругой Некрасова и свидании с поэтом восходят к рассказу *Е. А. Ивановой-Рюмлиг* недоволен (1: 14 об. — 15) и содержатся в биографической статье *К. И. Чуковского*, который называет его фамилию (2: 106). В передаче фактов и фамилии не исключается возможность ненамеренного искажения или беллетристического вымысла. Предполагаемое время встречи К. с Некрасовым — зима 1868—1869 гг.

1. *Иванова Е. А. (Фохт-Рюмлиг)*. Три последние привязанности в жизни *Н. А. Некрасова* // Рукопись. Лл. 14 об. — 15; 2. *Чуковский К.* Подруги поэта // “Минувшие дни”. 1928. № 2, с. 106.

М. С.

***КРЕНИЦЫН** (ошибочно — Криницын) Павел Николаевич (гг. жизни и смерти неизв.) — отставной поручик л.-кв. Уланского полка, гражданский муж *А. Е. Асенковой*, отец *О. П. Асенковой* и *Л. П. Асенковой*, приемный отец *В. П. Асенковой*. В 1818 выпущен корнетом из Пажеского корпуса в Глуховский кирасирский полк. 28.3.1819 переведен в л.-кв. Уланский полк. 6.1.1823 произведен в поручики. 21.1.1827 уволен от службы штабс-капитаном. Будучи театралом, поступает на службу при конторе Санкт-петербургских театров содержателем зеленых театральных карет, в которых развозили воспитанников театрального училища. Умер в большой бедности.

Предполагаемое знакомство с Некрасовым относится к концу 1830 — началу 1841 гг., когда поэт бывал в доме В. Н. Асенковой (1, XIII2, 42).

1. ПСС, XIII2, 42; 2. Чуковский К. Некрасов, Николай I и Асенкова // Звенья, П. М.; Л., 1933. С. 296—301; 3. Театральное наследство: Сб. М., 1952; 4. Алянский Ю. Л. Варвара Асенкова. М., 1974; 5.

http://hronos.km.ru/biograf/bio_k/krenicyn4.html; 6. ГАРФ, ф. 49, оп. 1, д. 212.

М. С.

КСЕНИЯ ПАВЛОВНА (фамилия неизв.; 1842—?) — содержанка Некрасова («ангел», как он называл подобные знакомства). Познакомилась с поэтом в Санкт-Петербурге около середины июня 1860 г. (первое упоминание о ней — в письме Некрасова к Н. А. Добролюбову от 23 июня (1: XIV2, 137)). По отзыву Некрасова, «девушка хоть не ангел или ангел падший <...> оказалась порядочной женщиной». До знакомства с ним состояла в связи с человеком, «который ее обеспечивал» и которого она бросила под влиянием «красноречия» Некрасова (1). Этот шаг поэта был продиктован его желанием «какого-то сердечного обновления», вызванным длительным ухудшением отношений с А. Я. Панаевой, решимостью разорвать с ней и, одновременно, стремлением задеть ее: он «ей кратко, но прямо написал о своих новых отношениях», несмотря на сомнения в их прочности (1: XIV2, 138—139), в то время как Панаева находилась за границей на лечении. Увлечение Некрасова К. П. было недолгим (см.: 1: XIV2, 147, 268). В письме к Добролюбову от 23 июля он пишет: «Чудо! Я не шутя влюблен» (1: XIV2, 137). 24 июня Некрасов с К. П. едет через Москву в Ярославль, и в письме от 18 июля он сообщает Добролюбову о своей внезапной болезни и скоро наступившем охлаждении: «четыре дня у меня малиновки пели на душе <...> зачем я все это затеял? Только и отрады, что деньгами, авось, развяжусь», — и о том, что К. П. «кротко и любовно скучает» около него (1: XIV2, 139). Предполагая, что

Добролюбов и Панаева встретятся за границей, Некрасов просит написать «что-нибудь об Ав<дотье> Як<овлевне>» и планирует приехать к Добролюбову вместе с К. П. («куда только ангела деть, да возьму с собою») (1: XIV2, 139), которая находится при нем в августе и в сентябре. Связь Некрасова с К. П. упоминается в письме Н. Г. Чернышевского к Добролюбову от 2 августа 1860 г.: поэт «на днях приезжал сюда, может быть, и теперь еще здесь, но каждый день собирается уехать. Он отчасти расстроен разными полусемейными делами, и хотя виноват скорее он, нежели кто другой, но все-таки отчасти жаль и его. Впрочем, бывают минуты, когда он производит и не такое впечатление; думаешь: прилично ли человеку в его лета возбуждать в женщине, которая была ему некогда дорога, чувство ревности шалостями и связисками, приличными какому-нибудь конно-гвардейскому корнету?» (2: 1: XIV, 401—402). Последнее упоминание о К. П. встречается в письме Некрасова к А. А. Буткевич, датированном началом сентября 1860 г., когда поэт живет в Грешнево: «Меня ты дома не застанешь — я уеду, извини, на охоту, — но застанешь очень скромную и добрую девушку по имени Ксению Павловну, которую ты приласкай» (1: XIV2, 140).

1. ПСС, XIV2, 137, 138—139, 140, 147, 268; 2. Чернышевский, XIV, 401—402.

М. С.

КРАМСКОЙ Иван Николаевич (27.05.1837, Острогжск — 24.03.1887) — русский художник, критик и теоретик искусства, педагог, общественный деятель. Родился в бедной мещанской семье (сын писаря). После окончания острогжского уездного училища служил писарем в острогжской думе. В 1853 г. поступил ретушером к харьковскому фотографу. В 1856 г. переехал в Петербург, где поначалу работал ретушером в фотографии Александровского. В 1857 г. поступил в Санкт-Петербургскую академию художеств. По ре-

комендации своего учителя, профессора исторической живописи А.Т. Маркова, принимал участие в росписи купола строящегося храма Христа Спасителя в Москве. В 1863 г. был награжден Советом Академии художеств золотой медалью за картину «Моисей источает воду из скалы». В том же году возглавил группу из четырнадцати выпускников Академии Художеств (13 художников и один скульптор), отказавшихся участвовать в конкурсе на большую золотую медаль по определенным Советом темам, далеким от потребностей современного искусства, и покинувших в знак протеста против рутинных порядков Академию. Ими была создана «Санкт-Петербургская артель художников», просуществовавшая до 1870 г. В 1863—1868 гг. К. преподавал в школе рисования Общества поддержки прикладного искусства. С 1869 г. — академик живописи. В 1871 г. К. стал одним из основных организаторов и идеологов «Товарищества передвижных выставок», отстаивавшего реалистические принципы и демократические идеалы в искусстве.

В начале 1877 г. П.М. Третьяковым был заказан К. портрет Некрасова, который в это время был тяжело болен. К. приступил к работе, по-видимому, в начале февраля и был вынужден «состоять дежурным у Некрасова», «ловить минуты относительного спокойствия», так как поэт был не в состоянии долго позировать: «...Работал по 10-ти, по 15 минут (много) в день и то урывками», и только в период относительного улучшения в середине февраля оказались возможными несколько полуторачасовых сеансов (4: 393—394). Работа над погрудным портретом была завершена в конце марта (в настоящее время хранится в ГТГ), и Некрасов обратился к художнику с просьбой сделать с него две копии — «для жены и сестры» (Там же. С. 396—397). Копии были изготовлены учеником К. М.Л. Щербатовым при участии самого автора. (Позднее, в письме к Третьякову от 13 августа 1877 г., К. с некоторым разочарованием отмечал меньший, по сравнению с ожидаемым, размер платы за копии: 350 руб. вместо 400: «Чудесный народ бывают эти литераторы»; в настоящее время одна копия находится в МКН, другая — в

литературно-мемориальном музее «Карабиха») (Там же. С. 420, 592). По окончании заказанного Третьяковым портрета К. по желанию поэта начал еще один — будущую картину «Н.А. Некрасов в период “Последних песен”», завершенная позднее, в 1878 г. К. сообщил Третьякову: «Это нужно — сам Некрасов очень просил, ему он нужен на что-то, потом, говорит, Вы его возьмите себе, “но сделайте, пожалуйста”...» (Там же. С. 398—399). О работе над «другим портретом» К. писал Третьякову 11 апреля, замечая, что стихотворение Некрасова «Баюшки-баю», датированное 3 марта, «решительно одно из величайших произведений русской поэзии» (Там же. С. 398). Именно 3 марта 1877 г. был датирован художником новый портрет Некрасова. После кончины Некрасова по инициативе М.Е. Салтыкова была сделана гравюра с портрета поэта, и 8 тысяч экземпляров его получили подписчики «Отечественных записок».

3 апреля Некрасов подарил К. экземпляр «Последних песен» с дарственной надписью, собственными заметками и поправками в стихах, изъятых или исключенных по цензурным соображениям (I: III, 463, 477, 487).

1. ПСС, III, 463, 477, 487, 489; IV, 618; XIII₂, 94; 2. *Летопись*, III, ; 3. *Гольдштейн С.Н.* Иван Николаевич Крамской. Жизнь и творчество. М., 1965. С. 138, 144, 145, 149, 154—156, 159, 162; 4. *Крамской И.Н.* Письма, статьи: В 2-х т. М., 1965. Т. 1. С. 393—398, 420, 424, 439—440, 593.

А. Б., В. И.

ЛАЗАРЕВСКИЙ Василий Матвеевич (26.02 1817, с. Гиравка Конотопского уезда Черниговской губ. — 28.04.1890, Петербург), видный чиновник, переводчик, беллетрист. Учился в Черниговской гимназии (1829—1833), затем на юридическом факультете Харьковского университета, который окончил в 1841 г. с серебряной медалью, в 1844 г. сдал экзамен на кандидата на

философском факультете. В феврале 1846 г. приехал в Петербург. В мае 1847 г. был назначен чиновником особых поручений при председателе Оренбургской пограничной комиссии, принимал участие в судьбе ссыльного Т.Г. Шевченко. В 1848 г. в Петербурге познакомился с *В.И. Далем*, *И.И. Панаевым*, *А.А. Краевским*, *Д.В. Григоровичем*, *К.Д. Кавелиным*. При содействии *Даля* был переведен чиновником особых поручений при петербургском гражданском губернаторе, затем назначен секретарем в особенную канцелярию Министерства внутренних дел, которой управлял *Даль*. В 1852 г. перешел в Департамент уделов. В 1857 г. Л. стал правителем канцелярии министра при *М.Н. Муравьеве*, с которым в 1862 г. у него произошла размолвка. После упразднения канцелярии в 1863 г. был назначен вице-директором и вскоре исполняющим обязанности директора Департамента общих дел в Министерстве внутренних дел. В 1866 г. назначен членом Совета министров и членом Совета Главного управления по делам печати. В 1873 г. произведен в тайные советники. Л. перевел три пьесы Шекспира, несколько французских повестей для журнала «Музей иностранной литературы», в 1846—1851 гг. выступал в печати с рассказами, получившими в целом неодобрительные оценки критики. (11: 282).

Л. познакомился с Некрасовым, по-видимому, в конце в 1850-х годов (наиболее ранняя из сохранившихся в дневнике Л. бесед с Некрасовым датирована 1860 годом (там же)). Сближению их, вероятно, способствовало увлечение охотой. Осенью 1868 г. Некрасов и Л. заключили договор об аренде охотничьих угодий в окрестностях Чудово, где совместно охотились до 1874 г. Для удобства охоты Некрасовым было приобретено в марте 1871 г. имение Чудовская Лука в одной версте от железнодорожной станции Чудово.

Влиятельный чиновник Министерства внутренних дел Л. симпатизировал Некрасову и неоднократно оказывал ему существенные услуги, информируя о грозивших «Отечественным запискам» цензурных карах, а на заседаниях Главного управления по делам печати высказываясь в защиту

некрасовского журнала (7). Близкое знакомство с выдающимся поэтом явно льстило самолюбию Л. Он бережно хранил и систематизировал адресованные ему письма и записки Некрасова, записывал по памяти свои беседы с поэтом, что тем не менее не мешало ему заносить в свой дневник неприязненные суждения и услышанные сплетни о нем. В марте 1871 г. между Л. и Некрасовым произошла ссора, вызванная тем, что в феврале Л. начал получать из Брюсселя, а затем из Парижа письма неизвестного отправителя для передачи *М.А. Маркович*, которым оказался П.Л. Лавров, бежавший из Вологодской ссылки на запад в 1870 г. (таким образом, явно с ведома Некрасова, пересылались предназначенные для «Отечественных записок» корреспонденции П.Л. Лаврова о франко-прусской войне). Л. был встревожен и возмущен, оказавшись вовлеченным в предосудительную для государственного чиновника связь с «государственным преступником», грозившую крахом его служебному положению. Когда же он сказал Некрасову, что предполагает сообщить о своем невольном посредничестве властям, Некрасов высказался против какого бы то ни было «правительственного вмешательства», заметив, что в случае огласки Лазаревский окажется «виноват первый», как «молчавший так долго». Л. вынужден был согласиться с рекомендацией Некрасова «дело <...> оставить как есть» (6: 496—499). По инициативе Некрасова, обратившегося с примирительным письмом к Л. 3 мая 1871 г., приязненные отношения между ними были восстановлены. 5 мая 1871 г. Л., в частности, писал Некрасову: «Вы знали, что я любил Вас, но я сам не знал силы этой привязанности [доходившей до страсти]. <...> Прошлое не воротится, и об этом тоже я буду жалеть. Но во имя приличий — будем соблюдать приличия» (5: 504). В письме, предположительно датированном летом 1871 г., Некрасов благодарил Л. за «доброе и теплое слово» о своем новом произведении: «Я Вашему художественному чутью верю, и мне было приятно узнать Ваше мнение». В заключение Некрасов писал: «...я с своей стороны оставался и остаюсь человеком, благодарным Вам в душе за то доброжелательство ко

мне и к журналу моему, которого многочисленные доказательства живы в моей памяти» (I: XV₁, 160). Время от времени отношения между компаньонами по охоте становились напряженными: Л., приехавший на охоту в Чудово в отсутствие Некрасова, возмущался то и дело недостаточно уважительным, как ему казалось, отношением к себе некрасовских слуг и спешил высказать в письмах к Некрасову свои претензии (I: XV₁, 161; 33—34; XV₂, 56—59, 195—197). 9 июля 1874 г., перед отъездом за границу, Л., рассерженный тем, что слуга Некрасова «с полным насилием» забрал из его охотничьей чудовской квартиры стол и стул, предоставленные ранее Некрасовым, написал ему возмущенное письмо, а в сентябре, вернувшись из-за границы, решительно отказался от дальнейшей совместной с Некрасовым охоты и передал ему свою половину Чудовской охотничьей аренды (9: 146). В ответ Некрасов писал 14 сентября 1874 г.: «...я не могу не выразить моего искреннего сожаления, теряя в Вас доброго товарища по охоте. Каковы бы ни были причины, побуждающие Вас распорядиться таким образом, истинно говорю Вам: я не знаю за собой вольного — намеренного — прегрешения против Вас, а за невольное, буде таковое было, от души прошу Вас простить меня» (I: XV₂, 90—91).

Известны 207 писем и записок Некрасова к Л. и 28 писем, записок и телеграмм Л. к Некрасову 1869—1874 гг.

1. ПСС, XV₁, XV₂ (по указ.); 2. *Переписка Н. П.*, 343—398; 3. [Письма В. М. Лазаревского к Н. А. Некрасову] // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1940. Вып. 6; 4. Письма <Н.А. Некрасова> к В.М. Лазаревскому (Неизданные письма 1868—1874 гг.) / Предисл. и примеч. А. Тарараева // *Зв.*, VIII, 265—358; 5. *Летопись*, II, III (по указ.); 6. *Папковский Б., Макашин С.* Некрасов и литературная политика самодержавия. К истории журнала «Отечественные записки» // *ЛН*, т. 49—50, 488—506; 7. *Бонч-Бруевич В.В.* Лазаревский — осведомитель Некрасова // *Зв.*, VIII, 795—800; 8. *Краснов Г.В.* В.М. Лазарев-

ский и Н.А. Некрасов // *О Некрасове*, III, 315—318; 9. Смирнов В.А. В.М. Лазаревский — современник Некрасова // *НСб.*, VII, 135—148; 10. Теплинский М.В. Некрасов и В.М. Лазаревский // *НСб.*, IX, 139—142; 11. Краснов Г. В. Лазаревский В. М. // *РП 1800—1917*, III, 282—283; 12. Теплинский М.В. Архивные россыпи / Публ. М.В. Теплинского // *Вопросы литературы*. 1996. № 6. С. 370—371; 13. *Боград ОЗ* (по указ.).

А.Б.

ЛЕФРЕН (урожд. Поттечер?) Селина (не ранее 1830 — не ранее 1878) — близкая подруга Некрасова с 1863 по 1868 гг., французская подданная, актриса, выступавшая в составе французской труппы Михайловского театра С.-Петербурга в 1862—1863 гг. Год рождения неизвестен; по утверждению сводной сестры Некрасова Е. А. Рюмлиг-Некрасовой (см.: Иванова-Некрасова Е. А.), ей было «лет за тридцать» (9: 31), однако неясно, в начале или в конце ее знакомства с Л. (мемуаристка датирует ее окончательный отъезд 1867 г.). Во Франции Л. проживала в предместье Парижа (4: 188). Имела брата (M-r Pottecher (4: 188)), мать и сына Люсьена (?) (род. ок. к. 1850-х) (4: 190—191, 194). Вероятно, она была замужем (вдова?) и носила фамилию мужа (№ Карабиха). Приехала в Петербург, по-видимому, в 1862 г. Первый выход на сцену Михайловского театра состоялся 4 сентября 1862 г., в первом спектакле 1-го абонементу «Les filles de Marble» по пьесе (Barrière et L. Thiboust). Исполняла роли Herminie (в одноактном водевиле «J'ai perdu mon Euridice» Marc-Michel et A. Cholet), Madame de Pontsablé (в комедии «Que dira le Monde?», комедия Ernest Serret), M-me Poquenard (в комедии «Le misanthrope et l'auvergnat» Lobize, Labishe et Siraudin), La marquise Hélène de Verveda (в комедии «Lex ivresses, ou la chasson de l'amour» Théodore Barrière et Lambert), M-lle Dumesnie (в комедии «La Tentation» Octave Feuillet), в одноактном водевиле Clairville et Thiboust «Histoire d'un Sou», в концертах с

«живыми картинами» (6). По словам Рюмлинг, Л. познакомилась с Некрасовым «в кругу людей богатых и ищущих удовольствий», где «вращалась всегда»; эта версия не имеет фактического подтверждения (5: 186—187). Возможно, знакомство Л. с Некрасовым состоялось в конце января – начале февраля 1863 г. в Михайловском театре (5: 176—177). Для преодоления языкового барьера поэт возобновляет изучение французского языка по учебникам, которые по его просьбе покупает для него А. Я. Панаева. Увлеченность Некрасова скоро становится известна близким к дому людям и обостряет его отношения с Панаевой (11: 180). Свидания Некрасова и Л. происходят, по видимому, на ее квартире (возможно, казенной) на Малой Итальянской улице (д. 21, кв. 2); предположительно на эту квартиру во второй половине апреля Некрасов приглашает сестру А. А. Буткевич с мужем Г. С. Буткевичем с целью знакомства родных и Л. (5: 189—190; ср. 1: XV1, 18, 211). В самом скором времени Л. переселяется на Литейный пр., в дом Тацки (по видимому, № 42), стоявший напротив квартиры Некрасова и Панаевых, и Некрасов отправляется к ней ужинать, обставив свой уход оскорбительным для Панаевой образом (12: 290), что послужило толчком к окончательному разрыву последней с Некрасовым. Дата последнего выхода Л. на сцену Михайловского театра (5 октября 1863 г.), очевидно, совпадает со временем ее переезда на квартиру Некрасова, где она жила осень-весну 1863—1864, 1864—1865, 1865—1866, 1866—1867 и 1867—1868 гг., до своего окончательного возвращения в Париж.

В характере отношений Л. и Некрасова изначально присутствовал ее материальный расчет. Некрасов оказывал материальную помощь родным Л.; высылка денег и векселей осуществлялась С. В. Звонаревым на адрес брата Л. Возможно, первое по времени из сохранившихся писем Л. к Некрасову (датируемое первой половиной августа 1864 г.), в котором она сообщала адреса свой и брата, было косвенным побуждением к присылке денег (4: 188), каковая немедленно последовала («Милостивый Государь Николай Алексее-

вич, вексель в 300 фр. взял вчера у Веникена и сегодня отослал в Париж Г. Поттане») (АСК: 238—240). В воспоминаниях и письмах современников сохранились сведения о приобретениях Л., сделанных на деньги Некрасова, а во время путешествия Л. и поэта совместно с А. А. Буткевич и К. А. Некрасовым по Германии и Франции в 1864 г. (середина мая – июля начало) (2: 379, 381), по словам А. И. Герцена, Некрасов «ухлопал до 5 т<ысяч> франк<ов>» (17: XXVII2, 534).

Дополнительную трудность в их отношениях представлял языковой барьер у обоих. Однако воспоминания Рюмлинг, сохранившиеся 4 письма Л. к Некрасову (РГАЛИ. Ф. 338. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1—8; 4: 187—195) и письма самого Некрасова к А. А. Буткевич (1: XV1, 107, 110—113) позволяют сделать вывод, что отношения были не только протяженными, но достаточно сложными и глубокими. Л. научилась изъясняться по-русски; ее письма к Некрасову, хотя и содержат большое количество ошибок и неправильностей, ясно передают ее мысли. У нее сложились теплые отношения с родными поэта: сводной сестрой Е. А. Ивановой-Некрасовой, посещавшей брата по воскресеньям, А. А. Буткевич, с которой Л. состояла в переписке (не сохр.) (1: XV1, 58), братьями Ф. А. Некрасовым и К. А. Некрасовым и их женами, которые упоминаются в переписке Л. и Некрасова (его письма к ней неизв.).

В квартире Некрасова при Л. сохранялась традиция еженедельных обедов, на которых она выступала хозяйкой. Рюмлинг вспоминает, что «Гжа Лефрен хотя в хозяйство совершенно не входила, но все было великолепно приготовлено и сервировано», и, хотя Л. «плохо говорила по-русски, она все-таки могла поддержать разговор» с гостями, среди которых были И. А. Гончаров, Я. П. Полонский, И. Ф. Горбунов и др. (10: 11 об. — 12); «На этих обедах Н. А. всегда был весел и доволен» (9: 31—32). По словам мемуаристки, Л., не будучи очень красивой, «была очень интересна», «очень интеллигентна». Иванова-Некрасова отмечает ее любовь к чтению, театру и музицированию и вспоминает, что Некрасову «особенно нравился» в ее исполнении

«французский романс, очень чувствительный “Comme à vengt ans” (Как в двадцать лет)». Мемуаристка отмечает, что они посещали и французский, и (в меньшей мере) русский театр и оперу, и вспоминает посещения Александринского и Мариинского театров, где, «несмотря на незнание русского языка, М-ле Селина старалась понять происходящее на сцене» (8: 5—6). Селине также был присущ такт в обращении с людьми, чувство юмора, хороший вкус в одежде и в обстановке комнат («одна большая комната представляла собою лес, по углам стояли огромные, до потолка, ели, летали птицы, приученные к вечеру садиться в свои клетки, где и оставались до утра, когда их выпускали. <...> Любимейшей птицей его (Некрасова. — М. С.) был скворец» (7: 216)), внимательное отношение к подаркам Некрасова. Иванова-Некрасова свидетельствует, что между Некрасовым и Л. были «хорошие отношения», не омрачаемые «недоразумениями», и что Л. умела справляться с его депрессиями: «Вообще она смешила часто своими разговорами и рассеивала его часто мрачное настроение»; «за все время пребывания у него г-жи Лефрен я редко видела его грустным» (9: 31—32). Иванова-Некрасова вспоминает, что летом Л. ездила в Карабиху, однако документально подтверждается, что Л. не была там в 1864 и 1867 г. По-видимому, каждое лето Л. уезжала во Францию. Из переписки и воспоминаний явствует, что Некрасов желал присутствия Л. рядом с собой.

Лето 1866 г. Л. частично провела в Карабихе: 27 мая они с Некрасовым прибыли в имение, в начале июня выехали в Петербург в связи с ликвидацией «Современника» и возвратились в Карабиху 15—20 июня (2: 473). Примерно в середине июля (1: XV1, 49) Л. уехала в Трувиль, откуда в середине августа в письме к Некрасову сообщала, что будет играть в местном «Казино» (в котором давались спектакли и концерты), где «когда-нибудь» увидит «русских знакомых»; сожалела, что «будет забывать» русский язык; уверяла, что рада будет быть ему полезным в Париже, благодарит его и беспокоится, не «сердится» ли Некрасов на нее за этот отъезд (4: 190). Судя по тексту

письма, либо этот отъезд мыслился как окончательный, либо Некрасов не хотел отпускать Л. даже на лето. Традиционно считалось, что выстрел Каракозова, общественная обстановка тех дней и последствия написания и чтения стихов М. Н. Муравьеву («муравьевской оды») обнаружили глубину обоюдного непонимания Некрасова и Л., которая не могла разделить его душевных переживаний, будучи далека от русской культурной и общественной жизни (15: 106). К тому же ликвидация «Современника» стала серьезной угрозой материальному благополучию Некрасова. Текст письма дает основания переосмыслить характер взаимоотношений Л. и поэта. Поездка Л. в Карабиху, как представляется, была отступлением ради Некрасова от ее обыкновения уезжать в начале лета во Францию, где ее ждали мать и сын. Она убеждала Некрасова поехать с ней к морю и в письме повторяла предложение приехать к ней и попробовать купанье, полезное для нервной системы. Ее фраза: «я бы хотела тебе быть приятна и полезна, но что я могу делать для этого? не забудь, что я всё твоя» (выделено Л. — ред.) — свидетельствует о том, что Л. понимала трагизм ситуации, которую она бессильна исправить, но желала бы помочь. Слова Л. о своем пребывании в Трувиле «на 2 месяца с половиной на старый манер» (выделено Л. — ред.) (4: 190) позволяют предположительно определить время ее возвращения в Петербург: конец октября — начало ноября 1866 г.

В 1867 г. Л. с Некрасовым и А. А. Буткевич отправляется во второе совместное путешествие во Францию и Италию (март – вторая половина июня). По словам Ивановой-Некрасовой, Л., уезжая, намеревалась остаться на родине, объясняя это плохим самочувствием (7: 216) и тоской по родным (9: 32—33). Ее намерение подтверждается тем, что она увезла скворца, жившего в квартире Некрасова, которого «они выпустили на волю в Булонскому лесу» (7: 216). Переписка свидетельствует о некой произошедшей между ними размолвке.

Некрасов по возвращении в Россию в письме к А. А. Буткевич (июль 1867 г.) выражал уверенность в возвращении Л. и просил сестру: «Пожалуйста, напиши Селине, что я <...> очень буду рад, когда она воротится. Напиши ей побольше», — а ниже замечал сходство между Л. и живущим у него лисенком: «так же долговяз, мил, ласков и не без хитрости» (1: XV1, 58). Предположительно, слова Некрасова были ответом на письмо сестры, состоявшей с Л. в переписке и передавшей ему некие высказывания Л. Возможно, Некрасов был вынужден объясняться с француженкой через сестру, т. к. плохо владел французским; представляется, однако, что посредничество сестры имело другие причины, которые отчасти проясняет письмо Л. к Некрасову, датированное 13 сентября 1867 г. (4: 192—193). Она рассуждает о характере их взаимоотношений — признается Некрасову: «Нет на свете ни одного мужчины, который тебя стоит», сожалеет о его «нервозности» и о том, что он ее любит «всегда потому». Она сообщает, что во Франции для нее «всё пустой кругом», т. к. главное для нее — «иметь друга», «который не смотрит, если у вас недостатки, и каждый терпит все ваши капризы», поэтому в Петербурге она «только тогда себя» считает «у себя». В конце письма она сообщает: «Я с удовольствием поеду в Петербург — что будет дальше, не знаю», — несмотря на замечание о петербургском холоде, который пагубно действует на ее здоровье («ты меня знаешь довольно теперь, чтобы знать, что это первая беда»). Таким образом, как явствует из письма, ею движет в первую очередь не материальная, а эмоциональная заинтересованность, несмотря на неблагоприятный климат, разлуку с родными, неопределенность будущего и отсутствие уверенности в чувствах своего друга.

Размолвка могла иметь несколько причин. Традиционно первоочередной причиной считался языковой и культурный барьер, особенно заметный на фоне событий 1866—1867 гг. Очевидной причиной является депрессивное состояние Некрасова, тяжелое для окружающих. По свидетельству В. А. Панаева, в эти годы у Некрасова было «убеждение, что он, не сегодня, так зав-

тра, должен умереть» Некрасов (13: 499). Оно было продиктовано не столько состоянием физического здоровья (судя по документам, стабильным в этот период жизни поэта), сколько состоянием его духа после чтения «муравьевской оды» и закрытия журнала. Потеряв в предшествующие годы близких людей (Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, М. Л. Михайлова), Некрасов считал себя скомпрометированным перед их памятью. Этим чувством близкой и неминуемой смерти в Некрасове Панаев объясняет как никогда возросшую потребность у поэта в большой игре, вдобавок «раз или два в неделю» устраиваемой у себя на дому, и в медвежьей охоте, самой опасной для охотника (13: 497). За замечанием Л. о «нервозности» своего друга (с которой она, по свидетельству Рюмлинг, успешно справлялась) стоит и объяснимое недопонимание ситуации в культурной России, и повседневный опыт «домашнего» общения, которое с ней в эти годы у Некрасова, возможно, было более тесным, нежели с кем-либо.

Менее явной, но не менее весомой причиной размолвки является эмоциональная сторона отношений. Остаются непроясненными для нас семейные обстоятельства Л., у которой во Франции были сын и мать, а возможно, официально она считалась замужней. Можно предполагать, что ее пребывание в Петербурге было обставлено как служба в театральной труппе; длительная отлучка в этом случае была нежелательна для репутации, а соединение Некрасова, Л. и ее сына невозможно либо вызывало возражения родных. Можно предполагать, что Л. была свободна, но видела в Некрасове нежелание соединиться с ней и знала либо догадывалась о значимости для Некрасова его былой любви к Панаевой: последнее выразилось в замечании Л., что ее он любит «всегда потому». Возможно, на эмоциональную сторону отношений влияла и привычка Некрасова иметь побочные связи.

По приезде из-за границы в Ярославль Некрасов знакомится с П. Н. Мейшен и увлекается ею (19: 92). Время знакомства — до просьбы к сестре написать Л. (июль) или после — неизвестно. Однако присутствие Л. в квар-

тире Некрасова осенью 1867 г. доказывається упоминанием о ней в его письме к В. П. Гаевскому от 29 ноября (1: XV1, 64).

Лето 1868 г. Некрасов проводит в Ярославле с Мейшен и осенью привозит ее в Петербург. Но, по-видимому, он продолжает поддерживать связь с Л. в личной переписке или через сестру. Весной 1869 г. Мейшен уезжает в Ярославль, а Некрасов отправляется за границу на лечение, указывая свой адрес для писем: «à Paris, 20 Rue de Bruxelles, M-me Lefresne, pour M-r Nékrasoff» (1: XV1, 91). Поэт и Л. вместе провели время приблизительно с середины апреля и до 17/29 мая (Париж, Интерлакен), а может быть, и до 21 июня / 3 июля (Соден), когда Некрасов с личным врачом П. И. Сезеневским едут в Киссинген, а затем с 17 (29) июля до 21 августа (2 сентября), когда поэт уехал в Россию (2: III, по указ.). В переписке Некрасова за эти месяцы Л. упоминается эпизодически. В Париже времяпрепровождение с ней ему «надоело», «но хорошо то, что нервы отдыхают» (1: XV1, 97). В Интерлакене ему живется «здорово и спокойно»; в письме к А. Н. Еракову он сообщает о своей заинтересованности двумя «ангелами» и обсуждении их с Л. и А. А. Буткевич (1: XV1, 100—101). Судя по различию эмоционального настроения в письмах, написанных Некрасовым из Киссингена, где он находился один, и Парижа, Интерлакена и Дьеппа, где он жил в обществе Л., ее присутствие положительно влияло на его душевное состояние. В письме к сестре Некрасов делился намерением прожить зиму 1869—1870 гг. в Париже или Ницце (1: XV1, 110—111, 113). Вместе с тем, Некрасов испытывал чувство протеста против своей привязанности к Л.: «Я привык заставлять себя поступать по разуму, очень люблю свободу — всякую и в том числе сердечную, да горе в том, что по натуре я злосчастный Сердечкин. Прежде все сходило с рук (и с сердца) как-то легче, а теперь трудновато приходится иной раз. Пора иная, старость подходит, надо брать предосторожности даже против самого себя, а то, пожалуй, так завязнешь, что не выскочишь. <...> ненавижу кабальное состояние, как бы оно приятно ни было» (1: XV1, 110—111). По приезде в Пе-

тербург Некрасов решает остаться на зиму дома с «зимним другом» (см.: Мария Игнатьевна).

В последующие годы, по-видимому, Л. поддерживала знакомство с Некрасовым через переписку, возможно с А. А. Буткевич. В письме к сестре от 19—21 сентября 1876 г. из Ялты Некрасов посылает адрес Л. и просит послать Л. деньги и «успокоить» ее («а то, верно, уж узнала, что мне плохо, и боится за свой капитал» — (1: XV2, 144). Речь идет, по-видимому, о завещании, согласно которому Л. после смерти Некрасова причиталось 10500 руб. (1: XIII2, 332—333). Сохранились 4 письма Л. к А. М. Унковскому, в которых она обсуждает условия получения своей доли наследства (РО ИРЛИ. Ф. 202 (Н. А. Некрасова). Оп. 1. 302. 1878 г., апр. 9—17. 14 л.).

В Государственном литературном музее сохранились также 4 фотографии Л., представляющие серию, и ее фотография с ребенком (сыном Люсьеном?) (5: 182—185, 194).

Предположительно, воспоминания о Л. и переживание расставания с ней могли отразиться в стихотворениях Некрасова «И здесь душа унынием объята...» (1864) (1: II, 167), ранней редакции «Третьей элегии» (1873) (1: III, 339) (5: 196—198).

1. ПСС: т. V, XIII2, XV1, XV2: по указ.; 2. *Летопись*, II, III: по указ.; 3. *ЛН*, 51—52, 220—221; 4. Письма Селины Поттше-Лефрен к Николаю Некрасову / Публикация и комментарии М. Ю. Степиной // Карабиха: Историко-литературный сборник. Вып. V. Ярославль, 2006. С. 187—195; 5. *Степина М. Ю.* Некрасов и Селина Лефрен-Потчкер: Комментарии к реконструкции эпизода биографии // Некр. сб., XIV, 175—204; 6. Афиши Императорских театров. РНБ; 7. *Е. А. Иванова (Фохт-Рюмлинг)*. Воспоминания сестры поэта / Публикация О. А. Замареновой). // Карабиха. Вып. 3. Ярославль, 1997. С. 208—221; 8. *Некрасова-Рюмлинг Е. А.* Н. А. Некрасов в домашнем быту // Вестник литературы. 1920. № 2 (14). С. 4—6; 9. *Рюмлинг-Некрасова Е. А.* Три

последних увлечения Н. А. Некрасова // Сполохи: Литературно-художественный и общественный ежемесячный журнал. 1921. № 2. С. 31—33; 10. *Некрасова-Рюмлинг Е. А.* Три последние привязанности в жизни Н. А. Некрасова. Рукопись. Б/д, без подписи // ФГУК «Всероссийский музей А. С. Пушкина»: Музей-квартира Н. А. Некрасова. Архив В. Е. Евгеньева-Максимова. Папка № 2. Ед. хр. 31. Л. 9—23 (листы, сшитые в тетрадь); 11. Е. Л<итвинова>. Воспоминания о Н. А. Некрасове // Научное обозрение. 1903. № 4. Апрель. С. 131—141; 12. *Жуковская Е. И.* Записки. Воспоминания. М.: Аграф, 2001; 13. Воспоминания В. А. Панаева // РСТ, 1901, № 9. С. 482—510; 15. *Чуковский К.* Подруги поэта // “Минувшие дни”. 1928. № 2; 17. *Герцен*, XXVII. Кн. 2., 534; 18. *АСК*. С. 238—240, 241, 245—247; 19. *Мельгунов Б. В.* Был ли Некрасов в Карабихе летом 1868 года // Карабиха. Вып. IV. С. 91—97; 20. *Тарасов А. Ф.* Некрасов в Карабихе. 3-е изд., доп. Ярославль, 1989.

М. С.

ЛЕБЕДЕВ Александр Николаевич (ок. 1801—?), учитель математики, сын обер-офицера. Окончил ярославскую гимназию и физико-математическое отделение Московского университета (5). Преподавал математику в ярославской гимназии с 1824 года. В старших классах Л. преподавал еще и физику. В 1825-1833 гг. исполнял должность учителя математических наук в Благородном пансионе при Ярославском высших наук училище. Поэт к математике, по воспоминаниям гимназиста А. Глушицкого, «питал даже некоторое отвращение» (3). В 1833/34 г. по этому предмету Некрасов на экзамене получил «двойку» (2, таблица 1). В следующем учебном году ему по этой дисциплине поставили «единицу» (2, таблица 2). В 1835/36 г. средней ежемесячной оценкой у поэта являлась «двойка» (2, таблица 3). Экзамен за этот год не сдавал. В последний год обучения в гимназии Некрасов с «тройки» (в январе) «скатился» до «единицы» (в марте и июне) (1). В 1840 г. при поступлении в Петербургский университет по математическим дисциплинам

Некрасов получил два «нуля», две «единицы» и одну «двойку» (4). Об уроках Л. оставил воспоминания его ученик М.Н. Горошков (2, 72).

1. *Васильев П.П.* Материалы для биографии Н.А. Некрасова // Мирской толк. 1879. № 46. С. 430. (Учебная ведомость Н.А. Некрасова за 1836/37 г.); 2. *Евгеньев В.Е.* Н.А. Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914; 3. *Евгеньев-Максимов В.Е.* Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. М.-Л., 1947. Т.1. С. 158; 4. *Рейсер С.А.* Некрасов в Петербургском университете // ЛН, М., 1946. Т. 49 – 50. С. 360; 5. *Красильников Г.В.* Гимназические учителя Н.А. Некрасова // Краеведческие записки: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 471.

Г. К.

ЛИНДФОРС Марья Эсаиасовна (? — лето 1877, близ ст. Новоселье Порховского уезда Псковской губ.) — кухарка Некрасова. «Смирная, добродушная и бережливая чухонка, <...> которую для краткости обрусили, назвав попросту Ильинишной», «женщина уже зрелых лет, одинокая, состоявшая на положении девицы». Благодаря выгодному месту была довольно состоятельна («у нее были и ценные вещи, и деньги в таком размере, что она могла давать в долг по сту рублей»). Время знакомства с Некрасовым неизвестно; оставила его дом летом 1877, выехав из Петербурга по ложному вызову. Стала жертвой преступного замысла (убийство с целью ограбления).

1. *Михневич В. О.* Язвы Петербурга: Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб.; М., 2003. С. 240—244, 712.

М. С.

МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА (ок. 1852 — ?) — содержанка Некрасова. Дочь бедного чиновника с Петербургской стороны. Познакомилась с Некрасовым в конце августа 1869 г., по возвращении его из-за границы (3: 370). По слухам, была насильно совращена своим опекуном, учителем гимназии, и очень бедна: Некрасов «напирал», что «она поступила к нему почти без рубашки» (3: 371). Известно, что М. И. была «хорошенькая», «с золотыми косами», необразованная, но «сметлива и бойка». По всей вероятности, о ней Некрасов писал сестре: «Зимний друг уже наклевывается» (1: XV1, 113). Проживала на съемной квартире. Некрасов, называвший М. И. малюточкой, тратил на нее много денег, сетовал, что она «стесняет его свободу», и выражал желание, «чтобы она обзавелась кем-нибудь, что он нисколько не был бы в претензии...» (3: 370). В начале декабря 1869 г. Некрасов «чуть не каждый день» «то прогоняет, то оставляет» М. И. (3: 371). Возможно, эта неровность отношений была связана с присутствием в Петербурге *П. Н. Мейшен* (1: XV1, 117; 2: III, по указ.).

1. ПСС, XV1, XV2: по указ.; 2. *Летопись*, III: по указ.; 3. Архивные россыпи. Публикация М. Теплинского // *ВЛ*. 1996. № 6. С. 370—371.

М. С.

МЕЙШЕН Прасковья Николаевна, урожд. Максимова, во втором мужестве Волкова, в третьем Вишнякова (ок. 1845 — 1921, Щельково), — подруга Некрасова. Дочь рядового. Недолгое время была замужем за губернским механиком В. И. Мейшеном (7 Мельгунов Был влюблен). По сведениям из дневника В. М. Лазаревского (записям бесед с Некрасовым (?)), Мейшен «взял ее из публичного дома в Риге и женился» (11). Овдовела в конце марта — начале апреля 1867 г.. Была знакома с А. Н. Островским, который приезжал в Ярославль в начале июля 1867 г. и через которого, возможно, М. познакомилась с Некрасовым (2). Знакомство состоялось в 1867 г. во время летнего

(июль — начало сентября) пребывания поэта в Ярославле, по возвращении его из-за границы, куда он проводил С. Лефрен-Потчер. В 1868 г. М. вместе с Некрасовым приехала из Ярославля в Петербург и «жила у него, а потом на квартире» (11). В начале марта 1869 г. Некрасов разорвал с ней отношения.

В отношениях с Некрасовым М. явно руководствовалась материальным интересом. С начала знакомства Некрасов помогал ей во вступлении в наследство: обращался за консультацией к В. П. Гаевскому (1) и к В. М. Лазаревскому (1); возможно, заплатил Феликсу-Эрнесту-Федору Мейшену 4000 руб. в качестве компенсации за долю наследства, в результате чего М. получила в собственность дом на Духовской улице в Ярославле стоимостью «тысяч в 15» (2); просил Ф. А. Некрасова «окончить ее дела» и выдать ей «что она потребует» из принадлежавшей поэту карабихской «мебели и бронзы». Согласно дневниковой записи Лазаревского, Некрасов открыл М. свободный кредит (11).

Некрасов в начале знакомства с М., по упоминаниям мемуаристов, был сильно увлечен ею (8) и даже намеревался жениться на ней (7), но вскоре охладел. По описаниям мемуаристов (12, 8), М. была «красавица»: миниатюрная брюнетка с большими черными глазами (по-видимому, тип, нравившийся Некрасову: ср.: В. Н. Асенкова, А. Я. Панаева; ср. также с описаниями женской красоты в его стих. «Тройка», «Дешевая покупка», романе «Три страны света» (Полинька)). Однако, по общему мнению, она была недалекая, малообразованная, «простоватая» (8 Жуковская), «не интеллигентная» (9, 8), не интересовалась ни литературой, ни «общественными вопросами», одевалась без вкуса и обыкновенно «время проводила <...> в чаепитии с вареньем, медом, пастилой и т. д. Этими яствами уставлено было целое окно» (8). Добродушная и «симпатичная», М., однако, навязчиво просила помощи в устройении своих дел (9 Интернет) и проявляла капризность, легкомыслие, «неотзывчивость» к ближним (8) и тщеславие. Так, живя в квартире Некрасова, она выезжала на каток, где свела знакомство с неким «видимо богатым»

«господином» Котельниковым (?) (9). Она выдавала себя за «богатую ярославскую вдову-помещицу» и принимала этого знакомого в театре в ложе Некрасова, который обычно приезжал к концу спектакля и однажды едва не застал знакомого М. в ложе, чем был очень недоволен (8). Как вспоминает Рюмлиг, вскоре после инцидента в театре М. перестала ездить на каток, «стала жаловаться на скуку», по своей инициативе переехала в другую квартиру на Бассейную ул. и, по-видимому, вскоре после этого возвратилась в Ярославль (8).

Е. Н. Жуковская пишет со слов Гаевских, которых навещала М., что отъезду Прасковьи Николаевны (или предварительному переезду на другую квартиру?) способствовала ссора с Некрасовым, который «самым циничным образом» обозначил ее роль в его жизни («Чтобы со мной спать, когда мне это захочется») и указал на нежелательность ее пребывания рядом с ним («удивительно, как женщины не понимают, когда им пора удалиться») (7). Лазаревский в дневнике записывает подробности их разрыва со слов поэта: «Он мне говорил, когда мы возвращались ночью от Еракова, что он при разрыве с нею сказал ей (вероятно, при заявленных ею претензиях): “Если ты хочешь или потребуешь, я на тебе женюсь, но с тем, что мы больше не увидимся”. — “Нет, отвечала она, лучше останемся друзьями <...>”» (запись от 28 ноября 1869 г.) (11); «Некрасов под конец заметил, что он не мог быть больше с Прасковьей Николаевною после того, как она, однажды, вернувшись из города на дачу <...>, почему-то объяснила ему, что она у него в столе или шкапах нашла какие-то неприятные для нее записки. “Я не мог больше держать женщину, которая меня обыскивает”» (запись от 10 декабря 1869 г.) (11).

Лето 1869 г. Некрасов провел за границей по большей части в обществе Лефрен и подумывал остаться там на зиму, а по возвращении в Петербург 17 сентября в письме к А. А. Буткевич сообщил: «в Париж или Ниццу эту зиму не поеду, вставляю двойные рамы и подумываю о том, как бы найти друга на

зиму или зимнего друга, но такого, который согревал бы меня в это суровое время года, а что будет весной и летом — увидим. Зимний друг уже наклеивается» (1). Очевидно, подразумевалась Мария Игнатьевна.

Разрыв М. и Некрасова не стал окончанием их знакомства. М. обращалась к нему письменно по имущественным вопросам (1). В письме к Ф. А. Некрасову от 8 ноября 1869 г. поэт сообщал, что М. едет в Ярославль для окончания дел по наследству и предполагает возвратиться в Петербург через две недели (1). В письме к Лазаревскому от 10 марта 1870 г. Некрасов извещает об отъезде М. и просит похлопотать по ее делу (1). В письмах к братьям Некрасов упоминал о М., просил К. А. Некрасова узнать о положении ее дел, оказывал ей материальную помощь в перестройке ее Ярославского дома в 1870—1872 гг. и советовал «продать дом и жить процентами с малого капитала, который выручится за дом» (1). М. не последовала этому совету: она, по-видимому, периодически сдавала дом внаем. Время от времени она жила у Островских, будучи близкой подругой М. Н. Островской с 1867 или 1868 г. Состояла в переписке с А. Н. Островским и хранила у себя его письма (не сохр.). По приглашению М. Н. Островской в 1904 или 1905 г. М. окончательно переехала из ярославского дома в Щелыково, где жила в доме садовника и «ведала всем цветочным и огородным хозяйством».

1. ПСС, XV₁, 163, 170, 172; XV₂, 101; 2. Мельгунов Б. В. Был ли Некрасов в Карабихе летом 1868 года // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2002. Вып. IV. С. 92—93; ЛН, т. 88, кН. 1 и 2; 3. Письма Селины Лефрен-Поттше к Николаю Некрасову // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2006. Вып. V. С. 192—194; 5. Степина М. Ю. Некрасов и Селина Лефрен-Потчгер: Комментарии к реконструкции эпизода биографии // Некрасовский сборник. СПб., 2008. Вып. XIV. С. 193—198; 6. Иванова Е. А. (Фохт-Рюмлинг). Воспоминания сестры поэта (Публикация О. А. Замареновой) // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 1997. Вып. III.

С. 217; 7. Жуковская Е. И. Воспоминания о Некрасове // “Былое”. 1923. № 22, с. 107—108; 8. Иванова Е. А. (Фохт-Рюмлинг). Три последние привязанности в жизни Н. А. Некрасова // Рукопись; 9. Чуковский К. Подруги поэта // “Минувшие дни”. 1928. № 2, с. 106; 10. С.-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. 1870. Прил. К № 41 от 21 мая. Отдел второй, разряд XVI, № 1022; 11. Архивные россыпи. Публикация М. Теплинского // Вопросы литературы. 1996. № 6. С.370—371; 12. malt.karelia.ru/~filolog/dostoev/texts/vospomin/flat10/htm/29.htm.

М. С.

МЕЙШЕН Феликс-Эрнест-Федор (?—?) — племянник В. И. Мейшена, мужа П. Н. Мейшен. Служил провизором в аптеке в Ярославле. Познакомился с Некрасовым у П. Н. Мейшен предположительно в июле — начале сентября 1867 г. и просил у поэта помощи в поисках места в Петербурге. По свидетельству Е. А. Рюмлинг, Некрасов сомневался в способностях М. к службе, однако обещал похлопотать. По настоянию П. Н. Мейшен М. прибыл в Петербург и служил у своего дяди Андреса. Виделся в Петербурге с Некрасовым, навещая П. Н. Мейшен. Через М. состоялось знакомство Некрасова с Л. А. фон Фохтом, приходившимся М. двоюродным братом.

1. ПСС, XV1, 57—58; 2. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. СПб., 2008. Т. III: по указ.; 3. Иванова Е. А. (Фохт-Рюмлинг). Воспоминания сестры поэта (Публикация О. А. Замареновой) // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 1997. Вып. III. С. 219; 4. Мельгунов Б. В. Был ли Некрасов в Карабихе летом 1868 года // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2002. Вып. IV. С. 92—93.

М. С.

МИЛОСЛАВОВ Константин Федорович (ок. 1792 -), учитель латинского языка в ярославской гимназии, сын священника. Завершил курс обуче-

ния в Троице-Сергиевой семинарии (3). Здесь совместно с Петром Туношенским, гимназическим учителем поэта, и Яковом Баженовым занимался переводами с латыни и французского языка. С 1813 г. преподавал поэзию и немецкий язык в ярославской семинарии, а с 1814 г. – еврейский и немецкий языки. В 1829 г. уволился из семинарии и устроился помощником надзирателя в Московский воспитательный дом. В 1831 г. был определен преподавателем латыни во владимирскую гимназию. В 1833 г. перешел в ярославскую гимназию. В старших классах гимназии по латыни у Некрасова «двоек» и «троек», получаемых за каждый месяц, было поровну (1). На экзаменах в 1833/34 г. Милославов поставил ему «двойку», а в 1834/35 – «тройку». При поступлении поэта в Петербургский университет его знания в 1840 г. по латыни оценили на «тройку» (2).

1. *Евгеньев В.Е.* Н.А. Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914. Таблицы № 1, 2, 3. (Учебные ведомости Некрасова за 1833/34, 1834/35, 1845/36 гг.). 2. *Рейсер С.А.* Некрасов в Петербургском университете // ЛН, М., 1946. Т. 49 – 50. С. 360; 3. *Красильников Г.В.* Гимназические учителя Н.А. Некрасова // Краеведческие записки: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 469.

Г. К.

МИЛЮТИН Владимир Алексеевич [16.12.1826, с. Титово Лихвинского уезда Калужской губернии – 5.8.1855, Эмс (ныне Бад-Эмс), Германия] – экономист, журналист, историк, географ. Сотрудник «Современника», входивший в конце 40-х – первой половине 50-х гг. в круг наиболее близких Некрасову людей.

Отец Алексей Михайлович Милютин – смотритель Экспедиции кремлевских строений, действительный статский советник. Мать Елизавета Дмитриевна, урожденная Киселева, сестра графа П.Д. Киселева, тогда гене-

рал-майора, впоследствии министра государственных имуществ. Третий сын, младший брат Д.А. и Н.А. Милютиных. Детство провел в Москве. Получил домашнее образование, в связи с постоянной нехваткой средств домашние учителя часто сменялись. Один из гувернеров – француз Сен-Тома – обучал французскому языку также Льва Толстого (выведен в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность») (15: 164). Семейства М. и Толстых были близки в 38-39 годах, во время пребывания последних в Москве. Уже в детстве М. проявил незаурядный интеллект (18: 133) и вольнодумство. Л.Н. Толстой в «Исповеди» вспоминал: "Помню, что, когда мне было лет одиннадцать, один мальчик, давно умерший, Володинька М., учившийся в гимназии, придя к нам на воскресенье, как последнюю новинку объявил нам открытие, сделанное в гимназии. Открытие состояло в том, что Бога нет и что всё, чему нас учат, одни выдумки (это было в 1838 году)" (7 : 1).

В 1839 году поступил в 4-й класс 1-й Московской гимназии. Там также демонстрирует выдающиеся способности, вызвавшие, по воспоминаниям Д. Милютина, похвалу самого С.С. Уварова. (15 : 286, 428). В 1843 году «с замечательным успехом» (16 : 73) заканчивает гимназию и в сентябре того же года поступает в Московский университет на юридический факультет. В 1844 году семья М. переезжает в Петербург и летом того же года В.А. переводится в Петербургский университет. Поселяется по адресу Литейный пр-т, 72-74, Дом ген-майора Б.А. Фредерикса (16 : 77): «М. жил очень скромно, но в хорошей квартире» (9 : 595). Материальное положение М. полностью зависело от его собственного жалованья: летом 1846 года умер отец М. (мать скончалась в 1838 году), оставив только многочисленные и запутанные долги. Братья отказались от наследства, предоставив имущество кредиторам. (16 : 126)

Во время обучения в петербургском университете под влиянием популярного профессора Порошина, М. увлекается политической экономией. В университете формирует круг знакомых М., его товарищами были М. Лонги-

нов, Валериан Майков (поступившие в университет в 1839 году), Е.И. Ламанский. "...Занимался он серьезно и подавал утешительные надежды. Учился успешно; но было что-то странное в его характере: с каждым годом все более отчуждался он от семьи и втягивался в свой особый кружок". (16 : 100) М. заканчивает университет в середине 1847 года, однако откладывает работу над магистерской диссертацией. В 1847 году М. входит в круг, связанный с Петрашевским. Об участии его в обществе сохранились противоречивые свидетельства. Одни утверждали, что М. входил едва ли не в самую радикальную группу, сложившуюся внутри общества Петрашевского (Спешнева, Дурова, Достоевского) (14 : 257), другие – что «пятницы» Петрашевского М. посещал мало и с его обществом был связан слабо (112 : 143). В любом случае, его круг общения составляли в это время люди, близкие к петрашевцам – Валериан Майков, М.Е. Салтыков (находившийся под большим влиянием М. и посвятивший ему повесть «Противоречия»), Е.И. Ламанский. М. выведен в качестве персонажа в автобиографическом романе петрашевца А.И. Пальма-Альминский «Алексей Слободин. Повесть из жизни петрашевцев» (М., 1931 – впервые ВЕ, 1872, № 10—12) в качестве посетителя «пятниц». Взгляды М. близки петрашевцев, особенно тем, кто, подобно, например, Ястржембскому, отдавал приоритет проблемам экономическим над проблемами социальными.

В том же 1847 году М. после непродолжительного сотрудничества в «Отечественных записках» начинает печататься в «Современнике», выступает со статьями на политэкономические темы. Первая статья его, появившаяся в некрасовском журнале, – «Мальтус и его противники. Обзор различных мнений об отношениях производительности к развитию народонаселения» (Современник. 1847, № 8-9) – и последующие, выходившие в течение 1847 года, «обратили на себя внимание образованной публики. В нем высказывался, очевидно, будущий финансист, основательно изучавший как науку о финансах, так и политическую экономию» (9 : 595). Высоко оценил работы

молодого литератора Белинский, увидев близость в них выражение взглядов, близких к его собственным. В письме Боткину в начале ноября 1847 года он пишет: «Теперь есть еще в Петербурге молодой человек М. Он занимается *con amore* и специально политической экономией. Из его статьи о Мальтусе ты мог видеть, что он следит за наукою и что его направление дельное и совершенно гуманное, без прекраснотушия. Правда, он пишет скоро, а потому многословно, часто повторяется, любит книжные, иностранные словца – принципы, аргументы и тому подобные мерзости; но это от молодости: он еще выпишется, и даже очень скоро, ибо соглашается вполне насчет своих недостатков. Он начал у Краевского, перешел к нам, и есть надежда, что во все от него откажется. Я подал Некрасову мысль, так как на будущий год мы значительно раздвинем пределы библиографии, поручить ему в полную редакцию разбор книг по его части» (59 : 659). Вероятно, сам М. признавал авторитет Белинского как критика и соглашался с его замечаниями, что, конечно, было важно и для Некрасова.

Белинский в это время проповедовал практицизм, отказ от ложного романтизма и оторванного от земли «идеализма», «идеальничанья», например, в статье «О жизни и сочинениях Кольцова» (5 :) У М. ему были близки не только прямые осуждения идеализма как вредного направления мысли («Идеализм наделал так много зла в области наук точных, к числу которых должна принадлежать между прочим и политическая экономия, что в настоящее время стали к счастью убеждаться более и более в совершенной бесполезности и ничтожности всех исследований чисто спекулятивных». - Милютин В.А. Избранные произведения. М., 1946. С. 42), но и требование признания равенства телесных и духовных потребностей человека, достижения земного счастья: "...Истинное призвание человечества заключается в непрерывном стремлении к счастью, к блаженству, к развитию своего благосостояния в физическом, материальном, умственном и нравственном отношениях /.../ Благодаря необыкновенным успехам промышленности и новым более разум-

ным взглядам человека на общество, мы смотрим теперь на счастье, как на удел, доступный человечеству и на земле". - Милютин В.А. Избранные произведения. М., 1946. С. 70. Близки Белинскому должны были быть и экономические взгляды М., критиковавшего Мальтуса прежде всего за признание им нищеты в качестве неизбежной составной части всякого общества и любой экономической системы.

В последующих статьях М. продолжает проводить мысль о том, что нищета не только ужасна и противоречит принципу гуманности, признанному важнейшим нынешним веком, но и не является необходимой в обществе. В рецензии «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. Сочинение Александра Бутовского. Три части. Спб. 1847», разросшейся в цикл статей, объектом критики М. является не столько автор книги, сколько Адам Смит и его школа (по мнению М., ярче всего представленная Ж.Б. Сеем), изложение идей которых он видит в книге Бутовского. Признавая за Смитом важную заслугу в исследовании механизма *создания* богатств, он порицает его за отсутствие разработанной теории *распределения* благ, за чрезмерную и необоснованную веру в рынок как универсальный инструмент такого распределения. М. утверждает необходимость целенаправленного распределения производимых богатств для достижения всеобщего благосостояния: "...Необходимо признать материальное благосостояние человека настоящим и единственным предметом политической экономии" - Милютин В.А. Избранные произведения. М., 1946. С. 276. Он признает две задачи, которые должна была разрешить эта наука: "Во-первых /.../ открыть те общие, необходимые, основанные на самой природе вещей законы, по которым происходят в каждой отдельной стране и в целом человечестве производство, распределение, обращение и потребление богатств. Во-вторых, политическая экономия должна раскрыть: какое устройство экономических отношений благоприятствует наиболее сильному развитию производительности и справедливому равномерному распределению производственных богатств по всем сло-

ям общества. Она должна указать те практические средства, помощью которых можно уничтожить язву пауперизма, усовершенствовать нынешнюю экономическую организацию, развить и упрочить материальное благосостояние человека /.../ Одним словом, политическая экономия представляет собой разом физиологию и медицину общественного организма" - Милютин В.А. Избранные произведения. М., 1946. С. 276-277. А.И. Бутовский, бывший, по свидетельству петрашевца К.И. Тимковского, непримиримым врагом «социализма» (11: т.2, 436-437), ответил в следующем году, но настоящей полемики уже не могло состояться.

В статьях «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции» (ОЗ, 1847, №№1-4) М. рисует драматические картины жизни бедноты, близкие по характеру к стихотворениям Некрасова («Пьяница» и «Еду ли ночью по улице темной...»), его художественной прозе, прежде всего «Петербуржским углам». Кроме того, сама гуманная направленность экономической публицистики, ее бескомпромиссный отказ признать несправедливость как основу устройства общества, безусловно, близка некрасовской поэзии этого времени. То же самое нужно сказать и о требовании признания единства материального и духовного в человеке, требования отказа от идеалов аскетизма во имя земного счастья человека (например, стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...»). Очевидно, Некрасов послушался совета Белинского и в "Современнике" М. пишет постоянно небольшие рецензии на книжки экономического, географического, исторического, то есть научного, характера (Обзор главнейших происшествий в России, с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны. Сочинение Александра Вейдемейера. Издание четвертое, исправленное и значительно дополненное. Три части. Спб. 1848. - Современник. 1848. № 10, или Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина. Сочинение Н. Чичагова. Спб., 1847. - Современник. 1848. № 10).

Белинский печатно назвал работы М. «замечательными» в статье «. Однако не все литераторы круга видели в его трудах большое значение. В своих работах М. не успел проявить себя как оригинальный мыслитель, они представляют собой скорее изложение разнообразных политэкономических взглядов, и потому ирония Боткина в письменном отзыве о первой милютинской статье («Статью о Мальтусе я не успел прочесть, но слышал от людей знающих, что она недурно составлена: большая часть ее переведена из книги Прудона: «*Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*», и выписки сделаны удачно». (4 : 177)) до некоторой степени справедлива (хотя он и преувеличивает зависимость взглядов М. именно от этого философа). Нельзя, однако, не видеть в первых статьях М. талант систематизатора, умение точно изложить точку зрения того или иного мыслителя, показать сильные и уязвимые места в его мысли – качества университетского преподавателя, карьеру которого и избирает впоследствии М.

Однако таковым он становится поневоле, после катастрофы, постигшей общество Петрашевского. Имя М. фигурирует в деле петрашевцев, он упоминался в их показаниях и потому надолго попал под подозрение правительства (о том, что М. продолжал находиться под подозрением и после окончания «дела», говорит и свидетельство его коллеги по Петербургскому университету А. Никитенко (12 : 365) и воспоминания Устрялова (9 : 593-594)). За расправой над петрашевцами в России наступила политическая реакция, и выражение печатно тех же взглядов, за которые петрашевцы отправились на каторгу, стало невозможно. В середине 1850-го года М. блестяще защитил диссертацию на степень магистра ("О недвижимых имуществах духовенства в России" – опубликована отдельным изданием – М., 1862) и в том же году «получил назначение в Петербургском университете адъюнктом по русскому государственному праву и начал читать основные законы Империи, а также законы о состояниях, губернские учреждения и постановления о гражданской службе» (16 : 180). Как профессор, пользуется большим уважением и любо-

вью студентов (9 : 592). В начале 1852 года становится секретарем Русского географического общества (16 : 180) (в действительные члены избран в 1848 году, в 1849 стал секретарем отдела статистики), редактирует «Вестник Русского географического общества».

В конце 40-х годов М. особенно тесно сближается с кругом "Современника". Очевидно, по складу характера он был похож на многих литераторов, входивших в окружение Некрасова во второй половине 40-х – первой пол. 50-х гг.: характеристики, которые дает Лонгинов Дружинину (говоря о его внешней чопорности, под которой скрывалось, доброе преданное сердце (8 : X)), похожи на то, как Боткин характеризовал М.: «Несмотря на свою внешнюю холодность и накрахмаленность, я знаю, это была натура в высшей степени страстная и до такой степени, что даже самый эгоизм и самолюбие его, которые были у него необыкновенно сильны, - все-таки подчинялись его страстностью» (4 : 177). На такую же двойственность М. указывает Устрялов: «Как говорили, он был веселым, замечательно остроумным собеседником, в кругу коротко знавших его лиц. А лица эти были Некрасов, Панаев, Дружинин, братья Жемчужниковы и еще некоторые» (9 : 595). В дневнике А.В. Дружинина, отражавшем совместное времяпрепровождение этой группы литераторов, М. фигурирует как частый участник разнообразных совместных развлечений. Так в записи 11 нояб<ря> 1853 года говорится: «Обедал, как водится, у Панаева, где видел В. Милютина, Ап<оллинария> Яковл<евича>, а после обеда -- Языкова. Много говорили о Рашель, а потом о прелестях деревенской жизни, на которую нападали Панаев и Милютин, люди совершенно с нею незнакомые и судившие о деле детски превратно". (13 : 217) Запись 14 декабря 1853 года: «Дурная линия продолжается. В воскресенье был у Панаева обед, или импровизированный банкет, на котором сошлось человек 20. Сократ с братом, В. А. Милютин, Фет, Григорович, Анненков, Лонгинов, Тургенев (почти вся русская словесность) /.../ За обедом и после обеда я без нужды зацепил хлыщеватую часть компании, дурно ото-

завались об Арапетове и Милютине, их друзьях. Зачем я это сделал, и сам не знаю, впрочем, о последнем я только сказал, что он не имеет таланту на смешные стихотворения". (13 : 230). По свидетельству старшего брата, М. был особенно близок с М. Лонгиновым, с которым состоял в родстве и был товарищем по университету (17 : 394). Д. Милютин говорит и о том, что М. «близко сошелся с /.../ Некрасовым" (16 : 142). Особенно, кажется, близок был М. с И.И. Панаевым. Д. Милютин пишет: "Лето 1853 года провел я с семьей в новой местности - между Петергофом и Орниенбаумом, близ деревни Мартышкиной, на даче Корсакова, нанятой нами пополам с Карцовыми /.../ В близком с нами соседстве, на самом берегу морском, проводил лето брат вместе с И.И. Панаевым. Они жили в живописном chalet, среди тенистой рощи и проводили время в приятельском кругу литераторов". (16 : 195). Какие-то факты их овзаимоотношений заставили Некрасова обсуждать с Дружининым дурное влияние М. на Панаева: "12 июня /1855-го года – М.М./ Утром является Некрасов. Полезные толки о журнальном деле. Милютин и Арапетов, их вредное влияние на Панаева. (13 : 328)

Принимал участие М. и в том, что называлось «чернокнижием», включавшем в себя не только фривольные похождения, но и совместную любительскую литературную деятельность. Дружинин пишет в своем дневнике (запись от 11 октября 1853 года): «За обедом находились все приятели, офицеров сумрачного вида не имелось. Лонгинов, Мухортов, Милютин, Сократ Воробьев, Аполлинарий Брянский. Сперва обед тянулся так себе, но когда на сцену выступило чернокнижие и планы скандальных произведений, хохот воздвигся почти гомерический. Предположено продолжать Чернокн<ижникова>, писать классическую трагедию, фантастическую повесть и преложение псалмов (13 : 201). По воспоминаниям Лонгинова, М. участвовал в первых трех главах дружининских «Путешествий Чернокнижникова»: "Справедливость требует сказать, что первые три главы "Чернокнижникова" писаны Дружининым (особенно стихи) при деятельном сотрудничестве Н.А.

Некрасова и младшего из членов нашего кружка, покойного В.А. Милютин, бывшего потом профессором Петербургского университета и кончившего жизнь в Эмсе, в июле 1855 года. Главы эти писались в Парголово, где Н. Некрасов проводил лето, а Дружинин и Милютин у него нередко гостили. Тут же помещены рассказы и шутки разных других лиц, но невозможно определить теперь, что именно принадлежит кому в первоначальном "Чернокнижникове". (8 : XIII)

В конце 40-х - первой половине 50-х годов М. продолжает участвовать в "Современнике" и в качестве сотрудника. Он пишет рецензии на новые книги (их неполный список дан в некрологе М. в "Современнике"). Его многочисленные оригинальные статьи имеют библиографический («Очерки русской журналистики, преимущественно старой». - Современник. 1851. т. 25, 26. №№ 1, 2, 3) и исторический («Обзор дипломатических сношений древней России с Римскою империею». - Современник. 1851. т. 28, №№ 7, 8; а также «Жизнь Алкивиада, по новейшим исследованиям». - Современник. 1855. № 1, 2, 9) характер. В этих статьях, несмотря на внешнюю неактуальность затронутых в них тем (в целом свойственную журналистике того времени), отражается интерес М. к современным проблемам литературной жизни. Например, характеризуя литературу 18-го века он пишет: "В настоящее время стихотворения уже перестали составлять существенную принадлежность каждого литературного журнала; лучшие наши издания даже вовсе обходятся без этого отдела. Но не так было в миллерову эпоху. Стихи были тогда в большой моде и так называемые поэты пользовались большим почетом. Это чрезвычайное уважение к поэзии или, лучше сказать, к стихотворству происходило от многих причин. Первая из них заключалась, без сомнения, в самой новости предмета /.../ Другая /.../ в неправильных понятиях о поэзии, которую смешивали в то время с стихотворством, с искусством выражать свои мысли мерною, украшенною рифмою речью. Наконец, едва ли не ближайшим источником этого явления был господствующее тогда убеждение в

трудности стихотворства. Тогда еще не знали, что писать стихи может всякий и что умение это не составляет исключительной принадлежности избранных, высших натур. На искусство выражать свои мысли стихами смотрели тогда как на самое трудное и требующее особенных способностей искусство. И действительно, в то время мысли еще не укладывались так легко в стихи, как нынче". - Современник. 1851. т. 25, № 1, отд. 2. С. 18-19. Эта мысль перекликается с многими соображениями, высказываемыми в то время Некрасовым, например, в статье «Русские второстепенные поэты», о чрезмерной легкости, с которой сейчас пишут стихи, о «девальвации» стихотворства.

Другая мысль М., наверняка привлечшая внимание Некрасова, касается русской сатиры 18-го века: "Сатирические сочинения того времени принадлежали не столько к области литературы, сколько к области науки. Они представляли собою не художественное изображение действительности, но развитие общих идей, заимствованных из сферы нравственной философии, в форме беллетристической". - Современник. 1851. т. 25, № 1, отд. 2. С.33. По его мнению, поэтому такие произведения надо называть не сатирой, а дидактикой. Это говорит о том, что М. не был чужд и возникающих в это время споров о литературной «дидактике», которую позднее собирался преследовать в литературе Дружинин и Боткин (в том числе и представленную в поэзии Некрасова), и имел о ней свое оригинальное мнение.

Особенно содержательна статья М. об Алкивиаде, в которой можно видеть «применение» древнегреческой истории к проблемам современности. В это время в критических статьях Некрасов не раз выражает неудовлетворенность скептицизмом и прагматизмом, царящими в русской литературе, и требует от современного писателя пропаганды положительных идеалов (см.: «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» и «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года»). Подобные проблемы (на удаленном во времени историческом материале) ставит и М.: Сократа, учителя Алкивиада, ставшего

олицетворением политического авантюризма и нигилизма, не раз обвиняли в том, что именно его скептическая, рационалистическая философия развратила одаренного ученика, лишила его идеалов и твердых убеждений. Соглашаясь с теми, кто считал, что сократовский скептицизм является отражением и высшим философским воплощением его прагматической и скептической эпохи, М. утверждает, что современники не увидели положительной стороны учения Сократа, являвшейся его неотъемлемой частью. Отрицанию и скептицизму Сократ противопоставляет полноту мышления, невозможную без положительных начал, идеалов.

Статьи об Алкивиаде – последняя работа М. – остались незавершенными из-за тяжелой болезни, которая пришла к М. в середине 1854 года: "...Брат Владимир вынес в это лето /1854 года - М.М./ тяжкую болезнь и по решению врачей должен был уехать за границу для перемены климата и для лечения минеральными водами (16 : 279). В августе 1855 года в Эмсе М. покончил с собой, не завершив работу над докторской диссертацией «О дьяках». Самоубийство вызвало разнообразные толки: говорили о любовной истории (9 : 596), долгах («Принужденный продлить свое пребывание за границей гораздо долее срока первоначально данного ему отпуска, брат Владимир начинал беспокоиться на счет своих денежных средств, о чем не раз писал брату Николаю" (16 : 356)), неизлечимой болезни. Наиболее осведомленный свидетель, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, называет ряд причин, среди которых не только смертельная болезнь (по его утверждению – рак), но и несчастная любовь к замужней женщине, загадочной виконтессе К.: "Для бедного Милютина увлечение его сердца было бесповоротно. Он вполне осознавал /.../ что для пользы любимой женщины ему необходимо было уехать /.../ Эта необходимость отъезда, неумение справиться со своим чувством и тягостная мысль о болезни подействовала на него так, что у него зародилась мысль даже о самоубийстве /.../ Он доказывал, что самоубийство есть естественный и законный выход из безвыходного положения". (10 : 270-271)

Несчастливая любовь привела к тому, что М. "стал топить свое горе в приятельских попойках и развлечениях". (10 : 283) "Неумеренная его жизнь подействовала на его здоровье /.../ Милютин никак не мог помириться с мыслью об операции, говоря, что он чувствует себя совершенно неспособным переносить физические страдания и указывая на бессцельность этой операции". (10 : 286)

Некрасов из версий самоубийства М. считал правильной ту, которую сообщил ему (или кому-то из общих знакомых) Е.Ламанский. Некрасов писал В.П. Боткину в письме от 9 сентября 1855 г. (первое письмо, в котором Некрасов известил Боткина о смерти М., не сохранилось): "Что сказать тебе о Милютине? Подробностей, которые могли бы объяснить его поступок, - очень мало. За три недели до этого он писал Ламанскому (своему помощнику по Географическому обществу), что заграничная жизнь, не излечив его, сделала ему огромный вред, развив в нем врожденную лень, так что он без ужаса не может подумать о возвращении к труду. - А за день до получения официального извещения о его смерти братья получили от него письмо (сухое и короткое), что он решился умереть и просит Николая Алсеевича заплатить его долги. Вот и все. Болезнь его была неизлечима - он это знал; ему предстояла операция, на которую он не мог и не хотел решиться... Тургенев прав, замечая по этому случаю, что "одно непредвиденное, вероятно, и совершается на деле". (1 : 219-220)

М. немного не дожил до начала либерального периода в российской истории, став едва ли не «последней жертвой» «мрачного семилетия». Устрялов писал: «Младший из четырех братьев, он хотя и посвятил себя науке, но жизнь, ее удовольствия, ее страстность и увлечения, борьба молодых сил с окружающим злом, протест всему нечистому, - действовали на него неотразимо и скорее даже во вред. Кажется, он не находил настоящего исхода своей кипучей, полной огня и порыва, деятельности... И жизнь его убила...» (9 : 595) Узнав за границей о смерти императора Николая Первого, М.,

как и многие русские люди этого времени, почувствовал грядущие перемены в российской жизни. Семенов-Тянь-Шанский вспоминал: «...Я высказывал твердое убеждение, что пора реформ неминуемо наступит, и старался для поднятия духа Милютина вовлечь его в эту надежду, тем более что он и по своей талантливости, серьезной подготовке и по характеру своих убеждений мог быть одним из самых видных и полезных деятелей эпохи реформ Александра II. Милютин поддавался на эти убеждения, но с грустью говорил, что он может и не дожить до этого периода, в котором конечно нашел бы глубокий интерес и забвение всего того, что происходило в его душе". (10 : 283) Тот же мемуарист завершает свои воспоминания о М. так: "Нет сомнения, что такой талантливый человек, как он, мог оказать своему отечеству большие услуги в начавшуюся три года после его кончины великую эпоху реформ царствования императора Александра II". (10 : 286)

Смерть М. произвела тяжелое впечатление на всех знавших его людей. В. Боткин писал Некрасову: «Странное дело, - в последнее время мое чувство и мысли были очень далеки от него, - да и он, кажется, очень был далек от нас внутренно; - но теперь мне его жаль искренно и мне кажется, что я в нем потерял близкого человека. Всей душою мне жаль его. Боже мой! Сколько уже потерь невознагражденных, - все лучшее - становится одним воспоминанием — и настоящее потом делается таким пустым, что не из чего будет жить"". (4 : 184-185). Устрялов вспоминает: "Известие о кончине В.А. Милютина поразило студентов: жалко было этой безвременно погибшей жизни, этих молодых сил, так страстно рвавшихся к свету и науке..."(9 : 596) В "Современнике" был напечатан некролог, в котором личности и трудам М. давалась высокая оценка: "Русская наука лишилась одной из надежд своих, русская литература - одного из умных и даровитых писателей, "Современник" - одного из деятельных и постоянных сотрудников. Потеря эта - чувствительная для русской науки и русской литературы - еще чувствительнее для нас, которые коротко знали Милютина и поэтому были искренно привязаны к

нему. Мы были свидетелями его любви не только к науке, которой он исключительно посвятил себя, но и к искусству, ко всему живому и прекрасному, - его деятельности, доходившей до труженичества; мы знали его горячее, страстное сердце, скрытое, впрочем, под холодную наружность; мы высоко ценили его ничем непоколебимые убеждения; мы видели в нем одного из благороднейших представителей молодого поколения /.../ Да почует в мире прах благородного человека и благородного труженика науки! Жизнь Милютин представляла образец деятельности общепользней и безукоризненной". (2 : 273) Одним из соавторов некролога считают Некрасова (19 : 531). Возможно, часть его была написана И.И. Панаевым, наиболее близким М. человеком, кроме того, некролог содержит такую информацию, которую, скорее всего, мог сообщить именно Панаев («В последние годы Милютин заготовлял материалы для диссертации "О дьяках" на степень доктора и приступил к этому обширному труду летом 1853 года, ежедневно посвящая ему до десяти часов» (2 : 273)).

1. ПСС, XI₁, 219-220; 2. ПСС, XIII₁, 272-273; 3. *Летопись*, I по ук.; 4. *Переписка Н.*, I, 177, 184-185, 433; 5. *Белинский ПСС XII*, 408; 6. *Салтыков-Щедрин ПСС I*, ; 7. *Толстой Л.Н. ПСС XXIII*, 1; 8. *Лонгинов М.* Вместо предисловия (Листок из воспоминаний) // *Собрание сочинений А.В. Дружинина*. Т. 8. СПб., 1867, XIII; 9. *Устрялов Ф.Н.* Университетские воспоминания // *Исторический вестник*. 1884, т. 16, №6, 592-596; 10. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары. Т. 1. Детство и юность (1827 - 1855 гг.). Пг., 1917, 231, 263, 270-271, 282, 283, 286; 11. *Дело Петрашевцев*. В 2-х тт. Т. 1. М., - Л., 1937, 178,; Т. 2. М., - Л., 1941, 16, 50, 143, 192, 332, 404, 425, 436-437; 12. *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. Л., 1955, 365; 13. *Дружинин А.В.* Полинька Сакс. Дневник. М., 1989, 201, 214, 217, 230, 253, 328; 14. *Майков А.Н.* <Рассказ о Ф.М. Достоевском и петрашевцах в записи А.А. Голенищева-Кутузова> // *Достоевский в воспоминаниях современников*. Т. 1. М., 1990, 257; 15. *Милютин*

Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816 - 1843. М., 1997; *16. Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1843 - 1856. М., 2000, *17. Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868 - начало 1873. М., 2006; *18. Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954, ; *19. Макашин С.А.* Салтыков-Щедрин. Биография. 1. М., 1951,; *20. Блюмин И.Г.* Экономические воззрения В.А. Милютина // Милютин В.А. Избранные произведения. М., 1946; *21. Оксман Ю.Г.* Летопись жизни и творчества В.Г.Белинского. М., 1958; *22. Егоров Б.Ф.* Петрашевцы Л., 1988; *23. Пальм-Альминский А.И.* Алексей Слободин. Повесть из жизни петрашевцев М., 1931.

М. М.

МОРОШКИН Иван Алексеевич (ок. 1800 - ?), учитель географии в ярославской гимназии, сын дьякона (4). Получил образование в кашинском духовном училище, потом в ярославской гимназии. В 1820 г. был определен в ярославское уездное училище. Преподавал рисование. В 1833 г. перемещен был в ярославскую гимназию с назначением его учителем российской грамматики и географии. По географии поэт в ярославской гимназии в 1833/34 г. на экзамене получил «единицу», в 1834/35 – «двойку» (2). В 1835/36 г. по математической географии экзамены не сдавал. Средней ежемесячной оценкой у него была «двойка». В 1836/37 г. по географии поэт имел «единицу» (1). По этому предмету (вместе со статистикой) при поступлении в университет поэт дважды держал экзамены и оба раза получал по «единице» (3).

1. *Васильев П.П.* Материалы для биографии Н.А. Некрасова // Мирской толк. 1879. № 46. С. 430. (Учебная ведомость Н.А. Некрасова за 1836/37 г.); 2 *Евгеньев В.Е.* Н.А. Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914. Таблицы № 1, 2, 3. (Учебные ведомости Некрасова за 1833/34, 1834/35, 1835/36 гг.); 3.

Рейсер С.А. Некрасов в Петербургском университете // ЛН, М., 1946. Т. 49 – 50. С. 355, 360; 4. *Красильников Г.В.* Гимназические учителя Н.А. Некрасова // Краеведческие записки: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 470 - 471.

Г. К.

МУРАВЬЕВ Михаил Николаевич (старший), с 1865 года граф Виленский (01.10.1796, Петербург — 28/29.08.1866; с. Сырец Лужского уезда Петербургской губернии) — консервативный государственный деятель, адресат “муравьевской оды”.

Происходит из русского дворянского рода 2-й половины XV-го века. Отец — генерал-майор и директор школы колонновожатых в Москве Николай Николаевич Муравьев (1768—1840), мать Александра Михайловна Мордвинова (1768—1809). Жена (с 1818) Пелагея Васильевна Шереметева (1802—1871). Брат А.Н. Муравьева, известного духовного писателя. Окончил Благородный пансион при Императорском Московском университете. В 1811 году поступил на военную службу колонновожатым. В 1812 году в чине прапорщика участвовал в Бородинском сражении (находился на знаменитой батарее Раевского), был тяжело ранен в ногу (17: 340—344). Участвовал в сражении под Дрезденом. В 1820 году вышел в отставку в чине подполковника. В 1816—1821 годах состоял членом тайных декабристских обществ (“Священной артели” (1816), “Союза спасения” (1817), “Союза благоденствия” (1820)). В 1826 года был арестован по подозрению в связях с заговорщиками, находился под следствием до середины 1826 года, но был оправдан (34: 138—139). (32:).

В 1826 году возвращается на военную службу, в 1827 году определен по статским делам в чине коллежского советника. Вероятно, оставался под подозрением у императора (28: 84) (25: 293), что сказалось на карьере М.: неуклонно повышаясь одновременно как по статской, так и военной службе

(в 1842 году становится тайным советником, в 1849 — генерал-лейтенантом), он не занимал при Николае I по-настоящему важных правительственных постов. В 1830 году участвовал в подавлении польского восстания, назначался гражданским или военным губернатором (в 1831 году М. в Гродно, в 1835 — в Курск) (36:), служил по министерству финансов, управлял Межевым корпусом, в 1850 году стал сенатором и членом Государственного совета. С 16.02.1850 по 13.12.1856 вице-президент Императорского Русского географического общества, проявил себя на этом посту как “неутомимый и полезный” администратор (31: 192.). В это время начинает складываться устрашающая репутация М.: при вступлении на должность губернатора Гродно М. якобы сказал: “Знайте, что я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают” (8: 689) (хорошо знавший М. граф С.Д. Шереметев утверждал, что М. не произносил этой фразы, сделавшейся известной благодаря герценовскому “Колоколу” (30: 284).

Личность М. вызывала противоречивые оценки. Граф Шереметев отметил эту его особенность: “К такому человеку возможны были лишь чувства неприязни или же полная преданность: и то и другое было вполне понятно и зависело от воззрений”(30: 285). Соратники оставили о нем восторженные воспоминания: “Он был человек ума, энергии и памяти необыкновенных, строгий и требовательный в точном исполнении его приказаний и распоряжений, но при этом всегда старавшийся быть справедливым” (8: Т. 101, № 9, 689). Связанный с М. по службе Н.В. Шелгунов отмечал, что М. “был честолюбив, властолюбив и деспотичен; прощать он не умел и всегда увлекался личными чувствами” (28: 89). При этом признавал в нем наличие испорченных средой “богатых умственных и душевных средств” (28: 88). Способности же М. как администратора Шелгунов, политический враг М., оценивал высоко: “Муравьев хорошо умел читать цифры и верно понимал ведомости, которые ему представляли <...>

Говорил он хорошо, просто, русским складом, коротко и метко” (28: 88). При этом, по его словам, М. придавал особое значение личности подчиненного, стремясь возлагать ответственность за выполнение дела на конкретных людей: “Когда что-нибудь поручалось нескольким лицам, Муравьев всегда спрашивал: “А с кого я буду взыскивать?” Ему непременно нужно было взыскивать” (28: 88). Производил же М. на подчиненных впечатление ужаса не “свирепостью”, но решительностью: “...Каждый чувствовал, что у этого человека не дрогнет рука подписать что хотите. Этого было совершенно достаточно, чтобы одним своим именем возбуждать в робких панический страх. Рассказывали, что два чиновника от нашей ревизии умерли со страха. Это могло случиться” (28: 88). Мемуаристы говорят о присущем М. презрении к людям. В воспоминаниях Я.А. Соловьева М. напоминает Собакевича: “...Он долго и последовательно развивал мысль, что крестьянам не следует давать земли на основании его убеждения, что “они, свиньи, изроют только землю” <...> После крестьян он перешел к помещикам, разобрал их по косточкам и вывел заключение, что “и помещики не лучше крестьян”” (24: 574). Это же сообщает Шелгунов: “Людей вообще он ценил невысоко; если ему говорили, что для такого-то дела нет человека, он отвечал: “Было бы болото”. Раз, когда я заступался за кого-то, он мне сказал: “Поживите с мое, и вы увидите, что люди ничего не стоят” (28: 89).

С началом правления Александра II карьера М. пошла в гору: в 1856 году он получил чин генерала-от-инфантерии, 24.11.1856 назначен председателем Департамента уделов, 17.04.1857 возглавил Министерство государственных имуществ — одно из ключевых ведомств в свете готовившейся крестьянской реформы. Этим взлетом М., очевидно, обязан покровительству императрицы Марии Александровны и симпатизировавшей ему “русской партии” (А.Д. Блудова, А.Ф. Тютчева), доминировавшей при ее дворе (30: 120) (25: 293). В 1858 году М. стал главой Комитета по крестьянскому делу, активно участвовал в разработке положений отмены

крепостного права, отстаивая наиболее консервативную позицию (24: 574) (19: 515—529) (15:). С конца 50-х годов М. становится одной из самых известных реакционных фигур в правительстве. Среди немногих имен правительственных чиновников в прокламации “К молодому поколению” (1861) названо имя М. (22: 97, 107). Именно общеизвестная враждебность М. освобождению крестьян с землей (наряду с, возможно, действительно увиденным поэтом из окна изгнанием крестьян от парадного подъезда Министерства государственных имуществ) сделала его основным прототипом “владельца роскошных палат” в стихотворении Некрасова “Размышления у парадного подъезда” (1858) (39: 153—156).

Крайне консервативная позиция М. не соответствовала духу первого периода правления Александра II: в результате победы в правительстве либеральной западной партии (Д.А. и Н.А. Милютины, А.А. Суворов, П.А. Валуев, А.В. Головин) в начале 1862 года М. бы уволен практически от всех должностей (оставшись только членом Государственного совета и сохранив другие менее значительные посты). Однако 1 мая 1863 года во время успехов польского восстания, перекинувшегося на Северо-западные губернии, в атмосфере патриотического подъема, разжигавшегося газетой Каткова “Московские ведомости”, М., также благодаря императрице (26: 14), был назначен виленским военным генерал-губернатором, а также ковенским, гродненским, минским генерал-губернатором, командующим войсками Виленского военного округа с правами командира отдельного корпуса в военное время, фактически став диктатором всех Северо-западных губерний. Решительными и жестокими действиями М. был обеспечен успех подавления польского восстания в этом регионе.

Вероятно, именно в результате этой его деятельности за ним закрепляется в демократических кругах (в том числе в круге “Современника”), сочувствовавших польскому освободительному движению, прозвище “Вешатель”. Свидетельства о том, насколько заслуженной была эта

репутация, расходятся. Либеральные историки приводят следующие цифры: “По ведомости осужденных и наказанных, составленной по приказанию самого графа М.Н. М., за все время его двухлетнего управления Северо-Западным краем, было казнено 128 человек, сослано в каторжные работы 972, сослано на поселение в Сибирь 1427, отдано в солдаты 345, сослано в арестантские роты 864, выслано во внутренние губернии 1529, переселено на казенные земли внутри империи 4096 <...> прощенных и освобожденных 9229. Однако это число казненных М., по-видимому, ниже действительного: по крайней мере, русский историк польского восстания Н.В. Берг говорит, что по приговорам, утвержденным М., казнено, по официальным сведениям, 240 лиц (РС, т. XXV, 251); это приходится по одному человеку на каждые три дня управления М. ”. (21: 242—243). Сторонники М. утверждали, что слухи о его “зверствах” преувеличены: “Все слухи и рассказы о сотнях, даже тысячах будто бы повешенных им, о его жестокостях и т.д. — чистейший вымысел. Лично Михаилом Николаевичем было подтверждено и подписано пятнадцать смертных казней” (8: 690). Во всяком случае, его методы борьбы с врагами вне всякого сомнения были жестокими и беспринципными, чего не скрывают и наиболее преданные его соратники. Один из них вспоминает такое высказывание М.: “Если кто из этих... по виду покажется невиновным, нужды нет!.. Пускай посидит, одумается, это самое меньшее из того, что все они заслуживают!” (14: L, 629) После подавления мятежа в 1865 году под влиянием враждебных М. групп в правительстве и из-за не ослабевающей антипатии к нему императора (26: 5) он снова был уволен от занимаемых должностей (с оставлением в Государственном совете) и до начала апреля 1866 года практически находился не у дел.

Деятельность М. в Вильне находила наиболее горячую поддержку М. в “Московских ведомостях” (именно в это время имена М. и Каткова становятся обозначением теснейшего идейного союза). Меры, принятые им, вызывали сочувственный отклик большей части либеральной интеллигенции

(18: II, 339, 377) и негодование революционных кругов, которое, по понятным причинам, не могло быть проявлено публично. В “Современнике” ход восстания не освещался, что, по мнению Г.З. Елисеева, сильно повредило журналу (37: 5). Косвенно, однако свою позицию “Современник” пытался обозначить, прежде всего, в хронике “Наша общественная жизнь”, которую в 1863—1864 годах вел Салтыков-Щедрин (7: VI, 91—92), коснувшийся этой темы и в оставшейся неопубликованной по цензурным причинам рецензии на брошюру “О русской правде и польской кривде” (7: V, 387—388, 653—655). Также и в творчестве Некрасова деятельность М. в Вильне в это время не затрагивается. Существует лишь упоминание об “известиях из Вильны” и “статьях из Москвы” (1: II, 190, 490) в первой сатире (“Крещенские морозы”) второй части цикла “О погоде”, опубликованной в “Современнике” в 1865 году (№2), уже после отставки М. и после того, как кровавые события в Польше и Северо-западных губерниях отошли в недавнее, но все-таки прошлое.

До апреля 1866 года не известно каких-то конкретных фактов о встречах Некрасова с М. Сам поэт говорил, что встречал М. два раза (1: XIII₂, 61—62). Такие встречи были вполне вероятны. Оба они были членами Петербургского Английского клуба (М. с 1843-го года, Некрасов — с 1854-го) (Английский клуб). Некрасов был хорошо знаком с зятем М. графом Л. Шереметевым (1: XIII₂, 61). Дом Министерства государственных имуществ, в котором жил сам М. с 1857 по 1862 год, находился практически напротив дома Некрасова. Однако близкого знакомства между ними быть не могло. М. был известен Некрасову по его “репутации”, как наиболее непримиримый и опасный представитель той части высших бюрократических кругов, которые были враждебны тому, что проповедовал его журнал после прихода Чернышевского.

Отношение М. к “Современнику” и самому Некрасову было также враждебным. Во время деятельности в Вильне М. не раз высказывался с

ненавистью о всей петербургской прессе. М. не раз утверждал, что существует непосредственная связь между польским бунтом и российским “нигилизмом”, а само зарождение нигилизма приписывал дурному влиянию университетов и литературы (27: 40). Среди вредных литераторов, как можно понять из воспоминаний его ближайшего сотрудника П.И. Червина, М. называл и Некрасова: “Торопливость, неполнота работ, излишний либерализм создали либералов, ставших враждебно <...> правительству. Явилась новая литература, руководимая Чернышевским, Серно-Соловьевичем и др., создавшая нигилистов и что же: другая крайность повела <...> к преступлению <...> Граф М. это понимал, когда он объявил войну ложному воспитанию, когда в лице Чернышевского, Некрасова, Курочкиных и др. объявил войну литературе, ставшей на ложном пути <..> он смело высказал государю, что литература сеет яд, что молодое поколение стало враждебно Правительству вследствие ложного воспитания, виною чему министерство народного просвещения, вследствие ложного учения, проповедуемого литераторами” (27: 41—42.). Из приводимых Червиным имен только Некрасов не был арестован во время работы М.ской комиссии.

Из отставки М. был вызван после покушения на императора, совершенного Д.В. Каракозовым 4 апреля 1866 года. Первоначально дело было передано III Отделению, а затем 5 апреля “Особой следственной комиссии...” под председательством П.П. Ланского, существовавшей со времени петербургских пожаров и прокламаций. Вероятно, Александр II был недоволен ее деятельностью, и 7 апреля 1866 создал “Верховная следственной комиссия” для расследования покушения. М. был назначен ее председателем в тот же день, а 8 апреля вступил в должность (42) Вызвавшее одобрение в кругах умеренных либералов (18: III, 31), славянофилов и консерваторов катковского толка (13: 293), это назначение вызвало панику у радикалов (23: 296). Полномочия комиссии были очень неопределенными. Уже на второй день ее работы начались многочисленные обыски и аресты.

Все факты наводили на мысль, что петербургская деятельность М. есть продолжение его деятельности в Вильне и будет вестись теми же методами. В частности, в следственную комиссию М. включил несколько своих соратников по Вильне (Черевина, Никифораки, Лосева) (42). Слухи были во многом обоснованными: М. с самого начала превысил полномочия по расследованию конкретного покушения, взявшись искоренить, всякое инакомыслие, становившееся из просто подозрительного поведения настоящим преступлением (23: 296). Панику усугубляло и проведение М. принципа, которому он следовал в Вильне: “Лучше иной раз лишнего арестовать, чем глупыми опасениями отступить от справедливости, дать время виновному скрыть следы преступления, а обыкновенно и бежать” (27: 26). Масштабы произведенных арестов по тем временам были велики. Князь А.А. Суворов в своей “Записке”, поданной государю в декабре 1866 года, писал, что только за апрель 1866 года было произведено 450 обысков, привлечено к следствию до 1200 жителей Петербурга из них арестовано 130 (11: 402—403). Среди арестованных было большое количество литераторов и публицистов радикального направления, сотрудников “Современника”, “Искры”, “Русского слова” (6: 228) (23: 296.).

Официальное сообщение о создании комиссии под началом М. появилось 10 апреля в правительственной газете “Северная почта” (2: 456—457), однако Некрасов, скорее всего, узнал о назначении М. раньше, видимо, не позднее 9 апреля. Именно в этот день А.В. Никитенко записывает в дневнике не только эту новость, но и известие об отставке Долгорукова, а также слухи о готовящихся увольнениях Валуева и Головнина (18: III, 25). Валуев в дневнике записывает новость о назначении М. 8-го апреля (9, II: 116). Неизвестно, знал ли Некрасов о той ответственности, которую на него лично возлагал М., но само положение редактора радикального журнала ставило поэта в ряды потенциальных подследственных. Были однако у Некрасова и особенные причины бояться за свою дальнейшую судьбу.

Многие его сотрудники (Жуковский, Антонович, Елисеев) принимали участие в деятельности подпольных организаций (Евгеньев-Максимов В.Е. Некрасов в кругу современников. Л., 1938. Гл. Революционные связи и знакомства Некрасова, 207—244). Точных данных о том, насколько хорошо Некрасов был осведомлен об этой стороне деятельности своих ведущих сотрудников, нет. Опасность представляла и связь с Чернышевским, чьим поклонником был Сераковский, один из самых ярких предводителей польского восстания, повешенный М. в 1863 году. Организация “Земля и воля”, членом и одним из руководителей которой был Чернышевский, была связана с польскими заговорщиками (20: 319—324). Поэтому распространившийся слух о том, что М. собирается вызвать для допросов Чернышевского (этот слух 6 мая в своем дневнике записал Ф.М. Решетников) (2: 466), но Некрасов, конечно, мог услышать о таких планах существенно раньше) также должен был вызвать у поэта тревогу за свое будущее.

Знакомые Некрасова вспоминают об охватившем его страхе и прямо приписывают ему создание злосчастного мадригала: “Когда в следующий понедельник (примерно в двадцатых числах апреля, поскольку Елисеев был арестован 22 апреля — *Ред.*) после ареста Елисеева, Слепцова, Курочкиных и Минаева я пришел в редакцию “Современника” и застал там одного Некрасова, оказалось, что он не знал еще об аресте упомянутых лиц, и, когда я сообщил ему об этом, он сделался бледнее полотна, и никогда я не забуду поистине смертного ужаса, какой был написан на его лице. Ужас этот тесно связался в моей памяти с той хвалебной одой, какую Некрасов преподнес М. в Английском клубе. Это был поступок сильно испугавшегося человека; степень же испуга обуславливалась, конечно, тем, что от М. ждали беспощадных казней, судя по деятельности его в Вильне, и уж само собою разумеется, что Некрасову, создавшему “Современник” и организовавшему его силы, можно было ожидать первой виселицы после Каракозова” (23: 297). О страхе, охватившем Некрасова, как и других сотрудников его журнала,

говорит Елисеев (б: 228) Чувствуя недостаточность в такой ситуации обычных демонстраций лояльности (посещения внеочередного заседания Комитета Литфонда, публичного чтения оды, посвященной спасителю царя — Осипу Комиссарову (2: 456)), Некрасов сочиняет хвалебное стихотворение М. и 16 апреля 1866 на обеде по подписке в Английском клубе, на котором чествовали М. в связи с его принятием в почетные члены клуба, Некрасов (очевидно, сам участвовавший в подписке, поскольку, скорее всего, это было условием участия в чествовании) в присутствии свидетелей прочел “мадригал” диктатору.

Некрасов выдвигал и другую причину своего поступка, в конце жизни представляя его как попытку спасения журнала: “Его подбивали (Строганов) написать стихотворение, что этому человеку надоела катковская газета, но что стихотворения Некрасова могли бы на него подействовать и укротить” (б: 446). Кажется, что эту версию можно понять даже и так, что Некрасов, жертвуя репутацией, пытался спасти вообще прогрессивную литературу. Эту версию горячо поддержал Вас.И. Немирович-Данченко: “...Не нам судить ошибку человека, спасавшего этим благороднейшее дело своего журнала и добрую сотню сотрудников и рабочих” (б: 305). Однако утверждение Некрасова в передаче Пыпина выглядит очень неправдоподобно. Трудно поверить, что М. “надоела” газета Каткова “Московские ведомости”, не просто постоянно оказывавшая ему поддержку, но и наиболее близкая ему по своим взглядам и пользовавшаяся его постоянным доверием и сочувствием. Преданный соратник М. по Вильне, князь Николай Имеретинский сообщает следующий монолог своего патрона: “Я много читаю, потому что обязан читать, но, не говоря о заграничной чепухе, и у нас мало путного нахожу, кроме, однако же, московских газет, — прибавил он твердо и серьезно, — особенно катковская газета, по-моему, самое отрадное исключение” (14: L, 606). Кроме того, буквально накануне Некрасов получил из достоверного источника (от Феофила Толстого) сообщение о том, что “участь

“Современника” решена” (2: 458). Таким образом, хотя и не исключено, что спасение журнала было одной из возможных целей Некрасова, но выдвижение ее на первый план является поздней попыткой придать своему поступку большее благородство. Если же такая цель была у Некрасова, то достигнуть ее не удалось: 1 июня 1866 года “Современник” был по высочайшему повелению запрещен. Это запрещение граф Ф. Толстой (2: 471) и А.И. Дельвиг (12: 378) приписывали именно влиянию М., однако А.В. Головнин утверждает, что “испросил высочайшее повеление запретить издание” “Современника” П.А. Валуев (Головнин А.В. Записки для немногих. Спб., 2004, 443).

Стихотворение, посвященное М., не сохранилось, опубликованный текст является, как доказал Б.Я. Бухштаб, стихотворением Никотина (41). О содержании и форме “мадригала” известно мало. Елисеев, слышавший его от Некрасова, сообщает: “Весь смысл стихотворения заключался, помнится, в том, что поэт, обратясь к М., говорил: “Разыщи виновников и казни их” (6: 228). По словам того же мемуариста, Некрасов убеждал его и других сотрудников “Современника”, что “в нем нет ничего, противного нашей честности” и сам Елисеев уже тогда склонен был с этим согласиться (6: 228). Корреспондент “Московских ведомостей” приводит только два запомнившихся ему выражения: “вся Россия бьет челом”, “виновных не щади” (2: 459). Некрасов вспоминал, что в стихотворении было 12 строк, видимо, три катрена, судя по приводимым на память строчкам, написанных четырехстопным ямбом.

Не точно известно, как разворачивались события в Английском клубе. Согласно всем источникам, Некрасов прочел стихотворение после обеда. Корреспондент “Московских ведомостей” сообщал, что и до этого момента он вел себя подобострастно: “Г-н Некрасов, издатель “Современника”, присутствовавший при этой беседе, повторял, обращаясь к графу: “Да ваше сиятельство, нужно вырвать это зло с корнем” (2: 460). Реакция М. на

посвященные ему стихи была холодной. Б. Маркевич в письме Каткову говорит о целом нравоучении, прочтенном Некрасову М.: “Старик холодно их выслушал и вместо благодарности прочел в свою очередь поэту петербургских углов подобающую нотацию о преступном образе действий современной русской литературы, поставившей себе целью отравлять русскую молодежь” (2: 462). В воспоминаниях А.И. Дельвига ответ М. выглядит более кратким: “По прочтении он просил М. о позволении напечатать это стихотворение. М. отвечал, что, по его мнению, напечатание стихотворения было бы бесполезно, но так как оно составляет собственность Некрасова, то последний может располагать им по своему усмотрению” (2: 460). Как кажется, большего доверия заслуживает пишущий по горячим следам Маркевич, чем мемуарист Дельвиг, спутавший в своих мемуарах ряд деталей. В частности, он утверждает, что на том же обеде “говорили и другие и между прочим <...> П.А. Валуев” (12: 378). Очевидно, мемуарист смешивает разные собрания: на самом деле Валуев выступал 10 апреля на обеде в Дворянском собрании, “данном по подписке петербургскими обывателями московским депутациям”. На обеде присутствовал и М. и в честь него тоже пили, но Валуев сказал “спич” не ему, а губернским предводителям (9, II: 118).

Поступок Некрасова быстро стал достоянием гласности и произвел тяжелое впечатление на всех наиболее близких сотрудников поэта, склонных обвинять его в трусости (6: 228). Разочаровывающее впечатление ода произвела и на людей, сочувствовавших поэзии Некрасова, незнакомых с ним лично, писавших ему возмущенные или огорченные его “падением” письма (40) (1: III, 408). Известно о прямых оскорблениях, наносимых Некрасову разочарованными поклонниками (10: 228). У враждебной прессы и тех лиц, которые имели основания недолюбливать поэта, известие о его “унижении” вызвало глумливые похвалы, ироническое одобрение (40). По репутации Некрасова был нанесен тяжелый удар: произнесение оды М. —

событие, наиболее часто обсуждаемое всеми, писавшими о жизни и творчестве Некрасова, ставшее предметом бесконечных рассуждений о его двойственности, человеческой слабости, двуличии и честности или правдивости его поэзии (40).

Сам поэт очень быстро осознал свой поступок с М. как ошибку. По записи Пыпина (2: 460, 510), в тот же вечер, когда Некрасов прочел мадригал М., он написал стихотворение “Ликует враг, молчит в недоуменьи...”, в котором выразил раскаяние в совершенном (1: II, 246—247, 429—430). Кажется, что и этому сообщению поэта нельзя доверять: очевидно, что содержание стихотворения все-таки предполагает временную дистанцию между ним и обедом в Английском клубе. Само сожаление о сделанном вполне могло возникнуть в тот же день, однако реакция “вчерашнего друга”, проявилась позже. Негативную реакцию ближайших сотрудников Некрасов узнал не ранее начала следующей недели (6: 227), в “Московских ведомостях” репортаж об обеде в Английском клубе появился 20 апреля. Поэтому стихотворение надо считать написанным несколько позже.

Случай оставил неизгладимый след в душе Некрасова. А.А. Буткевич отказываясь печатать в посмертном собрании стихотворений Некрасова муравьевскую оду, в письме С.И. Пономареву характеризовала ее как “печальную необходимость”, “которая всю остальную жизнь заедала брата, которую он называл “черным пятном”, “неверным звуком” и т.п.” (4). Раскаяние в поступке с М. становится одной из постоянных тем поэзии Некрасова. Это событие прямо отразилось в таких стихотворениях как “Умру я скоро. Жалкое наследство...” (1867) (1: III, 40—41, 407—408), “Зачем меня на части рвете...” (1867) ((1: III, 44—45, 411), а также в черновых вариантах сцен из незаконченной “лирической комедии” “Медвежья охота” (1: III, 287, 396) (5: VII,). Отголоски этой же истории слышны в стихотворениях “Уныние” (1874) (1: III, 132—137, 453), “Зине” (“Ты еще на жизнь имеешь право...”) (1876) (1: III, 175), “Угомонись, моя муза задорная...” (1876) (1: III,

177—178), “О муза! я у двери гроба!..” (1877) (I: III, 218). При этом образ М., остается в некрасовском творчестве и объектом сатиры. В героях стихотворений “Притча о Киселе” (1867) (I: III, 46—51) и “Из Автобиографии Генерал-Лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году” (1863—1866) (I: III, 209—210, 415) исследователи видят некоторые черты карьеры М., хотя в значительной степени они являются собирательными образами. Возможно, прототипом главного героя стихотворения “Бунт (Живая картина)” (1872) (I: III, 94, 435) также является М.

Сам же М. 9 августа 1866 года подал прошение об освобождении его от председательствования в комиссии, так как порученное ему дело было передано на рассмотрение Верховного уголовного суда. В августе этого же года всемогущий диктатор скоропостижно скончался. Результат действия комиссии вызвал разочарование одних и облегчение других (I3: 293). Только три человека были преданы суду и один осужден, несколько человек выслано в административном порядке, остальные арестованные — освобождены (в их числе все сотрудники “Современника”). Никакого обширного заговора М. раскрыто не было.

1. ПСС, II (по указ.); III (по указ.); XIII₁, 524 XIII₂, 44, 61—62; 2. *Летопись*, II (по указ.); 3. *Переписка Некрасова*, II (по указ.); 4. *ЛН*, III, 169; 5. *Некр. сб.*, VI, VII (по указ.); 6. *Некрасов в воспоминаниях* (по указ.); 7. *Салтыков-Щедрин*, V, 387—389; VI, 91—92; 8. *Ауэрбах А.А.* Воспоминания // ИВ. 1905. Т. 101. № 9, 689 —690; Т. 102, №10, 40—41; 9. *Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел В: 2-х т., М., 1961 (по указ.); 10. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. М., 1987. Т. II, 228; 11. *Головнин А.В.* Записки для немногих. СПб., 2004, 401—407 (по указ.); 12. *Дельви́г А. И.* Мои воспоминания. Т. 3. 1858—1867. М., 1913, 378; 13. *Князь В.П. Мещерский.* Воспоминания. М., 2003 (по указ.); 14. *Князь Николай*

Имеретинский. Воспоминания о графе М.Н. Муравьеве // ИВ. 1892. Т. I. № 12, 603—643; 15. *Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи*. М., 1994 (по указ.); 16. *Муравьев М.Н. Записки об управлении Северо-западным краем и об усмирении в нем мятежа, 1863—1866* // РС. 1882. №11—12; 17. *Муравьев-Карский Н.Н. Записки Н.Н. Муравьева-Карского* // РА. 1885. № 11, 340—344; 18. *Никитенко А.В. Дневник* В: 3-х т., Л., 1955 (по указ.); 19. *Павлов Н.Н. Из воспоминаний* // ИВ. 1901. №11. С. 515—529; 20. *Пантелеев Л.Ф. Воспоминания*. М., 1958, 319—324 (по указ.); 21. *Письма М.Н. Муравьева к А.А. Зеленому. 1863—1864* // Голос минувшего. 1913. №9, 240—264; 22. *Революционный радикализм в России: век двадцатый*. М., 1997 (по указ.); 23. *Скабичевский А.М. Литературные воспоминания*. М., 2001 (по указ.); 24. *Соловьев Я.А. Крестьянское дело в 1858 году* // РС. 1882. №№3; 25. *Тютчева А.Ф. Воспоминания (При дворе двух императоров)*. М., 2008 (по указ.); 26. *Черевин П.А. Воспоминания. 1863—1865*. Кострома, 1920; 27. *Он же. Записки П.А. Черевина*. Кострома, 1918; 28. *Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего* // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. *Воспоминания: В 2-х т. Т. 1*. М., 1967 (по указ.); 29. *Шереметев С.Д. Граф Михаил Николаевич Муравьев и его дочь*// Шереметев С.Д. *Мемуары графа С.Д. Шереметева в: 3-х т. Т. 3* М., 2005, 117—134; 30. *Он же. Мемуары графа С.Д. Шереметева*. М., 2001 (по указ.); 31. *Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. Детство и юность (1827—1855)*. Пг., 1917, 191—194 (по указ.); 32. *Кропотов Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. Биографический очерк*. Спб., 1874; 33. *Неведенский С. Катков и его время*. Спб., 1888, 193—196; 34. *Щеголев П.Е. М.Н. Муравьев — заговорщик* // Щеголев П.Е. *Декабристы*. М.; Л., 1926; 35. *Трубкин М.Я. Записки графа М.Н. Муравьева как источник изучения политической борьбы вокруг реформ в правительственном лагере в 60-е годы XIX века* // *Личность и власть в*

истории России XIX—XX вв. Спб., 1997; 36. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. Спб., 2002; 37. *Евгеньев В.* Редакция “Современника” в 1866 году // *Голос минувшего*. 1915. №1, 5—36; 38. *Теплинский М.В.* Н.А. Некрасов в апреле 1866 года // *РЛ*. 1972. № 1; 39. *Гаркави А.* О “владельце роскошных палат” // *РЛ*. 1963. №1, 153—156; 40. *Чуковский К.И.* Поэт и палач // *Чуковский К.И. Сочинения В: 2-х т. М., 1990. Т.2, 5—55*; 41. *Бухштаб Б.Я.* О тексте “муравьевской оды” Некрасова // *Бухштаб Б.Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966, 109—116*; 42. *Высшие и центральные государственные учреждения России 1801—1917. В: 4-х тт. Т. , 131—132.*

М.М.

***НАВРОТИНА Анна Естифеевна** (? — ?) — мать *М. П. Ярошенко*.

Предположительное знакомство Н. с Некрасовым относится к периоду до 1874 г., времени личного знакомства М. П. Ярошенко и Некрасова. В комнате Н. висел на стене фотографический портрет М. П. Ярошенко в белом, называемый «невеста Некрасова», и после смерти поэта стояло его кресло-качалка (1: 59).

1. Порудоминский В. Николай Ярошенко. Изд-во «Искусство», 1979.

М. С.

НАВРОТИНА Мария Павловна — см. **ЯРОШЕНКО М. П.**

НЕКРАСОВ Алексей Сергеевич (1794, Москва – 30. 11. 1862, Ярославль), отец поэта, майор в отставке. Родился в Москве. 30 марта 1807 г.

вступил в службу унтер-офицером в Тамбовский пехотный полк (2: 11 - 12). 15 окт. произведен в портупей-прапорщики в том же полку. 2 дек. 1810 г. ему было присвоено звание прапорщика с переводом в 28 егерский пехотный полк. 17 сент. 1811 г. присвоено звание подпоручика, 25 авг. 1816 г. – звание поручика. 26 мая 1817 г. назначен бригадным адъютантом. 31 марта 1818 г. был удостоен звания штабс-капитана. 31 дек. 1819 г. переведен в 36 егерский полк. 22 апр. 1821 г. было присвоено звание капитана. 29 июня 1822 г. был переименован из бригадных адъютантов в фронтовые офицеры. С 14 июня по 25 июля 1807 г. находился в походе из русских пределов до города Белостока. 11 нояб. 1817 г. в местечке Юзвине Подольской губ. женился на Елене Андреевне Закревской. 11 янв. 1823 г. был уволен от службы «за болезнь» в звании майора и «с мундиром». Предположительно летом 1826 г. с семьей переехал на постоянное место жительства в родовую усадьбу Грешнево Ярославского уезда и губ. (18: 54) Исправлял должность земского исправника с 19 мая 1837 г. по начало 1839 г. (8). Жизнь Н. протекала в постоянных тяжбах с родственниками из-за раздела имений и крепостных (14, 18). Будучи предприимчивым и практичным человеком содержал ямщину между Ярославлем и Костромой на старом Ярославско-Костромском луговом тракте. Увлекался охотой и карточной игрой. Некоторое время содержал духовой оркестр в грешневской усадьбе. Отношения с сыном Николаем у него в разное время складывались по-разному, но в конечном итоге между ними произошло примирение. После смерти супруги в 1841 г. состоял в гражданских браках с девушками и женщинами из числа своей дворни. От этих браков родилось у Н. три дочери, к которым он был очень привязан, не жалел денег на их воспитание и образование, просил поэта не оставить их без внимания и материальной поддержки после своей смерти, что и было неизменно выполнено (19). По отношению к крепостным крестьянам был в меру гуманен и в меру жёсток. Староста Э.М. Торчин об отце поэта высказался так: «Барина Алексея Сергеевича больно-то худо не помянешь, да и хорошим-то нечем...»

(5: 16). Некоторые из крестьян вспоминали, что Н. заботился об улучшении их благосостояния (5: 15; 9: 21), помогал в случае падежа лошади обзавестись новой (6). В то же время, будучи вспыльчивым и неуравновешенным человеком, по отношению к крестьянам допускал жестокие и необдуманные поступки. Иногда это касалось и родных. По мнению поэта, отмена крепостного права ускорила кончину отца, который по своим взглядам являлся убежденным крепостником (1:13, 2, 55). Похоронен Н. был в семейной усыпальнице на приходском кладбище церкви с. Абакумцева Ярославского уезда и губ. Характер и черты отца поэт запечатлел в ряде героев-помещиков своих произведений: охотника (стихотворение «Псовая охота»), Оболта-Оболдуева и князя Утятин (поэма «Кому на Руси жить хорошо»), Ласукова (роман «Три страны света»), Алексея Кирсанова (роман «Мертвое озеро») и др.

1. ПСС, по указ.; 2. *Летопись*, I, II, III, по указ.; 3. *Некр. в восп.*, по указ.; 4. Архив села Карабихи. М., 1916.; 5. *Смирнов Ф.В.* Перед некрасовскими днями. Ярославль, 1902; 6. *Чистяков В. Ф.* Старожилы Некрасовщины о Некрасовых // Ярославский край. Ярославль, 1930. Сб. 2. С. 199; 7. *Евгеньев-Максимов В.Е.* Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. М.;Л., 1947. Т. 1. С. 26 – 64; 8. *Бухштаб Б. Я.* К биографии Н.А. Некрасова // *Некр. сб.* М.-Л., 1951. Т. 1. С. 193–197; 9. *Некрасов Н.К.* По следам некрасовских героев. М., 1970; 10. *Некрасов Н. К.* По их следам, по их дорогам: Н.А. Некрасов и его герои. М., 1979. С. 18 – 29; 11. *Ломан О. В.* Народные рассказы о Н.А. Некрасове // О Некрасове. Статьи и материалы. Ярославль, 1971. Вып. 3. С. 266 – 291; 12. *Якушкин Н.И.* Тропа к Некрасову. М., 1987. С. 187—189; 13. Неизданные письма к Некрасову. Публикация О.Б. Алексеевой и Р.Б. Заборовой // *Некр. сб.* Л. 1988. Т. 10. С. 163 – 172; 14. *Тарасов А.Ф.* Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1989. С. 203 - 223; 15. Неизданные письма А.С. Некрасова. (Публикация О.Б. Алексеевой) // Карабиха: Ист.-лит. сб. Ярославль, 1991. С. 123 –

148; 16. *Скатов Н.Н.* Некрасов. М., 1994.; 17. *Пайков Н.Н.* Корни и ветви // Некрасов Н.А. «Да, только здесь могу я быть поэтом!..»: Избранное. Ярославль, 1996. С. 559 – 578; 18. *Яковлев В.И.* Гнездо отцов. Ярославль, 1996; 19. *Иванова Е.А. (Фохт-Рюмлинг).* Воспоминания сестры поэта (Публикация О. А. Замореновой) // Карабиха: Ист.-лит. сб. Ярославль, 1997. С. 208 – 221; 20. *Мельгунов Б.В.* «Всеу начало здесь...». Ярославль, 1997; 21. *Смирнов С. В.* Автобиографии Некрасова. Новгород, 1998; 22. *Красильников Г. В.* Воспоминания грешневских крестьян господ Некрасовых о браках: правда и вымысел // Карабиха: Ист.-лит. сб. Ярославль, 2009. Вып. 6. С. 250 – 263.

Г. К.

НЕКРАСОВ Константин Алексеевич (21.05.1824, с. Сеньки Балтского повета Подольской губ. — 03.10.1884, усадьба Карабиха Ярославского уезда и губ.), средний брат поэта. Детские годы прошли в сельце Грешневе Ярославского уезда и губ. В 1835—1842 гг. учился в Московском кадетском корпусе. Экзамен на получение офицерского чина в Петербурге не выдержал. 30 авг. 1842 г. был произведен в артиллерию «юнкером с выслугою в этом звании до производства в офицеры шести лет». С 1 янв. 1843 г. был зачислен в Куринский егерский полк Отдельного Кавказского корпуса (7: 154). В 1843—1846 и 1850 гг. участвовал в походах против горцев. В 1847—1848 гг. находился под арестом вследствие рапорта ротного командира капитана Жабокрицкого. По «делу» был оправдан. В 1851 г. получил отставку по причине уклонения от службы и проживал в южных областях России. Летом 1855 г. вернулся в Ярославль. Здесь 26 августа 1857 г. вопреки воле отца женился на мещанке Ольге Федотовне Яхонтовой. В 1857—1859 гг. опубликовал в «Ярославских губернских ведомостях» четыре стихотворения. С 3 дек. 1857 г. по 14 дек. 1861 г. служил писцом в Ярославском дворянском депутатском собрании. 11 авг. 1859 г. был произведен в коллежские регистраторы, 18 апр. 1860 г. — в губернские секретари. С 7 авг. 1868 г. по 2 сент. 1869 г. числился

в штате Киевского акцизного управления, которым руководил приятель поэта *А. Д. Дмитриев*. Но к службе так и не приступил, находясь в долгосрочном отпуске. Поэт неоднократно помогал брату материально; на его средства Н. ездил для лечения в Бад-Соден (1864), в Липецк (1870-е гг.). Н. по просьбе поэта управлял его имением в Чудовской Луке Новгородской губ., хлопотал по разделу имений в Херсонской губ. после умершей тетки А. А. Бирар. В последние месяцы жизни поэт диктовал К. материалы для своей автобиографии. По завещанию поэта он получил в собственность все его ружья (1). Кроме того, жена поэта Ф. А. Викторова (*З. Н. Некрасова*) должна была выделить К. «по собственному ее усмотрению» половину земли, половину лошадей и экипажей новгородской усадьбы. Свои права на Чудовскую Луку Н. продал сестре Анне. Последние годы жизни провел в усадьбе Карабиха, где для него братьями был построен дом, позднее получивший название «зеленого». Из переписки Некрасова с братом Константином известны три письма поэта к нему (3: 17-18, 21, 29) и 6 писем от него (3: 58-67).

1. ПСС, XIII₂, 334; 2. *Летопись*, I, II, III, по указ.; 3. Архив села Карабихи. М., 1916.; 4. *Некрасов Н.К. По их следам, по их дорогам*: Н.А. Некрасов и его герои. М., 1979. С. 87-91; 5. *Якушкин Н.И. Тропа к Некрасову*. М., 1987. С. 189-190; 6. *Тарасов А.Ф. Некрасов в Карабихе*. Ярославль, 1989; 7. *Мельгунов Б.В. «Всему начало здесь...»*. Ярославль, 1997. С. 150-177.

Г. К.

НЕКРАСОВА (урожд. Закревская) Елена (Юльенна, Александра) Андреевна (1801 или 1796, Варшава — 29.07.1841, с. Абакумцево Ярославской губ.) — мать Некрасова, адресат и героиня его стихов. (Подробнее о вариантах имени Н. см.: 1: XIII₂, 464). Дата рождения нуждается в уточнении. Согласно метрическим книгам Воскресенской церкви, в 1817 г., когда Н. венчалась, ей было не более 15 лет (1: XIII₂, 446), т. е., она родилась в 1801 (1: IV,

610). Согласно свидетельству о смерти, Н. скончалась в 1841 г. в возрасте 45 лет (9; 2: 92), т. е., ее год рождения 1796.

Старшая дочь арендатора земель Херсонской губ., чиновника 9 класса Андрея Семеновича Закревского (1876 или 1877 — не позднее 1847). Он, так же как и мать Н., К. И. Закревская, урожд. Супрун-Поповская (? — между 1813 и 1815), был «малоросс» по происхождению, православного вероисповедания. Титулярный советник Закревский служил секретарем Брацлавского городского магистрата и жил в Варшаве (1: IV, 619), затем в Винницком повете земским исправником; в служебной характеристике указывается, что он «по необразованному воспитанию не имеет способности занимать место, мало уважается сотоварищами своими, а и того менее дворянством» (РГИА, ф. 1284, оп. 2, кн. 16, 1815 г., ед. хр. 461, л. 96). С 1813 по 1815 гг. не получал жалованья и сильно нуждался (1: XIII₂, 445). Н. выросла в Варшаве. Это обстоятельство породило легенду, которая, вероятно, бытовала в семье Некрасовых (1: XIII₂, 453) и которую разделял, а может быть, и инициировал сам Некрасов (4: 471), что Н. по происхождению была полькой и католичкой (1: IV, 619). Версия происхождения Н., согласно которой родители его матери были украинского происхождения, считается более авторитетной, а мемуарные свидетельства, содержащие подробности о польских корнях, — мало достоверными (1: IV, 619; 7: 223—226). По свидетельству современника, своим дочерям (их было пять) Закревский дал хорошее воспитание (в современном литературоведении это свидетельство названо «малодостоверным» — см.: 1: XIII₂, 445). Н. воспитывалась в родительском доме, а затем в женском пансионе в г. Виннице, отличалась красотой и образованностью. Рано потеряла мать (между 1813 и 1815 гг.) (1: XIII₂, 445) (что противоречит преданию, изложенному в «Отрывках из поэмы “Мать”» (1877), — 1: I, 254—255). 11 ноября 1817 г. в Успенской церкви местечка Юзвин Подольской губернии обвенчалась с *А. С. Некрасовым* (1: XIII₂, 445). В позднейшем изложении Некрасова бракосочетание его матери совершилось против воли ее родителей

(см выше); преувеличена разница в возрасте и культурном уровне (*I*: XIII₂, 445—46), акцентированы тяготы ее семейной жизни. Несмотря на поэтическое преувеличение, жизнь Н. в замужестве, в родовой усадьбе Некрасовых в с. Грешнево Ярославской губ., действительно была тяжелой. Н. родила одиннадцать детей (ср.: *3*: 189), последние пятеро из которых умерли во младенчестве (Сергей — 25.06.1828—22.09.1828, Виктор — май или июнь 1833—21.07.1833, Алексей — сентябрь 1834—20.11.1834, Евгений — ноябрь 1835—08.01.1836, Ольга — 26.05.1838—?). Некрасов был третьим ребенком Н. (старшие — Андрей (*Некрасов А. А.*), Елизавета (*Звягина Е. А.*), младшие — Анна (*Буткевич А. А.*), Константин (*Некрасов К. А.*), Федор (*Некрасов Ф. А.*)). 29 июля 1841 г. Н. внезапно скончалась от чахотки. Похоронена в Абакумцеве возле церкви Петра и Павла. В стихотворении «Рыцарь на час» упоминается ее надгробный памятник: «И на белой церковной стене / Отражается крест одинокий» (*I*: I, 136).

Письма Н. к Некрасову и Некрасова к ней не сохранились, как и ее изображение.

По воспоминаниям современников и самого Некрасова, Н. была хрупкой и болезненной, имела кроткий, добрый характер, в то время как ее муж был вспыльчив, груб с ней, груб и строг с детьми, проводил досуг преимущественно на охоте, любил собирать у себя приятелей и открыто сожительствовал с другими женщинами (*I*: IV, 509, 619; *8*: 22—26). Эти черты семейной жизни запечатлены в стихотворении «Родина» (1846) (*I*: I, 45—46). Некоторые черты Н. присущи Музе Некрасова («Печальной спутницы печальных бедняков <...> Той Музы плачущей, скорбящей и болящей», «...вечно плачущей и непонятой девы», которая «Почувствовать свои страдания научила / И свету возвестить о них благословила...» — *I*: I, 99—100). Сходный образ Музы, отождествляемый с «голосом матери родной», появляется в стихотворении «Баюшки-баю» (1877) (*I*: III, 203—204). По-видимому, образ матери занимал Некрасова во время создания поэмы «Русские женщины» (1871—

1872); этому образу близок образ А. Г. Муравьевой, которая должна была стать главной героиней ненаписанной третьей части поэмы (I: IV, 578). Портрет матери — ее внешний, психологический и нравственный облик — представлены в стихотворениях «Родина» и «Рыцарь на час» (1862) (I: II, 134—139).

Наиболее крупным замыслом, обращенным к образу Н., является незавершенная поэма «Мать», дошедшая до нас лишь в отрывках (I: IV, 251—259, 507—517). Ее замысел и первоначальные отрывки относятся, по всей видимости, к середине 1850-х гг., публикация отдельных фрагментов («Начало поэмы» и «Та бледная рука, ласкавшая меня...») — к 1860-м, а в начале 1877 г. создана сокращенная версия («Затворница. (Сон)»), по завершении которой Некрасов продолжил работу над поэмой. В дневниковой записи поэта от 14 июня 1877 г. указано: «Вообще из страха и нерешительности и за потерю памяти я перед операцией испортил в поэме “Мать” много мест, заменил точками иные строки» (I: XIII₂, 64). Поэма под заголовком: «Из поэмы: Мать. Отрывки» одновременно пошла в печать в составе сборника «Последние песни» (выход в свет 2 апреля 1877 г.) и в мартовском номере «Отечественных записок» (24 апреля 1877 г.) (I: IV, 617—618). В сборнике стихотворение «Баюшки-баю» было помещено следом за отрывками из поэмы, с указаниями дат («9-го февраля 1877.» — отрывки из поэмы, «1877 г. марта 3-го» — «Баюшки-баю»). Заключая сборник, оно воспринимается и как своего рода эпилог к поэме.

Любовь Некрасова к матери, как и ее любовь к сыну, имела драматический оттенок; вместе с тем следует отметить, что устные автобиографические рассказы поэта о Н., возможно, выстроены в духе его будущих поэтических произведений. Так, *Ф. М. Достоевский* приводит давние высказывания Некрасова о том, как мать и сын рыдали «вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали» (5: 111), в подтверждение характеристики, данной поэту: «раненое сердце». В первоначальных набросках к поэме «Мать»

Некрасов пишет: «Но ты напрасно грустными глазами / В мои смотрела детские глаза. / Нет!.. не было сочувствия меж нами, / Моей руки не жгла твоя слеза» (I: IV, 507); «Что ни единой слезки я не пролил / С тобою вместе...» (I: IV, 509); «Ты мирно спишь под мраморной плитой / Уж много лет... О мать моя родная! / Но в первый раз я плачу над тобой. / (Я молод был, я жил не размышляя.)» (I: IV, 511). Уместно предположение, что, описывая свое детское неумение сочувствовать матери, Некрасов и здесь допускает художественное преувеличение. *А. И. Шуберт* в своих воспоминаниях упоминает о том, как в начале 1840-х гг. Некрасов обертывал шею «красным вязаным шарфом, очень изорванным», который связала ему мать, и очевидно дорожил этой вещью (6: 86—87). Но, хотя влияние Н. на Некрасова сам поэт признавал всю свою жизнь, представляется очевидным, что Н., на чьих руках постоянно были новорожденные и подраставшие дети, не могла уделять будущему поэту много времени и внимания. По видимому, в образе матери у Некрасова воплотились реальные черты Н. и вместе с ней черты сестры Елизаветы (см.: *Звягина Е. А.*). Из писем к Елизавете (от 09.11.1840 — I: XIV₁, 30—31) и Анне (см.: *Буткевич А. А.*) (от октября 1842 — I: XIV₁, 44—45) явствует, что Елизавета для Некрасова — человек, «который один только понимает» его (I: XIV₁, 31); после ее смерти роль женщины — друга и наперсницы отчасти делегирована Анне. Н. в этих письмах не упоминается. Можно предположить, что две женщины, мать и дочь, обе безвременно умершие от чахотки, слились в один образ («Молода умерла ты, прекрасная» — I: II, 138).

1. *ПСС*: I, 45—46, 99—100; II, 134—139; III, 203—204; IV, 251—259, 507—517, 616—620; XIII₂, 444—445, 452—453; XIV₁, 30—31, 44—45; по указ.; 2. *Летопись*, I: по указ.; 3. *ЛН*. Т. 49—50. С. 133—210; 4. *Н. в восп.*; по указ.; 5. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. XXVI. С. 111; 6. *Шуберт А. И.* Моя жизнь. Л., 1929. С. 86—87; 7. *Квятковский Генрих.* Прибавление к воспоминаниям о Некрасове. Публ. Б. В. Мельгунова // *Карабиха*, III.

С. 221—231; 8. *Евгеньев-Максимов Е. Н. А.* Некрасов. М., 1914. 9. *ГАЯО.* Ф. 230. Оп. 2. № 71.

М. С.

НЕКРАСОВА Зинаида Николаевна (урожд. Викторова; наст. имя — Фекла Анисимовна) (1846, вторая половина года (?), Вышний Волочок (?) — 25. 01. 1915, Саратов) — жена Некрасова. Дочь «умершего рядового» (1: XIII₂, 334), или «обер-офицерская дочь» (20, 61), или военного писаря (9), или полкового барабанщика (Чуковский), или прачки (20, 62). Сохранившиеся сведения о Н. скудны и противоречивы. До знакомства с Некрасовым, согласно дневниковой записи *В. М. Лазаревского*, была содержанкой купца Лыткина (5: 371). По свидетельству сводной сестры Некрасова *Е. А. Ивановой*, жила в «веселом доме» «Под ключом» на Офицерской ул. (16. См. также: *Фидлер*: 197). По рассказам крестьян, Н. жила в деревне и познакомилась с Некрасовым в доме своего отца или на улице, когда несла с речки корзину с бельем (20, 62). Версия, согласно которой Н. была проституткой, возможно, исходила от родных (в первую очередь от *А. А. Буткевич*), настроенных против союза Некрасова с Н. (*Чуковский*), бытовала в слухах (*Фидлер*: 47, 197), замалчивалась в известных биографиях Некрасова (*Жданов*, *Скатов*), однако упоминалась в отдельных специальных (*Лебина*, *Шкаровский*) и литературоведческих трудах как бездоказательная и клеветническая (*Ломан*) или как опирающаяся на сведения, сообщенные в личной беседе (*Чуковский*), либо на дневниковую запись *Лазаревского* (*Гин*). Впоследствии эта версия опровергалась в беллетристике (*В. Пикуль*. «Дочь барабанщика»). Более поздняя по времени записи версия о знакомстве на улице (*Ломан*) могла быть продиктована потребностью «очистить» образ этой женщины от того, что традиционно вызывало осуждение. Дневниковая запись *Лазаревского*, фиксирующая полученную информацию и не содержащая личных оценок, представляется наиболее свободной от тенденциозности в освещении фактов, касающихся Н.

В то же время другая его запись о Н. содержит фактическую неточность (неверное отчество) (5: 371).

Знакомство Н. с Некрасовым состоялось в начале мая 1870, в связи с чем поэт в письме сообщает Лазаревскому о своей задержке с выездом на охоту; Лазаревский делает помету на этом письме: «Зина» (*Ломан*: 63) и запись в дневнике: «7 мая 1870 г. Ездил в Чудово на охоту с Некрасовым. Он брал с собою новую девичку Зинаиду Николаевну. Так себе блондиночка. Была на содержании у Лыткина, какого-то купца. / Там только пьют да рыгают, говорит, оттого и ушла» (5: 371).

В письме к *Ф. А. Некрасову* от 21 мая 1870 Некрасов сообщает, что приедет в Карабиху «не один» (1: XV₁, 134). По приезде в Петербург Некрасов снимает для Н. квартиру в Поварском переулке (9: 293—294). Вскоре Н. переселяется в квартиру на Литейном пр., но около полутора-двух лет ее проживание в квартире остается неизвестным для людей, посещающих Некрасова (8: 2, 132—133).

Ближние знакомые Некрасова вспоминают, что Н. охотно играла на бильярде, удила рыбу и ездила с поэтом на охоту. Для развития ее музыкальности в Карабихе был взят напрокат рояль, а в Петербурге Н. начала брать уроки русского и французского языков (до знакомства с Некрасовым она была практически неграмотна). По словам *Н. П. Некрасовой*, летом 1873 Некрасов после заграничного путешествия «очень комично жаловался на то, что Зинаиде Николаевне не даются иностранные языки и что даром были потрачены деньги на учителей» (4: 401). Н. стеснялась своей необразованности (1: XV₂, 23, 80) и в конце жизни сожалела о ней: «...Молода, неразвита была в то время, многого не понимала, особенно того, что касалось литературной деятельности мужа. <...> глубоко жалею, что не развивал меня Николай Алексеевич. Единственный упрек, который могу к нему предъявить» (21: 180). Другое ее воспоминание, однако, свидетельствует об успехах в образовании: «Мне случалось <...> помогать мужу в чтении корректур; приходилось сле-

дить по оригиналу, когда он правил оттиски; иногда я сама сверяла оттиски с оригиналами, когда муж бывал чем-либо занят» (20: 67).

В мае 1872 *К. Бергамаско* сделал фотографические портреты Н. и Некрасова (2: III, по указ.).

Знакомые Некрасова оставили теплые воспоминания о Н. (20: 67—68), отмечая ее веселый, легкий характер, красоту и обаяние: «Я помню отлично Зинаиду Николаевну, эту голубоглазую блондинку с очаровательным цветом лица, красиво очерченным ртом и жемчужными зубами. Она была стройно сложена, ловка, находчива» (4: 404); «Эта Зинаида очень милая и симпатичная блондинка, радушная, приветливая, без всяких ужимок» (7: II, 462). Напротив, в оценках сестры поэта *Е. А. Ивановой-Некрасовой* Н. имеет противоположные качества: «Зинаида Николаевна наружностью своей не была привлекательна, светлая блондинка, с маленькими серыми глазами и почти белыми ресницами, лицо очень длинное и выражение крайне холодное, в нем было что-то высматривающее <...> отношение ее к Николаю Алексеевичу было какое-то натянутое, там не было откровенности и правды» (12: 32—33). Иванова отмечает ее неумение одеться, необразованность, непонимание искусства и корыстные цели в отношениях с Некрасовым. Так, она вспоминает эпизод из совместного путешествия за границу в 1873: «брат подарил ей и сестре Анне Алексеевне <...> бархатные, черные платья; она нашла, что лучше бы брат подарил ей деньги» (12: 33).

Отношения Н. и Некрасова также рассматривались окружающими неоднозначно. Сохранилось большое количество записанных рассказов жителей окрестностей Чудова и Карабихи, видевших Н. и Некрасова. В их воспоминаниях отмечается, что оба были веселы и довольны друг другом (*Ломан*: 67—68), что совпадает с рассказом самой Н.: «Николай Алексеевич любил меня очень, баловал; как куколку держал. Платья, театры, совместная охота, всяческие удовольствия — вот в чем жизнь моя состояла» (21: 180). Иванова утверждает, что «женитьба» Некрасова, как и связь с *П. Н. Мейшен*,

«счастья ему не дали» (13: 217). Близкие знакомые Некрасова воспринимали поэта как холостяка (Боборыкин: 2, 131—133), а связь с Н. как непрочную («Надоест Зинаида — бросит и возьмет другую, а жаль, если бросит» (*Переписка Тургенева*, II, 462)). Приведенное Ивановой пожелание Н. получить подарок «деньгами» дает основание предполагать, что в 1873 Н. не уверена в долгосрочности связи с Некрасовым и озабочена своим будущим материальным положением. В его записи от 31 декабря 1876 приведены слова Некрасова о своем холостом положении: «В декабре 1876 г., когда Некрасов был опасно болен <...>, он говорил М. Е. Салтыкову: / — Вот вы, Михаил Евграфович, хорошо свои дела устроили: если и умрете, так редакция Отечественных Записок будет выплачивать пенсион вашему семейству, — а я и не додумался до этого» (6: л. 83).

В письмах Некрасова к родным регулярно упоминается, что Н. шлет поклон, спрашивает о близких поэта, участвует в выборе подарков для них, ожидает встречи (1: XV₂, 18, 23, 80, 99, 106, 117, 133, 139, 141, 143, 144, 153) (поклоны от Н. передаются и знакомым (1: XV₂, 28, 74)). Однако, по видимому, родные поэта поддерживали отношения с Н. только в силу его авторитета в семье. В письме к *А. А. Буткевич* от 30.10.1874 Некрасов с сожалением писал о том, что сестра смотрит на Н. «неправильно» и настаивает на соблюдении внешних приличий по отношению к Н. (1: XV₂, 96).

02.05.1875 на охоте в Чудово Н. случайным выстрелом убивает любимую собаку Н. — черного пойнтера Кадо. По воспоминаниям Ивановой, «горю Н. А. не было пределов, он три дня не выходил из своей комнаты, почти ничего не ел; судьба г-жи Викторовой была решена, она должна была удалиться; но всеми правдами и неправдами она умолила его и осталась» (12: 33). По воспоминанию *И. В. Миронова*, Н. перестала охотиться после этого случая (4: 422), но, по словам *С. П. Петрова*, выезжала с ним на охоту (4: 418). Согласно рассказу Н. в записи *В. Е. Евгеньева-Максимова*, Некрасов не желал удалить от себя Н.: «Что ты, <...> о чем убиваешься? Эту собаку ты

нечаянно убила, а каждый день где-нибудь на свете людей нарочно убивают. Нисколько я на тебя не сержусь. Но дай свободу тоске моей, я сегодня лучшего друга потерял» (*Евгеньев-Максимов*).

Во время последней болезни Некрасова Н., по его желанию, постоянно находилась при нем, несмотря на дежуривших медиков (4: 454). Вследствие круглосуточных дежурств Н. находилась в болезненном утомлении и под наблюдением *Н. А. Белоголового* и *Н. В. Склифосовского*: «как в тумане, как в полусне каком-то ходила <...> утомлена свыше сил человеческих была» (21: 180).

На момент составления завещания (13.01.1877) Н. имела статус «домоправительницы» (1: XIII₂, 334). По завещанию Некрасова Н. причиталось «в полную собственность все находящееся в его квартире в С.-Петербурге движимое имущество, за исключением лишь ружей, а также благоприобретенное недвижимое имение его, купленное им у гг. Владимировых и состоящее Новгородской губернии и уезде, близ села Чудова, в усадьбе Лука, со всею землею, строением и движимостью», за вычетом половины незастроенной земли, половины лошадей и экипажей в пользу *К. А. Некрасова* (1: XIII₂, 334).

Чувствуя нараставшее неприятие по отношению к Н. со стороны родных, Некрасов стремится укрепить ее статус и имущественное положение. Книга ««Последние песни». Стихотворения Н. Некрасова» (вышла в свет 02.04.1877) имеет надпись на обороте титульного листа: «Собственность издательницы Ф. Викторовой» (ЛН: 53—54, 168). Одновременно Некрасов обсуждает с камердинером *Н. А. Бутылиным* свое намерение обвенчаться с Н.: «С женой своей жил Некрасов нерасписанный, а незадолго до смерти вызвал Никандра и говорит: “Никандра, как думаешь, я хочу с Зиной своей повенчаться”. “И хорошо, — отвечает, — даже очень хорошо, а то она по простоте своей ничего не получит”» (20 72. Ср.: 4: 413; 13: 218). Срочность венчания была вызвана безнадежным состоянием больного, для продления дней которого требовалась незамедлительная операция. По состоянию здоровья Некра-

сов мог венчаться только на дому, что противоречило церковным правилам. В организации венчания принял участие *А. М. Унковский*, который, по видимому, и пригласил священника *М. В. Кутневича*, совершившего обряд 04.04.1877. Поручителями при совершении брака были *А. Н. Ераков*, *М. Е. Салтыков*, *Е. А. Романовский*. Сохранилось описание этого обряда, сделанное *П. А. Ефремовым* (19: 5; 20: 72—74). *А. А. Буткевич* в письме к *Ф. А. Некрасову* от 11.05.1877 сообщила о женитьбе брата и о своем впечатлении: «Это было для меня тяжелым сюрпризом» (18: 281).

Несмотря на тяжелое состояние, *Н.*, как отмечают современники, шла пешком за гробом мужа от дома до Новодевичьего кладбища (20: 75). Там сразу после погребения она приобрела место возле могилы Некрасова (20: 75). В просьбе *А. А. Буткевич* продать ей место *Н.* отказала (20: 66).

Некрасов подарил *Н.* свою книгу «Стихотворения» 1873—1874 гг. издания 1874 г. с дарственной надписью надпись на авантитуле т. 1, ч. 1 и 2: «Милому и единственному другу моему Зине *Н. Некрасов*. 12 февраля 1874.» (ПСС, XIII₂, 90). Ей посвящены поэма «Дедушка» («посвящается З-н-ч-е») (I: IV, 110), адресованы стихотворения: «З<ин>е» (Ты еще на жизнь имеешь право...») (I: III, 175), «З<ин>е» («Двести уж дней...») (I: III, 179), «З<ин>е» («Пододвинь перо, бумагу, книги!») (I: III, 201) в книге «Последние песни». Ей принадлежала копия портрета Некрасова работы *И. Н. Крамского* (1877) (ныне находится в Мемориальном музее-квартире Некрасова и *И. И. Панаева* в СПб.).

В первом посмертном издании произведений Некрасова по инициативе *А. А. Буткевич* посвящение *Н.* поэмы «Дедушка» было снято (ЛН, т. 53—54, 172), а посвященные ей стихи оставлены без примечаний (20: 77). Правом переиздания «Последних песен» *Н.* не воспользовалась.

31 декабря 1877 *Н.* пишет дарственную запись на землю в Чудовской Луке на имя *К. А. Некрасова*, «за исключением лишь прежней усадьбы, занятой строениями... и садом» (20: 75—76). Как пишет *А. Ф. Кони*, усадьбу с

землей в Чудове выкупила А. А. Буткевич (10: 209). Часть личных вещей Некрасова была продана с аукциона. 23 февраля 1878 Н. заверяет у нотариуса *М. И. Успенского* заявление Н. об отказе от своих прав на часть наследства А. А. Бирар, оставленного Некрасову, Ф. А. Некрасову и К. А. Некрасову (20: 76).

Первое время после кончины Некрасова Н. проживала в Петербурге; сохранилось несколько ее петербургских адресов: (20: 77). Родные поэта прекратили с ней отношения: когда Н. приехала в Карабиху, Ф. А. Некрасов не впустил ее на территорию имения (20: 77). Есть сведения только об одном визите к Н. *А. Ф. Некрасова* (сыне Ф. А. Некрасова) (20: 77). В Петербурге, в Колпине, Н., по приглашению племянницы сблизилась с сектой баптистов, внесла значительные пожертвования из личных средств и выехала на юг России (Проханов И. В. «В котле России»). Н. жила в Киеве, Одессе, Старой Руссе, Севастополе (20: 78). Сохранилось воспоминание, как она остановила еврейский погром, сказав, что она — вдова Некрасова (20: 77—78). Из Крыма в 1893 г. Н. переехала в Саратов, где первое время служила в колбасном магазине Кириллова на Немецкой улице. Разойдясь с баптистами, обучала грамоте детей. Последние годы провела в бедности. Пыталась получить государственную пенсию, но неудачно. Стараниями журналиста Н. М. Архангельского нашла материальную помощь от читателей прессы, но отказалась от нее; благодаря телеграмме Архангельского получила пенсию от Литературного фонда — 50 руб. в месяц (20: 79—80). Архангельский писал о Н.: «Она как-то сразу располагала к себе — прямою, искренностью, необычайной деликатностью и щепетильностью в денежных делах, а также ясным, здравым умом» (20: 80). Н. не поддерживала отношений с литературными кругами (так, даже не была знакома с жившей в Саратове *О. С. Чернышевской*, хотя та слышала добрые отзывы о Н. от знакомых (21: 183)). 28 и 29 июня 1914 г. встречалась с В. Е. Евгеньевым-Максимовым (у себя на квартире на Провиантской ул., д. 8) (21: 178—182).

Умерла от миокардита 25 января 1915 в Саратове. Объявление о смерти и похоронах вдовы Некрасова с указанием адреса (Малая Царицынская № 70, кв. Озолиной) было опубликовано в «Саратовском вестнике» (20: 82). Похоронена 27 января на Воскресенском кладбище. Могила сохранилась.

1. ПСС, XIII₂, 339, 674; XV₁, 133, 287; 2. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 томах. Т. III: по указ.; 3. К истории посмертного издания собрания сочинений Некрасова // Письма А. А. Буткевич к С. И. Пономареву / Публикация М. Панченко. ЛН, т. 53—54. С. 163—191; 4. Некрасов в воспоминаниях современников. По указ.; 5. *Теплинский М. В.* Архивные россыпи // Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 371; 6. *Лазаревский В. М.* Дневниковые записи В. М. Лазаревского. Автограф и копия рукой С. В. Лазаревского — сына. Ф. 277. Оп. 2. Д. 9. (Сообщено Ю. И. Красносельской); 7. Переписка И. С. Тургенева. Т. 2: по указ.; 8. *Боборыкин П. Д.* Воспоминания. Т. 2: по указ.; 9. *Жуковская Е. И.* Записки. Воспоминания. М., 2001; 10 *Кони А. Ф.* Воспоминания о писателях. М., 1989; 11. *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008: по указ.; 12. *Рюмлинг-Некрасова Е. А.* Три последних увлечения Н. А. Некрасова // Сполохи: Литературно-художественный и общественный ежемесячный журнал. Берлин, 1921. № 2. С. 31—33; 13. *Иванова (Фохт-Рюмлинг) Е. А.* Воспоминания сестры поэта / Публикация О. А. Замареновой) // *Карабиха*. Вып. 3. Ярославль, 1997. С. 208—221; 14. *Некрасова-Рюмлинг Е. А.* Н. А. Некрасов в домашнем быту // Вестник литературы. 1920. № 2 (14). С. 4—6; 15. *Некрасова-Рюмлинг Е. А.* Три последние привязанности в жизни Н. А. Некрасова. Рукопись. Б/д, без подписи // ФГУК «Всероссийский музей А.С. Пушкина»: Музей-квартира Н.А. Некрасова. Архив В. Е. Евгеньева-Максимова. Папка № 2. Ед. хр. 31. Лл. 9—23; 16. *Чуковский К. И.* Дневник: по указ.; 17. *Чуковский К. И.* Подруги поэта // Минувшие дни. 1829. № 2. С. 10—29; 18. Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. Примечания составил Н. Ашукин. М.

1916; 19. *Ловягин А. М.* Из бесед с П. А. Ефремовым / Рус. библиологич. об-во. Доклады и отчеты. СПб., 1908. Вып. I. С. 5; 20. *Ломан О. В.* Зинаида Николаевна Некрасова — жена и друг поэта // Некрасовский сборник. Л., 1978. Вып. VI. С. 60—84; 21. *Евгеньев-Максимов В. Е.* // Некрасовский сборник. Л., 1983. Вып. VIII. С. 177—207; 22. *Мишин Г.* «Милый и единственный друг...» // Годы и люди: [Сборник]. Саратов, 1989. С. 126—142; 23. *Жданов В. В.* Жизнь Некрасова. М., 1981; 24. *Скатов Н. Н.* Некрасов // Скатов Н. Н. Сочинения: В 4-х т. СПб., 2001. Т. 3; 25. *Гин М. М.* Достоевский и Некрасов. Два мировосприятия. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 86; 26. *Лебина Н. Б., Шкаровский М. В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994; 27. *Проханов И. С.* В котле России. <http://www.blagovestnik.org/books/00305.htm>

М. С.

НЕКРАСОВА *Елизавета Алексеевна* — см. Звягина Е. А.

ЗВЯГИНА (урожд. Некрасова) *Елизавета Алексеевна* (1821 — 25.06.1842, Ярославль), старшая сестра поэта. Родилась на Украине. Детские годы прошли в сельце Грешневе Ярославского уезда и губ. 27 июля 1841 г. вышла замуж за подполковника в отставке С. Г. Звягина (2: 91—92). Свидетелем со стороны невесты в метриках Воскресенской церкви г. Ярославля был записан поэт. Но присутствовал ли он на самом деле на свадьбе, выяснить не удалось. 26 апр. 1842 г. родила дочь Елену (2: 110). Крестили девочку 5 мая этого же года в Воскресенской церкви г. Ярославля. Восприемниками ее в метриках были записаны: ярославский военный губернатор генерал-лейтенант Константин Маркович Полторацкий и жена генерал-майора Федора Ивановича Сойманова Анна Александровна. Через два месяца после рождения дочери Е. скончалась «от чахотки» (2: 113). Известие о ее смерти «чуть

не убило» поэта (1: 44). «Жалею только об одном, — писал он сестре Анне 9 окт. 1842 г., — жалею и буду жалеть вечно, — зачем вы не известили меня о болезни сестры? Проститься мне с нею было бы мучительно, но все же легче, чем привыкнуть к мысли, что я никогда уже не увижу ее!..» (1: 44—45). Дочь Елена скончалась 13 янв. 1843 г. «от золотухи, павшей на мозг в спинных позвонках» (2: 123). После ее смерти муж Е. женился повторно (2: 131). Сын его опубликовал единственное сохранившееся письмо поэта к сестре Елизавете (3), содержание которого свидетельствует о теплых взаимоотношениях брата и сестры. Образ Е. поэт запечатлел в поэме «Мать».

1. ПСС, XIV₁, 44-47; 2. *Летопись*, I, по указ.; 3. Николай Алексеевич Некрасов. Письмо его к сестре // *Русская старина*. 1889. № 2. С. 349—351; 4. *Якушкин Н. И.* Тропа к Некрасову. М., 1987. С. 193—194; 5. *Красильников Г. В.* «Сестра души моей» // *Северный край*. 1996. 6 дек.

Г. К.

ОГАРЕВ Николай Платонович (24.11.1813, Петербург – 31.05 (12.06 н.ст.) 1877, Гринвич) – поэт, публицист, издатель, деятель революционно-освободительного движения, философ. Происходил из богатого и знатного дворянского рода.

В 1826 либо 1827 г. О. и А. И. Герцен дают свою знаменитую клятву на Воробьевых горах. 10 июля 1834 г. О. был арестован за распевание «пасквильных стихов» на студенческой вечеринке (в которой О. не участвовал), приговорен к ссылке и в середине апреля 1835 г. доставлен в Пензу под надзор местных властей и наблюдение отца. В апреле 1836 г. О. женился на Марье Львовне Рославлевой (см. **Огарева М. Л.**). В мае 1839 О. был разрешен переезд в Москву, где он и прожил 2 последующих года. С 1840 г. стихотворения О. часто появляются в «Отеч. записках» (дебютировал в № 5 сти-

хотворениями «Старый дом» и «Кремль», в № 9 – стих. «Деревенский сторож»). Имя О. приобретает известность в литературных кругах.

В период с мая 1841 г. до марта 1846 г. О. преимущественно путешествует по Европе (возвращается в Россию на короткое время в начале 1842 г.). В это время разлад в семейной жизни О. становится очевидным; окончательно супруги расстаются в декабре 1844 г. Весной 1846 г. О. вернулся в Москву; лето 1846 г. он провел на даче Герцена в Соколове, где произошли теоретические расхождения между О. и Герценом, с одной стороны, и Грановским, с другой, - расхождения, завершившиеся распадом московского кружка.

В 1856 г. вместе со второй женой Н. А. Тучковой О. уезжает к Герцену в Лондон. Год перед отъездом за границу – время литературного триумфа О. Особенный успех имела поэма О. «Зимний путь» (1854-55; опубл.: РВ, 1856, № 3). До отъезда, в конце 1855 г., О. живет в Петербурге; в это же время была подготовлена первая книга стихов О. – «Стихотворения», вышедшая уже после отъезда О. за границу (М., 1856).

В Лондоне в 1857 г. по инициативе О. было начато издание «Колокола» (первый номер – 22 июня 1857 г.)—первой русской бесцензурной газеты; другие издания при участии О. – альманах «Полярная звезда», «Общее вече». В эти годы О. также много занимается поэтической и литературно-критической деятельностью. В 1857-1858 гг. в Лондоне в издательстве Трюбнера выходят две части его поэмы «Юмор» и сборник «Стихотворения» (2-е изд.). В 1860-1861 гг. в издательстве Вольной типографии вышли «Думы. Стихотворения К. Рылеева» и сборник «Русская потаенная литература XIX столетия» (Ч. 1), оба сборника с предисловиями О. Итоги своей публицистической деятельности О. и Герцен подвели в двух сборниках статей «За пять лет. (1855-1860)» (Лондон), вышедших в 1860-61 гг.

Отрицательно оценив «Положение» 19 февраля 1861, О. пишет статьи-прокламации; одна из них, «Что нужно народу?» («Колокол», 1861, 1 июля) стала одним из программных документов партии «Земля и воля».

В 1869-1870 гг. О. сблизился с М. А. Бакуниним и С. Г. Нечаевым. Несмотря на недоверие Герцена к Нечаеву, О. поддерживал нечаевские издания вплоть до июля 1870.

В 1875 О. подружился с П. Л. Лавровым, участвовал в издании Лаврова «Вперед!» Умер 12.06 (31.05 по ст. ст.) 1877 г.

По всей видимости еще до знакомства О. с Н. в печати появляется первый отзыв Н. на творчество О. - «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году», статья первая (ЛГ, 1844, 1 янв., №1, с. 10-16, без подписи; приписывалась Белинскому). В статье Н. указывает на О. и Фета как 2 поэтов «неизвестных» или почти неизвестных, «которые стоят гораздо большего внимания публики, чем многие так называемые «известные»», и замечает, что «довольно прочесть три стихотворения: «Обыкновенная повесть», «К подъезду», «Когда встречаются со мной...», чтоб убедиться в глубине и разнообразии дарования г. Огарева» (I: XI₁, 148).

Видимо, также еще до личного знакомства О. и Н. предполагалось участие О. в «Петербургском сборнике» (СПб., 1846); об этом мы узнаем из письма Н. к А. В. Никитенко от 7 июня 1845 г., где в списке участников Н. перечисляет «Агарева»—это, несомненно, Огарев (I: XIV₁, 51). Испытывая недостаток в стихотворениях для сборника, 2 декабря 1845 г. Н. пишет в Москву Н. Х. Кетчеру с просьбой срочно прислать «стихотворения Агарева, какие у тебя есть, - я напечатаю лучшие, посоветовавшись с Белинским» (I: XIV₁, 56). Однако произведения О. не появились ни в «Петербургском сборнике», ни в альманахе «Первое апреля». О. в это время находился за границей; о его намерениях, желании либо нежелании печататься в альманахах Н. нам неизвестно.

Личное знакомство Н. с О. относится, по всей видимости, к лету 1846 г. или, возможно, маю 1846 г. (указание в Летописи Н. о том, что 10 или 11 июня 1845 г. Н. посетил Герцена на его подмосковной даче в Соколове и участвовал в «попойке» с др. гостями Герцена – Т. Н. Грановским, Д. А. Засядко, О., И. В. Павловым (2: I, 182) не совсем верно, так как О. в тот момент находился за границей).

В «Воспоминаниях» А. Я. Панаевой, которая весной 1846 г. жила с мужем в Москве, чтобы посещать лекции Т. Н. Грановского, упоминаются вечера у Герцена, в которых принимает участие и О. Чуть ниже Панаева пишет о приезде Н. в Москву (в мае 1846 г.) и восторге «московского кружка» от его стихотворений, которые он читал «по просьбе всех присутствующих» (26: 148-149, 150; 2: I, 221). Хотя О. специально не упоминается, можно предположить с большой долей вероятности, что он присутствовал на чтениях Н.

В июле 1846 г., по дороге в Петербург из имения Г. М. Толстого, Н. останавливается у Герцена на даче в Соколове, с целью укрепить контакты с московскими литераторами и заручиться их поддержкой в издании нового журнала (42: 255). Известно письмо П. Щепкина, сына актера, к брату Николаю, очевидно относящееся к лету 1846: «Сейчас только воротился от Герцена из Соколова... при мне приехал туда прямо из Казани Некрасов. Тебе все живущие в Соколове, а именно Герцен с женой, Грановский с женой и Огарев (в особенности), а также гостившие там Корш с женой, Некрасов... кланяются» (42: 254).

О. заявлен как один из участников обновленного «Современника», купленного И. И. Панаевым и Н. (1: XIII₁, 47). Несколько стихотворений О. действительно появляется в «Современнике» в первый год его издания: «Бываю часто я смущен внутри души», (Совр., 1847, №1, отд. I, с. 90); «Отъезд» (Совр., 1847, №2, отд. I, с. 196); «Монологи» (Совр., 1847, №6, отд. I, с. 204, без второго монолога цикла – «Скорей, скорей топи...») и с цензурной купю-

рой двух стихов). Интересно, что О. не одобрял опубликования стих. «Отъезд»; в письме к Т.Н. Грановскому от 25 апреля 1847 г. он называет это стих. «несчастливым отъездом, который Панаеву с Некрасовым чорт знает зачем хотелось напечатать» (6: I, 125). Видимо, О. считал, что это стих. также не нравилось и Белинскому; в марте 1847 г. О. писал Герцену: «В «Современнике», наконец, поместили «Отъезд», чего мне столько не хотелось, и по этому случаю я заслужил олимпийский гнев Виссариона»; в том же письме О. сетовал, что его «Монологов» не печатают (13: II, 403). На самом деле Белинский был против печатания именно цикла «Монологи», осуждая его «гамлетовское направление, давно сделавшееся пошлым», и считая его «бесцветным и вялым в эстетическом отношении» (письмо к В. П. Боткину от 29 января 1847 г., ПСС Белинского: XII, 319). В письме к И. С. Тургеневу от 15 февраля 1847 г. Н. просит у Тургенева стихов для «Современника», так как «без стихов мне куда не хочется выпускать книжек, своих мало, а за Огарева на днях с Белинским мы воевали (впрочем, в дружелюбном тоне), и победа осталась за ним – «Монологи» погибли для света!» (1: XIV₁, 65). Видимо, письмо было написано до решения редакции все-таки опубликовать «Монологи»; пропуск второго из них мог быть уступкой мнению критика. И. И. Панаев, с которым О. был в дружеских отношениях, дипломатично написал О., что один из «Монологов» «не пропущен цензурой», потому и не напечатан (письмо от 6 октября 1847 г.; 10: 17). Вообще, всю переписку по поводу «Современника» О. ведет с Панаевым, с которым он в то время находился в теплых дружеских отношениях. В письме к Т. Н. Грановскому от 17 января 1847 г. О. жалуется именно на Панаева, что тот не высылает ему «Современника», и отмечает, что если Панаев ждет от О. стихов, то не ошибается (6, I, 115-116).

Отношение О. к Некрасову в это время находится под влиянием слухов о нечестном поступке Н. с *В.Г. Белинским* в связи с позицией последнего в новом журнале. 7 января 1847 г. О. пишет Герцену: «А что «Современник»-то? Говорят, Некрасов меркантильничает, и Виссари<ону> по-прежнему пло-

хо. *O maledetti!*» (5: LXI, 753; 2: I, 247). Также, в связи со слухами об ухудшении здоровья критика, в письме к Герцену от 13 марта 1847 г. О. выражает сомнения в способностях редакции «Современника» поддерживать журнал без Белинского (5: LXI₁, 756; 2: I, 266).

В то же время О., видимо, разделял восторженное отношение Белинского и его кружка к «Тройке» Н. 17 января 1847 г. О. пишет Т.Н. Грановскому: ««Тройка» Некрасова – чудесная вещь. Я ее читал раз десять» (6, I, 116; 1: I, 584).

О дружеском отношении Н. к О. в этот период свидетельствует посвящение Н-вым О-ву стих. «В один трактир они оба ходили прилежно» (1: I, 60, см. прим. с. 593). Впервые напечатанное в статье «Еще несколько стихотворений Нового поэта» (Совр., 1847, №4, отд. IV, с. 159), стих. долгое время приписывалось И. И. Панаеву. Позже в бумагах О. был найден автограф Н. с дарственной надписью «Огареву Н. Некрасов» (7: II, 435), что позволило уточнить авторство стихотворения (впервые опублик. как некрасовское в ж. «Русская мысль», 1902, № 12, с. 176). Однако отношения между ними никогда не становятся близкими. Поэты не состояли в переписке, даже по деловым вопросам, касающимся «Современника»; все вопросы решались через общих друзей.

Вообще, вопрос о сотрудничестве О. с «Современником» в конце 1840-х гг. остается неясным. В письме к Герцену от 20 апреля (2 мая) 1847 г. О. сообщает, что «в это время была написана статья для «Современника», которою я весьма доволен» (5: LXI, 758). О той же статье упоминается в письме О. Т.Н. Грановскому от 25 апреля 1847г.: «Послал в «Современник» статью (вероятно, в смесь)—Письмы из провинции (pseudonym). Не совершенно удовлетворен художественной отделкой, но ручаюсь за меткость и достоинство статьи, если ее не испортят» (6: 1, 127). Однако в письме к Грановскому от 10 сентября 1847 г. О. говорит, что его статьям «не суждено увидеть свет. Это мне очень жаль, потому что статью, которую давно уже послал в «Со-

временник», от души люблю сам» (6: 1, 138). 6 октября 1847 г. И. И. Панаев, который вел с О. переписку от редакции, в письме убеждает О. в том, что тот напрасно думает, что его «письма» не будут напечатаны в «Современнике» - якобы они «превосходны», будут «служить украшением» журнала и будут помещены в декабрьском номере. В том же письме Панаев просит присылать и еще стихи (10: 17). В письме к Герцену от 20 октября (2 ноября) О. жалуется, что его «письмо» будет помещено в № 11 «Современника» (видимо, ошибка, т.к. Панаев говорит о декабрьском номере), хотя он отправил его к ним в марте: «Я бы с тех пор десять написал, если б оно в свое время было напечатано, а теперь с трудом надо наладиться опять на тот же весьма полезный тон» (5: LXI, 770). С. А. Переселенков считает, что тут идет речь о «Письме из провинции», напечатанных в «Полярной звезде» за 1857 г. под псевдонимом «Антон Постегайкин» и с датой 15 марта 1849 г., либо ошибочной, либо указывающей на позднейшую переработку писем (6: 1, 129). В «Современнике» эта статья О. так и не появилась по неизвестной причине. Предположение В. А. Благово о том, что Н. «заимствовал» сцену публичной казни из «Письма» для своего стих. «Вчерашний день...» (1848) и потому не опубликовал «Письмо» О. в «Совр.», представляется примером мифотворчества на тему «больной совести» Н. (61: 24-25).

Из письма О. к Герцену от 20 октября (2 ноября) 1847 г. мы узнаем, что О. также готовил в «Современник» «письма в другом роде», посвященные Герцену (5: LXI, 770). Это цикл статей «Письма к деревенскому жителю»; неоконченную рукопись «Письма первого» Я. З. Черняк нашел в архивном фонде III Отделения и впервые опубликовал в ЛН, LXI, с. 530-534. Черняк замечает, что письма навряд ли были посланы О. в редакцию «Современника», и даже навряд ли были им закончены (5: LXI, 527).

В уже упомянутом письме Т. Н. Грановскому от 25 апреля 1847 г. О. также рассказывает о своей работе над повестью в стихах под заглавием «Деревня», которую он тоже готовит для «Совр.», хотя и думает, что едва ли ре-

шится напечатать ее (б: 1, 125). Комментаторы писем предполагают, что речь идет о двух стихотворных повестях О. – «Господин» (впервые опублик. в «Полярной звезде» за 1857, кн. III) и «Деревня» (незаконч., впервые в «Стихотворениях Н. П. Огарева» под ред М. О. Гершензона (М., 1904, изд Сабашниковых)) (б: I, 127-128). Судя по количеству и содержанию глав, скорее всего в письме О. имеет в виду повесть «Деревня».

Имя О. упоминается на страницах «Смеси» № 11 «Современника» за 1847 г.; в статье изложена полемика о целесообразности барщины между помещиком Козловым, ковровским помещиком Чихачевым и О. на страницах различных периодических изданий того времени. «Современник» явно одобряет мнения О. (выступавшего за «нормальные хозяйственные отношения», т. е. за отмену крепостного права), высказанные им в № 227 газеты «С. Петербургские ведомости» (Совр., 1847, № 11, отд. IV, с. 104: см. также 35: 131-132).

И. И. Панаев пишет О. 6 февраля 1848 г.: «Пиши, бога ради, для «Современника» все, что ты напишешь, мы примем с распростертыми объятиями, только не забудь, что над нами цензура стоит...» (10: 18). Далее в письме Панаев спрашивает, не пришлет ли О. поэму (видимо, «Юмор») — «слышно, она очень хороша» — и стыдит О., что тот «забыл» «Современник» (10: 19). Однако редакция, видимо, все еще надеялась на сотрудничество О.: 4 января 1848 г. Н. пишет Н. М. Сатину, через него прося О. уведомить, куда ему высылать «Современник» (1: XIV₁, 97).

В январе 1849 г. О., в начале своего романа с Н. А. Тучковой-Огаревой, упоминает о чтении романа Н. и А. Я. Панаевой «Три страны света» (печатался в «Совр.» в 1848-1849 гг., с подписями «Н. Некрасов – Н. Станицкий»). В письме к Тучковой от 2-3 января 1849 г. О. отзывается положительно о сюжете романа («Канва великолепна»), но в целом критикует его за длинноты и отсутствие разработки характеров («слишком много скучного. Бесконечные подробности и больше подробностей описательных, чем относящих-

ся к характерам»; «то, что я прочел, могло бы быть сокращено наполовину и оттого выиграло бы в энергии») и выражает сомнения в возможности написания хорошего романа вдвоем (9: IV, 61, 66, пер. с франц.). Однако уже 5 января О. восторженно пишет Тучковой о сцене прощания Каютина с Полинькой: «Боже ты мой! как это хорошо, друг мой! Как это из сердца и из жизни вырвано! Как это просто, живо!» (9: IV, 73; 1: IX₂, 335-336).

20 февраля 1849 г. О. и Тучковы едут в Петербург дожидаться ответа М. Л. Огаревой о разводе; в Петербурге О. прожил до начала лета (1: XIV₁, 295). Н. А. Тучкова-Огарева в своих воспоминаниях пишет, что О. «нередко приводил» Н. к Тучковым (28: 76). По свидетельству Н., под влиянием рассказов дяди Тучковой-Огаревой, П. А. Тучкова, участника Отечественной войны 1812 г., поэт написал стихотворение «-Так, служба! Сам ты в той войне...» (1: I, 591). 8 апреля 1849 г. Н. пишет Н. М. Сатину по поводу своего времяпрепровождения: «У нас здесь не без пьянства, хотя не Огар. тому главной причиной» (1: XIV₁, 120). Панаевы также посещают О., а А. Я. Панаева пишет к М. Л. Огаревой, пытаясь убедить ее дать развод О. (37: 131, 369-370).

К концу 1840-х – 1856 гг. относится ряд оценок поэзии О. в статьях Н. и других авторов «Современника». Необходимо заметить, что «неофициальных» отзывов Н. о поэзии О. неизвестно. «Официальные» отзывы в статьях и обзорах ясно указывают на то, что Н. считал О. хорошим, но «второстепенным» поэтом.

В статье «Русские второстепенные поэты» (Совр., 1850, №1, отд. VI, с. 42-74, подпись «Н.Н.») Н. называет О. «автором «Старого дома», «Сторожа» и нескольких других превосходных стихотворений, которые всегда останутся памятны любителям стихов», и печатает два его стихотворения—«Fatum» и «Забыто», хотя и признает, что «приведенные нами пьесы – далеко не лучшие из его произведений» (1: XI₂, 41-42). В данной статье эти стихотворения были впервые опубликованы.

В серии статей «Русские второстепенные поэты», начатой данной статьей Н., далее появилась статья В. П. Боткина «Н. П. Огарев» (Совр., 1850, №2, отд. VI, с. 158-175), где Боткин, хотя и критикует О. за «однообразие тона и содержания» (В. П. Боткин. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С.163), называет его «истинным поэтом» (там же, с. 164) и перепечатывает многие стихотворения О., ранее помещенные в «Отечественных записках» и в некрасовском «Современнике». Также в статье Боткина впервые опубликованы первые шесть строк стихотворения О. «В пирах безумно молодость проходит...» (Совр., 1850, № 2, отд. VI, с. 167).

Вероятно, публикации и перепубликации стих. О. подтолкнули Нового Поэта к созданию пародий на некоторые из них и на стихотворную манеру О. в целом (насколько известно, все эти пародии принадлежат И. Панаеву). Считается, что стих. Нового Поэта «Мыслитель и женщина» (Совр., 1850, № 8, отд. VI, с. 322) является пародией на второй из «Монологов» О. («Скорей, скорей топи...») (11: 810; 40: 76; оба исследователя указывают более поздний вариант пародии, под заглавием «Современный человек», напеч. в «Собрании стихотворений Нового Поэта», СПб., 1855, с. 19). Необходимо заметить, что именно этот из «Монологов» не был опубликован в «Современнике» в 1847 г., хотя, конечно же, был известен Панаеву и Н. Судя по образным и словесным переключкам, пародиями на О. также могут быть стих. Нового Поэта «Мелодия» (Совр., 1850, № 6, отд. VI, с. 143-144) (ср. стих. О. «Фантазия», впервые - ОЗ, 1841, № 7, с. 90, без заглавия), «В деревне» (Совр., 1850, № 11, отд. VI, с. 95-96) (ср. стих. О. «Nocturno», впервые – ОЗ, 1841, № 1, с. 46), «Весеннее чувство» (Совр., 1851, отд. VI, с. 38) (ср. стих. О. «Обыкновенная повесть», впервые – ОЗ, 1843, № 2, с. 255). Все три вышеупомянутых стих. О. были в числе включенных Боткиным в его статью об О. В 1851 г. журнал «Москвитянин» укорял Нового Поэта в пародировании стихотворений О. (и Фета) и, следовательно, в неспособности ценить хорошую поэзию и «грубости вкуса» (Москвитянин, 1851, № 5, с. 84; № 9, с. 202). На это Новый

Поэт (в лице Панаева) отвечал, что «очень уважает таланты гг. Огарева и Фета, но в то же время находит, что у них, как и у всех второстепенных талантов, есть слабые стороны, что некоторые их стихотворения не выдержаны, а другие вовсе неудачны и слабы...» (С, 1851, №4, отд. VI, с. 224; см. I: XII₂, 406). Отголоски полемики, без называния имени О., есть и в «Заметках Нового Поэта о русской журналистике» в ноябрьском номере (Совр., 1851, №11, отд. VI, с. 81-86).

О. упоминается в пародийном «Послании к поэту-старожилу» в статье Н. «Антон Иванович Пошехнин» А. Ушакова. Части первая – четвертая; «Череп Святослава», «Святки» В. Маркова» (Совр., 1855, №6, отд. VI, с. 23-28, без подписи), в котором Н. перечисляет поэтов, опубликовавших стихи за последнее время: «Ленивый даже Огарев – // И тот пустил в печать отрывок» (I: XI₂, 113-114). Поводом к этому послужило то, что редко печатавшийся Огарев напечатал стих. «Отрывок из письма» (ОЗ, 1854 г., № 12, с. 213-214).

О новой поэме О. «Зимний путь» (РВ, 1856, № 3), принесшей О. большой успех в литературных кругах, Н. писал в «Современнике» в статье «Заметки о журналах <за> февраль 1856 года» (Совр., 1856, №3, отд. V, с. 78-95, без подписи). Судя по тону автора, отношение его к поэме было скорее сдержанным: «Особенную важность этому стихотворению придает то обстоятельство, что это покуда лучшее из беллетристических произведений, представленных новым журналом». Прочитывая строфу из поэмы, автор называет строфу «в своем роде прекрасной» и замечает, что «много таких задушевно-грустных, небрежно-поэтических строф читатель найдет в «Зимнем пути», и если он не встретит в остальных строфах ничего свежее, энергичнее, выработаннее по форме, то не встретит также и ничего такого, что было бы ниже» ее (I: XI₂, 236).

Высоко оценил место О. в истории русской литературы Н. Г. Чернышевский в статье «Стихотворения Н. Огарева» (Совр., 1856, № 9, отд. IV, с. 1-9). В рецензии Ч. поместил «Монологи» О. полностью, а также стих. «Ста-

рый дом» и «Друзьям». В том же номере «Современника» Чернышевским была помещена статья шестая «Очерков гоголевского периода русской литературы», посвященная «О. и его друзьям» (конечно, подразумевается Герцен, имя которого к тому времени уже нельзя было произносить в печати).

Тем временем, в личных отношениях между Н. и О. произошла важная перемена, связанная с так называемым «огаревским делом», которое А. Я. Панаева (и Н., которого многие современники считали главным действующим лицом) вела против О. от имени его жены М. Л. Огаревой. После смерти Огаревой в 1853 г. к О. попала переписка между его первой женой и Панаевой, из которой ему стало ясно, что капитал, взысканный с него в 1851 г., О-вой выплачен не был; она умерла в Париже в полной нищете. О. и М. М. Каракозов (племянник Огаревой) 14 марта 1855 г. направили иск против Шаншиева и Панаевой в Московский надворный суд—и в апреле 1859 г. суд признал Шаншиева и Панаеву виновными. Осенью 1860 г. идут переговоры между ними и Н. М. Сатиным, и в январе 1861 г. дело заканчивается мировой (46: по указ.; см. также подробности дела и публикации документов в работах Я. З. Черняка, Б. Л. Бессонова, А. Г. Дементьева). Юридически Н. не нес ответственности по этому делу, хотя некоторое участие все-таки принимал: А. Я. Панаева, видимо, советовалась с ним по делу; Н. писал о «деле» *М. Л. Огаревой*, в 1849 г. ездил в Москву договариваться с Т. Н. Грановским, а в конце дела участвовал в переговорах о мировой. Известно, что Н. взял на себя ответственность за выплату доли Панаевой — см. три его деловые записки к Н. М. Сатину, доверенному лицу О.—одну от 21 ноября и две от 23 ноября 1860 г. (I: XIV₂, 143, 145). См. также расписку А. Я. Панаевой: «Для Сатинского дела получила от Николая Алексеевича два банковых билета на сумму одну тысячу девятьсот девяносто рублей серебром» (37: 541). Сам Н. писал об этом Н. А. Добролюбову в конце декабря 1860 г.: «По делу Огар<ева> мы не 50 т<ысяч> заплатили, а 12-ть» (I: XIV₂, 146). Интересно свидетельство Н. Г. Чернышевского в письме к Добролюбову от 28 ноября 1860 г. о том, что Н.

«должен был иметь свирепую сцену с Шаншиевым», чтобы заставить его подписать мировую (17: XIV, 416; 2: 232-233).

Вышеизложенные факты, а также слухи, распространяемые О., Герценом и их друзьями, привели к тому, что мнение о замешанности Н. в «огаревском деле» надолго утвердилось в русских литературных кругах и также разделялось некоторыми влиятельными исследователями, как, например, автором единственной монографии об «огаревском деле» Я. З. Черняком (37). Современные исследователи приходят к выводу о невиновности Н. в присвоении денег Огаревой, хотя по-разному оценивают роль А. Я. Панаевой в этом деле: см. публикации Б. Л. Бессонова (46; 7: VII, по указ.; VIII, по указ.) и А. Г. Дементьева (44, 45, 47).

При исследовании истории литературных отношений вопрос о слухах заслуживает, возможно, даже большего внимания, чем выяснение собственно фактической стороны дела. Обвинения в участии в «огаревском деле» сыграли большую негативную роль в формировании репутации Н. и повлияли на его отношения не только с О., но также с А. И. Герценом и другими современниками.

Некоторые действия Н., связанные с обеспечением жены О., возбудили подозрения «московского кружка» уже в 1849 г. После подачи Огаревой векселей ко взысканию, в начале июля 1849 г. Некрасов был в Москве и вел переговоры с Т. Н. Грановским, поверенным О. по этому делу; Грановский сообщал свои подозрения о замешанности Н. в письмах Герцену (6: VI, 363; 2: I, 333-334) и Н. М. Сатину (37: 386). Панаева комментирует реакцию «московского кружка» в письме к М. Л. Огаревой: «Они меня ругают страшно и Некрасова также, который им сказал прямо, что они подло поступают с тобой» (37: 382).

О. считал, что Н. и Панаевы действуют сообща в попытках контролировать состояние, обещанное О. его первой жене. Наиболее подробно об этом говорится в письме О. Герцену от 23 августа (7 сентября) 1849 г.: «Ты зна-

ещь, что М. Л. подала вексель ко взысканию; что главные деятели тут Панаевы и Некрасов, которым хочется на этот капитал выплачивать ей проценты вместо меня, потому что они находят более выгодным платить по 6% в год с 300 т., чем по 12% в месяц за 3 т. Сколько это подло, ты можешь понять, и надеюсь, что если будешь где печатать, то опять в «Отеч. Записк.», а не в «Соврем.», ибо это мне личное оскорбление. Результат тот, что я, может быть, за уплатой долгов (и твой, разумеется, будет выплачен), останусь, может быть, при 200 т., да и М. Л. больше половины не получит, если пойдет на сделку, а без сделки съедет на почти ничто. Вот куда довело благородство пресловутой Авдотьи Яковлевны и ее сподвижников» (5: LXI, 791).

В августе 1853 г. О. узнает о смерти своей жены в Париже в марте того же года (37: 519-520); в вещах М. Л. Огаревой, переданных ему, оказалась переписка Шаншиева, Панаевых и Н. с М. Л. Огаревой. В записке Н. М. Сатину, видимо, от 23 октября 1854 г., О. с воодушевлением пишет, что «лучших документов не надо» и хочет поскорей начать новое «дело» (37: 193). Видимо, О. показывал эти письма в обществе; Н., через Тургенева, просит его этого не делать (28: 285). Об этом см. письмо Н. А. Тучковой к сестре Е. А. Сатиной от 8 января 1856 г.: «Не знаю что Ог. сделает с Панаев<ыми>. Они застрачивают какими-то письмами Ог. к Мар. Льв. в которых есть полное опровержение (по их словам) *того чего хочет теперь* Ог. Так велел сказать Некр. Ог. через Тург. – Я думаю что тут кроется страшная низость, ты сама отгадаешь в чем дело» (9: 146). Скорее всего, в письме имелось в виду опровержение обвинений О. в краже денег, причитавшихся его жене. Однако в позднейших воспоминаниях Тучковой этот эпизод представлен как угроза политического шантажа (см. далее).

Заметим, что мнение о беспринципности Н. и его стремлении нажиться, которое и раньше было свойственно Герцену и О., теперь получает дальнейшее развитие и касается также дел, не связанных с огаревским наследством. Например, неприятие О. вызывает публикация в № 1 «Современника» за

1854 г. письма М. Ю. Лермонтова к С. А. Бахметьевой, где поэт жалуется, что «тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожным человеком, меня мучит» (Совр., 1854, №1, с. 7). 9 января 1854 г. О. пишет П. В. Анненкову, что он бы «никогда не опубликовал одного письма», и что «это не хорошо со стороны издателей, ибо это спекуляция, падающая пятном на человека умершего и слишком даровитого, чтоб шутить им ради барышей» (20: 642).

О подозрениях «московского кружка» по поводу «огаревского дела» сообщает Н-ву В. П. Боткин в письме от 24 ноября 1855 г. В письме Боткин характеризует новые стихи О. («есть очень хорошие, но прежней теплоты и задушевности нет в них», «но стих стал лучше прежнего») и сообщает, что О. «сильно нападает на Авдотью Яковлевну» и «придает какую-то особенную важность переписке ее с Марьей Львовной, которая находится у него», хотя «никаких решительных фактов он привести не мог» (4: I, 209-210). 25 марта 1856 г. Боткин пишет уже о Н. Х. Кетчере, что тот «обвинял» Н. «в огаревском деле», в том, что Панаева поступала «по советам» Н. и что Н. «способен ко всякой низости и т.д.» (4: I, 218).

Особенно часто обвинял Н. в «огаревском деле» *А. И. Герцен*.; судя по всему, высказывания Герцена оказали огромное влияние на мнение современников об участии Н. в этой истории. Впервые Герцен упоминает об этом в письме к М. К. Рейхель от 11 апреля (30 марта) 1856 г. (15: XXV, 338); в конце 1850-х гг. «огаревское дело» часто фигурирует в переписке Герцена с *И. С. Тургеневым* (15: XXVI, 78; XXVI, 106; XXVI, 109; XXVII, 149, 455).

Н. пытался поправить отношения с Герценом и через Тургенева просил Герцена о встрече в Лондоне. В письме к Тургеневу от 26 мая (7 июня) 1857 г. из Парижа Н. полностью отрицает свое участие в «огаревском деле», намекая, по-видимому, на то, что виновата в нем А. Я. Панаева: «Ты лучше других можешь знать, что я тут столько же виноват и причастен, как ты, например. Если вина моя в том, что я не употребил моего влияния, то прежде надо бы знать, имел ли я его – особенно тогда, когда это дело разрешалось. Если

оно и могло быть, то гораздо прежде» (1: XIV₂, 74-75). Несмотря на эти объяснения, Герцен не принял Н., в письме к нему от 10 июля (28 июня) 1857 г. называя его виновным (15: XXVI, 105). Интересно, что, стараясь наладить отношения с Герценом, Н. по всей видимости ни разу не постарался улучшить отношения с О. В том же письме к Тургеневу Н. просит убедить Герцена зайти к нему в гостиницу, так как «к нему мне идти неловко, потому что я положительно знаю лютую враждебность Огарева ко мне» (1: XIV₂, 75).

Сведения об «огаревском деле» просачивались и в прессу; особенно см. статьи А.И. Герцена. Были публикации и в России. В газете «Наше время» от 10 февраля 1862 г. Н. Ф. Павлов в статье «Изъявление благодарности «Современнику»» обещает рассказать читателям о некоем «процессе», в описании которого угадывается «огаревское дело», говоря о воровстве редакции «Современника» у своего «лучшего друга». В связи со смертью Панаева через несколько дней, Павлов отказался от исполнения своей угрозы (37: 274-276). «Дело» фигурировало также в деле Н. Г. Чернышевского, когда того обвиняли в сношениях с Герценом и О.; интересно свидетельство Чернышевского об известности «дела» «всему литературному миру» (19: 158; 2: II, 324).

Неприязнь О. и Герцена к Н. распространялась на его сотрудников – Добролюбова и Чернышевского. Характерно письмо О. к Н. В. Шелгунову от 3 августа (22 июля) 1861 г., где О. возмущается статьей Чернышевского «О причинах падения Рима (подражание Монтескье» (Совр., 1861, №5), в которой проводилась скрытая полемика с Герценом по поводу концепции исторического развития России и Запада. О. увидел в этой статье прямую атаку на себя и Герцена и «битье по своим, да еще с преднамеренной ложью» и сетовал, намекая на близость Чернышевского к Н.: «Горе, когда личное самолюбие поднимает голову, завидуя или в отместку за неуважение к воровству какого-нибудь патрона!» (15: XXVII, 164-165).

Упоминания «дела» в письмах Герцена к О. более часты, чем в письмах О. к нему. Например, в письме от 28 (16 ноября) 1864 г. Герцен рассказывает

о разгульном поведении Н. в Париже и раздражается обвинениями и в адрес и Н., и «Современника»: «Нет, caro mio, «Современник» во главе с этими слезами о бедных людях вора, бросающего суммы и не платящего порядком сотрудникам, не может быть органом чистой и молодой России, а только петербургских судорожников и желчевиков. Неужели не лежит на нас обязанность втоптать в грязь этого негодяя?» (*там же*: XXVII, 534). В свою очередь, на другой неллицеприятный поступок Н. намекает О. в третьей части поэмы «Юмор», где есть строки «Теперь же столько есть манер // Холопствовать с усердьем новым <...> Да обругать казенный прах // В туманных тостах и статьях» (11: 458-459). Комментаторы издания считают, что это намек на стихи, прочитанные Н-вым М. Н. Муравьеву (Вешателю) на вечере 1866 г., чтобы спасти «Современник» от закрытия (*там же*: 851).

После выпадов газеты «Космос» против Некрасова (в №4 от 25 янв 1869; №8 от 22 февраля 1869) и брошюры М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского «Материалы для характеристики современной русской литературы» (СПб., 1869) Герцен язвительно пишет об этом в письмах к О. от 8-10 марта 1869 г. (15: XXX, 64), Тургеневу от 23 (11) марта 1869 (*там же*: 66), Г. Н. Вырубову от 9 апр (28 марта) 1869 г. (*там же*: 80-81). В ответном письме к Герцену от 30 марта 1869 г. О. называет статьи о Н. в «Космосе» «превосходными» (5: XXXIX-XL, 544). Явной реакцией на статью Герцена «А nos ennemis» стало упоминание в редакционной статье «Биржевых ведомостей» от 14 (26) марта 1869 г. о том, что Герцен «уже не в первый раз упоминает о некоем «известном русском литераторе», который *украл* (sic!) у Николая Огарева сто тысяч франков». В письме к О. от 8 апр (27 марта) 1869 г. Герцен пишет об этом: «Смотри, как бы и его воровство у тебя не вышло. В Бирж<евых> вед<омостях> уж был намек» (15: XXX, 79). Нападки русской прессы на Н. Герцен и О. воспринимали как наказание судьбой («Немезидой») за «целую жизнь» воровства (*там же*: 80-81).

По-разному освещается «огаревское дело» в воспоминаниях современников; см. свидетельства П. В. Анненкова (20), Н. Г. Чернышевского (17), А. Я. Панаевой (26), Н. Я. Тучковой-Огаревой (28; 5: ХСІХ₂, 251); Б. Н. Чичерина (23), Н. А. Белоголового (21), А. П. Пятковского (22), Л. Ф. Пантелеева (27), М. А. Антоновича (24).

Интересно, что и Н. А. Тучкова-Огарева, и А. Я. Панаева приписывают важную роль в отношениях между Н. и О. И. С. Тургеневу. Согласно Тучковой, именно через Тургенева Н. угрожал О-ву политическим шантажом, если тот не прекратит показывать письма М. Л. Огаревой к Н. и Панаевой разным знакомым: «в противном случае он будет вынужден представить письма Огарева к Марье Львовне куда следует, из чего могут быть для Огарева очень серьезные последствия» (28: 285). В воспоминаниях А. Я. Панаевой (впервые опублик. в ж. «Исторический вестник», 1889, №№ 1-11), которая по понятным причинам описывает «дело» вообще с большими неточностями, вся вина за продвижение слуха о замешанности Н. в «огаревском деле» возлагается на И. С. Тургенева. Панаева утверждает, что Тургенев «подбил» О. написать письмо к Кавелину (нам неизвестное – В. К.), в котором Н. обвинялся в проигрыше денег М. Л. Огаревой, и представляет все дело как «мечь» «прежних приятелей» Н. за его дружбу с Добролюбовым (26: 281-285).

Связанный с «огаревским делом» полный разрыв личных отношений между О. и Н. не означал однако абсолютного отвержения некрасовского творчества. Два произведения Н. появляются в изданиях Герцена и О.: поэма «В. Г. Белинский» (ПЗ, 1859, кн. V, с. 48-52) и «Размышления у парадного подъезда» (Колокол, 1860, 15 января, л. 61), оба произведения без указания авторства. В автобиографических записках (1877) Н. говорится, что поэма «В. Г. Белинский» попала к Герцену «по милости одного приятеля» (1: IV, 527); таким «приятелем» мог быть П. В. Анненков или И. С. Тургенев (41: 110) либо Л. Ф. Лихачев, приятель Н., ездивший в Лондон в июне 1857 г. (43: 473-476); иную версию, связанную с издателем стих. Н-ва К. Т. Солдатенко-

вым, высказывает А. М. Гаркави (38: 222-224). В 1861 г. поэма была перепечатана, вновь анонимно, в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия», вышедшем в Лондоне с предисловием О. (8: 366-394). В своем предисловии О. посвящает несколько страниц Н. Задачей Н. в поэзии, как и Гоголя в прозе, согласно О., было «разрушение чиновничества»; эта задача «была трудна для поэзии и требовала таланта истинного и сильного»; поэзия Н. названа поэзией «скорби» и «сухого горя» (*там же*: LXXXVII). Заявление О. о том, что «жесткий лиризм» Н. не мог иметь большого влияния, и потому у Н. «не было последователей и подражателей» (*там же*: LXXXIX), как известно, не верно: см. статью Н. Н. Скатова о Н. и поэтах «некрасовского направления» (52: 7-99).

Позднейшие произведения Н. получали разные оценки О. В письме Герцену от 9 марта 1869 г. О. отрицательно описывает первые главы поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «Стихи Некрасова очень топорны» (5: XXXIX-XL, 533). С другой стороны, при свидании с О. в Женеве в 1873 г. Т. Пассек, подруга Герцена и О., подарила О. томик стихов Н. В своих воспоминаниях об О. она пишет, что «читая «Русские женщины», он, немного затрудняясь, сказал: «Хотя у меня на душе многое против автора, но это прекрасно» (29: II, 622).

В 1870-е О. пишет стих. «В память прежнему другу Некрасову» (впервые в О. «Стихотворения и поэмы», Л., 1937-1938, т. I, с. 273-274), содержащее размышление о бесправном положении крестьян в России. Заметим, что Н. в то время еще был жив.

Во многих случаях говорить о прямом влиянии О. на Н. (и наоборот) сложно и видимо, не совсем точно—скорее, на Н. влияла определенная литературная традиция, частью которой был О. Например, такие стих. О. начала 1840-х гг., как «Дорога», «Кабак», «Изба» предвосхищают поэзию Н. своей «тематикой, демократичностью, образами, языком, основанным на народно-

разговорной речи» (62: 384). Изображение крестьян в поэме О. «Зимний путь» также предвосхищает поэмы Н. (*там же*: 385). В. Гиппиус в статье «Некрасов в истории русской поэзии XIX века» настаивает, что несмотря на случаи близких соответствий между О. и Н., нельзя говорить о влиянии О. на Н., хотя и отмечает преемственность между «Кабак» Огарева, где «перед Некрасовым был образец социально-характерного монолога» с подлинными характерными интонациями, «Избой» О. с ее «поэзией деревенских будней» и поэмой Н. «Мороз, Красный нос» (5: XLIX-L, 42-43). Начиная с 1850-х гг., похожие мотивы и образы появляются у двух поэтов независимо друг от друга—например, символы сеятеля и пашни: у О. в стихотворении 1858 г. «К ***» («Когда в цепи карет...») и более позднем «До свидания» (1867), а у Н. еще раньше—в поэме «Саша» (1854-1855, опубл. в Совр. 1856, № 1), а также в более поздних стихах, таких как «Сеятелям» (1877), «Сон» (1877) (5: XLIX-L, 43; 1: III, 477).

Б. О. Корман отмечает у обоих Н. и О. тенденцию к конкретизации образа лирического героя, идущую от Лермонтова (49: 152). Также оба поэта часто прибегают к сказовой форме как средству углубленного изображения внутреннего мира простых людей; первым образцом такой «ролевой» лирики у Н. является ст-ние «Пьяница» (1845), а у О. это, например, ст-ния «Кабак» (1841) «Арестант» (1850) (*там же*: 173). Опять же, в этом можно заметить лермонтовское влияние.

Случаи конкретных переключек и влияния довольно редки. Например, вышеупомянутое стихотворение Н. «В один трактир они оба ходили прилежно» (Совр., 1847, №4, отд. IV, с. 159) было подарено Н. О-ву не случайно (автограф с дарственной надписью «Огареву Н. Некрасов» - в ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 6). В № 3 «Отечественных записок» за 1842 г. было напечатано стих. О. «Встреча» («Друзья они смолоду были...») —вольный перевод ст. Гейне “Sie liebten sich beide”. Комментаторы ПСС Н. делают вывод, что

некрасовский «перепев», будучи ближе к лермонтовскому, является одновременно и перепевом огаревского стихотворения (I: XII₁, 458).

Согласно комментаторам ПСС, 2-я строфа стих. Н-ва «Вино» (1848) по содержанию перекликается со ст. Огарева «Кабак» (1841) (I: I, 596).

Н. М. Гайденков отмечает, что в стихотворении Н. «Родина» (1846) «чувствуется полемическая ориентация автора на стихотворение О. «Старый дом» (ОЗ, 1840, № 5, с. 99-100) и на романтическую манеру стихотворений, близких ей по теме» (48: 17). Свою догадку исследователь подтверждает тем, что первоначальное название стихотворения Н. – «Старые хоромы», в котором подчеркивается ироническое отношение автора к барскому быту (*там же*: 17). Следует добавить, что существует также авторизованная копия стих. с заглавием «Старое гнездо. (С испанского, из Ларра)» (I: 1, 585).

Авторы комментария к поэме Н. «Саша» (Совр., 1856, №1, с. 123-140) в ПСС считают ошибочным мнение Б. Я. Бухштаба о том, что Герцен и О. могут быть отнесены к прототипам Агарина (50: по указ.); комментаторы подчеркивают, что, в отличие от героя поэмы, Герцен и О. «испытали в конце 1840-х гг. лишь временное разочарование (и ко времени создания поэмы уже его преодолели)» (I: IV, 534-535). Однако схожесть фамилий «Огарев» («Агарев», как Н. часто писал эту фамилию в 1840-е гг.) и «Агарин», на которую обращает внимание Бухштаб, кажется важным доводом в пользу его точки зрения.

Комментаторы ПСС Н. указывают, что при работе над поэмой «Русские женщины» (ОЗ, 1872, №4, с. 577-600; ОЗ, 1873, №1, с. 213-250) Н. мог пользоваться, наряду с публикациями сочинений декабристов в Вольной русской типографии и работами Герцена («О развитии революционных идей в России», «Русский заговор 1825 г.» и др.), следующими статьями О.: его предисловиями к «Думам» К. Ф. Рылеева и к сб. «Русская потаенная литература 19 века» и статьей «Кавказские воды» (I: IV, 570). Бикбулатов К. Ф. указыва-

ет на те же источники для поэмы Н. «Дедушка» (ОЗ, 1870, № 9, с. 241-254) (7: III, 154).

В первоначальной редакции предсмертного стих. Н. «Скоро стану добычею тленья...» (ОЗ, 1877, №1, с. 281) есть строчка «Старый дом, позабытый с рожденья!» (1: III, 373); это реминисценция из стих. О. «Старый дом» (1: III, 475).

Случаи прямого влияния Н. на О. редки. В. Гиппиус указывает, что «Размышления унтер-офицера» (1869) О. «интонационно и ритмически восходят» к «Размышлениям у парадного подъезда» (1858, впервые – Колокол, 1860, 15 янв., л. 61, под заглавием «У парадного крыльца») (5: XLIX-L, 43).

Н. Н. Скатов усматривает подражание Н. в стихотворении О. «Песня русской няньки у постели барского ребенка (Подражание Лермонтову)» (1871) - согласно исследователю, это уже подражание не только Лермонтову, но и некрасовской «Колыбельной песне» (1845)—«перепеву» «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова (52: 84). В свою очередь, комментаторы ПСС Н. указывают, что в стих. «Баюшки-баю» (1877) Н. отталкивается от целой литер. традиции, складывающейся из вышеупомянутых трех стихотворений Лермонтова, О. и самого Н. (1: III, 488).

Мысль о сопоставлении поэтического творчества О. и Н. приходила еще современникам. В №33 журнала «Сын отечества» за 1856 г. должна была появиться статья под названием «Современные русские поэты Н. П. Огарев и Н. А. Некрасов» (не пропущена цензурой). Сохранилась лишь первая часть статьи, посвященная Огареву; см. публикации Я. З. Черняка (5: LIII-LIV, 97-116) и В. Э. Богграда (39: 317-320). Идея сопоставления О. и Н., видимо, была подсказана автору почти одновременным выходом их сборников в 1856 г. Признавая большое сходство между двумя поэтами, автор прибавляет, что «художественное сознание г. Некрасова отделяется как бы целым двадцатилетием от деятельности г. Огарева», отмечая характерную для О. «хандру» и

настаивая, что «в настоящую минуту» нужен «более энергичский поэт»— видимо, такой, как Н. (5: LIII-LIV, 112; 39: 320).

1. ПСС, I, 60, 593, 584, 585, 591, 596; II, 373, 475, 488; IV, 524, 527-528, 534-535, 570; IX₂, 335, 336; X₂, 250; XI₁, 148; XI₂, 41-42, 114, 235-236, 319, 342; XII₁, 252, 457-458; XII₂, 406; XIII₁, 46-47, 54, 83, 348-349, 389; XIII₂, 78, 494; XIV₁, 51, 55-56, 65, 97, 120, 258, 266, 295; XIV₂, 74-75, 143, 145, 146-147, 219, 263, 265-266, 293-294; 2. *Летопись*, I, 227, 244, 247, 266, 273, 333-334, 348, 514; II, 23, 81-82, 93, 171, 229, 231-233, 237, 287, 324, 390; 3. *Летопись, Ашукин*, 79, 80, 99, 100, 103, 150, 154-155, 194, 234-236, 239, 363, 377-378; 4. *Переписка Н.*, I, 209-210, 218, 316; 5. *ЛН*, 39-40: 42-43, 533, 544; 49—50: 42-43; 53—54: 97-116; 61: 527, 753, 756, 758, 761, 770-771, 791; 99₂, 251; 6. *Зв.*, I, 115-116, 125, 127-128, 138; III-IV, 418; VI, 363; 7. *Некр. сб.*, II, 435; III, 154; IV, 41, 242; VII; 47-65; VIII, 140-176; IX, 4-11, 13, 37-38, 46-47; 8. *Русская поэтическая литература XIX столетия*. Лондон, 1861. С. LXXXVI- LXXXIX, 388-394; 9. *Архив Н. П. Огарева. Русские пропилеи*, т. IV. М., 1917. С. 61, 66, 73, 93-98, 104, 145-146; 10. *Новые пропилеи*. Т. I. М., Пг., 1923. С. 17-19; 11. *Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы*. Л., 1956. С. 19-20, 458-459, 782, 851, 876; 12. *Он же. Избранные социально-политические и философские произведения*, в 2-х тт. М., 1952-1956. I, 462-464; II, 395; 13. *Он же. Избранные произведения*, в 2 тт. М., 1956. По указ.; 14. *Он же. О литературе и искусстве*. М., 1988. С. 117-118, 212, 217, 248, 249; 15. *ПСС Герцена*, XIV, 327; XIX, 75, 89, 388; XX, 412, 422; XXV, 338; XXVI, 78, 97-98, 105, 106, 109; XXVII₁, 114; XXX, 64, 66, 79-81, 364; 16. *ПСС Тургенева, письма*, IV, 143; V, 40; 17. *ПСС Чернышевского*, I, 733-734; XIV, 416; 18. *Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу*. СПб., 2005. Т. I, с. 89-90, 95; 19. *Дело Чернышевского. Сборник документов*. Саратов, 1968. С. 158, 268-269; 20. *Анненков П. В. П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835-1885 годов*. СПб., 1892. С. 115-116, 642; 21. *Белоголовый Н. А. Воспоминания и*

другие статьи. 3-е издание. М., 1898. С. 547-548; 22. *Пятковский А. П.* Две встречи с А. И. Герценом // *Наблюдатель*. 1900, № 3. С. 250-251; 23. *Воспоминания Б. Н. Чичерина*. Москва сороковых годов. М., Изд. Сабашниковых, 1929. С. 146; 24. *Шестидесятые годы*. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. 3. Елисеев. Воспоминания. М., Л.: «Academia», 1933. С. 88-89; 25. *Герцен в восп.*, 278, 307; 26. *Панаева А. Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 150, 281-285; 27. *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 223-224; 28. *Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания. М., 1959. С. 76, 157-158, 285, 288; 29. *Пассек Т. П.* Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. Т. II, 622; 30. *Некрасов в восп.* по (по указ.); 31. *Огарев в восп.*, 241-244, 250, 315-316, 324, 366-367; 32. *Гершензон М. О.* Образы прошлого. М., 1912. С. 529; 33. *Лемке М.* Политические процессы в России 1860-х: По неизданным документам. М., Пг., 1923. С. 187; 34. *Евгеньев-Максимов В. Е.* Н. А. Некрасов и его современники. М., 1930. С. 163-170; 35. *Он же.* «Современник» в 40-50 гг. Л., 1934, по указ.; 36. *Он же.* Некрасов в кругу современников. М., 1938. С. 88-108; 37. *Черняк Я. З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М., Л., 1933; 38. *Гаркави А. М.* Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX века // *Ученые записки Калининградского государственного педагогического института*, 1957, вып. 3. С. 220, 222-224, 231; 39. *Боград В. Э.* Запрещенная цензурой статья А. И. Рыжова об Огареве и Некрасове // *Вопросы изучения русской литературы XI-XX веков*. М., Л., 1958. С. 317-320; 40. *Путинцев В. А.* Н. П. Огарев: Жизнь, мировоззрение, творчество. М., 1963; 41. *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 110; 42. *Блинчевская М.* «Написано во время гощения у Герцена...»: О стихотворении Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...» // *Вопросы литературы*, 1971, №8. С. 254-255; 43. *Гришунин А. Л.* Поэма Некрасова «В. Г. Белинский» (К истории текста) // *Н. А. Некрасов и русская литература 1821-1971*. М., 1971. С. 473-476; 44. *Дементьев А. Г.* «Огаревское дело» // *Русская литература*, 1974, №4. С. 127-143; 45. *Он же.* Письмо Некрасова Панаевой

(Еще раз об «огаревском деле») // Н. А. Некрасов и его время. Межвуз. сб. Выпуск II. Калининград, 1976. С. 48-55; 46. *Бессонов Б. Л.* К истории «огаревского дела» (По вновь найденным материалам) // Русская литература, 1978, №3. С. 139-144; 47. *Дементьев А. Г.* К истории «огаревского дела» (Неизвестные письма А. Я. Панаевой) // Вопросы литературы, 1979, № 11. С. 238-246; 48. *Гайденков Н. М.* Стихотворение Некрасова «Родина» (Опыт анализа художественного произведения) // Литература в школе, 1961, №2. С. 17-18; 49. *Корман Б. О.* Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж, 1964. С. 12, 49, 152-153, 173, 204-210; 50. *Бухштаб Б. Я.* Проблемы изучения поэмы Некрасова «Саша» // Известия АН СССР, сер. литературы и языка, 1971, т. XXX, вып. 5. С. 451-452; 51. *Конкина Л. С.* Историко-литературные взгляды Н. П. Огарева // Проблемы творчества Н. П. Огарева: Межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1985. С. 66-67, 70; 52. *Скатов Н. Н.* Некрасов: современники и продолжатели. М., 1986. С. 84; 53. *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист (Малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989. С. 41-42, 125-126, 135; 54. *Сысоева Н. П.* Поэма Н. П. Огарева 1830-1850 гг. Канд. дисс. Л., 1974; 5. *Храмова С. В.* Поэмы Н. П. Огарева и их место в развитии русской лиро-эпической поэзии середины XIX века. Канд. дисс. Харьков, 1975; 56. *Благово В. А.* Некрасовские стихотворения Н. П. Огарева // II Некрасовские чтения. Тезисы докладов. Ярославль, 1987; 57. *Храмова С.* Особенности использования традиций райка в поэзии Н. А. Некрасова и Н. П. Огарева // II Некрасовские чтения. Тезисы докладов. Ярославль, 1987; 58. *Благово В. А.* Гаринов и Агарин (повесть Н. П. Огарева «Саша» и одноименная поэма Н. А. Некрасова) // III Некрасовские чтения. Тезисы докладов. Ярославль, 1988; 59. *Благово В. А.* Проза Н. А. Некрасова и Н. П. Огарева // Современное прочтение Некрасова. V Некрасовские чтения. Тезисы докладов. Ярославль, 1990; 60. *Мецгер А.* Имитации народного стиха в творчестве Н. А. Некрасова и Н. П. Огарева // VI Некрасовские чтения. Тезисы докладов. Ярославль, 1991; 61. *Благово В. А.* «Вчерашний день...» Н. А. Некрасова как отрывок прозы Н. П. Огарева // 28-я некрасовская конферен-

ция (К 175-летию со дня рождения поэта): Тезисы докладов. Ярославль, 1996;
62. *Русские писатели, 1800-1917*. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.

В. К.

ОРЛОВА Аграфена Васильевна (? , Москва — после 1891, г. Корфу, Греция) — сестра М. В. Белинской, свояченица В. Г. Белинского. После ухода сестры со службы (см.: Белинская М. В.) поступила на ее место (5: 565).

О. проживала с семьей сестры в Петербурге с мая 1844 г. до конца ноября 1848 г. (5: 556, 563). Личное знакомство О. с Некрасовым состоялось в мае 1844 г. и продолжалось до отъезда О. и М. В. Белинской с дочерьми в конце ноября 1848 г. в Москву. По отзывам современников, О. и ее сестра были «женщины очень посредственные, чтоб не сказать больше» (5: 181).

В Москве О. устроилась классной дамой в Александровском институте. В 1866 г., по-видимому, вместе с М. В. Белинской и О. В. Бензис уехала за границу. Навестила могилу Белинского в 1871 г. В 1891 г. О. написала воспоминания о проживании с сестрой, Белинским и их детьми (В пользу голодающих. «Лепта Белинского». М., 1892) (5: 694). Воспоминания носят «семейный» и пристрастный характер. В них содержатся суждения о Некрасове и его общении с Белинским: описание манеры Некрасова («Некрасов жил рядом с нами. Он говорил меньше других, мало спорил, иронически улыбался во время спора других»); упоминание, что Некрасов читал Белинскому свои произведения в рукописи (5: 558). О. вспоминает, что Белинский «горячо заступался <...> за Некрасова <...> всех-то он любил, ценил и жалел», и утверждает, что Достоевский и Некрасов отплатили за это Белинскому «самою черною неблагодарностью, особенно Некрасов в последнюю зиму все раздражал его, говоря, что пора писать, а когда Белинский говорил: “Не могу писать”, то Некрасов прибавлял: “Когда нужно писать, то и больны. Да, впрочем, скоро вам и совсем запретят писать”» (5: 569). О. также упоминает, что Белинского похоронили «в складчину приятели, которые и содержали

нас» до отъезда О., М. В. Белинской и детей в Москву; имя Некрасова не названо (5: 563).

1. *Летопись*, I, 156; 2. *Белинский*, XII: Письма (по указ.); 3. *Летопись Белинского*: По указ.; 4. ЛН., 57: По указ.; 5. *Белинский в восп.*: по указ.; 6. В пользу голодающих. «Лепта Белинского». М., 1892. С. 17; 7. *Рейсер С. А.* Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957. С. 25.

М. С.

ОРЛОВА Александра Ивановна (13.10.1855 – 05.02.1922) – учительница, дочь священника с. Абакумцева И.Г. Зыкова. В 1865 – 1872 гг. получила образование в ярославском училище для девиц духовного звания, куда поступила по протекции Некрасова (1). В 1872 – 1875 гг. исполняла обязанности учительницы Абакумцевского земского начального народного училища. В мае 1876 г. вышла замуж за священника г. Любима Ярославской губернии Лавра Валентиновича Орлова. В 1902 г. написала воспоминания о Некрасове и школе с. Абакумцева (3). О ней самой оставил мемуары ее сын Владимир Лаврович (5). В фондах Музея-квартиры Н.А. Некрасова в Петербурге и ГЛММЗ Н.А. Некрасова «Карабиха» хранятся фото О.

1. *ПСС*, XV₁, 30, 220; 2. *Летопись*, II, III, по указ.; 3. *Орлова А.* Школа в селе Абакумцеве и отношение к ней Н.А. Некрасова // Некрас. сб. Ярославль, 1922. С. 87 – 92; 4. *Ломан О.В.* Н.А. Некрасов и народное просвещение. Ярославль, 1957. С. 46 – 67; 5. *Орлов В.Л.* Старый Любим и вся Россия. Ярославль, 2000. С. 33 – 49.

Г. К.

ОСТРОВСКИЙ Александр Николаевич (31.03.1823, Москва — 02.06.1886, Щельково), драматург. Родился в семье судейского чиновника в Москве. Отец О. Николай Федорович (1796—1853) после окончания Костромской семинарии и Московской духовной академии избрал светскую юридическую карьеру. В 1820-м году он по любви женился на Любви Ивановне Савиной, дочери просвирни, вдовы пономаря. Семья поселилась в Замоскворечье, ставшем впоследствии местом действия многих произведений драматурга. От этого брака кроме самого О. родились еще 5 детей, двое из которых умерли во младенчестве. После смерти Любви Ивановны в декабре 1831 года отец О. в 1836 году женился на баронессе Эм. Анд. фон Тессин (1812—1898), лютеранке, дочери обрусевшего шведского дворянина. Мачеха перестроила быт семьи, дала детям светское воспитание. В 1839 году отец О. получил потомственное дворянство.

В 1840 году О. окончил московскую гимназию. Прочувшись два года на юридическом факультете Московского университета, в 1843 году определился писцом в Московский совестный суд. В 1845—51 служил в канцелярии Московского коммерческого суда; проходившие там уголовные и гражданские дела купечества дали обильный материал начинающему писателю. Первые произведения О. – сцены из комедии «Несостоятельный должник», «Картина семейного счастья» напечатаны в 1847 году. Комедия О. «Свои люди — сочтемся», прославившая молодого драматурга, (1850, поставлена в 1861 году) по указанию Николая I была запрещена к представлению.

В 1853—55 О. сблизился с так называемой «молодой редакцией» «Москвитянина», куда входили Б.Н. Алмазов, Н.В. Берг, Ап. Григорьев, Т.И. Филиппов, Е.Н. Эдельсон (28: 21—27). В этот период созданы такие произведения, как «Не в свои сани не садись» (1853), «Бедность не порок» (1854), «Не так живи, как хочется» (1855). Всего в «Москвитянине» было напечатано пять пьес О. В начале 60-х годов драматург постепенно перешел в демократический литературный лагерь, познакомился с Н.Г.

Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, Некрасовым, стал постоянным автором «Современника».

Около 50 пьес, написанных О., легли в основу классического репертуара русских театров, способствовали воспитанию выдающихся актеров – А. Мартынова, М. Ермоловой, Г. Федотовой и др. О. был организатором «Артистического кружка» в Москве (1865), «Общества русских драматических писателей и оперных композиторов» (1874); в 1886 году заведовал репертуарной частью московских театров. Он перевел на русский язык произведения В. Шекспира, М. Сервантеса, К. Гольдони, Д. Дидро.

О. и Некрасова связывают более 20 лет активных взаимоотношений. В первую очередь это были взаимоотношения писателя и редактора журнала. О. сотрудничал в «Современнике» и «Отечественных записках», опубликовал там большую часть своих произведений. Сохранившаяся переписка отражает иногда сложные, иногда прямо конфликтные денежные отношения. В то же время близость идеологических и эстетических взглядов способствовала своего рода верности драматурга редактору. В «Современнике» и «Отечественных записках» даже сложилась традиция публикации пьесы Островского в первой книжке журнала за каждый год. О. неизменно фигурировал в качестве постоянного автора этих журналов в объявлениях об издании на следующий год, начиная с 1857 года (1: XIII(1), 142—145, 146—149, 156—158, 165—167, 171—175, 187—188, 203—204), за исключением 1864, 1866 (в «Отечественных записках» была принята формулировка: «состав редакции и сотрудники останутся те же»). Кроме того, Некрасов был посредником в отношениях О. с издателями собраний его сочинений и сам выступал таким издателем.

Точная дата знакомства Некрасова и О. неизвестна. Очевидно лишь, что оно произошло не позднее 24 января 1854 года, когда О. наряду с И.С. Тургеневым и П.В. Анненковым получает приглашение на обед к Некрасову. Существует недостоверное свидетельство А.Я. Панаевой, что уже летом 1853 года писатели могли быть лично знакомы (15: 220—221). В письме к

Некрасову от 27 июня 1856 года О. говорит о включении его в число постоянных сотрудников «Современника» и о знакомстве писателей как о случившемся в одно время (8: XI, 75—76), что, с одной стороны, ставит под сомнение свидетельство А.Я. Панаевой, а с другой – может указывать на то, что приглашение на обед в январе 1854 года было проигнорировано О.

Ясно, что уже в начале 1852 года О. как литератор находится в поле зрения редактора «Современника», в № 3 которого публикуется статья И.С. Тургенева «Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста», которая явилась откликом на статью А.А. Григорьева («Литературные явления прошедшего года» — «Москвитянин», 1852, № 4), неумеренно восхвалявшую «Бедную невесту». Признав «замечательный» талант О. и выразив надежду на «будущее его значение», Тургенев писал в основном о недостатках пьесы: о излишне мелочной отделке характеров, о растянутости пьесы, о сочиненности образа Марьи Андреевны (10: 129, 27: 12). В 1854 году произведение Островского вновь становится предметом критического разбора на страницах журнала — в № 5 печатается рецензия Н.Г. Чернышевского на комедию «Бедность не порок», в которой автор сетовал на то, что «ошибочное направление губит самый сильный талант». Существует также предположение, что пародия на «драматический и психологический этюд» О. «Неожиданный случай», напечатанный в альманахе «Комета» (М., 1851) и провозглашенный в «Москвитянине» образцом «художественности и искренности» в искусстве, в «Заметках Нового поэта о русской журналистике. Май 1851» («Современник». 1851. № 5. Отд. III. С. 1—32) принадлежит перу самого Некрасова (5: 40).

В то же время отношения О. с издателем «Москвитянина» М.П. Погодиным становятся все более натянутыми. Скупость Погодина (10: 124), имевшего привычку удерживать жалование (О. прибегал даже к розыгрышу, чтобы получить его (10: 306), постоянные конфликты с ним подтолкнули драматурга к уходу из «Москвитянина», положение в котором никогда не было устойчивым.

В основе перехода О. из «Москвитянина» в «Современник» помимо сугубо финансовых причин лежали и причины мировоззренческого порядка. Эти составляющие решения О. находились в тесной связи. В 1855 году в творчестве драматурга наступает кризис. Количество постановок на московской и петербургской сцене по сравнению с предыдущими годами сильно упало (77 представлений в 1853 году, 44 – в 1854, 21 – в 1855). При большом количестве замыслов (8: II, 660) после "Не так живи, как хочется" более года О. не удается написать новую пьесу. В это же время резко меняются и общественные условия. После поражения России в Крымской кампании и смерти императора Николая в журналистике постепенно начинается активное обсуждение актуальных проблем русской жизни, что в определенной мере могло подтолкнуть драматурга к отказу от идеализации патриархальных форм народного быта, свойственной его творчеству «москвитянинского периода».

На необходимости изменения характера творчества О. настаивал в «Современнике» и Некрасов. В «Заметках о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 гг.» он советовал О. перестать жертвовать «полнотой и шириной своих лиц» ради соблюдения «условий театральных», призывал избавиться от «излишней боязни отступить от истины», «археологического рвения» в погоне «за точностью народного языка», а также упрекал О. за «крутые развязки». При этом Некрасов несколько раз подчеркнул, что считает О., «бесспорно, первым драматическим писателем» и решается высказать критические замечания в его адрес только потому, что ценит его дарование и сожалеет о том, что О. «сам связывает себе руки» (6: 49—50 тт., 272—274, 21: 263—265, 26: 72, 77). Ожидание большей творческой свободы, о которой писали редактор и критики «Современника» стало одной из причин расположения О. к этому журналу.

Не в последнюю очередь на решение О. повлияла и собственно литературная позиция Некрасова. Говорить о взаимном влиянии в данном случае затруднительно не только из-за величины дарования обоих литераторов, скорее влиявших, чем попадавших под чье либо влияние, но и

потому что области словесности, в которых работали Некрасов и О., сильно различались. Но в то же время очевидны смежность материала, тем и сюжетов произведений драматурга и поэта, общее для них видение конфликтных моментов в окружающей действительности. Оба автора начинали в рамках натуральной школы (см. напр., «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг» и «Записки замоскворецкого жителя» О.). Для обоих в период перехода О. в «Современник» свойственно внимание к быту, причем к быту недворянских сословий. Прозаизированная лирика Некрасова тех лет (напр., «Извозчик», «В деревне») должна была отвечать представлениям О. об актуальном в литературе.

Исследователями отмечалось и влияние О. на драматургию Некрасова. Указывалось, что «О., как, очевидно, ранее Гоголь, помог намечавшейся уже в 40-х годах эволюции Некрасова от водевиля к бытовой реалистической комедии» (21: 203). В частности же, О. помог Некрасову углубить его наблюдения над бытом купеческого сословия и «оформить их в драматическое произведение с социальным конфликтом» — пьесу «За стеной» (21: 204).

Позже в известном письме 1869 года О. высказал мнение, что только они с Некрасовым «настоящие народные поэты», только они умеют любить народ «и сердцем чувствовать его нужды без кабинетного западничества и без детского славянофильства» (8: XI, 315—316). Эти слова совершенно искренне свидетельствуют о переживавшейся О. духовной близости с Некрасовым. Причем речь идет о свойственном для обоих ощущении сопричастности народному началу, а не только об общей любви к фольклору, владении песенным словом. Так, исследователями отмечалась родовая принадлежность стиха Некрасова к фольклорно-песенному стиху и связанность театра Островского с народными площадными представлениями (25: 49). «Именно оно <национальное начало> едва ли не строит в первую очередь и главным образом само их творчество как бесспорнейшее явление классической литературы» (25: 51).

Вопрос о сотрудничестве О. в «Современнике» впервые встает в начале следующего 1855 года. 10 февраля И.С. Тургенев по просьбе редакторов обращается к О. с предложением поместить последнюю его комедию «Не так живи, как хочется» в их журнале за 250 рублей серебром. Ответ драматурга на это предложение неизвестен, но в 1955 году ни одного его текста в «Современнике» напечатано не было.

Еще ни разу не появившийся на страницах журнала О. включается в проект «обязательного соглашения», замысел которого появился у Некрасова не позднее 14 февраля 1856 года. Помимо репутации О. как известного драматурга на это решение, вероятно, повлияло и «великолепное чтение» О. на вечере у Тургенева 11 числа этого же месяца «первой своей комедии» «Свои люди – сочтемся» (16: 375) и «небольшой пьесы» «Семейная картина» (17: I, 431), с которой драматург и «дебютирует» впоследствии в журнале Некрасова.

Собственно, 14 февраля, когда (вероятно, впервые) на «генеральном обеде у Некрасова» обсуждался план «журнальной компании», скорее всего и была достигнута договоренность о первом участии О. в журнале с пьесой «Семейная картина» (10: 173—176). Возможно, именно поэтому и «пили здоровье Островского», как свидетельствует запись в дневнике Дружинина (16: 376). Так или иначе, но уже 15 февраля О. был запечатлен на известной фотографии С.Л. Левицкого в статусе сотрудника «Современника» (эта фотография висела в кабинете О. до конца его жизни), а 9 апреля в № 4 журнала перепечатана «Семейная картина», впервые опубликованная в «Московском городском листке» в марте 1847 года под заглавием «Картины московской жизни».

Эта первая публикация О. в журнале Некрасова вызвала скандал в журналистике, связанный с вопросом о соавторстве Д.А. Горева-Тарасенкова в комедиях О. В распространении слухов о плагиате О., в частности, участвовал Д.В. Григорович (15: 218—219). Фельетонист «Санкт-петербургских ведомостей» В.Р. Зотов утверждал, что в перепечатке «Семейной картины» отсутствует имя второго автора пьесы, якобы указанное

при первой публикации. В письме к Некрасову от 27 июня О. попросил Некрасова заступиться за него и высказал намерение самостоятельно публично ответить в «Современнике» (8: XI, 75—76). Некрасов поддержал О. в ответном письме (1: XIV(2), 23) и опубликовал написанную О. статью-отповедь в августовской книжке «Современника», хотя сам Зотов был давним приятелем Некрасова и его благосклонным критиком (см. «Пантеон», 1856, № 2; «Северное сияние», 1865, № 2). Существует предположение об участии Некрасова в создании сатирической поэмы Зотова «Жизнь и люди» (1843) (Крошкин А.Ф. Об участии Н.А. Некрасова в создании поэмы «Жизнь и люди» // Таганрог. пед. ин-т. Доклады 8-й научно-теоретической конференции, т. 2, Ростов-на-Дону, 1966). В 1856 году Некрасов выступил с осуждением беллетристики Зотова («Современник», 1856, № 2).

«Молодая редакция» «Москвитянина» ревниво отнеслась к переходу О. в «Современник». А.А. Григорьев вспоминал: «Современник» начал заискивать Островского и – как привесок – меня, думая, что поладили» (18: 376). Впрочем, сам О. никогда не изменял своего благожелательного отношения к участникам «молодой редакции». По свидетельству С.В. Максимова (к сожалению, лишенному конкретности), «на защиту обвиняемых друзей в эпоху всеобщего отрицания (как, например, на обеденных собраниях у Некрасова) Островский, здесь всегда серьезный и сдержанный, более молчаливый и прислушливый, чем разговорчивый, выступал с горячностью и убедительностью» (10: 122).

В первый год сотрудничества О. в журнале Некрасов в письмах неоднократно просит его поскорее прислать пьесу «Не сошлись характерами!» (1: XIV(2), 23, 25). Ни в 1856 году, ни в следующем 1857 эта комедия в «Современнике» не вышла. Текст послан О. лишь с письмом от 2 декабря 1857 года (8: XI, 102), а напечатан в номере журнала за январь 1858 года. Это связано с тем, что форма воплощения этого замысла многократно менялась и пересматривалась О. в ходе работы.

Так, в письме от 27 июня 1856 года он сообщает Некрасову о работе над «пьесой», в письме от 18 июля того же года – о том, что «вышло в форму

повести (листа 2,5 печатных)» (8: XI, 75), в письме от 1 августа – о том, что «рассказ «Не сошлись характерами» готов» и будет выслан с первой почтой (8: XI, 82). 12 октября 1856 года О. пишет И.И. Панаеву о том, что из-за болезни не успевает окончить «рассказ» к № 11 «Современника» (8: XI, 87), а в письме от 14 декабря – что «из рассказа, который я вам обещал, выходит большая повесть, и я ее кончу нескоро» (8: XI, 87). И только в письме от 2 декабря 1857 (почти через год) О. вновь называет «Не сошлись характерами!» «пьеской» и говорит о ней так, будто речь о публикации ее в «Современнике» идет впервые (можно предположить здесь расчет на то, что Некрасов уже забыл о переговорах годичной давности) (8: XI, 102).

Работа над текстом пьесы была также прервана известной поездкой О. с группой литераторов по Волге, предпринятой в апреле-августе 1856 года по заданию Морского министерства и оказавшей значительное влияние на творчество драматурга (считается, что в ходе этого путешествия у О. родился замысел «Грозы»). В июле, когда О. сломал ногу в Калязине (8: XI, 78), Некрасов тогда откликнулся на просьбу драматурга о материальной помощи, выслав ему 50 рублей серебром (1: XIV(2), 25).

Следует признать такую форму деловых отношений Некрасова и О. типичной: драматург редко укладывался в требуемые редактором сроки, и впоследствии Некрасов поэтому отказался от практики назначения таких сроков.

О. относился к своим обязательствам по «соглашению» весьма серьезно и был одним из наиболее исполнительных его участников (3: 54), но в то же время продолжал деловые отношения с кругом «Москвитянина». Так, в письме от 1 августа 1856 года он попросил Некрасова в планируемом объявлении «об исключительном участии в «Современнике» объяснить читателям причину, по которой пьеса «Доходное место» выйдет в «Русской беседе». Драматург сообщил, что отдал эту пьесу в сторонний журнал давно и не знает, почему ее не печатают (8: XI, 82).

О. в данном случае воспользовался правом каждого из участников соглашения напечатать по одному произведению, ранее обещанному, в

другом журнале (см., например, «Объявление об издании «Современника» в 1857 году» (I: XIII(1), 142—144). Одним из издателей «Русской беседы» был Т.И. Филиппов, с которым О. был близок в «москвитянинский период». Любопытно при этом, что собственно «исключительное участие» в «Современнике» О. предполагалось лишь с 1857 года, то есть не менее чем через полгода после этого письма. В действительности О. 1 августа еще даже не начал работу над «Доходным местом» (работа над драмой велась в октябре – декабре 1856 года, опубликовано «Доходное место» было в № 1 «Русской беседы» за 1857 год), то есть знал, что в 1856 году скорее всего не успеет издать пьесу и, вероятно, пытался таким образом обезопасить себя от санкций, предусматривавшихся «соглашением» за публикацию «статей» в других журналах в 1857 году (I: XIII(2), 241).

Существует также версия, согласно которой Островский обещал «Русской беседе» драматическую хронику «Козьма Захарыч Минин Сухорук», а «Доходное место» отдал вместо нее, так как работа над хроникой затянулась (10: 141—142, 147, 540—541).

Дополнительную остроту этому сюжету добавляет то обстоятельство, что «Современник» довольно жестко отреагировал на статью самого Т.И. Филиппова в первом же номере «Русской беседы», посвященной разбору драмы О. «Не так живи, как хочется», в которой автор преподносил многотерпение русской женщины как трогательнейшее явление. Некрасова тревожил резкий отзыв Чернышевского, который мог бы сорвать налаживавшееся тогда сотрудничество О. в «Современнике», но в то же время на идеологическую уступку в данном случае Некрасов идти не собирался (См. письмо Боткину от 16 июня 1856 года). Считается, что ответом самого Некрасова Филиппову стало стихотворение «Катерина», в котором присутствует отсылка к той же самой народной песне, на основании которой редактор «Русской беседы» рассуждал о терпении как отличительном качестве русской женщины (30: 93—108).

О. в это же время писал и для «Современника». Уже во втором номере журнала за 1857 год вышла комедия «Праздничный сон — до обеда», о

публикации которой О. в отсутствие уехавшего за границу Некрасова договаривался с И.И. Панаевым (8: XI, 87) и которую О., по-видимому, рассматривал как возможность рассчитаться с «Современником» за «Доходное место» и «Не сошлись характерами!». Об этом свидетельствуют, в частности, письма Панаеву от 14 декабря 1856 года и 11 января 1857 года (8: XI, 87, 89).

Вопрос о публикации Некрасовым «Доходного места» не был снят после выхода комедии в «Русской беседе». 26 сентября 1857 года Некрасов интересуется, может ли О. прислать что-нибудь для «Современника», и предлагает ему перепечатать в «Легком чтении» «Доходное место» и «Картины из купеческого быта» (т.е. «Семейную картину»), за которые готов хорошо заплатить (125 рублей серебром за «Доходное место» или 150 – за все вместе). Некрасов при этом подчеркнул исключительность предлагаемых О. финансовых условий (1: XIV(2), 93). О., опасавшийся, что новая публикация «Доходного места» не позволит ему продать полученные от «Русской беседы» оттиски отказался предоставить комедию Некрасову, а против перепечатки «Семейной картины» в «Легком чтении» не возражал (8: XI, 97), и пьеса вышла в седьмом томе сборника (СПб, 1858).

Вернувшийся в конце июня 1857 года из-за границы Некрасов нашел «Современник» в плачевном состоянии и жаловался в письме к Островскому на участников «обязательного соглашения», не выполняющих своих обязательств (1: XIV(2), 83). Только к О. редактор обратился трижды с просьбой прислать что-нибудь для журнала (1: XIV(2), 83, 93). Кроме того, вместе с прочими участниками соглашения О. получил «Обращение редакции «Современника» от 30 июля, в котором, в частности указывалось на то, что «деятельность гг. участников до настоящего времени весьма мало оправдывала ожидания публики», и, что «редакция не имеет не только ни строки ни от одного из гг. участников, но даже ни одного верного и срочного обещания, на которое могла бы прочно рассчитывать» (1: XIII(2), 244—245). О. ответил, что им готовится «целый ряд пьес под общим заглавием «Ночи на Волге», одну из которых он обещает прислать в конце октября или начале

ноября (8: XI, 97). Обещание О. вновь остается не выполненным. Из задуманного цикла была осуществлена лишь пьеса «Воевода» и только к 1865 году.

Зато в декабре 1857 года (см. выше) О. послал Некрасову давно обещанную пьесу «Не сошлись характером!» Некрасов в ответном письме от 22 января сообщил О., что комедия «нравится публике и хороша по общему отзыву литераторов, в том числе и моему» (1: XIV(2), 103—104). Некрасов в данном случае скорее подбадривал драматурга, а не объявлял действительное свое мнение о пьесе. Так, в письме И.С. Тургеневу от 25 декабря Некрасов указывает, что «Островский после долгого бездействия прислал слабую вещь» (1: XIV(2), 101).

В письме от 2 декабря 1857 года, с которым была прислана комедия, О. сообщил, что теперь готовит для «Современника» большую вещь — историческую хронику «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», а в письме от 24 января 1858 года обещал «постом закончить «Минина» непременно» (8: XI, 103). Весной 1858 года пьеса закончена не была. Более того, работа над хроникой была завершена лишь в декабре 1861 года, а опубликована пьеса была в № 1 «Современника» за 1862 год. Получается, что со времени первого обещания опубликовать этот труд в «Современнике» (8: XI, 82) до появления текста в журнале прошло шесть с половиной лет.

Впрочем, весной 1858 года проект «обязательного соглашения» уже сворачивался. Так, в письме от 22 апреля Некрасов просит О. лишь «об одном <...> — отдавать предпочтение «Современнику» перед другими при равных условиях» (1: XIV(2), 108—109). Примерно с этих пор Некрасов перестал требовать от О. текстов и предъявлять ему сроки, к которым эти тексты должны быть выполнены. Кроме того, О. в это время получил несколько приглашений к сотрудничеству в «Библиотеке для чтения» (19: 110—111; 12: 137). Инициатива в вопросе о публикации пьес О. в «Современнике» постепенно переходит к драматургу.

При этом в начале апреля О. впервые обратился к Некрасову с просьбой помочь ему издать свои сочинения — пьесы «Семейная сцена»,

«Утро молодого человека», «В чужом пиру похмелье», «Праздничный сон до обеда» и «Не сошлись характерами», которые еще «не были отдельно напечатаны» (8: XI, 106). В письме от 22 апреля Некрасов ответил, что готов напечатать пьесы, пообещал выслать 400 рублей серебром при условии, что О. не передаст никому права на следующее издание до тех пор, пока Некрасов не продаст этого (1: XIV(2), 108).

Предложенные Некрасовым тогда условия не удовлетворили О., так как 10 мая с аналогичной просьбой он обратился к графу Г.А. Кушелеву-Безбородко через посредничество И.Ф. Горбунова. При этом в письме к последнему О. косвенным образом упрекнул Некрасова в попытке обогатиться за его счет (8: XI, 108). Кушелев-Безбородко предложил О. купить все его произведения, написанные до настоящего времени. Это предложение обрадовало драматурга, который постоянно нуждался в деньгах, и в конце июня 1858 года он продал Кушелеву все свои сочинения за 4000 рублей серебром. Кушелев осуществил первое двухтомное издание: «Сочинения А.Н. Островского» (Спб., 1859, цензурное разрешение 17 октября 1858 г.). На это издание «Современник» откликнулся статьей Н.А. Добролюбова «Темное царство» («Современник», 1859, № 7,9), в которой с О. были окончательно сняты все обвинения в плагиате и была дана интерпретация его творчества как правдивой картины общественных конфликтов.

Период с конца апреля 1858 по начало 1860 года характеризуется крайней скудностью свидетельств о контактах Некрасова и О. Драматург в это время активно сотрудничает с журналом "Библиотека для чтения", в котором публикует пьесы "Воспитанница" (1859) и "Гроза" (1860), основная работа над которой была закончена в первой половине октября 1859 года. "Современник" откликнулся на постановку "Грозы" положительной рецензией в "Заметках Нового поэта" И.И. Панаева (1859, № 12). В октябрьском номере журнала за 1860 год была напечатана статья Н.А. Добролюбова "Луч света в темном царстве", в которой критик не только дал высочайшую оценку творчеству О., но и выразил в концентрированном виде

свои идейно-политические и художественно-эстетические воззрения. Учитывая отзывы известных литераторов (со специальными рецензиями выступили И.А. Гончаров, П.А. Плетнев и А.Д. Галахов) и критики, комиссия по присуждению наград графа Уварова при Академии наук 25 сентября 1860 года удостоила Островского за драму "Гроза" Уваровской премии.

В № 3 «Современника» за 1859 год был опубликован фельетон «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта», составленный И.И. Панаевым, А.В. Дружининым, О. и Некрасовым. Фельетон завершается заметкой об обеде, данном петербургскими литераторами 10 марта в честь А.Е. Мартынова, уезжавшего на лечение на юг. В описание включены стихотворение Некрасова «Со славою прошел ты полдороги...», прочитанное поэтом на обеде, коллективный адрес, составленный по поручению литераторов и прочитанный А.В. Дружининым, и речь О. Предположение об участии Некрасова в составлении заметки сделал Б.В. Мельгунов (5: 50). Этот текст стал, таким образом, единственным случаем соавторства Некрасова и О.

В 1860 году О. и Некрасов вместе участвуют в публичных чтениях и других мероприятиях в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, а также выступают на вечере в пользу бедных студентов в университете (2: II, 196—197, 205, 207—208). В этом же году редакция «Современника» издала «Воспитанницу», впервые напечатанную в «Библиотеке для чтения» в 1859 году, а в № 9 журнала была опубликована пьеса «Старый друг лучше новых двух», первые четыре явления которой под названием «Сцены из неоконченной еще комедии» были напечатаны в № 29 «Московского вестника» также в 1859 году. Некрасов, нашедший пьесу «великолепной», планировал напечатать ее в апрельском номере, но к его выходу она опоздала. В письме к драматургу Некрасов выразил пожелание, чтобы пьеса «не только не игралась, но и не ходила в списке до ее появления в «Современнике» (1: XIV(2), 134—135). Эта просьба была выполнена О.

В конце 1860 года отношения между писателями ухудшаются из-за истории с предоставлением конторой «Современника» счета О. (1: XIV(2), 148). Он неоднократно просил предоставить этот счет, но его просьба удовлетворена не была. Некрасов для внесения ясности в ситуацию 31 декабря призвал О. подождать с получением денег, извинился за задержку с составлением счета и объяснил ее болезнью детей И.А. Панаева, ответственного за этот вопрос. Кроме того, Некрасов выразил уверенность, что «Современник» ничего не должен О., и упрекнул его в невыполнении обещаний по предоставлению материалов для журнала (1: XIV(2), 148—149).

Как разрешился этот конфликт, неизвестно, однако в середине июня следующего 1861 года по пути из Ярославля в Петербург Некрасов остановился в Москве, где встречался с О. Известно, что писатели обсуждали роман в стихах Я. П. Полонского «Свежее предание», который очень понравился Некрасову (13: XXVIII(2), 20). Следует предположить, что ситуация со счетом О. к этому времени уже была исчерпана.

Некрасов активно участвовал в истории с цензурным запрещением пьесы О. «За чем пойдешь, то и найдешь» (опубликована в № 9 журнала «Время» за 1861 год). В конце ноября 1861 года О. в письме к Некрасову сообщил, что Театрально-литературный комитет при Дирекции императорских театров запретил к постановке на сцене «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова»). Взволнованный таким решением цензуры драматург заключил письмо выражением готовности оставить театр в случае, если комитет не изменит своего решения (8: XI, 141). Некрасов хлопотал о разрешении комедии у директора императорских театров А.И. Сабурова. 5 декабря Некрасов написал О., что Сабуров принял его сторону, но «уверяет, что комитет действует помимо него» (1: XIV(2), 166). Усилия редактора «Современника» и журнальная кампания в защиту драматурга, в которой, в частности, приняли участие «Гудок» (1862, № 42), «Искра» (1861, № 44), «Время» (1862, № 10), привели к тому, что через год Театрально-литературный комитет пересмотрел свое решение: в середине ноября 1862 года была разрешена постановка пьесы на сцене Александринского театра.

Формулировка нового решения при этом была унижительна для драматурга: указывалось, в частности, что публика Александринского театра менее взыскательна, а потому не обладающая «большим сценическим и литературным достоинством» пьеса О. должна идти именно на ней. Это уже второй случай, когда Некрасов публично вступает за произведение О., и первый случай использования редактором своих бюрократических связей для помощи драматургу. Впоследствии, связи такого рода будут использованы Некрасовым в его хлопотах о предоставлении О. пенсии. С письмом от 5 декабря, кстати, Островскому была послана книга стихотворений Некрасова (изд. 1861 г.), эта книга не сохранилась.

В декабре 1861 О. года заканчивал работу над хроникой «Козьма Захарьич Минин-Сухорук». В том же письме от 5 декабря Некрасов поинтересовался ходом работы О. над пьесой. Ответ неизвестен, но автор, видимо, сообщал о завершении работы над текстом или уже посылал Некрасову готовый текст, так как в последнем номере «Современника» за 1861 год было помещено объявление «От редакции», в котором анонсировалась публикация «Минина» в № 1 «Современника» за следующий год (*I*: XIII(1), 175, 451).

9 января 1862 года О. приехал в Петербург и дважды в присутствии Некрасова читал «Минина» — в Литфонде на квартире Ег. П. Ковалевского (8: XI, 143; 2: II, 289) и в зале Бенардаки 15 января (2: II, 289). В этот визит О. в столицу, видимо, происходит дальнейшее сближение писателей. В письме от 6 марта Некрасов, отвечая на неизвестное приглашение О., сообщил, что приехать в Москву не сможет, хотя «ужасно хочет». Кроме того, Некрасов объяснил О. невозможность осуществления отдельного издания драмы «Козьма Захарьич Мини-Сухорук» в связи с покупкой Карабихи, но пообещал «купца на «Минина» приискать» (*I*: XIV(2), 171). То есть драматург, вероятно, в очередной раз обращался к Некрасову как к издателю с предложением напечатать свое сочинение.

После приостановки «Современника» в июне 1862 года (кстати, в последнем номере журнала вышла статья О. «По поводу женских характеров

в некоторых повестях») пьеса О. («Тяжелые дни») появилась в журнале Некрасова только в октябре 1863 года (№ 9). Однако переговоры о ней начались, по всей видимости, еще в конце октября – начале ноября 1862 года, когда Некрасов, рассказав о своих надеждах на возобновление журнала и продолжение сотрудничества в нем О., попросил драматурга приберечь для него пьесу, которая «может быть готова в ближайшем времени» (1: XIV(2), 179—180).

В конце июня – начале июля 1863 О. наряду с М.Е. Салтыковым, А.А. Потехиным, И.Ф. Горбуновым, И.Е. Турчаниновым, А.А. Рассказовым, М.А. Жилиной, М.И. Вилькен (Ушаковой) гостил у Некрасова в Карабихе (1: XV(1), 206; 2: II, 353). В это время происходит дальнейшее сближение писателей. Об этом можно судить, например, по теплому тону письма Некрасова из Карабихи от 8 сентября, в котором автор впервые в переписке с О. назвал его другом, пожалел о несостоявшейся встрече в Нижнем Новгороде, куда Некрасов ездил в середине августа (О. уехал из города за день до приезда Некрасова) и передал привет от родных (1: XIV(2), 11—12).

В этом же письме редактор попросил О. передать «Тяжелые дни» приезжающему в Петербург 10 сентября М.Е. Салтыкову. Окончательная договоренность о публикации этой пьесы в «Современнике», видимо, была достигнута во время пребывания О. в Карабихе или же в несохранившейся переписке Некрасова и О. в период с июля по сентябрь.

В следующий раз пьеса О. появилась на страницах журнала Некрасова только через год. В № 9 «Современника» (вышел в свет 21 октября) за 1864 появилась его комедия «Шутники». Некрасов дважды побывал на представлениях пьесы – на премьере в Малом театре в Москве 12 октября (2: II, 387) (в начале октября Некрасов приехал из Карабихи в Москву, а в середине октября – в Петербург) и в Александринском театре до 29 октября (2: II, 388). Этим числом датируется письмо Некрасова к О. с изложением впечатлений от петербургской постановки. Автор сообщил, что пьеса в столице нравится меньше, чем в Москве, и объяснил это слабой игрой

актеров (1: XV(1), 19—20). Это был первый столь развернутый отзыв о пьесе О. со стороны Некрасова в переписке авторов до этого времени.

Денежные взаимоотношения О. и Некрасова в это же время продолжали оставаться напряженными. Так, в письме от начала декабря 1864 года О. просил Некрасова выслать сколько-нибудь денег, которые необходимы ему к празднику, хотя и признавался, что расчеты для него «всегда были и есть дело самое последнее». При этом драматург не допускал и мысли о том, что финансовая составляющая его сотрудничества в журнале может негативно сказаться на отношениях с Некрасовым (8: XI, 193).

Сам редактор «решительно не хочет допустить», чтобы между авторами «вышло что-либо неприятное из-за денег» и поэтому предложил впредь «договариваться в цене предварительно». «Таким образом, сберегутся между нами добрые отношения, которыми я чрезвычайно дорожу,» — заключает Некрасов (1: XV(1), 19—20). Редактор установил О. полустную оплату в 200 рублей серебром, но согласился платить и больше, если эта расценка его не удовлетворит. Драматург, похоже, действительно остался недоволен условиями, предложенными Некрасовым. На письме от 29 октября он сделал помету: «Писемскому Краевский дает 250 р.» (9: 136).

В последнем из упомянутых писем О. кроме прочего сообщил, что окончил «Сон на Волге» и занимается теперь «только отделкой и перепиской». При этом О. разрешил Некрасову напечатать в журнале объявление о том, что пьеса «Воевода» («Сон на Волге») будет напечатана в первой книжке «Современника» за 1865 год (8: XI, 193). Вопрос о публикации этой драмы в журнале Некрасова поднимался уже в начале 1864 года.

Впервые Некрасов мог слышать «Сон на Волге» в исполнении О. у себя на обеде, который состоялся 12 января 1864 года (2: II, 364; 6: т. 86(1), 86). Замысел драмы очень понравился Некрасову — в письме он называет «Сон на Волге» «гениальной вещью» и интересуется мнением О. о поэме «Мороз, Красный нос» (1: XV(1), 16). Отвечая на жалобы О. на здоровье и хандру (8: XI, 193), Некрасов в очень теплых тонах выразил драматургу сочувствие и

поддержку, пожелал ему скорейшего выздоровления и пригласил погостить в Карабихе летом. К сожалению, не сохранилось ответное письмо О., которое должно было содержать не только свидетельства дальнейшего развития дружеских отношений между писателями, но и развернутый отзыв о поэме Некрасова.

Комедия «Воевода (Сон на Волге)» была напечатана в первом номере «Современника» за 1865 год (вышел в свет 11 февраля). О. приезжал в Петербург, где пробыл с 9 января по 3 февраля. Чтение на квартире у Некрасова 12 января состоялось в присутствии П.В. Анненкова, И.Ф. Горбунова и М.Н. Островского (I: XV(1), 21; 8: XI, 195; 8: XI, 200).

Несмотря на сложное положение «Современника», 1865 год, вообще, стал самым продуктивным в смысле сотрудничества в нем О. В этом году на страницах журнала кроме «Воеводы» вышла еще оригинальная комедия «На бойком месте» (Из-за тяжелых финансовых условий во второй половине сентября Некрасов даже вынужден был предложить О. забрать ее назад (I: XV(1), 31) и перевод пьесы Шекспира «Укрощение строптивой» (у О. – «Усмирение своенравной») – в № № 9 и 11—12 «Современника» соответственно. Последняя работа, законченная в середине августа (I, XV(1), 29, 219), готовилась О. для предпринимавшегося Н.В. Гербелем и Некрасовым «Полного собрания драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей».

Переписка Некрасова и О. в 1866 году была посвящена в основном вопросу о публикации драмы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» в «Современнике», а после закрытия журнала – в планировавшемся Некрасовым альманахе. Еще 31 января редактор, рассчитывавший, что «Современник» «в наступившем году авось не умрет», высказал пожелание опубликовать пьесу, работа над которой тогда еще не была завершена в мартовском номере журнала (I: XV(1), 40).

Сначала О. хотел опубликовать «первую часть» драмы весной, а вторую часть – отложить до осени, но из-за проблем со здоровьем работа над

текстом затянулась (8: XI, 220). Некрасов и О. сошлись во мнении, что печатание всей пьесы следует осуществить осенью (8: XI, 223; 1: XV(1), 44).

13—15 мая О., оценивавший драму как переломный момент в своем творчестве («Хорошо или дурно то, что я написал, я не знаю, но во всяком случае это составит эпоху в моей жизни, с которой начнется новая деятельность; все, доселе мною писанное, были только попытки, а это, повторяю опять, дурно ли, хорошо ли, произведение решительное» (8: XI, 220), в письме к Некрасову попросил оплатить предстоящую публикацию «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского» в «Современнике»: «Ни с кого бы я не взял за эту пьесу менее 3000 р., с Вас возьму 2500, если Вы отдадите мне их теперь же». Столь высокую цену драмы О., из письма брата знавший о тяжелом положении журнала (6: т. 88, кн.1, 249—250), объяснил тем, что в отличие от прошлых лет смог за зиму заработать не три, а только полторы тысячи рублей, которые уже прожил. Кроме того, О. серьезно болел и ему были необходимы деньги на лечение (8: XI, 224).

18 мая Некрасов ответил, что не может заплатить О. за его труд более 1500 рублей ввиду «шаткости существования журнала» (12 мая «Современник» был приостановлен, а 1 июня того же года редакция получила уведомление о его закрытии), и при этом все же считает предложенные им условия «самыми выгодными». В случае несогласия О. на такую сумму Некрасов рекомендует обратиться к М.М. Стасюлевичу, хотя и не уверен, что редактор «Вестника Европы» сможет предложить О. больше (1: XV(1), 45). О. в конечном итоге последовал совету Некрасова, и драма «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» действительно была впоследствии напечатана в журнале Стасюлевича (№ 1 за 1867 год). Через несколько лет во время ссоры между писателями, связанной с изданием «Снегурочки», О. вновь найдет своего издателя в Стасюлевиче.

Переговоры О. с Некрасовым о публикации драмы на этом не закончились. В середине июля О. писал из Щельково о своем согласии с предложенными условиями (8: XI, 224—225). Некрасов, однако, ответил уже из Карабихи в конце июля, что отказался от планов издания альманаха после

закрытия «Современника», и вообще собирался «от литературы <...> отдохнуть, во всяком случае не связывать себя ничем заранее». Кроме того, необходимая О. сумма к этому времени стала для Некрасова слишком велика, потому что «много предстоит выдач» (I: XV(1), 50).

Помимо Стасюлевича Некрасов в 1866 году рекомендовал О. еще и журнал Ю.М. Богушевича «Литературная библиотека», который характеризовал как «дело довольно прочное, требующее только поддержки со стороны любимых публикою литераторов» (I: XV(1), 52).

В начале июля 1867 года О. навестил Некрасова в Карабихе (9: 160), и вел переговоры о публикации в якобы готовившемся Некрасовым сборнике «пизэсы и перевода итальянской комедии» (8: XI, 260). О какой пьесе идет речь, неизвестно, но показательно, что, несмотря на перерыв в редакторской деятельности Некрасова, драматург продолжал рассматривать его в качестве главного издателя своих сочинений. Об этом же свидетельствуют и не осуществившиеся планы продать Некрасову «Василису Мелентьеву», над которой О. совместно с С.А. Гедеоновым работал в ноябре (8: XI, 269) и которая в итоге появилась в № 2 «Вестника Европы» за 1868 год (8: XI, 269; VII, 571).

Некрасов торопил П.М. Ковалевского с рецензией на «Василису Мелентьеву», которую хотел успеть поместить в первом номере журнала под его редакцией (I: XV(1), 67). В рецензии Ковалевского «Василиса Мелентьева» оценена как «лучшая из исторических драм» Островского (8: VII, 572).

К началу 1868 года относится интересный факт из истории отношений писателей. 10 февраля Московское губернское жандармское управление уведомило Третье отделение о том, что Н. Мамонтов, просящий разрешения издавать «Театральный листок», есть лицо подставное и что фактически руководить газетой собирается А.Н. Плещеев при участии Некрасова и Островского. В числе целей издания Жандармским управлением указано, в частности, восхваление пьес Островского и борьба за их монопольное положение в императорских театрах (17, 168).

Некрасов прибегал к авторитету О. в театральной среде в достижении некоторых собственных целей. Впрочем, свои бюрократические связи О. использовал не так охотно, как сам Некрасов. Так, 10 июля Некрасов в письме к О. просил того способствовать утверждению В. А. Слепцова в должности режиссера Александринского театра и написать о Слепцове несколько слов С.А. Гедеонову. При этом Некрасов исходит из предположения, что протее О. Бурдин шансов получить это место не имеет (*I: XV(1), 76—77*). Вероятно, О. не настаивал на назначении Бурдина (*8: XI, 281*), но и с просьбой о Слепцове к Гедеонову не обращался. В августе 1868 года режиссером Александринского театра был назначен А.А. Яблочкин.

Позже, 28 ноября 1870 года Некрасов предложил О. отдать «Лес» для бенефиса П.В. Васильева, который должен был состояться 27—28 января (*I: XV(1), 146*). О., не собиравшийся ставить пьесу в этом сезоне (*8: XI, 333*), предоставил ее для бенефиса Ф.А. Бурдина, состоявшегося на сцене Александринского театра 1 ноября 1871 года. До самого Бурдина дошли слухи о просьбе Некрасова, в письме от 2 декабря 1870 года он писал Островскому: «Я слышал, что Васильев просил Некрасова написать тебе, чтобы ты отдал для его бенефиса свою новую пьесу. Неужели ты сделаешь это после такого милого сюрприза с «Бешеными деньгами», который он тебе устроил?» (*II: 184*).

В № 11 «Отечественных записок» за 1868 год была опубликована комедия О. «На всякого мудреца довольно простоты». 19 октября Некрасов, получивший к тому времени рукопись, отвечая на неизвестное письмо О., высоко оценил пьесу и увидел в ней «затки истинного комизма». При этом Некрасов сообщал, что ради печатания новой работы О. отложена повесть Успенского «Разоренье» (*I: XV(1), 81*).

В «Отечественных записках» была продолжена традиция печатать в первом номере пьесу Островского. Так первый номер журнала за 1869 год содержал пьесу «Горячее сердце». 1870 год планировалось открыть пьесой «Бешеные деньги», однако О. успел закончить пьесу только ко второму номеру. В № 1 за 1871 год был напечатан «Лес», который Некрасов считал

вещью великолепной и о котором обещал О. сообщить более подробное мнение (I: XV(1), 152). Письма, содержащего выражение этого мнения не сохранилось. Возможно, обещание было выполнено при встрече.

Также в 1871 году в «Отечественных записках» (№ 9) была опубликована пьеса «Не все коту масленица» (переписки Некрасова и О., касающейся этой публикации, не сохранилось) и перевод пьесы итальянского драматурга Итало Франки «Великий банкир» (№ 7), осуществленный О. в 1867 году. Таким образом, 1871 год стал рекордным по числу пьес О. за время существования «Отечественных записок». В первой книжке 1872 года была напечатана комедия «Не было ни гроша, да вдруг алтын», которую он 30 ноября предварительно читал на обеде у Некрасова (I: XV(1), 146), и с высылкой которой редактор торопил драматурга (I: XV(1), 166).

11 декабря 1872 года в письме к О. Некрасов попросил у драматурга разрешения опубликовать комедию «Комик XVII столетия» (посланную О. в Петербург 12 сентября и к 11 декабря уже набранную для первого номера «Отечественных записок») не в первом, а во втором номере журнала за 1873 год. Некрасов готовил в это время к публикации поэму «Княгиня Волконская» и считал, что две стихотворные вещи в одном номере журнала – это слишком много. Невозможность опубликовать «Княгиню Волконскую» во втором номере Некрасов объяснял стремительно ухудшавшимися цензурными условиями. Возражений против такого решения Некрасова О. не имел, и пьеса действительно была напечатана во второй книжке, а не в первой, как обычно. Эта пьеса была заказана О. к 30 октября 1872 года в связи с 200-летием со дня первого в России спектакля в 1672 году при царствовании Алексея Михайловича.

Во второй половине – конце 1860-х годов в личной жизни О. происходят важные изменения. В начале марта 1867 года умерла от туберкулеза невенчанная жена О. Агафья Ивановна (из мещан, фамилия неизвестна; родилась ок. 1821 года), с которой О. прожил почти 20 лет. Через два года в феврале 1869 О. обвенчался с Марией Васильевной Бахметьевой, артисткой Малого театра, с которой О. сблизился еще в 1864 году. Вскоре

высочайший указ узаконил троих добрачных детей – Александра, Михаила и Марию. В этом браке родились еще трое детей – Сергей, Любовь и Николай. В переписке с О. после 1869 года Некрасов неизменно просит кланяться М.В. Островской, передает ей приветы. Сохранилось письмо Некрасова к Островской от 21 декабря 1868 года, в котором Некрасов благодарит жену О. за попечение, сообщает о поправке своего здоровья и передает приглашение на обед от П.Н. Мейшен.

В 1867 году О. с братом Михаилом выкупил у мачехи костромское имение Щельково, в котором с тех пор ежегодно жил с мая по сентябрь и которое сыграло огромную роль в жизни О. Изменяется быт драматурга, налаживается рабочий ритм, который обеспечивал его семье постоянный источник дохода. Тем не менее, финансовое положение О. все еще не было стабильным.

Осенью 1869 года О. впервые просит Некрасова помочь ему в получении пенсии, в которой он нуждался. В письме от 10 октября кроме сообщения о работе над «Бешеными деньгами» содержится просьба ходатайствовать за О. перед С.А. Геденовым или В.Ф. Адлербергом: «Просто скажите: пора сделать что-нибудь для Островского, он написал целый русский театр в 30 пьес и доставил сборов Дирекции более миллиона. Будьте отец и благодетель! Мне теперь жутко приходится с детьми, а ведь я честно трудился для театра 20 лет и служил ему всей душой» (8: XI; 311—312).

Некрасов в ответ предложил О. составить записку, которую он при случае мог бы вручить В.Ф. Адлербергу. Кроме того, Некрасов, пребывавший в мрачном настроении, связанном с кончиной и похоронами В.П. Боткина, пожалуй, впервые столь откровенно, рассказывал О. о своем состоянии: «Я чувствую смертную хандру, которую стараюсь задушить всякими глупостями. Кажется мне, что скоро умру, однако не это причина уныния, а черт знает что! Больше о себе ничего сказать не умею» (1: XV(1), 116).

В ответ О. 15 или 16 октября (в этом же письме содержатся известные теплые слова поддержки и выражение признания О. духовной общности с Некрасовым: «Мы с Вами только двое настоящие народные поэты»). См. выше) советовал Некрасову похлопотать за него перед Адлербергом в качестве способа избавиться от хандры. Некрасов выполнил просьбу О. 4 января 1870 года М.Н. Островский написал брату, что Некрасов «просил очень теплой запиской» молодого графа А.В. Адлерберга (товарища министра двора, сына министра двора В.Ф. Адлерберга) помочь О. в ходатайствовании пенсии (9: 182).

В 1871 году Некрасов возобновляет хлопоты по этому вопросу. 25 февраля Ф.А. Бурдин, пересылая О. заявление Некрасова о желании последнего вступить в члены Общества русских драматических писателей, написал по просьбе О. (8: XI, 344). и о «его деле». Бурдин сообщил, что Некрасов собирается навестить хворающего морского министра Н.К. Краббе, чтобы просить его содействия в получении пенсии О. (9: 189; 11: 123). Состоялась ли тогда встреча Некрасова и Краббе неизвестно, но в первой половине декабря Некрасов все же посетил морского министра и написал О., что тот готов ходатайствовать за О. перед А.В. Адлербергом, сменившим к этому времени своего отца на посту министра двора, но требует от драматурга записки, которую сам «почти продиктовал» Некрасову. Эту записку Некрасов попросил прислать ему или прямо Краббе и заключил письмо уверением, что «Краббе взялся за дело горячо» (1: XV(1), 166). 15 февраля Некрасов и О. вместе ездили к Краббе, однако и в этот раз усилия редактора «Отечественных записок» успехом не увенчались. Пенсия же была предоставлена О. уже после смерти Некрасова в январе 1884 года.

О. способствовал получению Некрасовым членства в писательских организациях со своим участием. Так, еще до вступления в Общество русских драматических писателей в феврале 1869 года Некрасов вместе с М.Е. Салтыковым были избраны почетными членами Артистического кружка, которым руководили О., А.Н. Плещеев, П.М. Садовский, В.И. Живокини и др. Некрасов и Салтыков 23 февраля с письмом отправили в

библиотеку кружка издания своих сочинений (I: XV(1), 87). По видимости, это были «Стихотворения» Некрасова, изданные в декабре 1868 года, «Сатиры в прозе» Салтыкова (1868), его же «Признаки времени» и «Письма о провинции», вышедшие отдельным изданием в январе 1869 года (I: XV(1), 258).

В 1873 году Некрасов вновь помогал О. в поиске издателя для его сочинений. При посредничестве редактора «Отечественных записок» О. ранее вел переговоры с дружественным петербургским издателем и книгопродавцем С.В. Звонаревым, в 1872 году осуществившим издание «Драматические переводы А.Н. Островского», о печатании собрания сочинений в семи томах (8: XI, 376). О. надеялся получить за это собрание большие деньги (12000 рублей) (8: XI, 375) и к 21 декабря 1871 года договорился о продаже сочинений за 9000 рублей, которые должны были выплачиваться в течение 5 лет (8: XI, 378). Но уже 5 марта 1873 Некрасов писал О., что «Звонарев по глупости расстроил свои дела и должен лопнуть. <...> Надежды на него собственно нет. Ваше дело должно к кому-нибудь перейти. Так как мне Звонарев должен более 8 тысяч», то, может быть, я возьму этот контракт на себя, имея в расчете, что по нему уже выплачено 2800 р<уб>» (I: XV(2), 13) (в этом письме Некрасов, кроме того, спрашивал О., получил ли он посланную ему книгу стихов – пятую часть «Стихотворений»; эта книга сохранилась, дарственная надпись на авантитуле: «Дорогому другу и товарищу А.Н. Островскому Н. Некрасов» (I: XIII(2), 88). 24 марта Некрасов подтвердил, что взял это дело на себя, и сообщил О., что тот может получить у И.Г. Соловьева деньги, не заплаченные Звонаревым (I: XV(2), 16). 10 мая Некрасов написал, что Звонарев «кое-как справился и не вовсе устранен от издания; я взял половину в этом предприятии то, что следует автору, а он будет поставлять бумагу и печать» (I: XV(2), 22).

Осенью в истории издания собрания сочинений О. происходит новый виток. 15 ноября Некрасов написал: «В октябре Звонарев принес ко мне бумагу серенькую на Ваше издание – и мало-помалу я увидел, что дело это

он поведет скверно или затянет, и довел его самого до сознания, что дело ему не под силу даже в половине, и он отказался от него. Один я издателем быть не могу – во-первых, потому, что издательством не занимаюсь; во-вторых, возня с книгопродавцами меня ужасает» (1: XV(2), 40). Некрасов далее посоветовал О. смотреть на дело со Звонаревым как на несостоявшееся и продать сочинения в другие руки. Кроме того, Некрасов рекомендовал издателя Надеина, который «уже предлагает свои услуги» (1: XV(2), 41). 21 ноября Некрасов в письме передал О. предложение Надеина напечатать «компактное издание», что помогло бы сократить издержки (1: XV(2), 43). Этот план О. не понравился, так как он считал что «теперь разойдется и дорогое издание» (8: XI, 448).

В конечном итоге, О. подписал 21 декабря договор на восьмитомное Собрание сочинений с Некрасовым и А.А. Краевским, за которое должен был получить 10500 рублей (1: XIII(2), 274—276; 6: тт. 53—54, 349—353). При заключении соглашения О. получил аванс в 3600 рублей. Из этой суммы был вычтен гонорар, полученный О. от С.В. Звонарева за несостоявшееся издание. Остальные 6900 рублей должны были выплачиваться ему в течение последующих четырех лет, начиная с 15 января 1874 года. Довольный таким поворотом событий О. 20 декабря сообщал жене из Петербурга: «Мои сочинения будут издавать Некрасов и Краевский; это очень для меня покойно, надежнее людей трудно найти» (8: XI, 454). Это собрание сочинений вышло в 1874 году. В мае 1877 года из-за болезни Некрасова договор был передан книгоиздателю И.И. Глазунову. Ему же были проданы оставшиеся экземпляры издания (1: XIII(2), 277).

На этом история с изданием не закончилась. Дело в том, что издатель Д.Е. Кожанчиков, имевший на руках некоторое количество нераспроданных экземпляров старого собрания и отказавшийся от претензий к издателям нового, в конце октября 1874 года неожиданно потребовал от Некрасова и О. возместить убытки в размере 1700 рублей (4: 197). Некрасов, полагавший, что возможный процесс непременно выиграет Кожанчиков, рекомендовал О. выплатить деньги и сторговался с издателем сначала до 850, а затем до 700

рублей с правом последнего допродать оставшиеся у него тома (1: XV(2), 97—99; 4: 198).

В начале 1873 года между Некрасовым и О. произошла известная ссора, связанная с публикацией пьесы «Снегурочка», над которой драматург работал в течение марта. 23 апреля Некрасов в письме предложил за «Снегурочку» очень маленькую сумму – 1000 рублей. Предполагая отказ, Некрасов просил О. продолжить сотрудничество в журнале с другими пьесами (1: XV(2), 41). Возмущенный столь низкой ценой («Вы цените новый, дорогой мне труд так дешево, как никогда еще не ценили ни одного моего заурядного произведения») на произведение, в котором он «выходит на новую дорогу», О. 25 апреля написал из Москвы резкое письмо, в котором упрекал Некрасова за «незаслуженную холодность и резкость» его записки, и назвал отношение редактора к его трудам «оскорбительным». При этом О., однако, не нашел «никакой причины удалиться от журнала, которому вполне и глубоко сочувствует» (8: XI, 425—426).

На следующий день в письме к Ф.А. Бурдину О. просил его: «Как только получишь письмо, съезди к Некрасову и, не взирая ни на что, возьми у него экземпляр пьесы. Если он станет с тобой торговаться, ты его не слушай; скажи, что ты уполномочен только взять пьесу. <...> А между тем ты сделал бы для меня великое одолжение, если бы шепнул Стасюлевичу, что, мол, Островский немножко поссорился с Некрасовым и Вам есть случай приобрести «Снегурочку» (8: XI, 425—426). Через семь лет после публикации «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского» Островский продолжал рассматривать именно М.М. Стасюлевича в качестве альтернативного издателя своих трудов.

В конце апреля – начале мая Некрасов в письме к О. «протестует» против мнения того об «оскорбительности» своего письма и предложения. Некрасов призвал драматурга не смешивать «нравственную» оценку произведения и материальную, которая «зависит прежде всего от обстоятельств журнала, разных случайностей и условий и не может основываться на качестве данного произведения, когда дело идет о писателе

с установившейся репутацией и постоянном сотруднике журнала». При этом Некрасов высоко оценил художественные достоинства нового труда О. и предложил ему отдать ее в «Отечественные записки» за 1500 рублей при условии, что она будет напечатана в первом номере журнала за следующий год.

Кроме того, Некрасов предложил О. договориться о стоимости его пьес для журнала в дальнейшем, «не принимая в соображение случайностей, т.е. большего или меньшего достоинства пьесы» (I: XV(2), 19—21).

На этом, видимо, конфликт был исчерпан, так как уже 10 мая, отвечая на неизвестное примирительное письмо О., Некрасов выразил в письме к драматургу радость по поводу скорого разрешения «недоразумения» и надежду на благополучное продолжение «журнальных отношений» писателей. Некрасов предложил О. отдать следующую свою пьесу в «Отечественные записки» (кстати, и для того, «чтоб не подумала публика, что мы поссорились») и сообщил, что готов печатать до трех работ О. в год при условии, что цена одной не будет превышать 1500 рублей (I: XV(2), 21—22).

«Снегурочка» была напечатана в № «Вестника Европы», и стала, таким образом, единственной оригинальной пьесой О. со времени приобретения Некрасовым «Отечественных записок» и до его смерти, опубликованной не в «Отечественных записках». Всего при жизни Некрасова О. напечатал в «Отечественных записках» 14 пьес, в том числе одну переводную («Великий банкир», 1871) и одну в соавторстве с Н.Я. Соловьевым («Счастливейший день», 1877).

В то же время, Некрасов осенью 1873 года все еще не исключал варианта, при котором следующее произведение О. не будет отдано в «Отечественные записки» и дважды просил драматурга известить его о своем решении (I: XV(2), 38; XV(2), 40—41). Между тем, О., видимо, об истории со «Снегурочкой» предпочел не вспоминать. Так или иначе, но в первом номере «Отечественных записок» за 1874 год по традиции появилась пьеса О. «Поздняя любовь».

В этом же году в журнале Некрасова была опубликована пьеса «Трудовой хлеб» (№ 11), отрывок из которой был в конце марта напечатан в сборнике «Складчина» в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. Некрасов входил в редакционный комитет по изданию сборника. Обещанную часть О. задерживал, за что извинился в письмах к А.А. Краевскому в конце декабря – начале января (8: XI, 456) и Некрасову 8 марта (8: XI, 461). 10 марта Некрасов выслал О. телеграмму и письмо, в которых просил выслать текст не позднее 13 марта (1: XV(2), 69). О. выполнил эту просьбу в срок, послав 13 числа первую часть отрывка, и попросил Некрасова немедленно дать свой отзыв. 14 марта Некрасов, И. А. Гончаров и П. Ефремов телеграфировали О.: «Получили за обедом. Читал Гончаров. Хохотали. Скорей конец» (1: XV(2), 70).

Обещания доставить редактору весь текст к сентябрю (8: XI, 461) О. не выполнил. 28 сентября Некрасов двумя аналогичными письмами в Щельково и в Москву попросил прислать «Трудовой хлеб» для публикации в № 11 журнала, а во второй половине октября вынужден был поторопить драматурга с высылкой рукописи (1: XV(2), 95). Кроме того, уже к 10 ноября О. дал понять Некрасову, что «Отечественные записки» могут рассчитывать скоро еще на <...> пьесу» (1: XV(2), 70). Речь шла о комедии «Волки и овцы», появившейся на страницах журнала только через год.

В ноябре О. ходатайствовал перед Некрасовым за А.Ф. Писемского, прося напечатать в «Отечественных записках» его комедию «Просвещенное время». В начале 50-х годов О. нередко выступал посредником между Писемским и Погодиным, организовывал публикацию работ Писемского в «Москвитянине». На протяжении долгих лет О. и Писемского связывали дружеские отношения, сохранилась довольно объемная и весьма интимная переписка. С октября 1857 по ноябрь 1860 г. вместе с Дружининым, а затем по январь 1863 года Писемский единолично редактировал «Библиотеку для чтения», в целом поддерживая линию на «противовесие» «Современнику». При его участии пьесы О. появлялись в этом журнале (всего три пьесы – «Воспитанница», 1859, «Гроза», 1860, «Свои собаки грызутся, чужая не

приставай!», 1861). «Библиотека для чтения» и «Вестник Европы», в котором было опубликовано 4 пьесы О. (включая «Дикарку» (1880), написанную в соавторстве с Н.Я. Соловьевым), видимо, рассматривались О. в качестве альтернативных изданий, в тех случаях, когда по той или иной причине у него не было возможности напечататься в «Современнике» и «Отечественных записках».

Между тем, отношения между самим Писемским и кругом «Современника» осложнились после 1862 года, когда руководство журнала решительно одобрило статью Г.З. Елисеева в «Искре», в которой последний позволил себе резкие инвективы в адрес Писемского за его фельетон в «Библиотеке для чтения», содержащий двусмысленный выпад то ли против вульгаризации передовых идей, то ли против самих этих идей. Тогда же Писемский обратился к О. с предложением участвовать в адресе против поступка «Искры» (19: 149), а следовательно, не рассматривал О. как представителя круга «Современника». О. решительно отказался участвовать (11: 532). В любом случае, в ноябре 1874 года Писемский мог предпринять попытку напечататься в «Отечественных записках» только при посредничестве О. Сам Писемский признался в письме к П.В. Анненкову от 20 октября 1874 года, что не знает, где напечатать пьесу, так как не имеет «никаких отношений ни с каким журналом» (19: 273—274).

Некрасов отклонил предложение о публикации «Просвещенного времени», объяснив свой отказ обилием материалов на следующий 1875 год (а, следовательно, и финансовыми затруднениями) и неодобрительными отзывами о работе Писемского (1: XV(2), 99—100). О. по секрету передал Писемскому содержание ответа Некрасова. В итоге, пьеса была опубликована в № 1 «Русского вестника» за 1875 год. Можно предположить, что сам драматург в несохранившемся письме к редактору рассматривал «Просвещенное время» как своеобразную замену собственной пьесы в первом номере журнала, так как закончить пьесу «Волки и овцы» к этой книжке не успевал.

Сохранившаяся переписка писателей в 1875 году посвящена в основном вопросу о публикации пьесы «Волки и овцы». 26 апреля Некрасов сообщил О. о своем тяжелом состоянии и болезни М.Е. Салтыкова и поторопил с высылкой обещанной работы. Работа над пьесой была завершена драматургом 28 апреля, однако рукопись в Петербург тогда выслана не была. О. не считал текст окончательным и продолжил работу летом в Щелькове (8: XI, 492). В августе была создана новая значительно переработанная редакция пьесы и тогда же отправлена Некрасову, но несколько позже О. обратился к редактору с просьбой повременить с изданием комедии до получения нового варианта (8: XI, 493). 1 сентября Некрасов ответил О., что согласен отложить публикацию до 11 книжки, и поторопил с высылкой нового текста. Кроме того, Некрасов передал драматургу мнение секретаря редакции «Отечественных записок» Плещеева, считавшего комедию «Волки и овцы» одной из лучших вещей О. (1: XV(2), 119).

С 7 по 21 ноября О. был в Петербурге (9: 229), где закончил 11 числа работу над комедией «Богатые невесты», 14 числа читал ее дома в присутствии нескольких человек (возможно, и Некрасова), 15 числа получил разрешение театральной цензуры и одобрение Театрально-литературного комитета, а 19 обедал у Некрасова (1: XV(2), 120; 8: XI, 500—501). Видимо, тогда и была достигнута договоренность открыть следующий 1876 год публикацией «Богатых невест» в «Отечественных записках».

Тем не менее, 13 декабря рукопись пьесы все еще не была получена Некрасовым, о чем тот извещал О. письмом (1: XV(2), 121—122). Автор перед отправкой рукописи внес в нее ряд стилистических изменений. Так или иначе, но редакция получила пьесу только в январе, а ее печатание было отложено до февральской книжки «Отечественных записок», о чем Некрасов сообщил О. в письме от 16 января 1875 года (1: XV(2), 129).

Упомянутое письмо Некрасова от 13 декабря посвящено главным образом вопросу о ругательном отзыве об О. в газете «Голос», редактируемой А.А. Краевским. В обзоре «Московские новости» анонимный

автор сообщал о первом вечере в обществе русских драматических писателей, состоявшемся 6 декабря. В укор выступавшим на этом вечере Н.А. Чаеву, А.Ф. Писемскому и О. ставилась поза «бичевателей» и «громовержцев», перед лицом которых соотечественники «словно «каурый» перед гоголевским Селифаном» (Голос, 1875, № 347, 16(28) декабря, с. 2). Некрасов в данном случае исключил возможность специального выступления Краевского против О. и объяснил ситуацию недосмотром со стороны редактора.

29 октября 1876 года тяжело больной Некрасов, проездом из Крыма остановившись в Москве, пригласил О. навестить его в гостинице (*I*: XV(2), 145). Записка с приглашением – последний документ в переписке писателей, длившейся более 20 лет. В ноябре О., в свою очередь приезжал в Петербург и читал свою новую пьесу «Правда хорошо, а счастье лучше» на квартире у Некрасова. Эта комедия была напечатана по традиции в первом номере «Отечественных записок» за 1877 год. Встреча же писателей в этот приезд О. в столицу, возможно, стала их последней встречей.

29 января О. с тревогой спрашивал у Ф.А. Бурдина о состоянии здоровья Некрасова и попросил его, выступая поверенным О. в решении денежных вопросов (А.А. Краевский и Некрасов должны были выплатить О. 1500 рублей по договоренности об издании собрания сочинений драматурга), больного не беспокоить. Ф.А. Бурдин сообщил О., что Некрасов поправляется («теперь по крайней мере, он спит, чего прежде не было»), но доктора кроме Боткина на выздоровление не надеются (*II*: 213).

Вероятно, О. мог навестить Некрасова перед смертью во время своего приезда в Петербург в декабре 1877 года, хотя письменных свидетельств о такой встрече не сохранилось (даже в письмах к жене с подробным изложением всех дел драматурга в столице имя Некрасова ни разу не упоминается). Во всяком случае, о тяжелейшем состоянии Некрасова О. мог узнать из записки М.Е. Салтыкова 16 декабря (*IV*: XIX (1), с. 66).

Известие о смерти Некрасова О. получил в Москве 29 декабря (*8*: XI, 587—588). О похоронах, вызвавших широкий общественный резонанс, 30

числа О. писал Ф.А. Бурдин: «Сегодня хоронили Некрасова, стечение публики было громадное, в особенности молодежи, говорили речи на могиле, в церкви, полиции было видимо не видимо» (11: 240).

Переговоры с О. по публикации его текстов в «Отечественных записках» в 1877 году взял на себя М.Е. Салтыков. Так, новый редактор журнала неоднократно на протяжении года торопил драматурга с высылкой рукописи «Последней жертвы», которая в итоге была опубликована в январской книжке «Отечественных записок» за 1878 год.

В целом же после смерти Некрасова и до запрещения «Отечественных записок» О. публиковал в этом журнале все свои оригинальные пьесы, а также «Женитьбу Белугина» (1878), написанную в соавторстве с Н.Я. Соловьевым и «Блажь» в соавторстве с П.М. Невежиным, что свидетельствует о глубокой мировоззренческой связи О. с программой «Отечественных записок».

Известно 27 писем О. Некрасову и 57 писем Некрасова О.

1. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 15 тт. Л., СПб., 1981—2000 2. *Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова:* В 3 тт. СПб., 2006- 3. *Вильчинский В.П.* Некрасов и А.Н. Островский в их переписке // Некр. сб. Т. VI. Л., 1978. С. 52—59 4. *Неизданные письма к Некрасову.* Публикация О. Б. Алексеевой и И. Б. Павловой // Некр. сб. Т. XI-XII. СПб., 1998. С. 194—204; 5. *Мельгунов Б.В.* Некрасов – участник публицистического отдела «Современника» // Некр. сб. Т. IX. Л., 1988. С. 22—53 6. *Литературное наследство* 7. *Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников.* М., 1971 8. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений и писем: В 12 тт. М., 1973—1980 9. *Коган Л.Р.* Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М., 1953 10. *А.Н. Островский в воспоминаниях современников.* М., 1966 11. *Островский А.Н., Бурдин Ф.А.* Неизданные письма. М., Пг., 1923 12. *Неизданные письма Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского.* Из архива А.Н. Островского. М., Л., 1932. 13. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание

сочинений: В 30 тт. Л., 1972—1990 14. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений и писем: В 20 тт. М., 1965—1977 15. *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1956 16. *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. М., 1986 17. *Никитенко А.В.* Дневник: В 3-х тт. Л., 1955—1956 18. *Григорьев А.А.* Воспоминания. М.-Л., 1930 19. *Писемский А.Ф.* Письма. М., Л., 1936 20. *Мельгунов Б.В.* Некрасов-журналист (Малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989 21. *Евгеньев-Максимов В.Е., Бухмейер К.К., Гин М.М., Коковкина З.Ф., Куделько Н.И., Теплинский М.В.* Некрасов и театр. Л., М., 1948 22. *Журавлева А. И.* А.Н. Островский – комедиограф. М., 1981 23. *Лотман Л.М.* А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М., Л., 1961 24. *Муратова К.Д.* Библиография литературы об А.Н. Островском. 1847—1917. Л., 1974 25. *Журавлева А.И.* Островский и Некрасов: художественная продуктивность органической народности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 3, 2008. С. 46—55 26. *Николаев П.А.* Теоретико-литературные принципы Некрасова // Н.А. Некрасов и русская литература. 1821—1971. Сб. статей. М., 1971. С. 62—80 27. *Головки В.М.* Из истории отношений И.С. Тургенева к творчеству Островского // А.Н. Островский и русская литература. Кострома, 1974. С. 12—14 28. *Егоров Б.Ф.* А.Н. Островский и «молодая редакция» «Москвитянина» // А.Н. Островский и русская литература. Кострома, 1974. С. 21—27 29. *Шнеер Г.А.* А.Н. Островский в журнале Н.А. Некрасова «Отечественные записки» середины 70-х годов XIX века // А.Н. Островский и русская литература. Кострома, 1974. С. 70—74 30. *Бухштаб Б.Я.* Н.А. Некрасов. Проблемы творчества. Л., 1989.

А. Ф.

ОСТРОВСКИЙ Михаил Николаевич (30.03.1827 – 25.07.1901) – чиновник, сенатор, министр государственных имуществ; родной брат драматурга А.Н. Островского. Родился в Москве в семье секретаря Московской гражданской палаты Н.Ф. Островского, вышедшего в отставку в чине надворного советника в 1841 году. Окончил 1-ю московскую гимназию и

юридический факультет Московского университета. В апреле 1849 года определен на службу в канцелярию симбирского гражданского губернатора. В феврале 1854 года назначен чиновником особых поручений при государственном контролере. В августе 1858 года командирован для занятий при генеральном контролере Департамента гражданских отчетов В.А. Татаринове. О. был одним из деятельных помощников последнего в важнейших работах по введению контрольной реформы в России. В 1864-1865 годах О. совершил несколько длительных поездок по России для сбора сведений и образования местных учреждений Государственного контроля.

Ключевыми событиями в карьере О. стали назначение товарищем государственного контролера в апреле 1871 года, а через год – сенатором. 1 января 1874 года пожалован в статс-секретари императора. В октябре 1877 О. был командирован на Кавказ для обзора действий полевого контроля Кавказской армии. В июле 1878 стал членом Государственного совета. С 4 мая 1881 года по 1 января 1893 года – министр государственных имуществ. С 1 января 1893 года по 3 октября 1899 года – председатель Департамента законов Государственного совета.

Во время службы в Симбирске О. сблизился с семьей Татариновых, у которых часто бывал впоследствии в Петербурге. Преподавал русскую литературу и язык Н.А. Татариновой одновременно с Н.А. Добролюбовым. Татаринова оставила об О. язвительные воспоминания, в которых, однако, отмечалась его образованность и упорство в осуществлении собственной карьеры (б: т. 88, кн. 1, 221).

О. был близок с рядом литературных деятелей, в частности, А.Ф. Писемским, И.Ф. Горбуновым, М.М. Стасюлевичем, П.К. Щебальским, И.С. Тургеневым, Т.И. Филипповым, Е.М. Феоктистовым. Дружил и состоял в активной и длительной переписке с П.В. Анненковым (11 писем опубликовано в 7: 259-269). В письмах О. к критику содержатся, в частности, неодобрительный отзыв о повести Тургенева «Стук... стук... стук!», которая, по мне-

нию О., «напоминает анекдот и крайне искусственно построена» (7: 262), похвала «Замечательному десятилетию» самого Анненкова (7: 269), развернутая критика роли духовенства, земских учреждений, волостного суда в жизни народа (7: 262-265). Известны пять стихотворений О. (три из них опубликованы в 7: 246-248, еще одно в 6: т. 88, кн. 1, 224), подражательных и романтических. По свидетельству Н.А. Татириной, О. мечтал о литературной славе (6: т. 88, кн. 1, 225).

О. и Некрасова связывали в основном деловые отношения. О. выполнял роль представителя брата в переговорах по вопросам о публикации пьес в петербургских журналах, в том числе и в «Современнике» и «Отечественных записках». О. часто передавал тексты пьес драматурга Некрасову и получал с него деньги, а также выполнял другие поручения брата.

Время знакомства О. с Некрасовым неизвестно. Вероятно, оно произошло не ранее начала сотрудничества А.Н. Островского в «Современнике» в середине 1850-х годов. По крайней мере, к 1857 году относится первое упоминание фамилии Некрасова в письмах О. к А.Н. Островскому, хранящихся в архиве театрального музея им. А.А. Бахрушина. В феврале же 1862 года О. извинился перед А.Н. Островским за то, что не смог побывать у Некрасова и узнать о сроках поездки того в Москву (6: т. 88, кн. 1, 244).

К началу сентября 1856 года О. был знаком с И.И. Панаевым (10: 324), который просил О. поторопить брата с присылкой пьесы для октябрьской книжки «Современника». В письме к брату от 8 сентября О. выполнил просьбу Панаева, а также сообщил, что в объявлении об «исключительном участии» в «Современнике» группы литераторов упомянута возможность публикации «одной статьи» в другом журнале. О. знал об обещании А.Н. Островского отдать драму в журнал «Русская беседа» (6: т. 88, кн. 1, 236).

Первое упоминание О. в переписке Некрасова и А.Н. Островского относится к началу марта 1864 года. Тогда О. писал к Некрасову, сообщая о бо-

лезни брата и передавая просьбу последнего о выдаче ему первого номера «Современника» за 1864 год (12: XI, 179; 1: XV(1), 16).

Зимой 1862 года О. в письмах уговаривал А.Н. Островского подписать протест группы литераторов против журнала «Искра», резко выступившего по поводу статей А.Ф. Писемского в «Библиотеке для чтения», высмеивавших литературные вечера и воскресные школы и рисовавших карикатурный образ беспринципного журналиста (б: т. 88, кн. 1, 242). По мнению О., протест был написан не очень резко (см. приписку О. к письму Писемского к А.Н. Островскому от 7 февраля 1862 года (8: 648), подписан уважаемыми литераторами, в том числе П.В. Анненковым, А.В. Дружининым и И.А. Гончаровым. А.Н. Островский отказался участвовать в протесте и узнал от О. о крайнем разочаровании Писемского (б: т. 88, кн. 1, 242-244).

В 1864 году (год членства Некрасова в комитете Литературного фонда) О. замещал брата в комиссии по подготовке юбилея Шекспира. 4 марта О. написал драматургу об избрании его членом комиссии (б: т. 88, кн. 1, 247), а 12 марта передал программу юбилейного вечера, который предполагалось провести 23 апреля в Александринском театре (б: т. 88, кн. 1, 248-249). 5 апреля шекспировский вечер в был отменен, так как Александр II признал «неудобным» чествование памяти иностранного писателя в императорском театре.

Во время период закрытия «Современника» в 1866 году О. принял на себя хлопоты по публикации драмы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». 10 мая передавая в письме мнение Некрасова о пьесе, которая «ему очень нравится», О., между прочим, сообщал и об «убитом состоянии духа» редактора «Современника», которому «грозят судом за статью Жуковского» (б: т. 88, кн. 1, 250). 8 июня Некрасов написал драматургу, что не знает, как поступил О. с драмой «Дмитрий Самозванец», так как не виделся с ним. В это время Некрасов приступил к ликвидации дел «Современника» и совето-

вал А.Н. Островскому отдать свою драму М.М. Стасюлевичу в «Вестник Европы» (1: XV (1), 45).

Известно, что О. в это время вел переговоры (инициатором которых был, по-видимому, Горбунов) с А.А. Краевским о печатании драмы в «Отечественных записках» (5: 147; 6: т. 88, кн. 1, 606). 17 июля А.Н. Островский сообщил Некрасову, что приехавший к нему в гости брат до сих пор никуда не отдал пьесу и сам предлагает за нее 2000 рублей в счет будущей продажи рукописи (4: XI, 224). Некрасов одобрил это предложение, так как к этому времени отказался от идеи издать литературный сборник, куда могла бы войти драма «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1: XV(1), 50). Драматург впоследствии воспользовался первым советом Некрасова, рукопись пьесы была передана М.М. Стасюлевичу через О. к 21 декабря 1867 года (5: 164).

8 июня 1866 года Некрасов обратился с просьбой к А.Н. Островскому, чтобы тот уговорил брата ходатайствовать за К.А. Некрасова перед С.В. Волконским, который со своей стороны готов дать брату Некрасова место (1: XV(1), 48). Обращался ли драматург к О. с этой просьбой, неизвестно.

4 января 1870 О., участвовавший в истории с предоставлением пенсии А.Н. Островскому, и вероятно, имевший в связи с этим делом контакты с Некрасовым, сообщил брату, что Некрасов «просил очень теплой запиской» А.В. Адлерберга помочь в исходатайствовании пенсии и обещал известить о результате этой просьбы (5: 182).

Достоверно известно о нескольких встречах О. и Некрасова. О. присутствовал на чтении А.Н. Островским пьесы «Воевода, Сон на Волге» у Некрасова 12 января 1865 года (1: XV(1), 22). Еще одна встреча могла состояться на обеде у П.Н. Мейшен в конце декабря 1868 года. Сохранилась записка Некрасова к М.В. Островский, содержащая приглашение ее, О. и А.Н. Островского на этот обед (1: XV(1), 84). 4 сентября 1869 года О. в письме к брату упоминает о встрече с Некрасовым, который находится в самом унылом

настроении (5: 179). О., видимо, был на обеде у Некрасова в начале декабря 1871 года, когда А.Н. Островский читал в присутствии также М.Е. Салтыкова и Г.З. Елисеева комедию «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1: XV(1), 165; 4: XI, 374).

15 марта 1872 года О. и Некрасов встречались на обеде, данном Собранием художников в Петербурге в честь 50-летнего юбилея А.Н. Островского, на котором также присутствовали М.Е. Салтыков, А.М. Унковский, Т.И. Филиппов, Кидошенков и др. Сам драматург несмотря на приглашения Собрания и О., полагавшего, что присутствие брата «может иметь влияние и на министерство Двора по вопросу о <...> пенсии» (6: т. 88, кн. 1, 258), приехать не смог. Сохранилась записка Некрасова к В.П. Гаевскому, датируемая 1867-1872 годами и содержащая приглашение на обед, на котором должен был быть и О. (1: XV(1), 199). 14 ноября 1875 О. мог присутствовать во время чтения А.Н. Островским «дома» (запиской от 20 ноября 1875 года Некрасов сообщил В.П. Гаевскому, что А.Н. Островский живет у брата (1: XV(2), 120) «Бедной невесты» (4: XI, 500). Вероятно также, что О. был на обеде у Некрасова 19 ноября. Во всяком случае, это может следовать из письма А.Н. Островского жене: «Меня очень беспокоит, успею ли я получить деньги у Некрасова. <...> В среду мы у него обедаем» (4: XI, 501).

При этом Некрасов и О. виделись гораздо чаще, как в ходе переговоров о публикации текстов А.Н. Островского в «Современнике» и «Отечественных записках», так и по делам Литературного фонда. В 1863-1871 гг. до назначения на должность товарища государственного контролера О. неизменно входил в состав ревизионных комиссий общества и ревизовал, таким образом, четыре из семи лет членства Некрасова в комитете фонда. Кроме того, в 1875 году, когда Некрасов занимал пост товарища председателя комитета, О. вошел в группу по составлению проекта ссудо-сберегательной кассы под руководством Н.Ф. Фан-дер-Флита. Проект устава кассы был завершен к общему чрезвычайному собранию Литфонда 2 января 1877 года.

О. не считал Некрасова наиболее подходящим издателем сочинений брата и, видимо, предпочитал «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича. В середине сентября 1872 года, получив пьесу «Комик XVII столетия» и поручение от А.Н. Островского отдать пьесу за 1400 рублей Некрасову или, во вторую очередь, Стасюлевичу (4: XI, 407), О. в письме к брату жестко выразил свое мнение о Некрасове-издателе: «Другой экземпляр уже списан и сегодня будет отдан Бурдину. Но что мне делать с Некрасовым? Он ко мне не является и не присылает; ждать его я не имею времени, так как через три дня уезжаю за границу: когда же тут дожидаться, пока этот кулак-литератор найдет возможным оторваться от своих важных занятий и бросить благосклонный взгляд и на твой труд, да скоро ли он еще просмотрит (он ведь то за картами, то на охоте), да потом еще ломаться начнет. С одним Стасюлевичем я бы кончил в один же день» (6: т. 88, кн. 1, 259). Некрасов согласился на условия А.Н. Островского и пьеса была опубликована в «Отечественных записках».

Впоследствии О., восхищенный «Снегурочкой» (6: т. 88, кн. 1, 260-261), одобрил решение брата отдать пьесу в «Вестник Европы» после известного денежного конфликта между А.Н. Островским и Некрасовым, предложившим за «Снегурочку» слишком низкую сумму. О. сам выполнил и роль посредника в переговорах со Стасюлевичем.

По-видимости, репутация О. в литературных кругах ухудшилась со времени назначения его товарищем государственного контролера. Это может следовать, например, из письма А.Н. Плещеева, служившего под началом О., к Некрасову от 15 июня 1871 года: «Я начинаю чувствовать перед ним трепет и уважение, как П.И. Чичиков перед Бетрищевым. У него какая-то новая нотка стала звучать в голосе... должно быть, товарищеская» (6: тт. 51-52, 447). В мае 1872 года Плещеев писал Некрасову: «Может быть, Вы <...> могли бы что-нибудь в этом отношении сделать для меня? Но не в контроле. Там теперь орудует Островский, а он в последнее время сделался совершенно другой» (3: 304). Известна язвительная характеристика поведения А.Н. Остров-

ского М.Е. Салтыковым в письме к И.С. Тургеневу от 6 марта 1882 года. Надменная поза драматурга в нем объясняется возвышением брата, недавно ставшего министром (9: XIX(2), 100).

Известно одно письмо О. к Некрасову (6: Т. 51-52, 425). Писем Некрасова к О. не сохранилось.

1. ПСС; 2. *Летопись* (по указ.); 3. *Переписка* (по указ.); 4. *Островский* (по указ.); 5. *Летопись Островского*; 6. ЛН. 7. Островский. Новые материалы, письма, труды и дни, статьи. Под ред. М.Д. Беляева. М.; Пг., 1924. 8. *Писемский. Письма*; 9. *Салтыков-Щедрин*; 10. Неизданные письма Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского. Из архива А.Н. Островского. М., Л., 1932.

А.Ф.

ПАНАЕВ Аркадий Александрович (1831—1889) — двоюродный брат *И. И. Панаева*. Окончил Кадетский корпус и Кавалерийское училище. Полковник, адъютант кн. А. С. Меншикова и автор воспоминаний о нем (3). Служил на Дунайской флотилии. Был управляющим царским имением в Ливадии. В 1866—1869 участвовал в строительстве железной дороги Курск-Киев. Знакомство с Некрасовым началось, вероятно, в в к. 1840 — нач. 1850-х. Запись в *Дневнике А. В. Дружинина* от 23.10.1853, возможно, свидетельствует об одной из встреч П. и Некрасова: «Вернувшись к Панаеву, сели за обед в присутствии многих, более или менее красивых офицеров, Лихачевых, Панаевых и tutti quanti*. Провожали молодого Крон<ида> Пан<аева>, посылаемого в действ<ующую> армию от Уланского е<го> в<еличества> полка. Но наш уголок стола состоял из людей более привлекательных: Сократа, Пан<аева>, Некр<асова> и Языкова» (3: 235—236). Упом. в письме Некрасова к *И. А. Панаеву* от 7(19).05.1857: «Обнимаю тебя, Валерьяна и других бра-

* всех прочих (итал.).

тьев (см.: *Панаев К. А. — ред.*), кланяюсь вашим женам и детям» (1: XIV₂, 72, 217). Был женат на *В. Н. Панаевой*, имел четырех сыновей: *Б. А. Панаева*, *Г. А. Панаева*, *Л. А. Панаева*, *П. А. Панаева*.

1. ПСС, XIV₂, 72, 217; 2. Летопись, 2: 420; 3. Князь Александр Сергеевич Меншиков: 1853—1869: Рассказы А. А. Панаева. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1877; 4. *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986. С. 235—236, 504; 5. *Четикова С. А.* Панаевы // *Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России / Составитель и научный редактор В. П. Старк.* СПб.: Искусство—СПб., Набоковский фонд, 2000. С. 164; 6. *Поселянин Е.* Краса русской армии — братья Панаевы. 1916.

М. С.

ПАНАЕВ Иван Иванович (15.03.1812, СПб. — 18.02.1862, СПб.) — прозаик, фельетонист, критик, мемуарист, редактор журнала «Современник» с 1847 по 1862. Дворянин. Род Панаевых в нескольких поколениях был причастен к сфере искусства. В годы вхождения П. в литературу был достаточно известен его дядя, поэт В. И. Панаев; к кругу «Современника» были близки его двоюродные братья, *В. А. Панаев* и *И. А. Панаев*. С рождения до 12 лет П. воспитывался в доме Берниковых, бабушки и деда по матери, *М. Л. Панаевой*, оставивших П. наследство, которое в значительной степени было прожито матерью. Благодаря домашнему воспитанию и, в частности, влиянию матери (отца он потерял рано), П. рано усвоил «чувство касты» (9: 28), которое впоследствии получит ироническое освещение во многих его произведениях. В 1824 П. поступил в Петербургское Высшее училище, где обучался две недели (9: 27—28), затем в Благородный пансион при Петербургском университете (оконч. 1830). В годы учебы обратился к литературному творчеству: сочинению стихов, редактированию рукописного ученического журнала. По окончании пансиона один год служил в Департаменте государственного казна-

чейства, затем в 1834—1844 — в Департаменте народного просвещения, в редакции «Журнала Министерства народного просвещения». С 1844, выйдя в отставку, полностью посвятил себя литературной деятельности.

Еще в пансионе П. заводит знакомства с людьми из сферы искусства — *М. И. Глинкой*, *М. К. Огинским*, *А. А. Дельвигом*, позднее с *М. Ю. Лермонтовым*, *А. В. Кольцовым*, *Н. В. Гоголем*. Он посещает вечера *Майковых* и *Е. П. Гребенки*, «понедельники» *кн. В. Ф. Одоевского*, «среда» *Н. В. Кукольника*, «пятницы» *А. Ф. Воейкова*, «воскресенья» *Ф. П. Толстого* и *А. А. Краевского*, салон *Е. А. Карамзиной* и др., где встречается со многими известными литераторами, художниками и артистами. 11 апреля 1838 П. устраивает первый литературный вечер у себя (9: 100, 378). П. был знаком с Пушкиным; он подарил ему экземпляр перевода «Отелло, венецианский мавр. Драма в 5-ти действиях Шекспира» (опубл.: СПб., 1836; ценз. разрешение 29 сент. 1836), а впоследствии вместе с *П. А. Плетневым* и Краевским участвовал в разборе «книг и бумаг» покойного поэта в его кабинете (9: 126; Черейский: 301).

В 1834 П. дебютирует в печати с оригинальными и переводными стихами, с сер. 1835 создает ряд прозаических произведений, быстро вошедших в моду. Он публикуется в «Библиотеке для чтения», «Московском наблюдателе», «Современнике» Плетнева, «Северной пчеле», постоянно сотрудничает в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» и в «Отечественных записках» (66: 187). Он публикует обзоры французской литературы (ОЗ, 1839, № 1, 4, 5, 9) (66: 6—15), статьи о театре (ЛПРИ, 1839) (66: 16—19), повести. В своих литературных опытах он ориентируется на романтическую традицию, в первую очередь на проблематику и художественную манеру тогдашнего кумира Кукольника, *Н. А. Полевого*, *А. А. Марлинского* (Бестужева), к числу любимых авторов относится *В. Гюго*. К этому же времени относятся попытки П. заниматься художественным переводом, наиболее заметной из которых стал перевод «Отелло». Этот перевод П. предложил *Я. Г. Брянскому* для его бенефиса (9: 83—90; 29: 63).

В апреле 1839 П. женится на дочери Брянского А. Я. Брянской (см.: *Панаева А. Я.*). В письме к *К. С. Аксакову* от 02.03.1842 П. сообщает о рождении дочери (*Труды б-ки им. Ленина. Сб. 4*: 213); дочь умерла в младенчестве (9: 104). В июле того же года П. с молодой женой едет в дер. Нармонка Тетюшского у. Казанской губ. для участия в разделе имущества, доставшегося П. по наследству. Там П. отпускает на волю крепостных крестьян с землей, выкупив также членов их семей и наделив их землей (49: 301). (Эта поездка получила юмористическое освещение в рассказе П. «Раздел имения» (1840)). В Москве, где П. с женой останавливались по дороге в Казанскую губ. и обратно в Петербург, П. в апреле 1839 знакомится с *В. Г. Белинским*, переписка с которым началась еще в марте 1838, с присланного Белинским приглашения сотрудничать в «Московском наблюдателе». Возникшие тесные личные и творческие взаимоотношения П. с Белинским и его московским кружком способствовали критическому переосмыслению П. романтической традиции, начавшейся в 1834, когда П. прочел статью Белинского «Литературные мечтания». С другой стороны, П. способствовал обращению Белинского к французской литературе, прежде всего к статьям П. Леру и романам Жорж Санд, надолго ставшей знаковой фигурой в литературе и литературном быте (65; 9: 278—279). П. также вел переговоры с Краевским о переезде Белинского в Петербург и сотрудничестве в «Отечественных записках». После переезда Белинский около двух месяцев жил у на квартире у П. (Грязная ул., 63) (9: 331; 56: 161), впоследствии, с 1842 г., Панаевы и Белинский снимали квартиры в доме И. Ф. Лопатина (Невский пр., 68). В том же «литературном доме» проживал Краевский, с которым, помимо сотрудничества, П. связывали родственные узы: Краевский был женат на А. Я. Брянской, сестре Панаевой. Кружок Белинского: *П. В. Анненков, К. Д. Кавелин, А. А. Комаров, М. А. Языков, И. И. Маслов, Н. Н. Тютчев, В. П. Боткин, А. И. Герцен, Н. П. Огарев* — часто собирался в доме Лопатина. П. упоминает о том, как по суббо-

там собирались у него на квартире, и П. читал и переводил присутствующим с французского «Revue indépendante» (9: 277—280).

Деятельность П. этих лет тесно связана с формированием в русской литературы т. н. «натуральной школы». Ориентация на французскую традицию физиологического очерка сказывается в подзаголовках, которые П. давал своим произведениям, напр. «зоологический очерк». В произведениях П. дана широкая картина петербургской жизни, отношения между классами и условиями. Типы, выведенные П. («хлыщ», «литературный промышленник»; «камелия», перенесенный на русскую почву из романа А. Дюма «Дама с камелиями») получили широкое употребление и вошли в литературный язык как нарицательные. Фельетоны и повести П., посвященные миру литературы и искусства («Портретная галерея», публиковавшаяся в ЛГ), запечатлели узнаваемые портреты современников, иногда собирательные (Майковы, Аксаковы, Щепкин, Гоголь — в «Великосветском хлыще» (69), В. С. Межевич и Некрасов — в «Литературной тле» (Мельгунов *Некр-журн*: 14—16), иногда легко узнаваемые: Рябинин в «Белой горячке» — Кукольник, «Литературный промышленник» — А. А. Краевский, Кинаревич в «Литературной тле» — Л. В. Брант и др.

Первая встреча П. с Некрасовым состоялась в 1839 или в начале 1840 у М. А. Гамазова по просьбе Некрасова (19: 255—256; 9: 285). Знакомство возобновилось в к. 1842, «зимой» (29: 97). По воспоминаниям П., он пригласил Некрасова, чтобы познакомить его с собственным переводом отрывков из романа Жорж Санд «Спиридион»; визит Некрасова состоялся утром (9: 285). По воспоминаниям Панаевой, Некрасова «привел» Белинский, «Панаев уже встречался с Некрасовым где-то» (29: 97). П. отмечает: «С этих пор мы виделись чаще и чаще»; «Некрасов сделался постоянным членом нашего кружка» после прочтения им Белинскому стихотворения «В дороге» (1845).

«Литературные воспоминания» П. о начале знакомства с Некрасовым содержат характеристику личности и деятельности поэта (хотя и через вос-

приятие его Белинским): «резкий, несколько ожесточенный ум», «страдания, которые он испытал так рано, добиваясь куска насущного хлеба», «смелый практический взгляд не по летам». Отмечая, что у Некрасова «уже развивались в голове более обширные литературные предприятия», П., однако, замечает, что Белинский преувеличил «практический элемент» в Некрасове. По оценке П., «литературная деятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особенного» (9: 285). П. упоминает имя Некрасова в описании встречи молодых литераторов (кроме Некрасова и самого П., присутствовали *И. А. Гончаров, Д. В. Григорович и А. В. Дружинин*) с *Н. В. Гоголем* на квартире у *А. А. Комарова* (9: 345—346). Некрасов упомянут также в эпизоде, когда он взял у *М. А. Языкова* рукопись романа *Гончарова* «Обыкновенная история», просмотрел его и передал Белинскому (9: 348), а также в истории знакомства Белинского с Достоевским (9: 348—349).

Оценка Некрасовым П. выражена в его 1-м наброске письма к *М. Е. Салтыкову* (1869): «Не надо думать, чтоб я имел тогда то влияние на Панаева, какое приобрел впоследствии. Он был десятью годами старше меня и находился в эту эпоху наверху своей известности, я его, как и он меня, тогда знал мало; он был для меня авторитет» (1: XV₁, 92). Прозаические опыты Некрасова, создаваемые преимущественно в 1-й пол. 1840-х, во многом наследуют тематику и принципы прозы П. (типы петербургского общества, типы литературного и театрального мира, памфлетность); устные рассказы П., по-видимому, запечатлены в коллективном романе Некрасова и Панаевой «Мертвое озеро» (1: X₂, 363). В заметке Некрасова «О моих стихах» также упомянуто имя П.: «Поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, критических статей Белинского, Боткина, Анненкова и других. Тургенев, Краевский, Панаев, Панаева» (1: XIII₂, 56).

Знакомство и сотрудничество с Некрасовым продолжается до смерти П. В 1845 П. отдаёт Некрасову во вторую часть сборника «Физиология Петербурга» очерк «Петербургский фельетонист» (прототипом фельетониста

послужил Межевич). В 1846 в изданном Некрасовым «Петербургский сборник» опубликованы «Парижские увеселения» П. Он также принял участие в альманахе «Первое апреля». В 1848 П. стал соиздателем Некрасова, выпустив сборник «Иллюстрированный альманах» (запрещен цензурой) — приложение к ж-лу «Современник», где опубликован его рассказ «Встреча на станции».

Крупнейшим общим предприятием П. и Некрасова явилось издание журнала «Современник». Принципиальное решение совместно издавать журнал было принято П. и Некрасовым летом 1846 в имении *Г. М. Толстого*, соседа П. по имению, у которого гостили Панаевы и Некрасов. Финансовое вложение П. в дело составило 25000 рублей (29: 420). Согласно воспоминаниям Панаевой, мысль приобрести именно «Современник» принадлежала П. (29: 154) (ср.: *I: XIII*₂, 49).

П., будучи фактическим, а с 16 апреля 1848 г. официальным редактором «Современника», выступал на его страницах в разных отделах: «Словесность», «Критика и библиография», «Смесь», «Моды». Он опубликовал несколько новых произведений (пов. «Родственники», 1847; ром. «Львы в провинции», 1852; цикл «Опыт о хлыщах», 1854, 1856 и 1857; пов «Внук русского миллионера», 1858). Восприятие современниками этих произведений не было однозначно одобрительным, однако проза П. вызвала у них интерес и прочитывалась в контексте творческих и дружеских связей ближайшего круга автора. С 1847 г. выступал со стихотворными пародиями под псевд. «Новый поэт», которые издал отдельной книгой («Собрание стихотворений Нового поэта». СПб., 1855). Этот же псевдоним П. использовал в фельетонах, которые вел с 1851 г., заменив Дружинина: «Заметки и размышления Нового поэта о русской журналистике» (1851—1855) и «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта» (дек. 1855 — 1861). Некрасов был соавтором П. в создании литературной маски Нового поэта и написании фельетонов (и стихотворной, и прозаической их части) (54: 38—106, 125—140). «Петербургская

жизнь. Заметки Нового поэта» в переработанном виде вышли отдельным изданием («Очерки из петербургской жизни. Ч. 1—2. СПб., 1860). В 1860 П. выпустил свое первое собрание сочинений в 4 т. В этом же году в «Современнике» опубликовано «Воспоминание о Белинском» П. (№ 1). В 1861 П. начал публикацию «Литературных воспоминаний» (№ 1, 2, 8, 19, 11), оставшихся незавершенными. «Литературные воспоминания» П. во многом имеют образные, сюжетные и тематические переклички с его очерками и повестями, однако в качестве мемуарного жанра являются одним из основных источников в русской литературе, отражающих эпоху 1840-х. Зимой 1861 П. говорил о своих творческих планах (29: 301). В ночь на 18 февраля 1862 страдавший пороком сердца П. скоропостижно умер. Оценку его личности и деятельности дает описание прощания с ним в воспоминаниях А. Я. Панаевой: «О литературной популярности Панаева в Петербурге нельзя было бы заключить по тому множеству публики, которая собралась на вынос его тела, так как у него была масса знакомых. Но его популярность можно было проверить по количеству народа, являвшегося проститься с покойником, пока гроб стоял в квартире. С раннего утра до поздней ночи у гроба толпились люди разных классов общества: студенты, гимназисты, офицеры, купцы, даже лавочники» (29: 303). П. был похоронен на кладбище Фарфорового завода.

Панаев не относится к писателям первой величины. Тем не менее, его творчество способствовало развитию таких актуальных жанров, как литературный портрет, пародия и памфлет, и такого рода изданий, как иллюстрированный сборник или альманах, изобразительная часть которого ориентировалась на узнаваемость изображаемого лица, конкретизацию психологических ситуаций, карикатуру (13: 16—17). Главный герой «Литературной тли: Неповести» П. (первоначально: «Тля», ОЗ, 1843) Николаша Гребешков в описании личности и биографии имеет черты сходства с *В. С. Межевичем*. Представляется очевидным также, что П. использовал в качестве материала и часть биографии Некрасова к. 1830—1840 гг., до отъезда поэта в Ярославль,

по возвращении из которого в творческой биографии Некрасова происходят качественные изменения (подробнее см.: 54: 14—16).

Сам П. также запечатлен в памфлетных образах других авторов. Он изображен в романе *Л. В. Бранта* «Жизнь, как она есть» (17: 112—117), водевилях *П. А. Каратыгина* «Натуральная школа» (1847), *В. А. Соллогуба* «Сотрудники, или Чужим добром не разживешься» (1856), статье *П. И. Вейнберга* «Литература скандалов» (ОЗ, 1860. Подп.: Непризнанный поэт). Выпады против П. содержатся и в ряде стихотворных произведений *Д. Д. Минаева* и *Н. Ф. Щербины* («Физиология “Нового поэта”», 1853; «Эпитафия И. И. Панаеву», 1860, «Когда с Панаевым встречаюсь я порой...», между 1855 и 1860; «Эпитафия И. И. Панаеву, 7 марта 1862; «Загадка (Подражание Пушкину)», 14 апреля 1862) (45: 259—261, 284, 290—291). Сохранились и карикатурные изображения П. в графике (Иллюстрированный альманах) и скульптуре работы *Н. А. Степанова*, пользовавшиеся популярностью при жизни П.

В этих образах выделяются в качестве стержневых черты, действительно присущие личности П.: склонность к внешней фатоватости («Иван Иванович Панаев с своим пошлым дендизмом, в парике, с висящим от него на лбу клоком волос» — 33: 104), легкомыслие, женолюбие. Сходные оценки личности и деятельности П. дают его ближайшие современники: Некрасов — «Панаев ядрит, лупит и наяривает» (1: XIV₁, 59), «Панаев неисправим», «этот господин хвастливостью и самодовольствием мастерски умеет поддерживать к себе нерасположение»; «он мне кажется лучше; не то, чтоб поумнел, а стал меньше глуп» (3: I, 457, 459, 475); Дружинин — «для литературных дел он (Некрасов. — *Ред.*) чуть не хуже Панаева (хуже которого и быть нельзя человеку)» (22: 223). Эти иронические оценки создают анекдотический образ П., который, однако, представляется не соответствующим объективной реальности, даже с учетом сложных семейных и околосемейных обстоятельств, преимущественно неизвестных нам.

Вклад П. в литературных предприятиях Некрасова был весомым и разносторонним. Финансовое участие П. сделало возможным приобретение журнала. П., опытный литератор и чуткий читатель с бóльшим, нежели у Некрасова к 1847 году, опытом и объемом чтения русской и зарубежных литератур, достаточно ясно представлял себе перспективные направления литературы, в которых он и работал. Будучи светским человеком по происхождению и воспитанию, литературным и театральным — по приоритетным интересам, П. способствовал привлечению сотрудников. В 1855 г. хлопоты П. (письмо к министру народного просвещения гр. А. С. Норову) привели к решению перепечатывать в «Современнике» военные известия (3: I, 337). Петербургские и московские знакомства П. дали «Современнику» (а ранее сборникам и альманахам Некрасова) ряд новых авторов.

Роль П. в биографии Некрасова также значительна. Некрасов (вообще умело завязывавший связи) познакомился со многими людьми, ставшими в скором будущем его ближайшим окружением, именно через П., знакомого с культурой литературного салона. Сам склад личности П. способствовал утверждению Некрасова в его гостиной в роли одного из хозяев. «Добрейший этот человек, мягкий, как воск, всегда готовый услужить товарищу», — писал о П. Григорович (21: 158). Гостиная П., к тому времени успевшего заметить смешные стороны литературных салонов, в 1840-е была «средоточием передового литературного кружка того времени» (28: 481) «благодаря многочисленной родне и связям Ивана Ивановича, а главное, его даровитой и симпатичной личности, доброму и снисходительному характеру и уму» (18: 395).

П. был участником основных конфликтов в окружении Некрасова. Это: конфликт с Достоевским (1846), конфликт вследствие отказа Белинскому в пае (1847), конфликт вокруг Тургенева и Добролюбова (1861) и вокруг т. н. «огаревского дела» (1856?).

В свидетельствах современников роль П. в конфликте с Достоевским не выделена, в отличие от роли Некрасова, о чем упоминают сам Достоевский и Панаева (29: 176). Участие П. в написании «Послания Белинского к Достоевскому» («Витязь горестной фигуры...») не подтверждено (1: I, 424, 689—690). В 1855 г. П. саркастически осветил этот конфликт в фельетоне «Литературные кумиры и знаменитости» (*Совр.*, 1855, № 12, отд. V, с. 238—240). Этот выпад в адрес Достоевского, в то время бывшего на каторге, не запечатлен в отзывах современников.

Отказ Белинскому в пае был совместным решением П. и Некрасова (1: XV₁, 93). Но роль ответчика за отказ в пае в письме Белинского к Тургеневу фактически падает на Некрасова, который объяснялся с ним. По утверждению Белинского, в глазах «москвичей» «честь Н<екрасо>ва <...> погибла без возврата, без восстания» (16: XII, 333—336), в то время как письменные объяснения П., по всей видимости, были приняты московским кружком (*там же*; 4: 56, кн. II, 186).

В конфликте вокруг Тургенева и Добролюбова роль П. была, по-видимому, чисто совещательная. По свидетельствам современников, П. к тому времени «из редактора превратился каким-то образом в простого сотрудника, получавшего гонорар за свои ежемесячные фельетоны», а Некрасов был «главный редактор и хозяин журнала» (21: 158). Ценя и по-человечески любя Добролюбова, П., как пишет Панаева, «до ослепления был привязан ко всем своим старым друзьям» (29: 277). Таким образом, в этом конфликте, как и в предыдущих, П. вызывал осуждение со стороны оппонентов, но не отчуждение в той мере, в какой его вызывал Некрасов.

Особую роль участие П. сыграло в конфликте Некрасова с французом *де Пойли*, вызвавшем Некрасова на дуэль. По словам Панаевой, П. расценивал готовящуюся дуэль как «просто убийство, потому что Некрасов болезненный человек, постоянно находится в нервном раздражении»; Панаева отмечает и другой его довод: «Разве возможно допустить, чтоб еще один рус-

ский поэт был убит на дуэли французом!» (29: 235). Противник Некрасова переадресовал свой вызов П., который вместе с *Г. С. Буткевичем* сумел погасить конфликт (29: 231—237).

Остается непроясненной роль П. в т. н. «огаревском деле». Архивные разыскания подтверждают осознанность поступков Панаевой (*Бессонов*). Современники приписывали Некрасову роль идеолога денежной махинации: «Никто в этом не обвинял Панаеву, которая была игрушкой в руках Некрасова» (33: 104; см. также: 3: I, 218; 20: XXVI, 105 и др.). По свидетельству Панаевой, П. в письме к Огареву стремился отвести от Некрасова обвинение (29: 283—284). Самого П. также называли в числе виновных в присвоении денег Огаревой. Огарев в письме к Герцену от 23 августа (7 сентября) 1849 г. писал: «Ты знаешь, что М. Л. подала вексель ко взысканию; что главные деятели тут Панаевы и Некрасов» (4: 61, 791). В декабре 1861 А. Ф. Писемский высказал обвинение П. печатно: «Г-н Панаев, с полнейшим спокойствием джентльмена, будет, в присутствии всей публики, считать свои, собственно ему принадлежащие, 500000 сер.» («Фельетон Никиты Безрылова» // Библиотека для чтения, 1861, т. 168, декабрь, с. 5). 10 февраля 1862, в ответ на печатный выпад П., *Н. Ф. Павлов* на страницах газеты «Новое время» изложил события «огаревского дела», завершив рассказ обещанием «передать его публике со всеми подробностями» (Наше время, 1862, № 32). Отказ от обещания изложить подробности дела содержал прямой намек на только что умершего П. (58: 274—276). Печатные обвинения, стимулировавшие распространение слухов, непосредственно предшествовали резкому ухудшению состояния П. (29: 300).

Наиболее темна для исследователей личная сторона взаимоотношений П. и Некрасова. Столь же скудны дошедшие до нас факты взаимоотношений между П. и А. Я. Панаевой. По-видимому, в 1846 г. Некрасов становится гражданским мужем Панаевой. Традиционная интерпретация отношений между П., Панаевой и Некрасовым — «любовный треугольник» как попытка

утверждения новых форм супружеских отношений, «свободного по сердцу союза», под влиянием романов Жорж Санд. В пользу этой интерпретации говорят некоторые биографические подробности: действительно, в тот отрезок времени, когда П. женился, он читал и проповедовал Жорж Санд и идентифицировал себя с романтическим литературным героем. Очевидно, что Панаева испытала на себе влияние его проповеди. Отсутствие взаимных высказываний не дает идти дальше предположений. Однако по совокупности известных фактов можно в малой степени реконструировать ситуацию.

Сохранившиеся отзывы современников о характерах П. и Панаевой содержат упоминания об интрижках П. По всей видимости, П. сохранил этот образ жизни до последних дней П. В 1865 г. Некрасов в письме к Плетневу сообщает, что «после Панаева остался сын 4 лет» (1: XIV₂, 36, 224), т. е., в предшествовавшие кончине месяцы П. имел связь вне брака. В романе Панаевой «Женская доля», носящем автобиографический характер, говорится о некой привязанности молодого мужа к свободной женщине, с которой он возобновляет связь вскоре после свадьбы, а также других его увлечениях (30: № 3, 47—61, 72—75, 90—100). Роман свидетельствует о давней и по-прежнему сильной обиде на П.; в воспоминаниях этот мотив снят (очевидно, по этическим соображениям).

Несмотря на обоюдный скепсис и на широкую огласку гражданского брака Панаевой и Некрасова, Панаевы сохраняли видимость супружеской жизни. Воспоминания Панаевой свидетельствуют, что между юридическими супругами велись разговоры доверительного характера. Панаевы и Некрасов проживали в тесной территориальной близости друг от друга (56: 163), однако не одним домом (см., напр.: «поехали на обед к Панаеву. <...> К Некрасову» — 22: 229). Сын Некрасова и Панаевой упомянут в завещании Некрасова как «малолетний Иван Панаев» (см.) (1: XIII₂, 311—312). Возможно, П. занимал позицию человека, не чинившего препятствий и ничего не предпринимавшего.

В 1850-е современники отмечают, что «Панаев лучше стал» (письмо Т. Н. Грановского к *Е. Б. Грановской* от 11 января 1851) (35: II, 284). П. В. Анненков, сообщая Тургеневу о Некрасове, упоминает, что «болячка, которая давала ему цвет, как-то меньше болит теперь под охраной доброго и престарелого (да престарелого!) мужа» (14, 72). В 1862, несмотря на рождение или близкое ожидание внебрачного ребенка и, возможно, наличие существовавшей связи, П. планирует отъезд с женой из столицы.

1. *ПСС*: по указ.; 2. *Летопись*: по указ.; 3. Переписка Некрасова: В 2-х т. М., 1987. Т. 1: по указ.; 4. ЛН, т. 50—51; т. 56, кн. II; т. 61, кн. I; 5. *Панаев И. И.* Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1888—1889; 6. *Панаев И. И.* Избранные произведения. М., 1962; 7. *Панаев И. И.* Повести и очерки. М., 1986; 8. *Панаев И. И.* Избранная проза / Вст. ст. В. А. Туниманова. Примеч. А. Л. Осповата. М., 1988; 9. *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988; 10. Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Л., 1960. С. 50—56 (Библиотека поэта. Большая серия); 11. Физиология Петербурга / Издание подготовил В. И. Кулешов. М., 1991; 12. Иллюстрированный альманах. Издание И. И. Панаева и Н. А. Некрасова 1848 г. Факсимильное воспроизведение. СПб., 1848; 13. *Стернин Г. Ю., Петренко М. М.* Иллюстрированный альманах: Иллюстратор и карикатурист в истории русской журналистики 1840-х годов // Иллюстрированный альманах. Издание И. И. Панаева и Н. А. Некрасова 1848 г. Приложение к факсимильному воспроизведению. М., 1990. С. 13—26 (Все приложение: 40 с.); 14. Труды всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1939. Сб. 4. С. 213; 15. *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1960; 16. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. и писем. Т. XII: по указ.; 17. *Брант Л. В.* Жизнь, как она есть. Записки неизвестного. Ч. I—III. СПб., 1843; 18. Воспоминания академика П. П. Соколова // Исторический вестник, 1910, т. СXXXI, август, с. 378—418; т. СXXXII, сентябрь, с. 764—797; 19. *Гамазов М. А.* К «Воспоминаниям» А. Я. Панаевой // Исторический вестник, 1889, № 4, с. 225;

20. *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем. Тт. XXII, XXIII, XXV: по указ.; 21. *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1961; 22. *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986; 23. *Е. Л. (Литвинова Е. Ф.)* Воспоминания о Н. А. Некрасове. Научное обозрение. 1903. № 4. Апрель. С. 131—141; 24. *Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1899. Т. III; 25. *Каратыгин П. А.* Натуральная школа. СПб., 1847; 26. *Колбасин Е. Я.* Тени старого «Современника» // Современник, 1911, № 8. С. 221—240; 27. *Никитенко А. В.* Дневник: В 3-х т. [Л.], 1955—1956; 28. *Панаев В. А.* Воспоминания // Русская старина. 1901. № 9. С. 482—510; 29. *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1972; 30. *Панаева А. Я.* Женская доля // Современник. 1862. №№ 4—6; 31. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. I—III; 32. *Соллогуб В. А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988; 33. Русское общество 40—50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991; 34. Сочинения графа В. А. Соллогуба: В 5 т. 1855—1856. Т. IV. СПб., 1856. С. 429—525; 35. Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1987. Т. I, II; 36. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: т. 11; Письма: тт. 1—5: по указ.; 37. Н. Г. Чернышевский о Панаеве. Известия ОЛЯ, 1952, т. 11, в. 4; 38. Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930; 39. *Боткин В. П., Тургенев И. С.* Неизданная переписка. 1851—1869. М.; Л., 1930; 40. Письма к А. В. Дружинину. М., 1948; 41. *П. В. Анненков и его друзья.* СПб., 1892; 42. *Черейский, Вацуро.* Пушкин и его окружение. СПб., 1989; 43. *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001; 44. Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 2001; 45. *Щербина Н. Ф.* Избранные произведения: Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1970; 46. *Туниманов В. А.* Панаев Иван Иванович // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 516—519; 47. *Фортунатов Н. М.* Панаева Авдотья Яковлевна // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 520—523; 48. *Баландин А. И.* Панаев Иван Иванович // Русские писатели: Библиографический словарь. М—Я. / Под ред. П. А. Николаева.

М., 1990. Т. 2. С. 121—122; 49. *Игумнова С. А.* Из семейного архива Панаевых // *Карабиха: Историко-литературный альманах.* Ярославль, 1993. Вып. 2. С. 294—301; 50. *Чуковский К. И.* Некрасов и Авдотья Панаева // *Чуковский К. И. Собр. соч.:* В 15-ти т. М., 2004. Т. 8. С. 264—303; 51. *Жданов В.* Жизнь Некрасова. М., 1981; 52. *Евгеньев В. Н. А.* Некрасов и люди 40 гг. // *Голос минувшего*, 1916, № 5—6, с. 24—53; № 9, с. 171—191; № 10, с. 81—108; 53. *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 1840—1850 годы. Л., 1934; 54. *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989; 55. *Скатов Н. Н.* Некрасов // *Скатов Н. Н. Сочинения:* В 4-х т. СПб., 2001. Т. 3; 56. *Рейсер С. А.* Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957; 57. *Ломан О. В.* Некрасов в Петербурге. Л., 1985; 58. *Черняк Я. З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве [Дело Огарева—Панаевой]: По архивным материалам. М.; Л., 1933; 59. *Бессонов Б. Л.* К истории «огаревского дела» (по новонайденным материалам) // *РЛ*, 1978, № 3; 60. *Бессонов Б. Л.* По поводу одной публикации // *Некр. сб.*, VIII, 140—176; 61. *Чешикова С. А.* Панаевы Панаевы // *Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России / Составитель и научный редактор В. П. Старк.* СПб.: Искусство—СПб., Набоковский фонд, 2000. С. 157—166; 62. *Шульгин А.* Родословная дворян Панаевых. СПб., 1894; 63. *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 243; 64. *Ямпольский И. Г.* Литературная деятельность И. И. Панаева: Из истории литературной борьбы 1840-х годов — «Петербургский фельетон» и «Литературная тля» Панаева // *Ямпольский И. Поэты и прозаики.* Л., 1986. С. 23—91, 92—109; 65. *Кафанова О. Б.* Жорж Санд и русская литература XIX века (*Мифы и реальность*) 1830—1860 гг. Томск, 1998; 66. *Шашкова Е. В. И. И. Панаев-критик.* Великий Новгород, 2008; 67. *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989; 68. *Степина М. Ю.* «“Литературная тля. Не-повесть” И. И. Панаева» Тезисы. М.: РГГУ, 2005. Электронная версия; 69. *Степина М. Ю.* Повесть И. И. Панаева «Велико-

светский хлыщ»: К вопросу о прототипах // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г. В. Краснова: Сборник научных статей. Коломна, 2001. С. 124—131.

М. С.

ПАНАЕВ Иван Иванович (1853, июля после 9, с. Алешунино Владимирской губ. — 1855, апрель, СПб.) — сын *А. Я. Панаевой* и Некрасова. Род. в имении *А. С. Некрасова* (2: 412—415). Рождение ребенка не предавалось широкой огласке. Так, *А. В. Дружинин* 23 ноября 1853 записал в дневнике: «Вчера узнал, что у Авдотьи Яковлевны есть дитя, четырех месяцев. Это возможно только в Петербурге, — видеться так часто и не знать, есть ли дети у хозяйки дома!» (3: 247). Сын носил фамилию *И. И. Панаева*, т. к. формально брак Панаевых не расторгался. Упоминается в завещании Некрасова от 1855: «1) Прежде всего и непременно класть ежегодно в ломбард для приращения процентами тысячу рублей серебром на имя малолетнего Ивана Панаева, каковые деньги должны быть ему отданы все сполна, когда ему минет осьмнадцать лет» (билеты на имя П. должны были храниться у *И. С. Тургенева*); «5) По совершенной уплате долгов по журналу вместо одной тысячи в пользу малолетнего Ивана Панаева класть по две тысячи в год. <...> 8) В случае каких-либо недоразумений <...> прошу решить дело третейским судом из людей честных и беспристрастных, знавших меня, мои отношения к семейству Панаевых <...> 9) Вклад денег в пользу малолетнего Ив<ана> Панаева и выдачу г-же Панаевой начать не со дня моей смерти, а с 1-го января ближайшего за нею года» (1: 311—312). Умер от болезни («...мне дали знать, что бедному мальчику худо» — 1: XIV₁, 202). В письме Некрасова к Тургеневу от 19 апреля 1855 содержатся признания о тяжести этой утраты: «Бедный мальчик умер. Должно быть, от болезни, что ли, на меня это так подействовало, как я не ожидал. До сей поры не могу справиться с собой» (1: XIV₁,

202). П. похоронен на кладбище Фарфорового завода, где были фамильные захоронения Панаевых.

1. ПСС: XIII₂, 311—312, 646; XIV₁, 202; 2. Летопись: I, 415, 422, 466—467; 3. Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 247; Бессонов Б. Л. Некрасов в Алешунине // Муромский рабочий. 1977. 20 ноября.

М. С.

ПАНАЕВ (1861—нач. 1862 — ?) — сын *И. И. Панаева*. Упом. в письме Некрасова к *П. А. Плетневу* от 19.12.1865: «после Панаева остались мать <...> без куска хлеба; сын 4 лет — тоже» (I: XV₁, 36).

1. ПСС: XV₁, 36, 224.

М. С.

ПАНАЕВ Кронид Александрович (1830—1904) — двоюродный брат *И. И. Панаева*. Поручик Уланского полка, участник Крымской войны. Инженер по строительству железных дорог. Знакомство с Некрасовым началось, вероятно, в в к. 1840 — нач. 1850-х. Сохранилась запись в Дневнике *А. В. Дружинина* от 23.10.1853 об одной из встреч П. и Некрасова: «Вернувшись к Панаеву, сели за обед в присутствии многих, более или менее красивых офицеров, Лихачевых, Панаевых и tutti quanti*. Провожали молодого Крон<ида> Пан<аева>, посылаемого в действ<ующую> армию от Уланского е<го> в<еличества> полка. Но наш уголок стола состоял из людей более привлекательных: Сократа, Пан<аева>, Некр<асова> и Языкова» (3: 235—236). Упом. в письме Некрасова к *И. А. Панаеву* от 7(19).05.1857: «Обнимаю тебя, Валерьяна и других братьев (см.: *Панаев А. А. — ред.*), кланяюсь вашим женам и детям» (I: XIV₂, 72, 217).

* всех прочих (итал.).

1. *ПСС*, XIV₂, 72, 217; 2. *Летопись*: II, 420; 3. *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986. С. 235—236, 504; 4. *Чепикова С. А.* Панаевы // *Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России / Составитель и научный редактор В. П. Старк.* СПб.: Искусство—СПб., Набоковский фонд, 2000. С. 164; 5. *Поселянин Е.* Краса русской армии — братья Панаевы. 1916.

М. С.

ПАНАЕВА-КАРЦЕВА Александра Валерьяновна (8(20).10.1853, СПб. — 02.1942, Л.) — дочь *В. А. Панаева*. Певица (сопрано), педагог. Брала уроки у Г. Ниссен-Саломан (Петербургская консерватория) и у П. Виардо (1874—1877, Париж). В 1878 дебютировала в СПб. В 1879 познакомилась с П. И. Чайковским, написавшем для нее несколько романсов; первая Татьяна в концертном исполнении оперы Чайковского «Евгений Онегин». В 1886—1887 артистка Московской частной русской оперы, с 1888 — артистка Мариинского театра; выступала и как концертная певица. Ей посвящен цикл стихов *А. Н. Апухтина*. Ее поклонником и бескорыстным покровителем был гр. *А. В. Адлерберг*, подаривший ей тысячетомную нотную библиотеку с тайным грифом в виде золотой буквы «О» («Очаровательнице») на каждом из томов (*б Ушакова*: 000). Для П.-К. В. А. Панаев построил по собственному проекту театр в СПб., возле Адмиралтейства (1876, открыт в 1888). Умерла в блокаду.

Упом. в письме Некрасова к *И. А. Панаеву* от 7(19).05.1857: «Обнимаю тебя, Валерьяна и других братьев (см.: *Панаев А. А.* — ред.), кланяюсь вашим женам и детям» (*1*: XIV₂, 72, 217).

1. *ПСС*: XIV₂, 72, 217; 2. *Розанов А.* Полина Виардо-Гарсиа. Л., 1969; 3. *Ушакова В.М.* История нотной библиотеки певицы А. В. Панаевой-Карцовой // *История Петербурга.* № 1 (41). 2008. С. 83—84; 4. *Чепикова С. А.* Панаевы // *Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России / Составитель и*

научный редактор В. П. Старк. СПб.: Искусство—СПб., Набоковский фонд, 2000. С. 164.

М. С.

ПАНАЕВА (урожд. Одинцова) Вера Николаевна (?—?) — жена *А. А. Панаева*, мать *Б. А. Панаева*, *Г. А. Панаева*, *Л. А. Панаева*, *П. А. Панаева*. Упом. в письме Некрасова к *И. А. Панаеву* от 7(19).05.1857: «Обнимаю тебя, Валерьяна и других братьев (см.: *Панаев К. А. — ред.*), кланяюсь вашим женам и детям» (1: XIV₂, 72, 217).

1. ПСС, XIV₂, 72, 217; 2. *Чепикова С. А. Панаевы // Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России / Составитель и научный редактор В. П. Старк. СПб.: Искусство—СПб., Набоковский фонд, 2000. С. 164*; 3. *Поселянин Е. Краса русской армии — братья Панаевы. 1916.*

М. С.

ПАНАЕВА (урожд. Хулдубашева, по др. свед. Лалаева (2: 431)) **Мария** Лукьяновна (Якимовна (2: 431)) (ок. 1790 — 10.12.1881, СПб.) — мать *И. И. Панаева*. По-видимому, отчество «Якимовна» (2: 231) или «Екимовна» (7: 411) было принято в кругу знакомых П. Указание девичьей фамилии П. «Лалаева», по-видимому, восходит к рассказу *П. П. Соколова* о родстве Панаевых, Гамазовых и Лалаевых, как и ошибочное утверждение «родом Панаева была армянка» (7: 395): П., возможно, принадлежала к татарскому роду (10: 300). Принадлежала к древнему дворянскому роду (4: 000); по всей видимости, в первую очередь ей Панаев был обязан «кастовым» мировоззрением в детские и юношеские годы (5: 000). Гордость своей сословной принадлежностью отрицательно повлияла на отношения П. с *А. Я. Панаевой*. По словам Соколова, П. сохранила в зрелом возрасте яркую красоту; «это была добрая, веселая и радушная женщина с молодой душой и жизнерадостным самочув-

ствием <...> она не умела стариться (7: 395). Вела «барский образ жизни», окружала себя приживалками, послужившими прототипами героев произведений Панаева; обстановка ее дома очень не понравилась гостившему у Панаевых *В. Г. Белинскому*. К к.1850 — нач. 1860-х прожила наследство сына, осталась без средств и находилась на его содержании, составлявшем 50 руб. ассигнациями ежемесячно (3: 431).

Знакомство П. с Некрасовым, по-видимому, состоялось в нач. 1840-х. По воспоминаниям П. П. Соколова, на «вторниках» Панаева, на которых регулярно бывал Некрасов, «дамы держались около матери Ивана Ивановича, Марии Екимовны, и принимали участие в общем собрании, когда читалось что-нибудь общедоступное (9: 410—411). Можно с уверенностью предполагать, что П. и Некрасов встречались на семейных праздниках Панаевых.

П. неоднократно обращалась в контору «Современника» за дополнительной материальной помощью (7 января 1861 просьба выдать в долг 16 руб. на лекарство (2: 275); 3 декабря 1861 «на дрова» 7 руб. серебром (2: 280); 12 декабря 1861 огороднику 9 руб. 90 коп. (2: 283); 1860—1861, без точной даты, просьба прислать «вперед за 2 месяца», чтобы отдать булочнику и др. мелкие долги (2: 287)). После смерти И. И. Панаева П., наряду с *А. Я. Панаевой*, считалась его наследницей (1: XIII₂, 156, 548). Ее получение ежегодного пособия в размере 600 руб. от редакции «Современника» Некрасов оговорил отдельным пунктом доверенности *И. И. Панаеву* на заведование хозяйственной частью «Современника»: «Производить выдачи матери и жене покойного моего соиздателя Ивана Ивановича Панаева <...> в том размере <...> в каком сами признаете это возможным по Вашему усмотрению» (1: XIII₂, 252). Во время приостановки журнала на 8 месяцев с июня 1862 П. получала пенсию «по-прежнему» (1: XIII₂, 205, 580), о чем Некрасов 30.10.1862 сообщил на заседании Литературного фонда, в Комитет которого П. 20.05.1862 обратилась с просьбой об оказании ей помощи (1: XIII₂, 352; 10: 301). В 1864 по распоряжению Некрасова долг П. конторе «Современника» (1972 руб. 68

коп.) был списан (1: XIII₂, 610). В письме к П. А. Плетневу от 19 декабря 1865 Некрасов сообщает, что «после Панаева остались мать, старуха 75 лет, без куска хлеба» (1: XV₁, 36). После закрытия журнала на заседании Комитета литературного фонда 28 ноября 1866 Некрасов «заявил, что с закрытием “Современника” отпускавшееся ежегодно пособие г-же Панаевой прекращено и что она действительно находится в крайне стесненном положении», и с 1 января 1867 П. получала от Литературного фонда пожизненную пенсию в 300 руб. сер. в год (максимальную по своим размерам) (3: 431—432).

Сохранилось одно письмо П. к Некрасову от 27 февраля 1867, в котором она просит его «прибавить от себя сколько-нибудь в месяц» к пенсии о Литературного фонда «потому, что 25 руб. при настоящей дороговизне слишком недостаточно для самого умеренного существования» (3: 432).

1. ПСС: X₂, 287; XIII₂, 156, 205, 252, 352, 353, 548, 580, 610; XV₁, 36, 224; 2. Летопись, 2: 275, 280, 283, 287, 315, 323, 324, 485; 3. ЛН, т. 51—52, с. 431—432; 4. Шульгин А. Родословная дворян Панаевых. СПб., 1894; 5. Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 243; 6. Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988; 7. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972; 8. Воспоминания академика П. П. Соколова // Исторический вестник, 1910, т. СXXXI, август, с. 378—418; т. СXXXII, сентябрь, с. 764—797; 9. Чепикова С. А. Панаевы // Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России / Составитель и научный редактор В. П. Старк. СПб.: Искусство—СПб., Набоковский фонд, 2000. С. 157—166; 10. Игумнова С. А. Из семейного архива Панаевых // Карабиха: Историко-литературный альманах. Ярославль, 1993. Вып. 2. С. 294—301; 11. Туниманов В. А. Панаев Иван Иванович // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 516—519; 12. Фортунатов Н. М. Панаева Авдотья Яковлевна // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 520—523.

М.С

***ПЕТРОВСКИЙ** Потап Терентьевич (? — ?; по др. сведениям — 9 июня 1844 г. в с. Архангельское Звенигород. у. Моск. губ.) — портретист. Был вольноприходящим учащимся Академии Художеств, в 1844 г. окончил ее со званием некласного художника портретной живописи (3, 151). Автор карандашного портрета Некрасова (1852) (2, 389), выполненного в альбоме М. П. Боткиной (1, 135). Посещал М. П. Боткину в 1848—1854 гг. (1, 12/15, 36, 57, 99). По-видимому, через семейство Боткиных был знаком с Некрасовым.

1. РО ИРЛИ. 24.535. Альбом М. П. Боткиной. Лл. 12/15, 36, 57, 99, 135; 2. ЛН, 49—50. Н. А. Некрасов. I. М., 1949. С. 389; 3. Список русских художников: К юбилейному справочнику Императорской Академии Художеств. Составил С. Н. Кондаков. Ч. II. [1915] С. 151; 4. Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись первой половины XIX века. Серия Живопись XVIII—XX веков. Том 3. Изд-во «Сканрус». М., 2005. С. 207; 5. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 676.

М. С.

ПОТАНИН Гавриил Никитич (09.07. 1823 — 17.12.1910) — педагог, беллетрист, этнограф, мемуарист; сын симбирского дворового. Окончил курс гимназии в Симбирске, был домашним учителем в семьях Минаевых (у него учился Д. Д. Минаев) и Гончаровых. В 1840—1850-е гг. самарский смотритель народных училищ. За сочиненную им сатиру на самарское губернское начальство был переведен в Бугульму, а позднее и «отставлен от службы» (7). В конце 1859 г. уехал в Петербург в поисках должности. Нуждаясь в деньгах, предпринимал попытки публикации своего незавершенного романа «Крепостное право». После получения отказа от катковского «Русского вест-

ника» и неудачного визита к А. Ф. Писемскому предложил свой роман в апреле 1860 г. Некрасову и нашел у него поддержку (5: 460—463). В письме от 23 июня 1860 г. Н. А. Добролюбову Некрасов дал высокую оценку роману П.: «...вещь замечательная, талант большой и русский (т. е. не то чтобы действовал мужик, а по-русски дело ведется и рассказывается), столько еще не бывало в русском произведении» (1: 136—137). Осенью 1860 г. Некрасов помог П. получить место преподавателя в петербургской Введенской гимназии. Первые двенадцать глав антикрепостнического романа П. были опубликованы в «Современнике» (1861, № 1—4) под измененным по цензурным причинам заглавием «Старое старится, молодое растет» (9). Затем печатание романа в «Современнике» прекратилось — отчасти из-за болезненно воспринимавшихся П. цензурных вмешательств, отчасти по причине высокой требовательности к себе автора, воодушевленного первым успехом и дорожившего собственной писательской репутацией (Некрасов еще в 1860 г. предсказывал, что П. роман «никогда не кончит, так он любит свое детище и так сжился с ним» (1: 136)). В дневнике П. (названного им «Ночником») содержится немало замечаний о Н.: его поступках и высказываниях. Среди них есть и неодобрительные суждения о Некрасове. В частности, П. возмущало предложение Некрасова пойти на определенные компромиссы, чтобы ускорить печатание романа, что воспринималось им как недооценка своего произведения и обидное неуважение к себе как к художнику (12: 246—251). В его дневниковых записях начала 1860-х гг. присутствуют критические замечания в отношении личности Некрасова, который, как кажется П., эгоистичен, расчетлив и «отжил сердцем». В 1862 г. он записывает в дневнике: «Я недоволен Некрасовым как человеком, я еще более недоволен Некрасовым как редактором, тщеславно не признающим в нашей литературе ничего выше кроме авторитета идей, проводимых его “Современником”; но при всем моем отвращении к этому господину как литератору и редактору я не в состоянии ничего сказать против передовой в наше время поэзии» (10: 46). Отойдя от «Современника»,

П. в 1863—1865 гг. П. сотрудничал в журнале «Русское слово», где в конце концов последовал совету Некрасова, напечатав в виде повести отрывок из «Старое старится...» («Год жизни» — РСл, 1865, № 7—10) и несколько «эпизодов» из романа (РСл, 1864, № 8, 9, 11; 1865, № 4, 7—10). В целом отношении П., по его самохарактеристике «воспитанника николаевского времени и патриота по-своему» (12: 246), к литераторам демократического лагеря оставалось настороженным: его отвращал крайний радикализм суждений. В воспоминаниях П. упоминается о его редких встречах с Некрасовым после закрытия «Современника» и попытке опубликовать в «Отечественных записках» повесть «Штатный смотритель» с посвящением Некрасову (5: 481), однако она была отвергнута М. Е. Салтыковым за чрезмерную «сентиментальность» и была в итоге напечатана в 1871 г. в журнале С. А. Юрьева «Беседа» с посвящением П. Я. Ростовцеву. В 1866—1870 гг. П. служил инспектором училищ Витебской губернии и был уволен за «полную неблагонадежность в политическом отношении» (10: 48). В апреле 1870 г. Некрасов принимал участие в хлопотах М. Е. Салтыкова о выделении денежного пособия от Литфонда П., оставшемуся без средств к существованию (4). В 1871 г. П. поселился в Симбирске. В своих позднейших воспоминаниях П. характеризовал «незабвенного» Некрасова как «чуткого» человека, который заботился о нем «как отец» «до конца жизни», а о своем сотрудничестве в «Современнике» как о «самом счастливом и веселом времени жизни» (5: 466, 467). В письме С. Н. Шубинскому от 30 апреля 1903 г. П. отзывался о Некрасове как «великом поэте и человеке» (10: 47).

Известно два письма Некрасова к П. (1861) (1) и одно письмо П. к Некрасову (1861) (3).

1. ПСС, XIV₂, 136—137, 153, 157; 2. *Летопись*, II, III, по указ.; 3. *Некр. сб.*, VIII, 148—150; 4. *Салтыков-Щедрин*, XVIII₂, 44—46; 5. *Потанин Г. Н.* Воспоминания о Н. А. Некрасове // ИВ. 1905. № 2. С. 458—489; 6. *Некр. в восп.*,

180—190, 519—520; 7. *Макеев А. Ф.* Г. Н. Потанин — писатель и Г. Н. Потанин — путешественник // *РЛ*. 1968, № 3. С. 197—198; 8. *Он же.* Г. Н. Потанин о Некрасове // *Материалы IX научной конференции литературоведов Поволжья*. Пенза, 1969; 9. *Заборова Р. Б.* Из архивных разысканий о Н. А. Некрасове // *РЛ*. 1973. № 4. С. 130—131; 10. *Краснов Г. В.* К творческой биографии Гавриила Потанина // *Русская литература и освободительное движение*. Казань, 1974. Сб. 5. С. 43—50; 11. *Он же.* Н. А. Некрасов в кругу современников. Коломна, 2002. С. 141—147; 12. *Мельгунов Б. В.* *Некрасов-журналист*, 238—253; 13. *Потанин Г. Н.* Ночник // *ИРЛИ*. № 3820.

А. Б.

ПРАВОЛАМСКИЙ Петр (ок. 1813 или 1814 — ок. 1869), поэт, актер. В 1837—1839 гг. студент Демидовского лицея в Ярославле. Сначала обучался на собственные средства, а с 1839 г. переведен на казенное содержание. Под руководством профессора словесности А. З. Зиновьева занимался поэтическим творчеством. В 1838 г. выпустил в Ярославле сборник стихотворений (2). Содержание сборника могло быть знакомо Некрасову. В стихах поэта «Колизей» и «Тот не поэт» (из сборника «Мечты и звуки») присутствуют реминисценции из стихов П. «Гению» и «Отчужденный». В 1838—1839 гг. выступал на торжественных актах лицея с чтением стихов «Жизнь» (3) и «Мысль» (4) (не сохранились). В 1839 г. написал приветственное послание принцу Альберту Прусскому при посещении им лицея, которое также не сохранилось (6). В октябре 1839 г. П. поступил на философский факультет Московского университета (11). В январе 1840 г. был с него отчислен (12). В этом же году переехал в Петербург, где подготовил совместно с поэтом к печати книгу «Несчастный Гриша, или Следствия дурного воспитания. Соч. П. Лаомправского» (рукопись утрачена) (7). Вполне возможно, что П. послужил прототипом стихотворца И. И. Грибовникова из рассказа Некрасова «Без ве-

сти пропавший пиита» (1840) (8). В 1840—1860-х гг. П. работал в московском Малом и провинциальных театрах, включая ярославский, учителем словесности в гимназии, побывал на золотых приисках в Сибири. В 1864 г. обосновался в Ярославле, где лечился от алкоголизма, но вскоре отправился в Петербург в надежде повидаться с Некрасовым (5). Где и когда скончался, неизвестно.

1. *Летопись*, I, по указ.; 2. *Праволамский П.* Стихотворения. Ярославль, 1838; 3. *Праволамский П.* Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1839 года. М., 1839. С. 36; 4. *Праволамский П.* Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея 15 января 1840 года. М., 1840. С. 54; 5. *Трефолов Л. Н.* Поэт Праволамский // *Русский архив*. 1876. № 12. С. 503—506; 6. *Головщиков К.* Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища. Ярославль, 1887. С. 188; 7. *Литературный архив*, издаваемый П. А. Картавовым. СПб., 1902. С. 22; 8. *Мельгунов Б. В.* «Всеу начало здесь...». Ярославль, 1997. С. 92—100; 9. *Он же.* Праволамский Петр // *Русские писатели, 1800—1917: Биограф. словарь*. М., 2007. Т. 5. С. 133; 10. *Биографический сборник Демидовского университета*. Ярославль, Рыбинск; 2008. С. 172—173; 11. *Российский государственный исторический архив Москвы и Московской области*. Ф. 418. Оп. 8. Д. 165; 12. Там же. Оп. 171. Д. 11. 13. *Праволамский П.* Стихотворения. Отрывок из поэмы «Елена Глинская» // *ИРЛИ (Пушкинский Дом)*. Рукописный отдел. Архив А. В. Никитенко. № 19.470; 14. *Падение Миссолунги. Историческая повесть А. фон Тромлица*. (Пер. П. Праволамского) // Там же. 19.542.

Г. К.

ПЫШИН Александр Николаевич (25.03.1833, Саратов —26.11.1904, С.-Петербург) — историк литературы, этнограф, академик С.-Петербургской

АН (1898). Из дворян. Учился в Саратовской гимназии, в Казанском (первый курс) университете, затем — в Санкт-Петербургском университете, который закончил в 1853 г. кандидатом историко-филологического факультета. После окончания учебы стал печататься в «Современнике» (2, 448). С 1853 г. становится одним из его постоянных сотрудников. По свидетельству самого П. его личное знакомство с Некрасовым состоялось в следующем году. «Я видел в первый раз Некрасова в 1854 году, — вспоминал П. — В первые годы знакомства и сложились мои представления о Некрасове; потом они мало изменились. Много в этом характере не давало нравственного удовлетворения; но в общем счете и по силе благоприятных впечатлений, в моих впечатлениях скорее преобладали и преобладают симпатии» (3, 114). В письме от 21 марта 1855 г. Н. Д. и А. Е. Пыпиным он сообщал: «Вечерами четверга изредка я бываю у Краевского, но у него всегда скучно. В этих посещениях я вижу с другими своими знакомыми из «литературно-ученого» мира, которых приобрел довольно. Нередко потом бываю у Некрасова и Панаева, издателей «Современника», потому что пишу кое-что для их журнала» (2, 462). С конца 1856 г. до прихода в «Современник» *Н. А. Добролюбова* П. составлял большую часть «Библиографии» журнала. В 1857 г. он защитил магистерскую диссертацию «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», в котором рассматривал происхождение жанра русской повести от византийских его истоков. В 1858 г. П. уезжает на два года за границу, и по возвращении его назначают на должность профессора Санкт-Петербургского университета. Работа в «Современнике» оказала сильное влияние на формирование демократических воззрений Пыпина. Он восхищается поэзией Некрасова. Так, в июле 1857 г. П. писал своему двоюродному брату, *Н. Г. Чернышевскому*, по поводу первого сборника «Стихотворений» поэта, вышедшего в 1856 г.: «Когда увидишься с Некрасовым, передай ему мое

глубочайшее почтение от моего лица и за много других лиц. Поблагодари его за книжку стихотворений, доставляющую истинное наслаждение его

читателям. <...> Да! Теперь Некрасов единственный поэт, которого может слушать порядочная публика...» (4, 155). В письме от 3 декабря 1858 г. чешскому филологу Вацлаву Ганке сообщал: «Из современных поэтов больше всех любим Некрасов. <...> Некрасов подлинный поэт, его поэтическая мысль всегда своеобразна, лишена всякой трафаретности. <...> Мы ценим поэзию Некрасова как наиболее оригинальное и наиболее яркое выражение мыслей современного поколения» (6, 75—76). С 1863 г. П. становится членом редакции «Современника», а с 1865 по 1866 гг. — ответственным редактором журнала совместно с Некрасовым. В ноябре 1865 г. министром внутренних дел *П. А. Валуевым* объявлено «первое предостережение» журналу «Современник». Одной из главных причин данного предупреждения послужила статья «Новые времена» *А. Н. Пыпина*, опубликованная в восьмом номере журнала за 1865 г. (2, 427). В декабре этого же года П. вручено «заявление по предмету второго предостережения журналу «Современник» (1, 32). 1 июня 1866 г. он получает официальное извещение о запрещении издания (5: 175). В редакцию «Отечественных записок», несмотря на приглашение Некрасова, П. не вошел, так как в конфликте поэта с *М. А. Антоновичем* и *Ю. Г. Жуковским*, принял сторону последних, поддерживая их денежные претензии к Некрасову. В это время сам он выбирал между «Современным обозрением» *Н. Тиблена*, «Вестником Европы» *М. М. Стасюлевича* и журналом Некрасова, больше склоняясь к либеральным изданиям. Одной из причин отказа от участия в «Отечественных записках», по свидетельству самого П., было его нежелание работать с *А. А. Краевским*. Еще одним условием сотрудничества с Некрасовым была просьба П. принять на работу в журнал *Ю. Г. Жуковского*: «...Относительно Жуковского я сказал, что я, собственно, считаю его необходимым, потому что для известных предметов считаю его наиболее компетентным, чем писатели по политической экономии и статистике в «Отечественных записках»» (3: 529). После отказа П. участвовать в издании «Отечественных записок» его отношения с Некрасовым почти

прекратились. С середины 60-х годов, особенно после закрытия «Современника» П. занимается переводами историко-литературных и исторических сочинений Гетнера, Лекки, Тэна, Рохау и др. Вместе с *М. А. Антоновичем* переводит «Историю индуктивных наук» Уэвеля. С момента основания «Вестника Европы» в 1867 г. он становится членом редакции журнала, одним из его видных деятелей. На протяжении последующей жизни П. печатается в «Вестнике Европы». На страницах журнала появляются такие его статьи как «Русское масонство в XVIII веке» (1867, т. II—IV), «Русское масонство до Новикова» (1868, №№ 6, 7), «Крылов и Радищев» (1868, № 5) и др. В 1874—1875 гг. в «Вестнике Европы» печатается *биография В. Г. Белинского*, привлекающая к себе внимание читателей. Письма Белинского, разысканные П., создавали образ человека, отстаивающего свои идеалы, раскрывали мир душевной красоты известного критика. Несмотря на отказ П. работать в журнале Некрасова, он по-прежнему интересовался его творчеством. Поэт прислал ему свою поэму «Княгиня Волконская», опубликованную в «Отечественных записках». В ответ П. в январе 1873 г. писал: ...она меня тронула, чего давно не случалось испытывать от последней нашей литературы. <...> Повидаться с Вами было бы мне очень приятно; так давно уже мы не встречались» (3: 113). Узнав о тяжелой болезни Некрасова, он решил с ним увидеться, о чем написал в ноябре 1876 г. М. Е. Салтыкову-Щедрину. В своих записях, сделанных во время посещений больного поэта, он отмечал, что Некрасов «лежал в постели, бледный и изнеможенный». Но постепенно поэт оживился и стал рассказывать о судьбе своего стихотворения «Пир на весь мир», затем «говорил о романе («Новь» — Т. Т.) Тургенева», потом снова заговорил о своей поэзии (3: 444—448). П. посещал Некрасова в течение января—марта 1877 г. Несмотря на конспективный характер записей П., они представляют интерес для понимания настроения Некрасова в этот период. Почти сразу же после смерти Некрасова П. стал собирать материал для биографии поэта. Обратившись с просьбой к И. С. Тургеневу вспомнить то время, когда в редакции

«Современника» назревал раскол, он в ответ летом 1881 г. получил от писателя письма Некрасова к нему. В декабре 1883 г. П. просит Н. Г. Чернышевского высказать свое мнение об Н. А. Добролюбове и его сотрудничестве в «Современнике». Уже в январе 1884 г. он получает от двоюродного брата «Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым» (3: 140). Однако в эти годы написать биографию Некрасова П. не удается. Только в декабре 1902 г. он сообщает корреспонденту «Петербургской газеты», что «намерен в самом недалеком будущем приняться за капитальный труд о Некрасове». Работа П. была опубликована в «Вестнике Европы» в №№ 11 и 12 за 1903 и в №№ 3 и 4 за 1904 годы. Во вступительной статье к публикации писем Некрасова к Тургеневу П. выразил свое отношение к поэту: «Я знал Некрасова давно; очень близок с ним я не мог быть, — слишком велика была уже разность поколений, — но я довольно близко его видел в делах журнальных. Не все мне было симпатично в этом характере; но большой ум, многие черты поэзии, тонкий литературный вкус были привлекательны; во всяком случае, это было замечательное лицо, о котором должна быть сохранена историческая память» (3: 113).

1. ПСС, XV₁, 32; 2. *Летопись*, I, II по указ.; 3. *Некр. в восп.*, 113, 114, 444—448; 4. *Пуришкевич К. А. Н. Пыпин о Н. А. Некрасове // Уч. Зап. Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского. Ф-т яз и лит-ры. Вып. 1. 1938. С. 75—76*; 5. *Евгенъев-Максимов. Совр. III*, 175.

Т. Т.

РАМЕНСКИЙ Алексей Максимович (ок. 1803 - ?), учитель истории и статистики в ярославской гимназии, сын священника. Выпускник владимирской семинарии и словесного отделения Московского университета (4). В 1830 г. был определен в ярославскую гимназию. В 1830-1833 гг. исполнял должность учителя логики, нравоучения и греческого языка в Благородном

пансионе при Ярославском высших наук училище. На экзамене в 1833/34 г. Н. по этому предмету получил «тройку» (за октябрь и ноябрь «четверки» - наивысший балл в гимназии) (2, таблица 1). В 1834/35 г. выше «двойки» поэт по истории не получал. На экзамене ему поставили «единицу» (2, таблица 2). В 1835/36 г. у Некрасова по истории появились «тройки» (2, таблица 3). В 1836/37 г. эта оценка у него стала уже средним баллом (1). На экзаменах в Петербурге по всемирной и русской историям в 1839 г. его знания оценили на «единицу» (3). В 1840 г. по всемирной истории он на экзамене получил «двойку». О Р. оставил воспоминания его бывший ученик М.Н. Горошков (2, 72)

1. *Васильев П.П.* Материалы для биографии Н.А. Некрасова // Мирской толк. 1879. № 46. С. 430. (Учебная ведомость Н.А. Некрасова за 1836/37 г.); 2 *Евгеньев В.Е.* Н.А. Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914; 3. *Рейсер С.А.* Некрасов в Петербургском университете // ЛН, М., 1946. Т. 49 – 50. С. 355, 360; 4. *Красильников Г.В.* Гимназические учителя Н.А. Некрасова // Краеведческие записки: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 471.

Г. К.

САБЛИН Евгений Иванович (05.01.1815, с. Медягино Ярославского уезда и губ. — 26.02.1846, Ярославль), поэт, одноклассник Некрасова по ярославской гимназии. Родился в семье священника. Окончил ярославское уездное училище. В 1832 г. вышел из духовного звания (8). В 1833 г. поступил в ярославскую гимназию. Учился весьма успешно, о чем свидетельствуют его годовые и экзаменационные оценки. На переходных экзаменах из 4-го в 5 класс (согласно «Устава гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов» 1828 г. срок обучения в гимназии увеличился с 4-х лет до 7) в 1834/35 учебном году получил семь «четверок» (наивыс-

ший балл в гимназии в это время) (10). Некрасов в этом году остался в 5 классе на второй год. В следующем году — 1835/36 — они учились вместе. Далее С. перешел в 6 класс, а Некрасов остался в 5 классе на третий год и вскоре вынужден был оставить гимназию. Поведение Саблина в 1834/35 учебном году было признано «хорошим» — за год ему не было сделано ни одного замечания. У Некрасова в этом же году таких замечаний было 11: девять «за шалость» и два «за леность» (5). Больше у него было и уроков, пропущенных «по неизвестной причине» (20 против 7 у С.). В 1840 г. С. издал стихи «Полевой цветок» (3), о которых Н. в письме к сестре Елизавете от 9 ноября 1840 г. отозвался нелестно: «Саблина стихи очень глупы...» (1). Чем была вызвана столь нелюбезная характеристика ярославского знакомого Н., выяснить не удалось. В 1841 г. С. поступил в Московский университет. В этом же году в Москве он издает «Кавказскую сцену» (4), в которой стремится подражать пушкинской поэме «Кавказский пленник». В 1845 г. возвращается в Ярославль с признаками душевной болезни. Здесь он создает ряд произведений: сборник стихов «Темпы Сержанта», повесть «Сарра», записки о государственных преобразованиях (9). Последние вызвали к нему специальное внимание со стороны московских и ярославских властей. Скончался С. от чахотки в ярославском доме призрения ближнего.

1. ПСС, XIV₁, 31; 2. *Летопись*, I, по указ.; 3. *Саблин Е. И. Полевой цветок. Стихотворения*. Ярославль, 1840; 4. *Он же. Кавказская сцена*. М., 1841. 5. *Евгеньев В. Е. Николай Алексеевич Некрасов: Сб. статей и материалов*. М., 1914. Таблица № 2. 6. *Мельгунов Б. В. «Всему начало здесь»*. Ярославль, 1997. С. 87 — 91; 7. *Красильников Г. В. Ярославский «пиита» Евгений Саблин // 28 Некрасовская конференция: Тезисы докладов*. Ярославль, 1996. С. 43—45; 8. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 11750. Журнал от 20 авг. 1832 г. Запись под № 13. 9. Там же. Ф. 73. Оп. 4. Д. 1312. 10. РГАЛИ. Ф. 338. Оп. 1. Д. 1. Л. 137.

Г. К.

***САВЕЛЬЕВ-РОСТИСЛАВИЧ** Николай Васильевич (Александр Непомук Николай Мария Буриной Венцеслав Светомир князь Ростиславич) (? — 14.10.1855, дер. Дьяковка Льговского уезда Курской губернии) — историк, литератор, сотрудник многих периодических изданий. В 1837 г. окончил Московский университет «по факультету нравственно-политических наук», в процессе учебы «усердно посещал лекции профессоров как своего, так и словесного факультета» (1). Ученик Ю. И. Венелина. По окончании Московского университета в 1837 г. С.-Р. выпустил первую книгу: «Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы». М.: тип. Степанова, 1837. Главы из этой книги с 1837 г. печатались в «Московском наблюдателе» и в петербургских изданиях, наряду с рецензиями и заметками, посвященными преимущественно истории: в «Журнале Министерства народного просвещения», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Маяке», «Литературных прибавлениях к “Русскому Инвалиду”», «Отечественных записках», «Сыне Отечества», «Военно-историческом лексиконе», «Энциклопедическом лексиконе Плюшара». Рецензии С.-Р. в «Отечественных записках» зачастую приписывались А. А. Краевскому (2). С.-Р. был лично знаком с В. Г. Белинским (И. И. Панаев цитирует письмо Белинского, в котором тот передает поклон Савельеву) (2). Об активном сотрудничестве С.-Р. в периодических изданиях, помимо И. И. Панаева в его «Литературных воспоминаниях» (2), упоминает П. А. Плетнев в переписке с Я. К. Гротом (3). Ему также принадлежат статьи «Новости западно-славянской литературы» (ЛПРИ. 1838. № 5) и «Жизнь Г. Р. Державина» (5). Статья о Державине получила негативную оценку П. А. Плетнева (14.10.1844, 31.10, 15.04.1845) (3). Так как С.-Р. имел отношение к тем периодическим изданиям, в которых в начале 40-х гг. сотрудничал и Некрасов, то можно предполагать, что они были лично знакомы. Это предположение косвенно подтверждается тем, что в 1838 г. Н. посвятил стихотворе-

ние «Безнадежность» лицу с инициалами «Н. В. С.» (1), а в 1840 г. в «Северной пчеле» появилась одобрительная рецензия на его книгу «Мечты и звуки», подписанная инициалами «Н. С.» (СП, 1840, 14 марта, № 59) (1). Ее автор говорит о необходимости снисходительного отношения к юному автору, о признании его несомненного дарования и о подражательности, пристрастии к «прежней школе» — элегической поэзии. Возможно, адресат стихотворения и автор рецензии — одно лицо (9). Несколько стихотворений Некрасова в пору вхождения в петербургские журнально-литературные круги и подготовки поэтического сборника посвящены его знакомым, принимавшим участие в поэте (*Ферморы, К. А. Данненберг*). По-видимому, в число этих лиц входил и С.-Р. Сведений о личном знакомстве нет. Кроме упомянутой рецензии, не выявлено других печатных выступлений о Некрасове, которые можно атрибутировать С.-Р. По всей видимости, творческие контакты Некрасова и С.-Р. ограничились указанным периодом. О жизни и деятельности С.-Р. с середины 40-х гг. до его кончины в 1855-м сведений нет.

1. ПСС, I, 190, 645; 2. Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988; 3. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Издана под редакцией К<онстантина> Я. Грота, ординарного профессора ИМПЕРАТОРСКОГО Варшавского университета. Т. I. СПб., 1896.; 4. Энциклопедический лексикон Плюшара. Т. IX; 5. *Державин Г. Р.* Собрание сочинений. СПб.: Изд. Глазунова, 1843; 6. [Б. п.]<Николай Васильевич Савельев-Ростиславич> Некролог // Отечественные записки. 1855. Т. 98. № 1—2. Отд. VI. Современная хроника России. С. 8; 7. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. Т. XI. Письма. 1829—1840. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 718 с. С. 362, 364; 8. *Галкина Е. С., Колинено Ю. В.* Савельев-Ростиславич Николай Васильевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 5. П—С. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 2007. С. 430—432.

М. С.

СКАБИЧЕВСКИЙ Александр Михайлович (15.09.1838, Петербург — 28.12.1910, Павловск) литературный критик, публицист, историк литературы. Сын мелкого чиновника. Учился в Ларинской гимназии (1848—1856). Закончил филологический факультет Петербургского университета (1856—1861) со степенью кандидата. Служил в канцелярии Санкт-Петербургского генерал-губернатора А.А. Суворова (1861—1862). Публиковал критические статьи и фельетоны в журналах «Рассвет» (1859—1860, «Иллюстрация» (1862—1863), «Воскресный досуг» (1863—1864). Редактировал газету «Рыбинский биржевой листок». Преподавал русскую словесность в Смольном институте и гимназиях. В январе 1863 г. в журнале «Иллюстрация» С. выступил со статьей о Некрасове, в которой характеризовал его как «чисто русского поэта», «огромный талант, такой талант, который способен от глубокой, ничем не уступающей тоски наших народных песен доходить до трагического пафоса» (4). В течение 1864—1865 г. С. познакомился с ведущими сотрудниками некрасовского «Современника» В.А. Слепцовым, Г.З. Елисеевым, в «феврале или марте» 1866 г. — при посредничестве Н.С. Курочкина с Некрасовым, который пригласил его в качестве рецензента беллетристических произведений в «Современнике» (9: 259). В последнем перед закрытием номере «Современника» (1866, № 4) была опубликована статья С. о книгах «Степные очерки» А.И. Левитова и «Острог и жизнь, из записок следователя» Н.М. Соколовского. После закрытия «Современника» С. печатался в «Неделе»; в 1868 г. стал постоянным сотрудником «Отечественных записок», где выступал преимущественно с литературно-критическими статьями (о произведениях И.С. Тургенева (1868, № 1, 9), И.А. Гончарова (1869, № 10), Н.С. Лескова (1868, № 9), Л.Н. Толстого (1872, № 8, 9), А.Н. Островского (1875, № 1, 2), Марковича (М.А. Маркович) (1868, № 7), А.Ф. Писемского (1868, № 9), А.А. Потехина (1874, № 4), А.К. Толстого (1877, № 2), Ф.М. Решетникова (1869, № 12) Г.И. Успенского (1871, № 11), Н.Д. Зайончковской (1872, № 1; 1875, №

10), А.К. Шеллера-Михайлова, (1873, № 9), Е. А. Салиаса (1874, № 3), В. П. Авенариуса (1868, № 9), Н.П. Вагнера (1872, № 7) и др. авторов), а также «Очерками умственного развития нашего общества» (1870—1872), посвященными Н.А. Полевому, В.Ф. Одоевскому, В.Г. Белинскому, А.И. Герцену, Н.А. Добролюбову, статьями о Д.И. Писареве (1869, № 1, 3), А.К. Градовском (1873, № 11). Попытка выпустить этот цикл статей отдельной книгой «Очерки развития прогрессивных идей» в 1872 г. за счет Некрасова (с предоставлением прибыли от издания автору) была пресечена цензурой из-за статьи о Герцене, ранее изъятой из апрельского номера «Отечественных записок» 1871 г. (9: 366—368). Также по цензурным обстоятельствам была запрещена в 1876 г. публикация в «Отечественных записках» романа С. «из жизни 60-х годов» «Было — отжило» (9: 379). Некрасов 20 апреля 1876 г. обратился с письмом к начальнику Главного управления по делам печати В.В. Григорьеву, уверяя его в том, что роман в действительности не содержит «ничего противоценсурного» (1: XV₂, 136—137). В ноябре 1874 г. по рекомендации Некрасова С. и несколько постоянных сотрудников «Отечественных записок» (В.С. и Н.С. Курочкины, А.Н. Плещеев, Н.А. Демерт) были приглашены издателем «Биржевых ведомостей» В.А. Полетикой, к сотрудничеству в его газете. Таким образом Некрасов и М.Е. Салтыков предполагали «проводить взгляды “Отечественных записок”» в газетном издании, более оперативном, чем журнальное. Продолжая работать в «Отечественных записках», С. систематически публиковал в «Биржевых ведомостях» свои литературные фельетоны (9: 371—375). Став постоянным, а затем и ведущим сотрудником «Отечественных записок» и, соответственно, получая, помимо гонораров, постоянное жалованье, С. тяготился «редакторским деспотизмом» М.Е. Салтыкова и Г.Е. Елисеева и в марте 1873 г. в недошедшем до нас письме Некрасову жаловался на свое «унизительное положение» в журнале, на «помыкание» членов редакции и т.п. (1: XV₁, 15—16; 2: 486—488).

Приверженец позитивистской философии и в то же время эстетических идей *Н.Г. Чернышевского* и *Н.А. Добролюбова*, С.-критик важнейшее значение придавал разносторонности отображения социальной действительности, считая насущной задачей современной литературы преодоление сословной ограниченности и обращение к общенародным интересам. Демократические симпатии С. были в целом созвучны направлению некрасовских «Отечественных записок», хотя в отдельных оценках критик и расходился с редакцией журнала. Так, С. в статьях «Живая струя (Вопрос о народности в литературе)» (1868, № 4) и «Особенности русской комедии» (1875, № 1) С. констатировал недостаточность знания русской жизни Островским, в то время как драматург оставался для Некрасова одним из самых приоритетных авторов «Отечественных записок».

В ряде статей С. поэзия Некрасова выступает в качестве «абсолютного эталона истинно художественного творчества» (11). В статье, написанной в связи с первым посмертным изданием поэзии Некрасова (ОЗ, 1879, № 7), С. охарактеризовал Некрасова как «поэта-лирика в истинном и буквальном смысле этого слова», отразившего «всю русскую жизнь <...> в самых разнообразных ее проявлениях», прошедшего в своем творчестве путь от «скорбного поэта интеллигентного меньшинства» до «общенародного певца в самом обширном и глубоком смысле этого слова» (6 : 8—9, 38—39). В личных воспоминаниях С. Некрасов — «человек, обладавший сильными страстями, которые постоянно требовали исхода в каких-нибудь потрясающих впечатлениях <...> По самой натуре своей это был боец в том смысле, что для него, как вода для рыбы, необходима была борьба с такими препятствиями и опасностями, в которых заключался бы более или менее отважный риск» (9: 256—257). С. упоминал и о личных визитах Н. к нему: «...Он далеко не держал себя по отношению к сотрудникам в таком генеральском отдалении, как Салтыков. Иногда он заходил то к тому, то к другому не по одним делам, а просто так, как бы с визитом. С такими визитами он бывал у меня несколько

раз, причем последний раз навел меня больного в 1876 году, когда сам боролся уже с недугом» (9: 311).

Известны три письма Некрасова к С. (1873—1874) (1) и три письма С. к Некрасову (1871—1872, 1874) (2, 3).

1. ПСС, XV₂, 15—16, 84—85, 88, 136—137, 165, 217—219, 254; 2. ЛН, 51—52, 485—492; 3. Переписка, II, 208—216; 4. Без подписи [Скабичевский А.М.] Н.А. Некрасов // Иллюстрация. 1863. 17 янв. № 253. С. 34—35; 6. Скабичевский А.М. Н.А. Некрасов как человек, поэт и редактор // БВ. 1878. 6 января, № 6; . Он же. Николай Алексеевич Некрасов (Его жизнь и поэзия) // ОЗ. 1878. <Отд. I> // № 5. С. 93—116; № 6. С. 365—406; 6. Он же. К биографии Николая Алексеевича Некрасова («Стихотворения» Н.А. Некрасова, посмертное издание, 4 тома. СПб., 1879) // ОЗ. 1879. № 7. Современное обозрение. С. 1—40; 7. Он же. Кое-что из моих личных воспоминаний // Новости и биржевая газета. 1892, 30 июля, № 208; 6 августа, № 215; 8. Он же. Сочинения: В 2-х т. СПб., 1903. Т. II. С. 334—344, 761—762; 9. Он же. Литературные воспоминания. М.: «Аграф», 2001. С. 250—265, 311, 366, 371, 373, 379; 10. Житкова Л.Н. Опыт анализа лирики Некрасова в работах А.М. Скабичевского // Модификации художественных форм в историко-литературном процессе. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1988. С. 44—50; 11. Бергер Н.В. Литературно-критическая деятельность А.М. Скабичевского в «Отечественных записках» 1868—1884 гг. Автореф. канд дис. Краснодар, 1999. С. 5—6, 11—12, 23; 12. Смирнов В.Б. А.М. Скабичевский — литературный критик. Учебное пособие по курсу «История русской литературной критики». Волгоград, 1999; 13. Локтева С.А. Некрасов в творческом сознании А.М. Скабичевского // Культура и письменность славянского мира. Сб. материалов научной конференции 24 мая 2002 г. Т. 2. Смоленск, 2002. С. 51—56.

А. Б.

СОКОЛОВ Алексей Федорович (ок. 1781—?), законоучитель ярославской гимназии, протоиерей Крестовоздвиженской церкви, сын священника. В 1805 г. окончил курс Московской Сергиевской Лавры (4). С ноября 1805 по март 1807 г. преподавал в ярославской духовной семинарии аналогию, грамматику, синтаксис и греческий язык. Преподавал Закон Божий в ярославском уездном училище в 1807-1919 гг. и в ярославской гимназии в 1807-1836 гг. О С. бывший ученик гимназии М.Н.Горошков вспоминал так: «Вот является в класс отец Алексей... спросит заданное и вновь задаст от такого-то места до такого-то; ни бесед, ни рассказов в классе никогда ничего не было...» (2, 72).

В 1833/34 г. у Некрасова по этому предмету был наивысший балл – «четверка» (2, таблица 1). Следующий год по этому предмету он начал с «тройки» (сентябрь-ноябрь), потом три зимних месяца болел, в марте имел «тройку», апрель не посещал занятий, а в мае-июне получил «двойку» (2, таблица 2). На экзамене в этом году получил также «двойку». В 1835/36 г. по Закону Божьему поэт положение выправил: средней ежемесячной оценкой у него была «тройка» (2, таблица 3). Следующий учебный год он начал успешно, но в конце года получил «двойки» и «единицы», а на экзамен не явился (1). На экзаменах в Петербурге по Закону Божьему он получил в 1839 году «единицу», а в 1840 - «тройку» (3).

1. *Васильев П.П.* Материалы для биографии Н.А. Некрасова // Мирской толк. 1879. № 46. С. 430. (Учебная ведомость Н.А. Некрасова за 1836/37 г.); 2 *Евгеньев В.Е.* Н.А. Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914; 3. *Рейсер С.А.* Некрасов в Петербургском университете // ЛН, М., 1946. Т. 49 – 50. С. 355, 360; 4. *Красильников Г.В.* Гимназические учителя Н.А. Некрасова // Краеведческие записки: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 472.

Г. К.

СОЛДАТЁНКОВ Козьма Терентьевич (10.10.1818, Москва — 19.05.1901, Кунцево), московский предприниматель, книгоиздатель, владелец художественной галереи, покровитель искусства. Происходил из рода купцов-старообрядцев. Не получил систематического образования. С ранних лет участвовал в деле отца, позднее унаследовал его. В двадцать один год он стал самостоятельно вести дела и, кроме торговли пряжей, занялся дисконтом и стал пайщиком ряда крупных торгово-промышленных фирм. В начале 1850-х сблизился с членами московского кружка передовой интеллигенции, руководимого Т.Н. Грановским. Издательской деятельностью начал заниматься с 1856 г., когда по инициативе Н.Х. Кетчера им было создана издательская фирма Солдатенкова и *Н.М. Щепкина*. Важнейшей задачей ее стала популяризация работ выдающихся деятелей общественной мысли и писателей. Выбор книг для издания определялся Н.Х. Кетчером. В числе первых были напечатаны «Стихотворения» А.В. Кольцова, «Сочинения» Т.Н. Грановского, сборник стихотворений Некрасова, стихи Н.П. Огарева, А.И. Полежаева, «Народные русские легенды» А.Н. Афанасьева. Издательство С. и Н.М. Щепкина выпустило первое собрание сочинений В. Г. Белинского в 12 т. (1859—62), что явилось крупным событием литературно-общественной жизни. В 1862 г. произошел разрыв между компаньонами. Продолжив издательскую деятельность самостоятельно, С. выпустил ряд произведений знаменитых русских писателей и ученых, в том числе первое издание романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862), «Материалы для биографии Н.А. Добролюбова» Н.Г. Чернышевского, двухтомное собрание стихов А.А. Фета, записки и письма М. С. Щепкина (1864), произведения К.Д. Кавелина, В.О. Ключевского, переводы трудов иностранных ученых.

11 июня 1855 г. между С. и Некрасовым был заключен договор об издании «Стихотворений» Некрасова, по которому поэт обязывался к сентябрю того же года в дополнение к представленной издателю рукописи представить дополнительно «до тысячи строк» своих стихов и до 1 октября получить цен-

зурное разрешение на книгу. За будущую книгу С. заплатил Некрасову 1500 руб. серебром (1: XIII₂, 238—239; XIV₁, 202. В сентябре Некрасов получил от С. еще 1500 руб. «на поддержание “Современника”»). Однако представление издателю обещанных Некрасовым стихов задержалось — отчасти потому, что поэт предполагал существенно изменить состав сборника. В конце сентября — начале октября 1855 г. Некрасов обещает С. прислать «другую», более полную рукопись и отдать ее на цензурное рассмотрение при «удобном случае» (1: XIV₁, 228—229). 24 декабря он предлагает С. отдать рукопись московскому цензору (там же, 236). В начале 1856 г. *В.П. Боткин* советует Некрасову выкупить у С. право на издание книги, обещавшей стать значительным общественным событием, и передать это право ему. 26 марта 1856 г. Некрасов сообщает С. о своем решительном отказе от издания сборника в его издательстве по личным причинам и предлагает возратить выплаченный ранее гонорар. Но уже на следующий день он меняет свое решение: дает согласие С. на издание своей книги с включением в нее новых произведений, напечатанных в «Современнике», мотивировав свое окончательное решение нежеланием «подавать дальнейшие поводы» обвинениям в «низком поступке» — несоблюдении ранее данных обязательств (1: XIV₂, 11—12). После получения цензурного разрешения 14 мая 1856 г. Некрасов намеревается печатать книгу в Петербурге, получив предварительно согласие на это С., так как, вероятно, предполагал открыть ее новым стихотворением «Поэт и Гражданин» (там же, с. 20). Сборник вышел тем не менее в Москве в середине октября 1856 г. О дальнейших личных отношениях Некрасова с С. известно немного — в частности, то, что он содействовал знакомству А.Н. Якоби с Некрасовым в мае 1867 г. в Риме (ЛН. 51—52, 558). Известно одно письмо Некрасова к С. (27 марта 1856 г. — вероятно, неотправленное) и четыре фрагмента его писем к С. (1855—1856), известные по цитатам, приводящимся в письме С. к Некрасову от 8 апреля 1856 г., и четыре письма С. к Некрасову (1855—1856) (2).

1. ПСС, XIII₂, 238—239; XIV₁, 202, 220, 222, 224, 228—229, 236; XIV₂, 10—12, 20; XV₂, 280—281; 2. ЛН, 51—52, 507—510; 3. Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. II. С. 306; 4. *Летопись*, II, III (по указ.); 5. *Гаркави А.М.* История создания Некрасовым первого собрания «Стихотворений» (1856) // Некр. сб., I, С. 000—000; 6. *Блинчевская М.Я.* К истории издания «Стихотворений» 1856 г. (Договор Некрасова с К.Т. Солдатенковым) // Некр. сб., IX, 113—115; 7. *Подольская И.И.* Первая книга Некрасова // Некрасов Н.А. Стихотворения. 1856. М., 1987. С. 342—348.

А.Б.

СОЛЛОГУБ Владимир Александрович (8(20).08.1814, СПб. — 5(17).06.1882, Гамбург; похор. в Москве) — прозаик, поэт, драматург, мемуарист, хозяин литературного салона. Род. в аристократической семье. Отец упом. в черновом варианте первой главы «Евгения Онегина» (5); мать — урожд. Архарова; московский дом Архаровых упом. в «Войне и мире» (Т. 2. Ч. I. Гл. XI. Ч. V. Гл. X.) (6). Получил домашнее образование; его учителем был *П. А. Плетнев*. Вместе с родителями посещал салон А. Н. Оленина. С 1830 по 1834 обучался в Дерптском университете, к-рый окончил действительным студентом. С 1835 служил чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел. В 1839 пожалован в камер-юнкеры. В 1840 (ноябрь) женился на *С. М. Вильегорской* (см.: *Соллогуб В. А.*). В 1844 перешел в чине коллежского асессора в Государственную канцелярию. В 1843—1844 путешествовал по Европе (Германия, Париж, Ницца). В 1849 оставил службу. С 1850 продолжил службу по министерству внутренних дел. В 1852 получил чин статского советника. С 1856 служил чиновником особых поручений при министерстве двора. В 1857—1859 по распоряжению министерства двора находился в Париже для изучения парижских театров. С 1860-х изучал тюрмоведение. После командировки во Францию в 1870 был назначен ди-

ректором Московского попечительного совета по тюрьмам, с 1875 — председатель комиссии по преобразованию тюрем в России. На протяжении жизни проживал периодически в Петербурге, в провинции (Смоленск, Витебск, Тверь — 2-я пол. 1830-х, соб. имение Никольское Симбирской губ — 1849), Дерпт (по возвращении из Парижа в 1859), в Москве, Германии, Франции.

Службу и светскую жизнь С. сочетал с литературной деятельностью. С 15 лет пробовал себя в поэзии; в 1855 опубликовал сборник «Тридцать четыре альбомных стихотворения» (Тифлис). Известность и признание ему принесла проза. Он читает в литературных салонах (7: 117), а затем публикует свои первые рассказы «Три жениха» (Современник, 1838, № 9) и «Сережа (Лоскуток из вседневной жизни)» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1838, № 15), а затем создавшую С. литературное имя «История двух калош» (Отечественные записки, 1839, № 1), которая, по отзыву *И. И. Панаева*, «читалась даже теми, которые никогда ничего не читали... по крайней мере по-русски; в большом свете с неделю только говорили об этих “Калошах”». Как вспоминает Панаев, с этого времени С. «стал изредка появляться между литераторами, но он чувствовал себя не совсем ловко в этом новом для него обществе. Он разыгрывал между ними великосветского человека и как бы несколько женировался званием литератора» (7: 161). Отмечая присущий большинству литераторов его времени «дух касты», Панаев отмечает в Соллогубе незаурядную душевную щедрость: «Появление всякого нового замечательного таланта в русской литературе было праздником для Соллогуба. В Соллогубе не было ни малейшей тени той литературной зависти или того неприятного ощущения при чужом успехе, которые, к сожалению, нередко встречаются в очень талантливых артистах и литераторах...» (7: 162). *Д. В. Григорович* отметил сложный характер С.: «Графа Соллогуба недолюбливали в кругу литераторов; виной был его характер, отличавшийся крайнею неровностью в обращении: сегодня — запанибрата, завтра — как бы вдруг не узнает и едва протягивает руку» (8: 113—114), но также выделил способность С.

искренне любить и пропагандировать новое значительное литературное явление: «Стоило явиться молодому даровитому писателю, граф Соллогуб не давал ему покоя, пока не приведет его в гостиную графа Вельегорского; явится ли новое выдающееся произведение, граф Соллогуб спешил познакомиться с ним обществом и с этой целью собирал у тестя избранный кружок слушателей. Чтец он был превосходный; редкий автор, читая свое произведение, мог выразить все тонкости, подчеркнуть с таким искусством счастливые места и мысли, как делал это граф Соллогуб» (7: 114).

Произведения С. относятся к жанровой разновидности т. н. светской повести. Характерные черты и противоречия общественной жизни отразились в наиболее примечательных произведениях С.: повестях «Большой свет» (Отечественные записки, 1840, № 3), «Аптекарьша» (Русская беседа, 1841, № 2), «Тарантас» (первые 7 глав — Отечественные записки, 1840, № 10; полностью — отд. изд, 1845). К образной системе и проблематике «Большого света» имеет отношение личность М. Ю. Лермонтова и его отношения с обществом. Повесть была воспринята частью публики как пасквиль на свет и на поэта; поверхностность такого вывода доказывается анализом повести (4: 5—8). «Большой свет» и «Аптекарьша» получили высокую оценку *В. Г. Белинского*: «Лучшая повесть прошлого года без всякого сомнения “Аптекарьша”... Соллогуб писатель с замечательным дарованием, а “Аптекарьша” решительно выше всего, что он написал» (12: V, 581). Повесть «Тарантас» выдвинула С. в число первостепенных писателей, чему способствовал тип иллюстрированного издания . В «Воспоминаниях» С. так оценивал ситуацию в литературе 2 пол. 1840-х: «По <...> появлении имевшего всего более успеха моего сочинения “Тарантас” мое литературное положение выдвинулось на первый план; я сделался модным, едва ли не самым модным в России писателем. Надо сказать, что тогда <...> за исключением гениального Гоголя <...> и Марлинского, бывшего в большой моде, в русской литературе не было особенно талантливых писателей. Гончаров, Тургенев, Достоевский,

Некрасов только начинали свое впоследствии блистательное поприще» (4: 494).

Личное знакомство С. с Некрасовым состоялось не позднее 1842. Летом 1842 С. «часто посещал летом на даче в Павловске чету Панаевых». Как свидетельствует С., «немалой приманкой также для посетителей дома Панаевых служило почти постоянное в нем присутствие знаменитого потом народного поэта Некрасова. В то время Некрасов еще далеко не пользовался той известностью и популярностью, которую приобрел впоследствии, но и тогда уже его своеобразный талант имел много почитателей» (4: 438—439). Возможно, знакомство состоялось именно тогда (2: I, 112); возможно, к этому времени С. и Некрасов уже были знакомы. Летом 1842 по просьбе Панаевых и Некрасова С. оказывает содействие в освобождении *А. И. Герцена* из новгородской ссылки и отъезду его в Лондон (4: 439; 2: I, 112).

1840-е — время наиб. литературного успеха С. и его наиб. интенсивного сотрудничества с Некрасовым. Глава из «Тарантаса» «Перстень» считается прозаическим источником стих-ния Некрасова «Огородник» (1846) (1: I, 582; 14: 109—111). В 1841 С. выпускает 1-ю ч. сборника «На сон грядущий», в 1843 — 2-ю. Сборник имеет небывалый успех, что повлекло переиздание обеих его частей в 1844—1845. В 1846 С. издает сборник «Вчера и сегодня». Он участвует в изданиях Некрасова — «Петербургском сборнике» (С. принадлежит «Mon autographe», о которой *Н. В. Кукольник* в своей рецензии (Иллюстрации, № 4, 26.01.1846) отозвался: «Последнее лучше всех» (2: I, 204)); в «Литературном сборнике с иллюстрациями». В нем помещена драма С. «Местничество», которая в рецензии И. П. (И. И. Панаева?) (СПбВ, № 123, 5.06.1849) получает высокую оценку (2: I, 332). В начале 1850 «Современник» анонсирует серию «Рассказы о житейских глупостях», в к-рой, наряду с 7 другими авторами, обещано участие С. Серия прервалась весной 1850. Опубликованные в ней рассказы не принадлежали С., к-рый в начале 1850 был болен (4: 504). Однако, возможно, его повесть «Старушка», в финале к-

рой звучат рассуждения о глупости (опубл.: ОЗ, 1850, №№ 3, 4), первоначально предназначалась для серии.

Некрасов посвятил С. несколько рецензий. В 1843 (ОЗ, № 7) опубликована рецензия Некрасова (б. п.) на часть II сборника С. «На сон грядущий» (I: XI₁, 105—108). Некрасов говорит о заслуженном признании С. читающей публикой, выделяя его «умный, глубоко проницательный взгляд, бросаемый на вседневные житейские случаи и мелочи», «благородный, грустно-насмешливый юмор», его язык, который «и оригинален и художествен» (I: XI₁, 105). Рецензия включает обширную цитату из «Неоконченных повестей», играющую роль анонса.

В 1844 (ЛГ, № 33) выходит фельетон Некрасова (б. п.) «Петербургская хроника» (I: XII₁, 129—132). В нем отмечаются литературные новинки, среди которых «самая интересная» — «Тарантас» С. Вскоре (ЛГ, № 44), вновь в неподписанном фельетоне «Петербургская хроника» (I: XII₁, 172—174), Некрасов одобрительно отзывается о втором издании сборника С. «На сон грядущий», замечая, что произведения С. раскупают и читают. В этом же фельетоне Некрасов посвящает несколько строк рекламного характера готовящемуся отдельному изданию «Тарантаса». Выход «Тарантаса» сопровождается отдельным фельетоном Некрасова (б. п.) «Важная литературная новость» (ЛГ, 1845, № 12) (I: XII₁, 236—238), а затем рецензией: «Тарантас. Путевые впечатления. Соч. графа В. А. Соллогуба. Санкт-Петербург, 1845. В типографии “Journal de St.-Pétersbourg”. В 4-ю д. л. 286 стр.» (ЛГ, 1845, № 14) (I: XI₁, 195—205, 206).

Некрасов подробно говорит о достоинствах издания (полиграфически одной из лучших книг 1840-х (I: XI₁, 426)). Текст «Тарантаса» получает в его рецензии двойственную оценку. Некрасов утверждает, что, «разумеется, текст хорош, то есть жив, разнообразен, остроумен», однако замечает: «Это не роман, не повесть, даже не путевые впечатления, но тут есть всего понемножку <...> и даже того, что называется журнальной статьей, — живой,

разнообразной, умеющей всего коснуться и обо всем поговорить умно и остроумно» (1: XI₁, 199). В оценке содержательной стороны произведения Некрасов сближается с Белинским, который заметил «крайность и односторонность в убеждениях» автора и некоторую карикатурность его героя (9: IX, 8, 117). В то же время Ф. В. Булгарин, Л. В. Брант, П. А. Плетнев, замечая в произведении С. подражание Н. В. Гоголю и склонность к карикатуре, говорили о С. как о писателе, близком натуральной школе. Эта репутация закрепилась за С. в литературоведении, применительно к его произведениям 1840-х.

Сотрудничеству сопутствуют частые личные контакты. С осени 1844 С. открывает свой литературный салон: «У меня в то время собирались все тузы русской литературы. Я уже называл Тютчева, Вяземского и Гоголя; кроме них, часто посещали меня добрейший и всеми любимый князь Одоевский, Некрасов, Панаев, которого повести были в большой моде в то время, Бенедиктов, Писемский. Изредка в “зверинце” появлялась высокая фигура молодого Тургенева; сухопарый и юркий Григорович был у нас в доме как свой, также и Болеслав Маркевич. Один, всего один раз мне удалось затащить к себе Достоевского» (4: 497). Сближающим фактором является общая для их круга заинтересованность в роли художника в российском обществе, о которой С. неоднократно размышляет на страницах «Воспоминаний»: «Настоящим художникам нет еще места, нет еще обширной сферы в русской жизни» (4: 479); «Захваленный одними, опозоренный другими, то не зная, куда укрыться от похвал, то не зная, куда убежать от оскорблений, направленных на него из собственного его лагеря, русский художник, как только художник, — до сего времени еще не что иное, как общественный бобыль» (4: 580).

Несмотря на успех первых лет в литературе, С. занял в ней позицию дилетанта. В 1851 в рецензии «Сотрудники, или Чужим добром не живешься <...>» (Соч. гр. В. Соллогуба. СПб., 1851) (С, 1851, № 3) Некрасов (1: XII₂, 338) рассуждает о явлении литературного дилетантизма на примере С.:

«мы уверены до сей минуты, что граф Соллогуб мог бы непременно оправдать, если бы только захотел, те блистательные надежды, которые он справедливо возбудил при своем появлении... до сих пор он не оправдал их потому только, что занимался литературой как дилетант, смотрел на нее с легкой, светской точки зрения, никогда не отдавался искусству с увлечением и страстию, а только заигрывал ним и шутил, конечно, более или менее ловко и мило, но не совсем выгодно для укрепления своей литературной известности» (1: XII₂, 136).

Между 23 и 31 июня 1854 *А. В. Дружинин* и гостившие в его имении Некрасов и *И. С. Тургенев* пишут несколько т. н. «чернокнижных» стих-ний, в одном из к-рых («Послание к Лонгинову») упом. С.: «Европе возвестил известный Соллогуб, / Что стал он больше подл, хотя не меньше глуп» (1: I, 430). Несмотря на шуточный тон «посланий», строки о С., по всей видимости, отражают подлинную оценку его взглядов и деятельности на тот момент: опубликованное им 11 июня 1854 в «*Journal de St-Petersbourg*» открытое письмо с декларацией своих общественно-политических взглядов (рус. пер. — СПбВ, 18 июня 1854), по существу, означало разрыв с передовой литературой 1840-х (1: I, 692). Позиция некрасовского журнала по отношению к литературной деятельности С. выражена в статье *Н. А. Добролюбова*, посвященной выходу 5-томного собрания сочинений С. (*10 Добролюбов*). В составе этого собрания, в частности, был опубликован водевиль «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься», в котором в образах Олеговича и Ухарева в памфлетном освещении выведены *К. С. Аксаков* и *И. И. Панаев*.

Личные контакты С. и Некрасова с большой вероятностью могли продолжаться в кругу общих знакомых. В дневниковых записях Дружинина от 12 декабря 1855, 25 декабря 1855, 27 февраля 1856 отмечено присутствие С. в постоянном кругу общения Дружинина и Некрасова, хотя фамилии последнего в указанных встречах рядом с фамилией С. нет (10: 361, 366, 377)

Некрасов и С. несколько раз участвовали в благотворительных мероприятиях. В 1870 (Голос, № 72, марта 13; Новое время, № 73, марта 15) их имена стоят в объявлении «о готовящемся Славянским благотворительным комитетом концерте в пользу бедных славян» (2: III: по указ.). В 1875 Некрасов был приглашен на устроенное С. «артистическое утро», к-рое состоялось 26.04; «за отсутствием автора» его стих-ние прочел В. И. Аристов (2: III: по указ.).

В 1874 С. и Некрасов принимают участие в издании сборника «Складчина» в пользу голодающих Самарской губ.

В 1875 в письме к Некрасову *М. Е. Салтыков-Щедрин* передает инцидент между ним и С., к-рый у Тургенева читал свою новую комедию, изображающую «нигилиста ворующего» (11: XVIII₂, 213). Письменное обсуждение этого инцидента среди знакомых Некрасова свидетельствует о значительном взаимном отдалении их и С.

1. ПСС: I, 430, 564, 582, 692; II, 54, 279, 280, 342; VI, 672, 680; VII, 537, 568, 586, 599, 602, 610; VIII, 290, 754, 756, 779; X₂, 267; XI₁, 105—108, 157, 195, 197—201, 230, 354, 358, 397, 422, 426—429, 434; X₂, 267; XI₂, 258, 345, 353; XII₁, 131, 144, 164, 172, 173, 236, 237, 414, 417, 420, 421, 425—427, 454, 472, 480; XII₂, 59, 63, 65, 115, 124, 134—141, 302, 307, 329, 338—342, 384, 385, 429; XIII₁, 11, 31, 43, 46, 47, 49, 52, 74, 77, 83, 86, 280, 331, 337, 338, 342, 347—349, 359, 381, 383, 384, 390, 391; XIII₂, 300, 301, 350, 351, 532, 566, 634; XIV₁, 254, 281; 2. Летопись: I, 112, 133, 155, 162, 174, 175, 176, 178, 202, 204, 207, 209, 210, 327, 332, 346, 374, 521; II, 25, 58, 120, 412; III: по указ.; 3. *Соллогуб В. А.* Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1855—1856. Т. IV. С. 429—525; 4. *Соллогуб В. А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988 / Сост., вступ. ст., комм. И. С. Чистовой (с. 3—20); 5. *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 тт.: по указ.; 6. *Толстой Л. Н.* Война и мир. Тт. 9—16; 7. *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 75, 117, 158, 161, 162, 306—309, 311, 312, 320, 343; 374, 379, 384,

403, 409; 8. *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1961. С. 105, 106, 113, 114, 167, 168; 9. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. V; 10. *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М. 1961. Т. 1. С. 520—543; 11. *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986. С. 357, 361, 366, 371, 377, 383; 12. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. СОБР. соч. XVIII₂, 213—216; 13. *Немзер А. С.* Соллогуб Владимир Александрович // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 722—729; 14. *Розанова С. А.* Соллогуб Владимир Александрович // Русские писатели: библиографический словарь. М—Я / Под ред. П. А. Николаева. М., 1990. С. 241—244; 15. *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1986. С. 78—106 (гл. «За страницами «Большого света»); 16. *Вацуро В. Э.* Один из источников «Огородника» // Некрасовский сборник, вып. VII, с. 106—112; 17. *Степина М. Ю.* К атрибуции «Рассказов о житейских глупостях» в некрасовском «Современнике» 1850 г. // Русская литература, 1995, № 2, с. 153—162.

М. С.

***СТУПИН Николай Дмитриевич** (? — 1868 (?)) — поэт; переводчик, консул в странах Ближнего Востока. Родом, возможно, из Саратова <?>. В 40-е гг. выступает со стихами в «Маяке» (1841. Кн. 23; 1842. Т. 2. Кн.3—4; Т. 4. Кн. 7—8), а также выпускает отдельные поэтические издания: *Ступин Н.* Пять стихотворений. В пользу нуждающихся соотечественников. Памяти деда. СПб. 1842 (РНБ, РФ. 18.149.2.150); Стихотворения Н. С. [б. м.; б. г.]; *Ступин, Н<иколай>.* Священные картины из Нового Завета. СПб. 1861. В Тип. Глазунова (РНБ, Дальнее хранение. 18.17.1.21). Книжке «Пять стихотворений» (вызвавшей отрицательные критические отзывы в «Отечественных записках», «Современнике», «Библиотеке для чтения») Некрасов посвятил рецензию в форме стихотворной пародии (I: XI₁, 42). О личных или литературных отношениях Некрасова и С. за этот период сведений нет. С 1849 по 1867 гг. включительно С. служил драгоманом, секретарем, затем консулом

в Ерзеруме, Адрианополе и Тавризе (4). Был секретарем *Ег. П. Ковалевского* в его поездке в Черногорию. Написал несколько докладных записок о южных славянах. Был членом Литературного фонда, в описи архива которого С. представлен как «чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел» (3). Возможно, знакомство Некрасова и С. в этот период носило заочный характер (через *Ег. П. Ковалевского*); возможно также, что они были знакомы благодаря Литературному фонду. Имя С. стоит в «Списке членам Общества <для пособия нуждающимся литераторам и ученым>, умершим со времени основания по 28 ноября 1868 г.» (3).

1. ПСС, XI₁, 42, 374; 2. *Брокгауз и Ефрон*. Т. XXXI^A. С. 855; 3. РНБ. Ф. 438. Т. 12. Л. 81 об.; Т. 17. Л. 816 об.; 4. Адрес-календарь 1849—1867 гг.

М. С.

СУВОРИН Алексей Сергеевич (11.09.1834, с. Коршево Бобровского у. Воронежской губ. — 11.08.1912, Санкт-Петербург) — журналист, издатель, литературный и театральный критик, беллетрист и драматург. Сын государственного крестьянина, затем солдата, дослужившегося до звания штабс-капитана, и дочери протоиерея. Учился вначале в Бобровском уездном училище. Поступил в 1845 г. в Михайловский кадетский корпус в Воронеже, который окончил в 1851 г., но от военной карьеры отказался. Выдержав в начале 1856 г. экзамен на звание учителя истории и географии, стал преподавать в Бобровском уездном училище. Публиковал поэтические переводы и оригинальные статьи в журналах «Ваза», «Московский вестник», «Весельчак», «Русский дневник», газетах «Москва» и «Русский мир». В 1859 г. переехал в Воронеж, где преподавал в уездном училище и частных женских пансионах. В 1861 г. по рекомендации М.Ф. Де-Пуле С. был приглашен *Е.В. Салиас де Турнемир*, издательницей выходившего в Москве журнала «Русская речь», занять место секретаря журнала, и переехал в

Москву. Будучи сотрудником «Русской речи», С. печатался также в журналах «Современное слово», «Отечественные записки» *А.А. Краевского*, «Время» братьев Достоевских. После закрытия «Русской речи», произошедшего в начале 1862 г., С. принял предложение о постоянном сотрудничестве от редактора «Санкт-Петербургских ведомостей» *В.Ф. Корша* и переехал в Петербург. Наряду с «Санкт-Петербургскими ведомостями», в которых С. работал с 1863 по 1874 г., он печатался в журнале «Вестник Европы», газетах «Русский инвалид» и «Биржевые ведомости». Особой популярностью пользовались воскресные фельетоны С., публиковавшиеся в «Санкт-Петербургских ведомостях» под псевдонимом «Незнакомец».

В декабре 1861 г. С. опубликовал в «Русской речи» статью «Грязь и идеалы», посвященную 2-му изданию «Стихотворений» Некрасова (№ 103—104), в которой указывал на «примиряющий элемент» в стихах Некрасова, «веру в человечество» и верность «идеалам, которые лежат в душе его». В некрасовском «Современнике» С. опубликовал одно произведение — рассказ «Солдат да солдатка» (С, 1862, № 2). Привлек внимание Некрасова судебный процесс над С., состоявшийся в конце 1866 г. В апреле 1866 г. С. напечатал за свой счет книгу «Всякие. Очерки современной жизни» (под псевдонимом *А. Бобровский*), в основе которой лежали его собственные статьи, печатавшиеся в «Санкт-Петербургских ведомостях», переработанные в повесть. Книга поступила в цензуру в день покушения *Д. Каракозова* на *Александра II* и вызвала пристрастное внимание властей. По инициативе министра внутренних дел *П.А. Валуева* против С. был возбужден судебный процесс на основании инкриминируемого автору сочувственного отношения к *Н.Г. Чернышевскому* и «нигилистам». В записке к *В.П. Гаевскому* Некрасов выражал желание присутствовать на заседании судебной палаты, в котором будет слушаться дело о книге С. (I: XV₁, 51—52). В позднейшей записи (1900) С. сообщал, что стихотворение Некрасова «Пропала книга!» (1867) написано им, «как он мне сам говорил, на мой роман “Всякие”, осужденный и сожжен-

ный» (12: 396). По свидетельству С., близкое знакомство его с Некрасовым («хорошо с ним познакомились» — 11: 345) состоялось в 1872 г. С. вспоминал о визитах к нему Некрасова, его советах в мае 1872 г. «завести свою газету» (то есть выкупить у *А.А. Краевского* «Голос» — 15: 43) и предложении в конце года «значительной суммы» для поездки за границу (8). Весной 1873 г. Некрасов по ходатайству С. опубликовал в «Отечественных записках» стихотворные переводы *В.В. Маркова* (1: XV₂, 14—15). Когда завершилось сотрудничество С. в «Санкт-Петербургских ведомостях», Некрасов предложил редакции «Отечественных записок» предоставить С. ведение собственного фельетона на страницах журнала. Эта инициатива была отвергнута *М.Е. Салтыковым*, *Н.К. Михайловским* и *Г.З. Елисеевым*, считавшими С. беспринципным литератором, готовым менять свои оценки в зависимости от выгоды (1: XV₂, 78—79, 213; 11: 337—338; 15: 43—44). В 1875 — начале 1876 г. Некрасов задумывает открыть книжный магазин на Невском проспекте в Петербурге (бывший магазин *А.А. Черкесова*) при участии С., *М.Е. Салтыкова*, *В.О. Ковалевского*, *В.И. Лихачева*, *В.Ф. Корша*. План этот не осуществился из-за противодействия властей (1: XV₂, 44—45). В феврале 1876 г. С. с помощью *В.И. Лихачева* приобрел у *К.В. Трубникова* газету «Новое время», причем III отделение подозревало причастность к сделке Некрасова, усматривая в ней замысел сделать газету «самым веским либеральным органом» (15: 55). Однако С., пользовавшийся в начале своей карьеры репутацией либерала и даже демократа, считал более выгодным для себя проправительственный, официозный курс. Некрасов, участие которого в «Новом времени» было заявлено вначале, дал для публикации в газете С. ряд стихотворений, печатавшихся под рубрикой «Из записной книжки» без подписи автора: «Автору “Анны Карениной”» (НВр, 1876, 21 марта, № 22), «Слезы и нервы», «Молодые лошади» (Там же, 25 апреля, № 55), «Человек сороковых годов», «На покосе», «К портрету^{***} («Твои права на славу очень хрупки...») (Там же, 6 июня, № 96). По цензурным соображениям не были напечатаны «Путеше-

ственник», «Что нового?», «Бунт». Опубликовано посмертно: «Букинист и библиограф», «К портрету*** » («Развенчан нами сей кумир...»), «Праздному юноше», <Из поэмы «Без роду, без племени»> («Имени и роду...») (1878, 1 января, № 662).

Еще при жизни Некрасова, в «Недельных очерках и картинках» Незнакомца (7) был опубликован записанный С. рассказ Некрасова о своей юности в Петербурге. Сразу же после смерти Некрасова С, основываясь на своих дневниковых записях, напечатал в «Новом времени» воспоминания о нем, содержавшие ценные биографические сведения о поэте (8, 9). В своих мемуарных заметках С. выдвинул на первый план импонировавшие ему черты Некрасова — «практическую сметку», умение «пользоваться приобретенным состоянием и большими знакомствами». И хотя С. писал вместе с тем о Некрасове как о «певце народного горя и народной силы», журналистская поспешность Незнакомца и субъективная упрощенность оценки личности поэта вызвала недовольство и *Ф.М. Достоевского*, и М.Е. Салтыкова, и Г.З. Елисеева, выступившего в «Отечественных записках» с отповедью Суворину, утверждая, что его воспоминания дают «фальшивое освещение» всей деятельности Некрасова и самый их характер связан с тем «откровенным направлением», в духе которого издается «Новое время» (13, 14).

1. ПСС, XIII₂, 12—13, 337, 399; XV₁, 51—52, 232; XV₂, 13—15, 26, 78—79, 92, 108, 127, 137—138, 153, 163—164, 213, 222, 234, 248, 254, 263; 2. *Летопись*, II, 286; III (по указ.); 3. *Некр. сб.*, V, 320—324; 4. *ЛН*, 49—50, 200—207; 5. *ЛН*, 51—52, 216, 218, 248—249, 257, 457, 487; 6. *Переписка*, II, 467—476; 7. *Незнакомец* [Суворин А.С.]. Недельные очерки и картинки // *НВр*, 1877, 20 марта, № 380; 8. *Он же*. Недельные очерки и картинки // *НВр*, 1878, 1 января, № 662; 9. *Он же*. Заметка // *НВр*, 1878, 8 января, № 669; 10. *Он же*. Недельные очерки и картинки // *НВр*, 1878, 26 марта, № 725; 11. *Некр. в восп.*, 336—348; 12. *Дневник Алексея Сергеевича Суворина* / Тек-

стол. расшифровка Н.А. Роскиной. Подг. текста Д. Рейфилда и О.Е. Макаровой. Изд. 2-е. М.: Изд-во «Независимая газета»; London: The Garnett Press, 2000. С. 5—10, 396, 479; 13. *Бушканец Е.Г.* У истоков мемуарной литературы о Некрасове // Ученые записки Казанского педагогического ин-та. Казань, 1973. С. 3—19; 14. *Он же.* Воспоминания Суворина о Некрасове как исторический литературный источник // Филологические этюды. Ростов н/Д., 1974. Сер. Русская лит-ра, вып. 2. С. 110—118; 15. *Диннерштейн Е.Л.* А.С. Суворин: Человек, сделавший карьеру. М.: РОССПЭН, 1998. С. 42—45, 51—54, 59, 66, 110, 142, 143, 181.

А.Б.

ТАМАМШЕВ — племянник *Н. Ф. Фермора*. Кадет Инженерного училища. Товарищ *Д. В. Григоровича*. Распространял в училище экземпляры сборника Некрасова «Мечты и звуки». Познакомил Григоровича с Некрасовым, приведя его к поэту домой (угол Колокольной ул. и Дмитровского пер.).

1. ПСС: VI, 654; 2. Летопись: I, 70; 3. *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1961. С. 49.

М. С.

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич [28.08 (9.09) 1828 – 7 (20) 11.1910] – писатель, ч.- к Петерб. АН (1873), поч. акад. (1900), граф.

Личной встрече Некрасова и Т. предшествовала длительная переписка. 3 июля 1852 г. начинающий автор отправил с Кавказа в Петербург редактору ж. «Современник» рукопись повести «Детство» и сопроводительное письмо, подписанные криптонимом Л.Н. Он просил Некрасова просмотреть рукопись и решить, годится ли она к напечатанию. Письмо заканчивалось словами: «Я убежден, что опытный и добросовестный редактор – в особенности в России – по своему положению постоянного посредника между сочинителями и чи-

тателями, всегда может вперёд определить успех сочинения и мнение о нем публики. Поэтому я с нетерпением ожидаю вашего приговора. Он или поощрит меня к продолжению любимых занятий, или заставит сжечь всё начатое» (1: т.59, с. 193–194). В середине августа Некрасов ответил Т., что он принял решение опубликовать повесть, так как ему «кажется, что в авторе ее есть талант» (2: т. 14, кн.1, с. 165). 5 сентября, не дожидаясь ответа Т., он уточнил сказанное: «... прочитав внимательно в корректуре, а не в слепо написанной рукописи, нашел, что эта повесть гораздо лучше, чем показалась мне с первого раза. Могу сказать положительно, что у автора есть талант. Убеждение в этом для Вас, как для начинающего, думаю, всего важнее в настоящее время (2: т. 14, кн.1, с. 166).

Повесть под названием «История моего детства» была опубликована в сентябрьском номере «Современника» за 1852 год. Литературный дебют принес Т. не только радости, но и огорчения. В неотправленных «из-за излишней жесткости» (1: т. 46, с.149) письмах Некрасову от 8 и 18 ноября 1852 г. он возмущался заменой названия («Кому какое дело до истории *моего* детства» – 1: т. 59, с. 211), а также редакторскими и цензурными изменениями в тексте («Читая свое произведение в печати, я испытывал то неприятное чувство, которое испытывает отец при виде своего любимого сына, уродливо и нервно обстриженного самоучкой-парикмахером» (1: т. 59, с. 212)). Впоследствии редакторские изменения были сведены к минимуму, но цензурное ведомство не раз вмешивалось в тексты Т., предназначенные для «Современника», причиняя тем самым немало страданий и автору, и редактору. Раздраженный цензурными искажениями рассказа «Севастополь в мае», Некрасов писал Т. 2 сентября 1855 г.: «Возмутительное безобразие, в которое приведена Ваша статья, испортило во мне последнюю кровь. До сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства. Труд-то Ваш, конечно, не пропадет ... он всегда будет свидетельствовать о силе, сохранившей способность к такой глубокой и трезвой правде, среди обстоятельств, в которых не всякий

бы сохранил ее. Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью и вообще направление Вашего таланта и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе. Вы правы, дорожа всего более этой стороною в Вашем даровании» (2: т. 14, кн.1 с. 217 – 218).

Сотрудничество Т. в «Современнике» продолжалось шесть лет. В журнале было опубликовано 13 его произведений: «Детство» (№ 9 за 1852 г.), «Набег» (№ 3 за 1853 г.), «Отрочество» (№ 10 за 1854 г.), «Записки маркера» (№ 1 за 1855 г.), «Севастополь в декабре месяце» (№ 6 за 1855 г.), «Севастополь в мае» и «Рубка леса» (№ 9 за 1855 г.), «Севастополь в августе 1855г.» (№1 за 1856 г.), «Метель» (№ 3 за 1856 г.), «Два гусара» (№ 5 за 1856 г.), «Юность» (№ 1 за 1857 г.), «Люцерн» (№ 9 за 1857 г.), «Альберт» (№8 за 1858 г.).

Публичная оценка первых произведений Т. дана Некрасовым в статьях «Заметки о журналах за сентябрь 1855 г.» («Современник», 1855, № 11) и «Заметки за декабрь 1855 и январь 1856 г.» («Современник», 1856, №2). В них он писал о «новом блестящем даровании», «на котором останавливаются теперь лучшие надежды русской литературы» (2: т. 11, кн. 2, с. 222).

Личная встреча Некрасова и Т. состоялась 19 ноября 1855 года. «... приехал Л.Н.Т., то есть Толстой, и отвлек меня. Что за милый человек, а уж какой умница! И мне приятно сказать, что, явясь прямо с железной дороги к Тургеневу, он объявил, что желает еще видеть меня. И тот день мы провели вместе и уж наговорились! Милый, энергичный, благородный юноша – сокол!.. а может быть, и орел! Он показался мне выше своих писаний, а уж и они хороши <...>. Мне он очень понравился», – писал Некрасов 24 ноября 1855 года В.П. Боткину (2: т. 14, кн. 1, с. 234). Реакция Т. была более сдержанной, но тоже благожелательной. «Некрасов интересен, и в нем много доброго, но в нем нет прелести, привязывающей с первого взгляда», – писал он сестре (1: т. 61, с. 369).

С ноября 1855 г. до начала 1861 г. Т. во все свои приезды в Петербург много времени проводит у Некрасова, общаются они также у И.С. Тургенева, В.Ф. Одоевского, А.А. Краевского, П.А. Вяземского, А.М. Тургенева и в других петербургских домах, в Шахматном клубе; в конце июля – начале августа 1856 г. Т. пять дней живет на даче Некрасова близ Петергофа; в феврале 1857 г. они почти ежедневно видятся в Париже, а в масленицу 9 (21) февраля вместе с Тургеневым присутствуют на традиционном карнавале в Парижской Большой Опере (1: т. 47, с. 113). В петербургской квартире Некрасова Т. познакомился в 1855 году с А.В. Дружининым и В.П. Боткиным, в 1856 г. с М.Л. Михайловым и А.В. Сухово-Кобылиным, читал хозяевам и гостям первую часть своих «Кзаков» и главы из «Севастополя в августе», слушал, как Тургенев читал стихи Фета и главы из только что законченного «Рудина», а Дружинин свой новый перевод «Короля Лира». Здесь же познакомился с творчеством Ф.И. Тютчева и позднее с благодарностью вспоминал о том, что когда-то Тургенев и Некрасов уговорили его прочитать Тютчева и он «просто обмер от величины его творческого таланта» (6: т. 2, с. 18). В квартире Некрасова Т. не только общался с петербургскими литераторами и обсуждал общественно-литературные проблемы: 11 мая 1856 г. он написал здесь проект освобождения яснополянских крестьян (1: т. 47, с. 71).

В первые месяцы личного знакомства ничто не предвещало охлаждения между людьми, проникнувшимися теплыми чувствами друг к другу по переписке и утвердившимися во взаимных симпатиях при личной встрече. Их объединяло многое: любовь к литературе, стремление быть полезными своей стране, общественно-политический темперамент; даже увлечения были общими: шахматы, карты, охота (Т. поручал Некрасову даже такое ответственное и деликатное для охотника дело, как покупка для него собак в Лондоне. – 1: т. 60, с. 187). Однако вскоре начинаются первые размолвки Т. с Некрасовым и другими петербургскими литераторами, вначале незначи-

тельные, вызванные резкостью суждений Т. и его стремлением *быть не как все*, а позднее более серьезные, переросшие в принципиальные разногласия. 6 февраля 1856 г., будучи у Некрасова, Т. заявил, что он не испытывает никакого уважения к личности и творчеству Жорж Санд и что «героинь ее романов, если б они существовали в действительности, следовало бы, ради назидания, привязать к позорной колеснице и возить по петербургским улицам» (15: с. 133). Это вызвало резкое недовольство присутствующих и привело к первому серьезному столкновению Т. с Тургеневым. Некрасов писал в связи с этим Боткину, что за обедом Т. «нёс чушь», что он «говорит много тупоумного и даже гадкого» и что «если эти следы барского и офицерского влияния не переменятся в нем», то «пропадет отличный талант» (2: т. 14, кн. 2, с. 8 – 9). Через несколько дней, когда Т. по небрежности Некрасова попадает в руки адресованная последнему записка Н.М. Лонгинова с вопросом о том, «правда ли, что граф Толстой с дрянной душонкой» и не разделяет «либеральных воззрений», Т. объявляет о решении вызвать Лонгинова на дуэль. Некрасову с большим трудом удается предотвратить ее (1: т. 47, с. 68, 308; т. 60, с. 75). В начале 1856 г. отдельные столкновения еще не предвещали раскола в «Современнике» и охлаждения в отношениях Некрасова и Т. Более того, весной 1856 г. Л. Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.Н. Островский и Д.В. Григорович подписали соглашение «об исключительном сотрудничестве» в журнале начиная с 1857 г. К лету 1856 г. точек несовпадения стало больше. Тем не менее 22 августа (3 сентября) 1856 г. Некрасов написал Т.: «Вы меня точно полюбите, впрочем для этого Вам еще нужно меня покороче узнать. Но покуда в одном не сомневаюсь, что недругами мы быть не можем и не будем. Что до меня, то ничто случившееся со времени нашего знакомства с Вами не убавило во мне симпатии к той сильной и правдивой личности, которую я угадывал по Вашим произведениям, еще не зная Вас» (2: т. 14, кн. 2, с. 30). В 1856 г. и Некрасов и Т. поддержали А.В. Дружинина, предложившего создать Литфонд – организацию, призванную

«вспомоществовать нуждающимся, осиротевшим семействам литераторов и ученых и самим литераторам и ученым, которые по преклонности лет или по каким другим обстоятельствам находятся в невозможности содержать себя собственным трудом». В январе 1857 г. Т. и Дружинин работали над первым проектом фонда (1: т. 47, с. 108). Некрасов присутствовал в ноябре 1859 г. на первом собрании учредителей, в течение семи лет был членом комитета Литфонда, а в 1875–76 гг. – товарищем Председателя. Т. активного участия в деятельности Литфонда не принимал, однако давал статьи для сборников фонда, а на склоне лет в связи с празднованием в ноябре 1909 г. юбилея Литфонда прислал телеграмму, в которой говорилось о том, что он сочувствует «доброй пятидесятилетней деятельности фонда», вспоминает основателей, приветствует «сотоварищей литературного фонда» и рад «внести свою лепту в предполагаемом сборнике» (1: т. 80, с. 172).

К лету 1857 г. разногласия между Т. и редакцией журнала обостряются. К 1858 г. «исключительное сотрудничество» оказалось невозможным как для подписавших его писателей, так и для редакции «Современника». 17 февраля 1858 г. Т. написал Некрасову, что их союз «ни к черту не годится (1: т. 60, с. 254), а 22 февраля 1858 г. Некрасов направил Т. обращение редакции «Современника» к участникам «Обязательного соглашения» о расторжении договора 1856 г. и о новых условиях сотрудничества.

Переписка Некрасова и Т. продолжалась около 23 лет. Сохранилось 34 письма Т. и 29 писем Некрасова. Активная переписка велась в 1852 – 1858 гг., с апреля 1858 г. она стала эпизодической, с середины 1861 года надолго прервалась. Возобновилась переписка лишь в конце 1873 г. или начале 1874 г., когда Некрасов предложил Т. опубликовать в «Отечественных записках» роман «Анна Каренина», а затем Т. попросил Некрасова откликнуться в «Отечественных записках» на его спор с профессиональными педагогами по вопросам обучения. Некрасов предложил Т. самому написать такую статью. Опубликованная в сентябрьском номере за 1874 г. статья Т. «О народном об-

разовании» имела большой резонанс. Первые главы «Анны Карениной» были опубликованы не в «Отечественных записках», а в ж. Каткова «Русский вестник» в январе 1875 г.

В активный период переписки Некрасов и Т. не только обсуждали конкретные вопросы, связанные с изданием произведений Т., зверствами цензуры и взаимоотношениями между авторами и ведущими сотрудниками журнала, но и размышляли о смысле человеческой жизни, о назначении литературы и роли писателя, о дружбе и взаимопонимании между людьми, искали пути расширения сотрудничества. В январе 1855 г., когда Николай I отверг подготовленный Т. проект издания «Военного листка» (дешевого популярного журнала для солдат), Т. обратился к Некрасову с «дерзким», по его собственным словам, предложением: ежемесячно направлять в «Современник» статьи на военные темы, написанные различными авторами, с неременным условием, что они будут напечатаны «тотчас же» (1: т.59, с. 297). Некрасов сразу же оценил пользу такого сотрудничества для «Современника» и подчеркнул в ответном письме, что он «не только готов, но и рад» дать Т. «полный простор» в журнале и что таланту Т. он верит «больше чем своему» (2: т. 14, кн. 1, с. 200–201). Так случилось, что большинство авторов не написали обещанных статей и в «Современнике» был опубликован лишь очерк А.Д. Столыпина «Ночная вылазка в Севастополе. Рассказ участвовавшего в ней» (1855, № 7), но положительная реакция Некрасова на предложение Т. о сотрудничестве несомненно способствовала росту их взаимных симпатий. Позднее они нередко полемизировали (особенно в период сближения эстетических позиций Т. со взглядами Дружинина, Анненкова и Боткина), но при этом сохраняли уважительное, доброжелательное отношение друг к другу. Так, в июле 1856 г. Т. отправил Некрасову письмо, в котором обвинял редакцию «Современника» в культивировании в литературе и обществе раздражительности и злобы. Он утверждал, что только «человек любящий» может «сделать добро и ясно видеть вещи», при этом, отделяя Некрасова от

«злобствующих», подчеркивал, что в самом Некрасове ненависти «меньше, чем в ком-нибудь другом» и что в последних стихах его слышны «грусть и любовь, а не злоба» (1: т. 60, с. 75). Некрасов, видевший в Т. «великую надежду русской литературы», а в русском писателе «прежде всего учителя и, по возможности, заступника за безгласных и униженных» (2: т. 14, кн.2, с. 31), реагирует на филиппику Т. в адрес «Современника» весьма сдержанно. Написав вначале «ни с чем я не согласен», далее он пытается переубедить Т., обосновать свое несогласие с ним: «Особенно мне досадно, что Вы так браните Чернышевского. Нельзя, чтоб все люди были созданы на нашу колодку. И коли в человеке есть что хорошее, то во имя этого хорошего не надо спешить произносить ему приговор за то, что в нем дурно или кажется дурным <...> Вам теперь хорошо в деревне, и Вы не понимаете, зачем злиться; Вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровые, но забываете, что здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости, – у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, – т.е. больше будем любить – любить не себя, а свою родину» (2: т. 14, кн. 2, с.24).

О личных отношениях между Некрасовым и Т. и взаимооценках творчества многое может сказать переписка с третьими лицами и отзывы их друг о друге как в период тесного общения, так и после того, как оно прекратилось вовсе.

В письмах Некрасова друзьям–писателям иногда проявляются нотки недовольства по отношению к Т., но превалирует чувство симпатии: 17 апреля 1856 г. В.П. Боткину: «Милый Толстой! Как журналист я ему обязан в последнее время самыми приятными минутами, да и человек он хороший, а блажь уходится» (2: т. 14, кн. 2, с. 15); 24 мая 1856 г. И.С. Тургеневу: «Кланяйся Толстому. Я простился с ним под самым приятным впечатлением – я заметил в нем весьма скрытое, но несомненное участие ко мне; за это ему

спасибо, а как журналисту он мне усладил сердце в последнее время много раз» (2: т. 14, кн. 2, с. 17); 18 (30) декабря 1856 г. И.С. Тургеневу: «Что сказать о Толстом, право не знаю. Прежде всего он самолюбив и неспособен иметь убеждение – упрямство не замена самостоятельности; потом ему еще хочется играть роль повыше своей» (2: т. 14, кн. 2, с. 44); 15 (27) мая 1857 г. И.С. Тургеневу: «Получил письмо от Толстого – очень умное, теплое и серьезное» (2: т. 14, кн. 2, с. 73).

Личные симпатии Некрасова к открытому им автору, как правило, совпадали с его отношением к творчеству Т.: «Чудесная повесть» (о «Двух гусарах»), рассказ «очень жив и грациозен» (о «Набеге»), «вещь донине небывалая в русской литературе (о «Рубке леса»), «Статья эта написана мастерски, интерес её для русского общества не подлежит сомнению (о «Севастополе в декабре месяце»), «Мне Ваша статья очень по душе, и я думаю, что дело народного образования, которым Вы занимаетесь, есть главное русское дело настоящего времени» (по поводу статьи «О народном образовании»). Если позиции автора и редактора не совпадали, Некрасов считал необходимым написать Т. о том, что именно его не удовлетворяло («Недостатки формы и языка» в рассказе «Записки маркера», «неудачный выбор сюжета» и сложность изложения в повести «Альберт»). Когда Некрасов (уже после опубликования) изменил свое отрицательное мнение о рассказе «Записки маркера» на «очень хорош», то сразу же сообщил об этом автору. Т. внимательно прислушивался к замечаниям Некрасова. Он значительно переработал повесть «Альберт», а повесть «Отец и сын» была опубликована в «Современнике» под предложенным Некрасов названием «Два гусара» и во всех последующих изданиях сохранила это название. В Дневнике Т. от 19 апреля 1856 г. читаем: «Кончил поправки «Отца и сына», которых по совету Некрасова назвал «Два гусара» – лучше» (1: т. 47, с. 68). Иногда свое несогласие с Т. Некрасов выражал не в личных разговорах и письмах, а на страницах художественных произведений. Так, прочитав в рукописи рассказа Т. «Севасто-

поль в мае» вычеркнутую позднее цензурой фразу о том, что через месяц погибших забудут все, в том числе «отцы, матери, жены, дети», Некрасов написал стихотворение «Внимая ужасам войны ...», в котором утверждал, что есть одно исключение: никогда матерям «не забыть своих детей, погибших на кровавой ниве» (7: 64 – 66). Даже после фактического разрыва отношений Некрасов лишь однажды позволил себе насмешливо-иронический отзыв о произведении Т. После выхода в свет «Анны Карениной» он написал эпиграмму

Толстой, ты доказал с терпением и талантом,
 Что женщине не следует «гулять»
 Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
 Когда она жена и мать.

и опубликовал её (без подписи) в марте 1876 г. в тогда ещё относительно либеральном «Новом времени».

В оценках Т. личности Некрасова при всей их противоречивости преобладает положительное начало. В его дневнике 30 июля 1857 г. читаем о Некрасове: «Он очень хорош. Дай ему бог спокойствия»; 31 июля 1857 г.: «С Некрасовым неловко»; в письме Страхову 3 янв. 1878 г.: «Смерть Некрасова поразила меня. Мне жалко было его не как поэта, тем менее как руководителя общественного мнения, но как характер, который и не пытаюсь выразить словами, но понимаю совершенно и даже люблю не любовью, а любованьем» (1: т. 62, с. 369). В разговорах: «Он мне приятен. Он был сильный человек, но холодный и жестокий, нравственного уровня очень низкого» (16: 178); «Он мне всегда нравился за свою прямоту и отсутствие всякого лицемерия. Всегда он открыто говорил о своих делах и чувствах» (6: т. 2, с. 144).

О творчестве Некрасова Т. отзывался преимущественно отрицательно. Главная его претензия к Некрасову заключалась в том, что стихи Некрасова «сделаны» и в них преувеличиваются страдания и злоба народа. Прочитав в сентябрьском номере «Современника» за 1857 г. подборку стихов

Некрасова, Т. написал автору, что одно стихотворение («Все рожь кругом...») «превосходно», что это «чудесный самородок», относительно остальных высказался резко и категорично: «по-моему, слабы и сделаны» (1: т.60, с. 225). В 1878 г. в письме Н.Н. Страхову он попытается определить место Некрасова в русской литературе и будет утверждать, что для Некрасова, так же как для Крылова, характерно «фальшивое простонародничанье, что у него, как и у Крылова, «та же счастливая карьера – потрафил по вкусу времени - и то же невыработанное и не могущее быть выработанным настоящее присутствие золота, – хотя и в малой пропорции и в неподлежащей очищению смеси» (1: т. 62, с. 379). В 1887 он скажет А.Ф. Кони, что «у Некрасова есть содержание и техника, но нет элемента действительной любви» (6: т. 2, с. 181), и в том же году, критикуя поэму писателя из народа В.И. Савихина «Два соседа», особый упор сделает на том, что «содержание его поэмы есть только подражание тому, чему не нужно подражать у Некрасова, т.е. преувеличение народной бедности и отчаянное отношение к ней, вызывающее только негодование к кому-то» (1: т. 64, с. 21–22). Уже в начале XX века в предназначенном для печати «Предисловии к роману В. Фон Поленца «Крестьянин» Т. напишет о «совершенно лишенном поэтического дара Некрасове», а в беседах будет говорить о том, что Некрасова «невозможно читать» (34: т. 2, с. 127), что «он к поэзии близко не стоял» (34: т. 2, с. 520) и что «Некрасова поэзия – это совсем не поэзия» (34: т. 3, с. 336). Лишь в редких произведениях Некрасова Т. находил живое, искреннее чувство. Он выделял стихотворение «Замолкни, муза мести и печали», которое до глубокой старости помнил наизусть, первую часть поэмы «Тишина» («Все рожь кругом...»), главу о Ермиле Гирине в поэме «Кому на Руси жить хорошо», стихотворения «Рыцарь на час» и «Эй, Иван».

И в период близости и в периоды эстетических расхождений и охлаждения в личных отношениях Некрасов и Т. не были антагонистами. Оба писателя обращались к темам, волновавшим современное им русское обще-

ство, и пытались разрешить их в соответствии со своим видением мира, как правило, сходясь «в нравственной и художественной оценке народного характера» (25: 340). В 50-е годы в их творчестве почти одновременно возникла декабристская тема («Русские женщины» и «Дедушка» у Некрасова, «Декабристы» у Т.), в 60–70-е годы на первый план вышло изображение народной жизни в разнообразных её проявлениях («Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, «Война и мир» и «Анна Каренина» Т.), трудно не заметить сюжетную и идейную переключку толстовского «Поликушки» и некрасовского стихотворения «Эй, Иван». Исследователями неоднократно отмечались черты сходства и в художественной манере Т. и Некрасова, в частности, «тяготение к собирательным образам» (26:193), использование монтажного принципа и речевых форм многоголосья (13; 24).

1. Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч. (Юбилейное издание). М. – Л., 1928 – 1958; 2. Н.А. Некрасов. Полн. собр. соч.: В 15т. СПб., 1997 –2000; 3. Н.А. Некрасов. Собр. соч. в 5 т. Т.5. Письма. 1840 – 1877. М. – Л., 1930; 4. Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. В 2 т. / Вступит. статья и примеч. С.А. Розановой. М., 1978; 5. Переписка Н.А. Некрасова. В 2 т. / Сост. и коммент. В. Викторовича, Г. Краснова, Н. Фортунатова. М., 1987; 6. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. / Сост., подготовка текста и коммент. Г.В. Краснова и Н.М. Фортунатова. М., 1978; 7. Альтман М. У Льва Толстого. Тула, 1980. С. 63 – 66; 8. Апостолов Н.Н. Лев Толстой и его спутники. М. , 1928. С. 63 – 77; 9. Астафьев А.В. Толстой и его современники (Связи писателя с Ярославским краем). Ярославль, 1967; 10. Ашукин Н.С. Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. М. – Л., 1935; 11. Бабаев Э.Г. Лев Толстой и «Современник» (историческая коалиция) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1978. № 4. С. 21 – 36; 12. Бабаев Э.Г. Очерки эстетики и творчества Л.Н. Толстого. М., 1981. С. 105 – 121; 13. Билинкис Я.С. О творчестве Л.Н. Толстого. Очерки. Л., 1959. С. 376 – 413; 14. Бурсов Б.И. Лев Толстой. Идеиные искания и творческий метод. М., 1960. С. 82

- 229; 259 – 277, 338 – 345; 15. Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 133; 16. Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973. С. 92 – 93, 178; 17. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828 – 1890. М., 1958; 18. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891–1910. М., 1960; 19. Дементьев А. Некрасов и обязательное соглашение // В Л, 1971. № 6. С. 136 – 163; 20. Евгеньев-Максимов В.Е. Некрасов в кругу современников. Л., 1938. С. 37 – 82; 21. Евгеньев-Максимов В.Е. Неудавшаяся коалиция. Из истории «Современника» 1850-х годов / ЛН. Т. 25 – 26. М., 1936. С. 357 – 380; 22. Жданов В. Некрасов. М., 1971. С. 248 – 254; 23. Зверев А., Туниманов В. Лев Толстой. М., 2006. С. 76 – 154; 24. Корман Б.О. Лирика Н.А. Некрасова. Воронеж, 1964. С. 315 – 324; 25. Краснов Г.В. Диалектика творческих связей (Некрасов и Лев Толстой) // Н.А. Некрасов и русская литература. М., 1971. С. 319 – 324, 344 – 381; 26. Краснов Г.В. Н.А. Некрасов в кругу современников. Коломна, 2002. С. 181– 197; 27. Кузьмина Л.И. Лев Толстой в Петербурге. Л., 1986. С. 19 – 110; 28. Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. В 3 т. СПб., 2006 –; 29. Мельгунов Б.В. Некрасов – журналист (малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989. С. 255 – 256; 30. Нестеренко А.А. Лев Толстой о Некрасове // Русская литература. Выпуск 5. Тематический сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава и аспирантов высших учебных заведений Министерства просвещения Казахской ССР. Алма-Ата, 1975. С. 95 – 104; 31. Николаева З.В. Лев Толстой и Некрасов // Лев Толстой: Ученые записки Черновицкого государственного университета. Т. 28. Серия филологич. наук. Выпуск 16. Черновцы, 1961. С. 160 – 174; 32. Розанова Л.А. О работе Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова над произведениями с декабристской темой и материалами декабристской поры (пятидесятые – семидесятые годы) // Лев Толстой и его современники: Ученые записки Ивановского госпединститута. Т. XXIX. Иваново, 1962. С. 7 – 100; 33. Скатов Н. Некрасов. М., 1994. С. 176 – 177; 34. У Толстого. 1904 – 1910. Яснополян-

ские записки Д.П. Маковицкого // Л Н. Т. 90. В 4 кн. М., 1979; 35. Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С. 40 – 65, 160 – 161, 279 – 336; 36. Юбилейный сборник литературного фонда. СПб., 1909. С. 72 – 75, 599.

В.Л.

ТОПОРСКИЙ Иван Семенович (ок. 1789 – 1850-е гг.), старший учитель латинского языка и библиотекарь в ярославской гимназии, из обер-офицерских детей. В 1800 - 1805 гг. обучался в Ярославском главном народном училище (5). В 1805 – 1809 гг. - в Ярославском Демидовском высших наук училище. В 1809 - 1812 гг. служил в канцелярии даниловского уездного суда. Учительствовал в даниловском народном училище с января 1813 г. С марта 1815 г. был перемещен в ярославское уездное училище. С июня 1820 г. был определен старшим учителем естественной истории и физики ярославской гимназии. В 1828 г. был командирован на три месяца с санкт-петербургский батальон военных кантонистов для заимствования модной в то время методики обучения Ланкастера. С июля 1833 г. преподавал латинский язык в низших классах ярославской гимназии.

Учителя Т. Некрасов упомянул в автобиографии: «”Библиот<ека> для <чтения>” в гим<назии>. “Телескоп”, “Телеграф” от уч<ителя> Топорского» (1). В 1836 г. в библиотеке выявились серьезные нарушения. Часть книг не была вписана в «шнуровые» книги. Директор гимназии Клименко «предписал» Т. библиотеку сдать учителю математики А.Н. Лебедеву (1).

1. ПСС, XIII₂, 56, 463-464; 2. *Летопись*, I, 25; 3. *Евгеньев-Максимов В.Е.* Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. М.-Л., 1947. Т.1. С. 146-147; 4. *Мельгунов Б.В.* «Всему начало здесь». Ярославль, 1997. С. 4, 15; 5. *Красильников Г.В.* Гимназические учителя Н.А. Некрасова // Краеведческие записки:

Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 468 - 469.

Г. К.

ТУНОШЕНСКИЙ Петр Павлович (ок. 1789 – не ранее февр. 1857 г.), учитель риторики и российской словесности в ярославской гимназии, сын ярославского священника. В 1798 – 1807 гг. учился в ярославской духовной семинарии (11, 466). Писал стихи в рукописные семинарские альбомы, посвященные ярославскому архиепископу Антонию. После окончания ярославской семинарии был определен «для образования в высших науках к учительской должности» в Троицко-Лаврскую семинарию. Занимался переводами с латинского и французского языков. В 1810 г. в должности учителя поэзии ярославской семинарии написал оду «Как солнце исполин небесный» и пасхальное обращение к архиепископу Антонию на греческом языке (11, 467). В 1811 г. преподавал греческий и французский языки, поэзию и риторику. Заведовал библиотекой. В марте 1824 г. поступил в ярославскую гимназию учителем латинского языка. С 1825 г. там же приступил к преподаванию российской словесности. В 1832 г. попытался издать литературно-художественный журнал «Муза Ярославля», составленный из трудов ярославских гимназистов (9, 34-40). В основном это были стихи духовного содержания. Поместил в сборнике две статьи «На всерадостнейшее посещение Государем Императором Николаем Павловичем города Ярославля 17 ноября 1831 года», «О лирическом стихотворении» и одно стихотворение «На кончину императрицы Марии Федоровны». Попытка издать журнал не увенчалась успехом. В 1833 г. был утвержден в должности преподавателя риторики и российской словесности. В 1836 г. получил место инспектора в костромской гимназии. В 1839 г. был награжден за двадцатилетнюю беспорочную службу знаком отличия на Владимирской ленте. В начале 1840-х гг. вернулся

в Ярославль в чине коллежского асессора и проживал в приходе Духовской церкви. В 1857 г. поставил подпись под отпускной дворовой, принадлежавшей мачехе отца поэта Н.М. Некрасовой (10). Послужил Некрасову прототипом учителя Поношенского в рассказе поэта «Помещик двадцати трех душ» (1843) (1). Воспоминания о Т. оставил его ученик М.Н. Горошков (3).

У Т. Некрасов учился российской словесности три года: 1833/34, 1834/35 и 1835/36. Имел по этому предмету «тройку» по принятой в гимназиях того времени четырехбалльной системе (5). При поступлении в Петербургский университет в 1839 г. по российской словесности поэт получил «тройку» (у П.А. Плетнева), а в 1840 – «пятерку» (у А.В. Никитенко) (7). Логике у Т. Некрасов учился два года. В 1834/35 г. средней ежемесячной оценкой у него была «тройка» (5). Однако на экзамене в этом году он получил «двойку». В 1835/36 г. по логике поэт учился успешно: все ежемесячные оценки были «тройками», а в феврале он получил «четверку». Экзамены в этом году Некрасов не сдавал.

1. ПСС, VII, 300 - 301; 2. *Летопись*, I, 20; 3. *Некр. в восп.*, 33-36; 4. *Васильев П.П.* Материалы для биографии Н.А. Некрасова // Мирской толк. 1879. № 46. С. 430. (Учебная ведомость Н.А. Некрасова за 1836/37 г.). 5. *Евгеньев В.Е.* Н.А. Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914. Таблицы № 1, 2, 3. (Учебные ведомости Некрасова за 1833/34, 1834/35, 1845/36 гг.). 6. *Евгеньев-Максимов В.Е.* Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. М.-Л., 1947. Т.1. С. 117-121, 132-136; 7. *Рейсер С.А.* Некрасов в Петербургском университете // ЛН, М., 1946. Т. 49 – 50. С. 355, 360; 8. *Мельгунов Б.В.* «Туношенского наука...» // Северный край. 1993, 10 дек.; 9. Он же. «Всеу начало здесь». Ярославль, 1997. С. 29 – 44.; 10. *Яковлев В.И.* Гнездо отцов. Ярославль, 1996. С. 121; 11. *Красильников Г.В.* Гимназические учителя Н.А. Некрасова // Краеведческие записки: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 466 – 468; 12. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 281. Д. 29. Л. 7 –

9; 13. ГАЯО. Коллекция рукописей. Оп. 1. Д. 121 (503); 14. Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 28. Л. 8-8 об., 15-16.

Г. К.

ТУРНЕ Карл Карлович (ок. 1804 - ?), учитель французского языка в ярославской гимназии, российский подданный нидерландского происхождения. В 1831 г. выдержал экзамен в Московском университете на звание учителя французского языка (6). С этого же года преподавал его в ярославской гимназии и в Демидовском лицее. Однако в лицее Т. задержался только до 1833 г. Средней отметкой по французскому языку в ярославской гимназии у Некрасова была «двойка» (2). При поступлении в Петербургский университет в 1840 г. он получил ту же самую отметку (4). Воспоминания о Т. оставили И.Д. Гарусов (1) и Л.Н. Трефолев (5).

1. *Гарусов И.Д.* Провинциальные училища в 30-х и 40-х годах. (Воспоминания прежнего гимназиста) // Русская школа. 1910. № 5 – 6. С. 56; 2. *Евгеньев В.Е.* Н.А. Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914. Таблицы № 1, 2, 3. (Учебные ведомости Некрасова за 1833/34, 1834/35, 1835/36 гг.); 3. *Евгеньев-Максимов В.Е.* Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. М.-Л., 1947. Т.1. С. 124; 4. *Рейсер С.А.* Некрасов в Петербургском университете // ЛН, М., 1946. Т. 49 – 50. С. 360; 5. *Айзеншток И.* Поэт-демократ Л.Н. Трефолев. Ярославль, 1954. С. 16; 6. *Красильников Г.В.* Гимназические учителя Н.А. Некрасова // Краеведческие записки: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 470.

Г. К.

***ТЮРЯ** Степан — знаменитый маркер Палкина трактира (трактира, принадлежавшего К. П. Палкину) и игрок на бильярде. Ярославец по происхождению. Помимо бильярдной игры, прославился тем, что выиграл в поль-

скую лотерею 900000 злотых (2: 168), которые «очень скоро прокутил», по воспоминаниям *А. Я. Панаевой* (3: 28), и, вследствие внезапного богатства и разорения, получил психическое расстройство: «он все твердил о миллионе злотых, которые выиграл. Скоро пришло известие, что Тюрю уже сидит в сумасшедшем доме» (3: 29). Т. охотно играл с *Я. Г. Брянским* и бывал в его доме (сер. 1840-х?). Панаева оставила описание внешности Т.: «невзрачной наружности человек, маленького роста, с каштановыми волосами, остриженными в кружок, с жиденькой бородкой, одевался бедно, ходил в поношенном длиннополом сюртуке, с намотанным на шее бумажным платком и в высоких сапогах с кисточками» (3: 28). В 1853 на сцене Александринского театра был поставлен водевиль *Н. И. Куликова* «Ворона в павлиньих перьях» (опубл. 1860), который он «написал на Тюрю» (3: 29). Главную роль сыграл *А. Е. Мартынов*; «тип продувного ярославца передавался им неподражаемо» (2: 168).

Некрасов упоминает имя Т. в стихотворном фельетоне «Говорун» («И гений Тюрю носит / Над каждой головой») (1: I, 402).

1. ПСС: I, 402, 682; IX₂, 350—351; 2. *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров. С конца 1826 до начала 1855 года. СПб., 1877. С. 168, 194; 3. *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1972. С. 27—29, 398; 4. *Толбин В.* Маркеры и бильярдные игроки // Финский вестник, 1847, № 9; 5. *Куликов Н. И.* Ворона в павлиньих перьях. СПб., 1853.

М. С.

ФЕТ (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (29.10(29.11?)1820 – 21.11.1892) – поэт, переводчик, публицист, прозаик; сын Шарлотты Елизаветы Беккер, принадлежавшей к старинному восточногерманскому дворянскому роду, и Иоганна Петера Карла Вильгельма Фёт, окружного дармштадского ассессора. В 1835-1837 годах учился в частном немецком пансионе Крюммера

в г. Верро (Лифляндия), затем, в 1838-1844 годах, продолжил учебу на словесном отделении Московского университета. Первый поэтический сборник Фета «Лирический Пантеон» (1840) выходит в том же году, что и «Мечты и звуки» Некрасова. Подражательный по своей сути, сборник, тем не менее, вызвал положительную рецензию П.Н. Кудрявцева (ОЗ, 1840, №12). С 1845 до 1858 года Фет состоял на военной службе: вначале унтер-офицером в Орденском кирасирском полку, затем в лейб-гвардии уланском полку. Второй сборник поэта, «Стихотворения» (1850), собрал несколько хвалебных отзывов в критике, в том числе и статью П.Н. Кудрявцева из серии «Русские второстепенные поэты» (1850, №3).

Некрасов обращает внимание на поэзию Фета задолго до личного знакомства. В 1843 году в рецензии на украинский альманах «Молодик» он выписывает стихотворение «Горный ключ (Офелии)» (ЛГ, 1843, №42). В обзоре «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» (ЛГ, 1844, №1) Некрасов выделяет Фета из современных поэтов и называет главным качеством его поэзии оригинальность. С марта 1852 года Фет начинает публиковаться в «Современнике». Личное знакомство поэтов относится к концу 1853 года, когда Фет переводится в лейб-гвардии уланский полк, расквартированный недалеко от Петербурга, и получает возможность часто бывать в столице. Через И.С. Тургенева он знакомится с кругом литераторов, близких к «Современнику», в том числе и с Некрасовым. Запись в дневнике А.В. Дружинина от 7 декабря 1853 года: «Обедал, как водится, у Панаева, где нашел несколько новых лиц: поэта Фета...» (8: 228). В воспоминаниях, написанных в конце жизни, Фет зафиксировал знакомство с Некрасовым следующим образом: «Свободного времени у меня оставалось много, и, по склонности к литературе, мне захотелось познакомиться с Некрасовым и Панаевым, тогдашними издателями «Современника <...> Встреча Некрасова была менее шумна, но не менее приветлива» (5: С. 32). В начале 1850-х авторитет Некрасова для Фета был огромен. В первом из сохранившихся писем (от

27.06.1854) Фет просит Некрасова высказать мнение о переводе «Германа и Доротеи» Гете: «Напишите, пожалуйста, – прочли ли Вы моего «Германа» – говорю это не с тем, чтоб Вы его напечатали. Напротив, если найдутся, за поспешностью, какие-либо сучки и задоринки, то я желал бы их исправить <...> Вы в этом случае гораздо лучший судья » (2: 520). По дневниковым записям Дружинина ясно, что Фет быстро вливается в дружественный круг литераторов «Современника», постоянно бывает на заседаниях кружка зимой 1853-1854 годов. С 1854 года Некрасов приглашает Фета в постоянные сотрудники журнала. В воспоминаниях Фет осмысляет этот факт весьма пристрасно: как определенное «обязательное соглашение», уловку, которая ограничила гонорары поэта: «...новых стихотворений у меня не оказалось, но от скуки одиночества я написал прозой небольшой рассказ «Каленик» и отдал его в «Отечеств<енные> Записки». Появившееся на страницах журнала имя мое воздвигло в Некрасове бурю негодования; он сказал, что предоставляет себе право печатать мои стихотворения не подряд, а по выбору, в ущерб моему гонорару» (5: 37). Вопреки желанию Некрасова, Фет в 1850-е продолжает сотрудничать и с другими литературными журналами, хотя «Современнику» отдает явное предпочтение. С начала 1850-х годов Некрасов обращает на поэзию Фета самое пристальное внимание, анонсируя и пропагандируя ее со страниц журнала. В статье «Дамский альбом» (1854, №1) он представляет Фета читателям как поэта «с дарованием в высшей степени самобытным и симпатичным. Что-то сильное и свежее, *чисто поэтическое*, без всяких посторонних примесей, ярко пробивается во всем, что создает этот талант» (1: 106). Именно в кругу «Современника» возникает идея о новом издании стихотворений Фета. Некрасов, наряду с Тургеневым, Боткиным, Дружининым выступает «советчиком» и «пестуном» поэзии Фета. А. Я. Панаева вспоминает: «Фет задумал издать полное собрание своих стихов и дал Тургеневу и Некрасову *carte blanche* выкинуть те стихотворения из старого издания, которые они найдут плохими. У Некрасова с Тургеневым по этому

поводу происходили частые споры. Некрасов находил ненужным выбрасывать некоторые стихотворения, а Тургенев настаивал» (7: 202). Отредактированный литераторами круга «Современника» сборник Фета, появившийся в 1856 году, Некрасов называет главной литературной новостью и оставляет в связи с его выходом самый лестный отзыв: «Читатели знают нашу любовь к таланту г. Фета и наше высокое мнение о поэтическом достоинстве его произведений. Смело можем сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе, после Пушкина, не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет. Из этого не следует, чтобы мы равняли г. Фета с Пушкиным; но мы положительно утверждаем, что г. Фет в доступной ему области поэзии такой же господин, как Пушкин в своей, более обширной и многосторонней области» (1: 133-134). Несмотря на столь высокую оценку поэзии Фета, его личность вызывает у Некрасова двойственное отношение. В письме к Тургеневу от 24 мая 1856 г. Некрасов пишет: «Фет еще выручает иногда бесконечным и пленительным враньем, к которому он так способен <...> Если б Фет был немного меньше хорош и наивен, он бы меня бесил страшно; да, ненадломленный!» (1: 17). Наиболее тесно поэты общаются в 1856 году. Летом Фет гостит на даче Некрасова, а в ноябре-декабре они вместе проводят время в Риме. Встречи в Риме зафиксированы в воспоминаниях П.В. Ковалевского, в то время также находившегося в Италии. Ковалевский пишет, что Фет читает приятелям сочиненные стихи и выносит их на суд. «А нуте-ка, Фетушка, похвастайте, что вы сочинили сегодня, – обращался к нему за вечерним чаем Некрасов <...> Оказывалось удивительное по гармонии и изяществу лирическое стихотворение» (6: 418).

К 1854 году относится дружеская пародия Некрасова на пейзажную лирику Фета – стихотворение «Лето». Некрасов пародирует фрагментарность пейзажной лирики Фета, типичную для него «детализацию» фауны и флоры, сочетание прозаизмов и поэтизмов. Под влиянием лирики Фета осенью 1856

года он пишет одно из немногих своих пейзажных стихотворений «Белый день недолог...». Б. В. Мельгунов датировал его 1856 годом и указал на его тесную связь с пейзажной лирикой Фета (в частности, со стихотворением «Ласточки пропали...»). В 1857 году Фет «повышает себя в цене», чем вызывает недовольство редакции «Современника»: «За стихи 25 р. тяжело платить нам, однако буду платить, печатая сколько в состоянии», – восклицает Некрасов в письме к Фету в октябре 1857 года (2: 526). В конце 1857 года между Некрасовым и Фетом происходит денежное разбирательство по поводу поэмы «Две липки»: Фет требует 100 рублей, Некрасов дает лишь 25 и грозит «эту вещь вырезать вон» (2: 528), хотя все же публикует ее в составе VIII сборника «Для легкого чтения» (СПб, 1858). В это время Фет все более начинает осознавать свою оппозицию к «Современнику» и передовой общественной мысли. В №1 за 1857 год появляется статья Боткина, в которой поэзия Фета разбирается с точки зрения идей «чистого искусства». Последние письма Фета и Некрасова относятся к февралю – марту 1858 года: «Я нимало не солгу, если скажу, что душевно Вас люблю, и как-то не верится, чтобы мы могли серьезно расколоться в разные стороны», – пишет Некрасов Фету 17 марта 1858 года (2: 530). В связи с усиливающимися к концу 1850-х годов революционно-демократическим курсом «Современника» Фет постепенно отходит от журнала. Возрастающее чувство разочарования в общественных идеалах выливается к 1858 году в идею совместно с Л.Н. Толстым издавать «чисто эстетический журнал», альтернативный «Современнику» (идея не осуществилась). В 1859 году Фет выступает с программной статьей «О стихотворениях Ф. Тютчева» (РСЛ, 1859, №2), где демонстрирует свою приверженность «чистому искусству», ратует за свободное от всяческих тенденций творчество. В статье Фет заявляет о том, что «поэзия, или вообще художество, есть чистое воспроизведение не предмета, а только одностороннего его идеала <...> художнику дорога только одна сторона предметов: *их красота*» (3: 177).

Разрыв отношений между Некрасовым и Фетом связан с публикацией в «Современнике» статьи *Д. Л. Михаловского* (М. Лавренского) «Шекспир в переводе Фета» (1859, №6), уничижительно критиковавшего переводческую деятельность Фета. В этом же номере печатается стихотворение Фета «Кричат перепела, трещат коростели...» – последнее, появившееся в «Современнике». Статья Михаловского влияет на созревшее к 1860 году решение Фета отойти от активной литературной деятельности: он покупает в Орловской губернии хутор и начинает заниматься фермерством. В письме к С.В. Энгельгардт от 19 октября 1860 года Фет делает следующее признание: «Вы пишете, что меня бранят в «Современнике». Я его не получаю и не вижу. Но мне решительно теперь все равно, что они будут обо мне писать и говорить. Жаль, что новое поколение ищет поэзию в действительности, когда поэзия есть только запах вещей, а не самые вещи» (4: 375). В 1860-е годы в условиях обострившейся литературной борьбы позиции Некрасова и Фета радикально расходятся; особенную неприязнь вызывает у Некрасова публицистика Фета. Наиболее критично Некрасов высказывается о Фете в 1866 году в статье «Таинственная капля.... Стихотворения М.А. Дмитриева...» (1866, №3): «У нас, как известно, водятся поэты <...> такие, которые «сами не знают, что будут петь», по меткому выражению их родоначальника, г. Фета. Это, так сказать, птицы певчие» (1: 269). Фет в том же году отвечает Некрасову стихотворением «Лже-поэту» («Псевдо-поэту»), где выступает против рассудочной поэзии, обвиняет «лже-поэта» в продажности, душевном рабстве. Последний эпизод воспоминаний Фета, связанный с Некрасовым, появляется во втором томе и относится к январю 1864 года, похоронам А.В. Дружинина: «Никогда я не забуду холодного выражения пары черных бегающих глаз Некрасова, когда, не кланяясь никому и не глядя ни на кого в особенности, он пробирался сквозь толпу знакомых незнакомцев» (5: С.5-6). В поздних высказываниях Фет неоднократно обращается к характеристике творчества Некрасова, обвиняя его поэзию в «прямолинейности», «низменности»,

излишней увлеченности «житейскими скорбями». Скрытая полемика с Некрасовым проявляется в предисловии к третьему выпуску «Вечерних огней»: «Конечно, никто не предположит, что в отличие от всех людей мы одни не чувствовали, с одной стороны, неизбежной тягости будничной жизни, а с другой, тех периодических веяний нелепостей, которые действительно способны исполнить всякого практического деятеля гражданской скорбью. Но эта скорбь никак не могла вдохновить нас. Напротив, эти-то жизненные тяготы и заставляли нас <...> отворачиваться от них и пробивать будничный лед, чтобы хотя на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии» (4: 312). Однако в конце жизни Фет осмысляет свою и некрасовскую творческую деятельность как единый этап развития русской литературы середины века. Характерно его высказывание в письме к Великому князю Константину Романову от 12 февраля 1888 года: «В болезненности современной лирики виноваты Некрасов и Фет. Первый выучил всех проклинать, а второй – грустить <...> Если тесная и грязная стезя, по которой пришлось пробираться Некрасову, может независимо от прирожденного характера помочь объяснить его озлобление, то постоянно гнетущие условия жизни в течение пятидесяти лет могут отчасти объяснить меланхолическое настроение Фета. Справедливо или нет, Некрасов и Фет имели успех, и этого достаточно было для подражателей» (4: 321). Фет, отвергая творческий метод Некрасова, отдает ему должное как поэту, равному себе по силе и влиянию на литературный процесс.

Известны 4 письма Некрасова к Фету (1856-1858) и 5 писем Фета к Некрасову (1854-1858).

1. ПСС, XI₁, 124-125, 148; ПСС, XI₂, 50, 106-107, 269; XIII₁, 133-134; XIV₂, 17; 2. *Переписка Н.*, II, 518-531; 3. *Фет А.А.* Сочинения и письма в 20 т. СПб., 2006. Т.3. Повести и рассказы. Критические статьи. С. 176-194; 4. *Фет А.А.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988; 5. Фет А.А. Мои воспо-

минания. 1848-1889. Ч. I-II. М., 1890. 6. *Ковалевский П.М.* Встречи на жизненном пути // Григорович Д.В. Литературные воспоминания. С приложением полного текста воспоминаний П.М. Ковалевского. Л., 1928. С. 415-418; 7. *Панаева (Головачева) А.Я.* Воспоминания. М., 1986; 8. *Дружинин А.В.* Полюнька Сакс. Дневник. М., 1989; 9. *Бухштаб Б.Я.* А.А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974; 10. *Ермилова Е.В.* Некрасов и Фет // Н.А. Некрасов и русская литература. М., 1971. С. 266-293; 11. Бухштаб Б.Я. Пародия Некрасова на А.А. Фета // Некрасовский сборник. VI. Л., 1978. С. 85-91; 12. Скатов Н.Н. Некрасов и Фет // Скатов Н.Н. Некрасов. Современники и продолжатели. М., 1986. С. 151-196.

Е.Д.

ФЕДОРОВ Иван Миронович (ок. 1896 - ?), учитель немецкого языка в ярославской гимназии, из приказнослужительских детей. Получил образование в ярославской гимназии и Демидовском лицее (5). В 1813 г. был определен учителем в ярославское уездное училище. В 1819 г. был перемещен в ярославскую гимназию учителем немецкого языка. В 1822 г. за усердную службу был награжден золотыми часами. В 1836 г. был уволен со службы. На экзаменах в 1833/34 и в 1834/35 гг. Некрасов по немецкому языку имел «тройку» и «двойку» (2). В 1835/36 г. экзамены не сдавал, средним ежемесячным баллом у него являлась «тройка». А вот в 1836/37 г. выше «единицы» Некрасов оценки не получал (1). На экзамены в этом году он не явился. На экзамене в Петербурге по немецкому языку Некрасов в 1840 г. получил «двойку» (4). О Ф. оставил воспоминания М.Н. Горошков (3).

1. *Васильев П.П.* Материалы для биографии Н.А. Некрасова // Мирской толк. 1879. № 46. С. 430. (Учебная ведомость Н.А. Некрасова за 1836/37 г.); 2. *Евгеньев В.Е.* Н.А. Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914. Таблицы № 1, 2, 3. (Учебные ведомости Некрасова за 1833/34, 1834/35, 1845/36 гг.). 3.

Некр в восп., 35; 4. *Рейсер С.А.* Некрасов в Петербургском университете // ЛН, М., 1946. Т. 49 – 50. С. 360; 5. *Красильников Г.В.* Гимназические учителя Н.А. Некрасова // *Краеведческие записки: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений.* Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 470.

Г. К.

ФИЛИМОНОВ Николай Иванович (05.03.1804, с. Дехтево Ярославского уезда и губ. — 19.02.1870, г. Ярославль), драматург, сын ярославского дворянина. 30 июня 1821 г. окончил Ярославское Демидовское высших наук училище (14). 12 апр. 1822 г. вступил в службу подпрапорщиком гренадерского наследного принца прусского полка. 12 окт. 1822 г. произведен в прапорщика, 21 дек. 1823 г. — в подпоручика, 21 мая 1824 г. — в батальонного адъютанта, 30 авг. 1827 г. — в поручика. 20 янв. 1830 г. уволен от службы в чине штабс-капитана (14). В 1824 г. во время службы под Новгородом (в районе Бронниц) встречался с А. С. Пушкиным (9). С 1 окт. по 28 дек. 1830 г. во время существования холеры в Ярославской губ. был назначен смотрителем участка в Ярославском уезде. 17 янв. 1834 г. по выбору дворянства определен заседателем в ярославскую палату уголовного суда. 28 окт. 1836 г. от службы был уволен. 17 июня 1839 г. поступил старшим помощником секретаря во временное присутствие герольдии в Петербурге. С 5 окт. 1841 г. по 19 янв. 1842 г. служил журналистом в департаменте разных податей и сборов. С 21 мая 1843 г. по 18 янв. 1844 г. выполнял обязанности помощника столоначальника в департаменте государственного коннозаводства (14). Во время Крымской кампании поступил в дружину № 129 государственного ополчения и был назначен командиром 4-й роты, но по делам службы оставлен в Ярославле (12). В 1850-х гг. служил дворянским заседателем в ярославской гражданской палате. Последние годы провел в бедности и умер в земской больнице (3, 4).

Знакомство с Некрасовым, вероятно, произошло в Петербурге в начале 1840-х гг. Оба активно сотрудничали с редакцией «Литературной газеты» и «Пантеона». Знакомы были с Н. А. Полевым, часто посещали его (5). В 1840 г. Некрасов пишет в целом благожелательный отзыв на перевод Ф. водевиля Ш. Бернара «Тигровая шкура» (1: 250-251). С этим водевилем связана реминисценция в стихотворении Некрасова «Портреты» (1843). В 1841 г. поэт пишет на этот раз отрицательную рецензию еще на один перевод Ф.: водевиля Габриеля (Ж.-Ж.-Г. Делорье) и Т.-Ф. Вильнева «Все для девочек и ничего для мальчиков» (1: 287). Водевиль, комедии, драмы Ф. «Билет пятиклассной лотереи» (1836), «Круговая порука» (1840), «Мельничиха в Марли» (1840), «Князь Серебряный» (1841), «Провинциальный братец» (1851), «Три рода воспитания» (1852) и др. с успехом шли на сценах петербургских театров. В Дехтеве Ф. организовал домашний театр. Некрасов мог посещать его и отразить свои впечатления в повести «Опытная женщина» (1841). Имеются сведения, что Ф. гостил в имении поэта Карабиха в 1863 г. (8). Известны два письма Ф. к Некрасову. В одном из них (1864) он предлагает поэту для издания свои пьесы (6). В другом (1867) просит его помочь материально (7).

1. ПСС, 11₁, 250-251, 287; 2. *Летопись*, I, II, III, по указ.; 3. *Лествицын В. И.* [Филимонов Николай Иванович. Некролог] // Ярославские губернские ведомости. Часть неофиц. 1870. № 9 (26 февр.); 4. *Трефолов Л. Н.* К биографии Н. И. Филимонова // Ярославские губернские ведомости. Часть неофиц. 1870. № 11 (12 марта); 5. *Дневник Н. А. Полевого* // Исторический вестник. 1888. № 3. С. 669, 673; 6. *Архив села Карабихи: Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову*. М., 1916. С. 220; 7. *Литературное наследство*. М., 1949. Т. 51—52. С. 540-541; 8. *Тарасов А. Ф.* Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1989. С. 43, 90—92; 9. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 467; 10. *Филимонов Николай Иванович. Энциклопедический словарь: В 86 т.: Изд. общ.* Ф. А. Брокгауз — И.А. Ефрон. СПб., 1902. Т. 35а. С. 748; 11. *Филимонов Ни-*

колай Иванович // Русский биографический словарь: В 20 т. М., 2001. Т. 15. С. 478; 12. Филимонов Николай Иванович // Биографический сборник Демидовского университета Ярославль, Рыбинск, 2008. С. 208—209; 13. РГАЛИ. Ф. 520 (Филимонов Николай Иванович). Оп. 1. (14 ед. хр., 1825—1856 гг.); 14. ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 2950 (Дело о дворянстве рода Филимонова, внесенного во 2-ю часть дворянской родословной книги). Л. 40.

Г. К.

ЦЕБРИКОВА Мария Константиновна (1835, Кронштадт — 20. 03 (02.04).1917) — критик-публицист, писательница, переводчица, общественная деятельница. В 1860—70-х гг. сотрудничала в «Отечественных записках», «Деле», «Вестнике Европы», «Русском богатстве», «Слове», «Воспитании и обучении» и др. журналах демократического направления. В 1876—1880 гг. издавала журнал «Детский сад» («Воспитание и обучение»). Одна из первых женщин-критиков. Дворянка. Дочь генерала-лейтенанта флота К. Р. Цебрикова, племянница декабриста, члена Северного общества Н. Р. Цебрикова. Характеризовала себя как «старую могоканшу 60-х годов» (8: 196).

Знакомство Ц. с Некрасовым состоялось в середине 1868. Она дебютировала в «Отечественных записках» со статьей «Наши бабушки (По поводу женских характеров в романе “Война и мир”» (подпись: *Николаева*). В автобиографии, написанной для С. А. Венгерова, Ц. упомянула, как она «понесла» свою статью «в “Отечественные записки” Некрасова и дала адрес приятельницы, отозвавшись, что не дает своего адреса, потому что дома жгли ее работы. Некрасов отечески-вразумительным тоном сказал: “А вы предъявите свои права”, — и, получив ответ: “Какие? Справлялась в X томе свода законов”, — не нашел, что возразить» (5: 109). В к. 1860—1870-х гг. в журнале печатаются ее статьи, рецензии и очерки, посвященные женскому вопросу и иностранной литературе, а также переводы с английского, французского и

немецкого (2; 3, по указ.). В 1875 г. ее переводы выходят в течение года в виде приложений к журналу. Личное общение с Некрасовым за время сотрудничества было непродолжительным: Ц. свидетельствует: «Некр<асова> я лично мало знала» (8: 196). Сохранилось 3 письма Ц. к Некрасову, по содержанию датированные концом 1873 г., осенью 1874 и 1870-ми гг. (4: 545—546). В первых двух Ц. обсуждает свои планы по журнальной работе на ближайшее время, в третьем просит поместить в журнале повесть Ковалевской (неизв.). Письма Некрасова к Ц. не сохранились. Из переписки Ц. явствует, что Некрасов ценил ее сотрудничество и отмечал ее дар публицистки и переводчицы.

Ц. выступила с некрологической статьей Некрасову (журн. «Воспитание и обучение», 1878, № 2, подп.: М. Артемьева) (9: 143—147). В ней она называет Некрасова «лучшим поэтом нашего времени» (там же). В письме к Н. К. Михайловскому Ц. обсуждает предполагавшуюся публикацию в Посмертном собрании сочинений поэта его т. н. «Муравьевской оды» (см.: ЛН, 53—54, 169—170), которую, как она убеждена, «для имени Некрасова лучше бы проходить скорбным молчанием» (8: 197). Рассуждая о личности Некрасова, Ц. утверждает, что в написании и прочтении оды им двигали неблагоприятные мотивы: «...он был далеко не апостол. И я думаю, что в стихотворении Мур<авьеву> играло немалую роль и опасение утратить блестящее и выгодное положение» (8: 196). Ц. спорит с высказанным Г. З. Елисеевым мнением, что Некрасов решился на этот шаг, чтобы спасти журнал, апеллируя к общему для мемуаристов замечанию о блестящем уме поэта: «Ч<елове>к с “громадным умом” понял бы, что существование новой идеи в России зависит от причин посложнее и поглубже смены режима эмансипации “муравьевщиной”» (8: 196).

1. ПСС, III, 442; XIII₁, 262, 309, 475, 527; XIII₂, 222, 223, 226, 593—595;
2. Летопись, III: по указ.; 3. Боград ОЗ, по указ.; 4. ЛН, 51—52, 545—547; т.

53—54, с. 163—191; 5. *Цебрикова М. К.* Автобиография / Публикация А. П. Могилянского // РЛ. 1971. № 1. С. 109; 6. *Цебрикова М. К.* Двадцатипятилетие женского вопроса. 1861—1886 / Публикация В. А. Мануйлова // Звезда. 1935. № 6. С. 190—208; 7. *Мостовская Н. Н.* Неизвестное письмо М. К. Цебриковой о Некрасове // Некр. сб., VII. С. 193—199; 8. *Подольская И. И.* Цебрикова Мария Константиновна // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. Стлб. 380; 9. *Кулиш Ж. В.* Об одном забытом некрологе // РЛ. 1972. № 4. С. 143—147; 10. *Теплинский М. В.* «Отечественные записки». 1868—1884. С. 216, 226; 11. *Ильин В. В.* М. К. Цебрикова на Смоленщине (по архивным материалам) // РЛ. 1978. № 4. С. 140—144; 12. *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2-х т.: по указ.; 13. *РО ИРЛИ.* Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 746. Л. 9—12 об.; Ф. 123. Оп. 2. № 517.

М. С.

ЧЕРНЫШЕВСКАЯ Ольга Сократовна (урожд. Васильева) (15. 03. 1833 – 11. 06. 1918) – жена *Н. Г. Чернышевского*. Род. В Саратове в семье врача С. Е. Васильева и А. К. Казачковской, дочери генерала 1812 г. К. Ф. Казачковского. Воспитывалась в Камышине в пансионе пастора Конради, откуда по его просьбе родителям пришлось ее забрать (11: 11). Дальнейшее образование получала дома. 29 апреля 1853 г. вышла замуж за Н. Г. Чернышевского, 13 мая уехала в Петербург. О. С. была прототипом многих героинь Чернышевского, их семейная жизнь отразилась в романах («Что делать?», «Пролог»).

Точная дата знакомства Ч. с Некрасовым неизвестна. Н. М. Чернышевская, внучка Ч., называет 1853 г., первое время после приезда Чернышевских в Петербург (4. 509). Состояться знакомство могло не раньше ноября 1853 г. – времени встречи Чернышевского с Некрасовым. По косвенным данным можно судить, что знакомство произошло не сразу. В письме к Ч. от 2 апреля

1882 г. Чернышевский вспоминал, что только в первое время после знакомства его с Некрасовым тот позволял себе разговоры на личные темы; «когда познакомился с тобою (Ч. — *Ред.*), мы с ним вели уж все только деловые разговоры» (7. XV: 351). Первое письменное свидетельство о знакомстве встречается в письме Чернышевского к Некрасову от 5 декабря 1856 г., в приписке к которому Чернышевский передает отзыв жены о новом сборнике: «Она, видите ли, в восторге от Ваших стихотворений» (7. XIV: 331). В № 3 «Современника» за 1857 г. вышел составленный Ч. алфавитный указатель к журналу за первое десятилетие издания (подписано: «Составила О. Ч.») (8: 317).

Н. М. Чернышевская пересказывала семейную легенду о том, что Ч. было посвящено стихотворение «Где твое личико смуглое...» (1. I: 183, 639), датированное Некрасовым 1855 г. (4. 509). (Впрочем, существует предположение, что стихотворение обращено к А. Я. Панаевой, также обладавшей смуглым лицом, — 1. I: 639). На свой счет принимала Ч. стихотворение о жене-щеголихе «Маша» (7, XV: 352). В альбоме, который Ч. вела с 1853 до 1861 г., есть недатированное дружеское стихотворение Некрасова «Знаком с Вами будучи лично...» (1. II: 42, 349; 4:509; 17). Еще один автограф Некрасова в альбоме Ч. относится к маю 1861 г.: «Обязуюсь написать Ольге Сократовне Чернышевской стихотворение ко дню ее ангела 11 июля, коего содержанием будут красоты природы в пределах Ярославской губернии. Ник. Некрасов» (1, II, 378-379). Свое обещание Некрасов исполнил, посвятив Ч. («О. С. <Черныше>вской») стихотворение «Крестьянские дети» в первой его публикации в № 10 «Времени» за 1961 г. В издании стихотворений 1861 г. посвящение было снято и с тех пор больше не печаталось.

После ареста мужа в июне 1862 г. Ч. уехала в Саратов. В последующие годы жила в Саратове, Петербурге, Нижнем Новгороде. В 1866 г. навещала мужа, отбывавшего каторжные работы в Кадаинском руднике. По возвращении оттуда за Ч. был установлен секретный надзор, на вторую поездку к Чернышевскому в 1868 г. полиция не дала разрешения.

После ареста Чернышевского Некрасов оказывал помощь Ч., оставшейся с детьми без средств к существованию. Несмотря на огромный долг Чернышевского «Современнику», Ч. много раз получала деньги от Некрасова, в качестве выплат за роман «Что делать?» и как необходимую на его взгляд помощь семье попавшего в беду сотрудника (1. XIII, 2: 206-208; XV, 2: 435). Осенью 1862 г. между Некрасовым и Ч. произошла размолвка. Е. Н. Пыпина в письме к Н. Д. и А. Е. Пыпиным от 5 ноября 1862 г. упоминала о письме Ч. к Чернышевскому, в котором она просила Н. Г. не иметь дела с Некрасовым. Такой отзыв Ч. вызван был, очевидно, поступком Чернышевского. После ареста он симитировал ссору с Некрасовым из-за несогласия в денежных вопросах, чтобы оградить Некрасова от подозрений в близости с ним (см. 7, XV: 793—794). В это время Некрасов обязуется каждый месяц выплачивать Ч. 150 руб. серебром из собственных денег (5: 306; 2, II: 326).

По свидетельству *Е. Н. Пыпиной*, важную роль в денежных отношениях между Ч. и Некрасова сыграл *М. А. Антонович*: он соглашался войти в новую редакцию «Современника» лишь при условии помощи Некрасова Чернышевскому и его семье (5: 302; 2, II: 322).

В 1876 г. Некрасов распорядился, чтобы *А. А. Буткевич*, получавшая по завещанию все авторские права на его сочинения, употребила часть средств от издания на семью Чернышевского (8. 49—50: 194).

Чернышевский вспоминал, что Некрасов ценил Ч. и что она во многом повлияла на его творчество: «Обожал тебя даже Некрасов, — да, и он, охладевший к людям, изуверившийся в них, был ободрен к своей поэтической новой деятельности впечатлением, какое производила на него ты». Чернышевский видел в Ч. прототип Саши из одноименной поэмы 1855 г., Катерины в «Коробейниках» и княгини Трубецкой (5, XV: 352, 701). Он находил, что во многом схожи судьбы Ч. и Некрасова: оба выросли в такой среде, где не могли получить хорошего образования. «А вышедши на свою волю, рассудили, что “вознаградить потерянное для образования время уж поздно”». Из этого

убеждения в них родилось презрение к педантам, которое делало невозможным стремление к образованию: «...он [Некрасов] почти ничему не учился до 15 лет, — и после того не учился. И ему тоже было обидно общество людей хорошо образованных...» (7. XV: 142).

В 1883 г. Ч. поселилась в Астрахани вместе с мужем, переведенным туда на поселение. В 1889 г. было получено разрешение вернуться в Саратов.

Летом 1915 г. В. Е. Евгеньев-Максимов посетил Ч. в Саратове и записал ее отзыв о Некрасове: «Сколько небылиц о нем сложили, сколько клевет распустили, а между тем он был простой и добрый человек <...> Много добра делал и простым литераторам, и студентам, и заметьте, не любил об этом говорить <...> С своей стороны могу сказать, что Некрасов оправдал и впоследствии доверие Николая Гавриловича: если бы не его помощь, как редактора-издателя “Современника”, мне бы с детьми после ссылки мужа буквально не на что жить было» (10: 136).

1. ПСС, I, 183, 639; II, 42, 349, 378—379; XIII (2), 206—208; XV (2), 435; 2. *Летопись*, II, по указ.; 3. *ЛН*, 49-50: 194; 4. *Зв.*, V, 509; 5. Н. Г. Чернышевский. 1828-1928. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928; 6. *Шестидесятые годы: Антонович М. А.* Воспоминания; *Елисейев Г. З.* Воспоминания. М., Л., 1933; 7. *Чернышевский XV*: 142, 352, 701; 8. *Чернышевская Н. М.* Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953. По указ.; 9. *Боград Совр.*, 317; 10. *Евгеньев В.* Памяти Н. Г. Чернышевского // *Жизнь для всех*. 1915, № 1, 135-136; 11. *Пыпина В. А.* Любовь в жизни Чернышевского. Пг., 1923: 11; 12. *Чешихин-Ветринский В. Е.* Н. Г. Чернышевский. Пг., 1923, 199-202; 13. *Евгеньев-Максимов В. Е.* Н. А. Некрасов и его современники. М., 1930; 14. *Чуковский К.* О стихах, которые нравились Чернышевскому // *30 дней*. 1931, № 1, 58-59; 15. *Чернышевская Н. М.* Семья Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1980; 16. *Паперно И.* Семиотика поведения:

Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996; 17. Альбом О. С. Чернышевской // РГАЛИ, Ф. №1 оп. № 2, е.х. № 117

С. К.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Николай Гаврилович (12. 07. 1828, Саратов — 17.10.1899, там же), экономист, философ, публицист, литературный критик, прозаик, писатель и публицист. Родился в семье протоиерея Гавриила Ивановича Чернышевского и Евгении Егоровны Чернышевской (в девичестве Голубевой).

В 1836 году Ч. поступает в Первое Саратовское духовное уездно-приходское училище, но по желанию отца учится дома, сдавая каждый год экзамены в училище. С 1842 г. учится в риторическом классе Саратовской духовной семинарии, в 1846 г. оставляет ее и отправляется в Петербург поступать в университет.

19 июня 1846 г. Ч. прибывает в Петербург. 14 августа его зачисляют на отделение общей словесности историко-филологического факультета Петербургского университета. Близким другом Ч. становится М. Л. Михайлов (впоследствии известный писатель и поэт, переводчик, сотрудник «Современника» и революционный деятель).

В 1846 г. в письме Ч. к родным 19. 10. 1846 впервые встречается имя Некрасова. Ч. рассказывает о переходе «Современника» к Некрасову, Панаеву и Никитенко и предполагает, что это должен стать «благородный по духу» журнал, сотрудниками которого будут все известные литераторы (11, XIV: 69). В годы учебы в университете Ч. дважды пытался опубликовать в журнале свои статьи (повесть «О воспитании» и переводную статью «История Фронды»), но ни одна из них не попала в «Современник». От посещения редакции у Ч. остались неприятные впечатления: принимал его Панаев, обещал поговорить с Некрасовым насчет статей, «обошелся, разумеется, без невеж-

ливостей, но так небрежно, что я не то что оскорбился, потому что особенно оскорбительного ничего не было, а ужасно как-то неприятно» (11, I: 289).

В университете Ч. работает под руководством профессоров Никитенко (курс общей теории словесности) и Срезневского (курс славянских древностей). Ч. составляет словари к летописям: Нестора (в 1848 г.), Ипатьевской (1853; в декабре напечатан в «Прибавлениях» к «Известиям Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности»). В 1853 г. Ч. пишет магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности». Вплоть до 1853 г. Ч. работает над изобретением вечного двигателя, который избавил бы людей от работы и всех «физических нужд», без чего он считает невозможным освобождение человечества от пороков и невежества (11, I: 282).

В июне 1850 г. Ч., сдав выпускные экзамены, едет в Саратов на должность старшего учителя русской словесности. В конце января 1853 г. Ч. знакомится со своей будущей женой – Ольгой Сократовной Васильевой. 29 апреля, через 10 дней после смерти матери Ч., состоялась свадьба. 13 мая семья приезжает в Петербург. 5.03.1854 г. рождается их первый сын Александр, 20.01.1857 г. — Виктор (ум. в 1860 г.), 7.11.1858 г. – Михаил.

В Петербурге Ч. устраивается преподавателем в военно-учебных корпусах, исправляет тексты по исторической грамматике, которые литографируются для рассылки по корпусам в качестве пособий.

В августе Ч. начинает сотрудничать в «Отечественных записках» Краевского, но, не имея статуса постоянного сотрудника, работы получает очень мало, так что денег не хватает на содержание семьи. Тогда он решает обратиться во второй из «двух тогдашних хороших журналов» (11, I: 714). Этот эпизод описан Ч. в «Воспоминаниях о Некрасове». Ч. просит работы у Панаева, с которым знакомится через одного из университетских друзей, и Панаев дает ему несколько книг для пробных рецензий. В ноябре 1853 г., придя к Панаеву узнать его мнение о рецензиях, Ч. впервые встречает Некрасова. В

эту первую встречу Ч., уже знакомый со стихами Некрасова и уважавший его творчество, был потрясен его болезненным видом и слабым голосом: «Меня поразило его увидеть таким больным, хилым <...> голос его был слабый шепот, еле слышный мне <...> ходит он медленными, слабыми шагами, опустившись всем станом, как дряхлый старик» (11, I: 716). Некрасов с сочувствием отнесся к положению начинающего журналиста, пожалев о том, что уже отдал другому нуждавшемуся последние свободные деньги. Понимая, что Ч. не может подолгу ждать денег за свою работу, Некрасов обещает давать ему ровно столько работы, сколько будет в состоянии оплатить; когда же будут получены деньги за подписку Ч. сможет работать так много, как будет успевать.

Некрасов тут же описывает Ч. состояние финансов журнала (огромный долг – по словам Ч., 25 000 рублей, расходы, едва окупающиеся годовой подпиской) и свои денежные с журналом отношения. Некрасов и Панаев берут деньги из кассы журнала, так как редакторам необходимо жить на широкую ногу, чтобы поддерживать знакомства с писателями, которые любят хорошие обеды и внимание со стороны редактора. Но Некрасов всегда аккуратно возвращает деньги, более того, расходует свои личные на нужды журнала.

Журнал, по словам Некрасова, держится исключительно на нем, а он долго не проживет. Поэтому Некрасов советует Ч. оставаться у Краевского, человека более надежного в финансовом отношении. Тот скоро потребует, чтобы Ч. сделал выбор между двумя журналами, но пока он должен работать и в «Современнике», чтобы авторитет его возрос в глазах Краевского.

Вскоре Краевский действительно предлагает Ч. постоянную и достаточную работу при условии, что тот оставит «Современник». Появляются слухи, будто Ч. пишет в «Отечественные записки» против «Современника», а в «Современник» против «Отечественных записок». Ч. снова просит совета у Некрасова. Тот напоминает ему о шаткости положения журнала, но прибав-

ляет, что ему хотелось бы, чтобы Ч. предпочел его. Ч выбрал «Современник» (11, I: 715-721).

О выборе между двумя журналами упоминает в своих мемуарах А. Ф. Раев, троюродный племянник Ч., в студенческие годы живший в одной с ним квартире. Ч., по его словам, так объяснял свой выбор: «В «Современнике» я нужнее, и с Некрасовым связан нравственными узами, а потому предпочту «Современник», тем более, что этот журнал лежит весь на мне, все почти книжки наполнены моими статьями <...> за которые мне приходится получать от пяти до шести тысяч в год...» (27: 131) Несомненно, что в данном случае в воспоминаниях Раева отразились более поздние факты и роль Ч. преувеличена.

С декабря 1853 г. Ч. печатается почти в каждом номере «Современника». В его ведение переходят отделы критики и библиографии (в 1857 г. их примет на себя Добролюбов). В 1854 г. «Отечественные записки» выступили с обвинениями «Современника» в непоследовательности оценок и суждений (основываясь на статьях Ч. о М. Авдееве, Е. Тур, А. Н. Островском), Ч. со страниц «Современника» отвечал первой своей программной статьей «Об искренности в критике» (1854, № 7). Последние статьи Ч. для «Отечественных записок» относятся к 1855 г. (№ 3).

Осенью 1853 г. Ч. готовится к сдаче магистерских экзаменов. Из-за различных проволочек их удается сдать только к марту 1854 г. 10 мая 1855 г. он защищает свою диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», в которой провозглашает превосходство жизни над искусством, сведя роль искусства к воспроизведению, объяснению или критике жизни. В студенческой среде диссертацию приняли с восторгом. В кругу писателей-сотрудников «Современника» эстетические взгляды Ч. вызвали ярость. Тургенев в письмах к Панаеву (10(22).07.1855), Некрасову, Боткину, Дружинину и Григоровичу называет работу Ч. «гносной мертвечиной» и «порождением злобной тупости и слепости» и обещает «преследовать, пре-

зирать и уничтожать» ее автора «всеми дозволенными и в особенности недозволенными средствами» (16, III: 42-43). В опубликованной Ч. в №6 «С-ка» авторецензии на диссертацию (с подписью «Н. П-ъ», из-за чего автором ее сочли А. Н. Пыпина) Тургенев видел «гибельную» смену направления журнала (17, I: 153). В том же духе высказывается о влиянии Ч. на журнал и Дружинин (2, II: 55). «Мертвенность» теории Ч. станет общим местом в отношении к нему, и сам Некрасов, оценивая в письме к Тургеневу влияние Ч. на «Современник», будет писать, что он «обмертвил» журнал (1, XIV₂: 87).

Враждебность литераторов начинает проявляться публично. В №9 за 1855 г. «Библиотеки для чтения» появляется повесть Григоровича «Школа гостеприимства», где Ч. был выведен под фамилией Чернушина (впоследствии Григорович очень сожалел об этом). В письме к Боткину Некрасов осуждает за это автора: «Повесть Григоровича в «Библиотеке для чтения», - просто прелесть <...> Жаль только, что он вывел Ч., даже почти не изменив фамилии. Писателю с талантом, с именем, которого деятельность доньше была так благородна, - не след пускаться в такие пакости <...> А между тем - я в сию минуту убежден в этом - Ч. *честный* и *хороший* человек. У меня есть на это факты. А что он пишет иногда глупость - кто же этого иногда не делает? Только его глупости виднее, ибо принадлежат к области критики» (1, XIV₂: 227).

В письме от 19.04.1856 г. Боткин предлагает Некрасову заменить Ч. Аполлоном Григорьевым, который в то время оказался свободен из-за прекращения «Москвитянина». Некрасов отказывается.

В 1855 г. Некрасов пытался помочь Ч. устроиться на службу. Об этом Ч. говорит в письме родным 22 августа: «Некрасов приехал и начал заботиться о приискании для меня места в департаменте уделов или по военному министерству» (11, XIV: 306). Результаты стараний Некрасова неизвестны.

В августе 1856 г. студент Н. А. Добролюбов передает Ч. тетрадь со своей статьей «Собеседник любителей русского слова». Ч. одобряет статью.

С 1857 г. Добролюбов становится сотрудником журнала и близким другом Некрасова, в августе 1858 г. переезжает в его дом.

В день выхода первых статей Добролюбова в «Современнике» (11.08.1856) Некрасов уезжает за границу. Незадолго до его отъезда создается так называемое «Обязательное соглашение» редакции «Современника» с Григоровичем, Тургеневым, Толстым и Островским. Литераторы обязывались в течение 4 лет (с 1-го января 1857 г.) не печатать свои произведения в других журналах, кроме «Современника».

Ч. принимал участие в составлении текста этого соглашения. Сохранившийся черновик объявления об издании «Современника» на 1857 г. написан, кроме первых 5 строк (отчеркнуты; на полях рукой Панаева написано: «Н.»), рукой Ч., а последняя треть статьи - особой стенограммой, которую изобрел и использовал Ч. Однако степень участия Ч. в составлении статьи оценить сложно. А. А. Демченко полагает, что Ч. было продиктовано начало текста, изложены основные мысли и поручено их развитие (6, XIII: 121-125), аргументируя это тем, что в рукописи очень много исправлений, что исключает вариант переписывания уже готового текста.

И. И. Панаев в двух письмах к Островскому (от 30.08 и 7.09 1856 г.) говорит, что составлением объявления занимались Некрасов и Тургенев. Но Тургенев составлял текст проекта договора, а как видно по его пометке на полях, Панаев читал текст объявления и вряд ли мог не узнать почерк своего сотрудника; кроме того, Тургенев задолго до написания объявления (21 июня) уехал за границу; наконец, в тексте объявления, в части, написанной не Некрасовым, «Записки охотника» названы «Рассказами охотника», а Тургенев вряд ли мог ошибиться в названии своего произведения. А. А. Демченко считает эту ошибку показательной: участие Ч., не уделявшего развитию отдела беллетристики особенного внимания и настаивавшего на увеличении количества статей общественно-политического и экономического характера, в составлении проекта было пассивным (6, 13: 121-123).

«Соглашение» наделяло литераторов весьма значительными правами. Им присваивался статус «участников», который отличал их от сотрудников журнала, и выплачивались особые дивиденды. Редакция оставляла за собой право отказаться печатать статью, но в случае единогласного настояния участников статья должна была быть напечатана. Принятие нового литератора в состав участников осуществлялось только с согласия остальных. Во всех вопросах их согласное мнение было сильнее мнения редактора.

Уезжая за границу, Некрасов, тем не менее, поручает ведение журнала не участникам соглашения, а Ч.: «...Чтоб ни одна статья в журнале не появлялась без Вашего согласия, выраженного надписью на корректуре или оригинале» (1, XIV₂: 28). Согласно составленным с Ч. условиям сотрудничества он должен был писать статьи для отделов библиографии, критики и наук, смеси, иностранные известия и заметки о журналах, читать вторые корректуры всего журнала и участвовать в редакции и заготовлении материалов. Ему полагалось отдельное (помимо расчета за статьи) жалованье в 3000 рублей серебром в год (1, XIII₂: 240-241).

В письмах из-за границы Некрасов высоко оценивает качества поставившего основную часть материала для «Современника» Ч. как журналиста. В ноябре 1856 г. он пишет Тургеневу: «Ч. просто молодец, помяните мое слово, что это будущий русский журналист, почище меня, грешного...» (1, XIV₂: 39) В письме от конца сентября 1858 г. Некрасов сообщает Тургеневу, что «журнал наш идет относительно подписки отлично... Думаю, что многом в этом "Современник" обязан Ч.» (1, XIV₂: 115).

Предпочтение, оказанное в этом случае Ч., участники соглашения восприняли как оскорбление. В октябре 1856 года Дружинин начинает склонять литераторов к вытеснению Ч. из журнала. Участие Ч. в «Современнике» он считает пятном на репутации писателей и призывает их вернуть себе контроль над журналом: «Ответственность за это безобразие падает на Вас, и станут говорить, что Тургенев и Толстой, наиболее поэтические из наших

писателей, и поэт Некрасов терпят в своем журнале отрицание поэзии...» (2, II: 55; см. также 2, II: 54).

В октябре 1856 г. выходит сборник «Стихотворения Некрасова». По просьбе Некрасова Ч. собирается писать для «Библиотеки для чтения» статью о сборнике. Однако Дружинин отказался печатать в своем журнале статью, и она так и не была написана. В №11 «Современника» Ч. публикует заметку «Стихотворения Н. Некрасова». В ней был приведен список всех стихотворений, вошедших в сборник, и перепечатаны стихи «Поэт и гражданин», «Забытая деревня», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского». Вследствие этой публикации с должности цензора был отстранен лояльный к журналу Бекетов, а по предписанию министра народного просвещения А. С. Норова была запрещена публикация статей о сборнике, его переиздание или перепечатка выписок из вышедшей статьи. Первое время по получении новостей из Петербурга Некрасов обвиняет в случившемся Панаева и считает его автором статьи. Реакция Некрасова после того, как выяснилось настоящее авторство, неизвестна. В ответе на несохранившееся письмо Некрасова Ч. пишет: «Как вижу из Вашего письма, я не лишился Вашей доверенности после истории с Вашими стихотворениями, - а я думал, что лишился, - отчасти и поэтому был слаб. Теперь я стал деятельнее» (11, I: 338).

За время отсутствия Некрасова направление «Современника» во многом изменилось. Он не был доволен этими изменениями: «...Ч. малый дельный и полезный, но крайне односторонний, - что-то вроде если не ненависти, то презрения питает он к легкой литературе и успел в течение года наложить на журнал печать однообразия и односторонности. Бездна выходит книг, книжонок, новых журналов, спекулирующих на публику, - обо всем этом не говорится в журнале ни слова! Не думаю, чтоб это было хорошо» (1, XIV₂: 87). Некрасов обвинял Ч. в отсутствии вкуса: «Ч. собственного носу лишен, что видно из глупейшего приговора, который сделал он рассказам об охоте на Кавказе – *Н. Толстого*» (1, XIV₂: 68). Нужно учитывать, что адресат этих

писем – Тургенев, настроенный к Ч. враждебно, что могло повлиять на тон Некрасова. Тем не менее в конце декабря 1860 г. Некрасов просит Добролюбова взять на себя в будущем году редакцию «Современника»: «Ч. к этому не способен, я располагаю большую часть года жить в деревне» (1, XIV₂: 147).

В феврале 1857 г. Ч. предлагает Некрасову программу реорганизации журнала. Ч. видит успех «Современника» в утверждении серьезного, научного духа. Достичь этого он предлагает, во-первых, очистив журнал от «балласта»: не печатать посредственных повестей и рецензий, сократить отдел «Смеси», содержащий по своей природе множество незначительных статей, исключить парижские новости, моды и отрывки из иностранных журналов, т. к. «все это никому нынче уже не нужно» (11, XIV: 337). С другой стороны, нужно увеличить количество оригинальных (непереводных) научных статей и существенно сократить библиографический отдел: «...Писать только или о книгах, производящих эффект, или о таких, которые дают случай написать что-нибудь заслуживающее прочтения <...> беллетристическая сторона библиографии была до сих пор главное; теперь нужно отстранить ее на второй план и более писать о серьезных книгах живого содержания» (там же).

Ч. пишет обширные литературные обзоры: «Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения» (Пб., 1856), «Очерки гоголевского периода русской литературы» - серию из 9 статей («Современник», №12 за 1855 г., №№ 1, 2, 4, 7, 9-12 за 1856 г.). О статье четвертой, где речь шла о Белинском, Некрасов просил Бекетова, чтобы он не вычеркивал из текста имени Белинского, доказывая, что положительные отзывы о нем уже не раз появлялись в печати (с разрешения того же Бекетова – в статье четвертой «Сочинений А. С. Пушкина» Ч. – С, 1855, №8;). Ради этой публикации Некрасов готов пожертвовать своими стихотворениями («...Лучше запретите мою «Княгиню», запретите десять моих стихотворений кряду, даю честное слово: жаловаться не стану даже про себя») (1, XIV₂: 13, 194). Появляются статьи на историко-политические и экономические темы: «Лессинг, его время, его жизнь и дея-

тельность» («С-к», 1856, №№10-12, 1857, №№1, 3, 4, 6); «Кавеньяк» (1858, №№1, 3); «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858, №№8-9); «Тюрго» (1858, №9). С 1858 г. появляются публикации на общественно-политические темы: «О новых условиях сельского быта» (1858, №№2, 4); «Откупная система» (1858, №10); «Экономическая деятельность и законодательство» (1859, №2); «Возвращение Милоша Обреновича в Сербию» (1859, №3); «Вопрос о свободе журналистики во Франции» (1859, №10). В 1859 г. появляется особый отдел «Устройство быта помещичьих крестьян» (статьи Ч. в №№1, 10,11). С 1859 г. «Современник» получает разрешение вести отдел «Политика», который полностью переходит в ведение Ч.

Укрепление в редакции позиций Ч. и Добролюбова привело к расколу редакции журнала на два лагеря: старых сотрудников, настроенных либерально и «сторонников чистого искусства», и «молодых» (помимо Ч. и Добролюбова, молодые сотрудники Г. З. Елисеев, М. А. Антонович, Ю. Г. Жуковский). В феврале 1858 г. «Обязательное соглашение» было расторгнуто (см. письмо Некрасова к Л. Н. Толстому от 22.02.1858, (1, XIV₂: 104-105). В том же году в № 6 «Современника» появляется статья Ч. «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии. Сочинение американского писателя Натаниэля Готорна». В качестве примера неоправданного искажения истины в художественном произведении Ч. приводит повесть «Рудин»: ее герой – «человек серьезный» - был превращен автором в карикатуру из страха, что его могут осудить «люди <...> рассудительные, умеющие так хорошо упрочивать свое состояние». «Человек, который так расстроил свои семейные отношения, что остался безо всего при существовании значительного родового имени, который занимал деньги у богатых приятелей, чтобы раздавать их бедным приятелям <...> не может считаться серьезным по суду <...> благо-разумных советников» (11, XII: 449).

Тургенев был оскорблен. В письме к Анненкову от 30.09 (12.10) он пересказывает эту статью: «...г. Добролюбов (Тургенев считал, что автор статьи - Добролюбов – С. К.) обвиняет меня, что я преднамеренно из Рудина сделал карикатуру, для того чтобы понравиться моим *богатым* литературным друзьям, в глазах которых всякий бедняк мерзавец. Это уже слишком – и быть участником в подобном журнале уже не приходится порядочному человеку»). Принято считать, что Тургенев при этом искажает идею Ч., относя на свой счет замечания Ч. о Рудине (11, VII: 1025; 17, I: 527). Однако, как кажется, поводов к такому заключению нет.

В то же время Добролюбов пишет статью «Когда же придет настоящий день?» (впервые опубликовано под названием "Новая повесть г. Тургенева"). В ней он недостаточно учтиво отзывается о таланте Тургенева (не «титанический», а мягкий и умеренный) и говорит о содержащемся в романе призыве к революции. Тургенев, узнавший о статье от цензора Бекетова (22: 275, 432), боялся появления в печати такого отзыва: «*Убедительно тебя прошу, милый Некрасов, не печатать этой статьи*: она кроме неприятностей ничего мне наделать не может, она несправедлива и резка – я не буду знать, куда деться, если она напечатается» (13, I: 142). А. Я. Панаева подробно описывает долгие колебания Некрасова. По ее словам, он считал Тургенева неправым и безрезультатно пытался помирить литераторов, склонив к уступке одного из них. В №3 «Современника» за 1860 г. статья Добролюбова, сильно урезанная цензурой, была напечатана.

Ч. объявил об окончательном разрыве журнала с Тургеневым в статье «Полемические красоты» в №7 «С-ка»: «Наш образ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что он перестал одобрять его. Нам стало казаться, что последние повести г. Тургенева не так близко соответствуют нашему взгляду на вещи, как прежде, когда и его направление не было так ясно для нас, да и наши взгляды не были так ясны для него. Мы разошлись» (11, VII: 713).

Сложно сказать, печатались ли статьи Ч. и Добролюбова с ведома и разрешения Некрасова (В 1988 г., когда В. М. Лавров предложил Ч. сотрудничать в «Русской мысли», Ч. писал Лаврову, что он не «такой сотрудник, как другие», и что никто, кроме цензора, не должен иметь права судить его статьи и распоряжаться ими (11, XV: 801-802). В то же время М. А. Антонович утверждал, что Некрасов «прочитывал в корректуре все статьи не только крупные и серьезные, но и всякие мелкие заметки, рецензии» (24: 214-215).) Факт публикации был воспринят как выбор Некрасова в пользу молодых сотрудников. По этому поводу Некрасов пишет Тургеневу: «Не могу думать, чтоб ты сердился *на меня* за то, что в «Современнике» появлялись вещи, которые могли тебе не нравиться <...> Но ты мог рассердиться за приятелей и, может быть, иногда за принцип – и это чувство, скажу откровенно, могло быть несколько поддержано и усилено иными из друзей, - что ж, ты, может быть, и прав. Но я тут не виноват; поставь себя на мое место, ты увидишь, что с такими людьми, как Ч. и Добролюбов (людьми честными и самостоятельными, что бы ты ни думал и как бы сами они иногда не промахивались), - сам бы ты так же действовал, т.е. давал бы им свободу высказываться на их собственный страх» (17, I: 144). По тону первой части письма сложно судить, пытается ли Некрасов снять с себя всякую ответственность за действия молодых сотрудников или оправдывает их. Некрасов подчеркивает, что этим письмом он надеется наладить только личные, дружеские отношения с Тургеневым: «Прошу тебя думать, что я в сию минуту хлопочу не о «Современнике» и не из желания достать для него твою повесть – это как ты хочешь, - я хочу некоторого света относительно самого себя. И повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе» (там же).

С декабря 1860 г. прибыль от издания журнала делится поровну между Некрасовым, Панаевым, Ч. и Добролюбовым. На этом настоял Ч. в связи с тем, что больной Добролюбов должен был ехать за границу и нуждался для этого в деньгах (11, XIV: 397-398). В 1860 г. Ч. писал Добролюбову, что

Некрасов, как человек умный и видящий «все насквозь», признавал естественность и необходимость этого шага. Их беседа велась «самым ласковым тоном» (11, XIV: 419). Однако в действительности дело, вероятно, обстояло иначе. Вспоминая об этом эпизоде позднее, Ч. называл его единственной размолвкой с Некрасовым и, видимо, ощущал свою вину («Я часто был виноват перед ним» (11, XV: 143)). Некрасов всегда обращался с ним благороднее, нежели он с ним. Разговор с Некрасовым он описывал как долгий и очень тяжелый. Ч., признавая свою неправоту, стоял на своем – ради интересов Добролюбова, Некрасов также не хотел уступать – ради интересов «постороннего спору, беззащитного при покинутости Некрасовым, беспомощного и безответного Панаева» (11, I: 722). Некрасов «разумеется, уступил» (11, XV: 143).

Ч. и Некрасов выступали на похоронах Добролюбова (1, XIII₂: 344-345, 681-682; 11, VII: 849-854; 27: 380-381). В донесении об этом в жандармское отделение говорилось, что цель их заключалась была в том, «чтобы все считали Добролюбова жертвою правительственных распоряжений и чтобы его выставляли как мученика, убитого нравственно, одним словом, что правительство уморило его» (2, II: 278).

Со смертью Добролюбова связан и другой эпизод в отношениях Некрасова и Ч. Сохранились замечания Н. на корректуре статьи Ч. «В изъявление признательности. Письмо г. З-ну». Эта статья была откликом на опубликованную в №№1, 2 «Библиотеки для чтения» статью Е. Ф. Зарина, в первой части которой он неуважительно отзывается о Добролюбове, характеризуя его как бездарного и бесчувственного последователя своего талантливой учителя Ч. Ч. счел нужным публично опровергнуть это заявление. В своем ответе он утверждал собственную неполноценность перед Добролюбовым. Некрасов заметил, что упоминания о Тургеневе, Анненкове, Боткине и Толстом выглядели, как будто Ч. кадит «мертвому с намерением задеть кадилом живых», а воспоминания о приходе Добролюбова и самого Ч. в журнал – как

если бы они испытывали притеснения со стороны редакции. Некрасов просил быть деликатнее и высказывал мнение, что в статье слишком энергичное самоуничтожение Ч. оборачивалось похвальбой, что неуместно при подобной теме. Опубликованный вариант был исправлен Ч.

Это единственное сохранившееся свидетельство вмешательства Некрасова в деятельность Ч. К тому времени «Современник» давно воспринимался как «кафедра» Ч. (27: 238). Сам он вспоминал, что после смерти Добролюбова в 1861 г. стал таким же «хозяином» журнала, как и Некрасов, и приобрел «в распоряжении денежными делами “Современника” точно такой же голос, как и г. Некрасов» (11, XIV: 445). М. А. Антонович, говоря о Некрасове как о «властном президенте редакции», признавал, что «при Ч. и Добролюбове он не считал себя в праве удерживать первенство в редакции и не признавал себя столь компетентным и опытным, как они, и потому, вероятно, соглашался и с теми их мнениями, которых он, может быть, и не разделял» (24:214).

Ч. не считал себя близким другом Некрасова. Их разговоры были исключительно деловыми. Чтобы от журнальных дел перейти к «душевному излиянию» и «ощущениям, рвущимся из души в сердце собеседника», нужно было время, а Ч. всегда спешил вернуться к работе (11, XV: 353). В «Воспоминаниях об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым» Ч. пишет, что в начале знакомства Некрасов хотел стать его «приятелем» и был откровенен, «но скоро <...> бросил это». Ч. объяснял это, во-первых, своей замкнутостью (у человека, не получающего в ответ на свои откровения взаимных откровений, естественно должно пропасть желание откровенничать), во-вторых, своей рассеянностью и бестактностью: «Я перестал казаться Некрасову человеком, с которым удобно говорить откровенно о делах, не представлявшихся ему заслуживающими серьезного симпатичного внимания. Я мог своими замечаниями на его рассказы шокировать его». Ч. вспоминает, как однажды во время рассказа Некрасова о тяжелом финансовом положении «Современника», задумав-

шись, похвалил бронзовую статуэтку кабана, чем оскорбил Некрасова, воспринявшего это замечание как намек на излишнюю расточительность. (11, I: 730).

Несмотря на это Ч. принимал участие в домашних делах Некрасова, был постоянным его гостем и первым советником в журнальных делах. В квартире Некрасова Ч. выполнял срочные работы, если не было времени идти с ними домой, помогал принимать гостей, развлекая тех, кому не успевал уделить внимания хозяин (11, XV: 143). По воспоминаниям Н. Д. Новицкого, своим человеком был и Некрасов в доме Ч.: редко появляясь на официальных приемных вечерах, Некрасов часто бывал у Ч. по утрам (27: 166-167, 173).

Вместе с Некрасовым, Тургеневым, Дружининым, Анненковым, Краевским, Никитенко и др. Ч. участвовал в организации Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда). Первое собрание фонда состоялось 8.11.1859 г.

Ч. был в дружеских отношениях с А. Я. Панаевой. В своих «Воспоминаниях» она говорит о Ч. с большой симпатией. Панаева, по воспоминаниям О. С. Чернышевской, была «свой человек» для Чернышевских, она стала крестной сына Ч. Михаила. После ареста Ч. отношения с ней возобновились в 1888 г.: Михаил Чернышевский виделся с ней по поручению отца в октябре 1888 г., началась переписка. Ч. хлопотал об издании ее «Воспоминаний» и собрания сочинений.

В истории отношений А. Я. и Некрасова Ч. выступал «защитником женщины». Он осуждал Некрасова и считал, что Панаева «была безусловно права и перед мужем и относительно Некрасова» (11, XV: 143-144). В судьбе А. Я. Ч. видел воплощение его представлений о правах и возможностях женщины. Свое сострадание к женщине вообще, чья репутация вынуждена зависеть от «формальности обряда в церкви», Ч. старался дать понять и ей, и Некрасову. В письме к А. Н. Пышину Ч. вспоминает, как однажды во время чая поцеловал руку Панаевой, стремясь этим жестом «дать урок» всему об-

ществу в лице Некрасова (это произошло сразу после возвращения Некрасова к А. Я. после разрыва). Ч. переживал потом, что этот знак мог быть воспринят как «лакейство»: Ч. еще был в тяжелом материальном положении и вынужден был постоянно прибегать к помощи Некрасова. Но с тех пор он взял за правило всегда целовать руку у Панаевой (11, XV: 143-146). О. С. Чернышевская вспоминала, что отношение Некрасова к Панаевой было единственным, в чем Ч. упрекал поэта (30: 136).

В известном деле об огаревских деньгах Ч. принимал участие на стороне Некрасова. Он был хорошо осведомлен о ходе этого дела, которое старались не разглашать. Об этом свидетельствует его письмо к Добролюбову 28.11/10.12.1860 г., где рассказывается, как Некрасов заставил Шаншиева подписать мировую. Есть упоминания об этом процессе в «Воспоминаниях об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым» Ч. кратко пересказывает суть дела, полностью оправдывает Некрасова и упрекает Герцена в том, что тот, будучи «всемогущим над мнениями массы людей с обыкновенными либеральными тенденциями», выносит строгие обвинения в адрес Некрасова, не «ознакомившись с фактами» (11, XIV: 734). Видимо, Ч. участвовал в возвращении Панаевой денег. П. В. Анненков в письме к Тургеневу 29.12.1860(10.01.1861) сообщает: «Авдотья точно отдала имение (старое Огаревское) и приплатила денег точно <...> Милее всего, что Ч., когда она отдавала назад кусок за куском из похищенного брашна – подбирал их, приносил на рассмотрение Сатину, старался подменить их еще ложными бумажными фигурками и проч. Он очень много должен деньгами Некрасову (7000 р., по словам последнего), но на такую службу никто не считал его способным...» (18: 95). Других свидетельств о действиях Ч. и о мошенничестве его в пользу Некрасова нет.

Впоследствии на допросах Ч. ссылался на это дело с целью опровергнуть обвинение в сношениях с изгнанниками Герценом и Огаревым. В письме к Александру III от 20.11.1862 г. Ч. говорит: «Всему петербургскому об-

ществу, интересующемуся литературою, известна та неприязнь между мною и ими; известны так же и причины ее <...> первая заключается в денежной тяжбе, которую имел Огарев с одним из знакомых мне лиц. Он выиграл ее; но в многочисленных разговорах, которые она возбуждала в обществе, я громко порицал действия Герцена и Огарева по этому делу» (11, XIV: 461). На допросе 30 октября 1862 г. и в письме к А. А. Суворову от 20.11.1862 Ч. категорически отказывается от участия в этом деле: «...По делу г. Огарева с г-жею Панаевой я не имел ни с Огаревым, ни с Герценом никаких сношений» (там же, 723); «В письме к его величеству упоминаю я о тяжбе Огарева с “одним из знакомых мне лиц”; это лицо – г-жа Панаева. Тяжба кончилась ода два тому назад. Я не имею к ней никакого отношения» (там же, 464).

Отголоски этого дела отразилось в истории конфликта между «С-ком» и «Колоколом». В 1859 г. в 44 выпуске «Колокола» появляется статья Герцена «Very dangerous!». В ней были агрессивные нападки на «Современник» за его критические высказывания об обличительной литературе (статьи Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года» и «Письма из провинции», политические обозрения Ч. за март и апрель 1859 г. с рассуждениями судьбе итальянского либерала Поэрио и ответ на возмущенные отзывы по этому поводу в статье «Г. Чичерин как публицист»), обвинения журнала в сотрудничестве с правительством. Некрасов был расстроен и встревожен таким заявлением и стремился как можно скорее его разрешить. Сам Некрасов ехать в Лондон не решился, вероятнее всего, помня неудачную попытку в 1857 г. добиться встречи с Герценом для объяснения с ним по «огаревскому делу». 17 июня в Лондон отправляется Ч. Поездку свою он сохраняет в строжайшей тайне, объявляя, что едет в Париж навестить своего тяжело заболевшего двоюродного брата А. Н. Пыпина (3, 67: 124-126). О самом свидании известно крайне мало, почти ничего. В Лондоне Ч. проводит 5 дней. «Оставаться здесь долее было бы с к у ч н о. Разумеется, я ездил не понапрасну, но если б знал, что это дело так скучно, не взялся бы за него», - писал он Добролюбову,

называя Герцена «Кавелиным в квадрате» (11, XIV: 379). В 49-м листке «Колокола» появляется формальное объяснение: «Нам бы чрезвычайно было больно, если бы ирония, употребленная нами, была принята за оскорбительный намек» (12: 174).

Это столкновение не было результатом неправильного понимания Герценом идей, высказывавшихся в «Современнике». Это было принципиальное расхождение во взглядах на журналистику и литературу. Ч. ставил в вину Герцену именно то, что было частью программы «Колокола». Герцен надеялся, что обличительная литература раскроет глаза императору, и тот станет на сторону обличителей и совершит все необходимые для русского общества реформы. Ч., на примере Поэрио, давал понять, что считает такой союз невозможным: если «обманщик» (Фердинанд II), находясь в опасном положении, призовет на помощь «честных людей» (Поэрио), а встав на твердую почву, жестоко накажет их, то вина за это будет всецело на них, доверившихся «обманщику» (11, V: 644). Поэтому, не отказываясь от идеи обличения в принципе, Ч. требовал от Герцена выдвижения определенной политической программы, целям которой и должна была бы служить обличительная литература. В противном случае деятельность Герцена становилась выгодной для правительства: «...эти обличения дают ему возможность держать своих агентов в уезде в несколько приличном виде, оставляя в то же время государственный строй неприкосновенным...» (27: 334). Естественно, что беседа с Герценом оказалась для Ч. «скучной»: то, что защищал тот, считая своевременным, было для Ч. пройденным этапом, и к тому же неудачным.

Однако впоследствии, видимо, Ч. изменил свою точку зрения на эту историю. В конце 1883 г. он упоминает о ней (не называя имени Герцена и вообще весьма туманно) в письме к А. Н. Пыпину как о единственном в его жизни неприятном столкновении с литераторами той эпохи. Причем в столкновении этом он сам был лицом посторонним, а участвовал в нем Добролюбов. Ч. ездил к Герцену с «выговором», однако теперь он перестал «винить

этого человека за этот его поступок» и считает неправым Добролюбова, доверившего «этому человеку больше, чем следовало» (11, XV: 432).

На обвинения в адрес «Современника» повлияла, видимо, личная неприязнь Герцена к Некрасову. После огаревского дела он смотрел на Некрасова как на дельца и человека беспринципного. Очевидно, такая репутация издателя «Современника» и позволила Герцену обвинять журнал в продажности и чуть ли не в подкупе «цензурным триумvirатом» - созданном в 1859 г. комитетом по делам книгопечатания. (Подробнее об этом – Б. П. Козьмин. Выступление Герцена против «Современника» в 1859 г.».)

Ч. предотвратил третейский суд, которого потребовал Н. Успенский после знаменитого конфликта с Некрасовым из-за расчета за издание своих «Рассказов». Ч. отказался устраивать суд до публичного извинения Успенского за нанесенное ему накануне оскорбление и настаивал на мирном разбирательстве через посредника. Дело было улажено через брата Успенского М. В. Успенского (11, XIV: 445-446, 830; 5, III-IV: 583).

Принято считать, что Ч. в последние годы перед арестом принимал активное участие в деятельности революционных организаций. В 1861-62 гг. он был связан с кружками петербургских студентов (Е. П. Михаэлис, Ф. Дозе, Н. И. Утин, В. И. Бакст и др.), офицерскими кружками Н. Н. Обручева и П. Л. Лаврова. Ч. принадлежит прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». А. А. Слепцов утверждает, что Ч. так же был автором «Письма из провинции» «Русского человека», опубликованного в «Колоколе», № 64 от 1.03.1860. (Б. Козьмин в статье «Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену?» (3, 25-26: 576-585) доказывает безосновательность этого мнения.)

В конце июня П. Ветошников должен был приехать в Россию и привезти с собой письма Бакунина, Герцена и Огарева. 27 июня он был арестован. Среди прочего у него нашли письмо Герцена и Огарева к Н. А. Серно-Соловьевичу. В нем упоминалось имя Ч.: «Мы готовы издавать «Современ-

ник» здесь с Ч. или в Женеве. Печатать объявление об этом? Как вы думаете?» (14, XVII, 1: 244, XVII, 2: 707-708) 7 июля 1862 г. Ч. был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. 13 июля 1862 г. на 8 месяцев был приостановлен «Современник».

Следствие велось изнурительно долго: не могли подобрать необходимые для обвинения факты. В итоге 4 мая 1864 г. Ч. был объявлен приговор: 7 лет каторги и дальнейшее пожизненное поселение в Сибири.

Несмотря на значительный долг Ч. «Современнику», после его ареста Некрасов поддерживал его семью, точно так же, как и семью Добролюбова после его смерти. В 1865 г. Некрасов в переговорах с П. А. Плетневым по поводу ренты за «Современник» просит оставить стоимость ренты прежней в связи шатким положением журнала, уменьшившейся подпиской и утратой ведущих сотрудников и помощью их семьям (2, II: 435). О. С. Чернышевская позднее говорила, что «если бы не его помощь, как редактора-издателя «Современника», мне бы с детьми после ссылки мужа буквально не на что жить было» (30: 136).

К первым месяцам ареста Ч. относится достаточно странный эпизод его отношений с Некрасовым. В одном из писем к К. Т. Солдатенкову от конца 1888 г. Ч. рассказывал о своем уважении и благодарности Некрасову. Всеми своими заслугами перед Россией он считает себя обязанным Некрасову, давшему ему возможность писать то, что он считал нужным. Некрасов был великодушен и в денежных делах: помимо огромных выплат из кассы «Современника» отдавал Ч. и собственные свои деньги, часто делился «последней сотней рублей» и не вел счета этим деньгам. Но однажды, «когда пришел такой случай», Ч. пришлось в письмах к своим родным назвать Некрасова подлецом и потребовать, чтобы они показали ему эти письма. Некрасов отвечал на это, «что всегда знал меня за мерзавца, но такой гнусной мерзости не ожидал даже и от такого мерзавца. Он понимал, в чем дело». Со временем, когда стало можно раскрыть смысл этой истории перед родственниками, Некрасов

сказал, что не ожидал от любви Ч. такого тяжелого ее проявления. Ч. нелегко было пойти на то, чтобы возбудить против себя общественность, «но – что нужно было, то я делал» (11, XV: 793-794). Очевидно, что речь шла о некой мистификации Ч., предпринятой ради отклонения возможных обвинений в адрес «Современника» или самого Некрасова.

Мысли об устранении собственной фигуры от журнала ради его спасения была у Ч. еще до ареста. После известия о приостановке «Современника» он писал Некрасову: «В августе будет видно, поможет ли возобновлению журнала то, если я совершенно прекращу всякие отношения к нему, - вероятно, нет, потому что этим уверениям не поверили бы. Но время еще терпит, и мы увидим, как и что надобно будет делать для пользы «Совр.», если будет казаться, что чем-нибудь можно будет поправить дело журнала» (11, XIV: 455).

Косвенные свидетельства как будто подтверждают мистификацию. Е. Н. Пыпина, двоюродная сестра Ч., регулярно писала родным петербургские новости о судьбе брата. В них есть свидетельства о недовольстве Некрасовым самого Ч. и его жены. 16 октября 1862 г. она пишет, что Ольга Сократовна Чернышевская не подозревает о долге мужа в 14 тысяч (такую цифру называет Некрасов, однако, конечно, «совсем не с тем, чтобы считать его за ними») перед журналом, в связи с чем не стоит мешать Некрасову в каком-то его деле (2, II: 322). В письме от 5 ноября 1862 г. говорится уже, что О. С. просила Ч. не иметь дел с Некрасовым. Тут же сообщается о распоряжении Некрасова ежемесячно выплачивать О. С. 150 рублей из собственных денег (там же: 326). 18 декабря речь идет о запрете Ч. брать деньги у Некрасова в связи с тяжелой болезнью О. С. Пыпина пишет: «Видно, что он не соглашается с расчетом Некрасова по «Современнику», о котором, впрочем, едва ли знает что-нибудь верное» (там же: 330).

Е. Н. Пыпина передает слух, что условием продолжения своего сотрудничества в «Современнике» М. А. Антонович ставит полное списание долга

и назначение постоянного содержания из денег редакции семье Ч. Однако в воспоминаниях Антоновича и Г. З. Елисеева возникает другой мотив ссоры между Некрасовым и Ч. После ареста Ч. редакция «Современника» почти полностью состояла из людей, рекомендованных или одобренных им (А. Н. Пыпин, М. А. Антонович, Ю. Г. Жуковский). Важным вопросом было, решит ли Некрасов сохранить направление журнала после приостановки. По словам Г. З. Елисеева, Некрасов якобы уверял московских друзей в том, что рад, пусть и таким способом, «избавиться от него [Ч.] и от того ярма, в котором держал его Ч., самовольно и самоуправно распоряжавшийся в журнале». Елисеев и Антонович начинают сотрудничать в издававшейся Очкиным газете «Очерки». Некрасов узнал об этом из объявления об издании «Очерков». Он уверил Антоновича, что намерен продолжать журнал с теми же сотрудниками и в том же направлении, что слух – только месть его «бывших приятелей» за то, «что он отверг их и стал на сторону тех людей, которые им антипатичны» (24: 195-197, 226-229). По-видимому, тот же слух опровергает Некрасов в письме к Ф. М. Достоевскому от 3 ноября. Он пишет, что вынужден взять назад слово об обещанных для «Времени» двух своих стихотворениях: до выхода первого номера «Современника» он не может публиковаться в других журналах, чтобы не дать повода к новым толкам о «предательстве» Ч. и старого направления своего журнала. Таким образом, в это время Некрасов старался сохранить репутацию «Современника», в том числе и связь ее с фигурой Ч., и участие его в мистификации Ч. оказывается бессмысленным.

Некрасов тоже беспокоился о судьбе Ч. В апреле 1863 г., получив письмо студентов с рассказом П. В. Яковлева (свидетеля по делу Ч.) о том, как его заставили быть лжесвидетелем, Некрасов вручил его А. Л. Потапову (управляющему III отделения), и 24 апреля комиссия отстранила показания. В декабре 1873 г. Некрасов помогает издать на собственные средства перевод Ч. «Основ политической экономии» Милля. В августе 1875 г. Некрасов по просьбе А. Н. Пыпина собирался хлопотать об облегчении судьбы ссыльного

Ч. и переговорить об этом с А. А. Абазой и товарищем шефа жандармов Н. В. Мезенцовым. Неизвестно, осуществил ли он свое намерение или нет, - в положении Ч. изменений не произошло.

Перед отправкой Ч. на каторгу Пыпин хлопотал о разрешении последнего свидания с родными и друзьями, в списке друзей был и Некрасов. Свидание было разрешено 19 мая 1864 г. (в день гражданской казни), однако Некрасов на нем не присутствовал (в это время он был за границей). По воспоминаниям М. А. Антоновича, Некрасов всячески отговаривал его и Г. З. Елисеева участвовать в этом ходатайстве, «которое Ч. не принесет никакой пользы, а нам может очень повредить», и не присутствовал на свидании, не смотря на просьбу Ч. о встрече, чтобы договориться о дальнейшей работе из ссылки под псевдонимом. (24: 222).

19 мая состоялась гражданская казнь Ч. Многие сочувствующие пришли, чтобы присутствовать на ней. Когда казнь закончилась и Ч. стали увозить, люди пытались преследовать карету, женщины бросали букеты. Некоторые были арестованы, в том числе М. П. Михаэлис (39: 286-288; 68).

Каторжные работы Ч. отбывал сначала на Иркутском солеварном заводе, с конца июля 1864 г. – в Кадаинском руднике (Нерчинского округа), а с конца 1866 г. – на Александровском заводе. В январе 1872 г. Ч. прибывает на поселение в Вилюйск. В 1875 г. И. Н. Мышкин предпринимает попытку освободить Ч.: переодевшись в костюм жандармского офицера, он требует передать ему Ч. для перевода в Благовещенск. План его не удался (39: 77-78). В сентябре 1883 г. Ч. отправляют в Астрахань. В 1888 г. снимают особо установленный за Ч. надзор, переводят его под наблюдение общего сыска. В июле 1889 г., по просьбе родных, ему было разрешено переехать в Саратов.

В заключении Ч. продолжает писать. Меньше, чем за 5 месяцев, был написан роман «Что делать?» (14.12.1862-4.04.1863). На этом история романа могла бы закончиться. 3 февраля Некрасов потерял рукопись первых глав, полученную от А. Н. Пыпина. 5 февраля в №№ 29-31 «Ведомостей С.-

Петербургской городской полиции» Некрасов печатает объявление о потере рукописи с заглавием «Что делать» на углу Литейной и Бассейной, с обещанием 50 рублей сер. тому, кто ее вернет (1, XIII₁: 177, 454). 8 февраля рукопись была возвращена в редакцию (2, II: 341).

Роман был пропущен цензурой и напечатан в «Современнике» (№№3-5 за 1863г.). Однако сразу после публикации цензору В. Н. Бекетову, пропустившему его, велено было подать в отставку.

Надежных свидетельств о реакции Некрасова на роман нет. П. В. Анненков, нетерпимый к Ч., в письме к Тургеневу от 7(19).05.1863 г. говорит: «Чернышевского роман <...> возбуждает *молчаливое* отвращение, даже в редакторах «Современника», заплативших ему 4 т. сер., которые 4 т. в это отвращение, вероятно и входят доброй частью. Молчание тут не нарушалось бы и при выпуске автора из крепости, ибо надо было бы говорить вообще с омерзением к лицам и произведению вообще, а на это не всякий раз охота бывает» (18: 137).

Ч. пишет преимущественно беллетристические произведения. За время заключения в крепости - повесть «Алферьев» (незаконч.), роман «Повести в повести» (незаконч.), «Мелкие рассказы». От написанного на каторге и в ссылке сохранилась лишь малая часть: роман «Пролог», повесть «История одной девушки», «Драма без развязки» и рассказ «Потомок Барбаруссы» (части неосуществленного замысла «Книги Эрато» - энциклопедии в популярно-беллетристической форме), пьеса «Мастерица варить кашу», «Академия лазурных гор» и незаконченный роман «Отблески сияния». Многие Ч. сразу после записи уничтожал.

За год до смерти Некрасов решает оставить часть своего имущества семье Ч. В записной книжке А. Н. Пыпина от 9 марта 1876 г. говорится: «Он [Некрасов] стал говорить – “только вы никому не говорите”, - что он сделал распоряжение о своих сочинениях – он отдал их сестре [по завещанию Н. все авторские права на его сочинения действительно переданы А. А. Буткевич –

С. К.] с тем, чтобы она из денег употребила известную часть для Н. Г. жены и детей» (3, 49-50: 194).

С умирающим Некрасовым Ч. прощается через А. Н. Пыпина: «...Скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов.

Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума. И, как поэт, он, конечно, выше всех русских поэтов» (11, XV: 88). В письме от 5.10.1877 г. Пыпин передает ответ Некрасова: «Скажите Н. Г., что я очень благодарю его, я теперь утешен, его слова дороже мне, чем чьи-либо слова» (12: 463).

Ч. умер от кровоизлияния в мозг в Саратове 17 (29) октября 1889 г. от кровоизлияния в мозг..

Тесная связь Ч. и Некрасова в жизни не могла не отразиться на их творчестве. Прямые отсылки и намеки на фигуру Ч. несколько раз встречается в стихотворениях Некрасова. Традиционно считается адресованным Ч. стихотворение «Пророк». Однако долгое время адресат и датировка стихотворения были спорны.

Впервые оно было напечатано в 1877 г. в №1 «ОЗ» под заглавием «Пророк (Из Барбье)», с подписью: "Н. Н." и без последней строфы. Рассказ Некрасова об этом стихотворении описан в воспоминаниях П. В. Григорьева (Безобразова), напечатанных в женевской газете «Правда» (№№16, 17, 19, 20): "Вот вы говорите в ваших статьях о моих характеристиках Белинского, Добролюбова, Писарева... - говорил мне поэт. - У меня есть еще портрет Н. Г. Чернышевского... Хотите, я вам прочту его? Я просил. Он как-то вовсе по-детски встал, покачался на одном месте и прочел мне стихи: "Не говори: забыл он осторожность..." (5, III-IV: 647-659). Однако некоторые исследователи склонны были видеть в этом стихотворении не конкретный адресат, а не-

кий собирательный образ революционера 70 гг. (6, 2: 89). Чешихин-Ветринский считал, что в качестве прототипа героя этого стихотворения вполне мог выступать народник Д. А. Лизогуб или Глеб Успенский (32: 202-205; 34: 104-105). Сомнения, однако, рассеялись с находкой подаренного Некрасовым И. Н. Крамскому экземпляра «Последних песен», в котором печатное заглавие стихотворения было зачеркнуто и вместо него указано: «В воспоминание о Ч.». Кроме того, на фигуру Ч. могут указывать строчки, отсылающие к его теории разумного эгоизма: «Жить для себя возможно только в мире, // Но умереть возможно для других!»

Проблема датировки традиционно решается в пользу 1874 г. (8 августа, в ночь) – даты, указанной на обнаруженном К. И. Чуковским автографе стихотворения. Высказывались и другие предположения (см. 44: 104-117). В основном гипотезы развивались по двум направлениям: стихотворение написано до ареста Ч., в 1861-1862 гг., а вариант 1874 г. – лишь список (47: 5-12); стихотворение написано в 1862--1864 гг., во время заключения Ч. в крепости, а найденный автограф – либо поздняя обработка, либо подготовка стихотворения к печати (48: 186-190). При этом одним из основных аргументов является указание на неуместность в 1874 г. фразы: «Его еще покамест не распяли». В образе распятия, креста видят указание на гражданскую казнь Ч. в 1864 г. Отчасти логичность такой параллели находит себе подтверждение в воспоминаниях современников. Герцен писал о правительстве как о злодеях, «привязывающих мысль человеческую к столбу преступников, делая его товарищем креста» (32: 173).

В ПСС отмечают еще 2 стихотворения как содержащие образ Ч.: «Притча» и «Мать» («Она была исполнена печали...») (впервые опубликовано: «Отечественные записки», 1868, № 10, с датой «1868»). Делается это на основании статьи В. Е. Евгеньева-Максимова во II Некрасовском сборнике. В стихотворении «Мать» Евгеньев-Максимов видит «незримое присутствие» образа Ч. Кажется, это утверждение не дает ничего существенного для пони-

мания стихотворения: его нельзя опровергнуть, как нельзя с ним и согласиться. Содержание стихотворения настолько общо, что вряд ли можно найти в нем указание на конкретную историческую личность; усмотреть в образе матери указание на О. С. Чернышевскую тоже трудно: маловероятно, что в ее уста Некрасов мог бы вложить подобные слова. Можно привести и формальный довод: в 1868 г. у Чернышевских было 2 сына (средний сын Виктор умер в 1860 г.). Наконец, сам Некрасов в комментарии к стихотворению не дает повода читать это стихотворение именно так: "Думаю - понятно: жена сосланного или казненного..." (10, IV: LXXVII). О других стихотворениях, прототипом героя которых мог послужить Ч., см. 6, II; 35: 196-202.

В 1883-1884 гг. Ч. о просьбе А. Н. Пыпина записывает свои воспоминания о Некрасове. Это «Воспоминания о Некрасове» (рассказ о приходе в «С-к» и первой встречи с Некрасовым), «Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым» (впервые опубликовано Е. А. Ляцким в «Современном мире», 1911 г., №9), «[Заметки о Некрасове]».

«Заметки о Некрасове» были написаны по поводу выхода его посмертного собрания сочинений и состоят из трех разделов: «Заметки при чтении "Биографических сведений" о Н. [сост. А. М. Скабичевским – С. К.], помещенных в I томе "Посмертного издания" его "Стихотворений", СПб, 1879; «Заметки при просмотре "Примечаний" (к стихотворениям Н.), помещенных в IV томе "Посмертного издания" его стихотворений, СПб. 1879» и «Заметки к "Своду статей о Н.", помещенному в том же (IV) томе» [сост. А. М. Скабичевским и С. И. Пономаревым – С. К.]. В первой части Ч. делает некоторые биографические уточнения (о том, что повлияло на решение Н. поступать в университет) и касающиеся характера Н. (отсутствие в нем всякой «загадочности», приписанной ему Ф. М. Достоевским, его скромность и умение владеть собой). Во второй части Ч. комментирует стихотворения Некрасова «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» и «Тяжелый крест достался

ей на долю» и осуждает манеру комментаторов издания поправлять стихи. Первое стихотворение, пишет Ч., не было переводом, так как он сам перевел на французский заглавие, а Тургенев его поправлял. Относительно второго Ч. объявляет, что прототипом его была не мать Некрасова, а А. Я. Панаева. Однако доказательств Ч. не приводит, а образ в стихотворении больше соответствует по набору мотивов образу матери в стихах Некрасова.

Отдельные воспоминания о Некрасове сохранились также в письме Ч. к А. Н. Пыпину от 25.02.1878. В нем Ч. рассказывал о том, как играл Некрасов: Ч. уверен, что это была честная игра; о плохой образованности Некрасова при необыкновенном уме, о попытках его, Ч., просвещать Некрасова рассказами и о возникавших от этого у Некрасова досады и некоторого отчуждения, об отношениях Некрасова с А. Я. Панаевой, о ссоре брата А. Я. с братом Некрасова и о разрыве, который лег в основу стихотворения «Давно отвергнутый тобою...» (11, XV: 143).

В «Заметках о Н.» Ч. отрицал свое влияние на взгляды Некрасова. Он доказывал это разницей их статусов. Некрасов был поэт, «и мила ему была только поэтическая часть его литературной деятельности. То, что нужно было знать ему, как поэту, он знал до знакомства со мною, отчасти не хуже, отчасти лучше меня» (11, I: 746). Ч. был критик, а не поэт, и «та точность решений, которая нужна в статьях политического или экономического содержания, противна духу поэзии...» (там же) Поэтому, говорит Ч., все идеи, которые Некрасов мог почерпнуть в общении с ним, не были важны для него. В качестве примера Ч. рассказывает, как Некрасов был удивлен и разочарован в день обнародования манифеста об отмене крепостного права, несмотря на то, что Ч. не раз говорил о том, что грядущая реформа не даст настоящего освобождения (11, I: 748). Все изменения в творчестве Некрасова Ч. приписывает исключительно ослаблению после 1856 г. цензуры, а не сближению с «новыми людьми» — им и Добролюбовым.

В переписке Некрасова встречаются высказывания в защиту взглядов Ч.: «...Когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, - т.е. больше будем любить – любить не себя, а свою родину» (1, X: 283) (ответ на письмо Л. Н. Толстого, в котором тот обвиняет Ч. за неумеренную озлобленность). Та же мысль - в письме к Тургеневу 18.12.1856: «Какого *нового* направления он [Л. Н. Толстой – С. К.] хочет? Есть ли другое – живое и честное, кроме обличения и протеста?» (1, XIV₂: 44-45) Однако все эти отзывы слишком неконкретны, чтобы относить их к конкретным идеям Ч., и отражают скорее традицию изображения деятеля того времени (ср. стихотворение 1860-1861 г., содержащее образ, очень похожий на тот, который рисует Некрасов, говоря о Ч., «Тургеневу»: «Во лжи дремать ты не давал,/ Клеймя и проклиная...»).

Ч. всегда с восхищением отзывался о поэзии Некрасова. В 1856 г. он писал поэту: «По моему мнению, Вы сделаете гораздо больше, нежели сделали до сих пор – Ваши силы еще только развиваются. Вы – как поэт – человек еще молодой. Что выйдет из Вас со временем, я не могу сказать, хотя имею основание предполагать разные приятные вещи <...> Вы одарены талантом первоклассным, вроде Пушкина, Лермонтова и Кольцова <...> людям состоятельным критика может быть полезна, когда в состоянии обнаружить недостатки в их убеждениях <...> Вам опять-таки критика вовсе не нужна: я не знаю, какие ошибочные убеждения нужно было бы Вам исправлять в себе» (11, XIV: 315-316). «Такого поэта, как Вы, у нас еще не было. Пушкин, Лермонтов, Кольцов, как лирики, не могут идти в сравнение с Вами <...> Ваши произведения, изданные теперь, имеют более положительного достоинства, нежели произведения Пушкина, Лермонтова и Кольцова. Но этим, конечно, нельзя удовлетвориться. Надобно желать гораздо большего, - надобно желать, чтобы мы были принуждены забыть для Вас о Пушкине, Лерм., Кольцове <...> как для Лермонтова забыли об Огареве и т. д., как для Гоголя забыли о прежних романах» (11, XIV: 322). Произведения Некрасова

«имеют больше положительного достоинства», чем произведения Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Некрасов имеет силы, чтобы затмить всех этих поэтов. Ч. предостерегает Некрасова от «бесплодных» сожалений об отсутствии образования. (Похожее рассуждение повторяется в письме Ч. к А. Н. Пыпину от 25.02.1878 г. Он видит сходство судеб О. С. Чернышевской и Некрасова в презрении к «педантам»: им обоим «было обидно общество людей хорошо образованных...», отчего становилось невозможным стремление к образованию (11, XV: 142).) Стихам Некрасова с «тенденцией» Ч. предпочитает лирические: «...Лично на меня Ваши пьесы без тенденции производят сильнейшее впечатление, нежели пьесы с тенденциею. “Когда из мрака заблуждения...” “Давно отвергнутый тобою...” “Я посетил твое кладбище...” “Ах, ты, страсть роковая, бесплодная...” и т. п. буквально заставляют меня рыдать, чего не в состоянии сделать никакая тенденция» (там же).

На этот счет сохранились записи современников. Н. А. Панов, автор неоконченной монографии о Некрасове, так передает слова Ч.: «Его [Некрасова] не все из нас понимали и любили, но он-то видел нас насквозь и, ох, как понимал. Зоркое око имел покойный и был подчас немножко строптив; да ведь надо знать – что пережил... не легче, пожалуй, моей каторги. А поэт был большой, как Пушкин, как Лермонтов <...> Интеллигенция, молодежь его любит, многие почти наизусть знают; но кое-кто поохладел, забывать начинает. Не беда: после оценят, да еще как <...> Если хочешь, чтобы тебя слушали, надо рыдать и смеяться, как Байрон, Гейне, Гоголь, Некрасов. Кстати, мнение Гоголя о будущности русской поэзии: “Скорбью ангела загорится наша поэзия”. Пророчество сбылось на Некрасове» (3, 49-50: 600-602). М. П. Краснов, литературный секретарь Ч., вспоминает, что однажды Ч. разрыдался за чтением стихотворения «Рыцарь на час» (там же: 602), а стихотворение «Тяжелый крест достался ей на долю...» назвал лучшим на русском языке.

Ч. намеревался издать материалы для биографии Некрасова и начал их собирать (см. его письмо к А. В. Михайлову 24 августа и к М. Н. Чернышевскому 17 октября 1888 г. с просьбой написать А. Я. Панаевой – (11, XIV: 743, 752)), но не успел осуществить задуманное. За свою жизнь Ч. стремился написать биографии только двух людей: Добролюбова и Некрасова.

Произведения Ч. полны цитат из Некрасова. В романе «Что делать?» Вера Павловна поет положенное на музыку стихотворение «Тройка» (11, XI: 24); Кирсанов и Вера Павловна читают поэму «Коробейники», «которая еще не скоро будет напечатана» (11, XI: 251-252) (написана и напечатана в 1861 г., между тем как действие романа происходит в 1856 г. И. Г. Ямпольский видит в этом сознательный анахронизм (6, XI-XII: 99), намекающий, видимо, на цензурные трудности, с которыми столкнулся Некрасов после выхода сборника своих стихов в 1856 г.; цензурных трудностей при публикации поэмы не было); Катя Полозова с хором исполняют "Давно — отвергнутый тобою..." и "Песню Еремушке" (11, XI: 326-327); дама в трауре поет отрывок из «Нового года» (11, XI: 336). То же стихотворение Ч. цитировал в статье "Критика философских предубеждений против общинного владения" (11, V: 392). Подробный перечень стихотворных цитат Некрасова приведен в статье И. Г. Ямпольского «Стихи Некрасова в произведениях других писателей» (6, XI-XII: 87-104).

Сохранилось 5 писем Некрасова к Ч. и 7 писем Ч. к Некрасову.

1. ПСС, X, 238, 283; XIII₁, 177, 454; XIII₂, 240-241, 344-345, 601, 681-682; XIV₂, 13, 28, 39, 44-45, 68, 87, 105-104, 115, 147, 194, 227; 2. *Летопись*, II: 54, 55, 278, 322, 326, 330, 341, 435; 3. *ЛН*; 25-26: 576-585; 49-50: 194, 600-602; 67: 124-126; 4. *Переписка Н.*; 5. *Зв.*, III-IV: 583, 647-659; 6. *Некр. сб.*, XI-XII, 99, 87-104; XIII, 121-125; 7. *Ст 1879*; 8. *Ст 1920*; 9. *Переписка Ч. с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым. 1855-1862. М.-Л., 1925*; 10. ПССТ 1927, IV, LXXVII; 11. *Чернышевский.*, I, 282, 289, 322, 338, 714-722,

730, 746, 748, 750; V, 392, 644; VII, 713, 849-854, 1025; XI, 24, 251-252, 326-327, 336; XII, 449; XIV, 69, 306, 315-316, 322, 337, 379, 397-398, 419, 445-446, 455, 461, 464, 723, 734, 743, 752, 830; XV, 88, 142-146, 353, 432, 734, 793-794, 801-802; 12. *Чернышевский Н. Г. 1828-1928. Неизданные тексты, материалы и статьи.* Саратов, 1928. С. 174, 463; 13. *Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского.* М., 1953. С. I, 142; 14. *Герцен*, XXVII₁: 244; XXVII₂: 707-708; 15. *Боград Совр* (по указ.); 16. *Тургенев 2, Письма*, III, 42—43; 17. *Переписка Тургенева*, I: 144, 153, 527; 18. *Анненков. Письма к Тургеневу*, I, 95, 137; 19. *Пытин А. Н.* Н. А. Некрасов. СПб, 1905; 20. *Пытин А. Н. Мои заметки*, М., 1910; 21. *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.) Н. А. Некрасов в воспоминаниях, письмах и несобранных произведениях.* М., 1911; 22. *Панаева А. Я. Воспоминания.* Л., 1927; 23. *Стахевич С. Г. Среди политических преступников.* // Н. Г. Чернышевский. М., 1828-1928; 24. *Шестидесятые годы 1933*, 195-197, 214-215, 222, 226-229; 25. Н. А. Некрасов. Сборник статей и материалов под ред. В. Евгеньева-Максимова. Л., 1938; 26. *Никитенко* (по указ.); 27. Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 131, 166-167, 173, 238, 344; 28. *Анненков П. В. Литературные воспоминания.* М., «Правда», 1989; 29. *Анненков П. В. Литературные воспоминания.* М., «Правда», 1989; 30. *Лемке М. К. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского.* СПб, 1907; 31. *Евгеньев В. Памяти Н. Г. Чернышевского* // *Жизнь для всех.* 1915, № 1. С. 136; 32. Материалы для биографии П. Л. Лаврова, 1921; 33. *Чешихин-Ветринский В. Е. Н. Г. Чернышевский.* Петроград, 1923. С. 173, 202-205; 34. *Чуковский К. И. Некрасов. Статьи и материалы.* Л., 1926; 35. *Чешихин-Ветринский В. Е. Г. И. Успенский. Биографический очерк.* М., «Федерация», 1929. С. 104-105; 36. *Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов и его современники.* М., Федерация, 1930. С. 196-202; 37. *Евгеньев-Максимов. Совр. I*, 196-202; 38. *Евгеньев-Максимов. Совр., II*; 39. Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин. Статьи и материалы. М., 1940; 40. *Скафтымов А. Жизнь и деятельность Н. Г.*

Чернышевского. Саратов, 1947. С. 68, 77-78, 286-288; 41. Козьмин Б. П. Выступление Герцена против «Современника» в 1859 г. // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1952, т. XI, вып. 4; 42. Вольная русская поэзия второй половины XIX века («Библиотека поэта». Изд. 2-е). Л., 1959; 43. Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. 4. Саратов, 1965. С. 104-117; 44. Коротков Ю. Господин, который был в субботу в Фулеме. // Прометей. М., 1971. Т. 8; 45. Чуковский К. И. Несобранные статьи о Некрасове. Калининград, 1974; 46. Нечкина М. В. Революционная ситуация в России в 1859--1861 гг. Чернышевский и его эпоха. М., 1979. С. 5-12; 47. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1980 г. Л., 1984. С. 186-190; 48. Лебедев Ю. В. В середине века. М., 1988.

С. К.

ЧИКАЛЕВ (?) Стефан Александрович (ок. 1784 - 07.07.1848), священник. Получил образование в ярославской духовной семинарии (2). С 30 октября 1807 г. по день кончины служил в с. Абакумцево (Некрасовы являлись прихожанами местного храма). Согласно исповедным росписям поэт приходил к местному батюшке на исповедь (3). Скончался Ч. от холеры (4). Портрет некоего протоиерея Стефана запечатлен поэтом в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1).

1. ПСС, V, 272; 2. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Ед. хр. 13261. Лл. 2 об. – 3; 3. Там же. Ед. хр. 1266. Л. 1333 об; 4. Там же. Оп. 2. Ед. хр. 753. Л. 959 об.

Г. К.

ЧУБУКОВ Алексей Федорович (ок. 1801 -), преподаватель черчения и рисования в ярославской гимназии, из обер-офицерских детей. В 1816 г. окончил курс в московской гимназии (3). Затем поступил слушателем по словесному отделению в Московский университет. В 1823 г. вступил в службу

копиистом и чуть позже подканцеляристом ярославской палаты гражданского суда. В 1827 г. поступил писцом в бухгалтерию ярославской гимназии. В 1830 г. служил помощником архитектора в Московской строительной комиссии. В 1833 г. поступил к должности преподавателя черчения и рисования в ярославской гимназии. В 1833/34 году на экзамене по черчению и рисованию Некрасов получил «двойку» (2). В следующем году на экзамен по этим дисциплинам не явился. В 1835/36 г. средней ежемесячной оценкой у него была «двойка». С сентября по декабрь следующего учебного года поэт занятий не посещал. Учиться начал с января. По черчению и рисованию Ч. за этот месяц поставил «ноль» (1). Это был единственный «ноль» за все время обучения Некрасова в ярославской гимназии. Однако в следующие месяцы поэт исправился, «вытянув» этот предмет на «двойку».

1. *Васильев П.П.* Материалы для биографии Н.А. Некрасова // Мирской толк. 1879. № 46. С. 430. (Учебная ведомость Н.А. Некрасова за 1836/37 г.); 2. *Евгеньев В.Е.* Н.А. Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914. Таблицы № 1, 2, 3. (Учебные ведомости Некрасова за 1833/34, 1834/35, 1845/36 гг.); 3. *Красильников Г.В.* Гимназические учителя Н.А. Некрасова // Краеведческие записки: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославль, 2005. Вып. VIII. С. 472.

Г. К.

***ЩАПОВ** Афанасий Прокофьевич (5(17).10.1831, с. Анга Верхотенского у. Иркутской губ. — 27.02(10.03).1876, Иркутск) — историк, публицист; политический ссыльный, сибирский сотрудник «Отечественных записок» Некрасова и др. журналов («Век», «Время», «Дело», «Русское слово», «Записки Сибирского отдела РГО»). Род. в семье пономаря. Окончил Казанскую духовную академию (1856). Читал курс русской истории в духовной академии (1856—1861) и Казанском университете (1860—1861). В 1861 аре-

стован за речь на панихиде по убитым восставшим крестьянам (с. Бездна) и доставлен в Петербург, где с ним познакомился *Н. Г. Чернышевский*. Первоначально в качестве наказания предполагалось отправить Щ. в монастырь. Эта мера не была осуществлена благодаря акции протеста, одним из инициаторов которой стал Чернышевский; в письме к *А. А. Краевскому* он упоминает фамилию Некрасова в числе участников акции (*Чернышевский*: XIV, 447—448, 831). С 1862 находился под полицейским надзором. В 1863 сформировал вокруг себя кружок молодежи, считавшей себя последователями идей Чернышевского (в большой степени из студентов Медико-хирургической академии); этот кружок упоминался в деле III Отделения «О тайных обществах» в связи с т. н. «Знаменской коммуной» (6: 71, 450—451). В 1864 выслан в Сибирь (в с. Ангу, затем в Иркутск) по подозрению в связях с *А. И. Герценом* и *Н. П. Огаревым*. В Сибири продолжает деятельность историка и этнографа, сотрудничает в ж. «Дело», «Записки Сибирского отдела РГО» и др. В историографии выступал в 1856—1864 под влиянием С. В. Ешевского и *Г. З. Елисеева* т. н. «земско-областнической теории»; позднее в изучении истории руководствовался естественнонаучными методами под влиянием Чернышевского, *Д. И. Писарева*, Г. Т. Бокля; настаивал на важности изучения влияния географического фактора и экономической жизни. Написал ряд трудов по истории раскола и сектантства, которые, по его суждению, были формой народного протеста против социального гнета.

Знакомство Щ. с Некрасовым, по-видимому, носило заочный характер. В 1859 в «Современнике» напечатан критический отзыв на первый крупный труд Щ. «Русский раскол старообрядства» — «Что иногда открывается в либеральных фразах» (3: 000). Статья была написана *М. А. Антоновичем* и выправлена *Н. А. Добролюбовым* (11: 000; 12: 000). При личной встрече Щ. с Чернышевским обозначились разногласия, которые препятствовали сближению Щ. с «Современником». В период с 1870 по 1874 в «Отечественных записках» публикуется 4 его труда: «Естественно-психологические условия

умственного и социального развития русского народа» (1870, 3, 4, XII), «О развитии высших человеческих чувств (1872, 10), «Развитие человеческой способности питания» (1873, 1), «Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества» (1873, 3, 7; 1874, 5, 6).

Публикация статьи «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа» в № 3 ОЗ представляла опасность для журнала: *А. Н. Краевский* в письме предупредил Некрасова, что за эту статью по требованию III отделения в Главном управлении по делам цензуры журналу «готовят громы». Некрасов внес сокращения в статью и снабдил ее редакционным примечанием, дезавуирующим ее политическую остроту (1: XIII₁, 261; 2: III, 000).

Публикация в ОЗ 1873 статьи Щ. «Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества», запрещенной к печати в 1871, была приостановлена, по всей видимости, напечатанием этой статьи *Г. Е. Благовословым* в «Деле» без согласия автора. В письме «В редакцию “Отечественных записок”» Щ. высказывает намерение предать гласности неблагоприятный поступок Благовосломова и признание, что участие в «Отечественных записках» для него «стало единственным утешением в Сибири» (ЛН, 51—52, 550—551).

Письма Щ. к Некрасову, как и Некрасова к Щ., неизвестны. Однако, возможно, личная переписка была, т. к. Некрасов знал о бедственном положении Щ., умиравшего от туберкулеза, и на заседаниях Комитета Литературного фонда 04.01.1876 и 09.01.1876 ходатайствовал о выдаче ему пенсии в размере 300 руб. (2: III, 000, 000).

1. ПСС: XIII₁, 260, 261, 526; XV₂, 17, 82, 166, (160), 215; 2. Летопись: II, 294, 345; III: по указ.; 3. *Боград В. Э.* Журнал «Современник» 1847—1866: Указатель содержания: по указ.; 4. *Боград ОЗ*, по указ.; 5. ЛН, 51—52, 550—551, 475—476; 6. ЛН, 71, 450—451; 7. *Некр. сб.* II, 61; 7. Сочинения А. П.

Щапова: В 3-х т. СПб., 1906—1908; 8. Собр. соч. Дополнит. том к изданию. Иркутск, 1937; 9. Неизданные соч. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 33, в. 2—3. Казань, 1926; 10. А. П. Щапов в Иркутске: (Неизданные материалы). Иркутск, 1938; 11. Перв. полн. СОБР. соч. Добролюбова, под ред. М. Лемке, III. СПб., 1911. Стлб. 609 сн.); 12. *Антонович М. А.* Из воспоминаний о Н. А. Добролюбове // Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников; 13. *Чернышевский Н. Г.* Полн. СОБР. соч.: В 16 т. XIV: 447—448, 831, 864; XVI, 864; 14. *Аристов Н. Я. А. П. Щапов.* (Жизнь и сочинения), СПб. 1883.

М. С.

ЩЕПКИН Николай Михайлович (28.2.1820-14.8.1886) – сын знаменитого артиста Щепкина М.С., общественный деятель, издатель. Родился в Полтаве, где в то время жил его отец. Обучался в Московской 1-й гимназии и на естественном отделении Московского университета. В 1844 г. получил степень кандидата. В этом же году поступил на службу в Драгунский е.и.в. наследника цесаревича полк. По увольнении в 1847г. уехал в Берлин, где прослушал курс университетских лекций по химии и сельскому хозяйству. После возвращения в Москву посвятил себя общественной деятельности. Состоял гласным Московской думы и Московского губернского земского собрания. Являлся почетным мировым судьей, попечителем городской женской школы, директором Московского городского кредитного общества (3).

Знакомство Щ. и Н.А. Некрасова, по всей видимости, следует отнести к апрелю-маю 1846 года. В это время В.Г. Белинский уезжал с отцом Щ. на юг для поправки здоровья. Некрасов и Белинский прибыли в Москву 28 апреля (2: 218). 16 мая Некрасов, очевидно, был в компании провожающих (2: 221).

О том, что Щ. также находился в это время в Москве, свидетельствует письмо Белинского жене, в котором он подробно рассказывает о поездке. «Сын М.С. Щепкина служит в кавалерийском полку в Воронеже, был долго в

Москве и после нас должен был отправиться в Воронеж», - замечает Белинский (4).

Уже в июле 1846 года в письме к брату П.М. Щепкин сообщает: «Сейчас только воротился от Герцена из Соколова <...> при мне приехал туда прямо из Казани Некрасов. Тебе все живущие в Соколове, а именно Герцен с женой, Грановский с женой и Огарев (в особенности), а также гостивший там Корш с женой, Некрасов кланяются...» (5).

Лично к Щ. Некрасов обращается в письме, датированном 26 октября 1846 года. Некрасов отправляет в Воронеж афишу с первым объявлением новой редакции об издании «Современника» в 1847 г. и в сопроводительной записке к Щ. замечает: «Русь-матушка велика, - скоро ли дойдет до нее, что «Отечеств<енные> записки» переменили квартиру и, приодевшись и примывшись, хотят явиться к ней под именем «Современника». Вероятно, в Воронеже есть и книгопродавец: пусть же он наклеит одно из цветных объявлений на картон и повесит у себя в магазине: оно и украшением может служить». «Пишу к Вам как по собственному побуждению, так и по совету Белинского <...>», - подчеркивает Некрасов (1, XIV₁: 61).

15 февраля 1847 года В.П. Боткин принимает в Москве знакомых и объявляет о необходимости сбора денег для поездки Белинского на лечение за границу. Воспитанник дома Щепкиных К.П. Барсов в письме к Щ. рассказывает о вечере: «...прошлую субботу были все у Боткина, где прямо мне бросилась в глаза на столе кружка жестяная с прорезом. К концу вечера Боткин прочел по его обыкновению за тайну при всех письмо от Белинского, в котором он пишет о своем страшном положении, о своей болезни и о том, что ему надо ехать за границу, а денег ни гроша, что он задолжал уже «Современнику» <...>» (6).

В те же дни Щ. получает письмо от брата (П.Щ.), где тот крайне резко отзывается о Н. в связи с положением Белинского: «Кстати, или, лучше, некстати – ты прав относительно того, что писал о Белинском, - с ним поступи-

ли отвратительно – подло – гнусно...» (6). Осуждение Некрасова за то, что в последний год жизни Белинского он не смог предоставить критику третью долю в доходах вновь организованного «Современника», оказало определенное влияние на отношение семьи Щепкиных к Некрасову как человеку (7).

Во многом это определило то, что в дальнейшем Щ. и Некрасова будут связывать интересы исключительно делового характера. Но не без симпатии со стороны Некрасова.

Так, в апреле 1848 года в письме к И.К. Бабсту Некрасов просит его поклониться Щ., с которым хотел, но не успел встретиться во время поездки последнего в Петербург. «Я был завален делами и притом болен», - замечает Некрасов (1, XIV₁: 108).

5 декабря 1851 года Некрасов отправляет письмо лично Щ., уже видному общественному деятелю, в котором просит посодействовать выходу в свет романа Ип.А. Панаева «Напрасная жертва», представив рукопись в московскую цензуру. Сообщает также, что в ближайшие дни он вряд ли будет в Москве, ибо «очень плох здоровьем» (1, XIV₁: 159-160). Известно, что книга Панаева вышла отдельным изданием в Петербурге лишь в 1857 году. В 1854 году в «Современнике» выходили отдельные части произведения (под названием «Бедная девушка»).

На характер отношений Щ. и Некрасова проливают также свет письма третьих лиц и сохранившаяся документация по ведению дел «Современника».

27 ноября 1855 года В.П. Боткин сообщает Некрасову о праздновании юбилея М.С. Щепкина. «Я было думал написать для тебя легкий очерк его, но без речей он был бы бесцелен. Посылал за ними к Н. Щепкину, даже виделся с ним и условился с ним в следующем: т.к. все материалы для описания этого праздника сданы уже В.Коршу для напечатания в газетах московских, то Н.Щепкин вечером, а я утром пошлю их к тебе, <...> ты получишь их в

среду, т. е. 30 ноября. <...> Для петербургских читателей это будет интересно» (1, XIV₁: 361). Материалы, о которых шла речь, напечатаны в «Современнике» не были.

Сохранился также документ от 5 октября 1859 года за подписью Некрасова. Это его распоряжение И.А. Панаеву о порядке отправки «Современника» в Москву по просьбе Щ., за что с последнего устанавливалась плата - 1 р. 20к. в год (1, XIII₂: 197-198).

Очевидно, экземпляры «Современника» Щ. были необходимы для работы в издательстве, организованном им совместно с К.Т. Солдатенковым еще в 1856 году. При издательстве Щ. держал книжную лавку, так что ознакомление с современной периодикой для преуспевающего книгопродавца было делом немаловажным (8).

Именно в 1856 году Щ. и Солдатенков выпустили сборник «Стихотворения Н.Некрасова». Книга стала одним из первых и успешных опытов молодых издателей. Разрешение на выпуск было дано цензором С.-Петербургского цензурного комитета В.Н. Бекетовым 14 мая, но фактически издание вышло из печати лишь в октябре. Огромный интерес к произведениям Некрасова у читателей и пристальное внимание властей к его деятельности – таковы итоги появления книги (9).

Талант Щепкина-издателя находил безусловное признание на страницах некрасовского «Современника». Так, в №5 журнала за 1851 год в разделе «Критика» дается характеристика учебно-литературному альманаху Щ. «Комета», который он выпускал еще до совместных проектов с Солдатенковым. «Давно уже не являлось у нас такого блестящего литературного сборника... во всех отношениях имеющего право на внимание читающей публики», - говорится в статье.

В №12 «Современника» за 1857 год в разделе «Современное обозрение» Чернышевский упоминает о том, что в Москве открылся книжный мага-

зин Н.М. Щепкина и комп. Автор выражает уверенность «в успехе и процветании этого предприятия».

Имя Щ. не могло не появиться в статье, посвященной собранию сочинений Белинского. В №4 «Современника» за 1859 год в разделе «Библиография» отмечается: «В первом, вышедшем теперь, томе сочинений Белинского помещены критические и библиографические статьи, печатанные им в «Молве» и «Телескопе». <...> Издание, принадлежащее гг. Солдатенкову и Щепкину, очень опрятно, и цена назначена дешевая. Том в 530 страниц, в обыкновенном формате щепкинских изданий, стоит всего один рубль».

Сам Некрасов проявлял немалый интерес к изданиям Щ. и Солдатенкова. В библиотеке писателя, среди прочих книг, значились: «Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым»; «А.Н. Афанасьева народные русские сказки», издание 2; «Сочинения В.Белинского», «Записки об осаде Севастополя Н.Берга»; «Повести и рассказы Д.Григоровича», «Рассказы из русского народного быта Марка Вовчка»; «Стихотворения Н.Огарева»; «Летопись Кая Корнелия Тацита. Перевод Алексея Кронеберга»; «И.А. Худякова великорусские сказки», выпуск 1 (10). Рецензии на произведения издаваемых Щ. и Солдатенковым авторов нередко появлялись в «Современнике» (11).

Известно также, что в 1858-1859 и 1861гг. Щ. издавал журнал «Библиографические записки». На его страницах имеется ряд сообщений, в которых фигурирует имя Некрасова.

Так, в №2 за 1859г. в разделе «Книжные вести» говорится об издании «Портретной галереи русских литераторов, журналистов, художников и других замечательных людей». В статье обозначено: «Первая тетрадь включает в себе 4 портрета: А.А. Краевского, И.И. Панаева, Н.А. Некрасова и Н.М. Львова».

Следующие два сообщения касаются непосредственно сборников стихотворений Некрасова. В №20 «Библиографических записок» за 1859 г. содержится информация о том, что «в Лейпциге перепечатаны стихотворения

Некрасова с издания Н.Щепкина и К. Солдатенкова». А в №20 за 1861г. в разделе «Новые книги» упомянут сборник стихотворений Некрасова, куда «вошли стихотворения, изданные в 1856г. и написанные после». «Из стихотворений 1856г. некоторые оказались с пропусками», - замечает автор статьи.

1862 год явился определенной вехой во взаимоотношениях Некрасова и Щ. В условиях перипетий того времени произошел показательный инцидент.

В феврале 1862 Некрасов был избран в Комитет Литфонда, вместо внезапно выбывшего из него Дружинина. Московские члены Общества не принимали участие в голосовании. Таким образом, они отправили в Комитет официальный протест, прося считать избрание Некрасова недействительным. По всей видимости, инициатором протеста явился Щ. В письме к А.Д. Галахову он замечал: «Вы находите неприличным и бесполезным протестовать против выбора Некрасова. Я со своей стороны считаю этот протест совершенно приличным. <...> Ваши петербуржцы могут со временем сделать бог знает какие выборы. Не приписывайте, пожалуйста, одному неприязненному чувству против Некрасова происхождение нашего протеста. Со своей стороны, могу Вас уверить, что если бы даже Вас выбрали таким образом, то я и тогда протестовал бы. Для меня лично произвольный выбор 5 члена как первый шаг на пути произвола так важен, что я употреблю все свои усилия, чтобы противодействовать ему <...>» (12). Протест желаемого результата не возымел.

О дальнейшем развитии отношений Некрасова и Щ. неизвестно.

1. ПСС, XIII₂, XIV₁; по указ. 2. *Летопись*, I, по указ. 3. Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 6. СПб., 1890. С.131-132. 4. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 томах. М., 1953-1959. Т.12. С.281. 5. *Блинчевская М.* «Написано во время гощения у Герцена...»: О стихотворении Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...» // Вопросы литературы. 1971. №8. С. 254. 6. *ЛН*. Т. 56. С. 187. 7. *М. С. Щепкин. Жизнь и*

творчество. Т. 2. М., 1984. С. 423. 8. История предпринимательства в России. Кн.2. М., 2000. 9. *ЛН*. Т. 51-52. С. 213. 10. *Боград Совр.*, по указ.; 11. *ЛН*, 53—54. С. 366-423. 12. *Сажин В.Н.* Литературный фонд в годы революционной ситуации // *Революционная ситуация в России. Эпоха Чернышевского*. М., 1978. С. 154-155.

Ю. С.

ЯРОШЕНКО (урожд. НАВРОТИНА) Мария Павловна (? , Петербург (?) — 1915, Кисловодск (?)) — жена художника Н. А. Ярошенко; до замужества, по некоторым свидетельствам, считала себя «невестой Некрасова». Дочь коллежского асессора. Одна из первых образованных женщин России: была курсисткой первого набора – окончила женские курсы по естественному отделению. Художница, общественный деятель, организатор женских курсов. Выйдя замуж за Ярошенко, оставила живопись, признавая явное превосходство мужа, «и за всю жизнь, живя душа в душу, ни разу не взяла кистей в руки» (1: 58). Хозяйка известного художественного салона.

По общему мнению, Я. обладала внешней и душевной красотой, умом, богатым и сложным характером. В личном общении с ней знакомые отмечали властность, своеволие, резкость и закрытость. В то же время она проявляла деятельное участие к людям.

Знакомство Я. с Некрасовым относится к периоду до 1874 г. По свидетельству знакомых Я., она никогда ничего не рассказывала о знакомстве с поэтом, кроме двух слов: «невеста Некрасова», которые произносила «всегда вскользь, с оттенком незабытой, горькой обиды» (1: 59). Современники упоминают о фотопортрете «невесты Некрасова» — юной Я. в белом. После смерти поэта Я. приобрела кресло-качалку, в котором, по ее словам, Некрасов провел свои последние дни (очевидно, купленное на аукционе, устроенном вскоре после похорон поэта). Я. не любила, когда кто-либо садился в

этом кресло, находившееся, как и портрет, в комнате ее матери, *А. Е. Навро-тиной* (1: 59).

Сочетавшись браком с Н. А. Ярошенко в 1874 г., Я. была гостеприимной хозяйкой на знаменитых «субботах Ярошенко» в Петербурге на Сергиевской улице. Впоследствии, после переезда супружеской пары в Кисловодск (1885), их «Белая вилла» стала средоточием культурной жизни России. Близкими друзьями Я. были *И. Н. Крамской*, *Н. Н. Ге*, М. В. Нестеров; в доме часто бывали *Г. И. Успенский*, *Л. Н. Толстой* и др.

1. *Порудоминский В.* Николай Ярошенко. М.: «Искусство», 1979.

М. С.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Анненков – Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М., 1983.
- Анненков. Письма к Тургеневу — Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу / Изд. Подгот. Н. Н. Мостовская, Н. К. Жекулин СПб., 2005. Кн. 1—2 («Литературные памятники»).
- Арх. Остр.* – Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского. Из архива А. Н. Островского / Пригот. к печати М. Д. Прыгунов, Ю. А. Бахрушин и Н. Л. Бродский. М.; Л., 1932.
- АСК* – Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову / Примеч. составил Н. Ашукин. М., 1916.
- Ашукин – Ашукин Н. С.* Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.; Л., 1935.
- БВ* — «Биржевые ведомости» (газета).
- Бдч* — «Библиотека для чтения» (журнал).
- Белинский в восп.* — В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977.
- Белоголовый – Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. 4-е изд. СПб., 1901.
- Боборыкин — Боборыкин П.Д.* Воспоминания: В 2-х т. М., 1965.
- Боград, ОЗ – Боград В.* Журнал «Отечественные записки». 1868 – 1884. Указатель содержания. М., 1971.
- Боград, Совр. — Боград В.Э.* Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.; Л., 1959.
- Боткин — Боткин В.П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984.
- ВЕ* – «Вестник Европы» (журнал).
- ВЛ* — «Вопросы литературы» (журнал).
- Г* – «Голос» (газета).
- Гаркави, 1966 – Гаркави А.М.* Н.А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966.

- ГАРФ* – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАЯО* – Государственный архив Ярославской области.
- Герцен – Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954–1966.
- ГИМ* — Отдел письменных источников Государственного исторического музей РФ (Москва).
- ГЛМ* – Государственный литературный музей (Москва).
- ГМ* – «Голос минувшего» (журнал).
- Гоголь* — *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Л., 1937—1952. Т. I—XIV/
- Гончаров – Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1977–1980.
- Григорович – Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. М., 1987.
- Дело Чернышевского* — Дело Чернышевского. Сборник документов / Подгот. текста, вводная ст. и коммент. И.В. Пороха. Саратов, 1968.
- Демченко – Демченко А. А. Н. Г.* Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1978. Ч.3.
- Достоевская* — *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1987.
- Достоевский – Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Дружинин* — *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. М., 1986.
- Евгеньев – Евгеньев <-Максимов> В. Е.* Николай Алексеевич Некрасов. М., 1914.
- Евгеньев-Максимов. Совр. I* — *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 1840—1850 годы. Л., 1934.
- Евгеньев-Максимов. Совр. II* — *Евгеньев-Максимов В.* «Современник при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936.
- Евгеньев-Максимов. Совр. III* — *Евгеньев-Максимов В.* Последние годы «Современника». 1863—1866. Л., 1939.
- ЖМНП* — «Журнал министерства народного просвещения».
- Засодимский* — *Засодимский П.В.* Из воспоминаний. М., 1908.
- Звенья* – Звенья. Собрание материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли. М.; Л., 1932—1936.[Вып.] I—VI; М., 1950—1951. .[Вып.] VIII—IX/

ИВ – «Исторический вестник» (журнал).

Из лит. насл. Решетникова — Из литературного наследия Ф.М. Решетникова. Л., 1932.

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург).

КА — «Красный архив» (журнал).

Карабиха – Карабиха. Историко-литературный сборник. Ярославль, 1991–2009. Вып. 1–6.

КиР – «Книга и революция» (журнал).

КЛФ — Комитет Литературного фонда.

Ковалевский — *Ковалевский П.М.* Стихи и воспоминания: Посмертное издание. СПб., 1912.

Крамской — *Крамской И.Н.* Письма. Статьи: В 2-х т. М., 1965. Т. 1.

Летопись Белинского — *Оксман Ю. Г.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958.

Летопись Герцена, I — *Летопись жизни и деятельности А.И. Герцена. 1812—1850.* М., 1974.

Летопись Герцена, II — Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1851—1858. М., 1976.

Летопись Герцена, III — — Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1859—1864. М., 1983.

Летопись Герцена, IV — Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1864—1867. М., 1987.

Летопись Герцена, V — Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1868—1870. М., 1990.

Летопись Гончарова — *Алексеев А.Д.* Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. М.; Л., 1960.

Летопись Достоевского — Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3-х т. СПб., 1999.

- Летопись Островского* – Коган Л. Р. Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. [М.], 1953.
- Летопись Толстого* — Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. 1828—1890.
- Летопись Тургенева, I* — Никитина Н. С. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858). СПб., 1995
- Летопись Тургенева, III* —Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1867—1870 / Сост. Н.Н. Мостовская. СПб., 1997.
- Летопись Тургенева, IV* — Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1871—1875) / Автор-составитель Н.Н. Мостовская. СПб.,1998.
- Летопись Тургенева, V* —Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883) / Автор-составитель Н. Н. Мостовская. СПб., 2003.
- Летопись Чернышевского* — Чернышевская Н.М. Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского М., 1953.
- Лит. арх. VI* – Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественной мысли. М.; Л., 1961. Вып. VI.
- ЛН* – «Литературное наследство».
- М* — «Москвитянин» (журнал).
- МВ* – «Московские ведомости» (газета).
- Мельгунов 1989* – Мельгунов Б. В. Некрасов–журналист. Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989.
- Мельгунов 1995* — Мельгунов Б.В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете» (хроника, гипотезы, находки). СПб., 1995.
- Мельгунов 1997* – Мельгунов Б. В. «Всему начало здесь...» Некрасов и Ярославль. Ярославль, 1997.
- НВ* — «Новое время» (газета).
- Некр. в восп.* — Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1974.
- Некр. по мат. ПД* – Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Пг., 1922.

- Некр. сб.* – Некрасовский сборник. М.; Л., 1951, 1956, 1966. [Вып.] I – III; Л., 1967, 1973, 1978, 1980, 1983, 1988 [Вып.] IV–X.; СПб., 1998, 2001, 2007. [Вып.] XI – XIV.
- Некр. сб. 1918* – Некрасовский сборник. Неизданные письма и воспоминания, статьи, библиография / Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Пг., 1918.
- Некр. сб. 1922* — Некрасовский сборник: К столетию со дня рождения поэта / Под ред. В.Н. Бочкарева. Ярославль, 1922.
- Никитенко – Никитенко А. В.* Дневник. В 3-х т. [Л.], 1955–1956.
- ОЗ* – «Отечественные записки» (журнал).
- Островский – Островский А. Н.* Полн. собр. соч: В 12-ти т. М., 1973—1980.
- Островский и Бурдин* – А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданная переписка. М.; Пг., 1923.
- Панаев — Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988.
- Панаева — Панаева (Головачева) А.Я.* Воспоминания. М., 1986.
- Переписка* – Переписка Н. А. Некрасова: В 2-х т. / Сост. и коммент. В.А. Викторovichа, Г.В. Краснова, Н.М. Фортунатова. М., 1987.
- Переписка Тургенева* — Переписка И.С. Тургенева: В 2-х т. / Сост. и коммент. В.Н. Баскакова, Т.П. Головановой, Е.И. Кийко, Н.Н. Мостовской, Л.Н. Назаровой. М., 1986.
- ПиР* — «Печать и революция» (журнал).
- Писемский. Письма* — *Писемский А.Ф.* Письма. М.; Л., 1936.
- Письма Елисеева к Салтыкову-Щедрину* — Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину / Подгот. Текста и примеч. И. Р. Эйгеса. М., 1935.
- ПЛ* — «Петербургский листок» (газета).
- Полевой. Дневник* — *Полевой Н.А.* Дневник (1838—1845) / Предисл. и примеч. П.Н. Полевого // ИВ. 1888. № 3. С. 654—674; № 4. С. 163—183.
- ПСС – Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15-ти т. Л.; СПб., 1981–2000.
- ПСС 12* — Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 12-ти т. М., 1948—1953.

- РА* — «Русский архив» (журнал).
- РБ* — «Русское богатство» (журнал).
- РГАЛИ* — Российский государственный архив литературы и искусства (М.)
- РГБ* — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (М.)
- РГИА* — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
- РиП — «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» (журнал).
- Рейтблат. Видок Фиглярин — Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М., 1988.
- РНБ* — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (Санкт-Петербург.)
- Рус. зап.* — «Русские записки» (журнал).
- РЛ* — «Русская литература» (журнал).
- РМир* — «Русский мир» (газета).
- РМ* — «Русская мысль» (журнал)
- РНБ* — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).
- РСт* — «Русская старина» (журнал).
- С* — «Современник» (журнал).
- Салтыков-Щедрин* — *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20-ти т. М., 1965 — 1971.
- Скабичевский* — *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М., 2001.
- СО* — «Сын отечества» (журнал).
- СП* — «Северная пчела» (газета).
- СПбВ* — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).
- Ст 1856* — Стихотворения Н. Некрасова. М.: Изд. К. Солдатенкова и Н.Щепкина, 1856.
- Ст 1861* — Стихотворения Н. Некрасова. Ч. 1—2. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Э.Праца, 1861.

- Ст 1873—1874* — Стихотворения Н. Некрасова. Т. I, ч. 1—2. Изд. 6-е; Т. II, ч. 3. Изд. 4-е; ч. 4. Изд. 2-е; Т. III, ч. 5. Изд. 2-е. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1873; ч. 6 [Изд. 1-е]. Там же, 1874.
- Ст 1879* — Стихотворения Н.А. Некрасова. Посмертное изд. СПб., 1879. Т. I—IV.
- Стасюлевич* — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб. 1910 — 1913. Т. I—V.
- Тарасов* — *Тарасов А. Ф.* Некрасов в Карабихе. 3-е изд. Ярославль, 1989.
- Теплинский*, «Отечественные записки» — *Теплинский М. В.* «Отечественные записки» (1868—1884). История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск, 1966.
- Толстой* — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное издание). Т. 1—90. М.; Л., 1928—1958.
- Тургенев и круг «Современника»* — Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861. М.; Л., 1930.
- Тургенев. Письма (1-е изд.)* — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма: В 13-ти т. М.; Л., 1961—1968.
- Тургенев. Письма (2-е изд.)* — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Изд. испр. и дополн. Письма: В 18-ти т. М., 1982—2003. Т. 1—14. Издание продолжается.
- Тургенев. Соч. (1-е изд.)* — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч.: В 15-ти т. М.; Л., 1960—1968.
- Тургенев. Соч. (2-е изд.)* — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Изд. испр. и дополн. Соч.: В 12-ти т. М., 1978—1986.
- Успенский* — *Успенский Г.И.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1940—1954. Т. I—XIV.
- Чернышевский* — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1939—1953. Т. I—XVI.
- Черняк* — *Черняк Я.З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве (дело Огарева — Панаевой), по архивным материалам. М.; Л., 1933.
- ЯГВ* — «Ярославские губернские ведомости» (газета).

Шестидесятые годы 1933 – Шестидесятые годы. Антонович М.А. Воспоминания.

Елисеев Г. З. Воспоминания. М.; Л. 1933.

Шестидесятые годы 1940 – Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940.